

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
R o k 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА Дзяржаўнага ўніверсітэта
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 10.02.2023. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 22,31. Уч.-изд. л. 26,90. Тираж 50 экз. Заказ 038.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 904:739.1(476.5-21)“9/17”

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-2-5

ХІМІЧНЫ СКЛАД СЫРАВІННАГА МЕТАЛУ ДЛЯ ЮВЕЛІРНАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ X – XVIII стст.
З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ І ЦЭНТРАЛЬНАЙ БЕЛАРУСІ¹

канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)

Прадстаўлены вынікі даследавання хімічнага складу сыравіннага металу для ювелірнай вытворчасці X – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. Аўтар прыходзіць да высновы, што адметнай рысай мясцовай каляровай металаапрацоўкі з’яўляецца пераважнае выкарыстанне высокацынковых шматкампанентных сплаваў, а таксама алавяна-свінцовых сплаваў і неліграваных легкаплаўкіх металаў. Наяўнасць у выбарцы складаных сплаваў з высокімі канцэнтрацыямі цынка ўказвае на непасрэдныя кантакты мясцовых ювеліраў з цэнтрамі руднай здабычы і вытворчасці латуней. Шырокае распаўсюджванне ў XII – XIII стст. алавяна-свінцовых сплаваў звязваецца з павелічэннем тэмпаў культывавага будаўніцтва, даступнасцю сыравіны, лёгкасцю яе апрацоўкі і знешняга падабенства да сярэбра. Адзначаецца, што каляровыя металы паступалі ў рэгіён стандартызавана ў форме зліткаў, а таксама ў выглядзе металічнага лому рознага паходжання.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, гісторыя старажытнай тэхналогіі, ювелірнае рамяство, археаметалургія.

Уводзіны. Важнейшай галіной старажытнай рамеснай вытворчасці з’яўляецца апрацоўка каштоўных і іншых каляровых металаў. Адсутнасць на тэрыторыі Беларусі радовішчаў металічнай сыравіны абумовіла асаблівае да яе стаўленне, што праявілася ў першую чаргу ў выкарыстанні для яе апрацоўкі найбольш прагрэсіўных для свайго часу рамесных прыёмаў і тэхнік. Гэта дазваляе разглядаць ювелірнае рамяство ў якасці індикатара агульнага ўзроўню рамеснай вытворчасці. Важнае значэнне для вывучэння асаблівасцей мясцовай каляровай металаапрацоўкі мае даследаванне хімічнага складу сыравіннага металу, які выкарыстоўваўся рамеснікамі ў паўсядзённай практыцы і з’яўляецца безумоўным указаннем на адметнасці ўжывання тых ці іншых металаў і іх сплаваў у пэўным рэгіёне.

Для тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі асаблівасці хімічнага складу сыравіны для ювелірнай вытворчасці ў X – XVIII стст. часткова даследаваліся па матэрыялах Полацка і гандлёва-рамесніцкага паселішча Бірулі [1; 2]. За апошнія гады намі вывучаны асаблівасці элементага складу 150 прадметаў, якія магчыма аднесці да катэгорыі сыравіннага металу: выплескі і кроплі металу (7 экз.), нарыхтоўкі (17 экз.), літнікі (3 экз.), нацёкі металу (5 экз.), аплаўкі (51 экз.), абрэзкі (20 экз.), дрот (19 экз.), зліткі (25 экз.), стрыжні (2 экз.).

Даследаванні праводзіліся ў аддзеле “Выпрабавальна-даследчы цэнтр” Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай пад кіраўніцтвам С.Ф. Дзенісёнка метадам аптыка-эмісійнага спектральнага аналізу (58 экз.), у Інстытуце фізікі НАН Беларусі пад кіраўніцтвам С.М. Райкова (36 экз.) – па метаду лазернага спектральнага аналізу, а таксама аўтарам артыкула ў археалагічнай лабараторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай (55 экз.) – па метаду рэнтгенафлюарэсцэнтнага аналізу.

Мэта артыкула – увядзенне ў навуковы зварот вынікаў аналізу даных, атрыманых падчас вывучэння хімічнага складу сыравіннага металу X – XVIII стст., які паходзіць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі.

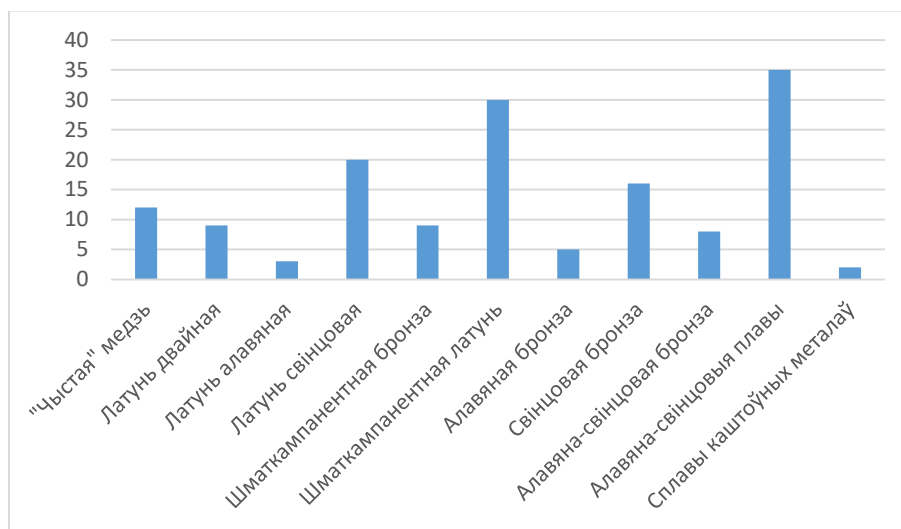
Асноўная частка. У выніку праведзенага даследавання ўстаноўлена наступнае размеркаванне абразцоў па тыпах сплаваў: латуні (32 экз., 21% выбаркі), бронзы (29 экз., 19,5% выбаркі), шматкампанентныя сплавы (39 экз., 26% выбаркі), алавяна-свінцовыя сплавы і неліграваныя легкаплаўкія металы (35 экз., 23% выбаркі), “чыстая” медзь (12 экз., 8% выбаркі), сплавы каштоўных металаў (2 экз., 1% выбаркі) (Дыяграма).

Даследаваныя вырабы храналагічна магчыма аднесці да некалькіх груп: X – XI стст. – 50 экз. (33% выбаркі), XII – XIII стст. – 87 экз. (58% выбаркі) і XIV – XVII стст. – 13 экз. (8,7% выбаркі). Сярод абразцоў сустраэты зліткі (9 экз.), выплеск металу, нарыхтоўкі (4 экз.), дрот (10 экз.), стрыжань, сляды металу ў тыгле і ліцейнай форме (2 экз.), аплаўкі (3 экз.), а таксама два фрагменты пласцінак.

Медна-цынковыя сплавы прадстаўлены двайнымі (9 экз.), алавянымі (3 экз.) і свінцовымі (20 экз.) латунямі. Сплавы вызначаюцца высокімі канцэнтрацыямі цынка, які ў складзе 17 абразцоў перавышае 10%. Пры гэтым у метале асобных вырабаў утрыманне гэтага металу перавышае 20% (злітак X ст. з Бірулей (Zn = 20,98%) і фрагмент дроту XI – XII стст. з Полацка (Zn = 24,17%)). Неабходна таксама адзначыць адносна невялікі працэнт

¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма «Гісторыя», заданне «Археалагічная спадчына як фактар забеспячэння гуманітарнай бяспекі беларускага грамадства», праект «Гаспадарка, культурныя традыцыі і насельніцтва Полацка і Полацкага Падзвіння ў эпоху станаўлення і развіцця гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці ў IX–XVIII стст. »).

свинцовых дамешак, якія толькі ў складзе 8 прадметаў перавышаюць 5%. Канцэнтрацыя волава ў абразцах вагаецца ад 0,002 да 1,35%. Пры гэтым толькі ў складзе трох вырабаў утрыманне гэтага металу перавышае 1% (алавяная латунь).

Дыяграма. – Размеркаванне сыравіннага металу X – XVIII стст. па тыпах сплаваў

Такім чынам, мясцовыя рамеснікі мелі доступ да высока якаснай медна-цынкавай сыравіны, якая вызначаецца высокім працэнтам утрымання цынка і мінімальнымі дамешкамі іншых металаў. Пры гэтым, латунь не з'яўлялася асноўнай у каляровай металаапрацоўцы рэгіёна.

Бронзы сярод даследаваных прадметаў прадстаўлены алавянымі (5 экз.), свінцовымі (16 экз.) і алаваяна-свінцовымі вырабамі (8 экз.). Сярод абразцоў сустрэты артэфакты X – XI стст. – 12 экз. і XII – XIII стст. – 17 экз. Бронзы ў выбарцы прадстаўлены, у асноўным, аплаўкамі розных форм і памераў – 20 экз. і толькі адным зліткам свінцовай бронзы X ст. з Бірулей, які вызначаецца высокім утрыманнем свінца – 23%.

Магчыма адзначыць, што крыніцай сыравіннага металу для вытворчасці бронзавых вырабаў з'яўляліся зліткі і металічны лом рознага паходжання. Датаванне бронзавага сыравіннага металу не выходзіць за межы XIII ст., што трэба звязваць з абмежаваным выкарыстаннем мясцовымі рамеснікамі дадзенай сыравіны для вытворчасці ў больш позні час. Набходна таксама адзначыць мінімальную колькасць прадметаў з алаваяна-свінцовай бронзы (5% выбаркі), з якой зроблена 17% усіх вырабаў з каляровых металаў X – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі для якіх вядомы хімічны склад [3, с. 69]. Дадзеная акалічнасць дазваляе меркаваць, што большая частка прадметаў з алаваяна-свінцовай бронзы мае імпортнае паходжанне.

Шматкампанентныя сплавы прадстаўлены шматкампанентнымі бронзамі (9 экз.) і шматкампанентнымі латунямі (30 экз.). Артэфакты датуюцца X – XI стст. – 20 экз., XII – XIII стст. – 16 экз. і XVII – XVIII стст. – 3 экз. Лічыцца, што шматкампанентныя сплавы не ствараліся майстрамі-ювелірамі адмыслова, а ўяўляюць сабой вынік змешвання металічнага лому і іншай рознахарактарнай сыравіны. Між тым, для даследаванай выбаркі неабходна адзначыць наяўнасць 11 зліткаў з гэтага сплаву, што складае 28% усіх абразцоў. Такім чынам, шматкампанентныя сплавы ў асноўным трапілі да мясцовых ювеліраў ў стандартызаваным выглядзе і, верагодна, утвараліся свядома.

Важнай характарыстыкай мясцовай каляровай металаапрацоўкі трэба лічыць перавагу шматкампанентных латуней, якія складаюць большую частку даследаваных вырабаў – 30 экз., 77% усіх складаных сплаваў. Важнай рысай гэтых металаў з'яўляецца высокае ўтрыманне ў сплавах цынка. Так, у складзе 15 абразцоў канцэнтрацыя гэтага металу знаходзіцца ў дыяпазоне ад 5 да 10%, а ў метале 11 прадметаў утрыманне Zn перавышае 10%, дасягаючы 24,86% у складзе нацёка на сценке тыгля. Улічваючы, што канцэнтрацыя цынка зніжаецца на 1–10% пры кожнай пераплаўцы, магчыма меркаваць, што абразцы з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў мінімальнай ступені падвяргаліся пераплаўкам і паступалі з рэгіёнаў, блізкіх да вытворчасці латуней [4, с. 731]. Пасрэдным у паступленні дадзенага віда сыравіны трэба лічыць Прыбалтыку, дзе фіксуецца знаходкі металічных зліткаў з блізкімі канцэнтрацыямі цынка [9, с. 111].

Свінцова-алавяныя сплавы і нелігаваныя легкаплаўкія металы займалі важнае месца ў каляровай металаапрацоўке рэгіёна. Дадзеныя металы прадстаўлены ў выбарцы "чыстым" свінцом (14 экз.), "чыстым" волавам (1 экз.), а таксама сплавамі на аснове свінца (сплаў свінца з волавам (5 экз.), сплаў свінца з цынкам (1 экз.), сплаў свінца з меддзю і волавам (4 экз.), сплаў свінца з волавам і цынкам (1 экз.) і сплавамі на аснове волава (сплаў волава са свінцом (4 экз.), сплаў волава з меддзю і свінцом (3 экз.), сплаў волава з меддзю (2 экз.)). Асноўнай колькасцю абразцоў выбаркі прадстаўлены прадметы XII – XIII стст. (34 экз.). Сярод абразцоў сустрэты аплаўкі (13 экз.), выплескі, кроплі і метал з тыгля (4 экз.), нарыхтоўкі (4 экз.), дрот (2 экз.), пласцінкі (8 экз.), а таксама зліткі (4 экз.).

Шырокае распаўсюджванне дадзеных металаў абумоўлена даступнасцю і таннасцю падобнай сыравіны, яе добрымі ліцэйнымі якасцямі, магчымасцю апрацоўкі без уздзеяння высокіх тэмператур, а таксама знешнім падабенствам да дарагіх сярэбраных упрыгажэнняў. Выкарыстанне гэтых сплаваў трэба ў першую чаргу звязваць

з інтэнсіфікацыяй каменнага культавага будаўніцтва ў XII – XIII стст., у выніку чаго з’явіліся сталыя кантакты з месцамі руднай здабычы, у першую чаргу свінца. Распаўсюджванне алавяна-свінцовых сплаваў, акрамя эстэтычных і тэхналагічных характарыстык, абумоўлена і практычнымі задачамі па пазбяганні “алавянай” чумы для чаго да волава дадаваўся свінец у якасці флюсу [8, с. 83].

“Чыстая” медзь з’яўляецца індикатарам доступу рамеснікаў да крыніц чыстага металу. У выбарцы зафіксавана 12 абразцоў з гэтага металу. Асноўная колькасць прадметаў (7 экз.) прадстаўлена аплаўкамі розных форм і памераў. Большая частка прадметаў вызначаецца істотнай чысцінёй металу. Так, у складзе 8 абразцоў выяўлена звыш 98% Cu. Пераважная большасць прадметаў датуецца XII – XIII стст. – 7 экз., сустрэты таксама вырабы X – XI стст. – 2 экз. і XIV – XVIII стст. – 3 экз. Мінімальную колькасць “чыстай” медзі (8% выбаркі), а таксама адсутнасць у калекцыі адмысловых сыравінных зліткаў могуць указваць на паступленне гэтага металу ў мясцовыя майстэрні ў выглядзе готовых рэчаў і лому рознага паходжання.

Не выклікае сумнення выкарыстанне мясцовымі рамеснікамі ў вытворчай дзейнасці *сплаваў каштоўных металаў*. Між тым, сустрэты толькі два прадметы са сплаву на аснове серабра, сярод якіх аплавак і пласцінка са слядамі фармуючага ўздзеяння. Прадметы датуюцца X – XIII стст.

Заклучэнне. Такім чынам, у выніку вывучэння хімічнага складу сыравіннага металу для ювелірнай вытворчасці X – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі, магчыма зрабіць наступныя высновы:

1. Адметнай рысай мясцовай каляровай металапрацоўкі з’яўляецца пераважнае выкарыстанне высокацынковых шматкампанентных сплаваў, а таксама алавяна-свінцовых сплаваў і нелігаваных легкаплаўкіх металаў. Выяўленне ў выбарцы складаных сплаваў з высокімі канцэнтрацыямі цынка ўказвае на непасрэдныя кантакты мясцовых ювеліраў з цэнтрамі руднай здабычы і вытворчасці латуней, магчыма праз пасрэдніцтва Прыбалтыкі. Шырокае распаўсюджванне ў XII – XIII стст. атрымалі таксама алавяна-свінцовыя сплавы і нелігаваныя легкаплаўкія металы. Пашырэнне выкарыстання гэтых металаў трэба звязваць з павелічэннем тэмпаў культавага будаўніцтва, большай даступнасцю сыравіны, лёгкасцю яе апрацоўкі ва ўмовах пашырэння таварнасці ювелірнай вытворчасці, а таксама знешнім падабенствам да сярэбраных упрыгажэнняў.

2. Каляровыя металы паступалі на тэрыторыю Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі стандартызавана ў злітках, а таксама ў выглядзе металічнага лому рознага паходжання. У злітках сустрэты латуні (9 экз.), шматкампанентныя сплавы (11 экз.), бронзы (1 экз.), а таксама алавяна-свінцовыя сплавы і нелігаваныя легкаплаўкія металы (4 экз.). Крыніцай паступлення “чыстай” медзі з’яўляліся гатовыя рэчы і лом другаснага паходжання.

3. Важнай адметнасцю мясцовай каляровай металапрацоўкі рэгіёна з’яўляецца абмежаванае выкарыстанне рамеснікамі алавяна-свінцовых бронз. Улічваючы той факт, што з дадзенага сплаву зроблена значная колькасць вырабаў X – XVIII стст. (прадметы хрысціянскага культу (51% выбаркі), прадметы пісьменства (58% выбаркі), упрыгажэнні і дэталі адзення (17% выбаркі)), можна казаць аб імпортным паходжанні большасці вырабаў з алавяна-свінцовай бронзы.

ЛІТАРАТУРА

1. Магалинский И.В., Кенько П.М. Химический состав сырьевых слитков из цветных металлов X–XI вв. (по материалам археологических исследований торгово-ремесленного поселения Бирули) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Даследаванне беларускіх старажытнасцей (да 80-годдзя з дня нараджэння А.Г. Калечыц). – Вып. 31. – Мінск: «Беларуская навука», 2020. – С. 64–69.
2. Магалинскі І.У. Сыравінны метал, нарыхтоўкі і адходы вытворчасці Полацкіх ювеліраў X–XVII стст. // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковай канферэнцыі. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. – С. 26–30.
3. Магалинскі І.У. Элементны склад прадметаў хрысціянскага культу з каляровых металаў X – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2022. – № 9. – С. 67–70.
4. Ениосова Н.В. Химический состав цветного металла из Гнёздова // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 6. – С. 724–733.
5. Svarāne D. Pētījumi Latvijas seno metālu tehnoloģijā 11. – 17. gs. – Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2013. – 239 lpp.
6. Шемаханская М.С. Реставрация металла (методические рекомендации). – М.: ВНИИР, 1989. – 108 с.

Паступіў 07.12.2023

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СЫРЬЯ ДЛЯ ЮВЕЛИРНОГО ПРОИЗВОДСТВА X – XVIII вв. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ

И.В. МАГАЛИНСКИЙ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Представлены результаты исследований химического состава сырьевого металла для ювелирного производства X – XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси. Автор приходит к выводу, что отличительной чертой местной цветной металлообработки является преимущественное использование высокоцин-

ковых многокомпонентных сплавов, а также оловянно-свинцовых сплавов и нелегированных легкоплавких металлов. Наличие в выборке сложных сплавов с высоким содержанием цинка свидетельствует о прямых контактах местных ювелиров с центрами добычи руды и производства латуни. Широкое распространение в XII – XIII вв. оловянно-свинцовых сплавов связано с увеличением темпов культового строительства, доступностью сырья, простотой его обработки и внешним сходством с серебром. Отмечается, что цветные металлы поступали в регион стандартизировано в слитках, а также в виде металлического лома разного происхождения.

Ключевые слова: археология Беларуси, история древней техники, ювелирное ремесло, археометаллургия.

CHEMICAL COMPOSITION OF METALLIC RAW MATERIALS FOR JEWELRY PRODUCTION X – XVIII CENTURIES FROM THE TERRITORY OF NORTHERN AND CENTRAL BELARUS

I. MAHALINSKI

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article presents the results of research on the chemical composition of raw metal for jewelry production in the X – XVIII centuries from the territory of Northern and Central Belarus. The author comes to the conclusion that the predominant use of high-zinc multicomponent alloys, as well as tin-lead alloys and unalloyed low-melting metals is a distinctive feature of local non-ferrous metalworking. The presence of complex alloys with a high zinc content in the sample indicates direct contacts of local jewelers with ore mining and brass production centers. Wide spread of tin-lead alloys in XII – XIII centuries is associated with an increase in the pace of religious construction, availability of raw materials, ease of processing and external similarity to silver. It is noted that non-ferrous metals entered the region standardized in the form of ingots, as well as in the form of scrap metal of various origins.

Keywords: archeology of Belarus, history of ancient technology, jewelry craft, archaeometallurgy.

УДК [630(476-25) (091)+[39+904]:630(476) “11/16”

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-6-13

ЛЯСНЫЯ ПРОМЫСЛЫ Ў ГАРАДАХ БЕЛАРУСІ XII – XVII стст. (ПАВОДЛЕ АРХЕАЛАГІЧНЫХ І ПІСЬМОВЫХ ДАНЫХ)

канд. гіст. навук, дац. Л.У. КАЛЯДЗІНСКІ

(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8550-4931>

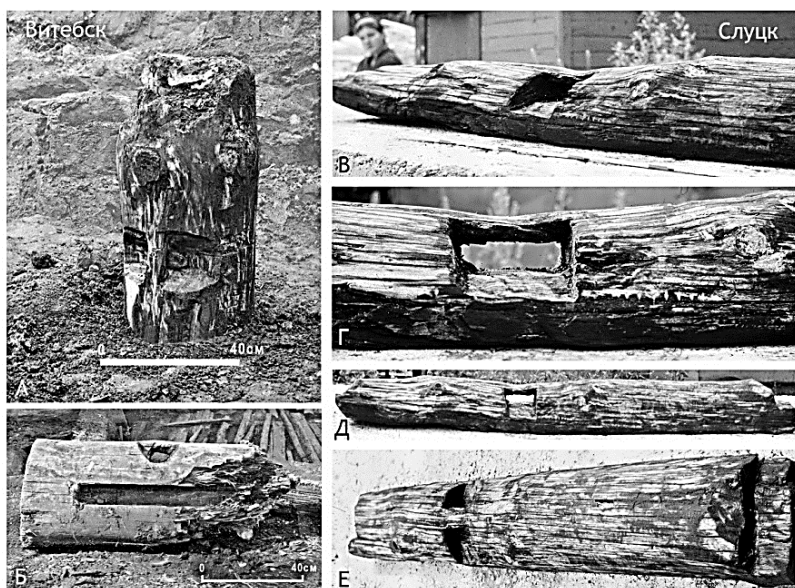
У артыкуле на падставе археалагічных і пісьмовых крыніц разглядаюцца лясныя промыслы ў гарадах Беларусі XII – XVII стст. Да лясных промыслаў адносяцца нарыхтоўка драўніны, збіральніцтва, бортніцтва і паляванне. Апошняе намі не разглядаецца. Драўніна нарыхтоўвалася для домабудаўніцтва і штодзённых патрэб гараджан, умацаванняў і камунальных патрэб горада. На працягу XII – XIII стст. яе маглі нарыхтоўваць індывідуальна для сябе. У XVI – XVII стст. драўніна выступала прадметам гандлю. Збіральніцтва грыбоў і ягад магло быць як заняткам гараджан, так і сельскіх жыхароў, якія дастаўлялі сваю прадукцыю ў горад на абмен. Бортніцтва XII – XIV стст. магло, у пэўнай ступені, мець месца ў невялікіх гарадах. Падчас XV – XVII стст. яно было заняткам толькі сельскіх жыхароў, якія дастаўлялі сваю прадукцыю ў горад.

Ключавыя словы: лясныя промыслы, нарыхтоўка драўніны, збіральніцтва, бортніцтва.

Уводзіны. Да лясных промыслаў адносяцца нарыхтоўка драўніны, паляванне, бортніцтва і збіральніцтва [1, с. 1]. Археалагічны матэрыял з раскопак гарадоў Беларусі і пісьмовыя крыніцы даюць магчымасць асвятліць гэтае пытанне, але ў дадзеным артыкуле мы не будзем разглядаць паляванне ў кантэксце лясных промыслаў, паколькі гэтая тэма даволі насычана матэрыялам і патрабуе асобнага даследавання.

Асноўная частка тэксту. *Нарыхтоўка драўніны.* Драўніна нарыхтоўвалася для домабудаўніцтва, камунальных патрэб горада (вымошчванне вуліц), абарончай справы (узвядзенне і рамонт умацаванняў), для вырабу рамесных і прамысловых прылад працы, рэчаў хатняга ўжытку, начыння і транспартных сродкаў, для назапашвання паліва (дроў) і асвятлення (лучыны). Асноўным будаўнічым матэрыялам было дрэва хвойных парод ва ўзросце 60–80 гадоў – сасна і елка. Па даных раскопак Верхняга замка Віцебска на іх долю прыпадала да 60% ад усяго будаўнічага матэрыяла, якім карысталіся цеслі. У пісьмовых крыніцах XV – XVII стст. такое дрэва нават мела спецыяльную назву: «дерево на будованние годное» і «бярвенне сосновое на будованние годное» [2, с. 10]. Доля дубу складала каля 40%. Драбналістыя віды драўніны, пераважна бярозы, выкарыстоўваліся ў нязначнай колькасці, каля 1–2%. Нарыхтоўка будаўнічага матэрыялу па этнаграфічных даных ажыццяўлялася ўзімку, бо менавіта ў гэтую пару года смалістая драўніна хвой найлепш прыдатная для нарыхтоўкі. Утрыманне смол і сокаў у значнай ступені зніжана, у параўнанні з летнім сезонам, што памяншае час на апрацоўку драўніны. Ствол дрэва мае асаблівую трываласць. Высыханне адбываецца больш раўнамерна, дрэва не рассыхаецца, не трэскаецца, і ў ім не развіваюцца гніласныя бактэрыі.

Назапашаная драўніна тралявалася зімой да ракі і вясною сплавам дастаўлялася ў горад. Пра гэта сведчаць камлявыя часткі бярвёнаў, у якіх меліся прасечаныя адтуліны – “вока” – для закладкі жэрдак для мацавання бярвёнаў плыта. Яны сустраўты ў раскопках Віцебска (у пласце XVII ст.) і Слуцка (у пласце XIII ст.) (малюнак 1).

А, Б – Верхні замак Віцебска, XVII ст.
В – Е – Слуцк, XIII ст.

Малюнак 1. – Камлявыя часткі дрэва
з “вокам” для сплава

У некаторых выпадках удалося прасачыць, якім чынам адбывалася нарыхтоўка лесу. Так, падчас раскопак Слуцка ў 2016 г. выяўлены дубовыя бярвёны, падкладкі пад лагі вулічнай маставой, у якіх камлявая частка мела двухбаковы клінападобны водруб, зроблены пад вуглом прыкладна 45° . Прычым з аднаго боку гэты водруб быў большы, а з другога боку меншы. Гэта гаворыць пра тое, што спачатку ствол дрэва падсякаўся на бяспечную для дрывасека глыбіню, а затым – з процілеглага боку, і пакідалася вузкая перамычка – “масток”. Пасля гэтага дрэва валілі. Але сустракаліся і ствалы, дзе водруб прысутнічае з некалькіх бакоў, так званыя “крылы”. Гэта тэхналогія выкарыстоўвалася ўжо пры значнай таўшчыні ствала. Абодва віды валкі лесу бытуюць і па сёння ў традыцыйным лясным промысле з выкарыстаннем сучасных тэхналогій.

Вядомы выпадкі нарыхтоўкі будаўнічага лесу і ўлетку. Напрыклад, унутрывальныя канструкцыі дзяцінца Віцебска XII ст. былі абвугленыя. Такі працэс адбываецца сам па сабе, калі свежасечанае дрэва без папярэдняй прасушкі кладзецца ў гліністы грунт. Дрэва паступова падсыхае, становіцца больш шчыльным, і паміж драўлянымі канструкцыямі і гліністым грунтам утвараюцца шчыліны, якія спрыяюць пранікненню кісларода і абвугленню паверхні дрэва. Аналагічная з’ява прасочана і ва ўладкаванні ўнутрывальных канструкцый Зміевых валоў ва Украіне [2, с. 110]. Больш за тое, можна нават прасачыць, у якія месяцы цёплай пары адбывалася нарыхтоўка драўніны для ўмацавання віцебскага дзяцінца. Так, паміж бярвёнамі канструкцый сустракаліся лінзы гумусаванай зямлі, у якіх пасля флатацыі былі выяўлены насенне і плады лясных і ўзлескавых раслін, час пладанаўшэння якіх прыпадае на канец мая – пачатак верасня [4, с. 58].

Акрамя сасны, елкі і дуба, паводле мікраскапічных аналізаў, узятых з некаторых драўляных вырабаў XII, XIII – XVI стст. з раскопак Віцебска і Слуцка, для розных падзелаў выкарыстоўвалася драўніна іншых парод (вызначэнне кандыдата біялагічных навук В.Б. Звягінцава). З назапашанай драўніны выраблялі рэчы хатняга начыння. Напрыклад, з сасны, елкі і дуба выраблялі большасць сельскагаспадарчых і промысловых прылад працы і бандарны посуд. З елкі, дуба і ясеню майстравалі дэталі транспартных сродкаў. З ясеню і ліпы выразалі сталовы посуд. З бярозавага капа рабілі ручкі нажоў, са свілістай бярозы выточвалі на такарным станку аправы пад люстэркі, з вярбы выразалі верацёны і рабілі абручы на бочкі. З сасны і елкі назапашвалі дровы. У Слуцку нашымі раскопкамі пры расчыстцы пабудовы XIII ст. выяўлены галавешкі сасновых дроў даўжынёю 29–31 см і таўшчынёю 4–6 см. Дровы назапашвалі не толькі з сасны і елкі, але, паводле пісьмовых крыніц XVI ст., і з іншай драўніны: “...на дрова дерево посполитое, якъ дуб, березу, грабину... они брати маюць” [5, с. 250]. А ў пабудове XII ст. у тым жа Слуцку сабрана некалькі дзесяткаў лучын. Даўжыня лучын да 20 см, памеры ў сячэнні $8\text{--}14 \times 12\text{--}13$ см. Выразаны яны са смалістага дрэва. Падобныя на іх лучыны вядомы і па раскопках Ноўгарада Вялікага [6, с. 50–57].

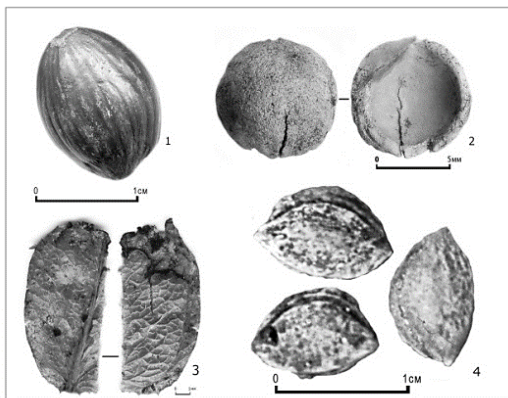
Нарыхтоўвалі таксама кару бярозы і сасны. Прыкладам, на Верхнім замку Віцебска ў пласце сярэдзіны XIII ст. быў выяўлены ліст бяросты памерамі $80\text{--}90 \times 110\text{--}120$ см. З бяросты вырабляліся паплаўкі на сетку, а таксама берасцяны посуд – берасцянікі і туесы. З сасновай кары, якую таксама назапашвалі ў лесе, выраблялі паплаўкі на сетку і на вуду. З яе маглі вырабляць і дзіцячыя цацкі, напрыклад лодачкі, якія сустраэты падчас раскопак Гродна і Бярэсця. Назапашвалі і галінкі бярозы, з якіх потым вязалі венікі для лазні. Такія венікі сустракаліся нам на Верхнім замку Віцебска ў пласце XV – XVI стст. [7, с. 208]. Згадка пра венікі да лазні маецца ў “Приходно-расходной книге города Могилёва. Року 1698”: “Купили вениковъ до лазни копы полторы” [8, с. 110].

У некаторай ступені ў катэгорыю нарыхтовак для домабудавання можна аднесці і нарыхтоўку моху – *Sphagnum magellanicum*, якім імшыліся сцены зрубаў. Такі мох быў знойдзены ў Давыд-Гарадку, раскопкі Р. Якімовіча [9, с. 17], у Слоніме, раскопкі Г.І. Пеха [9, с. 40], Віцебску і Слуцку, нашы раскопкі. Згадка пра мох для домабудаўніцтва маецца ў шэрагу дакументаў XVII ст. Напрыклад, у прыходна-расходнай кнізе Могилёва за 1698 г.: “Купили моху на мыльню воз шеснадесятъ ...” [8, с. 104].

Збіральніцтва. Да гэтага віду дзейнасці адносіцца збор дзікаросаў: ягад і грыбоў. Пра збор ягад і грыбоў можа ўскосна сведчыць спецыяльны посуд, выраблены з бяросты. Такі посуд сустраэты падчас раскопак Верхняга замка Віцебска, Полацка і Гродна [7, с. 208, рис. 275; 10, с. 89, рис. 52: 3; 11, с. 71, мал. 99, 100]. Непасрэдна пра знаходкі ягад сведчыць наступны матэрыял. Так, на Верхнім замку Віцебска ў пабудове канца XIII ст. сярод рэшткаў разбітага гаршка было сабрана насенне маліны лясной – *Rubus idaeus*. А ў пабудове пачатку XIV ст. знойдзены быў лісток чарніцы – *Vaccinium myrtillus* (малюнак 2: 3). У пісьмовых крыніцах лясныя ягады чарніцы згадваюцца ў дакументах пад 1596 і 1653 гг. [12, с. 354]. У культурных напластаваннях Пінска XII – XIII стст. часам сустракаліся і ягады журавін, якія захоўвалі свой натуральны чырвоны колер, але, з цягам часу, у выніку акіслення яны набывалі чорны колер і разбураліся (вуснае паведамленне П.Ф. Лысенкі, які праводзіў на гэтым помніку раскопкі ў 1963–1964 гг.). Насенне шыпшыны – *Rosa canina* – сустраэта ў пабудове канца XIII – пачатку XIV ст. у Бярэсці [45, с. 108]. Насенне маліны лясной (*Rubus idaeus* L.) і бузіны чорнай (*Sambucus nigra* L.) знойдзена ў напластаваннях XVI – першай паловы XVII ст. Глускага замка [9, с. 121].

Акрамя ягад насельніцтва гарадоў магло збіраць і плады. Так, падчас нашых раскопак на Верхнім замку Віцебска ў пласце першай паловы XIII ст. і пласце канца XIII ст. сустраэты костачкі вішні (малюнак 2: 2). Ці былі гэтыя вішні ўжо культурнымі раслінамі? У Ноўгарадзе Вялікім падчас раскопак ускрыты два ўчасткі, дзе захаваліся астанцы дрэў. Па вызначэнні В.Е. Віхрова, спецыяліста ў галіне дрэвазнаўства, яны належалі яблыням [13, с. 325]. Відавочна, гэта былі рэшткі яблыневых садоў. Плошча аднаго з іх была 300 м^2 . Выказана думка, што ў Ноўгарадзе Вялікім маглі існаваць спецыяльныя пасадкі вішань [14, с. 358]. У Беларусі даных пра гаспадарчыя пасадкі вішнёвых дрэў у гарадах XII – XIII стст. няма. Па вызначэнні галоўнага навуковага супрацоўніка аддзела

селекцыі пладовых культур РУП “Інстытут плававодства” НАН Беларусі, доктара сельскагаспадарчых навук, прафесара В.А. Матвеева, гэта костачкі вішні звычайнай або вішні кіслай – *Cerasus vulgaris*, якая з’явілася ў выніку натуральнай гібрыдызацыі дзікай чарэшні і стэпавай вішні. Па сутнасці, гэта вішня-дзічка, якая магла расці ў наваколлі горада і нават у лесе. На сёння раслін дзікай вішні ў Беларусі ўжо не вядома [15, с. 7]. Акрамя Віцебска, костачкі вішань сустраэты ў напластаваннях XII – XIII стст. у Мінску, Полацку, Навагрудку, Гродне, Слуцку [9, с. 19, 49, табл. 9, № 18, с. 59, с. 99–100, табл. 15, № 11, 59, 63, с. 110, табл. 19, № 35].

1 – Арэх лясны, XII – XIII стст; 2 – Костачка вішні, першая палова XIII ст.; 3 – Лісток чарніц, пачатак XIV ст., Верхні замак Віцебска; 4 – Костачкі сліў, XIII ст. Слуцк

Малюнак 2. – Рэшткі пладоў, знойдзеныя падчас археалагічных раскопак

У напластаваннях XI – XIII стст. выяўлены костачкі сліў у Слоніме, Навагрудку, Гродне, Слуцку (малюнак 2: 4), Мінску і Полацку [9, с. 41, табл. 5, № 49, с. 78, с. 99–100, с. 110, табл. 19, № 1, 4, 11, с. 131, с. 107, табл. 18, № 10]. У напластаваннях XIV – пачатку XV ст. костачкі сліў выяўлены ў Гродна [9, с. 102]. Усе гэтыя костачкі пладоў адносяцца да дзікай слівы або да цёрна – *Prunus spinosa*, які расце на ўзлессі.

У Навагрудку падчас раскопак у напластаваннях XI – XIII стст. Ф.Д. Гурэвіч была сабрана вялікая колькасць абгарэлых пладоў грушы [9, с. 78]. Нам нават даводзілася іх бачыць у экспазіцыі Навагрудскага краязнаўчага музея. Плады грушы-дзічкі былі знойдзены і ў Мінску ў напластаваннях XII – XIII стст. [9, с. 31]. Плод грушы-дзічкі – *Pyrus communis* L., прычым з семкамі, быў знойдзены падчас раскопак Глускага замка ў пласту XVI ст. [9, с. 135]. Пад назваю “грушкі лесныя” грушы-дзічкі згадваюцца ў “Евангеллі” Васілія Цяпінскага каля 1580 г. [17, с. 89]. Груша-дзічка сустракаецца на ўзлессі. Плады яе і па сёння з’яўляюцца аб’ектам збору ў традыцыйным промысле беларусаў. Іх сушаць і робяць з іх узвар.

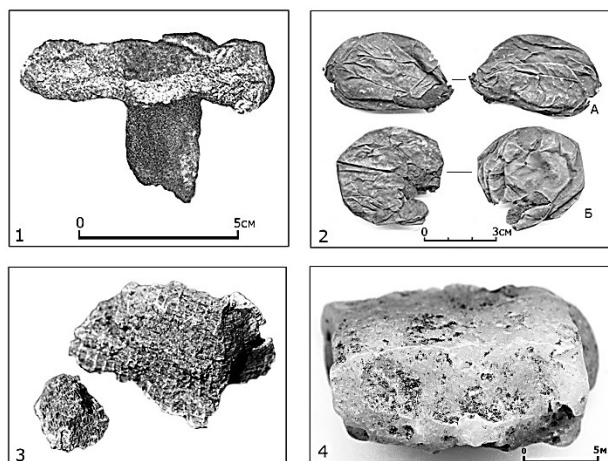
У Слоніме раскопкі Г.В. Пеха ў напластаваннях XII – XIII стст. выяўлены плод яблыні-дзічкі – *Malva sylvestris* [9, с. 41, табл. 5, № 66]. На Ніжнім замку Віцебска раскопкі Т.С. Бубенька ў напластаваннях XVII ст. пры расчыстцы сядзібы Агінскіх было сабрана дзесяць яблыкаў, якія ляжалі на дне бочкі. Плады захавалі свой натуральны жоўта-карычневаты колер. Памеры яблыкаў у папярэчніку былі 2,5–3 см [18, с. 68]. Знаходкі цэлых яблыкаў вядомы і па раскопках Ноўгарада Вялікага ў напластаваннях X і XIII стст. Прычым, што цікава, памеры пладоў з Ноўгарада былі такія ж, як і з Віцебска. Паводле вызначэння спецыялістаў, яны належылі яблыні лясной або яблыні-дзічцы [13, с. 325]. Гэта наводзіць на думку, што і яблыкі з Віцебска, хутчэй за ўсё, таксама адносіліся да яблыні-дзічкі. Апошняя сустракаецца і па сёння ў лесе або на ўзлессі.

Пры раскопках гарадоў у пласце XII – XVI стст., дзе добра захоўваюцца рэчы з арганікі, заўсёды сустракаюцца скарлупкі, а то і цэлыя арэхі, ляшчыны звычайнай – *Corylus avellana* (малюнак 2: 1). Часам скапленні цэлых арэхаў дастаткова значныя. Так, у Слоніме (раскопкі Г.І. Пеха) было сабрана 133 цэлых арэхаў, нашымі раскопкімі Слуцку іх сабрана 188, у Слоніме (раскопкі Я.Г. Звяругі) – 4–5 кг [9, с. 38, с. 59, с. 110–111, табл. 19].

Збіралі і жалуды – *Quercus robur* L., якія таксама даволі часта сустракаюцца ў культурным пласце XII – XVI стст. Напрыклад, жалуды былі знойдзены ў Слоніме, Гродне, Навагрудку [9, с. 38, 58, 99–100, табл. 15, № 15, № 31, 37], сустракаліся ў час нашых раскопак на Верхнім замку Віцебска. Паводле этнаграфічных даных, сабраныя жалуды прасушвалі, малолі і ў бяскорміцу дадавалі ў муку пры выпечцы хлеба [19, с. 8]. З высушаных жалудоў можна было прыгатаваць і напой, які па смаку нагадвае каву.

Збіралі дубовыя або чарнільныя арэшкі. Чарнільныя арэшкі – гэта від галаў – нарастаў, якія ўтвараюцца лічынкамі насякомых сямейства *Cynipidae* на лістоце дуба. Уяўляюць сабой порыстыя ўтварэнні прадаўгатай формы памерам 1,5–2 см. Па афарбоўцы жаўтаватыя з чырвоным бокам. У перыяд Сярэднявечча і Новага часу з іх выраблялі чарніла [20]. Згадка пра такія арэшкі ёсць у “Реестры расходов меских могилёвских...” за 1680 г., дзе маецца запіс: “...купили паперу аркушов 16 на писание... и арешковъ на чернила...” [21, с. 93–94]. Збіралі нават яловыя, сасновыя і альховыя шышкі. Яны сустракаліся ў нашых раскопках на Верхнім замку Віцебска ў пласце XIII – XIV стст. Шышкі выкарыстоўваліся ў гарбарнай справе. Акрамя сваіх дубільных уласцівасцей, яны надавалі скуры цёмна-карычневаты колер [22, с. 47, 58].

Што тычыцца збору грыбоў, дык археалагічнага матэрыялу тут амаль няма. Адзіная знаходка – грыб, які быў выяўлены падчас нашых раскопак на колішнім дзяцінцы Слуцка ў 1985 г. на глыбіні 4,3 – 4,4 м, у мацерыковай яме (малюнак 3: 1). Паводле стратыграфічных даных знаходку можна аднесці да канца XI – пачатку XII ст. [23, с. 35, рис. 179, № 940]. Па вызначэнні кандыдата біялагічных навук Г.І. Сержанінай, гэта ласіны грыб, або пеўнік стракаты – *Sarcodon imbricatus* (руск. – ежэвик пёстрый). Грыб захаваўся на вышыню да 5 см. Памеры шапкі грыба 9×9,5 см, таўшчыня ножкі – 2,5×3 см (памеры да кансервацыі). Ножка акуратна абрэзана нажом наўскасяк. Гэта сведчыць, што грыб быў адмыслова сабраны. Такія грыбы і па сёння ўжываюцца ў харчаванні [24, с. 27].

1 – Грыб пеўнік стракаты, канец XI – пачатак XII ст., Слуцк; 2 – Грыбы порхаўкі, паўмежжа XIII – XIV стст. Верхні замак Віцебска; 3 – Пчаліныя соты, XII–XIII стст., Капыль; 4 – Кавалачак воску, канец XIII – пачатак XIV ст., Верхні замак Віцебска
Малюнак 3. – Рэшткі грыбоў і прадуктаў бортніцтва, знойдзеныя падчас раскопак

Больш інфармацыі аб зборы грыбоў даюць пісьмовыя крыніцы. Так, паводле пісьмовых крыніц XVII ст., называюцца такія грыбы, як баравікі: “Боровиков, венковъ десять...” [25, с. 201], казлякі (масляты): “Онъ несёт кошель козляков”; “Ходячи у лесъ у козляки” [26, с. 270]. Пад назваю “осовяки” згадваюцца падасінавікі: “Коли я почела дивитися, што так много козляков набрал, и вздыму дей наверху один осовяк, ажъ только осовеками замощено и закрыто...” [26, с. 271]. Цікава, што пад назваю “асовікі” падасінавікі вядомы і па сёння ў Шчучынскім раёне [16, с. 38], а пад назваю “асавікі” яны вядомы шмат дзе ў Беларусі [27, с. 67]. Згадваюцца апенькі і абабкі (бабкі), прычым пад 1604 г. адзначаецца вялікі ўраджай на гэтыя грыбы: “...только грибов – обабков иж каждый человек по двокрот у грибы на день ходил”. І далей, у гэтай жа крыніцы: “...только грибы, ледники, опенки ела...” [28, л. 168 об.]. “Ледниками”, можна меркаваць, называліся апенькі зімовыя – *Flammulina velutipes*, якія растуць позняй восенню і зімой у дуплах дрэў [29, с. 40].

Збіралі і лекавыя грыбы. Прыкладам, драўняны грыб, або губа (руск. трутовик), вядомы ў пісьмовых крыніцах канца XVI ст. пад назваю “агарикон”, ужываўся як сродак для лячэння страўніка: “...а будет ли осталось в желодке. проиде чревы яго, потом выдал ему пропешение. агарикон...” [17, с. 66]. А пад назваю “губа” гэты грыб зафіксаваны ў прававым дакуменце першай паловы XVI ст.: “...иные люди... не мають въ том тот островъ въежчати, и дров рубитти... а ни губовъ брати” [5, с. 312]. Цікава, што грыб губа сустракаўся і падчас археалагічных раскопак у культурным слоі некаторых гарадоў. Напрыклад, падчас нашых раскопак на Верхнім замку Віцебска ў пласце XIII – XIV стст. каля зруба П-85 былі выяўлены гэтыя грыбы. Яны сустраты ў напластаваннях XIII ст. у Слоніме [9, с. 38] і ў пласце XVI ст. на раскопках Мінскага замчышча [30, с. 79]. Акрамя лекавых якасцей, паводле этнаграфічных назіранняў, грыб губа ў сухім выглядзе ўжываўся ў якасці кнота пры атрыманні агню з іскры амаль да сярэдзіны мінулага стагоддзя.

Трапляліся ў гарадскім культурным пласце і грыбы порхаўкі – *Lucoperdom perlatum*, у прыватнасці, на Верхнім замку Віцебска ў жытле XIII – XIV стст. (малюнак 3: 2). У народнай медыцыне грыбы порхаўкі прымяняліся як антысептычны сродак для ран, якія цяжка загойваліся, пры парэзах і язвах [31, с. 88].

Як прадукт харчавання маглі збіраць і яйкі лясных птушак. Такі занятак меў месца ў лясным промысле беларусаў нават і ў канцы XIX ст. [32, с. 49]. Доказам такога меркавання могуць службыць знаходкі шкарлупіння як з нашых раскопак на Верхнім замку Віцебска, сустратыя ў пласце XIII – XIV стст. Па афарбоўцы гэтае шкарлупінне жаўтавата-шэрае, з дробнымі крапінкамі. Менавіта такую афарбоўку мае шкарлупінне як перапялоў.

Збіралі і расліны, якія мелі сакральнае або лекавае прызначэнне. Так, на Верхнім замку Віцебска ў жытле XIII – XIV стст. у пазе на шчыльнасць мацавання былі выяўлены рэшткі раслін. Па вызначэнні спецыялістаў, гэта аказаліся кветкі братаўкі гаёвай – *Melampyrum nemorosum* L. (руск. Иван-да-Марья). Этнаграфічныя даныя сведчаць, што беларусы пры ўзвядзенні жытла іншым разам клалі ў чашку зруба або ў паз на шчыльнасць мацавання травы, сабраныя ў час свята Івана Купалы, прычым гэта былі, як правіла, кветкі братаўкі гаёвай, паколькі гэтая расліна, па іх уяўленні, павінна была прыносіць прыбытак у хату [33, с. 161].

На Верхнім замку Віцебска ў ходзе нашых раскопак вывучаны абарончы вал з драўлянай субструкцыяй XII ст. [4, с. 57–60]. У гумусаваных праслойках насыпу вала сустракалася насенне і плады лясных кветак і траў. Сярод іх і зверабой – *Hypericum maculatum*. Пэўна, лекавыя якасці гэтай расліны былі вядомы насельніцву гарадоў XII – XVII стст., і таму гэтыя расліны таксама маглі збірацца гараджанамі. Як лекавая расліна магла збірацца і цыкорыя. На Верхнем замку Полацка ў напластаваннях другой паловы XIII – першай паловы XIV ст. знойдзена насенне цыкорыі – *Cichorium intubus* L. [9, с. 336]. У народнай медыцыне Беларусі адварам з гэтай расліны прамывалі раны і язвы [16, с. 557]. Цікавая згадка пра выкарыстанне зёлак маецца ў дакуменце: “Разследование и постановление гродского Новгородского суда по делу о чародействе попадания Райны Громычиной. Року 1631. Октября 4.”, дзе гаворыцца: “...и лекарство на то: вылевание олова, **зелье деветерника** и **руту ярую** у молодом пиве уварыти пити и до верху головы прикладати научала, и вылечыти его милости пана маршалка одъ тескницы (смутку, тугі, нуды – Л.К) обещовала” [34, с. 117]. Дзевяцёрнік, або змяіны язык, гэта вужоўнік звычайны – *Ophioglossum vulgatum* L., рута ярая гэта рутвіца рагатая – *Lotus corniculatus* L. Абодва віда раслін растуць на ўзлесці і ўжываюцца ў народнай медыцыне (кансультацыя кандыдата біялагічных навук Д.І. Трацякова).

Бортніцтва. У шэрагу публікацый сцвярджаецца, што ў некаторых гарадах Беларусі ў XII – XIV стст. існавала бортніцтва. Падстаю для такой высновы былі знаходкі кавалачкаў воска, напрыклад, у Полацку і Мінску [35, с. 100; 36, с. 283]. Знойдзены кавалачкі воска і на Верхнім замку Віцебска падчас нашых раскопак ў пласце канца XIII – пачатку XIV ст. Адзін з гэтых кавалачкаў меў памеры 10×17×27 мм і важыў 3,4 г (малюнак 3: 3).

У Капылі ў ходзе нашых раскопак у пласце XII – XIII стст. знойдзены пчаліныя соты (малюнак 3: 4). Вядомы знаходкі пчаліных сотаў і ў курганах Беларусі [37, с. 108]. Па-за межамі Беларусі знаходкі пчаліных сотаў археалагічна фіксуюцца на гарадзішчы Ізборск у напластаваннях XII – XIII стст. [38, с. 78] і на гарадзішчы Цервеце ў Латвіі (руск. Тервете). Прычым на апошнім яны былі абпаленыя, на іх нават захаваліся рэшткі пчол [39, с. 318]. Знойдзены пчаліныя соты і ў Чарнігаве [40, с. 18]. У Ваўкавыску не знойдзена нават і воску, а толькі пешня, з дапамогаю якой, на думку аўтара, маглі вырабляць борці [41, с. 99]. Зразумела, што маглі, але маглі выкарыстоўваць гэтую прыладу і для іншых работ. У Навагрудку былі знойдзены металічныя прыстасаванні, якія некаторымі археолагамі разглядаліся як дрэвазныя шыпы [42, с. 115, рис. 160: 1], што дало падставы даследчыку меркаваць пра занятак бортніцтвам у гэтых гарадах у XII – XIV стст. [43, с. 83–84; 15, с. 99]. Але насамрэч гэтыя “шыпы” ні што іншае, як конскія падкоўкі [44, с. 79–82, рис. 47: 7, 10], якія аніякага дачынення да бортніцкай справы мець не маглі. Таму сцвярджэнне аб занятку бортніцтвам у пералічаных вышэй гарадах бачыцца гіпатэтычна. Яно б выглядала пераканаўча, калі б былі знойдзены прылады працы бортніка – спецыяльныя нажы. Яны маюць спецыфічнай формы лязо, пашыранае долу, чым нагадваюць шпатель, і ручку, зробленую ў выглядзе каленчатага ўступа, якая мацавалася да доўгага драўлянага дзяржання. Цікава, што такі выгляд нажы медарэзы захавалі без істотных змен да пачатку XX ст. Заўважым, што калекцыя нажоў XII – XIV стст. з раскопак гарадоў часам бывае даволі ўнушальная. Так, у Бярэці нажоў сабрана больш за сотню [45, с. 242], але не ў адным з гарадоў Беларусі ні разу не былі знойдзены нажы такой формы, якія безумоўна можна было б аднесці да бортніцкіх прылад. Не сустрэты такія нажы і ў Ноўгарадзе Вялікім, дзе за 80 гадоў раскопак сабрана калекцыя нажоў, якая налічвае 5000 адзінак [46, с. 17]. Пакуль што такія нажы сустрэты толькі ў вясковага насельніцтва. Так, у Беларусі нож медарэз, знойдзены каля в. Бельчыцы Полацкага раёна, датуецца X – пачаткам XI ст. [47, с. 158–159, табл. 1: 10]. Яшчэ адзін нож медарэз знойдзены ў кургане каля в. Драздова Талочынскага раёна і датуецца XI – пачаткам XII ст. [48, с. 58, рис. 46]. У Расіі медарэзны нож знойдзены на сельскім паселішчы [49, с. 233, табл. 88: 28] і ў значнай большасці яны сустрэты на сельскіх паселішчах XI – XII стст. Чарнігаўшчыны [50, с. 81]. Праўда, выказана думка, са спасылкаю на этнаграфічныя даныя канца XIX ст., што для гэтай справы маглі выкарыстоўваць і звычайныя нажы [41, с. 99; 50, с. 81]. Але з гэтым цяжка пагадзіцца. У гарадах XII – XIII стст. існавала спецыялізаванае прызначэнне нажоў. Кавалямі таго часу вырабляліся нажы кухонныя, сталовыя, сталярныя, касцярэзныя, кравецкія, баявыя і нават медыцынскія, або хірургічныя [42, с. 48–56]. І ўжо даць рады вырабіць медарэзны нож гарадскія кавалі несумненна, маглі б. Відаць, у гарадскога насельніцтва патрэбы ў такіх нажах не было. Такія нажы вырабляліся гарадскімі кавалямі на заказ, спецыяльна для бортніка або вясковымі кавалямі.

У пісьмовых крыніцах XV – XVII стст. адносна часта сустракаюцца згадкі пра бортнікаў, але з тэксту нідзе не вынікае, што гэта былі жыхары горада [17, с. 161]. Таму, можна дапусціць думку, што бортніцтва для перыяду XII – XIV стст. было заняткам, як правіла, сельскага насельніцтва, якое і пастаўляла прадукт свайго промыслу ў горад. Для XV – XVII стст., трэба меркаваць, гэта было і пагатоў. Да такой высновы прыйшлі і ўкраінскія калегі, які займаліся вывучэннем бортніцтва [50, с. 84]. У адной навукова-папулярнай публікацыі ёсць інфармацыя, што польскія каралі ў 1320, 1420, 1560 гг. выдалі права “пісанае”, якое брала пад ахову бортніцтва, а таксама надавала цэхам бортнікаў прывілеі, якія дазвалялі ім, напрыклад, у лясх каралеўскіх, як і прыватных, абіраць дрэва на борці [51, с. 10]. Гэтая інфармацыя была выкарыстана і пашырана затым у пазнейшых навукова-папулярных выданнях, дзе цэхі бортнікаў называюцца імі “медовыя братствы” [52, с. 8–9; 53, с. 54–55]. Але самі аўтары гэтых публікацый зазначаюць: “Далеко не все братства (братчины), называвшиеся медовыми объединениями, объединяли бортников. Большинство из них с пчеловодством не имели ничего общего. Медовыми они назывались лишь только потому, что обладали правом беспопынно несколько раз в год сытять мед” [53, с. 52]. Адзначым, што ў публікацыях айчынных медыявістаў, якія вывучалі эканамічную гісторыю гарадоў Беларусі, згадкі пра цэхі бортнікаў не сустрэты [54, с. 159–162; 55, с. 92–93]. Мусім адзначыць, што ўсё ж пэўныя арганізацыі людзей

гэтай прафесіі і спадарожных ёй заняткаў былі. Прыкладам бортніцкія братцтвы, якія па лацінску называліся “Fratrum mellocidarum”. Яны мелі свой статут, сваё права і суд. Цікава, што ў склад такіх братцтваў уваходзілі прадстаўнікі розных сацыяльных пластоў: сялян, мяшчан і, нават, шляхты. Мала таго, гэтыя арганізацыі знаходзіліся пад патранажам караля Рэчы Паспалітай [56, с. 66–80]. Таму выглядае слушнай інфармацыя пра наданне польскімі каралямі гэтым аб’яднанням пэўных правоў, пра якія гаварылася вышай, але гэтыя аб’яднанні ўсё ж не з’яўляліся цэхамі бортнікаў у гарадах.

Заклучэнне. На падставе археалагічных даных і пісьмовых крыніц можна канстатаваць, што насельніцтва гарадоў Беларусі XII – XVII стст. займалася ў пэўнай ступені ляснымі промысламі. Найперш гэта тычыцца нарыхтоўкі драўніны для домабудаўніцтва, узвядзення ўмацаванняў, камунальных патрэб горада і хатняй гаспадаркі. Для XII – XV стст. нарыхтоўкі будаўнічага матэрыяла мог рабіць і сам гаспадар, які збіраўся ставіць пэўную пабудову. Сведчаннямі гэтага з’яўляюцца скапленні трэсак у культурным пласце вакол пабудов – сляды цялярскай справы. Для XVII ст. ёсць даныя, што будаўнічы матэрыял быў ужо прадметам гандлю. Напрыклад, у дакументах за 1691 і 1698 гг. ёсць такія паведамленні: “Купілі на рынку бервень пяцьдзяць” [57, с. 84]; “Бервень купілі дваццаць два” [8, с. 94]. Збіральніцтва ягад і грыбоў магло быць уласціва ў некаторай ступені і гарадскому насельніцтву, пра што сведчаць знаходкі спецыяльнага посуду, вырабленага з бяросты, для збору дзікаросаў. Але частка дзікаросаў магла трапляць у горад з навакольных вёсак у выніку гандлёвага абмену. Што тычыцца бортніцтва, дык, магчыма, на раннім этапе (XII – XIII стст.) у невялікіх гарадах, прыкладам, як Капыль, бортніцтва магло мець месца. Але трэба прызнаць, што гэты занятак, асабліва ў пазнейшыя часы (XIV–XVII стст.), быў справай сельскіх жыхароў, якія і пастаўлялі прадукт свайго занятку ў горад.

ЛІТАРАТУРА

1. Бабіч, А.Ю. Традыцыі лесакарыстання беларусаў у XX – пачатку XXI ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. – Мінск, 2021. – 26 с.
2. Корчиц М.А. Строительная лексика в языке старобелорусской письменности 15–17 столетий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.661 ; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1970. – 19 с.
3. Кучера М.Г. Змиевы валы Среднего Поднепровья; Акад. Наук УССР, Ин-т археологии. – Киев: Наук. думка, 1987. – 207 с.
4. Калядзінскі Л.У. Пра абарончы вал дзядзінца летапіснага Віцебска // Заслаўскія чытанні 1995 г.: Гісторыя і культура Заслаўя ў святле агульнанацыянальных праблем: матэрыялы міжнар. канф. Заслаўе, 9–11 ліст. 1995 г. / уклад. Т.С. Скрыпчанка; Гіст.-культур. запаведнік “Заслаўе”. – Заслаўе, 1997. – С. 57–60.
5. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. – Вильна: Вилен. археограф. комиссия, 1867. – 381 с.
6. Поветкин В.И. Лучинное освещение в древнем Новгороде // Российская археология. – 2009. – № 3. – С. 50–57.
7. Колединский Л.В. Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.). – Гродно: «ЮрСаПринт», 2021. – 632 с.
8. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск: Тип. губерн. правления, 1881. – Вып. 12. – 548 с.
9. Лошенко М.И. Археоботанические коллекции Беларуси. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2021. – 400 с.
10. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк, IX–XIII вв. – Минск: Наука и техника. 1975. – 136 с.
11. Трусаў А.А., Собаль В.Е., Здановіч Н. І. Стары замак у Гродне XI–XVIII стст.: гіст.-археал. нарыс. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 152 с.
12. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Вып. 36. Фокга – чорнагрызый / склад. А.М. Булыка і інш.; пад рэд. А.М. Булыкі; Нац. акад. навук Беларусі. Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – 437 с.
13. Колчин Б.А. Сады древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф., Великий Новгород, 18–20 янв. 2005 г. – Великий Новгород, 2005. – Вып. 19. – С. 324–328.
14. Кирьянов А.В. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. (по археологическим материалам) // Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. Наук СССР, Ин-т истории материал. культуры. – М.; Л., 1959. – № 65: Труды Новгородской археологической экспедиции, Т. 2 / Под. ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. – С. 306–362.
15. Сябарова Э.П. Вішня. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1954. – 102 с.
16. Лепешаў І.Я. 3 лексікі вёскі Бершты Шчучынскага раёна // 3 народнага слоўніка. Рэд. А.А. Крывіцкі, Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – С. 36–52.
17. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Вып. 1. А – Биенье / Склад. Т. І. Білізнюк, А. М. Булыка, П. В. Вярхоў і інш.; Рэд. А.М. Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 296 с.
18. Колединский Л. В., Бубенько Т.С., Хмельницкая Л.В. Витебск времен Огинских (XVII в.) // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі першай берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А.Р. Брадоўскага, 22–23 кастр. 2009., Віцебск / рэдкал.: Г.У. Савіцкі і інш. – Мінск: Медысонт, 2010. – С. 64–75.
19. Навагродскі Т.А. Традыцыі народнага харчавання беларусаў. – Мінск: НІА, 2000. – 112 с.
20. Витер, В.Н. Дубовые орешки (чернильные орешки) // Химия и Химики. – 2013. – № 4. – URL: http://chemistry-chemists.com/N4_2013/ChemistryAndChemists_4_2013-P7-1.html. (дата обращения: 06.03.2022).
21. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск: Тип. губерн. правления, 1871. – Вып. 1. – 374 с.
22. Левашева В.П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья : (в русской деревни X – XIII вв.) // Труды государственного исторического музея / Гос. ист. музей. – М., 1959. – Вып. 33: Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. – С. 38–60.
23. Колединский Л. В. Отчет о полевой работе в Слуцке в 1985 г. // Центральный научный архив НАН Беларуси (ЦНА НАН Беларуси). – Ф. 3. Д. 940. – 51 с.

24. Калядзінскі Л. Па грыбы ў... ХІ стагоддзе // Родная прырода. – 1988. – № 3. – С. 27.
25. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск: Тип. губерн. правления, 1876. – Вып. 7. – 517 с.
26. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1891. – Т. 18: Акты о копных судах. – 639 с.
27. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад рэд. М.Р. Суднікі, М.Н. Крыўко. Мінск: БелЭН, 1996. – 783 с.
28. Полное собрание русских летописей: в 25 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. – Л.: Наука, 1975. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жмоитская, и Быховца; Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – 234 с.
29. Лекарственные растения и их применение / Акад. наук БССР, Ин-т эксперим. ботаники им. В.Ф. Купревича; науч. ред.: И.Д. Юркевич, И.Д. Мишин. – Изд. 6-е. – Минск: Наука и техника, 1975. – 591 с.
29. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад рэд. М.Р. Суднікі, Н.М. Крыўко. – Мінск: БелЭн, 1996. – 783 с.
30. Тарасенко В.Р. Итоги раскопок Минского замчища в 1945–1949 гг. // Изв. АН БССР. – 1950. – № 4. – С. 69–95.
31. Минько Л.И. Народная медицина Белоруссии: (крат. ист. очерк); Акад. Наук Белорус. ССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск: Наука и техника, 1969. – 105 с.
32. Грынблат М.Я. Сялянскія промыслы і рамёствы Беларусі ў ХІХ – пачатку ХХ ст. // Веснік АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1957. – № 2. – С. 47–61.
33. Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб., 1993. – 240 с.
34. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна. – Т. 3. 1867. – 364 с.
35. Штыхов Г.В. Древний Полоцк, IX – XIII вв. – Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.
36. Загорюльский Э.М. Возникновение Минска. – Минск: Изд-во БГУ. – 358 с.
37. Рыбакоў Б.А. Радзімічы // Працы сэкцыі археалёгіі. – Менск, 1932. – Т. III. – С. 81–152.
38. Артемьев А.Р. Города Псковской земли в XIII–XV вв. – Владивосток, 1998. – 418 с.
39. Расиньш А.П. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР // Вопросы этнической истории народов Прибалтики / Труды Объединённой Прибалтийской экспедиции. – М., 1959. – Т. I. – С. 316–339.
40. Гребінь М.П., Коваленко В.П. Дослідження Верхнього замку в Чернігові в 1989 р. // Старожитності Південної Русі: Матеріали III історико-археологічного семінару “Чернігів і його округ в IX–XIII ст.”, Чернігів, 15–18 травня, 1990 р. / Інститут археології АН України, Чернігівський педінститут ім. Т.Г. Шевченка; редкол.: П.П. Толочко (від. ред.) та ін. – Чернігів: Сіверянська думка, 1993. – С. 12–24.
41. Зверуго Я.Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.); АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1975. – 143 с.
42. Колчин Б.А. Железообработывающее ремесло Новгорода Великого: (продукция и технология) // Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР, Ин-т истории материал. культуры. – М.: Л., 1959. – № 65: Труды Новгородской археологической экспедиции. – Т. 2 / под. ред.: А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. – С. 7–120.
43. Гуревич Ф.Д. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка / Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии / Акад. наук СССР, Ин-т истории материал. культуры. – М., 1965. – Вып. 104: Средневековые памятники Восточной Европы. – С. 77–84.
44. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII; Акад. наук СССР, Ин-т археологии; отв. ред. М.К. Каргер. – М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. – 140 с.
45. Лысенко, П.Ф. Берестье; Акад. наук БССР, Ин-т истории; науч. ред. В.В. Седов. – Минск: Наука и техника, 1985. – 399 с.
46. Древняя Русь. Быт и культура / РАН, Ин-т археологии; отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. – М.: Наука, 1997. – 368 с.
47. Ляўданскі А.Н. Археалёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. – Кн. 11. Працы археалёгічнай камісіі. – Т. II. – Менск, 1930. – С. 156–198.
48. Левко О.Н. Раскопки курганного могильника [X–XI вв.] у д. Дроздово Толочинского р-на в 1987 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 1047. – 17 с., [76] ил. + Кол. опись (23 с.). 34.
49. Древняя Русь. Город, замок, село / Г. В. Борисевич и др.; АН СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Б.А. Колчин. – М.: Наука, 1985. – 431 с. (Археология СССР).
50. Готун І.А., Коваль О.А., Петраускас А.В. Экспериментальне вивчення бортництва північною експедицією. Життя бджіл та сутність бортного промыслу // Археологія. – 2008. – № 4. – С. 76–86.
51. Kochanowski J. Barcie i barnictwo na Grodzieńszczyźnie // Niemen. – 1935. – R. 1. – № 1. – S. 1–12. – Grodno: Delegatura Państwowej Rady Ochrony Przyrody.
52. Гурков В.С., Терехин С.Ф. Бортничество в Белоруссии. – Минск: Полымя, 1980. – 30 с.
53. Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. – Минск: Полымя, 1987. – 136 с.
54. Клименко Ф.В. Западно-русские цехи XVI–XVIII вв. – Киев: Тип. Императорского университета св. Владимира, 1914. – 166 с.
55. Копыцкий З.Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XIV – первой половине XVII в. – Минск: Наука и техника. – 1966. – 225 с.
56. Kusiński A. Bartnictwo a uprzywilejowanie ludności w puszcach północnego Mazowsza (XIII – XVIII wiek) // Studia podlaskie. – Białystok, 2017. – S. 66–80.
57. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске. – Витебск: Тип. губерн. правления, 1888. – Вып. 18. – 415 с.

Пастуныў 18.10.2022

**ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ XII – XVII вв.
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ПИСЬМЕННЫМ ДАННЫМ)****Л.В. КОЛЕДИНСКИЙ****(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск)**

В статье на основании археологических и письменных источников рассматриваются лесные промыслы в городах Беларуси XII – XVII вв. К лесным промыслам относятся заготовка древесины, собирательство, бортничество и охота. Последняя нами не рассматривается. Древесина заготавливалась для домостроительства и повседневных нужд горожан, для укреплений и коммунальных нужд города. Для XII – XIII вв. её могли заготавливать индивидуально для себя. Для XVI – XVII вв. она могла быть и предметом торговли. Собирательство грибов и ягод могло быть как занятием горожан, так и сельских жителей, которые доставляли свою продукцию в город на обмен. Бортничество для XII – XIV вв. могло в какой-то мере иметь место в небольших городах. Для периода XV – XVII вв. оно было занятием только сельских жителей, которые доставляли свою продукцию в город.

Ключевые слова: лесные промыслы, заготовка древесины, собирательство, бортничество.

**FOREST PRODUCTION IN THE CITIES OF BELARUS XII – XVII CENTURIES
(ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL AND WRITTEN DATA)****L. KALIADZINSKI****(Belarusian Culture, Language and Literature Research Center
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)**

Based on archaeological and written sources the article considers forests crafts in the towns of Belarus in XII – XVII centuries. The forests crafts include harvesting of wood, gathering, apiculture and hunting. The hunting is not considered here. The wood was harvested for house building and everyday needs of townsfolk, for fortifications and communal needs of a town. In XII – XIII centuries the wood could be harvested for the individuals. In XVI – XVII centuries it could be the subject of trade. Mushrooms and berries gatherings could be activity for the townsfolk as well as for rural residents, who delivered their product to the town for exchange. The apiculture in XII – XIV centuries could take place to some extent in small towns. For the period of XV – XVI centuries it was the activity only for the rural residents, who delivered their products to the town.

Keywords: forestry, timber harvesting, gathering, beekeeping.

УДК 351.853.3(476.5)+904:726.82(476.5)«17/19»

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-14-20

**АРХЕАЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ НА МОГІЛЬНІКУ
КАЛЯ ВЁСКИ ВАСЬКАВІЧЫ ГЛЫБОЦКАГА РАЁНА¹***канд. гіст. навук, дац. В.У. ЧАРАЎКО**(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9594-0430>e-mail: viktar.charauko@gmail.com

Артыкул прысвечаны апісанню археалагічных даследаванняў на грунтовым могільніку каля былой вёскі Васькавічы Глыбоцкага раёна. На могільніку меліся каменная канструкцыя ў выглядзе абкладкі і два каменных крыжы. Было даследавана два мужчынскіх пахаванні. Касцякі арыентаваны галавой на захад з адхіленнямі да поўначы. У запаўненні магільных ям знаходзіліся рэшткі труп з дошак, змацаваных цвікамі. Пахавальны інвентар прысутнічаў у абодвух пахаваннях і прадстаўлен гузікамі, нацэльным крыжыкам і медальёнам. Памінальны інвентар прадстаўлены фрагментамі керамічнага посуду. Інвентар дазваляе датаваць пахаванні XIX – пачаткам XX ст.

Ключавыя словы: пахаванні, могільнік, Беларускае Падзвінне, Васькавічы, каменны надмагіллі, каменныя крыжы.

Уводзіны. Перспектыўным напрамкам археалагічных даследаванняў з’яўляецца вывучэнне пахавальных помнікаў насельніцтва Беларусі позняга Сярэднявечча – ранняга Новага часу (XIV – XVIII стст.). Сельскія пахавальныя помнікі гэтага перыяду ў асноўным прадстаўлены грунтовымі могільнікамі і пахаваннямі на пляцоўках курганных груп больш ранняга перыяду. На Беларускім Падзвінні пераважная большасць пахаванняў мае разнастайныя каменныя надмагіллі. Яны могуць уяўляць сабой валуны ў галавах і/або нагах пахавання, суцэльныя каменныя выкладкі, абкладкі магільных насыпаў па перыметры, каменныя крыжы. Гэта дазваляе лічыць каменныя надмагіллі характэрнымі маркёрамі пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стст. [1, с. 126, 136]. З улікам таго, што познесярэднявечныя пахаванні ў асноўным безынвентарныя, археалагічныя даследаванні на новых і ўжо выяўленых некропалях дазваляюць удакладніць датаванне помнікаў і нашы ўяўленні аб пахавальным абрадзе.

Асноўная частка. Размяшчэнне могільніка Васькавічы. У 2010 г. на тэрыторыі Глыбоцкага раёна Віцебскай вобласці намі праводзіліся археалагічныя раскопкі і разведкі познесярэднявечных пахавальных помнікаў². Адным з абследаваных аб’ектаў сталі могілкі каля былой вёскі Васькавічы³. Аб наяўнасці там магіл з каменнымі крыжамі паведамаў у сваёй «Археалагічнай карце» Г.В. Штыхаў [2, с. 43]. На момант разведак вёска перапыніла існаванне, а закінутыя могілкі густа зараслі хмызняком і лесам. Пляцоўка могільніка знаходзіцца ў 25 м на поўдзень ад трасы, што злучае в. Зябкі з г. Ушачы (малюнак 1). Недалёка размешчаны познесярэднявечныя могілкі каля вёсак Доўгае і Івесь. Адлегласць ад іх да могільніка Васькавічы складае, адпаведна, каля 1 км і 8 км па прамой. Пры візуальнай разведцы на могільніку быў выяўлены каменны крыж (каменны крыж 1, малюнак 1).

У 2015 г. намі праводзіліся раскопкі на познесярэднявечных могілках Доўгае і Івесь Глыбоцкага раёна, пахаванні на якіх абазначаны каменнымі надмагіллямі і крыжамі. Паўторная візуальная разведка і шурфоўка была праведзена і на могільніку каля былой в. Васькавічы⁴. Мэтай шурфоўкі было ўдакладненне храналогіі помніка і вызначэнне асаблівасцей пахавальнага абраду.

Апісанне шурфа. Пляцоўка каля каменнага крыжа 1 была ачышчана ад хмызняку. На захад ад крыжа 1 выяўлена каменная абкладка. На пляцоўцы быў закладзены шурф памерамі 3 × 3 м. Ён быў арыентаваны па баках свету (малюнк 1–2) і закладаўся з разлікам, каб уключыць крыж 1 і каменную абкладку. Памеры шурфа тлумачацца імкненнем даследаваць выяўленую каменную канструкцыю пры невялікай колькасці наяўных людзей і абмежаваным часе. У працэсе шурфоўкі выявілася, што касцякі пахаванняў выходзяць за межы шурфа, таму з усходняга боку да яго была зроблена прырэзка плошчай 1 м². У выніку агульная плошча шурфа склала 10 м².

Пляцоўка мела рэзкі нахіл з поўдня на поўнач, перапад вышынь у межах шурфа складаў каля 0,5 м. Каменны крыж 1 размяшчаўся ў квадраце Б1. На захад ад крыжа 1 у квадратах Б1 і Б2 знаходзілася пазначаная

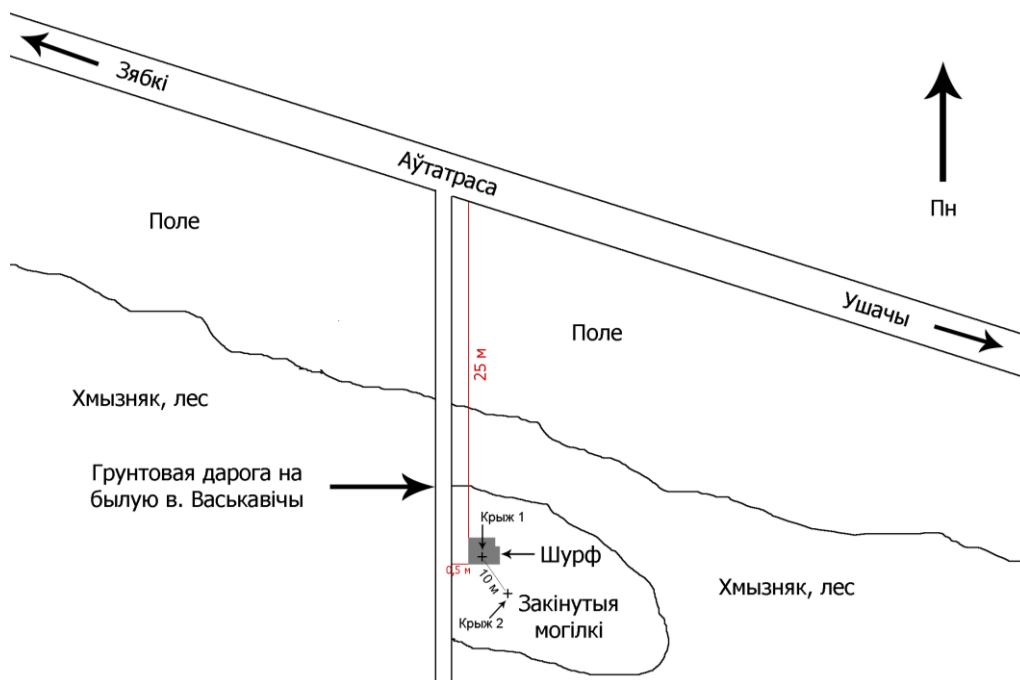
¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма «Гісторыя», заданне «Археалагічная спадчына як фактар забеспячэння гуманітарнай бяспекі беларускага грамадства», праект «Гаспадарка, культурныя традыцыі і насельніцтва Полацка і Полацкага Падзвіння ў эпоху станаўлення і развіцця гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці ў IX–XVIII стст.», дзяржаўная рэгістрацыя № 20211489 ад 21.05.2021).

² Чараўко В.У. Справаздача аб археалагічных разведках на тэрыторыі Глыбоцкага і Ушачкага раёнаў Віцебскай вобласці ў 2010 годзе / Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва (ФАНД ЦНА) НАН Беларусі. – Спр. № 2878.

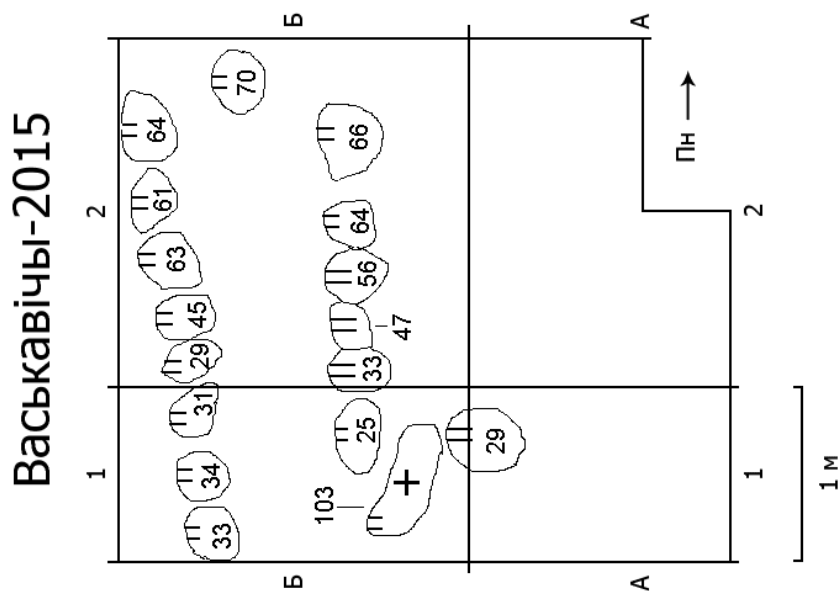
³ Аўтар выказвае падзяку старшаму выкладчыку кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай А.Л. Коцу і В.А. Коц за дапамогу ў арганізацыі даследаванняў каля в. Васькавічы.

⁴ Чараўко В.У. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на могілках каля вёсак Доўгае, Васькавічы, Івесь Глыбоцкага раёна Віцебскай вобласці ў 2015 годзе / ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Спр. № 3350.

канструкцыя ў выглядзе абкладкі, арыенціраванай па лініі поўнач – поўдзень. Яна складалася з пятнаццаці камянёў. Яшчэ адзін камень знаходзіўся на ўсход ад крыжа (малюнак 2).

Малюнак 1. – Могільнік каля в. Васькавічы Глыбоцкага р-на Віцебскай вобл. Сітуацыйны план

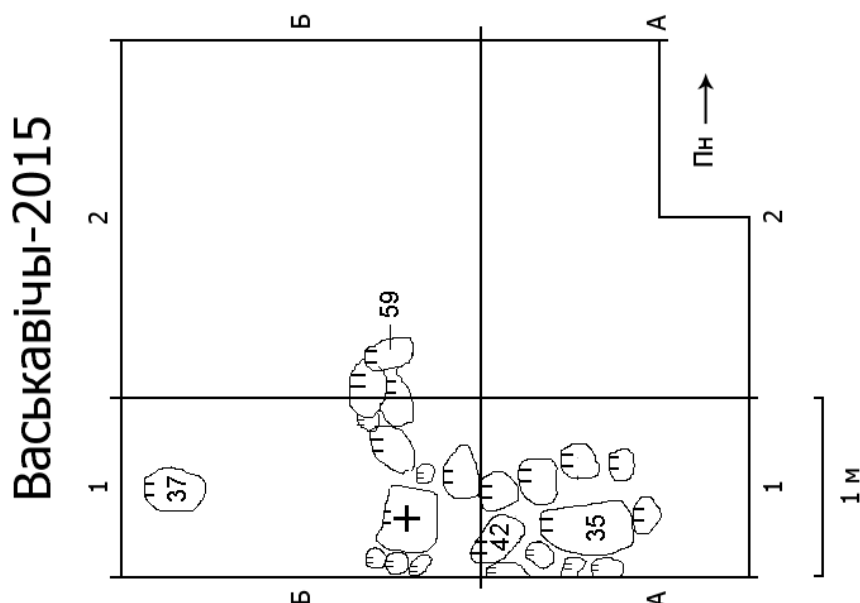

Малюнак 2. – Могільнік каля в. Васькавічы Глыбоцкага р-на Віцебскай вобл. Шурф 2015 г.
Каменныя канструкцыі на ўзроўні дзённай паверхні

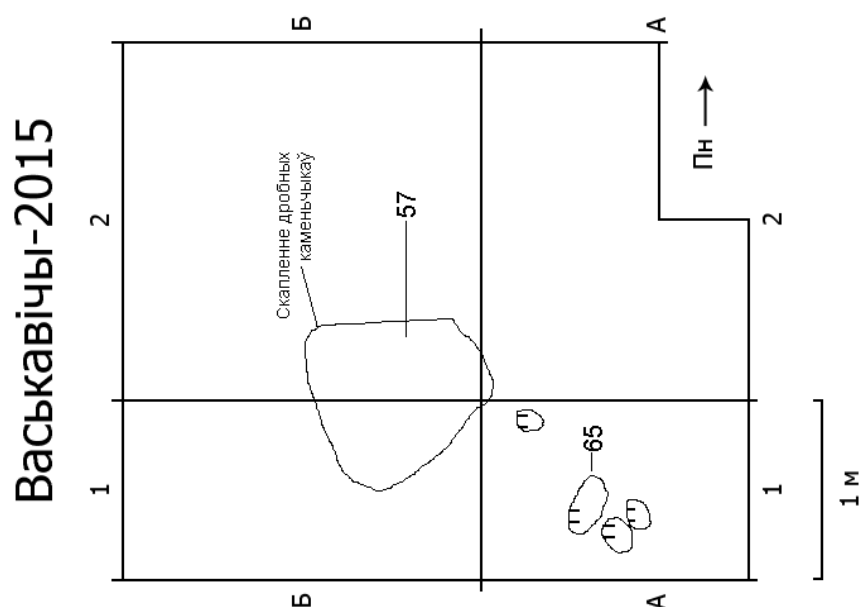
Вышыня наземнай часткі крыжа 1 складала 0,63 м, шырыня перакладзіны 0,65 м. У ходзе шурфоўкі крыж быў вынуты з зямлі. Яго агульная вышыня складала 1,07 м. Крыж 2 знаходзіцца на адлегласці каля 10 м на паўднёвы ўсход ад крыжа 1 (гл. малюнак 1). Вышыня яго наземнай часткі 0,53 м, шырыня перакладзіны 0,73 м.

Пасля зняцця слоя дэрану ў працэсе разбору пласта 1 (0,2 м ад узроўню дзённай паверхні) быў выяўлены працяг каменных канструкцый (малюнак 3). З паўднёвага боку крыж утрымліваўся на трох невялікіх камянях, пакладзеных каля яго падножжа. З паўночнага і паўночна-ўсходняга бакоў каля падножжа крыжа знаходзілася яшчэ два камяні. Адзінаццаць камянёў размяшчаліся ў квадраце А1 на ўсход ад каменнага крыжа 1, яшчэ 5 ляжалі на поўнач ад крыжа ў квадраце Б2, 1 камень знаходзіўся ў паўднёва-заходнім куце шурфа ў квадраце Б1.

У пласце 2 (0,4 м ад узроўню дзённай паверхні) было зафіксавана 4 камяні, што знаходзіліся ў квадраце А1 (малюнак 4). На мяжы квадратаў Б1 і Б2 выяўлена лінза пяску, перамяшанага з залой і вуголлем, што ўказвае на развядзенне вогнішча. Пад лінзай знаходзілася скапленне дробных каменячыкаў памерамі 1–2 см. У межах пласта 2 у квадратах Б1, Б2 і А2 адбыўся выхад на мацярык.

Малюнак 3. – Могільнік каля в. Васькавічы Глыбоцкага р-на Віцебскай вобл. Шурф 2015 г.
Каменныя канструкцыі пласта 1 (0,2 м ад узроўня дзённай паверхні)

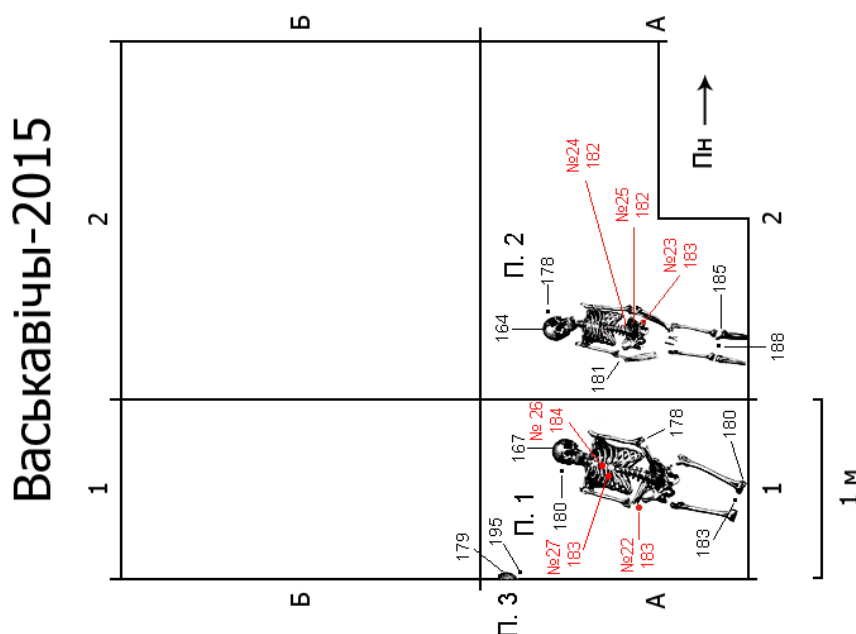

Малюнак 4. – Могільнік каля в. Васькавічы Глыбоцкага р-на Віцебскай вобл. Шурф 2015 г.
Каменныя канструкцыі пласта 2 (0,4 м ад узроўня дзённай паверхні)

У паўднёва-ўсходняй частцы шурфа (квадраты А1 і А2) былі выяўлены 2 пахаванні, касцякі якіх выходзілі за межы шурфа (малюнак 5). У сувязі з гэтым было прынята рашэнне зрабіць прырэзку з усходняга боку. Памер прырэзкі быў абмежаваны паваленым дрэвам на ўсход ад шурфа.

Параўнанне планаў размяшчэння пахаванняў і камянёў паказвае, што каменная канструкцыя ў квадратах Б1 і Б2 на ўзроўні дзённай паверхні, выцягнутая з усходу на захад, з'яўляецца не надмагіллем, а абкладкай сцэжкі-ўваходу на могілкі. Каменных канструкцый, якія б адносіліся да пахавання 2, не зафіксавана. Пахаванне 1 на

ўзроўні дзённай паверхні было пазначана вялікім камянём у галавах. Гэты камень і камяні ў пластах 1–2 квадрата А1 складаюць канструкцыю ў форме суцэльнай вымасткі, што размешчана практычна над касцяком пахавання 1 (над верхняй паловай шкілета) з невялікім адхіленнем. Разам з тым, на адлегласці каля 0,8 м на поўдзень ад пахавання 1 размешчана пахаванне 3 (не даследавана, выходзіць за межы шурфа). Магчыма, частка камянёў у квадраце А1 адносілася да надмагілля пахавання 2. Каменны крыж 1 знаходзіцца дастаткова далёка як ад пахавання 1, так і ад пахавання 3 (на адлегласці 0,5 м). Ён мог адносіцца як да надмагілля пахавання 1, так і да надмагілля пахавання 3 і змясціцца з часам з прычыны перападу рэльефа. З прычыны блізкага размяшчэння пахаванняў 1 і 3 дакладнае размежаванне камянёў у квадраце А1 паміж надмагільнымі канструкцыямі пахаванняў 1 і 3 праблематычна.

Малюнак 5. – Могільнік каля в. Васькавічы Глыбоцкага р-на Віцебскай вобл. Шурф 2015 г.
План пахаванняў

Стратыграфія шурфа мела наступны выгляд. Пад слоём дзёрану знаходзілася праслойка цёмнай, насычанай арганікай глебы магутнасцю каля 0,1 м. Пад ёй ішоў слой жоўтага пяску, у які былі ўпушчаны пахаванні. У выніку ажыццяўлення пахаванняў на ўсходнім, паўднёвым і заходнім прафілях чытаюцца ямы ад перакопаў. На паўднёвым прафілі прысутнічае лінза з светла-шэрага пяску. Пад жоўтым пяском знаходзіўся светлы, бледна-жоўты пясок.

Пасля завяршэння работ шурф быў засыпаны, дзённая паверхня рэкультывавана.

Апісанне пахаванняў. У квадратах А1 і А2 было выяўлена тры пахаванні. Даследавана два з іх.

Пахаванне 1 знаходзілася на глыбіні 1,21 м ад узроўню дзённай паверхні (гл. малюнак 5). Касцяк арыенціраваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Захаванасць касцей добрая. Рукі складзены на жываце, правая на левай. У пахаванні выяўлены нацельны крыжык і медальён, а таксама касцяны гузік (гл. малюнак 5, №№ 26, 27, 22 паводле Вопіса індыўідуальных знаходак; малюнак 6, а–в). Каля касцяка знойдзена 12 каваных цвікоў ад труны. Паводле антрапалагічнай экспертызы, праведзенай В.А. Емяльянчык⁵, парэшткі належалі мужчыне ва ўзросце ад 50 гадоў.

Пахаванне 2 знаходзілася на адлегласці 0,4 м на поўнач ад пахавання 1 на глыбіні 1,18 м ад узроўню дзённай паверхні (гл. малюнак 5). Захаванасць касцей добрая. Арыенціроўка касцяка заходняя, з адхіленнем на поўнач. Палажэнне рук нетыповае: рукі выцягнуты, толькі крыху сагнуты ў лакцях, кісці знаходзіліся на тазавых касцях. У пахаванні выяўлены 3 гузікі і фрагмент тканіны (гл. малюнак 5, №№ 24, 25, 23 паводле Вопіса індыўідуальных знаходак; малюнак 6, г–е). Каля касцяка знойдзена 9 каваных цвікоў ад труны. Паводле антрапалагічнай экспертызы, парэшткі належалі мужчыне ва ўзросце 20–30 гадоў з паталогіяй пазваночніка.

Пахаванне 3. Пры зачыстцы паўднёвай сценкі квадрата А1 быў выяўлены чэрап пахавання 3 (гл. малюнак 5), якое выходзіла за межы шурфа, і 3 каваныя цвікі ад труны. Чэрап знойдзены на глыбіні 1,46 м ад узроўню дзённай паверхні. Улічваючы познюю храналогію артэфактаў з пахаванняў 1–2, касцяк пахавання 3 не разбіраўся і не парушаўся.

⁵ Аўтар выказвае падзяку дацэнту кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай, кандыдату біялагічных навук, дацэнту В.А. Емяльянчык за праведзеную антрапалагічную экспертызу.

пахаванне 1: а – гузік, б – нацельны крыжык, в – медальён;
пахаванне 2: з і д – гузікі, е – гузік, прышыты да кавалка тканіны

Малюнак 6. – Могільнік каля в. Васькавічы Глыбоцкага р-на Віцебскай вобл. Шурф 2015 г.
Пахавальны інвентар

Увесь палеаантрапалагічны матэрыял быў перададзены палеаантрапологу В.А. Емяльянчык для першаснай апрацоўкі і далейшага вывучэння. Прынятая ў Полацкім дзяржаўным універсітэце практыка пастаяннага захоўвання ўсіх астэалагічных парэшткаў, выяўленых у час археалагічных даследаванняў, дазволіла праз некалькі гадоў правесці іх паглыбленае вывучэнне. Рэнтгенаграфія і камп'ютарная тамаграфія пазваночніка індывіда з пахавання 2 выявіла паступовае развіццё паталогіі, у выніку якой адбылося пашкоджанне пазванкоў (з 9-га па 13-ы грудных і 1-га паяснічнага), міжпаванковых дыскаў і зрашчэнне пашкоджаных пазванкоў паміж сабой. Прычынай дэфармацыі, якая фарміравалася на працягу некалькіх месяцаў або гадоў, верагодна, з'яўляецца сухотны спандылёз. Мужчына амаль не мог хадзіць, але паступовае развіццё хваробы дазволіла пражыць яму не адзін год. У канцы жыцця ён, верагодна, у асноўным ляжаў на баку, паколькі дэфармацыя пазваночніка дасягнула такой ступені, што галава мусіла знаходзіцца на ўзроўні таза [3, с. 136, 145–146]. Падкрэслім, што ў выпадку перапахавання выяўленых пры раскопках парэшткаў правесці іх падобнае паглыбленае вывучэнне было б немагчыма. Відавочна, спецыфічнае палажэнне рук касцяка пахавання 2 тлумачыцца пазначанай паталогіяй. Пры моцнай дэфармацыі пазваночніка на момант раскопак і з улікам тафанамічных змен палажэння касцей складзеныя на тазавых касцях рукі былі толькі крыху сагнуты ў лакцях.

Індывідуальныя знаходкі прадстаўлены інвентаром пахаванняў 1–2 (гл. малюнак 6) і каванымі цвікамі ад трон пахаванняў 1–3.

Інвентар пахавання 1 прадстаўлены:

1) касцяным гузікам дыяметрам 2,7 см з чатырма несіметрычнымі адтулінамі, што ўказвае на яго саматужны выраб (гл. малюнак 6, а);

2) нацельным крыжыкам з металу жоўтага колеру, пакрытым карозіяй зялёнага колеру, што ўказвае на медны сплаў (гл. малюнак 6, б). З аднаго боку крыжыка знаходзіцца выява распяцця, з іншага – лацінскі надпіс «MISSION», выявы цвіка, абцугоў і перакрываючых дзіды і тросці з губкай. Адзначым цікавую іканаграфію выявы. У каталіцкай традыцыі ногі Хрыста прынята адлюстроўваць прыбітымі да крыжа адным цвіком, у праваслаўнай – двума цвікамі. На крыжыку з пахавання 1 лацінскі надпіс указвае на каталіцкую, а выява Хрыста – на праваслаўную традыцыі. Не выключана, што такое спалучэнне сведчыць аб тым, што крыжык быў выраблены для ўніяцкай царквы;

3) авальным медальёнам з металу белага колеру з трыманнем для ланцужка і адным звёнам ланцужка (гл. малюнак 6, в). На рабры медальёна маецца залатніковая проба «84», якая ўжывалася ў царскай Расіі, РСФСР і СССР да 1927 г. і ўказвае на сярэбраны сплаў.

Інвентар пахавання 2 прадстаўлены:

1) двума металічнымі (?) гузікамі дыяметрам 2,6 см, пакрытымі тканінай (гл. малюнак 6, г, д);

2) адным металічным гузікам дыяметрам 1,5 см, прышытым да фрагмента тканіны (гл. малюнак 6, е).

Цвікі, выяўленыя ў магільных ямах пахаванняў 1–3, указваюць на наяўнасць трун і на тое, што яны былі зроблены з дошак.

Масавыя знаходкі прадстаўлены фрагментам металічнай патэльні, выяўленай пад каменным крыжам, і фрагментамі керамічнага начыння (19 пазіцый), знойдзенымі ў квадратах А1 і Б1 на поўнач ад каменнага крыжа (пласт 1). Цеста аднароднае, абпал добры, з унутранага боку начынне пакрыта палівай светла-карычневага колеру, са знешняга – добра загладжана. Фрагменты начыння могуць быць датаваны XIX – пачаткам XX ст. Размяшчэнне фрагментаў посуду ў пласце 1 над пахаваннямі дазваляе інтэрпрэтаваць іх як памінальны інвентар.

Выходзячы з тых асаблівасцей пахавальнага абрада, якія можна зафіксаваць па матэрыяльных рэштках, даследавання на могільніку Васькавічы пахавання дэманструюць пераемнасць традыцый папярэдняй эпохі, якія выразна прасочваюцца на суседніх могільніках Івесь і Доўгае. Гэта праяўляецца ў практыцы стварэння каменных надмагілляў і пастаноўкі каменных крыжоў, наяўнасці над магіламі фрагментаў керамікі (рэшткаў памінальнага інвентара), агульных заканамернасцяў палажэння цела памерлых (заходня арыенціроўка касцяка з магчымымі адхіленнямі, рукі пераважна складзены на жываце, грудзях або тазавак касцяках), наяўнасць труны, прысутнасць інвентара, які не супярэчыць хрысціянскаму канону [4, с. 325–337]. Устойлівасць пахавальных традыцый адзначалася даследчыкамі і для іншых мікрарэгіёнаў Беларускага Падзвіння [5, с. 261–269]. У той жа час, на развіццё пахавальнай практыкі можа ўказваць узростанне колькасці рэчаў пахавальнага інвентара.

Заклучэнне. Такім чынам, у ходзе археалагічнага абследавання могільніка каля былой в. Васькавічы Глыбоцкага раёна ў 2015 г. былі складзены сітуацыйны план, зафіксаваны параметры двух каменных крыжоў, зроблены фотаздымкі апошніх. На могільніку быў закладзены шурф плошчай 10 м², у межах якога знаходзіўся крыж 1. У межах шурфа было выяўлена 3 і даследавана 2 пахавання (пахаванне 3, выяўленае ў сценцы шурфа, не разбіралася і не даследавалася).

Пахаванне 1 і 2 – мужчынскія. Пахаванне 1 было пазначана каменнай канструкцыяй у выглядзе вымасткі над верхняй паловай шкідэта з вялікім камянем у галавах пахавання. З прычыны блізкага размяшчэння пахаванняў 1 і 3 дакладнае размежаванне камянёў у квадраце А1 паміж надмагільнымі канструкцыямі пахаванняў 1 і 3 праблематычна.

Нетыповае палажэнне рук у пахаванні 2 тлумачыцца не адметнасцямі пахавальнага абрада, а хваробай (патолагіяй пазваночніка). Пахаванні былі ажыццёўлены ў змацаваных каванымі цвікамі трунах і мелі інвентар, прадстаўлены гузікамі, нацельным крыжыкам і медальёнам. Блізкае размяшчэнне касцякоў, адсутнасць парушэння анатамічнага парадку касцей і аднолькава добры стан іх захаванасці ўказвае на тое, што пахаванні былі зроблены ў кароткі прамежак часу (магчыма, адначасова). Пахавальны і памінальны інвентар дазваляе датаваць пахаванні канцом XIX ст., магчыма, пачаткам XX ст. Нацельны крыжык з надпісам на лацінскай мове ўказвае на магчымую прыналежнасць памерлых да каталіцкай канфесіі. Аднак прысутная на ім выява ўкрыжаванага Хрыста, характэрная для праваслаўнай іканаграфіі, можа сведчыць аб прыналежнасці да ўніяцкага веравызнання.

Пахаванні 1–2 утрымліваюць значную колькасць прадметаў пахавальнага інвентара (гузікі ад вопраткі, медальён, крыжык). У параўнанні з практычна безынвентарнымі пахаваннямі XIV – XVIII стст. гэта адлюстроўвае развіццё пахавальных традыцый. У той жа час арыенціроўка касцякоў, палажэнне рук, пахаванне ў трунах са змацаваных каванымі цвікамі дошак, наяўнасць каменнага крыжа і памінальнага інвентара (фрагментаў керамікі) сведчыць аб пераемнасці з традыцыйнай для рэгіёна пахавальна-памінальнай практыкай перыяду позняга Сярэднявечча – ранняга Новага часу.

ЛІТАРАТУРА

1. Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / В.М. Ляўко і інш.; пад рэд. В.М. Ляўко. – Мінск: Беларуская навука, 2011. – 597 с.
2. Штыхов Г.В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Вып. 2. – Минск: Полымя, 1971. – 276 с.
3. Васильев С.В., Булгин Д.В., Симавонян К.В., Боруцкая С.Б., Емельянчик О.А., Оганесян А.О., Карташов С.И., Чичаев И.А. Опыт исследования палеопатологии позвоночника с помощью компьютерной томографии и рентгенографии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 3(58). – С. 136–147. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-58-3-12>.
4. Чараўко В.У. Пахавальны абрад познесярэднявечага могільніка каля в. Івесь Глыбоцкага раёна Віцебскай вобласці (па матэрыялах археалагічных даследаванняў 2010–2015 гг.) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VII Міжнароднага навуковага канф., Полацк, 1–2 лістапада 2017 г. / уклад. Т.У. Явіч. – Полацк: Полацкае кніжнае выдавецтва, 2019. – С. 325–337.
5. Дук Д.У. Археалагічныя раскопкі на грунтовым могільніку Туржэц 2 Полацкага раёна // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2008. – № 15. Археалогія эпохі Сярэднявечча. Да 80-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхова. – С. 261–269.

Паступіў 29.12.2022

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ
ВОЗЛЕ ДЕРЕВНИ ВАСЬКОВИЧИ ГЛУБОКСКОГО РАЙОНА****В.В. ЧЕРЕВКО***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

Статья посвящена описанию археологических исследований на грунтовом кладбище возле бывшей деревни Васьковичи Глубокского района. На могильнике имелаась каменная конструкция в виде обкладки и два каменных креста. Было исследовано два мужских погребения. Костяки ориентированы головой на запад с отклонениями к северу. В заполнении могильных ям находились остатки гробов из досок, скрепленных гвоздями. Погребальный инвентарь присутствовал в обоих погребениях и представлен пуговицами, нательным крестиком и медальоном. Поминальный инвентарь представлен фрагментами керамической посуды. Инвентарь позволяет датировать погребения XIX – началом XX в.

Ключевые слова: погребения, могильник, Белорусское Подвинье, Васьковичи, каменные надгробия, каменные кресты.

**ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS AT THE BURIAL GROUND
NEAR THE VILLAGE OF VASKOVICHI, GLUBOKOE REGION****V. CHARAUKO***(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)*

The paper is devoted to the description of archaeological research at the soil cemetery near the former village of Vaskovichi, Glubokoe region. The burial ground had a stone structure in the form of a lining and two stone crosses. Two male burials were examined. The skeletons are oriented with their heads to the west with deviations to the north. In the filling of the grave pits were the remains of coffins made of boards fastened with nails. The grave goods were present in both burials and were represented by buttons, a pectoral cross and a medallion. The funeral inventory is represented by fragments of ceramic dishes. The inventory allows dating the burials of the 19th – early 20th centuries.

Keywords: burials, cemeteries, Vaskovichi, Belarusian Dvina Region, stone gravestones, stone crosses.

УДК 94(435.9)«1443»

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-21-27

**ЛЮКСЕМБУРГСКАЯ КОМПАНИЯ ГЕРЦОГА ФИЛИППА III ДОБРОГО
(АВГУСТ – ДЕКАБРЬ 1443 г.)****канд. ист. наук, доц. Д.Н. ЧЕРКАСОВ
(Белорусский государственный университет, Минск)**

В статье рассматривается военная компания бургундского герцога Филиппа III Доброго, проведенная в герцогстве Люксембург в августе – декабре 1443 г. против представителей и сторонников Вильгельма III, герцога Саксонского. Бургундским силам в течение августа-сентября, при поддержке представителей местной знати, удалось установить контроль над большей частью герцогства. Основные действия свелись к захвату двух крупнейших городов – Люксембурга и Тьонвиля. В результате, Люксембург был взят благодаря тщательно подготовленной операции, позволившей бургундцам ночью открыть одни из городских ворот и войти в город. Падение столицы привело к заключению договора и уходу саксонских сил из герцогства.

Ключевые слова: Филипп III Добрый, Вильгельм III Саксонский, архиепископ Трирский, Люксембург, Тьонвиль.

Введение. События, связанные с бургундским завоеванием Люксембурга, традиционно рассматривались в рамках люксембургской истории, либо в контексте политики герцогов Бургундских династии Валуа. В этой связи, можно указать на работы XVIII – XIX вв. Ж. Бертоле [1], П. де Баранта [2], Г. дю Френ де Бокура [3], Н. ван Вервека [4], в XX – XXI вв. – П. Бонанфана, Р. Возна, И. Лаказ [5], Б. Шнерба и ряда других исследователей.¹

Вместе с тем, настоящая статья рассматривает проблему бургундского завоевания Люксембурга, опираясь на современные достижения и подходы исторической науки. Ее цель – максимально полно и точно рассмотреть, и проанализировать, военную компанию бургундского герцога Филиппа III Доброго в Люксембурге в августе-декабре 1443 г.

Герцогство Люксембург, расположенное на франко-имперском пограничье, с 1383 г. принадлежало богемской ветви Люксембургской династии. В 1409 г. король Венцеслав IV Богемский передал Люксембург своей племяннице, Элизабет де Гёрлиц, и ее мужу, Антуану Бургундскому, герцогу Брабанта и Лимбурга, под залог выплаты 120 тыс. рейнских флоринов, полагавшихся Элизабет в качестве приданого. Элизабет, после гибели Антуана в битве при Азенкуре в 1415 г., а затем смерти второго мужа, Жана Баварского, в январе 1425 г. стала управлять Люксембургом самостоятельно (1425–1441). В 1439 г. права на герцогство были предоставлены наследниками Люксембургской династии их родственнику, герцогу Вильгельму III Саксонскому, который вел переговоры с Элизабет де Гёрлиц о выкупе Люксембурга. В ситуацию вмешался племянник Элизабет, бургундский герцог Филипп III Добрый, также заинтересованный в приобретении Люксембурга, граничившего с его владениями. По договору в Эдене (1441) герцогиня уступила ему свои права за значительную денежную компенсацию. Однако к этому времени Вильгельм III Саксонский прочно утвердился в герцогстве, фактически лишив герцогиню Люксембургскую власти [5, р. 157–159]. Поскольку переговоры, проходившие в 1442–1443 гг., не привели к разрешению бургундо-саксонского конфликта, Филипп III Добрый решил силой утвердить свои права, приобретенные по Эденскому договору, предприняв в августе 1443 г. поход в герцогство Люксембург.

Основная часть. Саксонский контингент в Люксембурге мог насчитывать 800–1000 воинов, подчинявшихся графу фон Глейхен, которые располагались в ряде городов и замков герцогства, но, преимущественно, в Люксембурге и Тьонвиле, где имели поддержку горожан [6, р. 74]. Большинство знати герцогства заняло выжидательную позицию. Из тех феодалов, кто в конфликте симпатизировал саксонцам, наиболее значимым был Жерар де Родемак, но даже он не выступил открыто. Как самостоятельная сила, на землях Люксембурга действовал дамуазо де Коммерси, контролировавший несколько замков на юго-западе герцогства.²

Часть представителей местной знати поддержала герцога Бургундского, с которым была связана вассально-ленными отношениями. Наиболее важными среди них были граф Жан IV де Нассау-Дилленбург, владевший зависимым от Люксембурга графством Вианден, и Рупрехт IV, граф де Вирнебург, которому было уже за 60 лет. Активную поддержку бургундцам оказали также Бернард де Буршайд и его брат Марсилиус, Жан де Булэ, сеньор де Солёвр, Эвар III де ла Марк и его сын Жан [7, р. 14, 15, 19]. В Люксембурге находились домены давнего и верного сторонника Бургундского дома, Анри де ла Тура. Накануне похода против саксонцев все они получили письма от Филиппа Доброго с призывом поддержать его в этом деле.³

¹ Vaughan R. Philippe the Good. The apogee of Burgundy. London. 1970; Bonenfant P. Philippe le Bon. Sa politique, son action. Études présentées par Anne-Marie Bonenfant-Feytmans. Bruxelles. 1996; Schnerb B. L'État bourguignon 1363–1477. Paris. 1999.

² «Больше всего сопротивление, которое герцог встретил в стране, наряду с двумя упомянутыми городами, оказал дамуазо де Родемак, который был большим сеньором на здешней границе. Он крепко стоял за саксонцев и был плохим бургундцем в своем сердце. Но он охранял свой дом и вел малую войну, выжидая, кто будет побеждать. Равно и дамуазо де Коммерси имел в стране несколько мест, взятых его сторонниками» [7, р. 19–20].

³ «Решив начать войну, герцог Бургундский написал письма графу де Вирнебургу и дамуазо де Солёвр, Анри де ла Туру и другим знатым [людям] земли и герцогства Люксембург и на границах вокруг. Так, что большая часть держала сторону герцогини, желая помочь ей, начав войну против тех, кто вышел из ее повиновения. Он обещал им, что вскоре направит своих людей и затем будет лично, чтобы отвоевать это герцогство» [6, р. 75].

В Люксембурге, фактически, существовали два центра власти – один в лице наместника герцога Бургундского, графа де Вирнебурга, второй был представлен наместником Вильгельма Саксонского, графом фон Глейхен. Напряжение между саксонцами и бургундской партией было так велико, что нужна была лишь искра, чтобы сдерживаемая вражда вспыхнула. Это произошло, когда в начале августа граф де Вирнебург занял Арлон и пленил двух людей графа фон Глейхен [8, p. 110–111].

В августе 1443 г. герцог Бургундский направил в Люксембург Симона де Лален и около 400 пикардийцев, которые должны были поддержать графа де Вирнебурга и других его сторонников, начав военные действия против саксонцев. Отряд с марша попытался войти в Тьонвиль, но вынужден был отступить и расположиться неподалеку, во Флоранже, принадлежавшем Анри де ла Туру.⁴ До прихода герцога Бургундского Симону де Лален удалось занять ряд городов и местечек, в том числе Ивуа и Монмеди [7, p. 13].

Со своей стороны, военные действия начал граф фон Глейхен. 19 августа он с частью гарнизона Люксембурга пытался отбить Арлон, но без успеха, захватив лишь скот и пленных. Саксонцы хотели осадить город, но были вынуждены отступить из-за потерь. Не обошлось и без грабежей и разорений [6, p. 84]. Граф де Вирнебург воспользовался этим, чтобы пожаловаться на действия саксонцев архиепископу Трирскому [10, S. 52].

Архиепископ, Жак де Сирк, предпринял посреднические усилия. В Трире собрались советники курфюрстов Майнца, Кёльна и пфальцграфа Рейнского, чтобы совместно с архиепископом Трирским попытаться достичь соглашения. Переговоры начались 23 августа и, вероятно, продолжались до 8 сентября. 27 августа 1443 г. архиепископ постановил, что согласно договору, который Штаты Люксембурга заключили с герцогиней в 1433 году, они должны сделать все возможное, чтобы предотвратить какие-либо действия против законных прав наследников герцогства. Поскольку герцогиня Элизабет через короля Венцеслава IV обладала неоспоримыми правами на землю, все обязательства перед ней должны были быть выполнены, но те права, которые Венцеслав IV сохранил для себя и своих наследников, следует оставить герцогу Саксонскому [11, p. 227].

Саксонские интересы на конференции в Трире представляли граф фон Глейхен, Апель Вицтум, Георг фон Бебенбург и Эккариус Шотте. Здесь присутствовали многие представители Штатов Люксембурга, но не было никого от герцога Бургундского и Элизабет де Гёрлиц. Вынесенное на встрече предварительное арбитражное решение постановляло, чтобы в течение трех недель все ворота городов и замков Люксембурга были закрыты для бургундцев, а с 8 сентября 1443 г. до того же дня следующего года должно было соблюдаться перемирие. Графы де Вирнебург и фон Глейхен должны были совместно защищать страну и пути сообщения. Каждая из сторон сохраняла то, чем владеет, на жителей герцогства не должно было возлагаться никакое дополнительное бремя [10, S. 53–54]. В действительности Жак де Сирк был полностью на стороне саксонской партии Люксембурга. Конечно, его поддержка щедро оплачивалась Вильгельмом III, который, например, окончательно отказался в пользу архиепископа от сеньории Шёнек [8, p. 121].

3 сентября саксонцы во второй раз подошли к Арлону с намерением осадить его. Но Филипп де Сирк, брат архиепископа, находившийся в Меце, сообщил о скором приближении войск герцога Бургундского, после чего саксонцы сняли осаду, разорили и сожгли деревни Мерш, Альтенхофен и Фриланген [10, S. 55]. Архиепископ Трира снова выступил в качестве посредника между графом де Вирнебургом и саксонцами [8, p. 121–122].

Герцоги Фридрих и Вильгельм Саксонские не оказывали необходимой финансовой поддержки своим людям в Люксембурге, которые 7 сентября писали им, что отправили в Саксонию 4 посольства, так и не получив ответа. Внутри саксонского правительства была определенная оппозиция люксембургской политике своих князей. Саксонцы в Люксембурге были готовы к сопротивлению и писали своим князьям, что смогли бы противостоять герцогу Бургундскому, если бы получили помощь от союзников. Помимо Гессена, Майнца и Трира, особая надежда была на Кристофа Баварского, короля Дании, Швеции и Норвегии, который со своим флотом мог бы атаковать Голландию и Зеландию и отвлечь внимание Филиппа Доброго. Но получить помощь от союзников было трудно. Король Дании писал, что занят другими делами. Архиепископ Майнца и ландграф Гессена тоже отговорились. Утверждали даже, что ландграф заверил графов де Вирнебурга и де Нассау, что не нападет на них. От императора Фридриха III, после его переговоров с герцогом Бургундским в Безансоне в ноябре 1442 г., нельзя было получить никакой другой поддержки, кроме писем. Более того, бургундцы заверяли, что в Люксембурге их герцог действует с ведома и воли Фридриха [10, S. 58–59].

Между тем, 25 августа 1443 г. Филипп Добрый покинул Дижон, выступив в поход на Люксембург. Герцог прошел через Верхнюю Сену и 8 сентября остановился в Мезьере на р. Мёз.⁵ Его сопровождали герцогини Бур-

⁴ «В 1443 г., в августе месяце, прибыл сеньор Симон де Лален, рыцарь, один из капитанов монсеньора герцога Филиппа Бургундского. Прошел через Лонгвиль и возле моста Мертвых в сопровождении около 400 пикардийцев из Булоннуа, которым наши сеньоры из Меца обеспечили безопасный проезд на Тьонвиль, посредством некоторых договоренностей между ними...» [9, p. 100]. «Сперва [герцог] направил в эти земли мессира Симона де Лален и от 300 до 400 воинов с ним, которые соединились с графом де Вирнебургом и другими знатными [сеньорами] приграничных земель, которые были союзниками герцога Бургундского. И расположился в Арлоне и некоторых других городах, державших сторону герцогини. Они искали способ подчинить город Тьонвиль» [6, p. 84].

⁵ Покинув Дижон, герцог Бургундский два дня провёл в Сен-Сен-л'Аббе возле Дижона, 27-го августа направился в Бар-сюр-Об, где провёл дни 28 и 29-го. Далее он проехал через Бриенн-ле-Конт, Сен-Мену и Антиньи и 8-го сентября был в Мезьере (теперь Шарлеруа-Мезьер) [12, p. 493].

гундская и Люксембургская, его кузен Шарль, граф де Невер, племянники Жан и Адольф Клевские, а также совсем юный Филипп де Бурбон, сеньор де Божё, и многие представители знати [7, р. 11]. Впервые в поход во главе 100 бургундских копий отправился старший из бастардов герцога – Корней [7, р. 4].

На соединение с войсками Филиппа Доброго из Пикардии двигались 500 копий конницы и 1800 лучников во главе с Жаном Бургундским, графом д'Этамп, с которым были многие представители пикардийской знати, сеньоры де Савёз, де Нёвиль, де Миромон, д'Аппланкур, д'Юмьер, Гавейн Кьере и другие [7, р. 13].⁶ Через Сен-Кантен в Вермандуа граф д'Этамп двинулся в Ретель, по пути разгромив королевский гарнизон в Монтегю, грабивший земли Ретелуа, чем Карл VII и дофин были очень недовольны. Разбив лагерь недалеко от Лангра, граф оставил там своих людей, а сам поехал в Дижон к герцогу Бургундскому [6, р. 75–77]. К началу сентября объединенные силы бургундцев и пикардийцев, бывших в распоряжении герцога Бургундского, могли насчитывать 5–7 тыс. воинов, чего для завоевания малонаселенного Люксембурга было вполне достаточно.⁷

Филипп Добрый провел в Мезьере 5–6 дней [7, р. 15]. 12 сентября герцогиня Бургундская покинула Мезьер, откуда по р. Маас/Мёз, через Намюр возвратилась в Брюссель [13, р. 515]. Из Мезьера герцог 14 сентября направил сеньоров де Савёз, де Нёвиля и де Миромона с 500–600 воинами, в основном пикардийскими лучниками, чтобы взять укрепление Вилли,⁸ где находились люди дамуазо де Коммерси во главе с Жакменом де Бомон [7, р. 16].⁹ К этому времени, ситуативно, дамуазо де Коммерси являлся сторонником саксонцев и, вероятно, действовал в интересах короля Франции и дофина, которые старались не допустить переход Люксембурга в руки герцога Бургундского. Гарнизон Вилли грабил окрестные районы, пытался захватить Монмеди, чему помешал прево Марвиля. Робер де Коммерси имел в Люксембурге свою базу в Шованси, где находился значительный гарнизон. Взять Вилли с хода бургундцам не удалось и началась его осада. Была подвезена артиллерия (бомбарды и серпантины) и метательные машины, которыми командовал Филибер де Водрей, сильно повредившие замок [6, р. 85; 7, р. 16, 20].

Дамуазо де Коммерси, который до этого находился в войсках короля, осаждавших Дьепп, прибыл в Шованси со своими людьми, чтобы помешать осаде. 5 октября, на рассвете, он скрытно подвел к Вилли 1000–1200 своих воинов, которые с криками «Дофин!» внезапно напали на бургундский лагерь. Завязалось сражение. Бургундские капитаны собрали своих людей, навели порядок и выступили против врагов, которых быстро выбили из лагеря в поле. В течение часа атака была отбита. Противник отступил и вернулся в Коммерси, потеряв убитыми 8–10 человек. С бургундской стороны был убит Готье де Паван и еще несколько воинов. Во время сражения Жакмен де Бомон, капитан Вилли, сбежал из крепости в Шованси, бросив своих людей. Гарнизон Вилли, не дождавшись помощи, сдался, а замок был разрушен [6, р. 85–86; 7, р. 30–31, 33].

Из Мезьера герцог Бургундский направился в Ивуа, где был встречен с большой радостью [6, р. 85; 7, р. 15]. По пути из Мезьера в Ивуа к герцогу присоединились граф де Вирнебург, принесший ему фуа и оммаж, а также некоторые люксембургские феодалы [8, р. 122]. Из Ивуа через Марвиль и Виртон, герцог направился в Эш-сюр-л'Альзетт (в 4 лье от Люксембурга), пройдя через Арлон, нигде не встретив сопротивления [7, р. 17]. Остановившись в Марвиле 17 сентября, он подтвердил горожанам их вольности и привилегии [8, р. 122–123]. В ходе компании в Люксембурге прево Марвиля оказывал помощь продуктами и фуражом Корнею Бургундскому и его людям [15, р. 154–155].

Пробыв недолго в Арлоне, 20 сентября Филипп Добрый прибыл во Флоранж, расположенный недалеко от Тьонвиля. С ним приехала Элизабет де Гёрлиц, которая страдала от подагры и ее переносили в портшезе. Почти сразу ко двору герцога прибыли послы из Меца, предложив ему на службу своих наемников [7, р. 20–21]. Мец был важен для бургундской армии в плане поставок продовольствия, которое привозили на кораблях по р. Мозель [16, р. 216–217]. Однако, когда герцог попросил у Меца предоставить ему на службу главного городского канонира, Ханса Морэна из Базеля, магистрат ответил, что тот не может служить герцогу, пока находится на службе у города [8, р. 127].

Вокруг Тьонвиля происходили стычки бургундских отрядов и саксонцев из гарнизона города. В местечке Ла Гранж, находившемся в 2–3 км от Тьонвиля, был расположен бургундский гарнизон из 30 воинов. Ночью из Тьонвиля на Ла Гранж сделали вылазку 300 саксонцев, но не смогли выбить бургундцев и к утру отступили, захватив только лошадей [7, р. 22–23]. Саксонцы, находившиеся в Люксембурге и других городах, действовали осторожно и, если выходили в поле, то не шли далеко, а только стреляли с лошадей из арбалетов. При приближении врага, они поворачивали обратно [6, р. 86]. Людям графа фон Глейхен, которые были в Тьонвиле, 10 октября удалось захватить 2 корабля с припасами, шедшими из Меца в лагерь герцога Бургундского. Их доставили в Тьонвиль вместе с несколькими бургундцами [16, р. 217]. Из-за попустительства командора Тевтонского ордена, Йохана Нобеля фон Обойнхайма, саксонцами был захвачен замок Каттенхем. В июле 1444 г. в отношении этого инцидента герцогом Бургундским было проведено расследование [17, р. 45].

Параллельно с боевыми действиями шли переговоры. Так, 27 сентября граф де Вирнебург был в Тьонвиле. Саксонцы хотели, чтобы герцог Бургундский и Элизабет де Гёрлиц гарантировали возврат земель Люксембурга

⁶ В соответствии с хроникой Монстреле, граф д'Этамп мог вести 1200 воинов [6, р. 75].

⁷ В хронике Жана де Ставло говорится о 6–7 тысячах, в хронике декана Сен-Тибо – о 5–6 тыс. воинов в армии герцога Бургундского [9, р. CI; 13, р. 515].

⁸ Вилле-Сент-Этьен (фр. Villey-Saint-Étienne), расположен в департаменте Мёз и Мозель во Франции.

⁹ Жакмен де Бомон в мемуарах О. де ла Марша показан как опытный воин, хитрый и ловкий, но лишенный рыцарских достоинств [14, р. 495–506].

Вильгельму Саксонскому после смерти герцогини. Они были готовы согласиться с властью Элизабет де Гёрлиц и гарантировать ее доходы, при условии, что герцог Бургундский покинет страну, будут признаны права законных наследников и сохранен их контроль над Люксембургом и Тьонвилем. Они считали, что герцогиня не может требовать возврата ей столичного замка, поскольку покинула его добровольно, отказав горожанам в защите. Тем не менее, они готовы были вернуть замок при условии, что Элизабет и герцог Бургундский подчинятся суду Фридриха III или других князей империи, предварительно передав Люксембург в третьи руки [10, S. 60]. Однако Фридрих III письмом из Вены от 14 октября отклонил предложение саксонских послов быть арбитром в люксембургском конфликте, но обещал Вильгельму III сохранить все его права на герцогство [8, p. 129–133].

В начале октября 1443 г. состоялась конференция во Флоранже, куда ко двору герцога Бургундского прибыли послы Вильгельма Саксонского – Апель Вицтум и Георг фон Бебенбург. Поскольку стороны не понимали язык друг друга, в качестве переводчика выступил находившийся в бургундском лагере маршал Лотарингии, Жан де Фенетранж, «мудрый и благородный рыцарь, чьи услуги Бургундскому дому в войне с Льежем не были забыты». Герцог Бургундский встретил саксонских послов в окружении своего Совета, в том числе канцлера Николая Ролена и первого шамбеллана Антуана де Круа. Канцлер выступил с речью, обосновав права Элизабет де Гёрлиц и Филиппа Доброго на Люксембург [7, p. 24–25]. В свою очередь, Вицтум и Бебенбург разъяснили в подробной речи права и притязания Вильгельма III на Люксембург, повторили все предложения, сделанные ими ранее. Кроме того, они предложили устроить сражение двух отрядов, в котором победитель получит герцогство. Филипп Добрый ответил, что пришел в Люксембург, чтобы заступиться за вдову, права которой ущемлены, и выказал удивление, что герцог Саксонский хотел изгнать герцогиню из ее владений, которыми она мирно управляла более 30 лет. Он отказался от сражения отрядов, указав, что христианскому государю не гоже проливать кровь своих подданных, и предложил поединок с герцогом Саксонским. Поскольку Вильгельму к этому времени было 18 лет, Филипп Добрый предложил сразиться со старшим братом Вильгельма, Фридрихом [7, p. 25–29; 10, S. 62].

В середине октября 1443 г. Филипп Добрый покинул Флоранж и выехал в Ивуа на встречу с женой, вернувшейся из Нидерландов. Его люди, под началом графа д'Этампа и бастарда Корнея Бургундского, взяли и разрушили Эш-сюр-л'Альзетт. Во второй половине октября к графу фон Глейхен был направлен герольд «Кенуа», предлагая ему поединок с графом д'Этампом, Корнеем Бургундским, Жаком де Лален, Гийомом де Водрей или Эрве де Мериадеком, но тот отказался [7, p. 33–34].

Начались очередные переговоры в Сетфонтене, в связи с чем граф фон Глейхен 22 октября дал охранную грамоту послам герцога Бургундского в расчете на 200 всадников, чтобы в течение 5 дней они могли перемещаться между Арлоном и Сетфонтеном [8, p. 134–135]. 26 октября герцог Бургундский направил Вильгельму Саксонскому документ с обоснованием прав Элизабет де Гёрлиц на Люксембург. В нем герцог указал, что вмешался в ситуацию исключительно из жалости к своей страдающей тетке, что не думал приобретать Люксембург ни для себя, ни для своей племянницы, дочери герцога Гельдернского, или графов Женевских, не оспаривал права наследства короля Ладислава. Однако он указал, что саксонцы не должны были вмешиваться в дела Люксембурга, и даже Фридрих III, ни как верховный сюзерен, ни как опекун короля Ладислава, не имел права давать им такие полномочия, поскольку они не были наследниками, что граф фон Глейхен несправедливо объявил войну герцогине и ее сторонникам, а все, кто поддержал саксонцев, являются мятежниками. Он отметил, что архиепископ Трира, вынося вердикт о том, как люксембуржцам следует вести себя по отношению к Элизабет и наследственным сеньорам герцогства, действовал, не имея на то полномочий. Таким образом, герцог Бургундский отклонил все притязания саксонцев и продолжил войну [18, p. 167–216].

В конце октября в замок Сетфонтен из Люксембурга прибыл архиепископ Трира, чтобы быть посредником в бургундо-саксонских переговорах, которые 5 ноября продолжились в Трире. 19 ноября во дворце архиепископа шли прения сторон, в ходе которых бургундские послы потребовали дать ответ относительно поединка, предложенного герцогами Саксонии. Георг фон Бебенбург ответил, что он по-прежнему может дать согласие на бой в форме, предложенной саксонской стороной [8, p. 162–165]. Пока шли переговоры, бургундцы искали возможность для захвата Люксембурга или Тьонвиля, поскольку приближались холода и затягивать компанию было опасно. Чтобы определить, какой из городов удобнее штурмовать, направили опытных лазутчиков – «эшелёров» (специалистов взбираться на стены). В Тьонвиле, расположенном в низинной болотистой местности, они не нашли уязвимых для штурма мест. В Люксембурге выявили участок стены с небольшими воротами, предназначавшимися для вылазок, над которыми не было галереи для часовых [7, p. 35–36]. Опираясь на данные разведки, графом д'Этамп, Корнеем Бургундским и другими капитанами был разработан план захвата города, одобренный герцогом.

В ночь с 21 на 22 ноября отряд в 300 воинов во главе с Робером де Савёз, Гийомом де Гренан, Робером де Миромон, Жакобом де Веньер сопровождал 30 «эшелёров», которые должны были открыть ворота. Они незаметными перебрались через стену и с помощью больших клещей, называвшихся «собачья морда», сорвали петли и замки с ворот. Через них в город вошел сеньор де Савёз со 100–120 пикардийскими лучниками и 50 бургундскими копьями из отряда бастарда Бургундского. Они открыли главные ворота и впустили основные бургундские силы, стоявшие неподалеку, во главе с графом д'Этампом [4, p. 402]. Люксембуржцы, застигнутые врасплох, выбегали из домов босиком и без верхней одежды. Граф фон Глейхен укрылся со своими людьми в замке. Небольшое сопротивление бургундцы встретили на городском рынке, где был убит прево города, Жан Шалоп, один из самых ярких противников герцогини Элизабет. Часть люксембуржцев ушла в Тьонвиль. Саксонцы графа фон Глейхен из замка подожгли ближайшие дома, спалив улицу возле рынка [6, p. 88–90; 7, p. 38–39].

В Арлон, где находился Филипп Добрый, отправили сообщение о том, что его воины вошли в Люксембург. Люди герцога собрались, чтобы ехать туда, но Филипп, впечатленный дарованной ему удачей, так долго был на мессе, что его окружение стало роптать. Герцог ответил им, что «если Господь даровал мне победу, он меня оберегает, и меньшее, что я могу сделать в ответ, это воздать хвалу за его милосердие». Подъехав к Люксембургу, герцог еще не знал, что город взят. Некоторые из его людей стали готовиться к бою. Но приблизившись, они увидели у ворот сеньора де Савёз, который издали крикнул герцогу: «Монсеньор, войдите в свой город, ибо все принадлежит Вам и находится в Вашем распоряжении» [7, р. 40–41].

Днем 22 ноября под звуки труб герцог Бургундский вступил в город, который был отдан на разграбление, хотя женщин и детей, заполнивших церкви со своим добром, по словам бургундского хрониста, не трогали. Саксонские источники, напротив, сообщают, что бургунды грабили церкви и монастыри, не щадили ничего святого, насиловали девушек и женщин [10, S. 66]. Награбленное было собрано и продано с аукциона. Часть полученных денег (1500 флоринов) пошли на выкуп двух плененных дворян, остальные поделили [7, р. 41; 13, р. 522–523]. Наибольшую выгоду получили сеньоры де Тернан, д'Юмьер и де Гренан, исполнявшие обязанности бутинье (офицеры ответственные за хранение и продажу добычи) [7, р. 42–43]. Доля рядовых воинов от грабежа составила 7,5 ливров. Многие были этим недовольны, а при дворе герцога Бургундского это долго было темой обсуждения [2, р. 266]. Согласно утверждению хроника Жана Стабло, герцог Бургундский получил от продажи награбленного не менее 11 тыс. флоринов [13, р. 516].¹⁰

Город был взят, но под контролем саксонцев фон Глейхена оставался мощный люксембургский замок. В одну из ночей его защитники устроили вылазку, во время которой был убит Робер де Савёз. Воспользовавшись ситуацией, граф фон Глейхен спустился из замка по веревочной лестнице, сумел перейти вброд реку Альзетт и добраться до Тьонвиля [7, р. 43].

Поскольку в замке Люксембурга оставалось мало продовольствия и не было никаких шансов помочь гарнизону, замок было решено сдать. По договору, заключенному 11 декабря 1443 г., немцы, саксонцы и богемцы могли покинуть замок и уйти в Тьонвиль¹¹. На следующий день замок был оставлен. Его охрана была поручена графу д'Этамп, а позднее Корнею Бургундскому [13, р. 524]. Ла Марш в своих мемуарах высоко отозвался о «немцах», которые, по его мнению, «вели себя достойно в этой войне и не сделали ничего против их чести» [7, р. 46].

После ухода саксонского гарнизона на замковых башнях и воротах были водружены бургундские знамена. В замке нашли тощих собак и лошадей, часть из которых позже умерла. Переехав в замок с женой и Элизабет де Гёрлиц, Филипп Добрый принял там посольства Меца, Туля, Вердена и других городов, а также архиепископа Трирского и Фридриха III [7, р. 45–47]. 23 декабря представители герцогов Бургундского (епископ Туля, канцлер Николя Ролен, Симон де Лален и др.) и Саксонских (Апель Вицтум) в Эсперанже в присутствии архиепископа Трира вели переговоры о возможном достижении мира. Симон де Лален осведомился, готовы ли герцоги Саксонские принять поединок с Филиппом Добрым прежде, чем вступить в переговоры о мире. Апель Вицтум ответил, что, по его мнению, герцог должен обратиться к королю Ладиславу, законному наследнику Люксембурга и Шини, и вступить в переговоры с ним, Апелем Вицтумом, и его коллегами, чтобы договориться о мире с герцогами Саксонскими [8, р. 177–178].

Вицтум сделал следующие предложения от имени своего правительства: 1) Элизабет де Гёрлиц должна заключить с Филиппом договор, аналогичный тому, который она ранее заключила с герцогом Вильгельмом, а именно уступить ему права на Люксембург и Шини за 20 или 22 тыс. флоринов и 4 тыс. флоринов ежегодной ренты; 2) Герцог Вильгельм и его жена передают все свои права на эти земли, отданные последней в качестве приданого, герцогу Бургундскому в обмен на выплату 100 тыс. венгерских флоринов, обещанных королем Альбрехтом и его женой их дочери Анне и ее жениху, и 20 тыс. флоринов для короля Ладислава. Саксонское правительство должно обеспечить, чтобы Фридрих III как король Римлян и опекун детей Альбрехта дал свое согласие на эту передачу. Король Ладислав сохранит право выкупа Люксембурга. Бургундские послы согласились на эти предложения с некоторыми дополнениями.¹²

После того, как послы пришли к соглашению по этим пунктам, было решено, что: 1) стороны должны встретиться 31 марта в Кобленце, чтобы подтвердить ратификацию договора Фридрихом III; 2) Тьонвиль будет передан архиепископу Трирскому ко второму воскресенью января, а тот передаст город бургундцам к четвертому воскресенью того же месяца. Со своей стороны, герцог Бургундский подтвердит свободы жителей города;

¹⁰ Н. ван Вервек в своей статье называет цифру в 80 тыс. флоринов, доставшихся герцогу Бургундскому от разграбления Люксембурга [4, р. 403].

¹¹ Письмо герцога Бургундского от 11 декабря, анонсирующее сдачу замка [1, р. 420]. Условия договора предусматривали, что те, кто находился в замке, выйдут, сохранив жизнь, но ничего не возьмут из имущества [6, р. 92; 7, р. 45].

¹² Основные дополнения бургундской стороны сводились к следующему: 1) Герцогу Бургундскому гарантируется передача всех прав, относящихся к Люксембургу, Шини и ландфогству Эльзас; 2) Фридрих III должен подтвердить договор и призвать Штаты Люксембурга признать власть Филиппа Доброго. Король Ладислав не сможет выкупить герцогство, пока жива герцогиня Элизабет, а после ее смерти, в случае выкупа герцогства, должен будет выплатить 120 тыс. флоринов, и возместить все, что будет выплачено герцогом Бургундским Элизабет де Гёрлиц; 3) Герцогу Бургундскому разрешается выкупать и приобретать обратно имущество, когда-либо заложенное в Люксембурге, Шини и ландфогстве Эльзас, которое также будет включено в сумму залога [10, S. 70].

3) Филипп Добрый объявит всеобщую амнистию жителям земель Люксембурга и Шини, кроме столицы, Хильдебранда фон Рукхофена, Германа Даппельштайна и сеньора де Коммерси с его людьми, а также тех, кто причинил вред бургундцам; 4) Пленные с обеих сторон должны быть освобождены; 5) 120 тыс. венгерских флоринов будут выплачиваться саксонским князьям в Кёльне двумя частями: $\frac{1}{2}$ после дня св. Иоанна Крестителя, $\frac{1}{2}$ после Рождества. Поручителями должны выступить архиепископ Трирский, герцогиня Изабелла Португальская и бургундская знать; 6) Правительство Саксонии постарается достать для герцога Бургундского все документы, необходимые для выполнения настоящего договора; 7) Между саксонцами и бургундцами заключается перемирие, со дня Богоявления (6 января) до 25 июня 1444 г. [10, S. 71].

Договоренности, достигнутые в Эсперанже, были окончательно утверждены сторонами 29 декабря 1443 г. на переговорах в монастыре Девы Марии (аббатство Мюнстер) в Люксембурге при посредничестве Жака де Сирк [1, p. 421; 7, p. 46–47; 8, p. 179–187].

Заключение. Таким образом, формальным поводом для похода, предпринятого Филиппом III Добрым в герцогство Люксембург в августе – декабре 1443 г., было возвращение законной власти герцогине Элизабет де Гёрлиц, изгнанной из страны сторонниками Вильгельма III Саксонского. Однако в реальности он был предпринят с целью установления бургундского контроля над территорией Люксембурга, который Филипп III рассматривал как важный транспортный коридор между Нидерландами и Бургундией. В ходе военной компании герцог Бургундский обладал неоспоримым военным преимуществом над своим противником, графом фон Глейхен, командовавшим саксонскими силами в Люксембурге. Кроме того, герцог опирался на поддержку значительной части люксембургской знати, в том числе, графа де Вирнебурга. В результате, в течение августа – октября 1443 г. был установлен контроль над всей территорией герцогства, кроме городов Люксембург и Тьонвиль.

Шедшие при посредничестве архиепископа Трирского, бургундо-саксонские переговоры не привели к сближению позиций сторон, но ситуация кардинально изменилась после захвата столицы, проведенного бургундцами в ночь с 21 на 22 ноября в ходе военной операции, разработанной графом д'Этамп и Корнеем Бургундским. После капитуляции люксембургского замка, 29 декабря стороны подписали договор, по которому Вильгельм III Саксонский отказался от прав на Люксембург в пользу герцога Бургундского, получив за это 120 тыс. флоринов компенсации. В результате, поход Филиппа III Доброго, целью которого было установление контроля над герцогством Люксембург, завершился к концу декабря 1443 г. реализацией всех намеченных целей. Общие затраты, понесенные герцогом Бургундским на военную кампанию в Люксембурге, составили, по подсчетам бургундской стороны, 277 тыс. флоринов [15, p. 127].

ЛИТЕРАТУРА

- Bertholet J. Histoire ecclésiastique et civile du duché de Luxembourg et du comté de Chiny: en 8 t. – Luxembourg: A. Chevalier, 1743. – T. 7. – 608 p.
- Barante P. de. Histoire des ducs de Bourgogne de la Maison de Valois, 1364–1482: en 8 t. – Paris: Didier et Ce, 1860. – T. 4. – 447 p.
- Beaucourt G. du Fresne de. Histoire de Charles VII: en 6 t. – Paris: Librairie de la Société bibliographique, 1883. – T. 3. – 551 p.
- Werveke N. van. Occupation du Luxembourg par les Bourguignons en 1443 // Das Luxemburger Land, 1883. – P. 372–373, 385–387, 402–403.
- Lacaze Y. Philippe le Bon et l'Empire: bilan d'un règne (Première partie) // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. – München, 1982. – Bd. 9 (1981). – P. 133–175.
- La chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1444: en 6 t. – Paris: Renouard, 1862. – T. 6. – 488 p.
- Mémoires d'Olivier de la Marche maître d'hôtel et capitaine des gardes de Charles le Téméraire: en 4 t. – Paris: Renouard, 1884. – T. 2. – 437 p.
- Wurth-Paquet F.-X. Table chronologique des chartes et diplômes relatifs à l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg. Guillaume de Saxe, et Anne, sa femme, duc et duchesse de Luxembourg; Elisabeth, de Gorlitz, tenant le Luxembourg par engagère. Du 23 décembre 1439 – décembre 1443 // Publications de la Section historique de l'institut Royale Grand-Ducal de Luxembourg. Année 1873. – Luxembourg: V. Buck, 1874. – T. 28. – P. 1–192.
- Chronique, ou Annales du Doyen de S. Thiébaut de Metz // Calmet, Aug. Histoire de Lorraine: en 7 t. – Nancy: Leseur, 1752. – T. 5. – P. V–CXVII.
- Richter F. Der Luxemburger Erbfolgestreit in den Jahren 1438–1443 // Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. Ergänzungsheft V. Herausgegeben von Prof. Dr. K. Lamprecht. – Trier: Fr. Lintz, 1889. – S. 1–73.
- Gachard L.P. Liste des documents concernant le duché de Luxembourg qui existent dans la trésorerie des chartes de l'Empire, aux archives de cour et d'État, à Vienne, et dans la trésorerie des chartes de la couronne de Bohême, à Prague // Compte-rendu des séances de la commission royale d'histoire. – Bruxelles: Hayez, 1864. – Série 3. – T. 6. – P. 223–228.
- Itinéraire du duc de Bourgogne pendant ses séjours au duché, de 1431 à 1443 // Documents inédits pour l'histoire de Bourgogne, publiés par la Société d'histoire et archéologie de Chalon-sur-Saône. Par M. Canat. – Chalon-sur-Saône: J. Dejussieu, 1863. – T. 1. – P. 486–493.
- Chronique de Jean de Stavelot, publiée par Ad. Borgnet. – Bruxelles: Hayez, 1861. – 774 p.
- Emerson C. Le rôle de quelques personnages mineurs dans les Mémoires d'Olivier de la Marche // Le Moyen Age, 2006. – N3. – P. 495–506. DOI: 10.3917/rma.123.0495.
- Wurth-Paquet F.-X. Table chronologique des chartes et diplômes relatifs à l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg. Ladislas, Elisabeth, de Gorlitz, Philippe de Bourgogne. Du 29 décembre 1443 au août 1451 // Publications de la Section historique de l'institut Royale Grand-Ducal de Luxembourg. Année 1874. – Luxembourg: V. Bück, 1875. – T. 29. – P. 1–108.
- Huguenin J.-F. Les chroniques de la ville de Metz : 900 – 1552. – Metz: S. Lamort, 1838. – 896 p.

17. Wurth-Paquet F.-X. Table chronologique des chartes et diplômes relatifs à l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg. Ladislas, Philippe de Bourgogne. Du août 1451 au 23 novembre 1457 // Publications de la Section historique de l'institut Royale Grand-Ducal de Luxembourg. Année 1875. – Luxembourg: V. Bück, 1876. – T. 30. – P. 1–161.
18. Gachard L. P. III. Analectes historiques, 6e série // Compte-rendu des séances de la commission royale d'histoire. – Bruxelles: Hayez, 1858. – 2 série. – T. 11. – P. 167–418.

Поступила 28.04.2022

**LUXEMBOURG COMPANY OF THE DUKE PHILIP III THE GOOD
(AUGUST – DECEMBER 1443)**

D. CHERKASOV
(Belarusian State University, Minsk)

The article deals with the military campaign of the Duke of Burgundy Philip III the Good, carried out in the Duchy of Luxembourg in August – December 1443 against representatives and supporters of William III, Duke of Saxony. During August-September, the Burgundian forces, with the support of representatives of the local nobility, managed to establish control over most of the duchy. The main actions were reduced to the capture of the two largest cities – Luxembourg and Thionville. As a result, Luxembourg was taken thanks to a carefully prepared operation that allowed the Burgundians to open one of the city gates at night and enter the city. The fall of the capital led to a treaty and the departure of the Saxon forces from the duchy.

Keywords: Philip III the Good, William III of Saxony, Archbishop of Trier, Luxembourg, Thionville.

УДК 394.2(476.5)"14/17"

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-28-34

**АФІЦЫЙНЫЯ ўРАЧЫСТЫЯ ЦЫРЫМОНІ Ў ПОЛАЦКІМ
І ВІЦЕБСКІМ ВАЯВОДСТВАХ (ЗЕМЛЯХ) У XV – XVIII стст.****канд. гіст. навук, дац. А.А. СКЕП'ЯН****(Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7163-2492>**

Адным з галоўных механізмаў, якія аб'ядноўваюць людзей, фарміруюць і дэманструюць пэўную сістэму каштоўнасцей, адрозненні ва ўспрыманні навакольнага свету, з'яўляецца ўрачыстасць, свята. Яны адзначаюць найважнейшыя вехі чалавечага жыцця: асабістага (нараджэнне, уступленне ў шлюб, смерць) і грамадскага. Ужо ў пачатку XV ст. у гарадах і мястэчках Вялікага Княства Літоўскага пачынае фарміравацца своеасаблівая гарадская культура. Яе неад'емнай часткай становяцца розныя цырымоніі, шэсці, трыумфы, прымеркаваныя да свецкіх і царкоўных свят і нагод. Ва ўмовах гвалтоўнага закрыцця праваслаўных храмаў і манастыроў, распаўсюджвання ўніяцтва менавіта гарадское свята стала тым мостам, які аб'ядноўваў жыхароў горада розных канфесій і сацыяльных пластоў.

Ключавыя словы: гарадская культура, урачыстасці, цырымоніі, царкоўныя і свецкія свята, Вялікае Княства Літоўскае, Падзвінне.

Уводзіны. Неад'емнай часткай чалавечага жыцця на ўсіх этапах з'яўляліся свята. Без разумення феномена афіцыйнай святочнай культуры немагчыма зразумець культурныя своеасаблівасці развіцця гарадоў Беларусі. М. Бахцін наогул лічыў свята «вельмі важнай першапачатковай формай чалавечай культуры» [1, с. 11]. У другой палове XX – пачатку XXI ст. святочная культура, асабліва эпохі еўрапейскага Сярэднявечча стала прадметам вывучэння прадстаўнікоў сусветнай навуковай і філасофскай думкі, як у культуралагічных, так і гістарычных даследаваннях. Гэта было абумоўлена ўсведамленнем той акалічнасці, што свята за кошт сваёго сімвалізму, відовішчасці адыгрывае надзвычайную ролю як у функцыянаванні любой цывілізацыі і культуры, так і дыялогу паміж імі. Яны ладзіліся з сямейных і рэлігійных нагод і звязвалі традыцыйныя і новыя, рэгіянальныя і агульнадзяржаўныя, свецкія і рэлігійныя сферы жыцця соцыума.

Першымі пад ўвагу даследчыкаў трапілі розныя катэгорыі культуры і ўрачыстасці ў заходнееўрапейскіх гарадах і пры дварах еўрапейскіх манархаў эпохі Сярэднявечча. Штуршок да іх вывучэння дала знакамітая школа “Аналаў”. Вынікам узростання ўвагі да духоўнай спадчыны, святочнага і паўсядзённага жыцця сярэднявечнага еўрапейскага горада стала багатая гістарыяграфія. Сярод розных твораў, прысвечаных праблемам свята, смеха, асобна можна ўгадаць творы Ж. Ле Гоффа, М. Бахціна, А.Я. Гурэвіча, У.П. Даркевіч [2; 1; 3; 4]. Святочная ж культура як жыхароў былога Вялікага Княства Літоўскага наогул, так і Падзвіння ў прыватнасці доўгі час з'яўлялася прадметам даследавання пераважна этнографіі і фалькларыстаў, якія накіроўвалі асноўную ўвагу на сялянскае асяроддзе. Пазней прыйшла цікаўнасць да культуры шляхецкага саслоўя, якая задавала моду, вызначала асноўныя кірункі, у якіх рухалася грамадства. Не апошняю ролю ў фарміраванні гэтага інтарэсу адыграла праца А. Мальдзіса [5]. Вывучэнне гарадской святочнай культуры на беларускіх землях доўгі час вялося толькі па яго асобных аспектах: развіццё тэатральнага і музычнага мастацтва (В. Дадзіёмава, Г. Барышаў) [6–8], школьнай асветы, жыцця і дзейнасці найбольш выдатных яе прадстаўнікоў (напрыклад, Францыска Скарыны [9] ці Сімяона Полацкага), тады як святочная культура як феномен заставалася па-за ўвагай даследчыкаў. Першымі паспрабавалі абагульніць напрацоўкі розных галін навукі супрацоўнікі Інстытута этнаграфіі і фальклора АН БССР, плёнам працы якога стала калектыўная манаграфія, прысвечаная гарадскому побыту і культуры [10]. Непасрэдна развіццё гарадской святочнай культуры стаў вывучаць А. Катлярчук, які ў сваёй манаграфіі, прысвечанай святочнай культуры гарадоў Расіі і Беларусі XVII ст. паспрабаваў прааналізаваць агульнае і асаблівае для гэтых рэгіёнаў і рэканструяваць шэраг цырымоній [11].

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца аналіз асаблівасцей развіцця розных афіцыйных урачыстасцей у Падзвінні XV – XVIII стст. Менавіта публічныя свецкія і рэлігійныя свята не проста прыцягвалі ўвагу жыхароў рэгіёна, а адбываліся пры непасрэдным удзеле прадстаўнікоў розных слаёў гарадскога насельніцтва, нягледзячы на этнічную ці рэлігійную прыналежнасць.

Асноўная частка. Паўсядзённае жыццё XV – XVIII стст. з яго штодзённымі клопатамі расквечвалі забавы і свята. У гарадской культуры ўсе свята ўмоўна існавалі ў публічнай (кірмашы, гарадскія і рэлігійныя свята) і прыватнай (сямейнай) прасторы. Тады як у сельскай мясцовасці свецкія свята па-ранейшаму абмяжоўваліся сямейнай прасторай, а рэлігійныя нярэдка дапаўняліся паганскімі абрадамі ў выглядзе калядавання і шчадравання, хаджэння валачобнікаў на Вялікідзень.

Этнічныя, рэлігійныя і рэгіянальныя асаблівасці культуры даўжэй за ўсё захоўваліся ў сямейна-побытавай сферы, дзе свята адзначаліся згодна з традыцыямі, тады як на публічныя, рэлігійныя свята аказвалі ўплыў розныя фактары і культурныя традыцыі. Менавіта распаўсюджванне свецкіх публічных цырымоній, звязаных у тым ліку і з атрыманнем права гарадоў на самакіраванне, паглыбляла адрыў гарадскіх паселішчаў ад вясковага насельніцтва, спрыяла канчатковаму адасабленню гарадской культуры ад сялянскай. Спрыяў гэтаму і дазвол ваяводу падданных вялікага князя літоўскага за мяжу на навучанне ці па гандлёвых справах, які гарантаваўся заканадаўчымі актамі на працягу некалькіх стагоддзяў і быў замацаваны арт. 16 разд. 3 Статута ВКЛ 1588 г. [12, с. 120].

Важнай часткай гарадской культуры з'яўляліся афіцыйныя святочныя цырымоніі. Згодна з класіфікацыяй А. Катлярчука, да афіцыйных цырымоній можна аднесці агульнадзяржаўныя і агульнагарадскія святы, важныя дынастычныя падзеі (напрыклад, каранацыі), царкоўныя святы агульнадзяржаўнага характару, ваенныя агляды і парады мяшчан, асобныя святы і шэсці гарадскіх і мяшчанскіх карпарацый (цэхаў) [11, с. 8]. Усіх іх аб'ядноўвала суіснаванне ў публічнай прасторы, нярэдка спалучэнне ўрачыстага (шэсці, трыумфальныя вітанні) і забаўляльнага (музычнае суправаджэнне і паратэатральныя відовішчы).

Адной з важнейшых падзей агульнадзяржаўнага і агульнагарадскога ўзроўню з'яўляліся візіты манархаў, найвышэйшых свецкіх ці духоўных асоб, замежных пасольстваў. З XV ст. становіцца звычайным правядзенне ўрачыстых свецкіх святаў, напрыклад, сустрэч манархаў, якія адбываліся па пэўным сцэнары і ставілі перад сабою некалькі мэтай. Яны паказвалі як вернасць і прыхільнасць мясцовых жыхароў прадстаўнікам цэнтральнай улады, так і спрыялі аб'яднанню розных груп жыхароў у адзіны мяшчанскае і шляхецкае саслоўі. З другога боку ўлады таксама разумелі важнасць цырымоніі ўрачыстых сустрэч, якія маглі прадэманстраваць мясцовым жыхарам моц цэнтральнай улады, стабільнасць у дзяржаве, падкрэсліць ласку да пэўных асоб ці краін, пры арганізацыі сустрэчы пасольстваў. Арганізацыя такіх візітаў кантралявалася дваром манарха і за аснову браліся прыдворныя цырымоніі і ўрачыстасці сталічнага горада – Вільні, што ў выніку спрыяла сінтэзу традыцый і культур на ўсходзе Беларусі. Такі візіт падкрэсліваў і сам статус горада, з'яўляўся маркерам яго важнасці для дзяржавы. Не апошняю ролю адыгрывалі не толькі асобы сустракаючых, але і парадак шэсця, атрыбуты, з якімі выступалі ўдзельнікі ўрачыстых цырымоній, вопратка, ежа, аздабленне вазоў, пабудовы. На вялікі жаль, да нас дайшлі апісанні не ўсіх візітаў манархаў і звестак пра цырыманіалі іх вітання на працягу аналізуемага перыяду. Так, амаль нічога не вядома, як сустралі віцебляне вялікіх князёў Ягайлу і Вітаўта ў 1411 г. Аднак захавалася апісанне ўрачыстага вітання жыхарамі Віцебска ў 1413 г. вялікага князя Вітаўта, які аб'язжаў розныя землі ВКЛ. Сустракаць князя з аршакам і войскам да Заходняй Дзвіны выйшлі паасобку ў шэсці каталікі (“фратры і чесныя хрыціане”) з харугвамі і машчамі святых і праваслаўныя віцебляне са сваёй працэсіяй з абразамі, харугвамі і машчамі [12, с. 27]. Усяго ў натоўпе сведкі налічылі ад чатырох да пяці тысяч чалавек [14, с. 27].

Праз Віцебск і Полацк не праходзіў асноўны тракт, па якому рухаліся афіцыйныя дэлегацыі. Звычайна пасольствы з Вільні накіроўваліся ў Маскоўскую дзяржаву па смаленскай дарозе праз Воршу. Урачысты іх прыём прадугледжваўся толькі пры набліжэнні да рэзідэнцыі манарха. Аднак у лютым 1495 г. парадак прыёму, размяшчэння і маршрут маскоўскага пасольства быў зменены і набліжаны да традыцыйнага маршрута аб'езда зямель вялікім князем літоўскім. Шлях ляжаў са Смаленска на Віцебск, потым на Полацк і, праз Крэва, – на Вільню.

Цырымонія вітання дачкі вялікага князя маскоўскага Івана III Алены і асоб, што яе суправаджалі, была спалучана са знаёмствам з новымі землямі і будучымі падданымі. Магчыма, гэта было зроблена і таму, што ў складзе пасольства да маскоўскага двара, што сватала дачку Івана III, былі кіраўнікі падзвінскіх ваяводстваў і земляў: віленскі кашталян і гарадзенскі намеснік, князь Аляксандр Гальшанскі, жмудскі стараста і полацкі намеснік Ян Забярэзінскі з сынам, brasлаўскі намеснік Юрый Зяновіч, а таксама і палачане: два Карсаковіча і Сенка Епімахаў [15, с. 160]. Іван III хацеў, каб на мяжы дачку сустракаў адзін з бліжэйшых родзічаў Вялікага князя Аляксандра: князь Сямён Міхайлавіч Алелькавіч. За некалькі год да таго ён выступаў асноўным прэтэндэнтам на вялікакняжацкі сталец, напрамую пагражаючы пераемнасці Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім. Ён мог вітаць маскоўскую вялікую князеўну не проста як будучы падданы, а як роўны ёй і яе будучаму мужу па крыві (ён прыходзіўся князеўне траюрадным дзядькам). Толькі яму дазвалялася ехаць з Аленай Іванаўнай у возе, пацясніўшы адну з суправаджаючых яе жанчын, а менавіта жонку аднаго з кіраўнікоў маскоўскай дэлегацыі Міхайлы Якаўлевіча Марозава, Русалкі [15, с. 167]. З неясных прычын князь Сямён Алелькавіч не проста не прыехаў на мяжу вітаць будучую вялікую княгіню, але і нават не з'явіўся ні на водным з этапаў яе падарожжа па краіне, у адрозненні ад іншых паноў-радных. Магчыма, гэта стала чарговай дэманстрацыяй яго стаўлення да Вялікага князя і падкрэсліваннем свайго роўнага Ягайлавічу статуса. Другім варыянтам развіцця падзей магло стаць нежаданне самаго вялікага князя дапусціць кантакт нелаяльнага падданага з маскоўскім бокам.

Пасольства, у якім налічвалася больш за 100 чалавек [15, с. 164], было сустрэта ў двух вёрстах ад Віцебска мясцовым намеснікам кн. Міхалам Заслаўскім з дзецьмі баярскімі і ўсімі жыхарамі. Адзін з кіраўнікоў маскоўскага пасольства, князь С. Рапалоўскі, прадставіў віцебскага намесніка вялікай князеўне, і дэлегацыя скіравалася ў горад. На пасадзе яе сані (“тапкану”) акружылі баярскія дзеці і пешку суправадзілі іх да маста ў Верхні горад. Праз мост разам са спешыўшыміся кіраўнікамі маскоўскага пасольства (кн. С. І. Рапалоўскім і М. Я. Марозавым) Алена Іванаўна даехала да царквы Архангела Міхаіла, дзе вялікую князеўну маскоўскую віталі архімандрыт і іншыя святары. Згодна з загадам свайго бацькі, яна была павінна наведаць у Віцебску саборную царкву, а пасля накіравацца ў Полацк. Святары благаславілі князеўну крыжом, аднак у царкву яна не пайшла, а ў суправаджэнні баяр скіравалася на адпачынак у горніцу. На наступны дзень, пасля ўрачыстага малебна і абедні ў саборы, адмовіўшыся ад пачастунка (“хлеба тут не ела”) скіравалася на Полацк. Намеснік з віцеблянамі правялі пасольства на ярсту ад горада [13, с. 46; 15, с. 183].

Вітанне князеўны ў Полацку арганізоўвалі кіраўнік літоўскай дэлегацыі, князь Аляксандр Гальшанскі, Ян і Юрый Забярэзінскія, Юрый Зяновіч, якія не паехалі з пасольствам ў Віцебск, а адразу накіраваліся ў Полацк. Разам з усімі палачанамі яны сустралі маскавітаў за паўярсты ад пасада горада. Далей шэсце было арганізавана, як у Смаленску і Віцебску: на пасадзе тапкану акружылі пешыя дзеці баярскія, якія суправадзілі пасольства да

моста, што вёў да святой Сафіі. Іван III у абавязковым парадку патрабаваў наведаць багаслужэнне “у святыя Софьи у соборные церкви ей быти и молебен велети пети” [15, с. 167, 184]. У Сафійскім саборы яе сустрэў уладка з крыжамі і святары. Пасля багаслужэння полацкім епіскапам Алена Іванаўна прайшла ў царкву, дзе адстаяла малебен. Пасля багаслужэння ў суправаджэнні галаваў абодвух дэлегацыі яна скіравалася да свайго двара (хіба рэзідэнцыі ваяводы полацкага). Там было загадана пачаставаць усіх паноў віном, а сама будучая гаспадарыня пазнаёмілася з некаторымі сваімі падданымі – жонкамі і дочкамі вышэйшых ураднікаў. На наступны дзень пасля абедні ў Святой Сафіі яна працягнула прымаць упамінкі, напрыклад, ад самаго ўладзікі, і адорваць чалабітнікаў сваёй ласкаю.

На жаль, на гэтым апісанне візіту абрываецца, і далей у дакументах і летапісах проста адзначаецца, што ўжо ў Вязыне і Маркаве Алену Іванаўну сустрэлі пасланцы вялікага князя Аляксандра і правадзілі да Вільні [15, с. 185]. Як мы бачым, тут цырымання сустрэчы Алены Іванаўны абмяжоўваўся публічнай сустрэчай і праездам па горадзе, нешматлікімі знаёмствамі з найбольш знатнымі асобамі. Публічных святкаванняў, па-за межамі храмаў, нейкіх народных забаў, урачыстых абедў ці вячэр у крыніцах не фіксуецца. Гараджане Смаленска, Віцебска і Полацка выступаюць як агульны натоўп. Няма падзелу, як пры сустрэчы Вітаўта, па канфесійнаму прынцыпу: на каталікоў і праваслаўных, вітання з вынасам харугваў і мошчаў святых. Фактычна гэта было ўшанаванне ганаровых гасцей, а не ўладарыні краю. Аддавалася належная пашана высокаму статусу пасольства, але не больш таго.

Паказальным можа быць апісанне сустрэчы імперскага пасольства 1517 г. у Маскву пад часам С. Герберштэйна ў Вільні, а потым у Полацку. Яго арганізацыя сведчыла пра высокі статус пасла і добразычлівае стаўленне да яго цэнтральных улад. С. Герберштэйна сустрэлі пасланцы ад вялікага князя недалёка ад Вільні, і перасадзіўшы яго ў багата аздаблены дыванамі, шытымі золатам падушкамі воз, выказваўшы ўсе знакі пашаны, суправадзілі да гаспод [16, с. 609]. Урачысты прыём яму аказалі і палачане. З некаторым здзіўленнем пасол апісвае агромны натоўп народу, які іх сустрэў, і цудоўны пачастунак, што быў ім прапанаваны [16, с. 613].

Наступнымі манархамі, якіх пабачылі Падзвінскія землі, сталі маскоўскі цар Іван IV Грозны і кароль польскі і вялікі князь літоўскі Стэфан Баторый. Аднак разрабаваны і часткова спалены Полацк быў не ў стане арганізаваць урачыстасці ў іх гонар. Зусім па іншаму тут быў прыняты маскоўскі цар Аляксей Міхайлавіч, які зімой 1656 г. наведаў Полацк. Нягледзячы на тое, што віталі яго натоўпы гараджан, як было прынята раней, на арганізацыю ўрачыстасці, відавочна, паўплывалі павевы барока.

Трыумфальныя шэсці, што сталі папулярныя на землях Рэчы Паспалітай яшчэ ў другой палове XVI ст., аказалі непасрэдны ўплыў на публічныя відовішчы, прыносячы ў іх пэўныя правілы і традыцыі. Да пачатку XVII ст. у гарадах Падзвіння сфарміраваліся свае традыцыі агульнагарадскіх рэлігійных гучных шэсцяў (“фэстаў”), якія мелі пэўны сцэнар і суправаджаліся музыкай, спевамі. Яны арыентаваліся на старажытнарымскія ўзоры і былі падпарадкаваны агульным правілам. Усе ўдзельнікі (шляхціцы, розныя групы мяшчан, васковыя атрады) рухаліся ў вызначаным парадку, згодна створаным сцэнарам, у суправаджэнні музыкі, званоў, панегірычных прамоў [17, с. 47]. У канцы XVII – XVIII стст. звычайным элементам такіх урачыстасцей сталі феерверкі, салюты (віваты), ілюмінацыі. Дэкламацыі святочных прамоў, панегірыкаў, вершаў навучэнцамі брацкіх школ, у цэлым, не былі характэрны для праваслаўнай культуры, але шырока выкарыстоўваліся праваслаўнымі ў Падзвінні і Падняпроўі. Так, аўтарамі паэтычных “Метраў на прышэсце вялікага гасудара Аляксея Міхайлавіча” сталі выкладчыкі полацкай брацкай школы С. Пятроўскі-Сітніяновіч (Сімяон Полацкі), Ф. Утчыцкі і ігумен І. Іяўлевіч. У дадатак да “Метраў” ігумен вітаў цара ў 1656 г. асобнай “Прамовай да цара Аляксея Міхайлавіча” [17, с. 27–38; 19, с. 317]. Ускосныя ўзгадкі дазваляюць меркаваць, што падчас візіту была павінна адбыцца цырымонія ўрачыстай перадачы маскоўскаму цару абраза Багародзіцы, па паданні падараванага сабору св. Сафіі Аленай Іванаўнай, які ён забраў з сабою пад Рыгу [20, с. 14].

Наступным манархам, што наведаў Падзвінне, стаў рускі цар Пётр I. Саюзнік караля польскага і вялікага князя літоўскага Аўгуста II у Паўночнай вайне разрабаваў уніяцкія святыні ў Віцебску і Полацку ў 1705 г., пераўтварыўшы храм св. Сафіі ў арсенал, вынікам чаго стала яе разбурэнне ў 1710 г.

Да агульнадзяржаўных ці агульнагарадскіх адносіліся і ўрачыстасці ў гонар вышэйшых духоўных ці свецкіх асоб. Вітанне духоўных іерархаў спалучала ў сабе рэлігійныя працэсіі і свецкія элементы. Так, 1 красавіка 1659 г. у Полацку віталі вяртанне з Масквы цудатворнага абраза, забранага раней Аляксеем Міхайлавічам. Цар “украсив ю златом и каменьями драгоценными” адправіў яго ў суправаджэнні Полацкага і Віцебскага епіскапа Каліста Рытаргайскага назад у Полацк [21, с. 122–124]. Пра традыцыйнасць вітання епіскапа падчас візітаў у XVII – XVIII стст. могуць сведчыць не толькі вершы Сімяона Полацкага, але і канты з песеннага зборніка XVII ст. з Маркава Віцебскага манастыра, які зараз захоўваецца ў Пецябургу¹.

Да свецкіх агульнагарадскіх мерапраемстваў можна аднесці святы ў гонар атрымання магдэбургскага права, заняцця пасада мясцовымі ўраднікамі: старастамі, ваяводамі, якія сталі правадзіцца ў гарадах Падзвіння з XVII ст. На жаль, у большасці выпадкаў факт іх правядзення проста занатоўваўся адным радком у гарадской хроніцы [14, с. 461]. Іх сцэнар можна аднавіць дзякуючы ўскосным звесткам – расходным кнігам магістратаў, успамінам сучаснікаў і перыёдыкі XVIII ст. Ён амаль дакладна паўтараў каранацыйныя сталічныя шэсці і, акрамя дэманстрацыі багацця і ўплывовасці новага ваяводы, быў павінен пазнаёміць кіраўніка рэгіёна з мясцовымі жыхарамі. Арганізацыя такіх святкаванняў звычайна ўскладалася на магістраты, якія і размяркоўвалі абавязкі паміж гараджанамі, узводзілі трыумфальныя аркі, вызначалі прамоўцаў. Абавязковым элементам такіх святкаванняў становіліся

¹ Николаев Н.В. Книжная культура ВКЛ: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1997. – С. 64.

стрэлы з гарматаў, урачыстыя шэсці і прамовы, спяванне рэлігійных гімнаў. Як правіла, у час агульнагарадскіх цырымоній і шэсцяў выконваліся творы культава-абрадавых жанраў – *Te Deum Laudamus*, *Salve Regina*, *Miserere Mei Deus* і г.д. [7, с. 73]. Выканаўцамі музыкі на такіх агульнагарадскіх урачыстасцях былі як непасрэдныя іх удзельнікі, так і спецыяльна запрошаныя музыканты (касцёльныя арганісты, студэнты бурсаў, вайсковыя і прыватныя аркестры і капэлы). Адказнымі за арганізацыю ўсіх гарадскіх святаў быў магістрат, які размяркоўваў парадак шэсцяў, вызначаў час яго пачатку (звычайна 8–11 гадзін з раніцы), абавязкі ўсіх удзельнікаў, выдзяляў сродкі на музыку, упрыгожванне горада, пачастунак грамадзян [11, с. 35–36].

Так, у лютым 1731 г. уступленне князя Марцыяна Агінскага на ўрад віцебскага ваяводы, прымеркаванае да пачатку грамадзянскага сойміку, было адзначана ў выглядзе трыумфа. Ужо напярэдадні прызначанага на 5 лютага шэсця ў горад пачалі з'язджацца ганаровыя госці, земскія і гродскія ўраднікі, землеўласнікі ваяводства. У святкаваннях былі задзейнічаны ўсё найбольш значныя гарадскія аб'екты – кляштары, замак, ратуша. Паміж Дабравешчанскай царквою і кляштарам дамініканаў была пастаўлена трыумфальная арка, багата ўпрыгожаная эмблемамі, гербам князя Агінскага і інскрыпцыямі². У дадатак да шэсця цырымонія ўжо традыцыйна суправаджалася ўслаўленнем асобы ваяводы ў выглядзе ўрачыстых прамоў. Адна з іх аўтарства В. Дзянісевіча нават была выдадзена ў гэтым жа годзе [22].

У 1753 г. гараджане ўрачыста віталі ўжо ўезд новага ваяводы – Ю. Салагуба. Урачыста быў абстаўлены і ўезд у Браслаў новага старасты Гільзена ў 1739 г.³ У 1758 г. жыхары Ушач святкавалі атрыманне прывілея на магдэбургскае права і лакацыю горада, а таксама правядзенне ярмарак і таргоў⁴. Абапіраючыся на згадкі, што такія свята адбываліся згодна з традыцыяй, можна меркаваць, што ў іх прымалі ўдзел рамесныя і рэлігійныя гарадскія карпарацыі са сваімі атрыбутамі: харугвамі, барабанами.

Асабліва пышна святкаваліся дынастычныя свята: ушэсці на трон манархаў, іх тэзаімяніны. Адным з першых у крыніцах было апісана свята ў гонар каранацыі Аўгуста II Моцнага, якое прайшло ў Віцебску 1 лістапада 1697 г. (хаця летапіс апісаў свята вельмі сціпла “*Roku 1697. Król August wtóry koronowan miesionca Septembra pietnastego dnia w Krakowie. Miesionca Nowembra pierwszego dnia tryunf był w Witebsku*” [14, с. 461]).

Горад (ратуша, касцёлы, брамы) былі ўпрыгожаны партрэтамі новага манарха, гербамі дзяржавы, ваяводства і самога Віцебска. Свята пачалося ў 7-8 гадзін раніцы з біцця ў ратушны звон. Прадстаўнікі цэхаў, урачыста ўбраныя, рушылі ад сваіх цэхавых дамоў да арсенала за зброяй, а пасля – да ратушы. На чале ішло кіраўніцтва цэха, а за ім, згодна з рангам, майстры, падмайстры і вучні. На плошчы каля ратушы натоўп віталі віцебскі ваявода А. Крышпін-Кіршанштэйн, члены магістрата і святары. Потым, разам са святарамі, войскамі гарнізона, шэсце рушыла на імшу да касцёла езуітаў і Уваскрасенскай царквы. Царкоўныя службы суправаджаліся салютам. Спачатку з мушкетаў стралялі прадстаўнікі цэхаў і яўрэйскіх карпарацый, а потым далі некалькі залпаў з “салютовак” (малых гармат). Пасля гэтага ўсе разыйшліся па сваіх цэхавых цэрквах і касцёлах. Скончылася свята пірамі і феерверкамі [11, с. 61–62].

У лістападзе 1764 г. у Віцебску былі арганізаваныя свята ў гонар каранацыі апошняга манарха Рэчы Паспалітай – Станіслава Аўгуста Панятоўскага. У горадзе на адцінку ад ратушы да фарнага касцёла былі ўзведзены дзве трыумфальныя аркі. Вуліцы, па якім прайшоў каранацыйны парад, павінны былі быць прыбраныя піваварамі і асветлены (лой для плошак павінен быў даць мясцовы кагал). Свята пачыналася раніцаю з набажэнства ў фарным касцёле. Пасля сканчэння імшы натоўп быў павінен выслухаць першы панегірык (агалошаны Ф. Смыкам), а потым удзельнікі шэсця рушылі ў кірунку ратушы. Спыніўшыся каля трыумфальнай аркі на вуліцы і пры ратушняй браме, яны зноў слухалі панегірыкі. Кожная правова суправаджалася стрэламі з гармат і апладысментамі. Для стварэння святочнай атмасферы на вуліцах горада гралі бурсакі, якія атрымалі за гэта ад гарадскога магістрата 102 злотых [6, с. 29]. Зыходзячы з распараджэння магістрата натоўп на вуліцах быў павінен частавацца мёдам, півам і віном, якія былі часткова закуплены магістрам, а часткова выстаўлены кагалам [23, с. 189].

Гучнымі падзеямі для ўсяго горада ці мястэчка станавіліся перанясенні рэліквій – мошчаў святых, цудатворных абразоў і г.д. Адной з першых, якая аб'яднала прадстаўнікоў усіх канфесій, стала цырымонія пахавання полацкага арцыбіскупа Язафата Кунцэвіча. У студзені 1625 г. у пахавальнай працэсіі ў Полацку да сабора св. Сафіі, якую ўзначалілі езуіты, прынялі ўдзел не толькі каталіцкае, але і “русінскае” (тут маецца на ўвазе ўніяцкае) святарства, шляхта і гарадскія цэхаваыя аб'яднанні. Працэсія суправаджалася не толькі набажэнствамі, але і агалошваннямі панегірыкаў, напісаных на грэчаскай і лацінскай мовах, біццём у званы ў “русінскіх” і “лацінскіх” храмах [24, с. 359]. Святкаванне яго беатыфікацыі ў Полацку ў 1643 г. суправаджалася феерверкамі і біццём у званы [25, с. 253], а на святочную імшу езуіты запрасілі ў сабор св. Сафіі гарадскія ўлады, шляхту, мяшчан і студэнтаў калегіума [25, с. 360].

Яшчэ больш тэатралізавана было абстаўлена вяртанне рэліквій Я. Кунцэвіча ў Полацк у 1668 г. Пасля заключэння Андрусаўскага перамір'я, зацвержаны ўжо кіеўскім мітрапалітам, Г. Календа арганізаваў урачыстае шэсце з машчамі Я. Кунцэвіча. Спачатку саркафаг быў адвезены ў Вільню, а адтуль у суправаджэнні вернікаў, сярод якіх былі і мясцовыя шляхціцы, шэсце рушыла з саркафагам у Полацк⁵. Шляхта Полацка і Віцебска на сабе, без коней, везла трыумфальны воз, на які было пакладзена цела пакутніка, і так давезла яго да кафедральнага сабора [26, с. 291]. Ужо 12 лістапада 1668 г. ён быў зноў размешчаны на алтары ў царкве св. Сафіі.

² Kurjer Polski. – 1731. – № 62. – S. 1.

³ Kurjer Polski. – 1739. – № 132.

⁴ Kuryer Polski. – 1758. – № 36. Dodatek.

⁵ Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург). – Ф. 823. Д. 844.

У 1671 г. езуіты арганізавалі ў Полацку грандыёзнае святкаванне з нагоды кананізацыі Францыска Борджыа. У дадатак да трыумфальнага шэсця гарадскіх цэхаў і духавенства ў суправаджэнні “труб і капэлы” была пастаўлена п’еса ў яго гонар [5, с. 150].

У 1677 г. з вялікай помпаю адбылося ў Віцебску перанясенне рэліквій св. Язафата з езуіцкага касцёла да базыліян. Шэсце ўзначалілі базыліяне, якія неслі абраз св. Васілія, за імі з брамы езуіцкага касцёла рушылі рэліквіі. Балдахін над ім неслі мітрапаліт у пантыфікацыйным убранні і вышэйшыя ўраднікі ваяводства, у тым ліку Ш. К. Агінскі. Урачыстасць суправаджалася музыкай і стрэламі з гармат на працягу ўсяго шляху працэсіі ад касцёла езуітаў да саборнай царквы. Радны ўніяцкага брацтва перадаў мітрапаліту ключы ад царквы і агалосіў прамову з гэтай урачыстай нагоды. Пасля яе мітрапаліт аддаў ключы настаяцелю манастыра Я. Бражчыцу [27, с. 266].

18 чэрвеня 1757 г. ва Ушачах сыны мінскага ваяводы Яна Казіміра Жабы Францішак і Станіслаў (рэктар Віцебскага калегіума) пры вялікім натоўпе арганізавалі ўрачыстае перанясенне абраза Сэрца Ісуса з базыліянскай царквы ў дамініканскі касцёл. Былі запрошаны свецкія ўраднікі, манахі дамінікане, францішкане, езуіты, піяры, бернардыны. Увесь горад быў цалкам ілюмінаваны. Кожны этап цырымоніі (прамовы, пачатак і сканчэнне шэсця) пачынаўся і сканчваўся салютам. Каля брамы дамініканскага касцёла абраз віталі адначасовыя спевы капэлы і стрэлы з гармат, якія суправаджалі ўнясенне абраза ў храм і размяшчэнне яго на аднаіменным алтары. Святкаванне працягнулася ўрачыстымі богаслужэннямі і казаннямі, як у царкве, так і касцёле на наступны дзень⁶.

Важнейшымі нагодамі правядзення афіцыйных агульнагарадскіх святаў становіліся агульнахрысціянскія святы. Некаторыя традыцыі, асабліва ў святкаванні Вялікадня і Божага Нараджэння аб’ядноўвалі вясковае і гарадское насельніцтва любой канфесіі ў рэгіёне. Так, на свята Божага Нараджэння вернікі хадзілі з зоркаю па вуліцах гарадоў і збіралі ахвяраванні на карысць цэркваў. У 1672 г. віцебскі ваявода А. Храпавіцкі спрабаваў забараніць гэты рытуал мяшчанам, замацаваўшы яго выключна за студэнтамі езуіцкага калегіума [25, с. 237–238].

Гучна святкавалася не толькі Божае Нараджэнне і Вялікдзень, але і Масленіца, Пакутны Тызень, Божае Цела і інш. Пры гэтым асобныя працэсіі праваслаўных, з вынасам плашчаніцы, хроснымі хадамі, падчас якіх вернікі б неслі абразы, свечы, у падзвінскіх гарадах не зафіксаваны. Прычыны гэтага крыюцца ў абмежаваннях, накладзеных менавіта на жыхароў Падзвіння пасля забойства І. Кунцэвіча. У 1635 г. пасля пратэстаў Папскага прастола і кіраўнікоў уніяцкіх епархій Уладзіслаў IV Ваза забараніў мець праваслаўным цэрквы “у Полацку, дзе цела а. Язафата ляжыць і ў Віцебску, дзе той жа біскуп забіты, як перад элекцыяй было, так і зараз неўніты ніводнай царквы мець не могуць” [29, с. 60–61]. Акрамя гэтага было забаронена праводзіць публічныя богаслужэнні, ці адпраўляць трэбы згодна са звычаямі праваслаўнай царквы. У дадатак да пакарання, вызначанага па законе, полацкі ваявода Януш Кішка ад свайго імя ў 1643 г. увёў яшчэ дадатковыя штрафы: на карысць дзяржаўнага скарбу – 50 тыс. злотых, а ваяводы і войта – 10 тыс. злотых. [14, с. 130]. У Полацку і Дзісне гэтую забарону ўдалося абыйсці заснаваннем брацтваў, але віцябляне былі пазбаўлены такой магчымасці. Фактычна ўрачыстасці праваслаўных брацтваў у рэгіёне былі вымушаны абмежавацца прасторай храмаў. Вынікам гэтага стала існаванне пры іх адразу некалькіх брацтваў, што дзейнічалі пры асобных алтарях ці прыдзеллах храма. Так, у Полацку ў XVII – XVIII стст. пры Богаяўленскай царкве, акрамя агульнага Багаяўленскага брацтва, дзейнічалі асобныя Крыжаноснае брацтва, брацтва Прасвятой Дзевы Марыі, моладзевае брацтва⁷, брацтва св. Мікалая⁸. У Дзісне, у дадатак да Уваскрасенскага (старэйшага) брацтва, у XVIII ст. з’явілася яшчэ два: малодшае і св. Мікалая. Акрамя агульнацаркоўных святаў, братчыкі былі павінны збірацца на малебны падчас святаў сваіх апекуноў (напрыклад, на свята Нараджэння і Успення Божай Маці), прыходзіць на ранішнюю службу да свайго алтара па серадах і збірацца на агульны сход штомесяц⁹.

Агульнадзяржаўным рэлігійным святам ужо ў XVI ст. цэнтральная ўлада пачала лічыць каталіцкае свята Божага Цела. Цікава, што калі першапачаткова ў шанаванні каталіцкіх святых і адпаведных шэсцях прымалі ўдзел толькі каталікі, то ў сярэдзіне XVII – XVIII стст. выходзіць на іх (асабліва на свята Божага Цела) былі абавязаныя прадстаўнікі ўсіх канфесій і рамесных цэхаў [28, с. 336–337; 30, с. 488]. Віцебскі ваявода Ян Храпавіцкі ў 1672 г. афіцыйна замацаваў сваім універсалам афіцыйны статус свята Божага Цела і рэгламентаваў парадак яго святкавання ў горадзе [25, с. 2]. Акрамя ўрачыстагахода з манстрацыяй, якая сімвалізавала труну, і богаслужэнняў пры чатырох алтарэ пад небам, у Віцебску прадугледжваўся асобны парадак працэсіі. Бурмістры і лаўнікі, у незалежнасці ад свайго веравызнання, былі павінны ісці асобна ад натоўпа і несці балдахін над рэліквіямі [25, с. 238]. Напрыклад, у Чашніках у шэсці ў гонар Язафата Кунцэвіча былі павінны ўдзельнічаць не толькі мяшчане, але і насельніцтва ўсёй воласці [31, с. 225–226]. Фэсты часта суправаджаліся музыкай, ілюмінацыямі, феерверкамі [11, с. 88–90]. Так, феерверк, арганізаваны на замку каля сабора св. Сафіі ў Полацку, быў павінен завершыць свята ў гонар Непарочнага зачачця Дзевы Марыі ў снежні 1681 г. [32, с. 268].

Акрамя агульных рэлігійных святаў, у гарадах Падзвіння ў XVII – XVIII стст. урачыста адзначаліся пачатак восеньскага і вясновага семестраў, заканчэнне вучэбнага года ў езуіцкіх калегіумах, прыезд знакамітых гасцей. У залежнасці ад канкрэтнай нагоды і жанру, у час свята рабіліся тэатралізаваныя прадстаўленні (п’есы і інтэрмедыі, батлейкі) у касцёле ці перад касцёлам, на пляцы перад будынкам калегіума і ў яго сценах, на рынкавых плошчах. Для сустрэчы гасцей каля гарадской брамы дадаткова арганізаваліся святочныя працэсіі па вуліцах горада, якія ўзыходзілі сваімі каранямі ў старажытныя традыцыі вітання свецкіх і духоўных правадыроў [33, с. 29–35].

⁶ Kuryer Polski. – 1757. – № 30.

⁷ Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей НГАБ). – Ф. 1823. Воп. 1. Спр. 26. Арк. 99.

⁸ НГАБ. – Ф. 1823. Воп. 1. Спр. 35. Арк. 268.

⁹ Інститут Рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. – Ф. 194. № 134. Печ. д-т № XI.

Да пачатку XVII ст. удзел у розных гарадскіх шэсцях стаў абавязковым для ўсіх рамесных цэхаў і прапісваўся практычна ва ўсіх цэховых статутах [32, с. 308; 36, с. 23]. Абавязковымі атрыбутамі такіх шэсцяў былі цэхавае харугва, ударныя музычныя інструменты (бубен ці барабан), а самі братчыкі, апранутыя ў суконныя ліўрэ і ці іншае святочнае адзенне былі ўзброены агняпальнай і халоднай зброяй (мушкеты і шаблі) у знак гатоўнасці абараняць свой цэх і горад [32, с. 308; 35, с. 331]. Да іх дадаваліся святы ў гонар пакраўіцеля самога цэха. На жаль, не захавалася апісанняў смотраў гарадскіх палкоў ці стралковых святаў у Віцебску і Полацку. Пра іх правядзенне ў ваяводскіх цэнтрах Падзвіння ўскосна сведчаць патрабаванні цэховых статутаў, напрыклад, полацкіх кажэўнікаў канца XVII ст. Парадак іх правядзення можна ўявіць дзякуючы рэканструкцыі, зробленай на падставе апісанняў аналагічных святаў з розных гарадоў Беларусі А. Катлярчуком [11, с. 95–97].

Заклучэнне. Такім чынам, мы бачым, што жыццё гараджан Падзвіння ў XV–XVIII стст. было насычана ўрачыстасцямі самага рознага ўзроўню: ад рэдкіх афіцыйных агульнадзяржаўных святаў кшталту візіта манарха, каранацыі да рэгулярных агульнагарадскіх свецкіх і рэлігійных цырымоній. У XVIII ст. разнастайных фестываляў стала так шмат, што ўніты скардзіліся на падзенне інтарэсу да сваіх святых, бо мяшчане папросту не мелі магчымасці ўдзельнічаць ва ўсіх рэлігійных і публічных працэсах [34, с. 12].

Да канца XVIII ст. адбываецца канчатковае размежаванне на гарадскую і вясковую, панскую і сялянскую культуры. Вясковае насельніцтва Падзвіння працягвае захоўваць гутарковую беларускую мову, традыцыі ў побыце, будаўніцтве жылля, адзенні, харчаванні. Святы застаюцца прывязанымі да земляробчага цыклу. Гарадская ж культура пад уплывам заходнееўрапейскіх традыцый набыла шэраг асаблівасцей. Акрамя блізкасці для часткі гараджан земляробчых заняткаў, а значыць і святаў, з XVII ст. горад існаваў на мяжы двух прынцыпова розных традыцый святкаванняў: каталіцкай (разам з уніяцкай) і праваслаўнай. У гарадской культуры ўзрастае колькасць свецкіх ўрачыстасцей. У арганізацыі святаў, як свецкага, так і рэлігійнага характару з'яўляюцца элементы, характэрныя для культуры барока: панегірыкі, феерверкі, ілюмінацыі. Дзякуючы рэлігійным абмежаванням афіцыйных улад, жыхары Падзвіння прымусова ўцягваюцца ў агульнагарадскія святкаванні па каталіцкім узору, што паскарала пранікненне заходнееўрапейскай культуры ў побыт шырокіх мас насельніцтва.

У той жа час, мы не назіраем ў рэгіёне праяў фарміравання ўстоўлівай карнавальнай культуры, характэрнай для каталіцкай гарадской культуры. У адрозненні ад сталічных гарадоў, у першую чаргу Вільні, і двароў магнатаў ВКЛ, якія актыўна ўспрымалі традыцыі маскарадаў, карнавалаў, прывязаных як да рэлігійных, так і свецкіх святаў, на ўсходзе Беларусі яны працягвалі існаваць у “карналізаваных” відовішчах у форме калядных і валачобных (у сельскай мясцовасці) абыходаў.

ЛІТАРАТУРА

- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – Л.: Наука, 1965. – 527 с.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: «Прогресс–Академия», 1992. – 376 с.
- Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.
- Даркевич В.П. Народная культура Средневековья: светская и праздничная жизнь в искусстве IX–XVI веков. – М.: Наука, 1988. – 342 с.
- Мальдзіс А.І. На скрыжаванні славянскіх традыцый: беларуская літаратура пераходнага перыяду (другая палавіна XVII–XVIII ст.). – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 352 с.
- Дадзіёмава В. 3 гісторыі музычнай бursы пры Віцебскім езуіцкім калегіуме // Віцебскі шчыт. – 1995. – № 1. – С. 26–31.
- Дадзіёмава В.У. Гісторыя музычнай культуры Беларусі да XX стагоддзя: да 80-годдзя Беларус. дзярж. акад. музыкі. – Мінск: Беларус. дзярж. акад. музыкі, 2012. – 230 с.
- Барышев Г.И. Театральная культура Белоруссии XVIII в. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 290 с.
- Галенчанка Г.Я. Францыск Скарына – беларускі і ўсходнееўрапейскі першадрукар. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 280 с.
- Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 245 с.
- Котлярчук А. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в. – СПб.: “Петербургское востоковедение”, 2001. – 240 с.
- Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. – Мінск: БелСЭн, 1989. – 573 с.
- Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. – СПб.: Тип. III Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1855. – 364 с.
- Витебская старина (далее Витебская старина): в 5 т. / сост. и изд. А.П. Сапунов. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1883–1888. – Т. 1: Известия русских и литовских летописей о Витебске. – 1883. XXIV. – 669 с.
- Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1867–1916. – 148 т. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. – Ч. 1 (годы с 1487 по 1533). – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. – 870 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. – Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненовоуниверситетского А.В. Назаренко. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 776 с.
- Клімуць Л.Я. Сармацкая культура беларускай шляхты ў XVI–XVIII стагоддзях. – Мінск: Беларусь, 2013. – 127 с.
- Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., подготовка текстов, вступ. ст. и комм. В.К. Былиннина, Л.У. Звонаревой. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – 448 с.
- Древняя российская вивлиофика: Содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / Изд. Н. Новиковым. – Изд. 2. – М.: Тип. Комп. типографич., 1788. Ч. III. – 480 с.
- Сапунов А. Древние иконы Богоматери в Полоцкой епархии / А. Сапунов. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1888. – 15 с.

21. Шалина И. Икона Богоматери Одигитрии – древняя икона Полоцкого Софийского собора (Icon of the Odigitria – ancient icon of St. Sophia Cathedral in Polotsk) // Seminarium Bulkinianum: сб. ст. к 60-летию со дня рождения В.А. Булкина / науч. ред.: И.В. Антипов, И.А. Шалина. – СПб.: Каламос, 1999. – С. 121–129.
22. Deniewicz B. Applauz Głośnobrażący Sławy Solennymi Tryumfów Ceremoniami na Godność Woiewodztwa Witebskiego (...) P. Marcyanowi z Kozielska Oginskiemu Woiewodzie Witebskiemu, (...) Starości Wstępującemu rezunuiący. Gdzie Tryumfalna Jásnoświećmi Domu Przeświećnego otoczona mistyczny Gwiazdy Broma promieniami, Zgromáđzone w sobie naywyszich [sic] godności Insignia reprezentująca dla solennieyszego tryumfu przy tym samymże Applauzie publicznemu Aktowi Rythmem Polskim Notyfikuje Się. – [Supraśl], 1731. – 8 k.
23. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской (далее – ИЮМ): в 32 вып. / ред.: А.М. Сазонов. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 19. – Витебск, 1889. – XXII, 496, XXXII с.
24. Родэвальд Ш. Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча / Беларускі гістарычны агляд. – Т. XVI. – 2009. – С. 345–372.
25. Витебская старина. – Т. 5. Ч. 1: Материалы для истории Полоцкой епархии: с 47 отдельными приложениями. – 1888. – [2], 650, XX с.
26. Stebelski I. Dwa Wielkie Swiatła Na Horyzoncie Połockim. – Т. 2. – Wilno: w Drukarni Bazylianskiej, 1782. – 474 s.
27. Wereda D. Rozwój kultu Jozafata Kuncewicza w XVIII wieku // Śladami unii brzeskiej / red. R. Dobrowolski, M. Zemło. – Lublin; Supraśl: KUL, 2010. – S. 258–266.
28. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси (далее АСД). – Т. 1. – Вильна: Печатня губ. прав., 1867. – X с. + 409 с.
29. АСД. – Т. 2. – Вильна: Печатня губ. прав., 1867. – 391 с.
30. ИЮМ. – Вып. 18. – Витебск, 1888. – VIII, 492, XLI, [6] с.
31. ИЮМ. – Вып. 26. – Витебск, 1895. – XXII, 516, XXXIV с.
32. ИЮМ. – Вып. 6. – Витебск, 1874. – 411 с.
33. Breżgo, B. Sztuki piękne w kolegium oraz w Akademii OO. Jezuitów w Połocku w XVIII i XIX w. / B. Breżgo // Prace Sekcji Hist. Sztuki Wil. Tow. Przyj. Nauk. – № 3 (1939). – S. 29–39.
34. Ważyński, P. Kazanie na uroczystość bł. Jozafata Kuncewicza / P. Ważyński. – Wilno: b/m, 1782. – 34 s.
35. ИЮМ. – Вып. 5. – Витебск, 1874. – 414 с.
36. Клименко, В. Ф. Западнорусские цеха: историко-этнографическое исследование / В. Ф. Клименко. – Киев: Тип. Импер. Универ. св. Владимира Акц. О-ва печ. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1914. – 166 с.

Поступила 18.10.2022

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ В ПОЛОЦКОМ И ВИТЕБСКОМ ВОЕВОДСТВАХ (ЗЕМЛЯХ) В XV–XVIII ВВ.

А.А. СКЕПЬЯН

(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)

Одним из главных механизмов, которые объединяют людей, формирует и демонстрирует определенную систему ценностей, отличие в восприятии окружающего мира, является торжество, праздник. Они отмечают важнейшие вехи человеческой жизни: личной (рождение, вступление в брак, смерть) и общественной. Уже в начале XV в. в городах и местечках Великого Княжества Литовского начинает формироваться своеобразная городская культура. Её неотъемлемой частью становятся различные церемонии, шествия, ритуалы, приуроченные как к светским, так и церковным праздникам и торжествам. В условиях насильственного закрытия православных храмов и монастырей, распространения униатства именно городской праздник стал тем мостом, который объединял жителей города различных конфессий и социальных слоев.

Ключевые слова: городская культура, торжества, церемонии, церковные и светские праздники, Великое Княжество Литовское, Подвинье.

OFFICIAL FESTIVE CEREMONIES IN POLOTSKY AND VITEBSK VOIVODESHIPS (LANDS) IN THE XV – XVIII CENTURIES

A. SKIEPYAN

(The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

One of the main mechanisms that unite people, forms and demonstrates a certain system of values, the difference in the perception of the surrounding world is a celebration, a holiday. They mark the most important milestones of life: personal (birth, marriage, death) and social. Already at the beginning of the 15th century, in the cities and towns of the Grand Duchy of Lithuania, a peculiar urban culture began to form. Various ceremonies, processions, rituals dedicated to both secular and church holidays and celebrations become its integral part. In the context of the forced closure of Orthodox churches and monasteries, the spread of Greek Catholic Church, it was the city holiday that became the bridge that united the inhabitants of the city of various confessions and social strata.

Keywords: urban culture, celebrations, ceremonies, church and secular holidays, Grand Duchy of Lithuania, Podvin'e.

УДК [94(476+474.5):339.543]«17»

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-35-39

**КАМОРЫ-ЭКСПАКГАЎЗЫ Ў СІСТЭМЕ ДЗЯРЖАЎНАЙ МЫТНАЙ СЛУЖБЫ
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVIII ст.**

канд. гіст. навук, дац. І.Ф. КІТУРКА
(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)

У другой палове XVIII ст. у ВКЛ адбылася рэформа дзяржаўнага апарата, адным з вынікаў якой стала рэарганізацыя мытнай службы і ператварэнне яе ў спецыяльны інстытут у сістэме выканаўчай улады дзяржавы. Мытная служба ВКЛ у гэты перыяд была перабудавана на прынцыпах бюракратыі і стала адной з самых дасканалых арганізаваных дзяржаўных структур. Для забеспячэння максімальна поўнага паступлення ў бюджэт грошай, сабраных ад спагнання пошлін ад тавараў, якія перавозіліся праз мяжу, дзяржава шукала аптымальныя шляхі для арганізацыі эфектыўнай працы мытняў, у тым ліку і праз інстытуцыянальныя змены.

У артыкуле на падставе вывучэння і абагульнення архіўных матэрыялаў упершыню ў айчынай і замежнай гістарыяграфіі паказаны роля і значэнне камор-экспакаўзаў. У прыватнасці, адзначана, што такія адмысловыя пункты мытнага кантролю з'явіліся ў структуры мытнай службы ВКЛ у 1788 г. Яны былі створаны ў гарадах, дзе ажыццяўляўся найбольш актыўны гандаль замежнымі таварамі – Вільні, Гродне, Коўне, Мінску, Брэсце, Слоніме, Пінску, Мазыры, Нясвіжы і Навагрудку. Акрамя правядзення працэдур мытнага дагляду, ацэнкі тавара і налічэння пошліны, экспакаўзы дадаткова з'яўляліся месцамі часовага складзіравання і захоўвання тавараў. У даследаванні даецца характарыстыка дзейнасці экспакаўзаў, адзначаецца іх роля ў пашырэнні і развіцці гандлю на тэрыторыі ВКЛ у другой палове XVIII ст.

Вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны пры вывучэнні дзейнасці дзяржаўных інстытутаў ВКЛ у другой палове XVIII ст, пры падрыхтоўцы абагульняючых навуковых прац, вучэбных дапаможнікаў па гісторыі ВКЛ і гісторыі мытнай службы.

Ключавыя словы: мытная служба ВКЛ, Скарбавая камісія ВКЛ, мытная пошліна, экспакаўз, рэпартыцыя, камора, прыкаморак, мытнае справаводства.

Уводзіны. У гісторыі развіцця дзяржаўных структур ВКЛ другая палова XVIII ст. стала часам сапраўднай мадэрнізацыі. У адрозненне ад папярэдняга перыяду, калі, па словах польскага даследчыка А. Загорскага “нешматлікія дзяржаўныя пасады знаходзіліся ў руках некалькіх міністраў, як правіла, пажыццёва, а ваяводствамі і павятамі кіравала шляхта, якая клапацілася ў першую чаргу пра свае інтарэсы і практычна не залежала ад слабой цэнтральнай улады” [1, с. 9–10], адной з галоўных задач у сістэме дзяржаўнага будаўніцтва ў другой палове XVIII ст. стала стварэнне разгалінаванай адміністрацыйнай сістэмы з адпаведным ёй апаратам служачых. Яскравым прыкладам рэалізацыі гэтай задачы з'яўлялася рэарганізацыя мытнай службы ВКЛ.

Вектар развіцця мытнай службы ВКЛ вызначылі рашэнні канвакацыйнага сейма 1764 г., у адпаведнасці з якімі было ліквідавана права спагнання прыватнага мыта, а таксама права яго арэнды і ўведзена адзіная генеральная пошліна [2, с. 78–79]. Гэта патрабавала ўдакладнення і пашырэння мытнай інфраструктуры ВКЛ. Ставілася задача правядзення агульнадзяржаўнага мерапрыемства па больш рацыянальным размяшчэнні мытных пастоў ва ўсіх відах уладанняў з мэтай максімальна поўнага спагнання мытных збораў і прадукцыйных любых спроб купцоў пазбегнуць выплаты генеральнай пошліны. Вырашыць дадзеную праблему можна было праз стварэнне дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ з адпаведнай інстытуцыянальнай структурай, штатам служачых, нарматыўна-прававым забеспячэннем дзейнасці. Кіравала гэтым працэсам Скарбавая камісія ВКЛ – упершыню створаны спецыяльны дзяржаўны орган, які адказваў за эканамічнае развіццё краіны [2, с. 76].

У адрозненне ад расійскай гістарыяграфіі мытнай службы, у якой, па словах расійскай даследчыцы В.Р. Балкавой: “за сто пяцьдзесят гадоў вывучэння гэтага дзяржаўнага феномена былі зроблены значныя поспехі” [3], гісторыя станаўлення дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ даследавана недастаткова [4].

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне месца і ролі ў структуры дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ другой паловы XVIII ст. такога адмысловага пункта мытнага кантролю, як *камора-экспакаўз*.

Асноўная частка. Аналіз гістарыяграфіі і крыніц сведчыць, што ў аснову фарміравання структуры дзяржаўных мытных органаў ВКЛ у другой палове XVIII ст. была пакладзена практыка, якая ўжо існавала ў краіне не адно стагоддзе і апісанне якой прадставіў М.В. Доўнар-Запольскі ў сваёй грунтоўнай працы “Дзяржаўная гаспадарка Вялікага Княства Літоўскага пры Ягелонах” [5]. Прынамсі, ён адзначаў, што для спагнання мытных збораў краіна была падзелена на мытныя акругі. У цэнтры кожнай акругі, як правіла ў буйных гарадах знаходзілася галоўная камора. У розных частках мытнай акругі, на самой граніцы, на “гасцінцах” былі пастаўлены прыкаморкі – аддзяленні галоўнай каморы. Затым, у розных мястэчках і сёлах размяшчаліся пасты, дзе знаходзіліся мытныя стражы [5, с. 534–535]. Пры гэтым гісторык заўважыў, што ў XVI ст. сфарміраваныя раёны мытных акруг (берасцейскае мыта, ковенскае, луцкае, уладзімірскае, навагрудскае, мінскае, смаленскае, кіеўскае, пуціўльскае, бранскае) не заўсёды вытрымліваліся, і перыядычна асобныя каморы ці права на спагнанне асобнага мыта маглі быць “выдзелены” з акругі і перададзены ў арэнду розным асобам. Толькі пасля мытнай рэформы каралевы Боны ў 1536 г. мытныя акругі сталі здавацца на водкуп або ў арэнду цалкам [5, с. 535–536].

У арганізацыі дзейнасці дзяржаўнай мытнай службы ў ВКЛ у другой палове XVIII ст. тэрытарыяльны прынцып таксама быў узят за аснову. Так, 29 ліпеня 1765 г. на пасяджэнні Скарбавай камісіі ВКЛ “для лепшага кіравання і кантролю над выбіраннем пошлін” тэрыторыя краіны была падзелена на 4 мытныя акругі (Жамойцкую, Беларускую, Рускую і Літоўскую), якія атрымалі назву “*рэпартыцыі*”. На чале рэпартыцый стаялі контр-рэгістранты [6, л. 31]. Мытныя акругі з’яўляліся найбуйнейшымі адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі адзінкамі ў мытнай сістэме ВКЛ у другой палове XVIII ст., яны аб’ядноўвалі ўсе сухапутныя мытныя пункты, якія знаходзіліся на іх тэрыторыі: *каморы, прыкаморкі, стражы*. Менавіта па рэпартыцыях вызначалася колькасць мытных пунктаў і мытнікаў, што ў іх працавалі, падсумоўваліся паступленні ад мытных пошлін і плацяжоў, праводзіліся перыядычныя праверкі працы мытных пастоў, ажыццяўлялася кадравая палітыка.

Асноўнымі структурнымі адзінкамі ў сістэме дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ па-ранейшаму заставаліся *мытні* або *каморы (мытныя каморы)*. На чале камор стаялі суперінтэнданты (з 1776 г. – інтэнданты). Варта падкрэсліць, што ў даследуемы час у параўнанні з папярэднім перыядам функцыі і роля камор значна пашырыліся. Сплаўныя і сухапутныя каморы сталі ўяўляць сабой не проста спецыяльна вызначаныя і абсталяваныя месцы, дзе праводзілася працэдура мытнага дагляду і мытнага кантролю за перамяшчэннем тавараў, з якіх выбіралася адпаведная пошліна. Яны з’яўляліся элементамі сістэмы дзяржаўнага кіравання і павінны былі забеспячваць правядзенне дзяржаўнай гандлёвай палітыкі на тэрыторыі ВКЛ.

Узровень развіцця гандлю заўсёды з’яўляўся асноўным паказчыкам узроўню развіцця таварна-грашовых адносін у краіне і быў адным з асноўных паказчыкаў яе эканамічнага развіцця ўвогуле [7, с. 21]. Рост цікавасці да гандлёвай тэматыкі яскрава прасочваўся ў другой палове XVIII ст. у праектах прыхільнікаў каралеўскай улады [8, с. 190], у інструкцыях для паслоў на сеймы Рэчы Паспалітай [9], а таксама ў літаратуры эканамічнага характару, якая актыўна выдавалася і распаўсюджвалася ў гэты час на ўсёй тэрыторыі ВКЛ [10].

Для найбольш дасканалай арганізацыі гандлю замежнымі таварамі ў ВКЛ ажыццяўляліся і інстытуцыйна-нальныя змены мытнай структуры. Так, напрыклад, у 1767 г. у структуру дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ дадаткова былі ўведзены *обер-стражы*. Супрацоўнікі гэтых мытных пунктаў выконвалі дзве задачы: яны ажыццяўлялі праверку наяўнасці ў купцоў дакументаў, якія пацвярджалі, што працэдура дагляду і выплаты пошліны пройдзена ў адпаведнасці з зацверджанымі правіламі, і таксама атрымалі права праводзіць мытны дагляд купцоў, якія перавозілі невялікую колькасць тавара – не больш чым на 50 злотых (далей – зл.) [11, л. 12]. *Обер-стражы* ствараліся пры тых каморах, на мытнай тэрыторыі якіх перамяшчэнне купцоў з таварамі было дастаткова актыўным і меліся разгалінаваныя шляхі, у тым ліку кантрабандныя.

Важным у рэарганізацыі мытнай структуры ВКЛ стаў 1788 г., калі ў адпаведнасці з рашэннем Скарбавай камісіі ВКЛ ад 29 красавіка былі арганізаваны адмысловыя пункты мытнага кантролю, якіх да гэтага часу ніколі не існавала ў дзяржаве, – *каморы-экспакаўзы* [12, л. 111v–114]. Абвяшчалася, што статус каморы (прыкаморку)-экспакаўза атрымаюць тыя гарады, дзе ажыццяўляўся найбольш актыўны гандаль замежнымі таварамі, а менавіта Вільня, Гродна, Коўна, Мінск, Брэст, Слонім, Пінск, Мазыр, Нясвіж і Навагрудак. У іх неабходна было за кошт скарба стварыць спецыяльныя мытныя дамы, якія непасрэдна і атрымалі назву “экспакаўзы” (*expackchauz*) – будынкі пры каморах або прыкаморках для часовага складзіравання і захоўвання замежных тавараў, прывезеных на тэрыторыю ВКЛ для продажу, з мэтай іх верыфікацыі і ацэнкі для спагнання мытнай пошліны [12, л. 111v – 113v].

З гэтай мэтай Скарбавая камісія ВКЛ паставіла правесці наступныя арганізацыйныя змены: Віленскаму прыкаморку надаваўся статус каморы; у Мінску і Коўне, дзе на той час не было ніякіх мытных пунктаў, загадвалася стварыць каморы, а ў Нясвіжы і Слуцку – прыкаморкі; разам з тым, для Брэсцкай каморы, а таксама для Гродзенскага, Слонімскага, Пінскага і Мазырскага прыкаморкаў дадаваліся функцыі экспакаўзаў [12, л. 111v – 112].

Прадугледжвалася, што калі купец меў намер прадаваць набыты ім замежны тавар у адным з вышэйпералічаных гарадоў, то на першай пагранічнай каморы ён павінен быў паведаміць пра гэта кіраўніку мытні (інтэнданту). У такім выпадку купец не праходзіў мытны дагляд і не ўносіў пошліну ў пагранічнай каморы, а толькі складаў мытную дэкларацыю – *аўштуг* – з пазначэннем якасці і кошту тавара, месца яго набыцця і горада, дзе будзе гандляваць, а таксама прадстаўляў пацвярдзальныя дакументы на тавар – *аўскупгі*, якія выдаваліся пры пакупцы тавараў на фабрыках або ў гарадах. Мытнікі, у сваю чаргу, павінны былі ўважліва правесці цэласнасць пакункаў з таварам і пломбаў, пастаўленых на пагранічнай каморы суседняй дзяржавы, затым запламбіраваць пакункі сваімі знакамі. Замест аўштуга, які заставаўся ў пагранічнай каморы, купец атрымліваў іншы дакумент – *атэстат* (квітанцыю), падпісаны інтэндантам каморы, у якім была наступная інфармацыя: прозвішча купца, змест прадстаўленай дэкларацыі пра асартымент, якасць і кошт тавараў, колькі пакункаў вязе, колькі на кожным з іх пастаўлена пломбаў і ў якіх месцах, калі выехаў з каморы і ў які экспакаўз накіроўваецца [12, л. 112].

Па прыбыцці на месца купец быў абавязаны адразу з’явіцца ў камору-экспакаўз для праходжання мытнага дагляду і аплаты пошліны. Мытнікі спачатку правяралі цэласнасць пакункаў і пломбаў, затым вызначалі адпаведнасць увезенай купцом прадукцыі той, што была зафіксавана ў мытным атэстаце, выдадзеным у пагранічнай каморы. Кожны тавар, які супадаў з запісам у квітанцыі, пазначаўся пэўным знакам мытнай рэгістрацыі (пломбай, штампамі, пятчаткамі) такім чынам, каб не нанесці яму шкоды. Для гэтага патрабаваліся спецыяльныя кампетэнцыі, таму ў штаце кожнага экспакаўза была пасада пакмайстра [12, л. 112]. Уменне правільна распакоўваць і ўпакоўваць тавары, а таксама прафесійна з вялікай ашчаднасцю пазначаць іх адпаведнымі знакамі ацэньвалася дастаткова высока. Пра гэта сведчыць і памер жалавання пакмайстраў, якое ў другой палове XVIII ст.

складала больш чым 1 000 зл. у год. Гэта было значна вышэй, чым у мытных пісараў, якія за сваю службу атрымлівалі ад 500 да 800 зл. у год, і супаставіма з жалаваннем інтэндантаў некаторых сухапутных камор (ад 800 да 1 600 зл. у год) [13, с. 65].

Скарбавай камісія ВКЛ сваім распараджэннем рэгламентавала парадак дзеянняў пакмайстраў па нанясенні адпаведных мытных знакаў на розныя тавары. Так, падчас мытнага дагляду ў экспакгаўзе на тканінах і любым іншым тавары, які вымяраўся ў локцях, пакмайстары павінны былі ставіць пломбы з двух канцоў рулона. На ўсіх таварах з бавоўны, шоўку, скур і да т.п., якія лічыліся ў штуках, павінны былі акуратна паставіць штамп іншага колеру, чым сам тавар. На мэблі, каб не пашкодзіць яе вонкавы выгляд, прадпісвалася ставіць пячаткі на версе. Срэбныя галантарэйныя тавары неабходна было пазначаць скарбавай пячаткай, нанесенай на абодва канцы ніткі, працягнутае праз нейкі элемент такога тавару [12, l. 112v]. Спецыяльныя знакі для пламбіравання, штампавання і апячатвання тавараў рознага асартыменту, якасці і памераў інтэнданты камор-экспакгаўзаў былі абавязаны атрымаць у Скарбавай камісіі ВКЛ. За кожны пастаўлены на тавары мытны знак купец павінен быў заплаціць 1 срэбны грош [12, l. 113v].

Пасля праходжання працэдуры мытнай рэгістрацыі тавараў і аплаты налічанай пошліны купец замест атэстату, які неабходна было пакінуць для справядачы ў экспакгаўзе, атрымліваў так званы *рэверс* – копію мытнай квітанцыі з подпісам інтэнданта або пісара экспакгаўза і адбіткам скарбавай пячаткі. Толькі пасля гэтага купец меў права прадаваць прывезены тавар у горадзе. Пры гэтым у выпадку, калі нават праз нейкі час у краме рэвізоры выяўлялі замежны тавар, не пазначаны спецыяльным знакам мытнай рэгістрацыі, то ён падлягаў канфіскацыі, а ўласніку дадаткова налічваўся штраф.

Усе вышэйпералічаныя ўмовы неабходна было дакладна выконваць, бо калі высвятлялася, што купец патрапіў у горад без дакументаў з пагранічнай каморы ці пры верыфікацыі ўскрываўся факты парушэнняў (тавар не адпавядаў па асартыменце, якасці ці кошту той інфармацыі, якая была зафіксавана ў атэстаце), то ўвесь тавар цалкам затрымліваўся ў экспакгаўзе. Купец быў абавязаны даць пісьмовае тлумачэнне такому здарэнню і чакаць рашэння Скарбавай камісіі ВКЛ [12, l. 113].

У распараджэнні Скарбавай камісіі ВКЛ акцэнтавалася ўвага на тым, што нават калі купец прайшоў мытны дагляд і заплаціў пошліну ў пагранічнай каморы, але меў намер гандляваць у гарадах, дзе былі экспакгаўзы, ён усё роўна быў абавязаны ехаць у гэты пункт мытнага кантролю для верыфікацыі тавараў і пазначэння іх адпаведнымі мытнымі знакамі [12, l. 113v].

Асаблівыя льготы прадстаўляліся мясцовым гандлярам з добрай рэпутацыяй. Ім Скарбавай камісія ВКЛ магла выдаваць спецыяльны дакумент – *рэміс*, згодна з якім купец не ўносіў пошліну ў пагранічнай каморы, а толькі праходзіў працэдуру пламбіравання пакункаў з таварамі і накіроўваўся для праходжання мытнага дагляду і аплаты пошліны ў камору-экспакгаўз. Каб атрымаць такую льготу купец павінен быў стала пражываць у адным з гарадоў, дзе знаходзілася камора-экспакгаўз, і мець адпаведны дазвол магістрата (пасведчанне) на ажыццяўленне гандлю ў ім. Менавіта на падставе такога пасведчання Скарбавай камісія ВКЛ магла выдаць рэміс на тэрмін ад 1 да 3 гадоў [12, l. 113v]. Кіраўнік пагранічнай каморы павінен быў праз ганцоў або поштай паведаміць у камору-экспакгаўз, што купец з правам рэміса перасёк мяжу, і ў пісьмовай форме прадставіць спецыфікацыю яго тавараў. У такім выпадку гандляр меў, як мінімум, дзве перавагі: па-першае, распакоўваць тавары ён быў абавязаны толькі адзін раз і ў тым горадзе, дзе жыў сам; па-другое, пры адсутнасці неабходнай сумы грошай для аплаты пошліны ён на працягу нейкага часу за невялікую плату мог захоўваць свой тавар у экспакгаўзе і толькі потым прайсці мытны дагляд і аплаціць пошліну [14, s. 151].

Відавочна, што для правядзення такой працэдуры мытнага дагляду ў экспакгаўзе неабходна было стварыць адпаведныя ўмовы. Варта падкрэсліць, што ў час найбольш значных кірмашоў у канкрэтным горадзе магла ўтварыцца чарга з купцоў, якія павінны былі для атрымання права правядзення гандлю прайсці ўсе мытныя працэдуры і заплаціць пошліну. У такіх абставінах мытнікі экспакгаўза былі абавязаны першапачаткова прыняць тавар на склад для часовага захоўвання, покуль не падыйдзе чарга купца для мытнага афармлення, паколькі яму пад пагрозай канфіскацыі катэгарычна забаранялася ехаць з таварам дадому, мінуючы экспакгаўз. Таму распараджэннем Скарбавай камісіі ВКЛ прадпісвалася падабраць у вызначаных гарадах для размяшчэння экспакгаўзаў зручныя месцы з добрым уездам і дзядзінцам, наяўнасцю вазоўняў і свіранаў, а таксама прадугледзець “надзейную ахову ад пажараў, злодзеяў і іншых непрыемнасцей” [12, l. 112v].

Інфармацыю пра такія новаўвядзенні неабходна было распаўсюдзіць ва ўсіх пагранічных каморах для таго, каб азнаёміць з ёй як мытных служачых, так і купцоў, якія гандлявалі замежнымі таварамі на тэрыторыі ВКЛ. Неабходна падкрэсліць, што ў каморах-экспакгаўзах не праводзілася працэдура мытнага дагляду і налічэння пошліны з мясцовых тавараў, якія вывозіліся за мяжу. Рашэнне аб арганізацыі экспакгаўзаў было спробай паставіць пад мытны кантроль усю тэрыторыю ВКЛ з мэтай узмацнення барацьбы з кантрабандай, паляпшэння ўліку менавіта замежных тавараў і, галоўнае, для павелічэння паступленняў ад мытных пошлін у скарб.

Аднак стварэнне сістэмы спецыяльных будынкаў для размяшчэння экспакгаўзаў аказалася не зусім прастай справай. Спецыяльна такія склады не будаваліся, таму неабходна было не толькі падабраць сярод існуючых у горадзе будынкаў такія, якія адпавядалі б патрабаванням часовага складзіравання і захоўвання тавараў – з добрым заездам і дзядзінцам, вазоўнямі і свіранамі, але і дамовіцца з іх уладальнікамі адносна арэнды [12, l. 114v]. Такое заданне ў адпаведнасці з распараджэннем Скарбавай камісіі ВКЛ атрымалі віленскі, ковенскі, мінскі і

навагрудскі экзактары¹, а таксама пісары Гродзенскага, Слонімскага, Пінскага і Мазырскага прыкаморкаў [12, л. 115–115v]. У мытных пратаколах удалося знайсці толькі два запісы аб тым, што дамы для размяшчэння экспакгаўзаў былі вызначаны. Так, 17 лістапада 1788 г. Скарбавая камісія ВКЛ зацвердзіла кантракт, заключаны суперінтэндантам Літоўскай рэпартыцыі Гілярыем Лаўцэвічам на арэнду будынкаў для размяшчэння экспакгаўза ў Гродне за 1 200 зл. у год [14, л. 42], а 18 лістапада 1788 г. – кантракт, заключаны мінскім экзактарам Комарам на арэнду адпаведнага будынку ў Мінску за 500 зл. у год [14, л. 45v].

Пасля другога падзелу Рэчы Паспалітай, калі краіна аказалася ў стане палітычнай і фінансавай нестабільнасці, экспакгаўзы з дазволу Скарбавай камісіі ВКЛ пачалі аддавацца ў арэнду розным асобам, на якіх і ўскладваўся абавязак па іх утрыманні і бесперапынным функцыянаванні. Разам з тым, вывучэнне і абагульненне розных дакументаў Скарбавай камісіі ВКЛ дазваляе сцвярджаць, што экспакгаўзы функцыянавалі ў структуры мытнай службы ВКЛ да спынення яе дзейнасці ў выніку трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай у 1795 г. [15, с. 150–151; 16, л. 3v].

Заклучэнне. Падсумоўваючы вышэйсказанае, неабходна адзначыць, што другая палова XVIII ст. для ВКЛ стала важным этапам у сферы дзяржаўнага рэфармавання ў галіне эканомікі. Сваю ролю ў гэтым працэсе адыграла і стварэнне экспакгаўзаў. З’яўленне ў ВКЛ у 1788 г. спецыяльных складоў абавязковай верыфікацыі замежных тавараў і маркіроўкі іх спецыяльнымі скарбавымі знакамі, разам з увядзеннем забароны на продаж рэчаў, якія не мелі такіх знакаў, безумоўна, стала новым этапам у развіцці мытнай справы ВКЛ. Функцыя экспакгаўзаў не была рэалізавана ў ВКЛ у поўнай меры, але сама ідэя, якая ўзнікла ў апошняй чвэрці XVIII ст. аб стварэнні ў буйных гарадах месцаў для часовага складзіравання, захоўвання і маркіроўкі тавараў і магчымасці праводзіць у іх мытны дагляд і збіраць пошліну, стала ў далейшым неад’емнай часткай у структуры дзяржаўнай мытнай службы.

ЛІТАРАТУРА

1. Zahorski A. Centralne instytucje polityczne w Polsce w dobie rozbiorów. – Warszawa, 1959. – 283 s.
2. Volumina legum. – Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1860. – Т. VII. – 415 s.
3. Балковая В.Г. Таможенная служба в системе управления Российского государства (XVI–XVIII вв.): историко-правовой аспект. Диссерт. на соиск. уч. ст. докт. юрид. наук. URL: <https://www.disscat.com/content/tamozhennaya-služhba-v-sisteme-upravleniya-rossiiskogo-gosudarstva-xvi-xviii-vv-istoriko-pra> (дата обращения 05.11.2020).
4. Кітурка І.Ф. Стварэнне і развіццё дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст.: гістрыяграфія пытання // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія) – 2021. – № 2 (58). – С. 13–23.
5. Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. – Т. I. – Киев: Тип. Имп. св. Владимира и издательское дело Н.Т. Корчак-Новицкого, 1901. – VIII, 807, СХІІ с.
6. Lietuvos Vastybes Istorijos Archyvas (LVIA) – Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы. – F. 11. Скарбавая камісія ВКЛ (1509–1797 гг.). – Ар. 1. – Bib. 111. Эканамічныя пратаколы ўказаў і распараджэнняў (1765–1766 гг.).
7. Голубеў В.Ф. Гандаль у Вялікім Княстве Літоўскім у XVI–XVIII стст.: ступень вывучанасці, формы, прынцыпы арганізацыі, асноўныя накірункі ў вывучэнні (пастаноўка праблемы) // Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад.: А.А. Скеп’ян; рэдкал.: А.А. Каваленя і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – С. 21–32.
8. Pilarczyk P.M. Komisja Skarbu Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec zagadnień handlowych // Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад.: А.А. Скеп’ян; рэдкал.: А.А. Каваленя і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – С. 189–201.
9. Pilarczyk P.M. Instrukcje dla litewskich komisarzy skarbowych delegowanych na sejmy (1780–1790) // Krakowskie studia z historii Państwa i Prawa. – 2020. – Т. 13. – Nr. 2. – S. 235–255.
10. Кітурка І. Эканамічная літаратура другой паловы XVIII ст. аб неабходнасці і шляхах рэфармавання сельскай гаспадаркі Вялікага княства Літоўскага // Silva rerum nova: Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі. – Вільня-Мінск: AIDAI – ATHENAEUM, 2009. – С. 162–168.
11. LVIA. – F. 11. – Ар. 2. – Bib. 88. Устава і інструкцыі Камісіі па арганізацыі мытнаў у ВКЛ (1767 г.).
12. LVIA. – F. 11. – Ар. 1. – Bib. 238. Мытныя пратаколы (1786–1788 гг.).
13. Кітурка І.Ф. Денежное обеспечение служащих государственной таможенной службы ВКЛ во второй половине XVIII в. // Вестник Брянского государственного университета. Сер. Исторические науки. – 2022. – № 2 – С. 63–71.
14. LVIA. – F. 11. – Ар. 1. – Bib. 239. Мытныя пратаколы (1788–1790 гг.).
15. Gordziejew J. Materiały źródłowe do dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Cz. 2: Z Zagadnień sksrbowości w dobie stanisławowskiej // Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie. – 2004. – S. 127–166.
16. LVIA. – F. 11. – Ар. 1. – Bib. 131. Пратаколы Скарбавага дэпартаменту (1795 г.).

Паступіў 15.12.2022

¹ Экзактар – у другой палове XVIII ст. у ВКЛ кіраўнік падаткавай акругі – экзакцыі па выбіранні падаткаў ад вырабу і продажу алкагольных напояў (чопавага і шэляжнага).

**КОМОРЫ-ЭКСПАКГАУЗЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.****И.Ф. КИТУРКО***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

Во второй половине XVIII в. в ВКЛ проводилась реформа государственного аппарата, одним из результатов которой стала реорганизация таможенной службы и преобразование её в специальный институт в системе исполнительной власти государства. Таможенная служба ВКЛ в этот период была перестроена по принципам бюрократизма и стала одной из наиболее грамотно организованных государственных структур. Для обеспечения максимально полного поступления в бюджет денег, собранных от взимания пошлин на товары, перевозимые через границу, государство искало оптимальные пути для организации эффективной работы таможен, в том числе и посредством институциональных изменений.

В статье на основе изучения и обобщения архивных материалов впервые в отечественной и зарубежной историографии показаны роль и значение комор-экспакаузов. В частности, отмечено, что такие специальные пункты таможенного контроля появились в структуре таможенной службы ВКЛ в 1788 г. Они были созданы в городах, где осуществлялась наиболее активная торговля зарубежными товарами – в Вильно, Гродно, Ковно, Минске, Бресте, Слониме, Пинске, Мозыре, Несвиже и Новогрудке. Кроме проведения процедуры таможенного досмотра, оценки товара и начисления пошлины, экспакаузы дополнительно являлись местом временного складирования и хранения товаров. В исследовании дается характеристика деятельности экспакаузов, отмечается их роль в расширении и развитии торговли на территории ВКЛ во второй половине XVIII в.

Результаты исследования могут быть использованы при изучении деятельности государственных институтов ВКЛ во второй половине XVIII в., при подготовке обобщающих научных работ, учебных пособий по истории ВКЛ и истории таможенной службы.

Ключевые слова: таможенная служба ВКЛ, Скарбовая комиссия ВКЛ, экспакауз, репортация, комора, прикоморок, таможенное делопроизводство.

**KOMORAS-EXPACKHAUSES IN THE SYSTEM OF STATE CUSTOMS SERVICE
OF GREAT DUCHY OF LITHUANIA IN LATTER HALF OF XVIII CENTURY****I. KITURKA***(Yanka Kupala State University of Grodno)*

In the latter half of the XVIII century, there was a reform of the state apparatus in the GDL; one of the results of this reform was the reorganization of the customs service and its transformation into a special institution in the system of the executive power of the State. During this period, the customs service of the GDL was rebuilt on the principles of bureaucracy and became one of the most perfectly organized state structures. In order to ensure that the money collected from duties on goods transported across the border is fully received by the budget, the state looked for optimal ways to organize the effective work of customs, including those by institutional changes.

Basing on the study and generalisation of archival materials, the article shows the role and significance of komoras-expackhouses for the first time in domestic and foreign historiography. In particular, it was noted that these special customs checkpoints appeared in the structure of the customs service of the GDL in 1788. They were organised in the cities where the most active trade in foreign goods was carried out - in Vilnius, Grodno, Kaunas, Minsk, Brest, Slonim, Pinsk, Mozyr, Niesvizh and Novogrudok. In addition to carrying out the procedure of customs inspection, valuation of goods and calculation of duty, expackhouses were also places of temporary warehousing and storage of goods. The study describes the activity of expackhouses, notes their role in the expansion and development of trade in the territory of the GDL in the latter half of the XVIII century.

The results of the research can be used when studying the activities of the state institutions of the GDL in the latter half of the XVIII century, preparing synthetical scientific works, textbooks on the history of the GDL and the history of the customs service.

Keywords: customs service of GDL, Skarbovaya Commission of GDL, customs duty, expackhouse, repartition, komora, prykomorok, customs record-keeping.

УДК 304:94(476)''17/18''

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-40-44

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОДА УРСЫН-НЕМЦЕВИЧЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В.В. ЛИШИК

(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

В статье представлены результаты исследования положения рода Урсын-Немцевичей в первой половине XIX в. Автором введены в научный оборот архивные документы и воспоминания, неопубликованные на сегодняшний день. В ходе исследования выявлены основные характеристики и периоды социально-экономического положения Урсын-Немцевичей в данный период. Проанализирован вопрос имущественного положения рода, относящегося к категории крупных помещичьих землевладений. Дополнительный акцент в статье делается на изменениях в положении Урсын-Немцевичей после восстания 1830–1831 гг., последствия которого оказали существенное влияние на представителей рода. Как один из результатов исследования представлена характеристика имущественного положения рода Урсын-Немцевичей, что дает конкретное представление об особенностях крупного помещичьего землевладения на Беларуси.

Ключевые слова: помещичьи землевладения на Беларуси, восстание 1830–1831 гг., род Урсын-Немцевичей.

Введение. Положение Беларуси в первой половине XIX в. было тесно взаимосвязано с общими процессами, происходившими в Российской империи. Одной из особенностей развития экономики на территории Беларуси в данный период было преобладание сельского хозяйства, в котором значительную часть занимали крупные помещичьи землевладения. К такому типу относились имения рода Урсын-Немцевичей, однако после участия представителей семейства в восстании 1830–1831 гг. произошли существенные перемены в их владениях. В общей сложности последствия данного восстания оказали значительное влияние как на положение шляхетского сословия, так и на зависимых от них крепостных крестьян. Дела об участниках и ходе восстания изучены исследователями достаточно подробно, а материалы о его последствиях для населения Беларуси изучены в гораздо меньшей степени. Однако они являются ценным источником для социально-экономической истории белорусских земель данного периода и крупного помещичьего землевладения, в частности.

Целью данной работы поставлено выявление социально-экономического положения Урсын-Немцевичей на территории Беларуси первой половине XIX в. Основные источники по данной теме содержатся в фондах национального исторического архива Республики Беларусь в Гродно и представляют собой достаточно разнообразные материалы по истории и генеалогии привилегированных сословий. Целый пласт материалов содержится в фондах, где присутствуют дела, относящиеся к периоду восстания 1830–1831 гг. и его последствий на территории Беларуси. К тому же, такие документы содержат важные сведения в области генеалогии, а также подробности социально-экономической жизни не только привилегированного класса, но и крестьянского сословия.

Основная часть. В социально-экономическом положении рода Урсын-Немцевичей первой половины XIX в. можно выделить два периода, разделенные событиями 1830–1831 гг. К началу XIX в. положение Урсын-Немцевичей характеризовалось совокупностью различных фактов. Основные землевладения Урсын-Немцевичей находились в Гродненской губернии. К ним относились давние родовые имения в Брестском уезде – Скоки, Адамково, Клейники, Старое село, Непли [1, л. 34]. Наиболее известными представителями рода Урсын-Немцевичей в первой половине XIX в. являлись Юлиан и Станислав. Талантливый писатель и общественный деятель, Юлиан занимал с 1815 г. должность секретаря Царства Польского, а Станислав был назначен в 1817 г. гродненским губернатором [2, с. 343]. Достигнув значительных успехов в карьере, они не имели прямых потомков, поэтому наследниками их имущества были сыновья Яна Урсын-Немцевича, родного брата Юлиана. Братья Кароль и Тадеуш учились в Свислочской гимназии, оба окончили Виленский университет с отличием. Кароль был неженатым, а Тадеуш Урсын-Немцевич женился на Барбаре Франковской в 1828 г., от которой имел 3 детей. Еще один представитель рода Александр Урсын-Немцевич, сын Казтана, женился в 1835 г. на Эмили Вислочки.

В 1810-е гг. земельные владения представителей рода Урсын-Немцевичей увеличились практически двукратно. Представители рода лояльно приняли власть Российской Империи, и экономическое положение Урсын-Немцевичей после разделов РП не претерпело кардинальных изменений. Расширение земельных владений происходило в первую очередь в связи с приобретением земель в Кобринском уезде. Так, в архивном документе присутствуют сведения о покупке земель Яном Урсын-Немцевичем имения Ключ Черевачицкий с 857 крепостными. После смерти Яна, по его завещанию, имения были фактически поровну разделены между его сыновьями, но как упоминает младший сын Тадеуш, официально не были разделены [3, л. 463об.]. Финансовое положение в данный период характеризует факт, что в 1825 г. Кароль и Тадеуш Урсын-Немцевичи взяли займ 12 920 рублей серебром в Санкт-Петербургском опекунском совете под залог своих имений Скоки и Клейники, а проценты Урсын-Немцевичи выплачивали исправно и в срок [4, л. 7, 32]. Они, как многие помещики в Российской империи, имели достаточно крупные долги как перед государственными учреждениями, так и перед частными лицами.

Уже к 1830 г. Кароль и Тадеуш Урсын-Немцевичи были владельцами значительного количества имений в Брестском и Кобринском уездах. Им принадлежали следующие имения: Скоки (116 душ), Адамково (220 душ), Клейники (47 душ) и закладное имение Колпин в деревне Страдеч (160 душ) в Брестском уезде, а также в Кобринском уезде Старый Двор Черевачицы с селом Пески (99 душ), Новый Двор Черевачицы с деревнями Огородники (43 души), Мельники (6 душ), Батче (170 душ), ф. Шиповичи, д. Яковчицы и др. [5, л. 4, 59]. В документах упоминается, что Александр Урсын-Немцевич владел небольшим имением Старое Село в Брестском уезде. А также Юлиан владел в данный период имением Урсынов в пригороде Варшавы. Общее количество крепостных в имениях рода на момент 1829 г. составляло 862 души (таблица). Общая площадь земли во владениях Урсын-Немцевичей в Брестском и Кобринском уездах составляла 5432 десятины и 1067 сажень, из которой 72% отмечалось как крестьянские наделы. Все это позволяет относить Урсын-Немцевичей в разряд крупных землевладельцев данного периода.

Таблица. – Имения рода Урсын-Немцевичей в 1829 г.

Имение	Уезд	Площадь, десятин	Кол-во, душ
Адамково	Брест-ий	482	220
Клейники	Брест-ий	569	47
Скоки	Брест-ий	906	116
Колпин в деревне Страдеч	Брест-ий	341	160
Старый Двор Черевачицы с селом Пески	Кобрин-ий	1680	99
Новый Двор Черевачицы с деревнями Огородники	Кобрин-ий	758	43
Батче	Кобрин-ий	384	170
Мельники	Кобрин-ий	312	7
Всего:		5432	862

Не рассматривая в данной статье подробности общественно-политической жизни, стоит отметить, что в период до 1831 г. все представители Урсын-Немцевичей были служащими в административных учреждениях, а самых значительных успехов достиг Станислав Урсын-Немцевич. Дослужившись до чина генерал-майора, он с 01.08.1816 г. и до своей смерти 04.12.1817 г. занимал пост гродненского губернатора, имея ранг действительного статского советника [6, л. 3–5]. От Станислава весомое положение в обществе, по сути, унаследовал Кароль Урсын-Немцевич, который занимал должность брестского уездного предводителя дворянства с 1828 г., а в 1830 г. был избран вице-маршалом Гродненской губернии. Тадеуш Урсын-Немцевич упоминается в документах за 1825 г. как брестский земский судья. Также важно отметить, что в общественно-политической жизни большое влияние на всех представителей рода имел Юлиан Урсын-Немцевич, имевший авторитет в среде шляхетского сословия. Учитывая данные обстоятельства, участие Урсын-Немцевичей в «разборе шляхты» в это время проходило беспрепятственно, а предоставление свидетельств о дворянском происхождении для них не составило труда. Однако непосредственно архивных дел по данному вопросу не сохранилось, поскольку фонд Гродненского депутатского дворянского собрания был практически полностью утрачен.

Начало второму периоду в социально-экономическом положении рода Урсын-Немцевичей дали события 1830 – 1831 гг. Исследования о социальной принадлежности около 3 тыс. участников восстания на Беларуси показывают, что среди них шляхетское сословие составляло более половины – 56,5%. В число участников восстания на Беларуси входили представители рода Урсын-Немцевичей, в частности, Кароль Урсын-Немцевич. К тому же, в ходе общего движения восстания на землях бывшей Речи Посполитой принимал участие Юлиан Урсын-Немцевич. Ход восстания был связан с имениями рода, поскольку после бегства из Варшавы великий князь Константин прибыл в Брест и несколько дней квартировался в усадьбе Адамково, в которой жил Кароль Урсын-Немцевич. Князь приказал направить Кароля в Гродно под домашний арест за сотрудничество со своим дядей Юлианом Урсын-Немцевичем. Несмотря на постоянный надзор, Кароль имел близкие контакты с польскими офицерами Гвардии и Литовского корпуса, с которыми разработал план захвата Гродно и ареста губернатора Бобятинского. Находясь в главном городе губернии, в марте 1831 г. Кароль Урсын-Немцевич стал во главе заговора и был выбран руководителем восстания на Гродненщине, но на это он согласился при условии предоставления военной помощи. В это время его предал один из участников заговора, однако арестовать Кароля не смогли. В середине апреля он направил гонцов в Беловежу, Новогрудок и Слоним со своим планом акций против российских гарнизонов. 18 апреля 1831 г. Кароль Урсын-Немцевич бежал из Гродно в Беловежскую пушу, где позже с пружанским лесничим Евгением Ронко возглавлял отряд повстанцев численностью более 550 человек. Однако в первом бою 16 мая 1831 г. был разбит и отошел с отрядом к Беловежу. Вскоре его отряд был распущен, а сам Кароль Урсын-Немцевич 6 недель прятался на подворье в Калюшине, после чего присоединился к дивизии генерала Мацея Рыбиньского. За свою деятельность получил от генерала Яна Скжынецкого орден *Virtuti Militari*. В начале августа работал в Сейме как депутат от Гродненщины. После капитуляции Варшавы Каролю удалось скрыться от российской власти, он выехал в эмиграцию сначала в Дрезден, позже в Париж к своему дяде Юлиану [7, s. 4, 22, 45–47, 78].

Участие в восстании 1830 – 1831 гг. принимал Юлиан Урсын-Немцевич, несмотря на пожилой возраст (73 года). В своих дневниках он пишет, что восстание плохо подготовлено и скорее всего будет подавлено, однако он не высказывал эти мысли в обществе. Хотя Юлиан не мог принять участие в боевых действиях, но его деятельность

проявилась в дипломатическом участии в данных событиях. Он был членом административного совета Временного правительства и политическим советником генерала Сквишинецкого. Получив должность кастеляна и сенатора, он отправился 11 июля 1831 г. с дипломатической миссией в Англию. Встреча с лордом Греем не оправдала его надежд на поддержку восстания англичанами, а Юлиана не признали официальным лицом для права ведения таких переговоров. Он писал в английские газеты, обращался к членам парламента, политикам и журналистам. Когда данный вопрос обсудили в английском парламенте, то восстание уже было подавлено. После поражения восстания он эмигрировал в Париж, где позднее помог обустроиться своему племяннику Каролю [7, с. 49, 53].

Поражение восстания 1830 – 1831 гг. и последующий процесс наказания его участников стал причиной организации подробного делопроизводства, в том числе и для братьев Кароля и Тадеуша Урсын-Немцевичей. Относительно представителей рода Урсын-Немцевичей со стороны властей Российской империи были организованы репрессии и возбуждены судебные дела как на Кароля, так и на его брата и родственников. Все имущество и земельная собственность представителей рода Урсын-Немцевичей находилось под угрозой полной конфискации.

Репрессии стали катализатором значительных изменений социально-экономического положения рода Урсын-Немцевичей. Основным методом репрессий стал процесс конфискации имений, которой был долговременным явлением, продолжавшимся более 10 лет. Несколько объемных архивных дел освещают процесс с достаточной степенью подробности. Начало ему фактически положил указ «о секвестре имений» Гродненского губернского правления от 13 октября 1831 г. По указу все имения, принадлежащие Каролю Урсын-Немцевичу, подлежали секвестру, т.е. были переданы в казну российской власти на время судебных разбирательств [8, л. 12–15, 34]. Согласно спискам «мятежников», Тадеушу Урсын-Немцевичу были предъявлены обвинения наравне с братом, на которые ему приходилось отвечать в суде. Касательно положения владений рода Урсын-Немцевичей в данном этапе следует выделить важное обстоятельство. Ранее упоминалось, что Ян не оставил завещания и все имения в учреждениях российской власти были записаны на старшего сына Кароля, хотя половина владений принадлежали Тадеушу по их личной договоренности. Таким образом, имения не были юридически разделены между братьями в государственных учреждениях, что создало для Тадеуша Урсын-Немцевича первую большую проблему. Как поясняет в документах сам Тадеуш: «Кароль проживает в Адамково, а я в имении Скоках» [9, л. 109об.]. Тадеуш вел дела с несколькими учреждениями Российской империи по разделу имений, отвечал на требования о взыскании долгов. Общее количество дел объемом более 2000 л. содержат множество прошений и объяснений Тадеуша Урсын-Немцевича. При этом в пяти случаях он напрямую обращался с прошениями к императору Российской империи Николаю I [9, л. 112, 127].

Однако положение рода Урсын-Немцевичей ухудшилось в ходе судебных разбирательств, поскольку в период репрессий проявилась новая финансовая проблема, связанная с необходимостью возвращения задолженности Санкт-Петербургскому опекунскому совету. К тому же в документах упоминаются долги частным лицам на сумму более 40 тыс. руб. До восстания полученный займ и проценты Урсын-Немцевичи выплачивали исправно в срок. Материалы дела свидетельствуют, что за 1830 г. задолженности не было, но уже в 1831 г. нужные платежи казна не получила [5, л. 24]. Возможно, Кароль не хотел либо не мог погасить свою задолженность перед финансовыми учреждениями Российской империи, надеясь на успех восстания. К тому же стоит отметить, что активная позиция шляхты в восстании обусловлена, в том числе, и экономическими соображениями. Известно, что к 1830 г. немалая часть дворянских имений на территории Беларуси была заложена в российских финансовых учреждениях под кредиты. Российские власти активно использовали экономические инструменты давления на участников восстания и их родственников. Многие участники восстания перестали возвращать займы, и невыплата долгов перед государством была использована как отягощающее вину обстоятельство [10, с. 161, 163.].

Вместе с этим невыплата денежных средств могла быть связана с возможной путаницей в российских государственных учреждениях на территории Беларуси в период после восстания, особенно при проведении срочных репрессивных мероприятий в отношении повстанцев. Имения были конфискованы и переданы в Гродненскую казенную палату, которая, вероятно, и получила прибыль. А Санкт-петербургский опекунский совет, не получив данный платеж, начал узнавать причины недостачи и обратился 27 июня 1832 г. за разъяснением причин в Гродненскую губернскую управу, чиновники которой начали подробные разбирательства платежей от Урсын-Немцевичей. Стоит отметить, что имена братьев во всех делах поданы в русифицированном виде: Кароль представлен как «Карл», а Тадеуш как «Фадей». На Тадеуша легла вся сложность положения, связанная с поддержкой быта своей семьи и в целом рода, в том числе многочисленные претензии власти и частных лиц по поводу конфискованных имений. К тому же Тадеуш вынужден был принять ещё и новый вариант своего имени, потому как в делах есть его собственноручные подписи, где он называет себя новым именем и ставит личную подпись [11, л. 34, 78].

Имение Урсыново Юлиана Урсын-Немцевича было также конфисковано царским правительством без подробных разбирательств в августе 1832 г. Племянницы Аделаида Дунина и Констанция Рачинская продали его мебель, а книги, рукописи, картины и медали спрятали у знакомых. Значительная часть книг и медалей позднее попала в коллекцию Эдварда Рачинского, известного мецената и коллекционера, который стал выплачивать впоследствии Юлиану денежную компенсацию. Часть коллекции книг и рукописей Юлиана хранилась в имениях рода Брестского уезда, а именно в конфискованной библиотеке Кароля, насчитывающей 481 том книг. В поддержку восстания выступили также насельники монастыря Ордена цистерцианцев в Вистычах, а в 1832 г. он был закрыт. Урсын-Немцевичи имели тесные контакты с монахами-цистерцианцами. Все представители рода часто

посещали службы и крестили своих детей в данном монастыре, что отмечено в метрической книге монастыря цистерцианцев д. Вистычи. Так, крещение Кароля Урсын-Немцевича состоялось 12 апреля 1794 г., а 7 мая 1798 г. прошло крещение его младшего брата Тадеуша Урсын-Немцевича [12, л. 37, 40].

В ходе процесса конфискации более половины владений Урсын-Немцевичей в Гродненской губернии судебными исполнителями были сделаны подробные описи имений, крестьян, земель и имущества представителей рода. Это позволяет подробно изучить социально-экономическое положение не только Урсын-Немцевичей, но и проживавших в их имениях крестьян и слуг. Исходя из данных документов, можно описать повинности крепостных крестьян и охарактеризовать их материальное положение. Крестьянские наделы имели размеры от 15 до 20 десятин [13, л. 54–57]. Во всех имениях рода Урсын-Немцевичей повинность составляла «три мужских дня с упряжью и три пеших», что составляло средний показатель по губернии. Также крестьяне отбывали толоку в количестве 8 дней, и уплачивали дань по «1 курице, 10 яиц, грибов 1 копна». Имущественное положение большинства крестьянских хозяйств относилось к средней категории, все дома и строения крестьян в описях обозначены как деревянные, треть из которых обозначены как «ветхие». В описях подробно представлены имена крепостных, членов их семейств, инвентари дворов и личных хозяйств с указанием их стоимости в рублях (например, деревянный дом стоил 20–25 р. серебром).

Основой шляхетского благосостояния в данный период оставалась по-прежнему сельскохозяйственная ветвь. Исходя из некоторых отчетов, можно отметить, что в хозяйстве Урсын-Немцевичей основным источником прибыли были доходы от земледелия, а конкретнее от продажи пшеницы, ржи и других культур. В животноводстве можно отметить преобладание разведения породистого скота, а также значительно было развито овцеводство. Всего в имениях было: 53 лошади, 269 овец, 155 коров, 159 волов, 158 свиней [14, л. 124–125]. Однако процесс конфискации, неопределенность в управлении имениями, особенно в Кобринском уезде, ухудшили положение крестьянских хозяйств во владениях Урсын-Немцевичей. Инвентарная опись имений Скоки и Клейники 1847 г., составленные в ходе реформы Киселёва, в большей части повторяют представленные выше материалы судебных дел.

К началу 1840-х гг. положение Урсын-Немцевичей усугублялось многолетними судебными процессами. Завершение периода репрессий связано с окончательным решением властей по вопросам конфискации. Как свидетельствуют документы, Тадеуш Урсын-Немцевич был управляющим имениями брата Кароля до своей кончины в 1839 г. [15, л. 54]. И только после смерти Тадеуша имения были окончательно разделены Казенной палатой на две части. А к началу 1846 г. половина всех имений, составлявшая в основном земли в Кобринском уезде, была полностью передана в казну [16, л. 15]. Однако Тадеуш сумел сохранить в усадьбе имения Скоки многие культурные сокровища рода Урсын-Немцевичей, которые впоследствии будут вывезены в Калугу [17, с. 49]. После смерти Тадеуша опекуном его малолетних детей стал двоюродный брат Александр Урсын-Немцевич, владевший имением Старое Село в Брестском уезде. Таким положение рода фактически оставалось вплоть до конца 1840-х гг., после чего новым хозяином имения становится единственный сын Тадеуша Ян Титус Урсын-Немцевич, достигший успехов в деятельности нового поколения рода во второй половине XIX в.

Заключение. Таким образом в социально-экономическом положении Урсын-Немцевичей в первой половине XIX в. можно выделить два существенно отличающихся периода. Первый (до 1830 г.) был достаточно благоприятным, представители рода обладали значительными землевладениями (более 5400 д.), занимали весомые административные должности в Российской империи. После событий восстания 1830 – 1831 гг., в котором приняли участие Юлиан и Кароль Урсын-Немцевичи, произошли резкие перемены, ставшие началом второго периода. Основным последствием в этот период стали потеря должностей, экономические репрессии и конфискация всего имущества рода. Однако Тадеуш Урсын-Немцевич в ходе судебных разбирательств возвратил половину конфискованных владений к 1841 г. В итоге социально-экономическое положение Урсын-Немцевичей в первой половине XIX в. из достаточно благоприятного изменилось в худшую сторону, а основной характеристикой перемен стала утрата половины земельных владений рода. В свою очередь данные факты дают более конкретное представление об особенностях крупного помещичьего землевладения на Беларуси первой половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Республики Беларусь в Гродно (НИАБ в Гр.). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 98.
2. Нямцэвічы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 5. – 592 с.
3. НИАБ в Гр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 306.
4. НИАБ в Гр. – Ф. 31. Оп. 2. Д. 32.
5. НИАБ в Гр. – Ф. 89. Оп. 1. Д. 7.
6. НИАБ в Гр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 979.
7. Ursyn Niemcewicz K. Pamiętnik Karola Ursyna Niemcewicza: z 1830 roku. – Paryż: Księgarnia polska, 1863. – 96 s.
8. НИАБ в Гр. – Ф. 31. Оп. 2. Д. 18.
9. НИАБ в Гр. – Ф. 31. Оп. 2. Д. 17.
10. Савіч А.А. Эканамічныя рэпрэсіі ў дачыненні да Нямцэвічаў пасля паўстання 1830-1831 гг. / Юльян Урсын Нямцэвіч: асоба ў кантэксте часу. Да 250-годдзя з дня нараджэння: Міжнар. нав.-практ. канф., 30-31 мая 2008 г. – Брэст: ААТ “Брэсцкая друкарня”, 2008. – 232 с.
11. НИАБ в Гр. – Ф. 31. Оп. 2. Д. 351.
12. НИАБ в Гр. – Ф. 475. Оп. 1. Д. 1.

13. НИАБ в Гр. – Ф. 31. Оп. 2. Д. 257.
14. НИАБ в Гр. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 10.
15. НИАБ в Гр. – Ф. 96. Оп. 1. Д. 397.
16. НИАБ в Гр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 10
17. Мальдис А.И. Белорусские сокровища за рубежом. – Минск: Літаратура і Мастацтва, 2009. – 210 с.

Поступила 18.10.2022

SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE URSYN-NEMTSEVICH FAMILY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

V. LISHYK

(Brest State A. Pushkin University)

The article presents the results of a study of the position of the Ursyn-Nemtsevich (Ursyn-Niemcewicz) family in the 19th century. The author introduced into scientific circulation archival documents and memoirs that have not been published to date. The study revealed the main characteristics and periods of the socio-economic situation of the Ursyn-Nemtsevichs in this period. The issue of the property status of the family, which belongs to the category of large landowners, is analyzed. An additional emphasis in the article is placed on changes in the position of the Ursyn-Nemtsevichs after the uprising of 1830–1831, the consequences of which had a significant impact on the representatives of the clan. As one of the results of the study, a characteristic of the property status of the Ursyn-Nemtsevich family is presented, which gives a concrete idea of the features of large landownership in Belarus.

Keywords: landed estates in Belarus, uprising of 1830–1831, Ursyn-Nemtsevich family.

УДК 94(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-45-50

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ КИЕВА И ПОЛОЦКА ЗА МОЩИ СВ. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ
В 1832 – 1909 гг.: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УСПЕХОВ И НЕУДАЧ¹****В.И. КОРОНЕВСКИЙ***(Санкт-Петербургский государственный университет)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5910-6799>e-mail: iliich2000@mail.ru

В статье предпринимается попытка анализа истории противостояния Полоцкой епархии и Киевской митрополии за мощи св. Евфросинии Полоцкой в 1832 – 1909 гг. Автор стремится найти ответ на два основных вопроса. Во-первых, почему все ходатайства полочан о перенесении останков преподобной в Спасо-Евфросиниевский монастырь вплоть до 1909 г. заканчивались безрезультатно? Во-вторых, что в итоге способствовало успеху инициативы и сделало возможным перенесение реликвии в Полоцк в 1910 г.? Анализируется имеющаяся историография вопроса. Обосновывается гипотеза, согласно которой главным фактором, мешавшим осуществлению желания полочан, была позиция высшего киевского духовенства: Киевских митрополитов и Духовного собора Киево-Печерской лавры. Успеху последнего ходатайства способствовало резкое обострение ситуации в Полоцке и в самой империи в целом после 1905 г., что побудило государство вмешаться в спор и решить вопрос в пользу Полоцка.

Ключевые слова: Евфросиния Полоцкая, Спасо-Евфросиниевский монастырь, мощи, православие, Полоцкая епархия, Киевская митрополия.

Введение. Культ Евфросинии Полоцкой на протяжении большей части своей истории имел одну интересную особенность. Более семи веков он развивался в условиях отсутствия в Спасо-Евфросиниевском монастыре, основном центре почитания преподобной княжны, главной реликвии, вокруг которой обыкновенно выстраивается культ святого – мощей. Останки Евфросинии, скончавшейся в Иерусалиме в 1173 г., после захвата города Саладином в 1187 г. были перенесены на Русь, однако добраться до Полоцка на тот момент им было не суждено – реликвия оказалась в Киеве. В условиях отсутствия мощей на родине княжны главным символом её почитания оставался созданный по её заказу крест. Сохранившиеся до нашего времени источники не содержат никаких свидетельств о попытках полочан добиться перенесения хранившейся в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры реликвии. Ни в конце XII – первой половине XVI вв., когда Евфросиния Полоцкая имела сугубо локальное значение [1, с. 182, 184], ни в период всплеска внимания к её фигуре во времена пребывания Полоцка под контролем войск Ивана Грозного, ни, тем более, в конце XVI – XVIII вв., в период экспансии католицизма на восточных землях Речи Посполитой, православные жители Полоцка не обращались к Киеву с ходатайствами о возвращении своей святыни.

Ситуация коренным образом изменилась в 1830-е гг. В условиях подготовки частью местного греко-католического духовенства воссоединения униатов белорусско-литовских губерний с Православной церковью образ Евфросинии Полоцкой оказался востребован в качестве символа исконности православия в регионе. Благодаря активной деятельности Полоцкого архиепископа Василия (Лужинского) монастырь, принадлежавший во времена Речи Посполитой иезуитам, был восстановлен и возвращен православным², в находящуюся на его территории Спасо-Преображенскую церковь из Софийского собора был перенесен крест святой княжны³, начали издаваться и распространяться первые брошюры, направленные на популяризацию фигуры Евфросинии [2]. Еще большему укреплению позиций культа преподобной должно было способствовать перенесение в Полоцк ее мощей.

Начиная с 1832 г., когда этот вопрос был впервые поднят, история развития культа Евфросинии Полоцкой оказывается тесно переплетена с историей попыток полочан заполучить желанную реликвию. Частично их старания увенчались успехом зимой 1870 – 1871 гг., когда в Спасо-Евфросиниевский монастырь была перенесена частица мощей святой (средний перст правой руки), но окончательное решение о возвращении реликвии в Полоцк целиком было принято лишь в 1909 г. и реализовано весной 1910 г. Таким образом, почти восемь десятилетий все усилия полочан оставались тщетными, что ставит перед исследователем ряд вопросов. Во-первых, почему в течение рассматриваемого периода все ходатайства о перенесении реликвии заканчивались ничем? Кто и по каким причинам препятствовал их удовлетворению? Во-вторых, почему усилия сторонников пребывания останков святой в Спасо-Евфросиниевском монастыре увенчались частичным успехом именно в 1870 – 1871 гг. и окончательным – в 1909 г.? Какие изменения произошли в общем контексте разворачивавшегося противостояния, склонив чашу весов на сторону Полоцка? Для ответа на эти вопросы нам необходимо остановиться на основных эпизодах истории борьбы Полоцка с Киевской митрополией за мощи преподобной княжны.

Основная часть. Впервые проблема необходимости перенесения реликвии в Полоцк была поставлена в 1832 г. Могилевским архиепископом Гавриилом (Городковым), посетившим Полоцк и заставшим первые ме-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): «RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

² Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 7764. Л. 5.

³ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9496. Л. 1.

роприятия, предпринятые местным духовенством для укрепления позиций культа св. Евфросинии. Соответствующая мысль была высказана им в письме Московскому митрополиту Филарету (Дроздову), который отнесся к этой идее с осторожностью. Митрополит полагал, что с решением проблемы перенесения мощей торопиться не следует, поскольку должный эффект потенциальная церемония будет иметь только если «при сем Богу угодно будет явить руку свою», в противном случае «враги найдут, что сказать против сего» [3, с. 238]. Таким образом, не имея ничего против самой идеи возвращения реликвии в Полоцк, Филарет считал инициативу несвоевременной, опасаясь, что возможное отсутствие чудес и знаков Божией воли вокруг мероприятия может послужить поводом для «врагов» (имеются в виду католики) нивелировать всякий положительный эффект.

Первое официальное ходатайство перед Синодом имело место по инициативе воссоединенного Полоцкого архиепископа Василия (Лужинского) в 1840 г., то есть на следующий год после присоединения униатов к православной церкви, одним из символов которого была Евфросиния Полоцкая [4, с. 176–178]. Момент был выбран удачно, и в случае успеха перенесение реликвии увенчало бы усилия, предпринятые православным духовенством в 1830-е гг. для реставрации культа святой, однако инициатива была оставлена без ответа. В 1844 г. архиепископ отправляет аналогичный запрос на имя обер-прокурора Синода Н.А. Протасова, а в 1852 г. напоминает ему о проблеме в частном письме и аргументирует необходимость перенесения катастрофической нехваткой в Полоцке почитаемых в народе православных реликвий, в связи с чем «ища душою своей святыни, местные жители, а особенно простые люди, православного исповедания, в обиду Православной Церкви и к прискорбию для своего пастыря, идут иногда в Полоцкий Доминиканский монастырь и преклоняют колена пред мощами Андрея Боболя, еще не признанного святым самою Римско-католическою церковью»⁴. Таким образом, впервые в качестве основной причины необходимости добиться возвращения мощей св. Евфросинии прямо называется необходимость конкурировать с притягивающими православных католическими святынями. Неудивительно, что этот аргумент впервые фигурирует в письме, датированном именно 1852 г., поскольку в это время в Риме готовилась состоявшаяся в 1853 г. официальная беатификация Андрея Боболя. О подготовке беатификации архиепископ Василий прекрасно знал и выражал по этому поводу серьезные опасения, справедливо полагая, что официально причисленный к лику блаженных Боболя будет еще сильнее привлекать к себе представителей обеих конфессий и облегчит задачу католическим проповедникам⁵. Тем не менее, с подачи Киевского митрополита Филарета (Амфиотрова), отрицательно отреагировавшего на инициативу Василия, Синод ответил на нее отказом [5, с. 517].

В 1858 г. вслед за своим архиепископом дополнительное ходатайство возбудили жители Полоцка. Его составители, по всей видимости, были осведомлены о переписке архиепископа Гавриила и Московского митрополита Филарета и о сомнениях последнего в явлении в ходе церемонии знаков Божественной воли, поэтому попытались подкрепить свои аргументы ссылками на признаки соответствия потенциального перенесения реликвии высшему замыслу. Таковыми стали наличие «внутри храма сей обители места, как бы по провидению Божию, назначенного для хранения драгоценных мощей основательницы монастыря Св. Спаса», слова ангела, который, согласно житию, повелел Евфросинии пребывать на месте будущего Спасо-Евфросиниевского монастыря, а также адресованные ее брату Вячеславу слова, сказанные княжной перед отбытием в Иерусалим, «что она Полоцка не оставит, а только будет молиться за себя и за полочан»⁶. Таким образом, прагматичные доводы Василия были подкреплены еще и сугубо религиозными аргументами.

Но, несмотря на это, ответ Синода, пришедший, наконец, в 1860 г., был неутешительным. Фактически он представлял собой пересказ заключения, представленного по этому вопросу Духовным собором Киево-Печерской лавры через Киевского митрополита Исидора (Никольского). Главным контраргументом была апелляция к Божией воле, которой, по мнению киевлян, в полной мере отвечал факт пребывания мощей в лавре на протяжении семи столетий. Другими серьезными доводами была незначительность Полоцка, который, с точки зрения Киевской митрополии, никак не мог конкурировать с Киевом, и численное преобладание в Полоцке иноверцев, в связи с чем последний не подходил для хранения столь ценной реликвии⁷.

Невзирая на постигшую полочан неудачу, архиепископ Василий и его преемник, епископ Савва (Тихомиров), продолжали активно готовить почву для будущих ходатайств. В течение 1860-х гг. идея перенесения реликвии в Полоцк обзавелась влиятельными сторонниками как среди духовенства, так и среди светских властей. В 1864 г. ее поддержал Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, «признавая таковое перенесение мощей Преподобной Евфросинии весьма полезным в видах возвышения в населении страны религиозного духа и приверженности к Православной Церкви»⁸. В 1868 г. в качестве противовеса популярности Боболя возвращение мощей считал полезным Витебский губернатор П.П. Косаговский [6, с. 259]. А за год до этого, в 1867 г. в поддержку перенесения мощей выступили новый Виленский генерал-губернатор Э.Т. Баранов и Литовский митрополит Иосиф (Семашко) [7, с. 706]. Тогда же по просьбе епископа Саввы, своего бывшего викария, инициативу открыто поддерживает Московский митрополит Филарет. Он пишет два одинаковых письма на имя Киевского митрополита Арсения (Москвина) и занимавшего этот пост ранее Исидора (Никольского), на тот момент Санкт-Петербургского митрополита. Филарет, авторитет которого сам по себе являлся весомым аргументом, утверждал, что

⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). – Ф. 262. Карт. 50. Д. 3. Л. 2.

⁵ ОР РГБ. – Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 16 – 19 об.

⁶ ОР РГБ. – Ф. 262. Карт. 50. Д. 3. Л. 1 – 1 об.

⁷ Там же. – Л. 2 об. – 5.

⁸ Там же. – Л. 7 – 7 об.

в отдельных случаях перенесение мощей возможно и без «особенных указаний от Провидения Божия». В качестве соответствующего прецедента он упоминал о перенесении мощей митрополита Филиппа в 1652 г. из Соловецкого монастыря в Успенский собор. Повторен им был и уже ставший традиционным аргумент о скудости в Полоцкой епархии «древней, особенно чтимой православной святыни; между тем как Римско-католические церкви представляют, верным или неверным преданием сохраненную, святыню, которая привлекает внимание не только Римско-католического, но частию и православного народа»⁹. Тем не менее, хотя остальные члены Синода, включая обер-прокурора, благожелательно отнеслись к идее перенесения мощей, именно Исидор и Арсений выступили против, и инициатива Полоцка снова осталась безрезультатной. Интересно, что одной из главных причин отказа, названных митрополитом Исидором, было опасение того, что передача мощей Полоцку станет прецедентом, дающим основания ряду других городов требовать от Киево-Печерской лавры, в пещерах которой хранилось немало реликвий, связанных с Киевом лишь косвенно, аналогичных уступок, что приведет к падению значимости этого центра русского православия [8, с. 278].

Однако епископ Савва не отчаивался. Он предложил Киевскому митрополиту Арсению компромисс: перенесение в Полоцк небольшой частицы мощей Евфросинии. Свою просьбу он подкрепил не только тезисом о необходимости обрести противовес останкам Боболи и другим католическим реликвиям, но и апелляцией к успешному примеру организации православного торжества, укрепляющего позиции православия среди местного населения: состоявшейся в 1866 г. церемонии перенесения частицы мощей св. Иосифа Обручника в Могилев¹⁰. К этой просьбе Саввы митрополит Арсений отнесся благосклонно, и зимой 1870 – 1871 гг. средний перст правой руки Евфросинии действительно был перенесен сначала в Витебск, а потом и в Полоцк.

Одержав тактическую победу, Савва не собирался останавливаться на достигнутом, и, несмотря на предыдущие договоренности, в 1872 г. снова возбудил ходатайство о перенесении реликвии в Полоцк целиком. К его инициативе благожелательно отнеслись новый Московский митрополит Иннокентий (Вениаминов) и министр народного просвещения, обер-прокурор Синода Д.А. Толстой. Последний впервые обратился по этому поводу к императору, и Александр II, на словах одоблив идею, повелел Синоду запросить письменное изложение позиции епископа Саввы и митрополита Арсения, обсудить их и представить на свое рассмотрение доклад о степени целесообразности перемещения реликвии из Киева в Полоцк [8, с. 282]. В своем донесении Синоду Полоцкий епископ писал, что возвращение останков святой в её родной город «благовременно и благопотребно для православного населения Белорусского Края, и в особенности для жителей города Полоцка, к ограждению их от вредного опасного для чистоты Православия влияния латинских святынь и к утверждению их в преданности Св. Православной Церкви», акцентируя внимание на том, что необходимость противостоять натиску католицизма стала еще более отчетливой «после событий 1861 – 1863 гг.»¹¹. Киевский митрополит, в свою очередь, писал о неотчуждаемости мощей Евфросинии от лавры, а претензии полочан с раздражением отвергал, утверждая, что перенесение реликвии не будет способствовать преодолению католической угрозы, и в свете недавнего восстания Полоцк, в отличие от Киева, не является безопасным местом для пребывания в нем реликвии¹². Столкнувшись со столь жесткой позицией Киевской митрополии, Д.А. Толстой предпочел наложить на уже подготовленный по императорскому повелению доклад резолюцию «отложить» [5, с. 535–536].

Вопрос был снова поднят в 1882 г. по инициативе Полоцкого православного братства имени св. Николая и св. Евфросинии, однако ввиду отсутствия каких-либо новых весомых аргументов в пользу возвращения мощей в Полоцк новый Киевский митрополит Платон (Городецкий) без особенных проблем отклонил запрос [5, с. 537].

Последнее крупное ходатайство, имевшее место в XIX в., датируется 1892 г., когда новый Полоцкий епископ Антонин (Державин), бывший викарий Саввы (Тихомирова), заручившись поддержкой полоцкого и витебского братств, в очередной раз обратился в Синод со старой просьбой. О выдвинутых Антонином аргументах, к сожалению, сложно что-либо сказать, поскольку сам текст ходатайства не сохранился. Так или иначе, указом от 1903 г. оно было окончательно отклонено Синодом [9, с. 310].

Вплоть до 1908 г. этот вопрос больше не поднимался, однако на состоявшемся в этом году IV миссионерском съезде возвращение мощей Евфросинии в Полоцк было признано одним из эффективных способов противодействия католической пропаганде в Северо-Западных губерниях, после событий 1905 г. являвшейся для империи особенно чувствительной проблемой. Воспользовавшись ситуацией, новое ходатайство в 1909 г. возбудил Полоцкий епископ Серафим (Мещеряков). На этот раз, стремясь продемонстрировать востребованность мощей Евфросинии в Полоцке, он приложил к ходатайству огромное количество прошений от Полоцкой городской думы, местных православных братств, сестер монастыря, витебского отдела Союза русского народа и множества простых прихожан¹³. Киевский митрополит Флавиан (Городецкий) и Духовный собор Киево-Печерской лавры снова ответили отказом¹⁴. В отзыве последнего использовались старые аргументы: соответствие факта пребывания реликвии в Киеве Божественному Промыслу и нежелательность перенесения мощей святых угодников в условиях отсутствия знамений свыше. Основной довод полочан о необходимости противостоять католическому влиянию киевляне пытались парировать, утверждая, что на население, подверженное католической пропаганде, святыня не произведет должного

⁹ ОР РГБ. – Ф. 262. Карт. 50. Д. 3. Л. 21 – 21об.

¹⁰ Там же. – Л. 9 – 10об.

¹¹ Там же. – Л. 24 – 25об.

¹² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 796. Оп. 205. Д. 345. Л. 28-33.

¹³ РГИА. – Ф. 796. Оп. 190. Отд. VI. Ст. 3. Д. 218. Л. 2 – 2 об., 5 – 8, 16 – 18 об., 25-26 об., 37-379.

¹⁴ РГИА. – Ф. 796. Оп. 445. Д. 341. Л. 1

воздействия, и «посему можно даже опасаться, как бы предполагаемое перенесение мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк не вызвало еще больших огорчений и смущений для православия со стороны крайне неразборчивых в борьбе и полемике католических пропагандистов» [5, с. 544]. Однако на этот раз аргументы сторонников неизменности места пребывания мощей не впечатлили Синод, а наложенная на соответствующий доклад обер-прокурора сочувственная резолюция императора окончательно склонила чашу весов на сторону Полоцка: в 1910 г. долгожданное перенесение останков Евфросинии Полоцкой свершилось.

Публицисты того времени, пытавшиеся отразить историю неудачных попыток полочан добиться возвращения своей святыни, не могли не задаваться вопросом о причинах отклонения всех предыдущих ходатайств. Однако, чтобы не омрачать торжество и не провоцировать обмен упреками между Киевом и Полоцком, они, как правило, вообще обходили молчанием этот неприятный вопрос и приписывали все непостижимой Божественной воле [10, с. 1]. Итоговый успех, в свою очередь, объяснялся всё тем же Провидением, милостью императора и горячим желанием православных полочан иметь в своем городе родную святыню [11, с. 1226]. Последующие исследователи, писавшие свои работы в эмиграции или в современной Республике Беларусь, не были скованы подобными ограничениями и могли выдвигать более категоричные гипотезы.

Так, определенную популярность получило мнение, согласно которому перенесению реликвии в Полоцк упорно препятствовали российские власти. Первым подобную точку зрения, по всей видимости, озвучил историк Л. Гарошка. Повествуя о ходатайствах, последовавших вскоре за восстановлением Спасо-Евфросиниевского монастыря, он пишет: «Калі потым распачаліся такія старанні, расейскія ўлады катэгарычна гэтаму супрацівіліся» [12, с. 55]. Итоговый успех исследователь объясняет настойчивостью полочан, которая привела к тому, что «Свяцейшы Сінод у канцы не меў іншага выхаду, як прадставіць цару ўсе гэтыя просьбы, і гэтым разам цар згадзіўся даць дазвол на перанос», хотя «супраць пераносу ўсіх мошчаў св. Еўфрасінні яшчэ ў 1909 г. падымаліся шматлікія ўрадавыя расейскія галасы». Л. Гарошка склонен видеть в действиях российских властей не только сознательное стремление не допустить возвращения реликвии в Полоцк, но даже нечто наподобие страха перед фигурой княжны: «Уласціва, няма чаго дзівіцца такой асцярожнасці расейскіх уладаў адносна асобы св. Еўфрасінні. Яны ж докладна разумелі, што маюць дачыненне з “нябеснаю апякункаю Беларусі”, як гэта часам зазначалася ў тагачаснай расейскай прэсе ...» [12, с. 55–56].

Наиболее слабым местом построений Л. Гарошки является его аргументация, которая сводится к небольшой цитате из статьи Ф.И. Титова в «Трудах Киевской Духовной Академии»: «“Каталікі, як ведама з гісторыі, схільны прызнаць прэп. Еўфрасінню святою свае царквы. Таму можна нават баяцца, каб планаваным пераносам мошчаў прэп. Еўфрасінні з Кіева ў Полацк не спрычынена было вялікіх непрямнасцей і шкодаў для праваスлавія” (Титов. «Труды Киевской Дух. Акад.» т. IV, 1910 г., с. 544)» [12, с. 55]. Приведенный отрывок действительно является частью названной статьи, однако процитированные Л. Гарошкой предложения вырваны из контекста: они представляют собой фрагмент из упомянутого выше отзыва Духовного собора Киево-Печерской лавры на ходатайство 1909 г. [12, с. 540–544]. Речь идет всего лишь о мнении пытающихся отыскать аргументы против перенесения реликвии в Полоцк киевских монахов, которое Л. Гарошка выдает за «шматлікія ўрадавыя расейскія галасы».

Сам тезис о сопротивлении российских властей, будто бы опасавшихся передачи полочанам останков небесной покровительницы Беларуси, в свете общей истории ходатайств видится весьма странным. В самом деле, как было показано выше, в рядах сторонников перенесения мощей находилось множество представителей духовной и светской власти: начиная с генерал-губернатора М.Н. Муравьева и митрополита Иосифа (Семашко) и заканчивая самим Александром II.

Из рассуждений Л. Гарошки неясны также причины итогового успеха полочан. Получается, белорусы без малого восемь десятилетий усердно старались добиться перенесения мощей своей святой, а империя этому упорно противилась, однако в 1909 г. просьбы стали настолько настойчивыми, что Синод «не меў іншага выхаду» и вынужден был согласиться. Чем же, в таком случае, принципиально отличалась инициатива 1909 г. от всех предыдущих и, в частности, от ходатайства 1892 г., под которым также подписались многие представители местного духовенства и интеллигенции – члены православных братств? Разве что количеством подписей рядовых прихожан, однако едва ли этот фактор мог стать решающим, если бы российские власти действительно опасались популяризации фигуры преподобной, как утверждает Л. Гарошка.

Аналогичные идеи были высказаны и в вышедшей недавно книге С.В. Тарасова «Еўфрасіння-Офрасіння-Афрасіння Полацкая. Яе час, яе крыж». В главе, посвященной возвращению мощей святой в Полоцк, исследователь пишет: «Першым пытанне пра перанясенне мошчаў узняў у 1832 г. архіепіскап Магілёўскі Гаўрыіл. Аднак вышэйшыя ўлады, у першую чаргу царкоўныя, не падтрымалі ідэю. Між іншым, за ўсю гісторыю “барацьбы” за мошчы менавіта царкоўная ўлада ў асобе сінода, патрыярха і, канешне, кіяўлянаў, найбольш упарта супраціўляліся пераносу» [13, с. 267]. К сожалению, в дальнейшем повествовании историк не приводит никаких примеров сопротивления перенесению мощей со стороны высших властей, светских или церковных, если, конечно, не относить к числу таковых факты противодействия передаче реликвии Полоцку со стороны Киевских митрополитов. Автору этой статьи подобные примеры также неизвестны. В связи с этим, остается лишь констатировать, что никаких доказательств сопротивления российских властей перенесению мощей Евфросинии Полоцкой в распоряжении исследователей на данный момент нет.

Предоставляемая источниками информация дает основания полагать, что причины неудач полочан заключались в другом. В тех ситуациях, когда инициатива о перенесении мощей перерастала рамки обычного обмена мнениями в частной переписке и обретала форму официального ходатайства, неизменно имела место одна и та

же последовательность событий: Синод запрашивает мнение Киевской митрополии и, получив ответ, сообщает Полоцкому епископу неутешительный вердикт. Роль членов Синода оказывается предельно пассивной: вопрос фактически выносится на рассмотрение Киевских митрополитов. Вне зависимости от того, кто в конкретный исторический момент находился на митрополичьей кафедре, исход всегда был одним и тем же: Филарет (Амфи-театров), Исидор (Никольский), Арсений (Москвин), Платон (Городецкий) и Флавиан (Городецкий) последовательно давали Полоцким епископам безапелляционный отказ. С чем же была связана такая категоричность? На данный момент нет никаких свидетельств наличия в XIX – начале XX вв. в Киеве развитой традиции почитания св. Евфросинии, а ее память в лавре праздновалась в один день с памятью еще 43 угодников, останки которых пребывали в Дальних пещерах [14, с. 205–206], в связи с чем едва ли есть основания говорить о большой значимости самой преподобной для Киевской митрополии.

Вероятно, разгадка кроется в том, что вовсе не митрополиты были главными противниками передачи мощей Полоцку. Известные источники позволяют утверждать, что, по меньшей мере, значительная часть отказов киевлян была вызвана жесткой позицией Духовного собора Киево-Печерской лавры, к мнению которого прислушивался митрополит, влиявший, в свою очередь, на итоговую позицию Синода. Позиция же Духовного собора лавры достаточно ярко раскрывается в аргументах, которыми подкрепляли свою позицию киевляне. В отличие от Полоцких епископов, которые делали акцент на доводах прагматического характера (противостояние католическому прозелитизму, укрепление позиций православия в регионе), они, в первую очередь, апеллировали непосредственно к религиозной составляющей, а именно к соответствию факта пребывания мощей преподобной в Киеве Божественному замыслу и неуместности изменения по человеческому хотению порядка, установленного Божиим соизволением. По всей видимости, для членов Духовного собора Киево-Печерской лавры, которые, в отличие от Полоцких епископов, не находились на передовой межконфессионального противостояния, подобная позиция была абсолютно нормальной. Добавим к этому и тот факт, что перенесение мощей святых угодников, да еще и находящихся в месте своего пребывания в течение многих веков, вовсе не было распространенной практикой в Российской империи XIX в., в связи с чем нежелание консервативного киевского духовенства рушить устоявшийся порядок вещей ради решения проблем далекого Полоцка следует признать вполне естественным и не нуждающимся в какой-либо дополнительной политической подоплеке. В чуть более резкой форме похожую мысль выразил в одном из своих писем и Полоцкий епископ Серафим (Мещеряков), охарактеризовавший позицию своих оппонентов как «скопидомство киевских соборных старцев»¹⁵.

Чем же, в таком случае, может объясняться итоговый успех полочан в 1870–1871 и 1909 гг.? Интересную гипотезу высказал современный швейцарский историк Ш. Родевальд, по мнению которого церемония 1910 г. была затеяна империей с целью символического «отвоевания» для православия сакрального пространства города у евреев, которые составляли большинство населения Полоцка и во время событий 1905 г. принимали активное участие в беспорядках. Практически полное отсутствие упоминаний еврейского фактора в сопутствующей перенесению мощей пропаганде исследователь объясняет весьма остроумно: евреи, по его мнению, «настільки свядома і дэманстратыўна выводзяцца за дужкі, што яны, наадварот, дамінуюць в гэтым кантэксьце аргументацыі – менавіта таму, што не згадваюцца» [15, с. 510, 515]. Хотя полностью принять выводы Ш. Родевальда нет никакой возможности, поскольку историк, стремясь выставить главным оппонентом организаторов Полоцких торжеств местных евреев, игнорирует исторический контекст борьбы полочан за свою реликвию и сильно принижает роль католического фактора, тем не менее, в его построениях есть рациональное зерно. Действительно, одной из главных целей перенесения мощей преподобной Евфросинии можно считать символическое отвоевание сакрального пространства – правда, не столько у евреев, сколько у католиков, которые, хотя и были в городе меньшинством, доставляли православным немало больше проблем.

Обратившись к общему контексту событий 1870–1871 и 1909 гг., можно увидеть, что между ними есть немало сходство. В обоих случаях перенесение реликвии в Полоцк было осуществлено спустя непродолжительное время после серьезных потрясений, резко обостривших этноконфессиональную ситуацию в западной части империи. В первом случае речь идет о восстании 1863–1864 гг., во втором – о социальных потрясениях 1905–1907 гг. и последовавшим след за изданием указа «Об укреплении начал веротерпимости» в апреле 1905 г. ростом активности католических проповедников, а также участвовавшими конфликтами на конфессиональной почве [16, с. 81–88]. В этих условиях рассуждения Полоцких епископов о необходимости противостоять католическому натиску казались весьма актуальными. В случае с 1870–1871 гг. не последнюю роль сыграл и недавний пример перенесения мощей Иосифа Обручника, подаривший полоцкому духовенству пример успешного православного торжества, к которому можно было апеллировать. Наконец, нельзя забывать и о том, что передача Полоцку частицы мощей носила во многом компромиссный характер и, скорее всего, стоит согласиться с Ф.И. Титовым, считавшим этот акт свидетельством желания Киева отделиться от назойливых полочан и в дальнейшем не поднимать этот вопрос [5, с. 527].

В 1909 г. ни о каких компромиссах уже не могло быть и речи, но в этот раз сложность обстановки повлияла не на мнение Киева, а на позицию высших властей империи. Если прежде Александр II или Д.А. Толстой ограничивались устным одобрением инициативы полочан и не стремились сломить упорство киевлян, неизменно дававших отрицательный ответ, то в новых политических условиях, угрожавших не только российской власти в белорусско-литовских губерниях, но и самому существованию империи, Синод и император предпочли надавить на Киев. Несмотря на то что, как было показано выше, противники перенесения останков княжны и в 1909 г. не изменили своей позиции, воля монарха решила вопрос в пользу полочан.

¹⁵ РГИА. – Ф. 796. Оп. 445. Д. 341. Л. 1об.

Заключение. Таким образом, история борьбы Полоцка и Киева за мощи преподобной Евфросинии представляет собой историю многочисленных ходатайств, в качестве инициаторов которых выступали как представители высшего православного духовенства Полоцкой епархии, так и простые жители города. Попытки Полоцких епископов заручиться поддержкой высшей светской и духовной власти нельзя назвать безуспешными, однако вплоть до 1909 г. последняя не видела необходимости прямого давления на Киевскую митрополию, ограничиваясь уговорами (как, например, в случае митрополита Филарета) или и вовсе простым устным одобрением инициативы полочан (как в случае Александра II). В условиях полной пассивности Синода и императора последнее слово неизменно оставалось за Киевскими митрополитами и Духовным собором Киево-Печерской лавры. Последние же упорно отвергали все устремления сторонников пребывания реликвии в Полоцке (кроме компромисса, имевшего место в 1870 г.), причем позиция Киевской митрополии, по всей видимости, основывалась на религиозных соображениях, лишенных политической подоплеки. Тем не менее, в начале XX в. ситуация изменилась, и в условиях усложнившейся религиозно-политической обстановки государство сочло уместным пренебречь мнением Киева и поспособствовать перенесению мощей преподобной в Спасо-Евфросиниевский монастырь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лабоха Г.М. Да пытання станаўлення і развіцця культу прападобнай Еўфрасінні Полацкая у «манахыскі» перыяд (канец XII – пачатак XVI ст.) // *Studia Historica Europa Orientalis*. – 2012. – № 5. – С. 180–187.
2. Сербинович К.С. Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители. – СПб.: Синод. тип., 1841. – 18 с.
3. Матюшенский А., протоиерей. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (церковно-историческая справка) // *Полоцкие епархиальные ведомости*. – 1909. – № 15. – С. 237–239.
4. Василий (Лужинский), архиепископ. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого. – Казань: Тип. Императорского университета, 1885 – 312 с.
5. Титов Ф.И. Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая (Историческая справка к предстоящему перенесению мощей преп. Евфросинии из Киева в Полоцк) // *Труды Киевской Духовной Академии*. – 1910. – Т. IV. – С. 506–545.
6. Матюшенский А., протоиерей. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (церковно-историческая справка) // *Полоцкие епархиальные ведомости*. – 1909. – № 16. – С. 259–261.
7. Савва (Тихомиров), архиепископ. Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. – Т. 3. – Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1901. – 814 с.
8. Матюшенский А., протоиерей. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (церковно-историческая справка) // *Полоцкие епархиальные ведомости*. – 1909. – № 17. – С. 278–283.
9. Матюшенский А., протоиерей. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (церковно-историческая справка) // *Полоцкие епархиальные ведомости*. – 1909. – № 19. – С. 309–314.
10. Поселянин Е. Великое духовное торжество // *Колокол*. – 1910. – № 1225. – С. 1.
11. Я. Преподобная Евфросиния, Княжна Полоцкая // *Церковные ведомости*. – 1909. – № 27. – С. 1216–1226.
12. Гарошка Л. Святая Еўфрасіння-Прадслава, патронка Беларусі: Нарыс жыцця і дзейнасці, артыкулы. – Минск: Мастацкая літаратура, 1996. – 123 с.
13. Тарасаў С.В. Еўфрасіння-Афрасіння Полацкая. Яе час, яе крыж. – Мінск: Цымбераў Р.М., 2021. – 368 с.
14. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви. – М.: Университетская тип., 1903. – 600 с.
15. Родэвальд Ш. «Пра Полацкую Венецыю»: Калектыўныя дзеянні сацыяльных груп горада паміж Усходняй і Цэнтральнай Еўропай (Сярэднявечча, ранні Новы час, XIX ст. – да 1914 г.). – Мінск: Лімарыус, 2020. – 632 с.
16. Бендин А.Ю. Религиозно-этнические противоречия и конфликты на территории Северо-Западного края Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.) // *Русский сборник: Исследования по истории России* / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. – Т. VIII. – М.: Модест Колеров, 2010. – С. 59–94.

Поступила 18.10.2022

THE CONFRONTATION BETWEEN KYIV AND POLOTSK FOR THE RELICS OF ST. EUPHROSINE OF POLOTSK IN 1832 – 1909: ON THE QUESTION OF THE CAUSES OF SUCCESS AND FAILURE

V. KORONEVSKII
(St. Petersburg State University)

The article attempts to analyze the history of the confrontation between the Polotsk diocese and the Kyiv Metropolitanate for the relics of St. Euphrosyne of Polotsk in 1832-1909. The author seeks to answer two main questions. Firstly, why did all the petitions of the inhabitants of Polotsk for the transfer of the relics of the saint to the Spaso-Evphrosinevsky monastery until 1909 ended in vain? Secondly, what ultimately contributed to the success of the initiative and made it possible to transfer the relic to Polotsk in 1910? The available historiography of the issue is analyzed. The hypothesis is substantiated, according to which the main factor that prevented the realization of the desire of the Polotsk people was the position of the highest Kyiv clergy: the Kyiv metropolitans and the Spiritual Council of the Kiev-Pechersk Lavra. The success of the last petition was facilitated by the sharp aggravation of the situation in Polotsk and in the empire itself as a whole after 1905, which prompted the state to intervene in the dispute and resolve the issue in favor of Polotsk.

Keywords: Euphrosyne of Polotsk, Spaso-Evphrosinevsky monastery, relics, Orthodoxy, Polotsk Diocese, Kyiv Metropolitanate.

УДК 94(476.5)"19":39-051

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-51-54

**ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.П. САПУНОВА И В.К. СТУКАЛИЧА
(НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА)****М.В. ЗАБЛОЦКАЯ***(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)***ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-8030-1177>

В статье представлены исторические взгляды известных исследователей Витебского края второй половины XIX – первой четверти XX века А.П. Сапунова и В.К. Стукалича, пытавшихся осмыслить историю белорусского народа. Материалы статьи позволяют дополнить имеющиеся сведения об их научной и публицистической деятельности. Автор приходит к выводу, что видение А.П. Сапунова и В.К. Стукалича процесса становления белорусской истории эволюционировало от западнорусизма до идей, характерных для белорусского национального возрождения.

Ключевые слова: историко-этнографические исследования, западнорусизм, белорусское национальное возрождение, этнические особенности, белорусская народность.

Введение. Сапунов Алексей Парфенович (1852–1924) и Стукалич Владимир Казимирович (1856–1918) – известные общественные и политические деятели Витебского края второй половины XIX – первой четверти XX вв. – оставили богатое теоретическое и публицистическое наследие. На сегодняшний день библиографический список трудов А.П. Сапунова насчитывает более 90 работ, а библиотека историка включает 575 единиц хранения, среди которых как собственные сочинения, так и издания известных авторов. К сожалению, в силу ряда обстоятельств, сохранившиеся публикации В.К. Стукалича не столь масштабны. Остались лишь единичные книги и рукописи историка, так как большую часть работ конфисковали при его аресте в 1918 г., а личная библиотека была продана вдовой В.К. Стукалича, оказавшейся в стесненных обстоятельствах. Тем не менее, основанные на широком архивном и статистическом материале, доступные исследователям работы А.П. Сапунова и В.К. Стукалича по экономической и политической истории Беларуси, памятникам материальной и духовной культуры, развитию системы образования, научно-просветительских учреждений и организаций, церковным памятникам и произведениям изобразительного искусства заложили основы научной белорусской историографии, этнографии и филологии. Своей главной методологической целью ученые считали утверждение нового подхода к историческим изысканиям: от содержательного поиска и установления новых фактов до их обобщения и всестороннего критического анализа. Близкие по мировоззрению и взглядам к российским славянофилам, разделяя позиции общеславянского единства и воззрения Е.Ф. Карского, И.И. Носовича, М.О. Кояловича, П.А. Бессонова, представители западнорусского направления А.П. Сапунов и В.К. Стукалич являлись убежденными сторонниками сохранения и развития самобытности белорусского народа.

Основная часть. Интерес к историко-этнографическим исследованиям А.П. Сапунов и В.К. Стукалич начали проявлять уже во время учебы в Санкт-Петербургском университете, где носителями источниковедческого мастерства были известный филолог и литературовед М.И. Сухомлинов, яркий представитель славяноведения О.Ф. Миллер, этнограф, палеограф, филолог-славист И.И. Срезневский, основоположник сравнительно-исторического литературоведения А.Н. Веселовский и другие, не менее известные в научных кругах, теоретики и практики. Но именно В.И. Ламанский, известный историк и славист, руководитель первых научных работ А.П. Сапунова, включая кандидатскую диссертацию по истории, оказал значительное влияние на становление исторических взглядов Алексея Парфеновича [1]. Во многом благодаря научной подготовке, полученной будущим общественным деятелем и политиком в университете, умению критически анализировать используемые источники информации А.П. Сапунов начал активно заниматься объективным и глубоким анализом в области филологии и языкознания.

Началом творческого пути В.К. Стукалича стало исследование юридического положения городских общин в Западной Руси, которое Владимир Казимирович подготовил под руководством профессора Н.Д. Сергеевского.

Во второй половине 1880-х гг. А.П. Сапунов и В.К. Стукалич вернулись в Витебск. С одной стороны, провинциальная атмосфера дореволюционного города, недоступность библиотек, невысокая степень образования, ограниченные взгляды местной интеллигенции, скептическое, а порой весьма негативное отношение властей к преобразованиям в области культуры и просвещения. С другой – кропотливый труд таких известных в научных кругах археологов, этнографов и историков, как В.О. Говорский, М.Ф. Кустинский, П.В. Шейн, А.М. Сементовский, Н.Я. Никифоровский, А.И. Сазонов, Е.Р. Романов. Именно под их влиянием А.П. Сапунов и В.К. Стукалич занялись исследованием исторического прошлого родного края, изучением богатой материальной и духовной культуры белорусского народа. Первые работы А.П. Сапунова и В.К. Стукалича были посвящены темам, которые имели большое значение и в их последующих трудах: особенности быта белорусов разных сословий, своеобразие национального характера, проблема культурно-исторических связей Беларуси и российского населения и другие.

Отмечая, что история Беларуси мало разработана в российской исторической науке, вследствие чего «исследователю сложно построить полную и верную картину исторического прошлого» [2, с. 1], А.П. Сапунов

и В.К. Стукалич направили свои усилия на поиск малоизвестных и неизвестных ранее архивных материалов в библиотечных фондах Вильно, Санкт-Петербурга, Москвы, Витебска. Исследователи приложили много усилий для их упорядочения и систематизации, изучения и критического анализа, знакомства с научной и исторической мыслью прошлых веков, а также современной им научно-исторической литературой.

Начало творческого пути А.П. Сапунова и В.К. Стукалича совпало с сильным социально-политическим откликом в общественной жизни Российской империи, вызванным восстанием 1863–1864 гг. и мерами по его усмирению. Эти события заставили многих публицистов, представителей общественности и политиков, ученых открыть для себя Беларусь и «белорусский вопрос» не только как реалию политического настоящего страны, но и как явление, имеющее древние исторические корни. В это время русское образованное общество едва ли не впервые узнало об этнографическом составе населения западных губерний и получило первые систематизированные представления о его истории. О том, что пространство, занимаемое западными губерниями, составляет древнее достояние России, являясь «искони русским и православным краем», как писал П.Н. Батюшков и многие другие известные историки. Так, во второй половине 1880-х гг. вышли «Рассказы о Западной Руси» П.К. Щебальского, «Литовская церковная уния», «История воссоединения западнорусских униатов», «Чтения по истории Западной России» М.О. Кояловича, «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края» П.Н. Батюшкова. «... Западная Россия безусловно русский край и связан с Восточной Россией неразрывными узами <...> все это – один русский народ <...> русская вера, русский язык», – читаем в работе М.О. Кояловича [3, с. 23]. Такую же позицию занимали и многие периодические издания, например, газеты «Крестьянин», «Северо-Западная жизнь». В духе времени размышляли и витебские историки. Рассматривая историческую жизнь Беларуси, А.П. Сапунов изображал в «ее постоянном тяготении к Великодержаве» [4]. О возрождении Беларуси как русской страны заявлял и В.К. Стукалич: «...коренная масса населения Западного края была, есть и остается русской. <...> природным и законным хозяином в этой русской земле является русский народ...» [5, л. 40 – 40об.].

Особенно заметно вектор исторических и краеведческих исследований Беларуси стал меняться в период революции 1905–1907 гг., когда изучением прошлого белорусского народа занялись представители новых либеральных и демократических сил, значительно активизировалось краеведческое движение. Во всех городах губернии завершалось организационное оформление историко-краеведческих обществ, кружков и товариществ. Обладая определенными знаниями в фольклоре, этнографии, археологии, имея опыт в исторических исследованиях, ученые начала XX в. смогли по-новому взглянуть на известные факты. А.П. Сапунов и В.К. Стукалич не стали исключением [8].

Ретроспективный анализ работ, подготовленных историками начиная с 1900-х гг., позволяет выявить новую точку зрения исследователей на национальную проблему. В них сделан упор на фактор национального самосознания, предпринята попытка обратиться к «жизни народной, внутренней жизни Белоруссии, исторической смене начал, управлявших ею в религиозном, экономическом и правовом отношении» [2, с. 2], так как, по мнению историков, эта сторона прошлого, в отличие от политической истории, истории событий, была едва затронута. Поддерживая стремление белорусского народа к самоопределению, защищая национальные интересы, в опубликованных в первой четверти XX в. работах, в частности, «Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности», «Белоруссия и белорусы», «Исторический очерк Витебской Белоруссии», «Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета», «Кто такие белорусы?», «К 300-летию дома Романовых», «Памятники времен древнейших и новейших в Витебской губернии», «Полоцк, Витебск и Минск в 20-х годах прошлого века», «Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни А. Р. Пшелко», «Письма в редакцию», «Н. Я. Никифоровский. Странички из недавней старины города Витебска» и других. Историки опровергали позицию о неисторичности белорусского народа, подчеркивали самостоятельное развитие белорусов, факт присутствия у них своей истории, отличительных черт в общественно-политической, культурно-просветительской и духовной жизни.

В сложной историографической ситуации, когда новые исследовательские приемы переплетались с прежними академическими традициями и воспринимались в научной среде весьма неоднозначно, А.П. Сапунов и В.К. Стукалич исключительную значимость придавали необходимости учета многообразия различных исторических факторов, тяготели синтезировать многообразие идейных установок, обнаружить наиболее значимые звенья, воссоздать полную картину исторического развития белорусского народа.

Как призыв к действию прозвучала речь А.П. Сапунова с трибуны III Государственной думы 30 июня 1909 г., в которой депутат от Витебской губернии поднял вопрос о самостоятельности белорусской нации: «Все даже самые незначительные народности стремятся к “самоопределению”, за ними все признают право на это. Только народность белорусская не смеет и думать об этом. Как поляки имеют широкие права в этнографической Польше, не грешно пожелать, чтобы и русские в Западном крае были у себя хозяева» [10, с. 25]. Ратуя за объединение белорусов, как силы, способной противостоять сепаратистским устремлениям поляков, литовцев, латышей и евреев, проживавших в Северо-Западном крае, оратор призывал белорусский народ приняться за устройство и объединение своих сил. «Если мы сумеем и сможем достигнуть этого, – будущее и светлое будущее наше» [3, с. 8], – утверждал историк. Аналогичную позицию по национальному вопросу занимал и В.К. Стукалич, утверждая, что Беларусь в силу своего исторического прошлого и культурно-экономических особенностей настоящего является вполне самостоятельным территориальным образованием и поэтому может достичь своего процветания только в том случае, если будет обособлена в самостоятельную административную единицу, с предоставлением права на широкое губернское самоуправление, которое, по мнению исследователя, должно быть в руках белорусов.

Основой для возникновения и развития национального самосознания белорусского народа, по мнению историков, явился отличный от других народов исторический менталитет, который складывался у белорусского народа, независимо от его государственно-политических отношений с соседними государствами. Говоря о языковой принадлежности, поддерживая тезис о происхождении белорусского языка от русского, А.П. Сапунов и В.К. Стукалич, однако, четко определяли его роль и значение в истории и культуре белорусов, отмечая, что вплоть до XVIII ст. белорусский диалект оставался языком официально-деловой жизни, на белорусском языке писались Статут 1588 г., литовские летописи, политические сочинения эпохи религиозного движения XVII в., издавалась Библия. Размышляя о культурно-этнической самобытности белорусского народа, историки были последовательны в определении его исторической судьбы. «Здесь, на Белой Руси, у великих князей и царей московских было всегда много искренних друзей; здесь никогда не исчезала мысль о родстве с православною Великою Русью», читаем в работе Алексея Парфеновича, написанной в 1910 г. В целом ряде трудов этого периода ученый проводит мысль о том, что «Белоруссия, или так называемая Русь Литовская, была исконная Русь, сидевшая на старом корню и никогда не терявшая своего исторического наследия». Не избавлены от противоречивости и его высказывания о самоопределении белорусов. В отличие от национальных движений поляков, литовцев, латышей и евреев, которые боролись против имперского центра, белорусов историк определяет, как «силу центристскую», направленную, прежде всего, на укрепление государства. Схожую позицию по национальному вопросу обозначил в работе «Белоруссия и Литва» В.К. Стукалич. «Согласно новейшим указаниям филологической и исторической науки», – отмечал историк, – «мы принимаем белорусское племя за одну из ветвей русского народа, наиболее близкую по физической и духовной организации с великорусской народностью; с ней у белорусов <...> гораздо больше родственных черт в одежде, языке, складе мыслей и характере воли» [2, с. 3].

Таким образом, приведенные цитаты дают основание утверждать, что в значительной части своих трудов А.П. Сапунов и В.К. Стукалич проводили идею национального своеобразия белорусов, которых они, тем не менее, считали более русскими, чем сами русские. При этом частое использование терминов «Русь», «русский» весьма затрудняет понимание подлинного смысла высказываний историков и свидетельствует о недостаточной четкости и определенности их позиций. Тем не менее, работы А.П. Сапунова и В.К. Стукалича представляют большой интерес для современных историков, а их имена занимают достойное место среди выдающихся деятелей Беларуси второй половины XIX – начала XX вв. В частности, высокую оценку масштабу проделанной А.П. Сапуновым работы дал Н.Н. Улащик, назвав работы историка «своего рода справочником по истории Северной Белоруссии» [6, с. 239]. Вклад ученого в развитие историко-этнокультурной идентичности белорусов отмечает Л.В. Хмельницкая [7]. Известно, что А.П. Сапунов и В.К. Стукалич не были кабинетными учеными. Они активно популяризировали свои изыскания и взгляды будучи действительными и почетными членами различных учреждений и организаций Витебской губернии [9], Витебского отдела «Союза 17 октября», в последующем, Белорусского народного союза [10].

Заключение. В целом репрезентативность источниковой базы по теме исследования достаточно высока, что во взаимосвязи с анализом отечественной и российской историографии позволяет получить объективную картину исторических взглядов А.П. Сапунова и В.К. Стукалича, а также дать непредвзятую оценку общественно-политической и культурно-просветительской деятельности витебских октябристов в период с 1905 по 1918 гг. по популяризации собственной позиции в отношении исторического прошлого Беларуси. Таким образом, в настоящее время, в связи с обнаружением многочисленных архивных материалов, можно утверждать, что А.П. Сапунов и В.К. Стукалич выступали за объективное представление истории Беларуси, всестороннее и непредвзятое изучение языка, духовной и материальной культуры белорусского народа, основанное на максимально большем количестве источников с учетом их достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витебский областной краеведческий музей. – КП 7285 /1.
2. Стукалич В.К. Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии. – Витебск: Губ. тип., 1894. – 62 с.
3. Сапунов А.П. Речи в Государственной думе 3-го созыва. – СПб.: Тип. «Сел. Вестника», 1912. – 48 с.
4. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1893. – 1 июня.
5. Государственный архив Витебской области (ГА ВО). – Ф. 967. Оп. 2. Д.1.
6. Улащик Н.Н. Очерки по археологии и историко-этнографии Белоруссии феодального периода. – М.: Наука, 1973. – 303 с.
7. Хмельницкая Л.В. Эволюция взглядов А. П. Сапунова на проблему самоопределения белорусов // Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. По материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащика (Москва, 31 января 1996 г.). – М.: «Наследие», 1997. – 287 с.
8. Заблоцкая М.В. Идеи «западнорусизма» в политической и культурно-национальной жизни Беларуси в конце XIX – начале XX века (на материалах работ А.П. Сапунова и В.К. Стукалича) // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейтси. – Т. XII. – М.: Изд. д. «Регнум», 2012. – С. 157–177.
9. Заблоцкая М.В. Культурно-просветительская и общественная деятельность витебских краеведов А.П. Сапунова и В.К. Стукалича (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 40–45.

10. Заблоская М.В. Участие витебских историков В.К. Стукалича и А.П. Сапунова в политической жизни Полоцко-Витебского края (вторая половина XIX – начало XX веков) // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2011. – № 1. – С. 21– 28.

Поступила 28.11.2022

**THE EVOLUTION OF A. P. SAPUNOV'S AND V. K. STUKALICH'S HISTORICAL VIEWS
(ON THE EXAMPLE OF HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH
IN THE EARLY 20th CENTURY)**

M. ZABLOTSKAYA
(Mogilev State A. Kuleshov University)

The article presents the historical views of famous researchers of Vitebsk region of the second half of the 19th century and the first quarter of the 20th century A. P. Sapunov and V. K. Stukalich, who tried to comprehend the history of the Belarusian people. The materials of this article allow enlarging the available information about their scientific and publicist activity. The author concludes that A. P. Sapunov's and V. K. Stukovich's viewpoints on the process of formation of the Belarusian history evolved from zapadnorusizm to the ideas characteristic to the Belarusian national revival.

Keywords: *historical and ethnographic research, zapadnorusizm, Belarusian national revival, ethnic features, Belarusian nationality.*

УДК [94(476)+355.23(476)(091)]«18»

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-55-64

ПАДРЯХТОЎЧЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ ДА АДКРЫЦЦА ПОЛАЦКАГА КАДЭЦКАГА КОРПУСА: АРГАНІЗАЦЫЙНА-ФІНАНСАВЫЯ АСПЕКТЫ

канд. гіст. навук, дац. А.У. ЕРАШЭВІЧ

(Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6555-5176>

Артыкул закранае арганізацыйна-фінансавыя аспекты, звязаныя з сукупнасцю падрыхтоўчых мерапрыемстваў расійскіх улад па стварэнні Полацкага кадэцкага корпуса ў 1830–1835 гг. Высвятляюцца прычыны стварэння сеткі губернскіх кадэцкіх карпусоў у імператарскай Расіі, перадумовы адкрыцця кадэцкага корпуса ў Полацку – сярэдняй ваенна-навучальнай установы закрытага тыпу ў павятовым цэнтры Віцебскай губерні. Раскрываецца працэс стварэння будаўнічай камісіі, яе персанальны склад, фінансаванне. Надаецца ўвага пошуку і выбару будынкаў для размяшчэння Полацкага кадэцкага корпуса, падрыхтоўчым мерапрыемствам па ўладкаванні кадэцкіх будынкаў. Вызначаюцца колькасныя паказчыкі асігнаванняў грашовых сродкаў на перабудову паезуцкіх будынкаў. Характарызуецца стан перабудаваных кадэцкіх будынкаў і іншыя дадатковыя работы па прыстасаванні культвага будынка да 1839 г. Прыводзяцца даныя аб грашовых разліках з падрачыкамі і інфармацыя аб узнагароджванні членаў Камісіі. Паказваецца механізм збору фінансавых сродкаў для заснавання кадэцкага корпуса ў Полацку, выяўляюцца іх колькасныя вынікі да 1839 г. Большасць звестак, выцягнутых аўтарам з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі і прыведзеных у артыкуле, выкарыстоўваецца ўпершыню ў нацыянальнай гістарыяграфіі.

Ключавыя словы: Полацк, кадэцкія карпусы, падрыхтоўка, мерапрыемствы, будаўніцтва, грашовыя фонды, фінансаванне.

Уводзіны. З гісторыяй Полацкага кадэцкага корпуса звязаны шэраг публікацый рознай навуковай вартасці. У пачатку ХХ ст. афіцэр Полацкага кадэцкага корпуса, падпалкоўнік Васіль Паўлавіч Вікенцьеў на аснове прагляду і апрацоўкі больш 60 тыс. афіцыйных дакументаў склаў дакументальную хроніку гэтай сярэдняй ваенна-навучальнай установы закрытага тыпу [1]. Дагэтуль даследаванне В.П. Вікенцьева па гісторыі Полацкага кадэцкага корпуса з’яўляецца найбольш факталагічна змястоўным і каштоўным з прычыны выкарыстання афіцэрам шматлікіх дакументаў з архіва гэтай ваенна-навучальнай установы, якіх захавалася няшмат, асабліва па перыяду да 60-х гг. XIX ст. Аднак аўтар у гістарычным нарысе засяродзіў асноўную ўвагу на асвятленні знакавых этапаў дзейнасці Полацкага кадэцкага корпуса ў кантэксце вывучэння працы яго кіраўнікоў-дырэктараў і фрагментарна, недастаткова даследаваў намаганні расійскіх улад адносна планаў і падрыхтоўчых мерапрыемстваў да адкрыцця гэтай ваенна-навучальнай установы. На матэрыялах яго аўтарытэтай кнігі будаваліся таксама і папулярна-навуковыя творы, прысвечаныя Полацкаму кадэцкаму корпусу [2, с. 455–461]. У цэлым, больш разгледжаны педагогічныя, сацыяльныя, культурныя аспекты развіцця Полацкага кадэцкага корпуса, у адрозненне ад арганізацыйна-фінансавых і грамадска-палітычных.

Такім чынам, падрыхтоўчы працэс арганізацыі Полацкага кадэцкага корпуса пакуль не атрымаў належнага вывучэння ў беларускай гістарыяграфіі. Таму аўтар паставіў мэтай раскрыць сутнасць папярэдніх, падрыхтоўчых мер царскіх улад да адкрыцця Полацкага кадэцкага корпуса праз вызначэнне асноў фінансавога механізма яго фарміравання.

Артыкул, у асноўным, заснаваны на вывучэнні шматлікіх і разнастайных неапублікаваных дакументаў з 7 фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ) у Мінску. Важныя звесткі наконт заяўленых аўтарам аспектаў праблемы ўтрымліваюцца ў матэрыялах афіцыйнай перапіскі ўрадавых устаноў і вышэйшых службовых асоб (віцебскага генерал-губернатора і грамадзянскага губернатара). Акрамя таго, выкарыстаны і прааналізаваны лічбавыя даныя ведамасцей і каштарысаў грашовых сум, якія паступалі ў распараджэнне будаўнічай камісіі ці захоўваліся ў мясцовым прыказе грамадскай апекі.

Асноўная частка. Тэмпы росту асабовага складу ўзброеных сіл Расійскай імперыі не супадалі са ступенню забеспячэння іх унтэр-афіцэрамі і афіцэрамі. Праблема кадравага «голаду» вымала неабходнасць стварэння цэнтраў падрыхтоўкі ваенных кадраў для ўкамплектавання афіцэрскім складам расійскіх палювых войскаў. У грамадстве распаўсюджваліся дэмакратычныя ідэі, і менавіта ў афіцэрскіх колах узніклі тайныя арганізацыі, якія пагражалі непахіснасці манархічнага ладу дзяржавы, як гэта паказалі падзеі дзекабрыскага руху. Новы імператар Мікалай I прытрымліваўся ідэалу ваеннай арганізацыі дзяржавы, якая будавалася па мадэлі «вайскавай казармы». Галоўныя арыбуты ваеннай арганізацыі (уніфікацыя і рэгламентацыя жыцця, субардынацыя, унутраная дысцыпліна і парадак, калектывізм) выкарыстоўваліся для стварэння індывідуальнасці, ліберальных памкненняў, выкаранення непаслухмянасці, ганарлівасці. Імператар Мікалай I вырашыў стварыць сетку ваенна-навучальных устаноў у якасці часткі агульнай галіны дзяржаўнага кіравання для накіравання да адзінай мэты, якая заключалася ў выхаванні ў юнакоў, якія ў асноўным паходзілі з дваранскага асяроддзя, пачуццяў паслухмянасці і павагі да начальства ў духе вернападданай адданасці манархічнаму прастолю і свяшчэннай асобе імператара, лаяльнасці і прыхільнасці да Расіі. Гэтыя задачы прызначэння вайскавай службы для выхавання «адданных слуг Айчыны» магчыма было, на думку ўрада, рэалізаваць у закрытых ваенна-навучальных установах, у якіх найблізкае асяроддзе юнакоў (бацькі, блізкія, знаёмыя, сябры) не магло істотным чынам паўплываць на фарміраванне якасцей і пачуццяў будучага абаронцы інтарэсаў расійскай дзяржавы.

З мэтай забеспячэння магчымасці ваеннага навучання малалетніх дваран розных губерняў паблізу месцаў пражывання іх сямей імператар Мікалай I 1.02.1830 г. зацвердзіў прапанову аб заснаванні губернскіх кадэцкіх карпусоў у Ноўгарадзе, Туле, Тамбове, Палтаве, Елісаветградзе і Полацку з вызначанай нормай прыёму ў ніх па 400 кадэтаў у кожны [3, арк. 65]. Колькасць прызначаных для набору дваранскіх вакансій залежала ад ступені ўдзелу суседніх з месцам адкрыцця кадэцкіх карпусоў губерняў у справе назапашвання патрэбных для іх арганізацыі грашовых сродкаў. Агульны нагляд за зборам капіталаў, мяркуемых да стварэння кадэцкіх карпусоў, а таксама і першапачатковыя меры па ўладкаванні для іх патрэбных будынкаў, быў ускладзены на Галоўны штаб Яго Імператарскай Вялікасці па ваеннаму пасяленню.

На тэрыторыі беларускіх губерняў Расійскай імперыі сярэдня ваенна-навучальная ўстанова закрытага тыпу з'явілася ў павятовым горадзе Віцебскай губерні і была адкрыта, у адрозненне ад іншых кадэцкіх карпусоў, па-за межамі губернскага цэнтра. Выбар горада Полацка ў якасці месца размяшчэння будучага кадэцкага корпуса дыктаваўся наступнымі абставінамі: 1) фінансавымі матывамі: наяўнасць паезуіцкіх будынкаў (вялікага будынка былога езуіцкага манастыра, езуіцкай акадэміі і піярскага вышэйшага вучылішча з 10 навакольнымі прылеглымі да яго будынкамі), а таксама 6 мураваных казённых дамоў дазваляла, з улікам іх перабудовы, прыстасаваць іх пад вучэбныя і жыллёвыя памяшканні; паезуіцкі манастыр мог паслужыць інтэрнатам для размяшчэння малалетніх дваранскіх хлопцаў, а ўсе паезуіцкія пабудовы давалі магчымасць сэканоміць дзяржаве фінансавыя сродкі, якія былі неабходныя для пабудовы новых будынкаў для адкрываемай сярэдняй ваенна-навучальнай установы); 2) геаграфічным фактарам: даволі ўдалае знаходжанне гэтага павятовага горада са значнай колькасцю насельніцтва (па стане на 1833 г. сярод 42 афіцыйных беларускіх гарадоў Полацк займаў другое месца па колькасці насельніцтва сярод усіх павятовых гарадоў пасля Брэста, саступаючы толькі губернскім цэнтрам Магілёву, Віцебску, Мінску, але апярэджваючы Гродна) і разгалінаваная інфраструктура пасярод прыпісаных да кадэцкага корпуса губерняў давалі, у адрозненне ад губернскага цэнтра, менш магчымасцей і спакусаў для задавальнення раскошнага стылю жыцця юнакоў; да того ж, мясцовых радавітых дваран і шляхту прываблівала магчымасць навучання іх хлопчыкаў-дзяцей непадалёк ад родных мясцін, а ўрады былі зацікаўлены ў забеспячэнні кадэт больш таннымі харчовымі прадуктамі, цэны на якія ў Віцебску былі вышэй, чым у Полацку); 3) ідэалагічнымі меркаваннямі: горад знаходзіўся ўдалечыні ад дзяржаўнай мяжы з Царствам Польскім як цэнтра польскага антыўрадавага нацыянальна-вызваленчага руху і раёнаў распаўсюджвання рымска-каталіцкай «польскай» веры, выступаў старажытным ачагом праваслаўя, у якасці аднаго з моцных асяродкаў дзяржаўна-палітычнага і духоўна-культурнага аб'яднання ўсходніх славян.

У адпаведнасці з палажэннем ад 26.04.1830 г., зацверджанага імператарам Мікалаем I, для перабудовы і ўладкавання збудаванняў былой езуіцкай акадэміі і манастыра, іх прыстасавання для размяшчэння Полацкага кадэцкага корпуса была створана асобная будаўнічая камісія пад назвай «Камісія аб уладкаванні Полацкага кадэцкага корпуса» пад старшынствам віцебскага генерал-губернатара М.М. Хаванскага (з восені 1836 г. яе ўзначальваў яго наступнік П.М. Дзякаў, пазней – адзін з удзельнікаў штурма Полацка 7.10.1812 г., першы дырэктар Полацкага кадэцкага корпуса генерал-маёр П.К. Хвашчынскі). У склад Камісіі ўвайшлі атрадны камандзір ваеннага пасялення 1-й і 2-й сапёрных брыгад Віцебскай губерні генерал-маёр Паўла Фёдаравіч Данілаў, начальнік работ акругоў ваеннага пасялення 1-й і 2-й сапёрных брыгад палкоўнік артылерыі Дзмітрый Пятровіч Данілаў, віцебскі грамадзянскі губернатар Мікалай Міхайлавіч Гамалея (пазней – Мікалай Іванавіч Шрэдэр), віцебскі губернскі маршал Марцін Францавіч Карніцкі (у далейшым – выконваючы абавязкі віцебскага губернскага прадвадзіцеля дваранства, віцебскі павятовы прадвадзіцель дваранства, маёр Мікалай Восіпавіч Енько, віцебскі губернскі прадвадзіцель дваранства Ігнаці Восіпавіч Шадурскі), віцебскі віцэ-губернатар, князь Сяргей Іванавіч Давыдаў (потым – Ніктапалеон Міхайлавіч Клеменцьеў, Марцін Восіпавіч Дамброўскі), полацкі павятовы маршал Тадэвуш Юсцініянавіч Шчыт (заменены Людвігам Іванавічам Беліковічам), духоўны дэпутат, настаіцель Полацкага Богаўленскага манастыра, архімандрыт Палесій [4, арк. 53, 82; 5, арк. 69; 6, арк. 1; 7, арк. 34–34адв.; 1, с. 36, 37].

18.07.1830 г. адбылося першае пасяджэнне Камісіі (пад гэтай датай пазначана прапанова адкрыцця яе агульнай прысутнасці) [8, арк. 21], у ходзе якога быў заслуханы сенацкі ўказ ад 19.06.1830 г. з дадаткам аб уладкаванні будынкаў для размяшчэння ў іх Полацкага кадэцкага корпуса. Камісія выбрала памочніка архітэктара, мастака архітэктурны 14-га класа пры Герольдыі, Якава Максімава, якому было даручана скласці каштарысы будаўнічых работ і вызначыць тэрмін для канчатковага ўладкавання будынкаў. Камісія ўсклала абавязак нагляду за прыёмам, захоўваннем будаўнічых матэрыялаў і ажыццяўленнем работ на П.Ф. і Дз.П. Данілавых, Т.Ю. Шчыта, паставіла накіраваць у Полацк з Дынабургскай крэпасці каманду ў складзе 30 ніжніх чыноў ваенна-рабочага ведамства і 2 обер-афіцэраў для нагляду за захоўваннем будаўнічых матэрыялаў, вырашыла запрасіць падрадчыкаў з уласнымі матэрыяламі для будаўнічых работ. 17.08.1830 г. імператар Мікалай I аддаў загад Галоўнаму штабу я.і.в. па ваеннаму пасяленню аб прызначэнні палкоўніка Дз.П. Данілава кіраўніком работ па перабудове будынкаў для кадэцкага корпуса, аднак забараніў здаваць будаўнічыя работы ў выкананне падрадчыкам. Для вядзення бягучага справаводства ў Камісію быў прызначаны пісьмаводца Пётр Буланаў, была зацверджана сума канцылярскіх выдаткаў памерам у 800 руб. штогод. Архітэктарам Камісіі стаў надворны саветнік Антоні Порто (Порта), а казначэем быў абраны полацкі павятовы казначэй 8-га класа Сямён Лукашэвіч [9, арк. 4; 1, с. 37–38]. У канцы кастрычніка 1830 г. у распараджэнне Камісіі прыбылі падпаручнік Донат, прапаршчык Іваноў, 2 унтэр-афіцэры і 28 радавых [10, арк. 43 адв.–46адв.; 1, с. 42–43].

Разам у Полацкай будаўнічай камісіі напрыканцы яе дзейнасці лічылася 11 чыноў, у тым ліку 4 грамадзянскія чыноўнікі (пісьмаводца, надворны саветнік П. Буланаў, казначэй 7-га класа С. Лукашэвіч са штогадовым жалаваннем кожнаму памерам у 1200 руб., архітэктар А. Порто з утрыманнем у 5000 руб. штогод (памёр 17.04.1836 г.),

памочнік архітэктара, губернскі сакратар Я. Максімаў, з заробкам у 2500 руб. штогод), 2 пісары (калежскі рэгістратар Вакар і канцылярыст Багамалец з вылучэннем кожнаму на ўтрыманне па 300 руб. штогод), 3 інжынерных афіцэра (палявы інжынер, штабс-капітан Кліменка, паручнік інжынернага корпуса ваенна-рабочай роты № 13 Донат, цейхвартэр 9-га класа запаснога парка 18-й палявой артылерыйскай брыгады Шыхаў, ім жалаванне выдаткоўвалася па ведамстве і чыну), 2 інжынераў з кандуктараў (старшы кандуктар 7-га ваенна-рабочага батальёна № 4 роты Фёдар Дзёмьянаў і Марка Перакростаў з жалаваннем кожнаму па 90,08 руб. штогод) [11, арк. 21, 53, 54]. Жалаванне архітэктару, яго памочніку, казначэю і пісарам выдзялялася з сумы, асiгнаванай на ўладкаванне Полацкага кадэцкага корпуса [7, арк. 35].

Паводле палажэння ад 26.04.1830 г. аб уладкаванні будынкаў для размяшчэння Полацкага кадэцкага корпуса, на ўтрыманне будаўнічай камісіі было прызначана адпуская з дзяржаўнага казначэйства 11 300 руб. асiгнацыямі штогод, у тым ліку на жалаванне архітэктару А. Порто, яго памочніку Я. Максімаву, казначэю С. Лукашэвічу і 2 пісарам (губернскаму рэгістратару Мачале і двараніну Платону Краснаскулаву) – 9300 руб., пісьмаводцы П. Буланаву – 1200 руб., на канцылярскія расходы – 800 руб. За вераснёўскую трэць 1830 г. (з 1.09.1830 па 1.01.1831 г.), пасля выліку з утрымання чыноўнікаў па 2 кап. (2%) і з пісараў па 1 кап. (1%) з кожнага рубля ў пенсійны капітал, з Віцебскай казённой палаты да выдачы паступіла сума ў 3698,66 руб. асiгнацыямі [12, арк. 10, 15–16; 5, арк. 189; 6, арк. 1адв.]. Прыход грошай дзеля ўтрымання Камісіі для пабудовы Полацкага кадэцкага корпуса склаў у 1830 г. суму ў 3698,66 руб., у тым ліку 2841,99 руб. прыбыла з Полацкага павятовага казначэйства ў лік асiгнаваных Віцебскай казённой палатай з 1.09.1830 па 1.01.1831 г. на ўтрыманне архітэктара, яго памочніка і казначэя (12.11.1830 г. 1400 руб. асiгнацыямі, а 17.12.1830 г. – астатнія 1441,99 руб.), а таксама 856,66 руб. з Віцебскага павятовага казначэйства на выдачу жалавання пісьмаводцы, 2 пісарам і на канцылярскія выдаткі па Камісіі. Выдатак 1830 г. адпавядаў прыходу [10, арк. 43адв.–46адв.]. У наступныя гады (1831–1836 г.) на ўтрыманне Камісіі аб уладкаванні будынкаў для Полацкага кадэцкага корпуса штогод адпускалася з дзяржаўнай казны па 11 300 руб. [13, арк. 99; 14, арк. 3, 112, 126; 10, арк. 53–58].

Галоўныя абавязкі Камісіі заключаліся ў выпрацоўцы папярэдніх распараджэнняў па ўладкаванні будынкаў, у нарыхтоўке будаўнічых матэрыялаў, пераўладкаванні будынкаў, вызначэнні парадку ажыццяўлення справаводства, форм справаздачнасці і іх накіроўванне ў Галоўны штаб яго імператарскай вялікасці па ваеннаму пасяленню [7, арк. 35–37 адв.].

Дзейнасць будаўнічай камісіі разгортвалася ў неспрыяльных умовах. Да горада Полацка ў 1831 г. набліжаліся паўстанцы з суседніх павятаў Віцебскай губерні, пракацілася хваля небяспечнай пандэміі халеры, у 1834 г. у Полацку і навокал горада разбойнічалі шайкі, якія нападалі нават на мірных жыхароў у павятовым цэнтры [11, арк. 41–41адв.].

Адным са складаных мерапрыемстваў па ўладкаванні кадэцкага корпуса ў Полацку быў пошук і выбар прыдатных для яго размяшчэння будынкаў. Паводле надрукаванага «Палажэння аб уладкаванні будынкаў для размяшчэння Полацкага кадэцкага корпуса» ад 26.04.1830 г. для пасялення плануемых у кадэцкім корпусе 400 чал. прызначаліся наступныя будынкі: паезуіцкі кляштар з належнымі яму пабудаванымі ў 1745 г. 10 сумежнымі паезуіцкімі будынкамі, а таксама 6 казённых дамоў. У памяшканнях паезуіцкага кляштара з належнымі яму будынкамі меркавалі размясціць кадэцкі корпус са службамі на 400 чал., кватэры для дырэктара корпуса і 4-х ротных камандзіраў, карпусную канцылярыю і кватэру для яе кіраўніка, а ў казённых дамах – кватэры для 13 жанатых і 14 халастых афіцэраў, чыноўнікаў, настаўнікаў. Тры тухлявыя казённыя дамы раздумвалі зламаць, каб пасля гэтага разбурэння выкарыстаць прыдатныя матэрыялы для выпраўлення іншых будынкаў кадэцкага корпуса [15, арк. 20; 7, арк. 33, арк. 33адв.–34]. Як вядома з журнальнай пастановай ад 23 і 30.09.1832 г. Камісіі, віцебскі мешчанін Янкель Файнштэйн не выканаў умовы па заключаным кантракце адносна разборкі 3 мураваных будынкаў і па іншым работам [16, арк. 1, 2–2адв., 4–4адв.].

Такім чынам, першапачаткова кадэцкі корпус атрымліваў паезуіцкі кляштар з 10 прылеглымі да яго будынкамі і 6 казённых дамоў. Але ў далейшым для надання адзінства комплексу будынкаў кадэцкага корпуса было прызнана больш зручным зрабіць абмен будынкаў паміж Полацкім павятовым вучылішчам і мяркуемымі пабудовамі для гэтай сярэдняй ваенна-навучальнай установы. Палічылі больш мэтазгодным перадаць 3 дамы з вучылішнага гарадскога ведамства для размяшчэння ў іх карпусных чыноўнікаў узамен прызначаемых у карпусное ведамства 2 дамоў, з вызначэннем каштарыснай рамонтнай сумы ў 64293,9175 руб. на кошт сумы, вылучанай для ўладкавання кадэцкага корпуса. Расійскі імператар 30.09.1831 г. загадаў уладкаванне 2 дамоў, перадаваемых з карпуснога ведамства замест 3 дамоў з вучылішнага, прадаставіць таму ведамству, у якое яны паступяць. Згодна з журналам будаўнічай камісіі ад 2.12.1830 г. адбыўся размен 3 вучылішных дамоў на 2 «кадэцкія» дамы. Іх выпраўленне павінна было праводзіцца на кошт асiгнаванай на ўтрыманне кадэцкага корпуса сумы, бо перададзеныя яму будынкі ўжо былі адрамантаваны. Працу меркавалі пачаць не раней 1833 г. Але будаўнічая Камісія 24.04.1831 г. прыняла іншую пастанову, паколькі перадача дамоў з гарадскога ведамства патрабавала значных выпраўленняў на суму да 38 тыс. руб. Дама Полацкага павятовага вучылішча былі канчаткова здадзены ў ведамства кадэцкага корпуса 17.03.1833 г. [15, арк. 5адв., бадв.–8, 37–37адв.; 7, арк. 90–90адв., 183–184адв., 196]. Да таго ж, начальнік штаба па ваенным пасяленням 25.04.1832 г. даслаў генерал-губернатару ведамасць аб 11 дамах жыхароў Віцебскай губерні, якія былі ў закладзе за ўзятую імі казённую соль. Ён дапытваўся, ці магчыма нявыкупленыя гаспадарамі ў належны тэрмін дамы скарыстаць для патрэб кадэцкага корпуса Высветлілася, што гарадскія дамы знаходзіліся ў розных месцах, аддаленых ад карпусных будынкаў, у разладжаным стане, а іх выпраўленне патрабавала значных сум [15, арк. 39–39адв., 42].

Будаўнічая Камісія пачала працу 23.09.1830 г. [17, с. 78]. Для ўладкавання памяшканняў для Полацкага кадэцкага корпуса яна, згодна журнальнай пастановы ад 22.10.1830 г., выклікала на 1831 г. усіх жадаючых прыняць удзел у публічных таргах для заключэння кантрактаў наконт умоў і парадку ажыццяўлення будаўнічых работ і па пастаўке патрэбнай колькасці і асартыменту будаўнічых матэрыялаў. Аўкцыйныя таргі ў Полацку аб пастаўцы будаўнічых матэрыялаў і рабочых былі абвешчаны на 14-16.01.1831 г., паўторныя – на 16.03. (наём рабочых), а ператорг – на 20.03.1831 г. [18, арк. 1, 8, 16, 18, 19, 20, 24–24адв., 28, 32–32адв., 33, 39, 44, 45, 51]. Згодна з ведамасцю належных будаўнічых матэрыялаў на 1831 г., неабходных для перабудовы былога езуіцкага кляштара пад кадэцкі корпус, патрабавалася: 2640 сасновых і 3099 яловых бярвенняў, 2594 брускі, 19 835 дошак рознай даўжыні і таўшчыны, 24 060 штук драціны даўжынёй у 3 аршыны, 662 625 жалезных цвікоў, больш 1037 пудоў і 12 603 штук ліставога жалеза, больш пуда сталі, 3128 штук вырабленых жалезных рэчаў (для апрацоўкі дзвярэй, акон, замкоў, печаў), 290 чугунных рэчаў для печаў, іншыя розныя матэрыялы і прыпасы: 78 500 штук цэгля жалезнага выгляду і 990 350 штук чырвонага першых двух відаў, 117,75 сажняў³ шэрай вапны, 4135 пудоў белай вапны, 11 650 штук кафлі з вуголлямі, 43 сажні³ гліны, 196,25 сажняў³ пяску, 1991 пуд алебастру, 167 пудоў складу з дзёгаццю і смалы, 15 пудоў густой смалы, больш 17 пудоў дроту, 394 пуды канаплянага масла, 193 пуды плаўленага мелу, больш 68 пудоў “черляды”, 6 пудоў “сибиркі”, 410 пудоў светлай і 41 пудоў цёмнай вохры, 152 пудоў англійскіх бяліл, 9 пудоў сажы, 6 пудоў “брауншвейн”, 9 пудоў сурыку, 9 пудоў “зальберглейту”, 2 пуды “умбры”, 18 пудоў сталярнага і 66 пудоў “мездрыннаго” клею, 15 пудоў крахмалу, 1369 чвэрцяў рускага вуголля, 1660 сажняў смаляных вярвак у 2 дзюймы ў акружнасці, 114 каровіных лямцу, 4930 паўбелых штук шкла даўжынёй у 12 і 11 вяршкоў, 928 штук розных мураваных пліт, 52 сажні бутавага і 22 сажні³ дробнага булыжнага каменю [падлічана: 18, арк. 2–3адв., 16адв.–16а адв.]. Кожны дзень на будаўнічых работах меркавалі задзейнічаць да 322 майстроў розных прафесій і да 100 рознарабочых (табліца 1).

Табліца 1. – Нормы патрэбы рабочых для ўладкавання будынкаў Полацкага кадэцкага корпуса на 1831 г.

Званне майстроў	К-ць складаных дзён	Сярэдняя прапарцыя людзей на кожны дзень, чал.	Званне майстроў	К-ць складаных дзён	Сярэдняя прапарцыя людзей на кожны дзень, чал.
Муляры	5681	65	Слесары	17	1
Цесляры	5762	45	Кавалі	795	15
Сталяры	2226	20	Страхары	2731	60
Купоры (рамонт драўлянага посуду)	20	1	Шкляры	202	10
Тынкаўшчыкі	2907	45	Мастаўшчыкі (насілка падлогі)	118	10
Печнікі	1365	20	Валавыя рабочыя	13374	100
Маляры	2183	30	Рабочыя коні з вупражжу і фурманамі	600	10

Крыніца: [18, арк. 4–5адв., 16а адв.–17].

Шмат клопатаў і намаганняў уяўляла праблема ачысткі паезуіцкага будынка ад маёмасці размешчаных там раней піяраў (кніг бібліятэкі і кнігарні, фізічнага кабінета, мінералагічнай калекцыі і карцін галерэі, рэчаў астранамічнага зала, ракавін і іншых каштоўнасцей музея, а таксама прадметаў у памяшканнях і калідорах, друкарскага абсталявання, музыкальных інструментаў і нот, розных гаспадарчых рэчаў), паколькі рэктар піярскай вучэльні Каласанція Барташэвіч не спяшаўся вывозіць рэчы і абсталяванне.

Пасля ўважлівага агляду паезуіцкага будынку архітэктар і яго памочнік склалі планы і каштарысы яго перабудовы шляхам злучэння ў адзіны агульны будынак трох самастойных трохпавярховых пабудов (адгалінавання з тэатрам, крыла з музеем і кабінетамі, а таксама цэнтральнага будынка з келлямі) [1, с. 38]. У канцы 1830 г. архітэктар А. Порта склаў план, фасад і каштарыс для ўладкавання капліцы ў будынках корпуса для кадэтаў-каталікоў. Але яго план быў заменены чарцяжом губернскага архітэктара Беціні. Часткі галоўнага будынка перабудоўваліся паводле плана і фасада, зацверджанага імператарам 19.04.1830 г. [19, арк. 3–3адв.]. Апроч таго, пасля агляду памяшканняў будаўнічая камісія, у дадатак да афіцыйна зацверджаных імператарам планаў і каштарысаў, даручыла архітэктарам скласці разлікі на дадатковыя работы. У былым паезуіцкім манастыры задумвалі павялічыць памяшканні для кадэт шляхам знішчэння ці разбірання некаторых папярочных сцен, замяніць мураваныя сталевыя скляпенні драўлянымі абтынкаванымі століямі ў вучэбных памяшканнях, уладкаваць зімовыя рамы ва ўсіх вучэбных і спальных памяшканнях, павялічыць таўшчыню месцаў пад вокнамі, залажыць непатрэбныя западзіны у пакоях. Акрамя таго, было неабходна злучыць у адну цэлую кампазіцыю 3 самастойныя паезуіцкія будынкi, фасады кожнага з якіх мелі самастойны архітэктурны малюнак, асобныя лесвіцы, паверхі і вокны якіх размяшчаліся на розных узроўнях, а ўсе пакоі, залі і калідоры аддзяляліся моцнымі капіталымі сценамі. Да таго ж, было неабходна пабудаваць шмат новых будынкаў, у прыватнасці, просты дом для дырэктара (дом, плануемы для размяшчэння дырэктара, перадаваўся іншым чыноўнікам, а начальніку корпуса трэба было пабудаваць іншае больш прасторнае і зручнае памяшканне) і апроч яго меркавалі збудаваць 5 драўляных надворных гаспадарчых будынкаў для эканамічных патрэб і размяшчэння карпусных чыноўнікаў [1, с. 40, 41].

У цэлым, належала правесці перабудову і прыстасаванне шматлікіх будынкаў. Змены ў планіроцы, перабудове і ўладкаванні будынкаў пад кадэцкі корпус для пашырэння карысных плошчаў яго памяшканняў праходзілі на працягу 1831–1835 гг. З мэтай уладкавання прыдатных спальняў для кадэт у карпусах А і Г трэба было

ажыццявіць разборку большасці столовых скляпенняў і папярочных сцен келій 2-га і 3-га паверхаў, у корпусе В замяніць столі 2-га паверха і кроўлю, у памяшканнях прабіць і закладзіць дзверы, пераабсталяваць печы. Папярэдняя праверка зробленых будаўнічых работ была запланавана на май 1833 г., а асноўныя будаўнічыя работы меркавалі завяршыць у верасні 1834 г. [17, с. 75–78].

Восенню 1830 г. на перабудову паезуіцкіх будынкаў было асiгнавана 527 569,03 руб. Акрамя таго, на дадатковыя работы архiтэктары прадставілі каштарысы на 51 678,25 руб., таму агульная сума будаўнічых выдаткаў вызначалася ў 579 247,28 руб. Для папярэдняй нарыхтоўкі будаўнічых матэрыялаў на 1831 г. Камісія прасіла адпусціць 286 262,72 руб., ці суму, вылічаную па каштарысу на пабудовы ў 1831 г. [1, с. 41, 42]. Для перабудовы будынкаў Полацкага кадэцкага корпуса эканамічны камітэт начальніка штаба ваенных пасяленняў генерал-ад'ютанта П.А. Клейнміхеля накіраваў 5.02.1831 г. віцебскаму генерал-губернатару суму ў 250 000 руб. Асiгнацыямі, якая паступала ў пазыку з капіталу ваенных пасяленняў. Гэтыя фінансавыя сродкі былі размеркаваны наступным чынам: 125 тыс. руб. паступілі 24.02.1831 г. Дз.П. Данілаву, 25 тыс. руб. былі пералічаны выконваючаму абавязкі віцебскага грамадзянскага губернатара М.М. Гамалею, 100 тыс. руб. прызначаліся для перадачы смаленскаму грамадзянскаму губернатару Хмяльніцкаму ў пазыку для нарыхтоўкі хлеба для замежнага харчавання Дзеючай арміі [20, арк. 1, 2, 3, 4; 21, арк. 1–2; 15, арк. 57адв.].

Былі заключаны кантракты з памешчыкам Суражскага павета Грынеўскім на пастаўку лясных матэрыялаў і каменю на 26 145,25 руб. (пры задатку ў 7935 руб.) і цвярскім купцом Іванам Назаравым на прывоз жалезных матэрыялаў на 44 791,44 руб. (пры задатку ў 6500 руб.) [20, арк. 5, 6, 9, 17, 18, 19; 21, арк. 5, 6, 8адв.]. Для працягу будаўнічых работ на 1832 г. было неабходна асiгнаваць 120 782,31 руб. [22, арк. 16]. На 1833 г. Камісія запланавала будаўнічых работ на 198 596,71 руб., аднак паколькі ў яе ведамстве было 53 411,7 руб. (да 1833 г. наяўнай рэшткавай сумы 46 011,7 руб., выдана на пастаўку матэрыялаў па абавязацельствам з дзяржаўнай казной розным асобам 7400 руб.), таму Дэпартамент ваенных пасяленняў на 1833 г. паменшыў асiгнаную суму да 145 185 руб. асiгнацыямі [5, арк. 22адв., 23–23 адв.]. Разам на работы ў 1833 г. Камісія прасіла 198 586,71 руб., хоць будаўнічы камітэт ацэньваў іх у 194 344,95 руб. (па першапачаткова зацверджаным каштарысам сума ў 159 387,94 руб.). Меркаванні наконт дадатковых каштарысаў адрозніваліся: Камісія намагалася атрымаць 39 198,76 руб., а згодна разліку будаўнічага камітэта выходзіла 34 957 руб. [5, арк. 27–29адв.]. Адным словам, для ўладкавання прызначанага для Полацкага кадэцкага корпуса езуіцкага кляштару з 10 навакольнымі будынкамі паводле зацверджаных каштарысаў было прызначана адлічыць 527 569,03 руб., аднак у далейшым гэтая сума была павялічана за кошт дадатковых каштарысаў.

Камісія пачала будаўнічыя работы 18.07.1830 г. і падзяліла іх на 3 гады (1831, 1832 і 1833 гг.). У верасні 1833 г., калі работы падыходзілі да канца, Камісія пачала рамонт Полацкага праваслаўнага сабора [23, арк. 73адв.–74]. У верасні 1834 г. перабудова галоўнага будынка Полацкага кадэцкага корпуса была скончана.

У выніку трохлетніх будаўнічых сезонаў пад кіраўніцтвам Камісіі былі не толькі выкананы ўсе мяркуюемыя будаўнічыя работы ў пабудовах па звычайным і дадатковым каштарысам, але яшчэ і вернуты дзяржаўнай казне 38 765,45 руб., ці 7,1% з сумы ў 546 473,2 руб., неабходнай па каштарыснаму роспісу на ўсе работы [22, арк. 39]. Замест каштарысных 546 473,2 руб. перабудова будынкаў каштавала 507 707,75 руб. (у 1831 г. паступіла 250 тыс. руб., у 1832 г. – 116 087,79 руб., у 1833 г. – 140 020 руб., і было вылучана ад продажу пашкоджаных матэрыялаў 1599,96 руб.) [1, с. 49]. Па нашых падліках, агульныя будаўнічыя выдаткі склалі 495 606,3175 руб. асiгнацыямі (табліца 2).

Табліца 2. – Ведамасць руху будаўнічай сумы за 1831–1834 гг., прызначанай для ўладкавання будынкаў Полацкага кадэцкага корпуса

Год	Прыход, руб. асiгнацыямі	Расход, руб. асiгнацыямі		Разам выдаткаў, руб. асiгнацыямі
		На матэрыялы	На работы	
1831	250624	158023,825	68656,5775	226680,4025
1832	118136,8575	59856,4225	39392,715	99249,1375
1833	100825,1625	79310,23	35937,06	115247,29
1834	45965,7575	24138,8125	30290,675	54429,4875
Разам	515548,7775	321329,29	174277,0275	495606,3175

Крыніца: [11, арк. 8–9].

Расход сум па асобных распараджэннях складаўся часткова з каштарысных, а ў пэўнай ступені – з непрадбачаных выдаткаў (19 942,46 руб.). Разам сума выдатку была вылічана ў 515 548,7775 руб., з якой засталася ў наяўнасці матэрыялаў на суму ў 10 039,3975 руб., якая лічылася выдаткам на 1835 г. для перабудовы дома на плошчы, дробнага рамонту і інш. Усяго паводле каштарыса на перабудову будынкаў кадэцкага корпуса патрабавалася 642 654,24 руб., з якіх 1/10 частка сумы (64 265,45 руб.) вылучалася на надзвычайныя патрэбы. З агульнай сумы ў 706 919,69 руб. было выдаткавана толькі 505 509,38 руб., засталася каштарысных 201 410,31 руб. і матэрыялаў на суму ў 10 039,3975 руб., было зроблена выключэнне за старыя прыдатныя матэрыялы на 12 766,5 руб., вылучана за праданых з публічнага торгу непрыгодных матэрыялы 2113,05 руб. Разам з улікам выключэння расходаў у памеры 14 880,01 руб. засталася 186 530,29 руб. і да 1835 г. нарыхтаваных матэрыялаў на суму ў 10 039,3975 руб. [11, арк. 10–10адв.].

Пастаянныя члены Камісіі 28.08.1834 г. рапартавалі, што карпусныя будынкі былі скончаны [5, арк. 161]. Агляд перабудаваных будынкаў першым дырэктарам кадэцкага корпуса П.К. Хвашчынскім дазволіў яму прыйсці

да высновы, што яшчэ неабходна было палепшыць лазарэт (павялічыць яго да 40 ложкаў), калідоры, якія акружалі спальні і класы кадэт, зрабіць іх больш цёплымі за кошт двайных вокнаў і печаў, а цагляныя падлогі ў калідорах пакрыць масцікай і алейнай фарбай [14, арк. 80–80адв., 110–110адв.]. Присутны пры адкрыцці 25.06.1835 г. Полацкага кадэцкага корпуса выконваючы абавязкі начальніка штаба Галоўнага начальніка Пажаскага і кадэцкіх карпусоў, палкоўнік Я.І. Растоўцаў, у дакладзе ад 3.07.1835 г. галоўнаму начальніку ваенна-навучальных устаноў, вялікаму князю Міхаілу Паўлавічу, звярнуў увагу на значныя недахопы: наяўнасць дрэннага лазарэта і на адсутнасць асобнага аддзялення для заразлівых хвароб. Маленькія пакоі, разлічаныя для размяшчэння па 2-3 кадэта ў кожным, былі настолькі невялікія і нізкія, што ў іх можна было паставіць не больш 20 ложкаў замест патрэбных па штату 40. Мелася толькі 30 кватэр для чыноўнікоў і настаўнікаў замест неабходнага іх ліку да 64. Калідоры былі высланыя цэглай, і таму ва ўсіх пакоях заўважалі чырвоны пыл. Акрамя штатлікіх непатрэбных калідораў, у ротах адсутнічалі цейхаўзы і пакоі для чысткі абмундзіравання і амуніцыі, не хапала мэблі [24, с. 233–234; 1, с. 81–82]. Але ў цэлым Я.І. Растоўцаў адзначыў добры стан чыстага і прасторнага будынка кадэцкага корпуса, з адначасовымі шматлікімі важнымі і істотна шкоднымі недахопамі і дэфектамі [24, с. 239].

Акрамя каштарысных грашовых асігнаванняў, адлічаных для перабудовы будынкаў для патрэб Полацкага кадэцкага корпуса, вылучаліся асобныя сумы для ремонту асобнага дома на плошчы. У канцы 1834 г. імператар Мікалай І санкцыяніраваў перадачу з гарадскога ведамства Полацкаму кадэцкаму корпусу двухпавярховага мураванага дома на плошчы для размяшчэння ў ім чыноўнікаў корпуса, на рамонт якога выдаткоўвалася з дзяржаўнага казначэйства ў 1835 г. 30 000 руб. [14, арк. 4, 5, 25]. Ваенны міністр дазволіў у 1835 г. выкарыстаць з гэтай каштарыснай сумы на перасцілку бруку ў крузе карпусных будынкаў 2146,17 руб., на “ремонтные исправления” ў адбудаваных будынках корпуса – 4015 руб., на разбіўку падоўжнай сцяны ў доме па ненадзейнасці падмурка – 1295,9 руб., на іншыя патрэбы па доме і карпусных будынках – 6198,03 руб., разам на 13 655,1 руб. (па нашых падліках) [14, арк. 35–35адв., 36, 37, 38, 110–110адв.]. Згодна каштарысу ад 30.01.1833 г. за подпісам памочніка архітэктара Я. Максімава на перабудову плошчы, размешчанай у горадзе каля 7 карпусных будынкаў, неабходнай для навучання кадэт ваеннай экзерцыцыі, патрабавалася 9133,97 руб. (6407,35 руб. платы рабочым за працу, а 2726,62 руб. – за будаўнічыя матэрыялы) [25, арк. 1–4].

У 1835 г. Міністэрства фінансаў загадала Віцебскай казённой палаце перадаць 1278 сажняў² зямлі з ліку паезуіцкіх пляцаў, якія знаходзіліся ў распараджэнні Дэпартаменту дзяржаўнай маёмасці ў Верхнім замке для складкі дроў, у ведамства кадэцкага корпуса, пакуль яны яму былі неабходныя [26, арк. 1, 12, 15–15адв.].

Складанай справай стаў пошук культавага будынка для мяркуемых выкладчыкаў і навучэнцаў Полацкага кадэцкага корпуса з ліку каталікоў. У маі 1834 г. будаўнічай камісіі было канчаткова даручана пераўладкаваць будынак былога паезуіцкага касцёла св. Стэфана ў праваслаўны Мікалаеўскі кафедральны сабор па праекце і плане архітэктара А. Порта з асігнаваннем на гэтую мэту з дзяржаўнай казны 153 528 руб., а для ўладкавання ў ёй 2 прыдзелаў (дадатковых алтароў) – 26 063,82 руб. [1, с. 49]. З Віцебскай казённой палаты ў 1835 г. было адлічана 20 000 руб. асігнацыямі, у тым ліку 2000 руб. серабром, прызначаных на перабудовы ў Полацкім праваслаўным саборы [14, арк. 119]. На працягу 1834 г. Полацкі кафедральны Мікалаеўскі сабор быў уладкаваны “в черне” з неабходнай апрацоўкай даху. Для ўладкавання Мікалаеўскага сабора патрабавалася не менш чым 109 017,7675 руб. [19, арк. 17, 17адв.]. Паводле імператарскага загада на перабудову і рамонт будынкаў кафедральнага сабора пры Полацкім кадэцкім корпусе ў 1835–1838 гг. у распараджэнне Дэпартаменту ваенных пасяленняў паступіла разам 187 696,375 руб. асігнацыямі на кошт сум духоўнага ведамства (у 1838 г. толькі 2007 руб., а іншыя – 185 689,37 руб. у 1835–1837 гг.), якія аднак не выдаваліся, але адпускаліся часткамі па прадпісаннях Дэпартаменту дзяржаўнага казначэйства з Віцебскага і Полацкага павятовых казначэйстваў. Разліковая выпіска аб прыходзе і расходзе грашовай сумы, выдаткаванай на ўладкаванне Полацкага Мікалаеўскага кафедральнага сабора ад 10.02.1839 г., сведчыць, што прыход будаўнічай сумы на 1838 г. склаў 2007 руб., з рэшткамі – 15361,44 руб., а выдатак 1838 і 1839 г. – 15 361,44 руб., акрамя кошту матэрыялаў і рэчаў. У 1838 г. па распісу Сінода ў ведамства інжынернага начальства па Віцебскай губерні на перабудову і рамонт будынкаў кафедральнага сабора пры Полацкім кадэцкім корпусе паступіла 76 764 руб. асігнацыямі [10, арк. 3, 3адв., 4, 10–11, 19адв.–20, 32–35]. Пасля сканчэння перабудовы Мікалаеўскі кафедральны сабор паступіў у ведамства кадэцкага корпуса (у 1838 г. карпусная камісія прыняла сабор ад будаўнічай камісіі) і ў далейшым ўтрымліваўся за кошт яго сум [1, с. 116, 124].

Падрадчыкам было неабходна разлічыцца з майстрамі і рабочымі, прыбылымі для будаўнічых работ у Полацк з вялікарасійскіх губерняў [5, арк. 166]. Аднаведна ведамасці ад 19.10.1834 г. аб грашовай суме, належнай падрадчыкам, па канчатковаму разліку Камісіі ім належала заплаціць 11 290,69 руб., у тым ліку селяніну Касімаўскага павета Разанскай губерні Васілю Мельнікаву за работы цяслара, сталяра і тынкоўшчыка 7379,97 руб. (65,4%), мешчаніну Злынскага пасада Чарнігаўскай губерні Міхаіле Сельскому за работы дахавую, малярную і шклянную – 1641,22 руб., полацкаму купецкаму сыну Даніле Чарнышову за дастаўку 156 пудоў 16 фунтаў поснага масла – 1251,2 руб., на розныя патрэбы да моманту перадачы карпусных будынкаў (на ўтрыманне гадзіннікавага майстра, камінара, прыслугі і на раз'езды) – 500 руб., за ачыстку прыбіральняў – 200 руб. па каштарысу, кавалю Александровічу за задзельныя рэчы – 149,04 руб., ніжнім чынам – 113 руб. узнагароды, полацкаму купцу 3-й гільдыі Вульфугу Гінзбургу за дастаўку 2500 штук цэгля – 56,25 руб. У дадатак да наяўнай будаўнічай сумы памерам у 4140,69 руб. было неабходна дадаткова выплаціць 7150 руб., якія і былі адпушчаны з дзяржаўнага казначэйства ў канцы 1834 г. у распараджэнне Полацкай будаўнічай камісіі. З паступіўшых у ведамства Камісіі 11 300 руб. у 1835 г. 7150 руб. вылучаліся ў пазыку на кошт будаўнічай сумы [5, арк. 167, 190, 192; 14, арк. 8, 8адв.].

Пасля сканчэння асноўных работ па ўладкаванні будынкаў для Полацкага кадэцкага корпуса ў 1836 г. імператар Мікалай I распарадзіўся ўзнагародзіць грашымі чыноўнікаў Полацкай будаўнічай камісіі. Groшы адпраўляліся з Віцебскай казённой палаты. Архітэктар А. Порто і яго памочнік, губернска сакратар Я. Максімаў, займелі па 2500 руб. асігнацыямі кожны, казначэй 7-га класа С. Лукашэвіч і пісьмаводца надворны саветнік П. Буланаў – па 1200 руб., паручнік ваенна-рабочай № 13 роты Донат – 700 руб., цейхвартэр 9-га класа запаснога парка 18-й палкавой артылерыйскай брыгады Шыхаў – 480 руб., канцылярскі чыноўнік, каледжскі рэгістратар Вакар і пісар камісіі, канцылярыст Багамалец – па 300 руб., старшы кандуктар ваенна-рабочага № 7 батальёна Перакростаў – 94 руб., разам 9274 руб. Акрамя таго, палкоўнік Дз.П. Данілаў атрымаў дадатковае жалаванне ў памеры 1000 руб. штогод да сканчэння службы, а інжынер штабс-капітан Кліменка набыў ордэн Св. Станіслава 4-й ступені (коштам у 50 руб.). З агульнай узнагароднай сумы ў 9274 руб. на карысць знявечаных вайскоўцаў вылучалася 918 руб., таму заставалася да выдачы 8356 руб. З Дэпартаменту дзяржаўнага казначэйства обер-афіцэру і 7 класным чыноўнікам выплачвалася сума ў 9180 руб. (рэальна за вылікам 10% на карысць знявечаных заставалася да выдачы 8262 руб.) і 94 руб. кандуктару, разам 8356 руб. 20.06.1836 г. памянутыя ўзнагародныя сумы былі раздадзены і высланы па пошце [11, арк. 56–57адв., 60, 61–61адв., 64–66адв., 67–67адв.]. Апошні журнал пасяджэнняў Полацкай будаўнічай камісіі датуецца 19.07.1837 г., пасля якога яна здала рэштак сумы ў 830,36 руб. у Дэпартамент ваенных пасяленняў [1, с. 94].

Утварэнню Полацкага кадэцкага корпуса папярэднічала не толькі справа пошуку неабходных для яго размяшчэння будынкаў, але і працэс памнажэння грашовай касы. Ужо да 1829 г. для арганізацыі Полацкага кадэцкага корпуса дваранства суседніх губерняў ахвяравала 121 590,53 руб., у тым ліку з Мінскай губерні паступіла 100 620,5325 руб., з Віцебскай – 3664,995 руб., з Смаленскай – 17 305,0025 руб. Акрамя таго, у ведамства Полацкага кадэцкага корпуса была залічана сума памерам у 71 954,64 руб., якая вызначалася на ўтрыманне падпрапаршчыкаў (для 1-га пяхотнага корпуса 35 977,32 руб., 2-га пяхотнага корпуса – 35 977,32 руб.) [3, арк. 68, 85; 27, с. 108, 109]. Гэтае дзяржаўнае асігнаванне пад найменнем капіталу Полацкага кадэцкага корпуса было размешчана ў Захоўнай казне для прырашчэння працэнтаў, паколькі ўсе сабраныя грашавыя сумы для патрэб губерnskіх кадэцкіх карпусоў загадвалася захоўваць у Захоўнай казне ці мясцовых прыказах грамадскай апекі для прыросту працэнтамі [1, с. 6; 27, с. 109].

У 1829 г. дваранства Віцебскай губерні абвясціла аб сваім намеры зрабіць ахвяраванні на патрэбы мяркуемага адкрыцця ў Полацку кадэцкага корпуса. 25.02.1829 г. віцебскі генерал-губернатар М.М. Хаванскі дазволіў павятовым маршалам Віцебскай губерні склікаць дваран сваіх паведаў у павятовыя гарады для агульнага абмеркавання парадку збору грашовых ахвяраванняў для кадэцкага корпуса [28, арк. 3]. Планавалі сабраць 1594,39 руб. аднаразовага збору (з Веліжскага павета 734,35 руб., Дынабургскага – 860,04 руб.), а таксама 8920,38 руб. штогоднай сумы (за 3 гады – 26 761,14 руб.). Разам на працягу 3-х гадоў меркавалася назапасіць 28 355,53 руб. З сумы 26 761,14 руб. на 6 беларускіх паведаў Віцебскай губерні прыпадала 15 117,24 руб. (56,5%) (з Віцебскага – 2917,44 руб., Полацкага – 3318 руб., Гарадоцкага – 860,7 руб., Суражскага – 2003,1 руб., Дрысенскага – 2815,05 руб., Лепельскага – 3202,95 руб.) [8, арк. 9]. Увогуле ў Віцебскай губерні на працягу 3-х гадоў праектавалі сабраць гэтую суму з сялянскіх рэвізскіх душ мужчынскага полу за кошт розных штогадавых падушных ставак ахвяраванняў: па 8 кап. у Віцебскім і Полацкім паведах, па 5 кап. – у Гарадоцкім, Дрысенскім, Лепельскім, Суражскім, Люцынскім, Рэжыцкім, Себежскім, Невельскім, Веліжскім, а ў Дынабургскім – аднаразова па 4 кап. Пры ўмове атрымання з дзяржаўнага казначэйства сумы да 170 000 руб. за дастаўленыя для расійскіх войскаў у 1812 і 1813 гг. харчовыя прадукты і фураж капітал мог быць яшчэ большым. Таксама намервалі выкарыстаць прыбыткі з паезуіцкіх уладанняў, а таксама даходы з маёнтка (205 душ) нябожчыка памешчыка Закрэўскага, якія былі завешчаны ім на выхаванне беднага высакароднага юнацтва. Маёнтка знаходзіўся ў апікунскім кіраванні (пры апекуне Міхале Закрэўскім даход маёнтка ў 1827 г. склаўся толькі 893,97 руб., у 1828 г. – 798,61 руб. пры 14 853 руб. прыватных даўгоў) [29, арк. 60адв.–61, 104, 105–105адв.].

На сходзе дваран Магілёўскай губерні 15.01.1830 г. спачатку было прынята рашэнне аб добраахвотным зборы на працягу 3-х гадоў на карысць Полацкага кадэцкага корпуса па 8 кап. з 65 699 рэвізскіх сялянскіх душ мужчын-уладальнікаў усіх паведаў, акрамя Чэрыкаўскага, разам 5255,92 руб. [30, арк. 38], якія павінны былі паступіць у Віцебскі прыказ грамадскай апекі для «прыросту працэнтамі» [31, арк. 2]. У дадатак, да 1830 г. 7 дваран Магілёўскай губерні ўнеслі 984 руб. аднаразовага збору [3, арк. 8]. Апроч таго, дваранства Магілёўскай губерні сабрала ў фонд Полацкага кадэцкага корпуса аднаразова ў 1829 г. 14,28 руб., у 1830 г. – 238,88 руб., у 1836 г. – 28,57 руб., разам 281,7475 руб. [32, арк. 6]. Акрамя таго, прадстаўнікі высакароднага саслоўя прапанавалі выкарыстаць суму ў 200 тыс. руб. асігнацыямі, выручаную за праданы маёнтка нябожчыка генерал-маёра Рыгора Хорвата, якая ім была адлічана на богаўгодныя справы і з 1815 г. захоўвалася ў Магілёўскім прыказе грамадскай апекі. Такім чынам, у дадатак да 3-гадавага 8-капеечнага збору на ўтрыманне Полацкага кадэцкага корпуса меркавалі выкарыстаць даходы з паезуіцкіх уладанняў, маёнтка памешчыка надворнага саветніка Шыпнеўскага, 200-тысячны капітал Р. Хорвата. Шэраг асоб пагадзіліся з абавязкам збору прыватных ахвяраванняў. Так, ганаровы наглядчык вучылішч Магілёўскай губерні Іван Цэханавецкі абвясціў аб намеры ўносіць на працягу 5 гадоў па 100 руб. кожны год з часу адкрыцця Полацкага кадэцкага корпуса, памешчык Іван Краеўскі з Клімавіцкага павета – 50 руб., Іосіф Васілеўскі з Аршанскага павета – 500 руб., Станіслаў Цэханавецкі з Чавускага павета – па 10 кап. з кожнай акладной душы мужчынскага полу свайго маёнтка (разам 99 руб.), Стэфан Дзерналовіч з Рагачоўскага павета – 100 руб., Ягмін з таго ж павета – па 10 кап. з кожнай рэвізскай душы мужчынскага полу (разам 35 руб.), Антоні Жукоўскі – па 25 кап. [29, арк. 2, 113–114, 131–132]. У цэлым, на карысць Полацкага

кадэцкага корпуса павінна было паступіць за кошт падушных збораў у першы год з Віцебскай губерні 10 514,77 руб. (за 3 гады – 28 355,53 руб.), з Магілёўскай – 5266,08 руб. [29, арк. 112, 118; 3, арк. 7, 43].

Грашовыя ахвяраванні, сабраныя дваранствам Віцебскай губерні для арганізацыі Полацкага кадэцкага корпуса, паступалі ў Віцебскі прыказ грамадскай апекі, у якім штогодныя сумы назбіранага капіталу прырасталі працэнтамі (табліца 3).

Табліца 3. – Рух мэтавай капітальнай сумы, ахвяраванай дваранствам Віцебскай губерні на ўладкаванне Полацкага кадэцкага корпуса, якая захоўвалася ў мясцовым прыказе грамадскай апекі

Тэрмін	Руб. асігнацыямі	Руб. серабром
Да 1831 г.	3942,31	0,52
Да 1832 г.	3942,31	0,52
Да 1.09.1832 г.	4456,58	16,64
Да 1.09.1834 г.	5803,7	17,3
Да 1.09.1835 г.	6035,84	17,99
Да 1836 г.	6277,28	18,7175
Да 1837 г.	6528,37	19,465
Да 1838 г.	6788,5	20,2
Да 1839 г.	7065,21	21

Крыніца: [8, арк. 63–63адв., 78, 79, 80, 85; 33, арк. 2, 10, 11, 13, 20; 34, арк. 2, 8].

Захоўваемы ў Віцебскім прыказе грамадскай апекі мэтавы “кадэцкі” капітал пастаянна прымнажаўся. Прыкладам, да 1836 г. у Віцебскім прыказе грамадскай апекі лічылася 6277,28 руб. асігнацыямі і 18,7175 руб. серабром сумы, якая да 1837 г. за кошт прыросту 4% за 1836 г. (251,09 руб. асігнацыямі і 74,75 кап. серабром), склала ўжо капітал памерам у 6528,37 руб. асігнацыямі і 19,465 руб. серабром [35, арк. 1, 6, 7адв.]. Усяго ж з 1830 да 1839 г. мэтавы «кадэцкі» збор капіталу з працэнтамі ў Віцебскім прыказе грамадскай апекі павялічыўся ў 1,8 разы, з 3942,31 руб. асігнацыямі і 0,52 руб. серабром да 7065,21 руб. асігнацыямі і 21 руб. серабром (гл. табліцу 3).

Дваранствам Смаленскай губерні, акрамя ахвяраванай да 1829 г. сумы ў 17 305 руб. для заснавання кадэцкага корпуса ў Полацку, быў вызначаны памер штогадавага мэтавага збору з яе, які склаў 2597,94 руб. [32, арк. 9адв.; 29, арк. 127].

У Полацкі кадэцкі корпус спачатку планавалі набіраць дваранскіх дзяцей з прыпісаных у яго ведамства Віцебскай, Магілёўскай, Смаленскай (дваране Смаленскай губерні былі прылічаны да Полацкага кадэцкага корпуса замест мяркуемага да заснавання Смаленскага) [36, арк. 15, 19], Мінскай, Гродзенскай, Віленскай губерняў і Беластоцкай вобласці. Акрамя малалетніх стыпендыятаў з ліку прыпісаных 6 губерняў, у Полацкі кадэцкі корпус маглі паступаць дзеці дваран з ліку генералаў, штаб- і обер-афіцэраў васнага пасялення ў Віцебскай і Магілёўскай губернях [37, с. 59–60, 107]. Аднак, паколькі з Віленскай губерні і Беластоцкай акругі не паступіла ніякіх грашовых сродкаў, яны былі выключаны з роспісу. Колькасць прысылаемых у Полацк кандыдатаў з кожнай з прыпісаных губерняў, якія мелі права на залічэнне ў Полацкі кадэцкі корпус, абумоўлівалася наяўнасцю адпаведных 4% з мінімальнай капітальнай сумы памерам у 16 150 руб. асігнацыямі, з разліку па 644,56 руб. асігнацыямі на кожнага выхаванца.

У цэлым, у адпаведнасці з загадам па ваенна-вучэбным установам ад 2.05.1835 г., дваранства 5 заходніх губерняў сабрала прыкладна да 155 тыс. руб. асігнацыямі капіталу, які належаў ведамству Полацкага кадэцкага корпуса (табліца 4).

Табліца 4. – Колькасць грашовых сродкаў, унесеныя да мая 1835 г. дваранствам 5 губерняў у фонд мяркуемага да адкрыцця Полацкага кадэцкага корпуса

Губерня	Капіталы, руб. асігнацыямі	Належныя з грашовай сумы штогадавыя 4 %, руб. асігнацыямі	Колькасць мяркуемых выхаванцаў адпаведна працэнтнай сумы, чал.
Мінская	100620,535	4024,8	6
Смаленская	22493,5925	399,72	1
Гродзенская	17496,13	699,84	1
Магілёўская	8339,68	333,56	0
Віцебская	5868,575	234,72	0
Разам	154818,5125	6192,64	8

Крыніца: [1, с. 5].

Заклучэнне. Такім чынам, фінансавымі крыніцамі ўладкавання будынкаў Полацкага кадэцкага корпуса, адкрываемага для падрыхтоўкі да вайскавай службы дваранскіх малалетніх хлопчыкаў з навакольных губерняў, сталі як вылучаныя ўрадам казённым грашовым сродкі, так і сумы прыватных дваранскіх ахвяраванняў з 1829 г. за кошт мэтавага падушнага збору з уласных сялян. У асноўным выдаткаваныя фінансавыя рэсурсы пайшлі на пераабсталяванне памяшканняў прызначаных у ведамства Полацкага кадэцкага корпуса казённых будынкаў. Будаўнічыя задачы дыктаваліся архітэктурнымі ўмовамі існуючых памяшканняў, але ў выніку перабудовы будынкаў цалкам не ўдалося пераадолець зразумелыя цяжкасці, звязаныя з прыдатным размяшчэннем службовага

персоналу і кадэтаў. Хоць у ходзе будаўнічых работ 1830–1834 гг. і было сэканомлена больш 7% каштарыснай сумы, былі адзначаны шматлікія недахопы і дэфекты ў перабудаваных кадэцкіх будынках. Усе грашовыя разлікі Полацкай будаўнічай камісіі былі канчаткова здзейснены да лета 1837 г., хоць вылучэнне грошай для перабудовы і рамонту будынкаў праваслаўнага кафедральнага сабора пры Полацкім кадэцкім корпусе працягвалася да 1839 г.

ЛІТАРАТУРА

1. Викентьев В.П. Полоцкий кадетский корпус: исторический очерк 75-летия его существования 1835–1910. – Полоцк: Тип. Х.В. Клячко, 1910. – [6], 396, XLIII с., [7] л. ил., портр.
2. Арлоў У.А. Таямніцы полацкай гісторыі. – Мінск: «Папур», 2008. – 608 с., іл.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4887.
4. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 9106.
5. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 8448.
6. НГАБ. – Ф. 2613. Воп. 1. Спр. 1.
7. НГАБ. – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 93.
8. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 2075.
9. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4567.
10. НГАБ. – Ф. 2640. Воп. 1. Спр. 52.
11. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 9111.
12. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4889.
13. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 5241.
14. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 9131.
15. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. Спр. 7459.
16. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 4. Спр. 3051.
17. Соловьев А.А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914): архитектурно-археологический очерк. – Полоцк: Полоцкое книжное издательство, 2012. – 98 с., XII с. цв. ил.
18. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 5. Спр. 2451.
19. НГАБ. – Ф. 2613. Воп. 1. Спр. 2.
20. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4890.
21. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 5966.
22. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4913.
23. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 7884.
24. Из писем Я. И. Ростовцова к великому князю Михаилу Павловичу // Педагогический сборник. – 1885. – № 3. – С. 223–244.
25. НГАБ. – Ф. 2613. Воп. 1. Спр. 4.
26. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 5327.
27. Высочайше утвержденное 1.02.1830 г. предположение о губернских кадетских корпусах, опубликованное Сенатом 10.03.1830 г. // Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е с 1825 по 1881 г. : в 55 т. – СПб.: Тип. 2-го отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1884. – Т. 5–1. – № 3457. – 1831. – С. 107–109.
28. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1959.
29. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4529.
30. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 5584.
31. НГАБ. – Ф. 2638. Воп. 1. Спр. 414.
32. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 22774.
33. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 3707.
34. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 7244.
35. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 5863.
36. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 5748.
37. Мельницкий Н.Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства): в 4 т. – СПб.: Тип. Гл. Штаба е.и.в. по военно-учебным заведениям, 1857–1860. – Т. 2., Ч. 3. – 1857. – 222 с.

Пастуніў 18.10.2022

**ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ К ОТКРЫТИЮ
ПОЛОЦКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА: ОРГАНИЗАЦИОННО-ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ**

А.В. ЕРОШЕВИЧ

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

Статья затрагивает организационно-финансовые аспекты, связанные с совокупностью подготовительных мероприятий российских властей по созданию Полоцкого кадетского корпуса в 1830–1835 гг. Выясняются причины создания сети губернских кадетских корпусов в императорской России, условия открытия кадетского корпуса в Полоцке – среднего военно-образовательного учреждения закрытого типа в поветовом центре Витебской губернии. Раскрывается процесс создания строительной комиссии, её персональный состав, финансирование. Уделяется внимание поиску и выбору зданий для размещения Полоцкого кадетского корпуса, подготовительным

мероприятиям по обустройству кадетских помещений. Определяются количественные показатели ассигнований денежных средств на перестройку папезуитских строений. Характеризуется состояние перестроенных кадетских корпусов и иные дополнительные работы по приспособлении культового здания до 1839 г. Приводятся данные о денежных расчетах с подрядчиками и информация о вознаграждении членов Комиссии. Показывается механизм сбора финансовых средств для основания кадетского корпуса в Полоцке, выявляются его количественные показатели до 1839 г. Большинство сведений, выявленных автором в фондах Национального исторического архива Беларуси и приведенных в статье, используются впервые в национальной историографии.

Ключевые слова: Полоцк, кадетские корпуса, подготовка, мероприятия, строительство, денежные фонды, финансирование.

PREPARATORY MEASURES FOR THE OPENING OF THE POLOTSK CADET CORPS: ORGANIZATIONAL AND FINANCIAL ASPECTS

A. YERASHEVICH

(Belarusian State Economic University, Minsk)

This article touches on the organizational and financial aspects of the set of preparatory measures undertaken by the Russian authorities during the creation of the Polotsk Cadet Corps in 1830–1835. The reasons for the creation of a network of provincial cadet corps in Imperial Russia, the prerequisites for the opening of a cadet corps in Polotsk – a closed-type secondary military educational institution in the district center of Vitebsk province – are investigated. The process of creating a construction commission, recruiting its personnel, and raising finances is revealed. Special attention is paid to the search and selection of buildings for the accommodation of the Polotsk Cadet corps and the preparatory measures for the arrangement of cadet buildings. Quantitative indicators of the allocation of funds for the reconstruction of Paetzut buildings are determined. The condition of the rebuilt cadet buildings and other additional works on the adaptation of the cult building up to 1839 are characterized. Data on the monetary settlements with contractors and information on the remuneration of commission members are provided. The mechanism of collecting funds for the foundation of the cadet corps in Polotsk is indicated, their quantitative results until 1839 are revealed. Most of the information extracted by the author from the funds of the National Historical Archive of Belarus and given in the article is used for the first time in the national historiography.

Keywords: Polotsk; cadet corps; preparation; events; construction; monetary funds; financing.

УДК [338.48-6:908+008:001.89:005.71](476)(091)"192"

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-65-69

**СТАНАЎЛЕННЕ ЭКСКУРСІЙНА-ТУРЫСТЫЧНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ Ў 1920-я гг.
У СВЯТЛЕ КРАЯЗНАЎЧЫХ ІНІЦЫЯТЫЎ ІНБЕЛКУЛЬТА****С.М. ГРЫШКЕВІЧ***(Інстытут гісторыі Акадэміі навук Беларусі, Мінск)*

У дадзеным артыкуле разглядаюцца краязнаўчыя ініцыятывы Інстытута беларускай культуры ў кантэксце іх далейшага ўплыву на развіццё турыстычна-экскурсійнай дзейнасці. У 1920-я гг. ішоў працэс збору і сістэматызацыі краязнаўчых ведаў. Станаўленне турыстычнай дзейнасці ў БССР пачыналася з развіцця краязнаўства, якое ў БССР кіравалася ЦБК пры Інбелкульце. Галоўным сродкам сувязі кіраўніцтва ЦБК з аматарамі краязнаўства на месцах з'яўляўся часопіс «Наш край», які адлюстроўваў галоўныя тэндэнцыі і дасягненні ў вывучэнні краязнаўства на той момант. Першапачаткова асабліва ўвага надавалася вывучэнню і захаванню архітэктурнай і гістарычнай спадчыны, але ўжо з 1926 г. назіралася пераарыентацыя краязнаўства на «сацыяльна-карысныя» тэмы. Краязнаўчыя ініцыятывы. На падмурку сабраных краязнаўцамі ведаў у далейшым будаваліся экскурсійныя маршруты.

Ключавыя словы: Інбелкульт, краязнаўства, турызм, Наш край, БССР, Цэнтральнае Бюро Краязнаўства, ахова помнікаў.

Уводзіны. Пры вывучэнні турыстычна-экскурсійнай дзейнасці у 1920-я гг. неабходна акцэнтаваць увагу на краязнаўстве, бо менавіта яно было фундаментам турыстычна-экскурсійнай дзейнасці. У 1920-я гг. турыстычная дзейнасць не існавала ў сучасным разуменні гэтага слова, як тураператарская і турагентская [1], паколькі для яе рэалізацыі ў такім выглядзе не хапала ні дастатковай інфармацыі, ні матэрыяльна-тэхнічнай базы. Шматлікія турыстычныя аб'екты былі найпрост незафіксаванымі, мелася слабое ўяўленне аб існаванні некаторых архітэктурных, прыродных аб'ектаў. Па гэтай прычыне ў маладой БССР вялікая ўвага надавалася назапашванню ведаў для магчымасцей далейшага вывучэння краю. Пры інтэнсіўным будаўніцтве сацыялістычнай гаспадаркі Інстытут беларускай культуры (далей – Інбелкульт), як вышэйшая навуковая ўстанова ў Беларусі, пачаў шырока разгортваць сваю даследчую працу і ўцягваць у яе лепшыя навуковыя сілы. Таму, нягледзячы на тое, што ўтварэнне краязнаўчых арганізацый у БССР пачалося на некалькі год пазней, чым у астатніх рэспубліках, краязнаўчы рух вельмі хутка пачаў набіраць усё больш прыхільнікаў. Навуковае вывучэнне Беларусі і ў далейшым ужыванне назапашаных ведаў у турыстычнай галіне стала магчымым дзякуючы актыўнай дзейнасці Цэнтральнага бюро Краязнаўства (далей – ЦБК) пры Інбелкульце.

Асноўная частка. У канцы 1923 г., пасля напісання падручнікаў для школ і зацвярджэння тэрміналогіі для школьных прадметаў, было створана ЦБК пры Інбелкульце. Першапачаткова ЦБК і іншымі краязнаўчымі арганізацыямі ажыццяўлялася справа назапашвання і сістэматызацыі ведаў аб Беларусі, вялася праца па вывучэнні яе культуры, гісторыі, географіі, біялогіі, праводзіліся метэаралагічныя назіранні і інш.

Паралельна са станаўленнем краязнаўчай дзейнасці, надзялялася ўвагай далейшай ахове помнікаў. Для выканання гэтай задачы была прынята Пастанова СНК БССР ад 24.12.1923 г. «Аб рэгістрацыі, прыёме на ўлік і ахове помнікаў мастацтва, даўніны, быту і мясцовай прыроды, якія знаходзяцца ва ўладанні ўстаноў і таварыстваў, а таксама ў прыватных асоб». Гэтая пастанова стала першым агульнарэспубліканскім дакументам па ахове помнікаў. Дзяржаўнай ахове падлягалі «*усе старыя курганы, гарадзішчы, старадаўнія могілнікі, разваліны замкаў, цэркваў, сцяліб, рэшткі старых умацаванняў у выглядзе насыпных валоў, мураваных сцен, выкапаных равоў, маўзалеяў, камянёў з надпісамі і знакамі і т.п. аб'яўляюцца дзяржаўнай маёмасцю і забараняецца іх раскопкаць і разбіраць, чым бы гэта патрэба ні выклікалася*» [2]. Дзяржаўныя помнікі пазней сталі турыстычнымі аб'ектамі.

Справа развіцця краязнаўства ў БССР напачатку развівалася досыць хаатычна. Таму неабходнай стала ўніфікацыя дзейнасці розных краязнаўчых таварыстваў, гурткоў і інш., а разам з тым вызначэнне агульнага кірунку развіцця краязнаўчай працы. У сакавіку 1924 г. ЦБК правяло Мінскую краязнаўчую канферэнцыю, на якой былі абмеркаваны спосабы пашырэння краязнаўчых ідэй і ўцягнення ў краязнаўчую працу шырокіх колаў працоўных [3, с. 85]. 29 лістапада 1924 г. справа абазначэння перспектывы і метадаў каардынацыі краязнаўчай працы ў БССР была працягнута на Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі, дзе былі разгледжаны і ўзгоднены дадзеныя пытанні. Адрозна ж пачала абазначацца структура краязнаўчых таварыстваў па раёнах, вылучыліся Віцебскае, Магілёўскае, Аршанскае, Горацкае, Калінінскае (Клімавіцкае), Барысаўскае, Мазырскае, Бабруйскае, Полацкае, Менскае і Слуцкае акруговыя таварыствы краязнаўства.

Перад ЦБК стаяла задача каардынавання дзвюх асноўных краязнаўчых плынь: дзяржаўнага навуковага і грамадскага аматарскага руху. Для таго, каб праца акруговых таварыстваў праводзілася якасна і ўніфікавана, а таксама для заахвочвання новых удзельнікаў, з 1925 г. пачалося выдавецтва штомесячніка «Наш край» ад ЦБК пры Інбелкульце. Адна з задач яго выдання была ў тым, каб краязнаўчыя даследаванні хутка становіліся вядомымі арганізацыям і асобам, якія ўжо вывучалі родны край і тым, хто толькі пачынаў цікавіцца даследаваннямі Беларусі. Гэты

часопіс заклаў моцны падмурак для далейшага развіцця турыстычна-экскурсійнай дзейнасці ў БССР. Пачатак выдання часопіса «Наш край» супаў па часе з падрыхтоўкай пастановы СНК БССР ад 5 ліпеня 1926 г., згодна з якой на ўлік быў ўзяты 191 аб'ект архітэктуры, побыту, мастацтва, прыроды. Быў зацверджаны першы спіс помнікаў, які складаўся з 87 пазіцый. Абавязкі па іх ахове СНК усклаў на акруговыя, гарадскія і раённыя саветы [4].

Першы нумар часопіса «Наш край» выйшаў 1 кастрычніка 1925 г., і ў ім адразу ж была пастаўлена мэта – праз краязнаўства вывучыць Беларусь з усіх бакоў. Чытачоў заклікалі да напісання краязнаўчых артыкулаў, якія датычыліся ўсіх 15 адзелаў ЦБК. Падкрэслівалася, што Беларусь павінна *“пазнаць сама сябе”* [5, с. 3]. Асобная роля ў вывучэнні края надавалася настаўнікам, якіх заахвочвалі быць не толькі *“пасыўнымі даследчыкамі і наглядальнікамі мясцовага жыцця”* [5, с. 13], але і тлумачылі, што цягам вывучэння краязнаўства можна паўплываць на далейшае жыццё, прынесці ў яго новыя погляды, звычаі і веды. Шмат увагі надавалася распрацоўцы форм і метадаў арганізацыі краязнаўчай работы [6, с. 148] для яе ўніфікацыі. Для выканання гэтай задачы ў часопісе даваліся тэмы і інструкцыі па правядзенні даследаванняў, падрабязныя пералікі пытанняў па кожнай тэме. З гэтых даных можна зрабіць высновы: па якіх напрамках планавалася весці паглыбленыя даследаванні. Мікола Шчакацін у інструкцыі *“Спосабы збірання матэрыялаў зь беларускага мастацтва падкрэсліваў”*: *“трэба апісваць усе старажытныя помнікі данага раёну, не пакладаючыся пры гэтым на свой асабісты густ пры выбары гэтых помнікаў, бо лепей іншы раз апісаць які-небудзь помнік мала цікаўны і мала каштоўны, як прапусціць што-небудзь запраўды каштоўнае, што відаць толькі спецыялістам...”* [7, с. 66].

У 1920-я гг. краязнаўчыя арганізацыі БССР толькі распачыналі сваю працу і, нягледзячы на цэнтралізаваўнасць і кіраўніцтва “зверху”, ЦБК было зацікаўлена ў далучэнні ініцыятыўных людзей. Тым больш, што прафесійных навуковых кадраў не хапала. Таму друкавацца ў часопісе мог амаль любы чалавек, які правёў краязнаўчае даследаванне, зладзіў экскурсію і прысвяціў гэтаму артыкул. У планах працы мясцовых таварыстваў краязнаўства, якія рассыляліся па раёнах, адзначаліся наступныя раздзелы: 1) праца арганізацыйна-папулярызачыная, 2) праца метадычная, 3) праца збіральніцка-даследчая. Пры гэтым адзначалася, што, хаця і апошні раздзел самы каштоўны, але *“з-за няпоўнага афармлення нашага краязнаўчага руху і слабай падрыхтаванасці нашага масавага краязнаўца, трэба адвесці значнае месца першым двум”* [8, с. 25].

Часопіс «Наш край» на сваіх старонках адлюстроўваў усе накірункі тагачаснага краязнаўства. Нягледзячы на тое, што часопіс называўся штомесячнікам, за 1925 г. было выдадзена толькі 2 нумары, за 1926 – 7, за 1927 – 10, 1928 – 10, 1929 – 10, 1930 – 7. Бачна, што колькасці матэрыяла не хапала для выдавецтва часопіса кожны месяц, але адначасова з гэтым у раздзеле «Хроніка» рэгулярна асвятляліся працы сектараў ЦБК. Там жа можна заўважыць неаднароднасць структур акруговых краязнаўчых арганізацый, у якіх адрозніваліся і назвы, і колькасць секцый, і тое, што дзейнасць не супадала з пастаўленымі задачамі [9, с. 156]. Таксама заўважаецца невялікая колькасць прафесійных даследчыкаў, якія дасылалі свае справаздачы і артыкулы рэгулярна. Пераважную большасць аўтараў складалі настаўнікі.

У першым нумары часопіса ўжываецца слова “экскурсія”. Бачна, што першапачаткова яно мела значэнне краязнаўчай вандрожкі для назапашвання ведаў, у той час як сёння пад экскурсіяй маецца на ўвазе “калектыўнае наведванне музея, славуных месцаў, выставы, прадпрыемства і г.д.; паездка, шпацыр з адукацыйнай, навуковай, спартыўнай або забаўляльнай мэтай” [10, с. 24]. У раздзеле “Хроніка” абазначана, што з 9 па 20 ліпеня 1925 г. была праведзена пешая экскурсія з Менску ў Магілёў [5, с. 65]. Кіраўніком магілёўскіх экскурсій быў загадчык Магілёўскага музея Зміцер Даўгяла, які ў верасні 1925 г. стаў навуковым сакратаром Гісторыка-археалагічнай камісіі Інбелкульту і заняўся вывучэннем менскага Старога горада і яго помнікаў. Гэтай працы ў 1928 г. былі прысвечаны артыкулы «Стары Менск» у №№ 1–3. З дапамогай распрацоўкі экскурсій ЦБК, супрацоўнікі Беларускага дзяржаўнага музея і дому Рабросу ў Менску папулярызавалі помнікі гарадской архітэктуры. Падчас экскурсіі запісваліся песні, прыказкі, апавяданні, аглядаліся помнікі старасветчыны, занатоўваўся быт сялян і збіраўся матэрыял для беларускага геаграфічнага слоўніка. Настаўнікам прапаноўвалася хадзіць са сваімі вучнямі на краязнаўчыя экскурсіі, а далей трымаць цесную сувязь з мясцовымі краязнаўчымі арганізацыямі і перадаваць ім вынікі даследаванняў матэрыялаў.

Дадзеныя інструкцыі цалкам паўтараюць агучаныя раней ў снежні 1921 г. на Маскоўскай Усесаюзнай краязнаўчай канферэнцыі, дзе таксама падкрэслівалася неабходнасць навуковага вывучэння края мясцовымі сіламі. Такім чынам абазначалася цесная сувязь настаўнікаў з мясцовымі і цэнтральнымі краязнаўчымі арганізацыямі. Настаўнікі павінны былі стаць *“карэспандэнтамі навукова-краязнаўчых арганізацый”* [5, с. 17], якія ў сваю чаргу павінны былі забяспечыць іх неабходным метадычным матэрыялам. Так, летам 1925 г. ЦБК правяло гутаркі аб краязнаўчай працы з настаўнікамі Гомельшчыны, Смаленшчыны на курсах перападрыхтоўкі, а таксама на курсах настаўнікаў чыгуначных школ [5, с. 66]. У 1926 г. у Бабруйскай акрузе пастанаўлілі *“залажыць лектарска-экскурсійнае бюро, якому даручыць арганізацыю экскурсій (экскурсіі робяць збор калекцый для музея)”* [11, с. 71].

Ужо з першых нумароў часопіса ставіліся пытанні перспектывы вывучэння роднага краю ў будучым, што рабіць далей з назапашанымі ведамі. Плаваналася далейшае асэнсаванне, прывядзенне ў структуру даных, сабраных на экскурсіях і ў экспедыцыйных паездках. З пункту гледжання культуры памяці, такія веды павінны былі наблізіць беларусаў да “з’яўлення сапраўднай гісторыі нашых мест і мястэчкаў” [12, с. 9–10]. Накопленыя веды ў далейшым актыўна выкарыстоўваліся ў складанні турыстычных маршрутаў. Так, дзякуючы дзейнасці аматараў краязнаўства да нас дайшлі падрабязныя апісанні і здымкі Койданаўскага і Рагачоўскага замкаў, якія не захаваліся на сённяшні дзень, але былі занатаваны ў артыкулах М. Адзярыхі “Апісаньне Койданаўскага замку” і М. Шчакаціна “Замак у Рагачове” [5, с. 37–40].

З цягам часу выпрацоўваліся дакладныя экскурсійныя маршруты, якія прапаноўвалася паўтараць ці рабіць свае на аснове дадзеных прыкладаў. У нумары 19 за красавік 1927 г. артыкул “Прыродазнаўчая экскурсія па Смалявіцкім раёне Менскай акругі (маршрут, методыка)” упершыню даваліся канкрэтныя пакрокавыя рэкамендацыі па правядзенні экскурсіі. Экскурсія разлічвалася на 4 дні. Быў прапісаны пэўны маршрут (Смалявічы – хутар Калюга – Бабі лес – Возера Вялікае – Юраўскае возера – Юрава – Смалявічы), пазначаны канкрэтныя моманты, на якія варта звярнуць увагу, якія ўзоры (раслін, торфу і інш.) трэба ўзяць, месцы для таго, каб пераночыць. Напрыканцы артыкула пазначалася літаратура па тэме, у т.л. па экскурсіях у межах Смалявіцкага раёну, і кнігі па біялогіі. У наступным нумары В. Самцэвіч прапаноўваў свой маршрут “Культурна-гістарычная экскурсія Барысаў – Стара-Барысаў – Студзёнка”.

Таксама ў якасці дапамогі да вывучэння роднага краю і правядзення экскурсій пачынаючы з другога нумара часопіса “Наш край” быў вылучаны асобны раздзел “Бібліяграфія” са спісам карыснай літаратуры, у тым ліку і той, што тычылася экскурсій [13, с. 50]. Акрамя беларускіх і рускіх выданняў, у пераліку літаратуры таксама прысутнічалі ўкраінскія і польскія кнігі.

Цікавасць да вывучэння краязнаўства мела хвалепадобны характар, таму можна прасачыць, як для пашырэння колькасці прыхільнікаў вывучэння краю, перыядычна праводзіліся розныя заклікі. Так, у Менску па радыё чыталіся лекцыі па краязнаўстве, а ў № 11–12 зноў шукалася падтрымка ў настаўнікаў, і часопіс быў пачаты з закліку да іх. У 1926 г. быў абвешчаны пачатак збору матэрыялаў па гісторыі краязнаўчага руху ў Беларусі, заклік да гэтага друкаваўся ў нумары 13–14.

Нягледзячы на тое, што першапачаткова дзейнасць кожнага з 15 адзелаў Інбелкульта знаходзіла свой адбітак на старонках часопісу “Наш край”, аналіз зместу артыкулаў за ўсе гады існавання паказаў, што з 1926 г. у нумарах часопіса назіраецца дамінаванне прыродазнаўчых артыкулаў і змяншэнне гістарычных. Змянялася кан’юнктура і гэта не магло не адлюстравана на дзейнасці краязнаўчых арганізацый. У апошнім нумары часопіса за 1926 г. у артыкуле Васіля Самцэвіча “Краязнаўства ў гаспадарчым і культурным будаўніцтве краю” вызначаліся далейшыя накірункі краязнаўчай працы ў БССР агулам. Аўтар выступаў з крытыкай краязнаўчага руху, адзначаў, што раней ён не насіў практычна-карыснага характару і цяпер “*справа краязнаўства з’яўляецца пераважна вытворчай праблемай, праблемай будаўніцтва новай гаспадаркі і новай культуры*” [14, с. 3]. Так, адбылася пераарыентацыя на прыярытэтнае вывучэнне прыродных багаццяў і асабліва тэрыторыі, праблем сельскай гаспадаркі, развіцця мясцовай прамысловасці, у гэты ж час, як вывучэнне гісторыі мясцовасцей і ахова помнікаў не прызнаваліся грамадска-карыснымі. У далейшым, менавіта гэтыя напрамкі і разглядаліся ў першую чаргу пры фарміраванні турыстычных маршрутаў.

Пабачыць як новыя тэндэнцыі адбіліся на краязнаўстве можна на прыкладзе Мінска. Так, замест ранейшых даследаванняў Замчышча і Старога горада, адбылася пераарыентацыя на апісанне прадпрыемстваў. Пра гэта сведчыць пералік абследаваных аб’ектаў Менскім Акруговым таварыствам краязнаўства для выдання зборніку “Меншчына”, прадстаўлены ў № 5 за 1927 г. Так, у горадзе было абследавана “*17 прадпрыемстваў, (заводы, фабрыкі) тры скурных заводы і ФЗУ (фабрычна-заводская вучнёўская школа)...*” [15]. Падчас справаздачы аб музейнай працы 12 траўня 1927 г. была ўхвалена неабходнасць “*даабследаваць у такім-жа парадку і рэштку больш буйных прадпрыемстваў, сконцэнтраваных у матар’ял аб прамысловасці гор. Менску, далучыць асветныя, культурна-асветныя, с.-гаспадарчыя, адміністрацыйныя і тэхнічныя ўстановы і выдаць «Экскурсійны параднік па гор. Менску» (у дапамогу раённаму і гор. экскурсантау)*” [15].

На 10-годдзе Кастрычніцкай рэвалюцыі была канчаткова зафіксавана арыентацыя краязнаўства на вывучэнне рэвалюцыйнага руху. Можна адзначыць, што папярэдняя праца па пашырэнні краязнаўства ў Беларусі мела свой плён. Разам з гэтым, у дзясятым нумары за кастрычнік 1927 г. падсумоўваліся вынікі дзесяцігадовай краязнаўчай працы. Агульная колькасць краязнаўчых арганізацый у БССР на кастрычнік 1927 г. складала 240, якія “*ахапляюць 9389 членаў, з якіх асветнікаў каля 70%, рабочых і сялян каля 5%, вучняў каля 23% і іншых каля 2%*” [16]. Нягледзячы на вялікую колькасць гістарычных, этнаграфічных, біялагічных і інш. артыкулаў, надрукаваных у нумарах, падкрэслівалася ідэя “*краязнаўства і сучаснасці*” [16]. У снежаньскім нумары 1927 г. ЦБК абвясціла пашырэнне тэмы часопіса. Так, карэспандэнтам і ўсім зацікаўленым прапаноўвалася асвятляць жыццё беларусаў па-за межамі краіны, нацменшасцей на тэрыторыі БССР (яўрэяў, палякаў, латышоў, літоўцаў, татар, рускіх і інш.). Таксама ЦБК заклікала даследаваць помнікі архітэктуры. Адзначалася, што трэба пашыраць тэмы эканомікі, прыроды “*ва ўсіх яе з’явах і формах*” гісторыі краю і раёнаў [17, с. 5].

Акцэнт на вывучэнне і фарміраванне прамысловых турыстычных маршрутаў працягваўся. У № 3 за сакавік 1928 г. у артыкуле “Краязнаўчыя экскурсіі ў выхаванні моладзі” галоўны акцэнт быў зроблены на прамысловыя экскурсіі, наведванне прадпрыемстваў. Менавіта праз іх прапаноўвалася папулярызаваць ідэі індустрыялізацыі, прапагандаваць тэхнічныя веды; экскурсіі выступалі як сродак працоўнага і ідэалагічнага выхавання. Менавіта такія экскурсіі рэкамендавалася распрацоўваць і праводзіць у першую чаргу. Яны ж у 1930-я гг. сталі асноўным кірункам турыстычнай працы.

У 1928–1929 гг. на старонках часопіса перыядычна з’яўляліся артыкулы пра экскурсіі, экскурсійныя аб’екты і маршруты, але можна адзначыць значную перавагу тэм рэвалюцыйнага руху, вывучэння саўгасаў і прадпрыемстваў. Нягледзячы на гэта, праца часопіса не супадала з ідэямі і задачамі сацыялістычнага будаўніцтва. У кастрычніку 1930 г. часопіс “Наш край” быў перайменаваны ў “Савецкая краіна”, у першым нумары якога

наўпрост абвінавчваліся былыя кіраўнікі БАН¹, а “Наш край” называўся рупарам контрэвалюцыйнага беларускага нацыянал-дэмакратызму [18, с. 210].

Згодна з афіцыйным курсам, “у пачатку 1930-х гг. краязнаўства ў БССР фактычна вынішчана, многія вядомыя вучоныя і мясцовыя краязнаўцы рэпрэсаваны. У 1932 г. прынята пастанова СНК БССР «Аб мерапрыемствах па разгортваньню краязнаўчага руху», якая прадпісвала краязнаўцам дасьледаваць і паказваць выключна пасьпяхі сацыялістычнага будаўніцтва» [19, с. 259].

Заклучэньне. Станаўленьне турыстычнай дзейнасьці ў БССР пачыналася з развіцця краязнаўства, якое ў БССР кіравалася ЦБК пры Інбелкульце. У 1920-я гг. ішло назапашваньне ведаў па краязнаўстве з мэтай далейшай іх сістэматызацыі і больш глыбокага ўсебаковага дасьледаваньня Беларусі з пункту гледжаньня яе гістарычных адметнасьцей. Галоўным сродкам сувязі кіраўніцтва ЦБК з аматарамі краязнаўства на месцах з’яўляўся часопіс “Наш край”, які адлюстроўваў галоўныя тэндэнцыі і дасягненьні ў вывучэньні краязнаўства на той момант. Дзякуючы штотымся, краязнаўчыя таварыствы і гурткі працавалі па ўніфікаваных праграмах і методыцы і такім чынам прымалі актыўны ўдзел у рабоце секцыі Інбелкульту. Тэарэтычныя падмуркі краязнаўчых дасьледаваньняў, сфармуляваныя на старонках часопіса “Наш край”, а таксама арганізаваныя ЦБК экспедыцыі, зрабілі магчымым вывучэньне розных раёнаў БССР. На старонках часопіса абмяркоўваліся задачы і напрамкі краязнаўчай дзейнасьці, прынятыя на з’ездах і канфэрэнцыях. З 1926 г. ў краязнаўстве Беларусі назіраецца тэндэнцыя да ўсё большай арыентацыі на праблематыку вывучэньня гісторыі рэвалюцыйнага руху. Экскурсіі і экспедыцыі галоўнай мэтай ставілі не знаходкі і вывучэньне помнікаў архітэктуры і іх апісаньне, а надавалі больш увагі дасьледаваньням прыроднаўства, вывучэньню сялянскай гаспадаркі і развіццю прадпрыемстваў. Нягледзячы на ўсе меры па захаваньню вывучэньня мясцовых асаблівасцей, з 1930 г. пачала праводзіцца канчатковая пераарыентацыя краязнаўства Беларусі на агульнасаветскія “практычна-карысныя” тэмы. Тым не менш, за непрацягла перыяд свайго існаваньня, ЦБК і часопіс з красамоўнай назвай “Наш край” аказалі вялікі ўплыў на станаўленьне экскурсійна-турыстычнай дзейнасьці ў БССР. У межах набіраючага моц краязнаўчага руху дзейнасьць гэтых структур надала імпульс усебаковаму вывучэньню Беларусі, у тым ліку і праз формы экскурсійнай дзейнасьці. Вынікі краязнаўчай працы ў далейшым браліся ў разлік пры стварэньні паўнаважных турыстычных маршрутаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100129&p1=1&p5=0>. (Дата обращения: 27.01.2022).
2. НАРБ. – Ф. 42, Воп. 1, Спр. 535, Арк. 89.
3. Інстытут Беларускае Культуры (Інбелкульт): гісторыя ўзьнікненьня, сучасная структура, навукова-дасьледчая дзейнасьць / Ін-т Беларус. Культуры; апрац. навук. сакратар Інбелкульту А.І. Цьвікевіч. – Менск: ДВБ, 1926. – 114 с.
4. Бюллетень Совета Народных Комиссаров Б.С.С.Р. – 1926. – № 9 (18). – С. 24–28.
5. Наш край. – 1925. – № 1. – 68 с.
6. Соркіна І.В. Дзейнасьць Цэнтральнага Бюро Краязнаўства па вывучэньні мястэчак Беларусі: па матэрыялах часопіса “Наш Край” (1925-1930 гг.) // Інстытут Беларускай культуры і становленьне навуцы ў Беларусі. К 90-летию создания Института Белорусской культуры: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8-9 дек. 2011 г. / Нац. Акад. наук Беларусі; ред. Н.В. Яковенко. – Минск, 2011. – 770 с.
7. Шчакаціхін М. Спосабы зьбіраньня матэрыялаў зь беларускага мастацтва // Наш край. – 1926. – № 2-3. – С. 66.
8. Краязнаўства зборнік праграм і інструкцый краязнаўчай працы / Беларуская акадэмія навук. – Менск: друк. БАН, 1929. – Вып. 1. – С. 113.
9. Лютыч К.М. Інбелкульт і краязнаўчы рух (Паводле раздзелу “Хроніка” часопіса “Наш край”) / Інстытут Беларускай культуры і становленьне навуцы ў Беларусі. К 90-летию создания Института Белорусской культуры: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8-9 дек. 2011 г. / Нац. Акад. наук Беларусі; ред. Н.В. Яковенко. – Минск, 2011. – С. 156.
10. Ганскі У.А., Ваўнейка К.В. Экскурснаўства. – Наваполацк: ПДУ, 2012. – 254 с.
11. Краязнаўства праца ў Бабруйскай акрузе // Наш край. – 1926 – № 6-7 (9-10). – С. 71.
12. Дружыч В. Краязнаўства ў гістарычнай галіне // Наш край. – 1927 – № 12 (15). – С. 9–10.
13. Бібліяграфія // Наш край. – 1925. – № 2. – С. 50.
14. Самцэвіч В. Краязнаўства ў гаспадарчым і культурным будаўніцтве краю // Наш край. – 1926. – № 12. – С. 3.
15. Хроніка // Наш край. – 1927. – № 6. – С. 64.
16. Казак А. Краязнаўства ў БССР к дзесяцігодзьдзю Кастрыніковай Рэвалюцыі // Наш край. – 1927 – №10. – С. 10.
17. Пашырэнне тэматыкі “Нашага Краю” // Наш край. – 1927. – № 12. – С. 5.
18. Аляксееў Л.В. Разгром краязнаўства // Памяць: Мінск. Гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі. – Т. 3. – Мінск, 2004. – 736 с.
19. Трэпет Л. Краязнаўства // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 4. – С. 257–260.

Паступіў 23.09.2022

¹ Інбелкульт у 1928 г. быў рэарганізаваны ў Беларускаю акадэмію навук (БАН) і ЦБК увайшло ў структуру арганізацыі.

**СТАНОВЛЕНИЕ ЭКСКУРСИОННО-ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1920-е гг.
В СВЕТЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ****С.М. ГРИШКЕВИЧ***(Институт истории Академии наук Беларуси, Минск)*

В данной статье рассматриваются краеведческие инициативы Института белорусской культуры в контексте их дальнейшего влияния на развитие туристическо-экскурсионной деятельности. В 1920-е гг. шёл процесс сбора и систематизации краеведческих знаний. Становление туристической деятельности в БССР началось с развития краеведения, которое в БССР управлялось ЦБК при Инбелкульте. Главным средством связи между руководством ЦБК с любителями краеведения на местах являлся журнал "Наш край", который отражал главные тенденции и достижения в изучении краеведения на тот момент. Первоначально особое внимание уделялось изучению и сохранению архитектурного и исторического наследия, однако уже с 1926 г. наблюдалась переориентация краеведения на "социально-полезные" темы. На фундаменте собранных краеведами знаний в дальнейшем строились экскурсионные маршруты.

Ключевые слова: *Инбелкульт; краеведение; туризм; Наш край; БССР; Центральное Бюро Краеведения; охрана памятников*

**THE FORMATION OF SIGHTSEEING AND TOURISM IN THE 1920s⁺
THROUGH INITIATIVES OF LOCAL HISTORY OF INBELCULT****S. HRYSCHKEVICH***(The Institute of History of the Academy of Sciences of Belarus, Minsk)*

In this article author says about the formation and developement of local history in BSSR in 1920s.. The study of local history was very important to the process of collecting and systematizing local knowledge for future touristic routes. The formation of tourism activity in the BSSR began with the development of local history, which in the BSSR was managed by the CBK under Inbelcult. The main means of communication between the management of the CBK and local history lovers was the magazine "Nash Kraj", which reflected the main trends and achievements in the study of local history at that time. Initially, special attention was paid to the study and preservation of architectural and historical heritage, but since 1926 a reorientation of local studies on "socially useful" topics were observed. Excursion routes were subsequently built on the basis of the knowledge collected by local historians.

Keywords: *Inbelcult; local history; tourism; Magasine "Nash Kraj", BSSR, Central Buro of local history, hiding monuments.*

УДК 355.425.4(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-70-75

**СМАЛЕНСКІЯ ПАРТЫЗАНСКІЯ ФАРМІРАВАННІ НА ТЭРЫТОРЫІ ВІЦЕБШЧЫНЫ
(1942–1944 гг.): АРГАНІЗАЦЫЙНЫ І БАЯВЫ АСПЕКТ****канд. гіст. навук, дац. А.А. КРЫВАРОТ****(Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)**

У артыкуле асвятляецца арганізацыйная і баявая дзейнасць на тэрыторыі Віцебшчыны смаленскіх партызан, накіраваных у рэгіён для разгортвання ўзброенай барацьбы супраць германскіх акупантаў у 1942–1944 гг., прыведзены прыклады сумесных дзеянняў віцебскіх і смаленскіх партызан на стварэнні атрадаў і брыгад і ўдзел у гэтым Віцебскага абкама КП(б)Б і камандавання 4-й ударнай арміі Калінінскага фронту. Паказана, што ў 1942 г. асноўным месцам узаемадзеяння партызан былі тылавыя аб'екты праціўніка на беларускай тэрыторыі ў трыкутніку дарог Віцебск – Орша – Смаленск. Адзначана, што новы этап у баявой дзейнасці смаленскіх партызан на Віцебшчыне звязаны з перадыслакацыяй на розныя перыяды са Смаленскай вобласці некалькіх брыгад (палкоў). Згаданы найбольш значныя баявыя аперацыі, праведзеныя сумесна віцебскімі і смаленскімі партызанамі ў розных рэгіёнах Віцебскай вобласці. У высновах канстатуецца, што смаленскія партызанскія фарміраванні ўнеслі прыкметны ўклад у разгортванне партызанскага руху на Віцебшчыне ў гады Вялікай Айчыннай Вайны.

Ключавыя словы: атрад, блакада, брыгада, воінскі эшалон, гарнізон, група, дыверсія, камунікацыі, карная аперацыя.

Кантакты партызан Віцебшчыны і Смаленскай вобласці распачаліся восенню 1941 г., калі некаторыя групы і атрады пад націскам карнікаў былі вымушаны перамясціцца з Багушэўскага, Мехаўскага, Суражскага і іншых раёнаў на сумежную тэрыторыю РСФСР. На Смаленшчыне беларускія групы і атрады сумесна з мясцовымі баявымі адзінкамі стваралі новыя партызанскія падраздзяленні, а таксама сумесна праводзілі напады на тылавыя аб'екты акупантаў [11, л. 8; 12, л. 17; 17, л. 19; 20, л. 19, 33, 35, 52; 33, с. 26].

Пасля пераможнай для Чырвонай Арміі бітвы пад Масквой часці 4-й ударнай арміі (далей 4-й УА) Калінінскага фронту ў выніку правядзення Тарапецка-Холмскай аперацыі выйшлі на рубяж Веліж – Дзямідаў і ўшчыльную падыйшлі да граніцы Беларусі каля Суражскага і Мехаўскага раёнаў Віцебскай вобласці. Глыбокі прарыў часцей Краснай Арміі ў гэтым рэгіёне і дапамога з боку смаленскіх і віцебскіх партызан аказалі вырашальны ўплыў на становішча ў рэгіёне. Флангі паміж групамі нямецкіх армій «Цэнтр» і «Поўнач» былі не ўмацаваны, а таксама адсутнічала аператыўнае ўзаемадзеянне. У абароне праціўніка ад Усвят Калінінскай вобласці да Веліжу Смаленскай вобласці ўтварыўся 40-кіламетровы пралом па фронце, які ад пачатку лютага 1942 г. стаў кантралявацца часцямі 4-й УА, беларускімі і смаленскімі партызанамі [1, с. 134, 627–628].

Такую спрыяльную сітуацыю стала выкарыстоўваць армейскае камандаванне сумесна з Паўночна-Заходняй аператыўнай групай ЦК КП(б)Б і Віцебскім абкамам КП(б)Б для пашырэння партызанскага руху ў тыле праціўніка і разгортвання дыверсій на яго камунікацыях. У тыл немцаў, найперш ва ўсходнія рэгіёны Віцебшчыны, сталі накіроўвацца ўпаўнаважаныя, арганізатарскія і дыверсійна-разведвальныя групы і атрады. Устаноўленню шчыльнай каардынацыі паміж армейскім камандаваннем і партыйнымі структурамі ў справе разгортвання партызанскага руху ў рэгіёне садзейнічала прызначэнне 9 сакавіка 1942 г. першага сакратар Віцебскага абкама КП(б)Б І.А. Стулава членам Ваеннага савета 4-й УА [1, с. 490, 580; 2, с. 206].

Для пашырэння ўзброенай барацьбы на ўсходзе Віцебшчыны Ваенным саветам 4-й УА былі шырока прыцягнуты партызаны Смаленшчыны. Па няпоўных падліках вясной – пачатку лета 1942 г. больш за 10 смаленскіх партызанскіх адзінак агульнай колькасцю каля 200 чалавек перабраліся ў вызначаныя армейскім камандаваннем усходнія раёны Віцебскай вобласці, дзе разам з мясцовымі патрыятычнымі групамі стваралі новыя партызанскія атрады. Так, 20 сакавіка 1942 г. паводле распараджэння Ваеннага савета 4-й УА на тэрыторыю Лёзненскага раёна прыбыў смаленскі атрад «Радзіма» (камандзір А.Ф. Данукалаў). У канцы сакавіка 1942 г. смаленскі атрад папоўніўся мясцовымі групамі на чале з У.Ю. Дзячэнкам і М.Р. Малахоўскім з вёсак Войтава і Каралёва, а затым групы аформіліся ў самастойныя атрады «Валодзя» і «Прагрэс». У атрад «Радзіма» таксама ўлілася маладзёжная група Т. Дубоўкі. У сярэдзіне красавіка 1942 г. на тэрыторыі Суражскага раёна да адной з ініцыятыўных груп атрада «Радзіма» далучыліся 30 жыхароў з вёсак Стукальна і Уласава. У выніку аб'яднання быў створаны атрад, які ў кастрычніку 1942 г. атрымаў назву «Крэпасць» [7, с. 86–87; 19, л. 16; 21, л. 18, 28; 32, с. 231, 223, 329].

Найбольш актыўна вясной – летам 1942 г. на ўсходзе Віцебскай вобласці пашырэннем партызанскага руху займалася 2-я Смаленская брыгада (камандзір В.В. Стралкоў), якая накіравала ў памежныя беларускія раёны некалькі арганізатарскіх груп. На тэрыторыю Лёзненскага раёна для сувязі з мясцовымі партызанскімі адзінкамі і стварэння новых атрадаў была перакінута група колькасцю 15 чалавек на чале з пракурорам Панізаўскага раёна І.Р. Чарнышовым. Яшчэ 5 груп агульнай колькасцю звыш 50 чалавек прабраліся ў Багушэўскія лясы і раён Оршы. Арганізацыйныя магчымасці 2-й Смаленскай брыгады стараўся выкарыстоўваць Ваенны савет 4-й УА для прыняцця дадатковых мер па разгортванні партызанскіх сіл у раёнах Віцебскай вобласці, праз якія праходзілі стратэгічныя камунікацыі нямецкай групы армій «Цэнтр». У другой палове чэрвеня 1942 г. для выканання задач армейскага камандавання з брыгады В.В. Стралкова ў Дубровенскі раён на поўдзень ад чыгункі Смаленск – Орша было

накіравана 25 партызан, а ў Лёзненскі раён былі перакінуты групы Е.М. Пруднікава і П.Ц. Вішнёва. Апошняя да канца лета 1942 г. аб'яднала групы акружэнцаў і мясцовых партызан у раёне вёсак Таранкі і Мопра і аформілася ў атрад [13, л. 129; 14, л. 130; 26, л. 6; 30, л. 121–123, 125].

Віцебская вобласць была першай на акупаванай тэрыторыі Беларусі, дзе сталі разгортвацца партызанскія брыгады. У гэтым працэсе прымалі ўдзел як беларускія, так і смаленскія партызаны. Фарміраванне першых такіх злучэнняў знаходзілася пад пільным кантролем партыйных органаў і армейскага камандавання. У арганізацыі 1-й Беларускай брыгады (камандзір М.П. Шмыроў) непасрэдна ўдзельнічалі сакратар Віцебскага абкама КП(б)Б І.А. Стулаў, прадстаўнікі Паўночна-Заходняй групы ЦК КП(б)Б В.Р. Раманаў і 4-й УА А.Я. Паўлючэнкаў. У склад новай партызанскай адзінкі разам з беларускімі атрадамі ўвайшло смаленскае падраздзяленне, камандзір якога Я.З. Захараў стаў яе начальнікам штаба. Стварэнне брыгады мела важнае значэнне для далейшага развіцця партызанскага руху на тэрыторыі Віцебскай вобласці. На баявую адзінку адразу была ўскладзена задача па ўтрыманні «Віцебскіх варот» [2, с. 337; 22, л. 10; 24, л. 1–3, 4–6, 27, 654; 32, с. 226–227].

Пры фарміраванні брыгады «Аляксея» (камандзір А.Ф. Данукалаў), распачатым у адпаведнасці з рашэннем Ваеннага савета 4-й УА ад 25 красавіка 1942 г., яе аснову складалі смаленскія атрады. На тэрыторыі Лёзненскага раёна спачатку аб'ядналіся атрады «Радзіма» і «Гроза ворагам», якія прыбылі са Смаленшчыны, а таксама атрад «Крэпасць», створаны сумесна смаленскімі партызанамі і беларускімі патрыятычнымі групамі. У канцы мая 1942 г. палову асабовага складу брыгады, якая налічвала 402 чалавекі, складалі ўжо беларусы. Цікавым з'яўляецца факт, што па першым часе брыгада падпарадкоўвалася камандаванню Смаленскага партызанскага злучэння «Баця». Толькі 7 чэрвеня 1942 г. рашэннем Ваеннага савета 4-й УА брыгада была вызначана як самастойная баявая адзінка для дзеянняў у раёне Віцебск – Рудня – Веліж. Асабліваць фарміравання 2-й Смаленскай брыгады заключалася ў тым, што яна пачала арганізоўвацца з вылучанай 1-й Беларускай брыгадай ініцыятыўнай групы ў складзе беларускіх і калінінскіх партызан пад камандаваннем В.В. Стралкова і далучэннем да яе новых партызанскіх адзінак, а таксама жыхароў Рудненскага, Селіжарскага, Панізаўскага раёнаў Смаленскай вобласці. Штаб брыгады (камандзір В.В. Стралкоў) па першым часе знаходзіўся ў вёсцы Аброк у паласе фронту 4-й УА. У фарміраванні брыгады разам з афіцэрамі 8-га аддзялення палітаддзела 4-й УА прымаў удзел прадстаўнік Віцебскага абкама КП(б)Б Г.Д. Рэзнікаў. Сканплектаваныя ў франтавой паласе атрады 2-й Смаленскай брыгады 24 красавіка і 14 мая 1942 г. былі перапраўлены ў тыл праціўніка з задачай уздымаць мясцовае насельніцтва на барацьбу супраць акупантаў, забяспечваць свой колькасны рост і штодзённа наносіць удары па тылавых аб'ектах ворага [2, с. 337; 3, с. 345; 7, с. 86; 19, л. 16; 25, л. 2, 14–15, 19, 159, 368; 33, с. 28].

Сумесная арганізацыйная дзейнасць беларускіх і смаленскіх партызан вясной – летам 1942 г. на тэрыторыі Віцебшчыны садзейнічала гуртаванню савецкіх патрыётаў для барацьбы з германскімі акупантамі. Атрады і брыгады, створаныя сумеснымі намаганнямі партызан Віцебшчыны і Смаленшчыны, базіраваліся ў паласе адказнасці 4-й УА Чырвонай Арміі і дзейнічалі ў яе інтарэсах, наносячы ворагу сур'ёзны ўрон у жывой сіле і тэхніцы. Важнейшай баявой задачай народных месціцаў з'яўлялася нанясенне ўдараў па камунікацыях праціўніка ў трохкутніку дарог Віцебск – Орша – Смаленск, каб арганізаваць крушэнне цягнікоў, мініраваць дарогі, знішчаць базы паліва, зброі, боепрыпасаў і харчоў, рабіць засады. З гэтай мэтай Ваенны савет 4-й УА арганізаваў навучанне падрыўной справе і ўзяў на поўнае забеспячэнне ўсімі відамі ўзбраення і падрыўной тэхнікі не менш за 300 беларускіх і смаленскіх партызан [2, с. 400; 3, с. 345; 15, л. 31, 33, 35, 38; 30, л. 121–123, 125].

Для ўзмацнення баявой дзейнасці на камунікацыях праціўніка на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў рэгіён праз «Суражскія вароты» 12 жніўня 1942 г. прабыў дыверсійны атрад «Перамога» (камандзіры Рыбакоў, К.І. Новікаў), сфарміраваны Гжацкім райкамам ВКП(б) Смаленскай вобласці. Ва ўзаемадзеянні з партызанамі брыгады «Аляксея» смаленскі атрад нанёс шэраг выніковых удараў па камунікацыях праціўніка. Так, 13 верасня 1942 г. партызаны на ўчастку чыгункі Крынкі – Лёзна падарвалі цягнік з карнікамі, а ў канцы лістапада – пачатку снежня 1942 г. разам з беларускімі партызанамі на ўчастку Крынкі – Заольша пусцілі пад адхон тры воінскія эшалоны. Усяго за жнівень – снежнь 1942 г. байцы смаленскага атрада «Перамога» асобна і ва ўзаемадзеянні з падраздзяленнямі брыгады «Аляксея» падарвалі 20 эшалонаў, пяць мастоў, знішчылі больш за 40 аўтамашы. [23, л. 81–91; 33, с. 28].

У другой палове жніўня 1942 г., каб збіць хвалю партызанскіх дыверсій на камунікацыях у трохкутніку дарог Віцебск – Смаленск – Орша, нямецкае камандаванне разгарнула буйную карную аперацыю «Грыф» (16–30.08. 1942). У зоне наступлення акупантаў апынуліся беларускія фарміраванні К.С. Заслонава, А.Ф. Данукалава, К.В. Зюкава, Н.І. Талеркі, К.А. Сінякова, смаленскія падраздзяленні М.В. Антоненкава, М.М. Кузняцова, А.Г. Саўчанкі, А.Ф. Ша-стапалава, І.Е. Чарнышова, атрад 4-й УА на чале з Н.В. Сакаловым і атрада НКУС СССР на чале с Ф.Ф. Азміцелем. Карная акцыя разгортвалася на тэрыторыі, якую кантралявала брыгада К.С. Заслонава, таму камандзір стаў каардынаваць дзеянні брыгад і атрадаў. План барацьбы з карнікамі быў распрацаваны на нарадзе каманднага складу партызанскіх фарміраванняў. Партызаны адбівалі атакі ворага на ўсіх участках абароны. Так, каля вёскі Бабінавічы брыгады А.Ф. Данукалава і К.В. Зюкава ўзаемадзейнічалі са смаленскімі атрадамі М.М. Кузняцова і А.Г. Саўчанкі. Каб пазбегнуць зацяжных баёў з вялікімі сіламі карнікаў, К.С. Заслонаў адвёў партызанскія сілы ў Бабінавіцкія лясы Лёзненскага раёна, дзе атрады занялі кругавую абарону, а 22 жніўня 1942 г. у адпаведнасці з яго ўказаннямі прарвалі блакаду трыма групамі ў розных напрамках [1, с. 180; 2, с. 449; 7, с. 64–68; 19, л. 45].

Разам з дыверсійнай дзейнасцю на камунікацыях у трохкутніку дарог Віцебск – Смаленск – Орша партызаны наносілі ўдары па апорных пунктах праціўніка. Так, смаленскі атрад «Перамога» сумесна з беларускімі падраздзяленнямі правёў у трохкутніку некалькі паспяховых аперацый супраць гарнізонаў. У выніку налёту на немцаў смаленскіх партызан і беларускага атрада імя В.І. Чапаева (камандзір М.П. Ахметчык) 16 жніўня 1942 г. у вёсцы Фокіна

Лёзненскага раёна было забіта 20 і паранена 30 карнікаў. Гэтыя ж атрады падчас удару 20 жніўня 1942 г. па гарнізону Уна на шашы Віцебск – Смаленск знішчылі 40 паліцэйскіх, 26 жніўня 1942 г. разграмілі ўправу ў вёсцы Пагосцішча і ўзялі ў палон 15 паліцэйскіх, а 31 жніўня 1942 г. разбілі нямецка-паліцэйскі гарнізон і ліквідавалі валасную ўправу ў вёсцы Красыні, ліквідаваўшы пры гэтым 30 акупантаў [23, л. 49, 51, 61, 81–83].

У некаторых выпадках смаленскія партызанскія падраздзяленні ў 1942 г. накіроўваліся для разгортвання барацьбы супраць акупантаў на захадзе Віцебшчыны. Атрад «Кастрычнік» (камандзір Ф.К. Юрчанка), створаны ва Усвяцкім раёне Смаленскай вобласці з мясцовага партыйнага і камсамольскага актыву, у сярэдзіне кастрычніка 1942 г. перайшоў лінію фронту і меў заданне прабрацца ў Міёрскі раён. Аднак падчас пераходу ва ўказаны рэгіён атрад пры пераправе Заходняй Дзіны прыняў бой і быў вымушаны падзяліцца на тры групы. У лістападзе 1942 г. групы злучыліся і праводзілі баявыя дзеянні ў Расонскім раёне. У сакавіку 1943 г. атраду ўдалося прабрацца на захад Віцебшчыны. Адна частка падраздзялення на чале з яго камандзірам дыслацыравалася ў вёсцы Глоты Пліскага раёна, а другая пад камандаваннем камісара І.І. Юкшы перайшла ў Міёрскі раён і базіравалася каля хутара Зялёнка. Да канца жніўня 1943 г. падраздзяленне налічвала ў сваіх шэрагах 300 чалавек і разгарнулася ў брыгаду «Кастрычнік» (камандзір Ф.К. Юрчанка) у складзе 4-х атрадаў і ўзвода разведкі [29, л. 50, 52, 57–57а].

Новы этап арганізацыйнай і баявой дзейнасці смаленскіх партызан на Віцебшчыне звязаны з пачаткам перадыслакацыі на яе тэрыторыю з канца 1942 г. на розны час Смаленскай вобласці брыгад і палкоў. У сваёй дакладной ад 1 чэрвеня 1943 г. П.К. Панамарэнку першы сакратар Віцебскага абкама КП(б)Б І.А. Стулаў адзначаў, што з восені 1942 г. чатыры смаленскія брыгады пад камандаваннем І.Р. Шлапакова, І.М. Бадзіна, П.Т. Вішнёва, А.Е. Сакалова колькасцю 250–300 чалавек кожная выйшлі са сваіх раёнаў на Смаленшчыну і знаходзіліся ў Віцебскай вобласці. У дакуменце ўказана, што гэтыя смаленскія фарміраванні не выконваюць загады армейскага камандавання аб вяртанні ў свае раёны. Таму аўтар дакладной прапанаваў кожную з гэтых брыгад падзяліць на два самастойна дзеючыя атрады і выдзеліць 15 дыверсійных груп колькасцю і абавязцаць іх весці дыверсійную работу на важнейшых камунікацыях Смаленск – Орша, Смаленск – Віцебск [16, л. 232].

Заклапочанасць тым, што ў Суражскай партызанскай зоне была сканцэнтавана вялікая колькасць брыгад, атрадаў і груп, дыктавалася тым, што рэгіён становіўся аб'ектам карных аперацый акупантаў. Так здарылася, што ў пачатку лютага 1942 г. у трохкутніку Гарадок – Сураж – Мяжа дыслакавалася 8 беларускіх брыгад, 15-я Смаленская (камандзір І.М. Бадзін), атрад калінінскіх партызан, армейскія і чэкісцкія падраздзяленні (агульная колькасць партызан складала 9–10 тысяч чалавек). Большасць фарміраванняў перабралася сюды яшчэ раней з-за пераследу немцаў і, нягледзячы на ўказанні ЦШПР і Віцебскага абкама КП(б)Б, так і не перайшла ў іншыя рэгіёны. Выкарыстаўшы такую сітуацыю, гітлераўскае камандаванне 12 лютага 1943 г. сіламі да 35 тысяч салдат і афіцэраў разгарнула карную аперацыю пад кодавай назвай «Шаравая маланка». Праз два тыдні ў выніку цяжкіх баёў брыгады былі часткова рассяяны, захоўваючы атрадныя баявыя адзінкі часткова выйшлі з акружэння. Да пачатку сакавіка 1943 г. частка партызанскіх сіл ва ўмовах блакады адбівала атакі карнікаў у раёне Шчалбоўскіх лясоў. У адным з такіх баёў пад кіраўніцтвам камандзіра 15-й Смаленскай брыгады І.М. Бадзіна выйшлі з акружэння да 1500 партызан. За час карнай акцыі партызаны вывелі са строю да 500 акупантаў. У сваю чаргу, з-за розных пралікаў, у тым ліку і ў кіраванні баявымі дзеяннямі партызанскімі сіламі, брыгады і атрады страцілі 384 чалавекі забітымі, 135 параненымі і 1075 прапаўшымі без вестак [1, с. 633–634; 16, л. 206, 214–215; 24, л. 148–155, 171–173, 179–180].

Перадыслакацыя смаленскіх партызанскіх брыгад і Смаленскага палка І.Ф. Садчыкава садзейнічала актывізацыі дыверсійнай дзейнасці народных месціўцаў на камунікацыях ворага на тэрыторыі Віцебшчыны. Большасць аперацый смаленскія брыгады і атрады рыхтавалі і праводзілі разам з беларускімі партызанамі. Пачынаючы з лютага 1943 г. па заданні аператыўнай групы 4-й УА падраздзяленні 17-й Смаленскай брыгады (камандзір Р.І. Капусцін) разам з брыгадай «Аляксея» праводзілі засады на дарогах у Лёзненскім раёне. Паводле плана, распрацаванага камандаваннем Сяненскай партызанскай зоны, беларускія брыгады імя К.С. Заслонова, «Аляксея», П.І. Кірылава, В.С. Лявонава разам з 16-й Смаленскай брыгадай (камандзір І.Р. Шлапакоў) і палком І.Ф. Садчыкава 28 ліпеня 1943 г. разбурылі чыгуначнае палатно ад станцыі Вятны да Чашнікаў і Лепеля. Падчас аперацый «Рэйкавая вайна» (3 жніўня – сярэдзіна верасня 1943 г.) і «Канцэрт» (19 верасня – пачатак лістапада 1943 г.) былі ажыццёўлены сумесныя ўдары па воінскіх эшалонах праціўніка на чыгуначных лініях і станцыях, скаардынаваныя падрывы чыгуначнага палатна, узаемадапамога мінамі, толам, дэтанатарамі. Падраздзяленні палка І.Ф. Садчыкава на чыгуначных лініях Орша – Віцебск і Орша – Лепель за першую дэкаду жніўня 1943 г. падарвалі 4255 рэк. На працягу жніўня 1943 г. у Сяненскім раёне 16-я Смаленская брыгада пусціла пад адхон чатыры эшалоны і падарвала 14 рэк. Падрыўнікі 1-й Смаленскай брыгады (камандзір Н.П. Пятровічаў) восенню 1943 г. сумесна з беларускімі партызанамі правялі шэраг паспяховых дыверсій у раёне станцый Крупкі і Багушэўск [3, с. 346–347; 4, с. 176–178; 6, с. 301–302; 31, с. 62–63, 460–461].

У канцы 1943 г. 16-я Смаленская брыгада і полк І.Ф. Садчыкава разам з пятнаццацю беларускімі брыгадамі па загадзе ЦШПР перайшлі ў Полацка-Лепельскую партызанскую зону. Тут беларускія і смаленскія партызаны не толькі адбівалі атакі карнікаў, але і праводзілі дыверсіі на тылавых камунікацыях 3-й нямецкай танкавай арміі. Ноччу 1 лютага 1944 г. полк І.Ф. Садчыкава сумесна з брыгадамі Д.В. Цябута, В.В. Мельнікава падарвалі на чыгунцы Полацк – Крулеўшчына 2500 рэк і 7 чыгуначных мастоў. Такі маштабны ўдар прывёў да таго, што ў заторы апынулася вялікая колькасць нямецкіх эшалонаў. Па сігналах партызан авіяцыя 1-га Прыбалтыйскага фронту нанесла ўдары па транспарце праціўніка. У ноч на 8 сакавіка 1944 г. група партызан 16-й Смаленскай брыгады ў складзе В. Бугаёвай, В. Кулько, Е. Шупіла, З. Варламавай, Н. Самацветавай пры дапамозе беларускіх партызан падарвала нямецкі эшалон з танкамі, боепрыпасамі, а таксама прычэпны вагон з афіцэрамі. 23 сакавіка

1944 г. беларускія і смаленскія партызаны нанеслі адначасовы ўдар па чыгунцы Полацк – Маладзечна і вузкакалейцы Параф’янава – Беразіно. Толькі за сакавік 1944 г. партызаны зоны падарвалі 7309 рэек, дзевяць чыгуначных мастоў, пусцілі пад адхон 26 эшалонаў. Сваймі актыўнымі дзеяннямі брыгады Полацка-Лепельскай зоны пазбавілі 3-ю нямецкую танкавую армію магчымасці карыстацца дарогай Лепель – Беразіно – Параф’янава са снежня 1943 г. і да пачатку лета 1944 г. [9, с. 297–298; 10, с. 59, 84; 33, с. 31–32].

Смаленскія партызанскія фарміраванні праводзілі дыверсіі на камунікацыях да поўнага вызвалення Віцебшчыны ад германскіх войск. Напярэдадні і ў час Беларускай наступальнай аперацыі смаленскія і беларускія партызаны наносілі скардынаваныя ўдары, каб паралізаваць перавозкі праціўніка па дарогах Полацк – Даўгаўпілс, Полацк – Маладзечна, Орша – Барысаў. Так, 20 чэрвеня 1944 г. Смаленскі полк «13» сумесна з беларускімі партызанамі ліквідаваў ахову і падарваў каля двух кіламетраў палатна на лініі Крупкі – Орша. На працягу 26 чэрвеня 1944 г. батальёны палка І.Ф. Садчыкава на ўчастку Будслаў – Крывічы падарвалі 1170 рэек, забілі і паранілі 10 нямецкіх салдат і афіцэраў. У маі – чэрвені 1944 г. 1-я Смаленская брыгада правяла рэйд па тэрыторыі Бягомльскага, Ушацкага, Лепельскага раёнаў і сумесна з віцебскімі партызанамі нанесла акупантам заўважны ўрон у жывой сіле і тэхніцы. За 25–28 чэрвеня 1944 г. атрады і беларускія падраздзяленні ў раёне Лепеля разам нападлі на калоны праціўніка, якія адступалі па захад [3, с. 347; 5, с. 462, 493–494, 661].

Важнае месца ў баявой дзейнасці смаленскіх брыгад і палкоў на тэрыторыі Віцебшчыны, пачынаючы з вясны 1943 г., займалі ўдары па нямецка-паліцэйскіх гарнізонах. Ужо 11 красавіка 1943 г. 16-я Смаленская брыгада, Смаленскі полк І.Ф. Садчыкава, прыбыўшыя 8 сакавіка 1943 г. па заданні Цэнтра на тэрыторыю Беларусі, сумесна з брыгадай імя К.С. Заслонава напалі на апорныя пункты праціўніка ў Трубаносах, Латыгалі і Нямойце. Акрамя таго, 16-я Смаленская брыгада разграміла буйное падраздзяленне гітлераўцаў у вёсцы Рай, гарнізон у вёсцы Чудня, групу артылерыстаў у населеным пункце Сялец. У жніўні 1943 г. партызанскі полк І.Ф. Садчыкава і атрады брыгады В.С. Лявонава разам напалі на гарнізоны ў населеных пунктах Гарывец Сенненскага раёна, дзе ўзялі ў палон трох немцаў і чатырох паліцэйскіх, забілі 28 гітлераўцаў, і Чарэя Халопеніцкага раёна [3, с. 345; 4, с. 176–178; 18, л. 177, 187].

Для падтрымкі наступальных дзеянняў войск Чырвонай Арміі на віцебскім напрамку восенню 1943 г. і дэзарганізацыі абароны ворага беларускія і смаленскія партызаны па ўказанні ЦШПР і БШПР наносілі ўзгодненыя ўдары вялікамі сіламі па апорных пунктах акупантаў у тыле 3-й нямецкай танкавай арміі. У верасні 1943 г. брыгады Ф.Ф. Дуброўскага і В.С. Лявонава вызвалілі Лукомль, а ў пачатку кастрычніка 1943 г. Смаленскі полк І.Ф. Садчыкава ліквідаваў нямецкі гарнізон у Чарэі. У выніку ліквідацыі гарнізонаў быў адкрыты шлях да аб’яднання Полацка-Лепельскай і Сянно-Аршанскай зон, а таксама нямецкаму камандаванню перакрывалася магчымасць па выкарыстанні дарогі Чашнікі – Чарэя – Бор для перамяшчэння сваіх войск. Усяго за 1943 г. на тэрыторыі Аршанскага, Сенненскага, Чашніцкага і Талочынскага раёнаў Смаленскі полк І.Ф. Садчыкава ўдзельнічаў у разгроме 12 варажых гарнізонаў [3, с. 346; 6, с. 328–329].

У пачатку трэцяй дэкады кастрычніка 1943 г. па загадзе начальніка ЦШПР была праведзена Лепельская аперацыя (напад на гарнізоны ў Лепелі і Чашніках, а таксама на 10 іншых нямецкіх апорных пунктаў). Для гэтага ва ўдарную групу было прыцягнута 9 віцебскіх брыгад і Смаленскі полк І.Ф. Садчыкава. Агульнае кіраванне гэтымі сіламі было ўскладзена на камандзіра Чашніцкай брыгады генерал-маёра Ф.Ф. Дуброўскага. Ударную групу прыкrywалі яшчэ 11 партызанскіх фарміраванняў, у тым ліку 1-я і 16-я Смаленскія брыгады. Партызанскі полк І.Ф. Садчыкава пры падтрымцы брыгад Л.І. Сяліцкага і П.І. Кірылава 20–22 кастрычніка 1943 г. штурмаваў гарнізон Чашнікі, які налічваў да 500 немцаў і «народнікаў» і быў добра ўмацаваны ў інжынерным плане. Падчас баёў за Чашнікі партызаны забілі і паранілі 394 салдат і афіцэраў, падбілі пяць танкаў, разбілі 13 дзотаў. У выніку Лепельскай аперацыі было разгромлена дзевяць апорных пунктаў і моцна падарвана баяздольнасць акупацыйных гарнізонаў Лепеля, Чашнікаў і Бачэйкава, для ўтрымання якіх гітлераўцы былі вымушаны зняць воінскія часці з фронту. Пры гэтым галоўную задачу аперацыі – вызваліць ад ворага Лепель і Чашнікі – выканаць не ўдалося [6, с. 328–330; 8, с. 16–21].

У сувязі з тым, што з канца 1943 г. полк І.Ф. Садчыкава і 16-я Смаленская брыгада выконвалі задачы па абароне Полацка-Лепельскай зоны, аб’ектамі іх удараў становіліся навакольныя гарнізоны праціўніка. Амаль ва ўсіх такіх аперацыях удзельнічала 16-я Смаленская брыгада, якая знаходзілася ў рэзерве аператыўнай групы ЦК КП(б)Б і ЦШПР і перакідвалася на найбольш адказныя ўчасткі абароны зоны. Так, 14 снежня 1943 г. брыгады «Аляксея» і 1-я Антыфашысцкая сумесна з 16-й Смаленскай нанеслі ўдары па некалькіх апорных пунктах у раёне дарогі Пышна – Беразіно і спынілі скразны рух праціўніка па шашы Лепель – Докшыцы. 16 студзеня 1944 г. адзін з батальёнаў палка І.Ф. Садчыкава, 16-я Смаленская і беларускія брыгады М.П. Раманава, В.В. Мельнікава, М.А. Сакмаркіна выбілі карнікаў з населеных пунктаў у раёне Тураспаль – Баброва – Бярозава – Цётча. У ноч з 18 на 19 студзеня 1944 г. пры ўдзеле смаленскіх партызан былі вызвалены вёскі Краснае і Красная Горка ад падраздзяленняў нямецкай 87-й грэнадзёрскай дывізіі, якая ў баях з партызанамі страціла да 15% свайго асабовага складу і была адпраўлена на фронт. 10 сакавіка 1944 г. полк І.Ф. Садчыкава і 16-я Смаленская брыгада разам з брыгадамі імя В.І. Чапаева і М.А. Сакмаркіна вызвалілі ад немцаў населеныя пункты Першае Гарадзішча і Туроўля і тым самым не дазволілі ворагу замацавацца на левым беразе Заходняй Дзвіны. Усяго да канца сакавіка 1944 г. партызанам зоны ўдалося разграміць 37 апорных пунктаў акупантаў [3, с. 110; 9, с. 316; 10, с. 59, 70–71, 78, 123, 267, 270; 33, с. 31–32].

Паводле зробленых падлікаў, у маі – чэрвені 1944 г. беларускія і смаленскія партызаны сумесна разграмілі 16 гарнізонаў пры прарыве блакіраваных карнікамі тэрыторый. Так, 3 мая 1944 г. пры выхадзе з акружанай немцамі Полацка-Лепельскай партызанскай зоны брыгада А.Ф. Данукалава і два атрады 16-й Смаленскай брыгады штурмам авалодалі апорнымі пунктамі ворага ў вёсках Баяры, Бондары, Лапейкі, Піскунова, Каменка, Слабада. 5 мая 1944 г. пры выхадзе з зоны ўдарная група партызан у складзе брыгады імя УЛКСМ, імя С.М. Кароткіна, атрадаў з 16-й Смаленскай брыгады і палка І.Ф. Садчыкава выбіла немцаў з населеных пунктаў Паперына,

Зуі, Новае Сяло і забяспечыла выхад з акружэння асноўных партызанскіх сіл і разам з імі мясцовага насельніцтва [3, с. 140; 5, с. 501–504; 25, л. 402; 10, с. 267, 272, 287].

Гісторыя смаленскіх партызанскіх фарміраванняў на Віцебшчыне ўключае ў сябе барацьбу разам з беларускімі партызанамі супраць карных аперацый праціўніка. Найбольш гераічнай была амаль пяцімесячная абарона Полацка-Лепельскай зоны, функцыянаванне якой займала важнае месца ў планах савецкага камандавання. Сюды былі накіраваны самыя моцныя ўдары акупантаў. Са снежня 1943 г. у абароне зоны ўдзельнічалі 16 партызанскіх фарміраванняў, у тым ліку два смаленскія – 16-я брыгада і полк І.Ф. Садчыкава. Партызанскім злучэннем колькасцю да 17 тысяч чалавек кіравала аператыўная група ЦК КП(б) і ЦШПР на чале з У.Е. Лабанком. За снежань 1943 – сакавік 1944 г. партызаны адбілі сем карных акцый. У боях супраць гітлераўцаў асабліва вызначылася 16-я Смаленская брыгада, якая знаходзілася ў рэзерве аператыўнай групы і накіроўвалася ў раёны найбольш цяжкіх баёў для аказання дапамогі беларускім партызанам. На працягу другой паловы красавіка 1944 г. групоўцы праціўніка цаной вялікіх страт удалося паглыбіцца ў зону і сціснуць лінію кругавой абароны партызан з 230 да 20 кіламетраў. У такой сітуацыі 1 мая 1944 г. партызанскія фарміраванні па загадзе Цэнтра зняліся з абароны для выхаду з акружэння. Рашаючую ролю ў штурме нямецкіх пазіцый разам з беларускімі брыгадамі «Аляксея», імя С.М. Кароткіна, імя УЛКСМ, 1-й Антыфашысцкай адыгралі смаленскія фарміраванні – 16-я Смаленская брыгада і полк І.Ф. Садчыкава [1, с. 120; 3, с. 141; 6, с. 333–341; 10, с. 71, 78–81, 123–124, 160–171, 248–252].

Разам з актыўнай баявой дзейнасцю супраць акупантаў на тэрыторыі Віцебшчыны 1-я і 16-я брыгады, полк І.Ф. Садчыкава ў месцах сваёй дыслакацыі праводзілі работу па далучэнні да партызанскай барацьбы мясцовага насельніцтва. Па прыбыцці на беларускую зямлю ў сакавіку 1943 г. 16-я Смаленская брыгада мела ў сваім складзе чатыры атрады агульнай колькасцю 180 партызан, а ў снежні 1943 г. налічвала восем атрадаў, якія ўключалі да 720 байцоў. У сваю чаргу, полк І.Ф. Садчыкава з ліпеня па кастрычнік 1943 г. колькасцю павялічыўся з 778 да 1270 чалавек, што дазволіла сфарміраваць 4-ы батальён у складзе трох атрадаў, а ў 2-м батальёне быў створаны 10-ы атрад. У складзе 1-й Смаленскай брыгады пасля прыбыцця ў Беларусь у жніўні 1943 г. быў створаны адзін атрад. У выніку цяжкіх баёў па абароне Полацка-Лепельскай зоны (снежань 1943 – пачатак мая 1944 г.) колькасць 16-й Смаленскай брыгады скарацілася да 536 байцоў, а палка І.Ф. Садчыкава – да 844 партызан. Дзякуючы актыўнай арганізацыйнай працы камандавання асабовы склад брыгады і палка за май–чэрвень 1944 г. павялічыўся за кошт мясцовага насельніцтва да 101 і адпаведна 98 партызан. Падчас свайго нядоўгага базіравання на ўсходзе Віцебшчыны вясной – летам 1943 г. таксама папаўнялі свае шэрагі коштам беларускіх патрыётаў 14-я і 17-я Смаленскія брыгады. Агітацыйная і арганізацыйная работы з мясцовым насельніцтвам смаленскіх партызан, з аднаго боку, садзейнічала ўмацаванню іх структур, што дазваляла паспяхова выконваць пастаўленыя баявыя задачы, а з другога, мацвала сувязі з жыхарамі населеных пунктаў і пашырала партызанскі рух на тэрыторыі Віцебшчыны [27, л. 14, 18, 43; 28, л. 1–3, 48, 73; 32, с. 198–200, 317, 320–321, 326–328, 343–344, 348].

Смаленскія партызанскія фарміраванні больш чым за два гады арганізацыйнай і баявой дзейнасці на тэрыторыі Віцебшчыны ўнеслі прыкметны ўклад у разгортванне ўзброенай барацьбы супраць германскіх акупантаў. Сумесна з беларускімі партызанамі ў рэгіёне была праведзена вялікая колькасць аперацый па ліквідацыі асабовага складу захопнікаў і разгроме важных тылавых аб'ектаў немцаў: чыгуначных і шашэйных камунікацый, чыгуначных станцый, гарнізонаў, штабоў, упраў. Тым самым наносіўся заўважны ўрон баяздольнасці часцей вермахта, найперш яго 3-й танкавай арміі, і аказвалася дзейная дапамога войскам Чырвонай Арміі, якія вялі баі з гітлераўскімі захопнікамі на віцебскім напрамку.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыкл. / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева и др.; редкол.: А.Т. Кузьмин и др. – Минск: Беларусь, 1983–1985. – Т. 1 / редкол.: И.М. Игнатенко и др. – 1983. – 591 с.
3. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / Л. Аржаева и др.; редкол.: А.Т. Кузьмин и др. – Минск: Беларусь, 1983–1985. – Т. 3 / редкол.: А.Н. Мацко и др. – 1985. – 531 с.
4. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): документы и материалы: в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН БССР. – Минск: Беларусь 1967–1982. – Т. 2.: Развитие всенародного партизанского движения в Белоруссии на втором этапе войны. – Кн. 2. (июль – декабрь 1943) / Г.Н. Шевела и др. – 1978. – 814 с.
5. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): документы и материалы: в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН БССР. – Минск: Беларусь, 1967–1982. – Т. 3: Всенародное партизанское движения в Белоруссии на завершающем этапе (январь – июль 1944) / сост. З.И. Белуга и др. – 1982. – 792 с.
6. Жилинин Я.А., Позняков И.Б., Лузгин В.И. Без линии фронта – 2-изд., испр. и доп. – Минск: Беларусь, 1979. – 382 с.
7. Лебедев П.Л. Мы – алексеевцы: записки партизанского разведчика. – 3-е изд., доп. и перераб. – Минск: Беларусь, 1985. – 415 с.
8. Літвін А. Лепельская аперацыя 1943 года // Беларус. гіст. часоп. – 2004. – № 2. – С. 12–21.
9. Лобанок В.Е. В боях за Родину. – 3-е доп. изд. – Минск: Беларусь, 1964. – 411 с.
10. Лобанок В.Е. Партизаны принимают бой / лит. запись М.В. Тараткевича. – Минск: Беларусь, 1976. – 320 с.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 74. Л. 8.
12. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 154.
13. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 158.

14. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 175.
15. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 176.
16. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 263.
17. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 306.
18. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 484.
19. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 523.
20. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 638.
21. НАРБ. – Ф. 1391. Воп. 1. Спр. 139.
22. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 3. Спр. 136.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 3. Спр. 179.
24. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 16.
25. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 24.
26. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 50.
27. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 62.
28. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 63.
29. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 79.
30. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 179.
31. Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины, 1941–1943: документы и материалы. – Смоленск : Кн. изд., 1962. – 520 с.
32. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личным составе / А.Л. Манаенков и др. – Минск: Беларусь, 1983. – 765 с.
33. Филимонов А.А., Титов А.Д., Эполетов Н.И. В едином боевом строю: о совместных действиях русских, белорусских, украинских, литовских, латышских, молдавских партизан // Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т ист. Беларуси; ред. А.М. Литвин. – Минск, 2005. – 126 с.

Паступіў 26.09.2022

СМОЛЕНСКИЕ ПАРТИЗАНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБЩИНЫ (1942–1944 гг.): ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И БОЕВОЙ АСПЕКТ

А.А. КРИВОРОТ

(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)

В статье освещается организация и боевая деятельность на территории Витебщины смоленских партизан, направленных в регион для развертывания вооруженной борьбы против гитлеровских оккупантов в 1942–1944 гг., приведены примеры совместных действий витебских и смоленских партизан по созданию отрядов и бригад и участие в этом Витебского обкома КП(б)Б и командования 4-й ударной армии Калининского фронта. Показано, что в 1942 г. основным местом взаимодействия партизан были тыловые объекты противника на белорусской территории в треугольнике дорог Витебск – Орша – Смоленск. Отмечено, что новый этап в боевой деятельности смоленских партизан на Витебщине связан с передислокацией на разные периоды со Смоленской области нескольких бригад (полков). Упомянуты наиболее значимые боевые операции, проведенные совместно витебскими и смоленскими партизанами в разных регионах Витебской области. В выводах констатируется, что смоленские партизанские формирования внесли заметный вклад в разворачивание партизанского движения на Витебщине в годы Великой Отечественной Войны.

Ключевые слова: отряд, блокада, бригада, воинский эшелон, гарнизон, группа, диверсия, коммуникации, карательная операция.

SMOLENSK PARTISAN FORMATIONS ON THE TERRITORY OF VITEBSK REGION (1942 – 1944): ORGANIZATIONAL AND COMBAT ASPECT

A. KRYVAROT

(The Institute of History of the Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article highlights the organizational and combat activities on the territory of the Vitebsk region of Smolensk partisans sent to the region to deploy an armed struggle against the German occupiers in 1942-1944. Examples of joint actions of Vitebsk and Smolensk partisans to create detachments and brigades and the participation in this of the Vitebsk regional committee of the KP(b)b and the command of the 4th shock army of the Kalinin front are given. It is shown that in 1942 the main place of partisan interaction was the enemy's rear facilities on the Belarusian territory in the triangle of the Vitebsk – Orsha – Smolensk roads. The most significant combat operations carried out jointly by Vitebsk and Smolensk partisans in various regions of the Vitebsk region are mentioned. The conclusions state that the Smolensk partisan formations made a significant contribution to the deployment of the partisan movement in the Vitebsk region during the Great Patriotic War.

Keywords: detachment, blockade, brigade, troop train, garrison, group, sabotage, kommunikatsii, punitive operation.

УДК 392:273.2(476.5)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-76-82

СТАРАВЕРСКІЯ АБШЧЫНЫ ВІЦЕБСКОЙ ВОБЛАСЦІ Ў 1945 – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1950-х гг.

канд. гіст. навук, дац. У.Я. АЎСЕЙЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6433-0039>

Артыкул прысвечаны гісторыі стараверскіх абшчын Віцебскай вобласці ў 1945 – першай палове 1950-х гг. На аснове архіўных матэрыялаў разгледжаны іх стан у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе. Гэты перыяд характарызуецца неаднароднасцю дзяржаўна-канфесійнай палітыкі ў савецкай дзяржаве. Калі адразу пасля вайны назіраецца аднаўленне рэлігійнага жыцця, то ўжо ў канцы 1940-х гг. наступае перыяд яго згортвання. У артыкуле прааналізаваны працэсы аднаўлення рэлігійнага жыцця ў стараверскіх абшчынах, разгледжаны працэс іх афіцыйнай рэгістрацыі ў згаданы перыяд, выяўлены змены ў дзяржаўнай палітыцы ў адносінах стараверскіх абшчын рэгіёна ў канцы 1940-х гг. Асабліва ўвага звернута на палітыцы савецкай улады ў пытаннях закрыцця стараверскіх храмаў і спыненні дзейнасці абшчын у канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. Ахарактарызаваны некаторыя дэмаграфічныя паказчыкі, разгледжаны асаблівасці тэрытарыяльнага размяшчэння абшчын і рассялення старавераў у Паўночна-Усходняй Беларусі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе.

Ключавыя словы: стараверы, рэлігійныя абшчыны, этнічныя групы, БССР, Віцебчына, дзяржаўная палітыка.

Уводзіны. Паўночна-Усходні рэгіён Беларусі з’яўляецца адным з гістарычных цэнтраў стараверства ў краіне. За працяглы перыяд на гэтай тэрыторыі сфарміравалася даволі кампактная зона пасялення рускіх старавераў (асноўны масіў населеных пунктаў размяшчаецца ў межах сучасных Полацкага, Віцебскага, Шумілінскага, Бешанковіцкага і Чашніцкага раёнаў Віцебскай вобласці). У беларускай гістарыяграфіі стараверства Усходняга Падзвіння даследавана даволі неаднародна. Калі стараверам рэгіёна ў XIX – пачатку XX ст. яшчэ прысвечаны шэраг прац (у першую чаргу вылучаюцца даследаванні А.А. Гарбацкага [1]), то па іншых перыядах яны практычна адсутнічаюць. Да ліку малараспрацаваных пытанняў адносіцца і гісторыя стараверскіх абшчын у рэгіёне ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі. Некаторыя аспекты гэтай праблематыкі знаходзім толькі ў працы В.У. Дружэнак “Старообрядческие объединения города Витебска в середине 1940-х – середине 1960-х годов” [2].

Мэта дадзенага артыкула – разгледзець стан стараверскіх абшчын Усходняй Віцебшчыны ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе (1945 – сярэдня 1950-х гг.). Рэгіён даследавання будзе складаць тэрыторыя Віцебскай вобласці¹ ў межах таго часу (малюнак 1). Асновай для даследавання стаў комплекс матэрыялаў Дзяржаўнага архіву Віцебскай вобласці (фонды 1439 і 4029).

Малюнак 1. – Віцебская вобласць у 1946–1954 гг.

¹ Віцебская вобласць была ўтворана яшчэ ў 1938 г., але ў 1944 г. яе заходнія раёны (Асвейскі, Ветрынскі, Дрысенскі, Полацкі, Расонскі і Ушацкі) былі далучаны да арганізаванай у гэтым годзе Полацкай вобласці. А праз два гады, у 1946 г., адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Віцебскай вобласці зведаў некаторыя змены (створаны Каханаўскі, Арэхаўскі і Ульскі р-ны).

Асноўная частка. Антырэлігійная палітыка савецкіх улад у 1920-я – 1930-я гг. прывяла да масавага закрыцця стараверскіх храмаў і афіцыйнага спынення дзейнасці іх абшчын на тэрыторыі Паўночна-Усходняй Беларусі. Аднак у часы Вялікай Айчыннай вайны рэлігійнае жыццё ў стараверскіх абшчынах аднаўляецца. У гады вайны зноў адчыніліся храмы і аднавілі сваю дзейнасць амаль усе абшчыны рэгіёна. У пасляваенны перыяд назіраецца больш ліберальная палітыка ў дачыненні да рэлігіі і царквы, чым у даваенны. Былая жорсткая антырэлігійная палітыка была заменена на больш уважаную палітыку “прымірэння”. Лібералізацыя царкоўнага жыцця ў СССР намецілася яшчэ ў часы вайны. Былі нават утвораны адпаведныя структуры, якія ажыццяўлялі сувязь паміж дзяржаўнымі органамі і рэлігійнымі аб’яднаннямі. Так, 14 верасня 1943 г. была прынята пастанова СНК “Аб арганізацыі Савета па справах Рускай Праваслаўнай царквы”. А для ажыццяўлення ўзаемаадносін паміж уладамі і рэлігійнымі аб’яднаннямі, якія не ўваходзілі ў РПЦ, у маі 1944 г. быў утвораны Савет па справах рэлігійных культаў (ССРК). Гэтыя два органы павінны былі каардынаваць і кантраляваць дзейнасць рэлігійных арганізацый. Менавіта апошні адказваў за кантроль над стараверскай царквой у СССР. Акрамя цэнтральнага ССРК на месцах, у т.л. пры СНК БССР (з 1946 г. – пры Савеце Міністраў) і абласных выканкамах, фарміруецца інстытут упаўнаважаных Савета. У гэты перыяд была створана нарматыўна-прававая база, якая давала магчымасць рэлігійным арганізацыям атрымаць афіцыйную рэгістрацыю і дзейнічаць легальна.

Ва ўсходняй частцы Віцебшчыны адразу пасля заканчэння вайны налічвалася значная колькасць стараверскіх абшчын, дзейнасць якіх аднавілася яшчэ ў 1941 г. з пачаткам вайны. Пасля 1945 г. многія абшчыны Віцебскай вобласці накіравалі заявы на афіцыйную рэгістрацыю. Аднак, як сведчаць архіўныя крыніцы, на пачатку ўзніклі некаторыя цяжкасці з іх рэгістрацыяй. Справа ў тым, што ў адпаведнасці з інструктыўным пісьмом ССРК пры СНК СССР ад 22 лютага 1945 г. для рэгістрацыі абшчына павінна была мець святара, зацверджанага адпаведным рэлігійным цэнтрам. А ў якасці такіх прызнаных афіцыйных цэнтраў у гэтай жа інструкцыі гаворка вялася толькі пра старавераў-папоўцаў белакрыніцкага сагласу [12, арк. 16]. Але пераважная большасць стараверскіх супольнасцей рэгіёна ў гэты перыяд былі беспাপоўскімі паморскімі, якія не мелі такіх “цэнтраў”. Гэта асаблівасць выклікала пытанні ва ўпаўнаважанага ССРК па Віцебскай вобласці Ф.М. Ляхава і ў чэрвені 1945 г. ён звяртаўся за тлумачэннямі ў Савет па справах рэлігійных культаў пры СНК БССР: “В связи с тем, что территории Витебской области в исключительном большинстве преобладают старообрядческие религиозные общины поморского направления, так называемые беспоповцы, которые подали заявления об регистрации их общин и ходатайствуют об открытии молитвенного здания. Поэтому прошу Вашего указания о методах регистрации указанных религиозных общин, так как последние <...> своего религиозного центра не имеют. Священники этих религиозных общин никакого духовного образования и подтверждающих документов об их назначении также не имеют, а избираются на общих собраниях верующих” [12, арк. 16]. Гэта акалічнасць, па словах упаўнаважанага, “задерживает своевременное реагирование на ходатайство верующих” [12, арк. 23]. Таму рэгістрацыя стараверскіх абшчын у Віцебскай вобласці пачалася толькі ў другой палове 1945 г.

Як сведчаць архіўныя крыніцы, на працягу другой паловы 1945 г. і першай паловы 1946 г. на тэрыторыі Віцебскай вобласці большасць стараверскіх абшчын была ўжо зарэгістравана (табліца 1). Так, на 1 ліпеня 1946 г. на тэрыторыі Віцебскай вобласці дзейнічала 11 зарэгістраваных абшчын, яшчэ 5 былі незарэгістраваныя. Усе гэтыя абшчыны размяшчаліся ў Сіроцінскім (7), Чашніцкім (3), Бешанковіцкім (3), Віцебскім (1) раёнах і г. Віцебску (2). Разам з тым, па сведчанні афіцыйных улад, у в. Слабада Бешанковіцкага р-на існавалі яшчэ 2 групы старавераў (адна беспাপоўцаў-паморцаў, а другая папоўцаў белакрыніцкага сагласу), але намаганняў па рэгістрацыі абшчын яны не прадпрымалі [13, арк. 20].

Табліца 1. – Стараверскія абшчыны на тэрыторыі Віцебскай вобласці (па стану на 1 ліпеня 1946 г.)

№	Месцазнаходжанне абшчыны	Наяўнасць (+) / адсутнасць (–) малітоўнага дома	Колькасць вернікаў	Дата рэгістрацыі (калі маецца)
<i>Чашніцкі р-н</i>				
1	в. Зазерыца	+	59	25.06.1946
2	в. Бор	–	45	не зарэгістравана
3	в. Должыца	–	37	не зарэгістравана
<i>Сіроцінскі р-н</i>				
4	в. Латкова	+	100	не зарэгістравана
5	в. Сідараўшчына	–	120	не зарэгістравана
6	в. Жалудова	–	200	не зарэгістравана
7	в. Добрына	–	200	12.12.1945
8	в. Забор’е	+	89	25.06.1945
9	в. Плюшчоўка	+	152	05.12.1945
10	пас. Шуміліна	+	160	12.12.1945
<i>Бешанковіцкі р-н</i>				
11	в. Светагорава	+	57	12.06.1946
12	в. Застарынне	+	107	20.12.1945
13	в. Плісы	+	300	20.06.1946
<i>Віцебскі р-н</i>				
14	в. Грышаны	+	210	25.08.1945
<i>г. Віцебск</i>				
15	г. Віцебск, “Юр’ева Горка”	+	120	20.08.1945
16	г. Віцебск, Тарны камбінат	+	80	27.12.1945

Крыніца: складзена аўтарам на аснове [13, арк. 18-20].

Як вынікае з аналізу архіўных матэрыялаў, адной з галоўных прычын, па якой не адбывалася афіцыйная рэгістрацыя шэрагу стараверскіх абшчын, з'яўлялася адсутнасць малітоўнага дома. Таму нярэдка не толькі ў першыя пасляваенныя гады, але і на працягу наступных перыядаў адсутнасць у старавераў асобнага малітоўнага памяшкання з'яўлялася перашкодай да рэгістрацыі, або прычынай зняцця з рэгістрацыі абшчын, якія раней былі зарэгістраваны. Аднак ужо да канца 1946 г. большасць абшчын Віцебскай вобласці была зарэгістраванай. За апошнія два месяцы 1946 г. афіцыйную рэгістрацыю атрымалі абшчыны ў в. Бор Чашніцкага раёна, вв. Латкова, Сідараўшчына і Жалудова Сіроцінскага раёна. Такім чынам, на канец 1946 г. на тэрыторыі Віцебскай вобласці было зарэгістравана 15 абшчын старавераў-беспапоўцаў, якія дзейнічалі ў Сіроцінскім раёне (6), Чашніцкім (2), Бешанковіцкім (4), Ульскім (1), Віцебскім раёне (1) і г. Віцебску (2) [14, арк. 19]. Такім чынам, на працягу 1945–1946 гг. на тэрыторыі Віцебскай вобласці амаль усе дзеючыя абшчыны атрымалі рэгістрацыю. Толькі Должыцкая абшчына ў Чашніцкім раёне не была зарэгістравана. Пры гэтым трэба заўважыць, што не ўсе з зарэгістраваных абшчын мелі ў гэты час асобныя храмы. Так, згодна з данымі ўпаўнаважанага па Віцебскай вобласці за II квартал 1947 г., шэраг абшчын сваіх храмаў не мелі і арэндавалі малітоўныя памяшканні, якія адначасова з'яўляліся і жылымі дамамі. Такая сітуацыя была характэрна для старавераў у пас. Шуміліна, вв. Добрына і Забор'е Сіроцінскага раёна. Але пры гэтым адзначалася, што Сідараўшчынская, Добрынская і Шумілінская абшчыны будуць малітоўныя дамы [14, арк. 19].

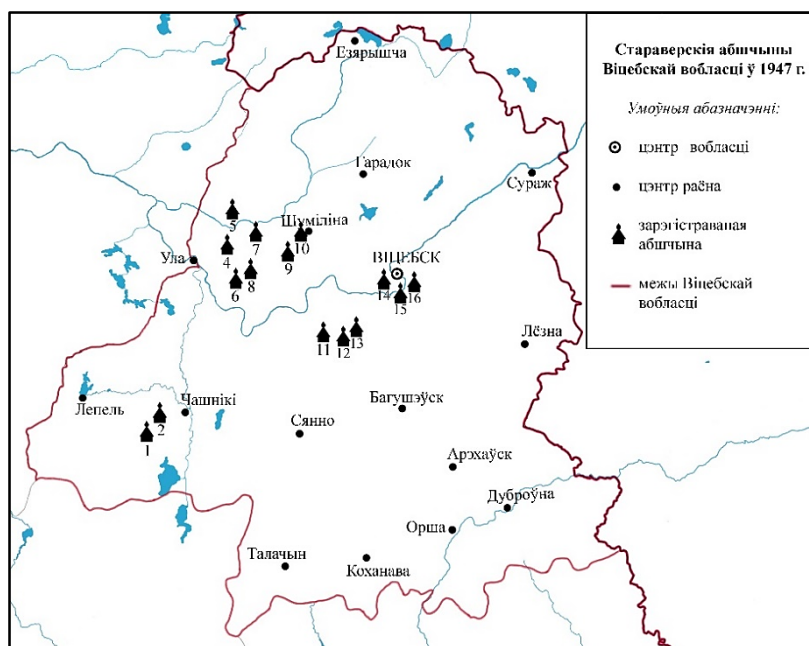
У гэты перыяд у вобласці агульная колькасць вернікаў-старавераў, як вынікае з афіцыйных падлікаў, была даволі малой. Так, на сярэдзін 1946 г. у вобласці іх налічвалася толькі 2 036 чалавек (гл. табліцу 1). Афіцыйная статыстыка за наступны 1947 г. прадстаўляла прыкладна такую ж колькасць (амаль па ўсіх абшчынах вобласці пададзены такія ж даныя, як і за 1946 г.). Толькі ў абшчыне в. Забор'е Сіроцінскага раёна колькасць вернікаў павялічылася з 89 чалавек у 1946 г. да 150 у 1947 г. [14, арк. 21–23]. Аднак, як вынікае з аналізу гэтых даных, такая афіцыйная колькасць прыхажан значна ніжэйшая за рэальную колькасць стараверскага насельніцтва на тэрыторыі вобласці. Па-першае, ва ўсіх гэтых даных гаворка вядзецца выключна пра прыхажан абшчыны, а не прадстаўнікоў этнаканфесійнай супольнасці канкрэтнай мясцовасці. Па-другое, звяртае на сябе ўвагу ўмоўнасць (прыблізная акругленая колькасць) даных. А ў тых выпадках, дзе лічбы прадстаўлены не акругленыя, часцей гаворка вядзецца пра афіцыйна прадстаўленую ў дакументах абшчыны колькасць прыхажан, якая часта не адпавядала рэальнай колькасці прыхільнікаў старых абрадаў. Нярэдка, гэта лічба фарміравалася на аснове колькасці вернікаў, якія падпісалі заяву на рэгістрацыю абшчыны. Так, у Застарынскай абшчыне Бешанковіцкага раёна афіцыйныя даныя на 1946 і 1947 гг. сведчылі толькі пра 107 прыхажан. У той жа час заяву на рэгістрацыю абшчыны, пададзеную ў 1945 г., падпісалі ўсё тыя ж 107 чалавек. Такая ж колькасць вернікаў прысутнічала і на агульным сходзе абшчыны, дзе і прымалася рашэнне аб яе рэгістрацыі [3, арк. 2, арк. 6-7аб]. А паколькі рэгістрацыя рэлігійнага аб'яднання была магчымай, калі яго колькасць была не менш за 20 чалавек, то і колькасць падпісаўшых заяву на рэгістрацыю часта была невялікай.

Па-трэцяе, на аснове аналізу архіўных крыніц становіцца відавочным паўсюднае заніжэнне колькасці вернікаў-старавераў у справаздачах ўпаўнаважаных ССРК у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе. Але нават у гэтых справаздачах нярэдка ўказвалася куды большая колькасць прыхільнікаў старых абрадаў. Так, згодна з данымі на 1946 і 1947 гг., у Добрынскай абшчыне налічвалася 160 членаў, у Шумілінскай – 160, у Сідараўшчынскай – 120. У той жа час даныя з іншай справаздачы за 1947 г. падаюць куды большыя лічбы. Згодна з імі Добрынская абшчына налічвала 400 гаспадарак, Шумілінская – 250, Сідараўшчынская – 150 [АВВ, ф. 4029. Воп. 2., спр. 3., арк. 19]. Паўсюднае заніжэнне колькасці стараверскага насельніцтва праяўляецца і пры аналізе афіцыйных даных больш позніх перыядаў. У гэтым плане даволі паказальны прыклад з колькасцю вернікаў у Светагораўскай абшчыне Бешанковіцкага раёна. У канцы 1950-х гг. у спісе вернікаў значылася звыш 400 чалавек (гэта ўжо пасля аб'яднання з Пліскай і Застарынскай абшчынамі). Аднак у афіцыйных крыніцах гэтага перыяду колькасць вернікаў, якія наведваюць храм на святы, складала толькі каля 150–200 чалавек [4, арк. 24-27аб, арк. 43].

На малюнку 2 прадстаўлена геаграфія размяшчэння зарэгістраваных стараверскіх абшчын на тэрыторыі Віцебскай вобласці па стане на пачатак 1947 г. Як вынікае з аналізу крыніц, у гэты перыяд у рэгіёне функцыянавалі ранейшыя гістарычныя цэнтры стараверства, а асноўныя рэгіёны кампактнага пражывання старавераў (і дзейнасці іх абшчын) па-ранейшаму размяшчаліся на тых жа тэрыторыях (у адпаведнасці з адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам 1945–1954 гг. гэта Сіроцінскі, Бешанковіцкі, Чашніцкі і Віцебскі р-ны).

У пасляваенны перыяд значным цэнтрам стараверства ў рэгіёне заставаўся г. Віцебск. У горадзе ў гэты час дзейнічала дзве зарэгістраваныя абшчыны старавераў-беспапоўцаў і дзве незарэгістраваныя (адна беспапоўцаў і адна – папоўцаў белакрыніцкага сагласу). Яшчэ адна абшчына старавераў-беспапоўцаў функцыянавала ў в. Грышаны (каля самага Віцебска).

Найбольш значным цэнтрам стараверства ў пасляваенны перыяд у Віцебску была абшчына на тэрыторыі Чыгуначнага раёна. У народзе гэты раён атрымаў назву “Юр'ева Горка”, а таму ў дакументах гэта стараверскае рэлігійнае аб'яднанне часта ўказвалася з такой жа назвай. Рэлігійнае аб'яднанне было зарэгістравана яшчэ ў 1945 г. Малітоўны дом, які размяшчаўся па адрасе вул. 3-я Малатава, № 1, пры савецкай уладзе афіцыйна пачаў працу з кастрычніка 1944 г. У гэты перыяд духоўным настаўнікам быў Васіль Цімафеевіч Мінін, а з 1948 г. – Васіль Іванавіч Красікаў [8, арк. 13]. У пасляваенны перыяд у Чыгуначным раёне Віцебска функцыянавалі і стараверскія могілкі [8, арк. 12]. Афіцыйныя крыніцы паведамляюць пра даволі малую колькасць членаў гэтай абшчыны: па даных 1946 г. – 120 чалавек (гл. табліцу 1). Гэта стараверская абшчына была адзінай, якая заставалася афіцыйна зарэгістраванай у горадзе ў 1950-я – 1980-я гг.

Малюнак 2. – Карта-схема размяшчэння стараверскіх абшчынаў на тэрыторыі Віцебскай вобласці па даных на 1947 г.

Заўвага: складзена аўтарам на аснове [14, арк. 21–23]; нумары на карце адпавядаюць парадкаваму нумару ў табліцы 1).

У тым жа 1945 г. у Віцебску была зарэгістравана яшчэ адна стараверская абшчына ў раёне Тарнага камбіната (малітоўны дом знаходзіўся па адрасе вул. 4-я Тарная, дом к-8). Па колькасці прыхажан гэта абшчына была меншая, чым на “Юр’вай Горцы”: згодна з афіцыйнымі данымі на 1946 г. – 80 чалавек (гл. табліцу 1). Аднак ужо ў 1948 г. абшчына спыняе сваю дзейнасць (спачатку была накладзена часовая забарона, а потым і поўная). Фармальнай перашкодай для далейшай дзейнасці абшчыны стала адабранне ў яе малітоўнага дома. Стараверская абшчына гэты дом набывала ў 1942 г., у часы нямецкай акупацыі, а таму ў афіцыйных дакументах пасляваеннага перыяду гэта набыццё характарызаваўся як заняцце “без должных оснований”. І ў выніку суд вынес рашэнне вярнуць гэты дом былому ўладальніку [9, арк. 3, арк. 6].

Яшчэ адна абшчына (“Узгорская”) старавераў-беспапоўцаў дзейнічала ў Віцебску ў раёне швейнай фабрыкі “Сцяг індустрыялізацыі”. Яна функцыянавала да 1932 г., калі яе храм быў зачынены Віцебскім гарсаветам. З пачаткам вайны храм ізноў быў адчынены і ў 1941 г., у ім быў нават праведзены капітальны рамонт [6, арк. 21], аднак пасля вайны храм быў заняты пад жыллё рабочымі швейнай фабрыкі. У сваю чаргу прыхажане абшчыны звярталіся да ўладаў з просьбамі вярнуць ім храм ці выдзеліць іншае памяшканне для правядзення богаслужэнняў [7, арк. 31]. 6 жніўня 1946 г. выканаўчы камітэт Віцебскага аблсавета дэпутатаў працоўных канчаткова адмовіў у хадаўніцтве Узгорскай абшчыне. У якасці аргументацыі было ўказана тое, што ў Віцебску ўжо маюцца два стараверскія храмы: “Исходя из того, что в г. Витебске уже функционируют два молитвенных дома общины поморцев-беспоповцев на “Юрьевой горке” и “Тарном комбинате”, которые имеют полную возможность обслуживать всех верующих гор. Витебска” [7, арк. 32].

Такім чынам, ужо ў канцы 1940-х гг. у Віцебску засталася толькі адна зарэгістраваная стараверская абшчына – абшчына беспапоўцаў паморскага сагласу на “Юр’вай Горцы”. Да яе таксама была далучана і абшчына ў в. Грышаны Віцебскага раёна [9, арк. 21].

У пасляваенны перыяд у Віцебску фіксавалася і абшчына старавераў-папоўцаў белакрыніцкага сагласу. Як вынікае з крыніц, яна дзейнічала да 1932 г., а потым была знята з рэгістрацыі. У перыяд акупацыі гэта абшчына аднавіла сваю дзейнасць і функцыянавала да 1944 г. [5, арк. 3]. Абшчына ў першыя пасляваенныя гады не была зарэгістравана. Заява на рэгістрацыю ад вернікаў-старавераў белакрыніцкага сагласу г. Віцебска і ваколц паступіла толькі ў 1954 г. [10, арк. 16–16адв.]. Аднак у рэгістрацыі ім было адмоўлена. У якасці прычын адмовы выступіла тое, што абшчына не мае малітоўнага дома [15, арк. 86, арк. 87]. Разам з тым, пры правярцы подпісаў, пастаўленых пад заявай на рэгістрацыю, выявіліся факты іх падробкі [10, арк. 51–51адв.]. У наступныя гады абшчына прадпрымала спробы атрымаць афіцыйны статус. І толькі ў 1989 г. быў дадзены дазвол на рэгістрацыю, а ў 1991 г. яна была зарэгістравана [3, арк. 8, арк. 12, арк. 13].

У Паўночна-Усходняй Беларусі адным з гістарычных цэнтраў стараверства з’яўляецца тэрыторыя сучаснага Шумілінскага р-на (да 1961 г. меў назву Сіроцінскага р-на). Па-ранейшаму, рэгіён з’яўляўся адным з лідараў як па колькасці стараверскага насельніцтва, так і па ліку іх рэлігійных аб’яднанняў. На 1945 г. у межах раёна налічвалася 7 стараверскіх абшчын (у вв. Добрына, Плюшчоўка, Забор’е, Латкова, Сідараўшчына, Жалудова, пас. Шуміліна). Згодна з данымі на 1946 г. у Сіроцінскім раёне налічвалася 6 стараверскіх абшчын (у сувязі з адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі зменамі ў 1946 г. абшчына ў в. Жалудова стала адносіцца да Ульскага р-на). Да канца 1946 г. усе шэсць стараверскіх абшчын раёна былі зарэгістраваны.

Як вынікае з аналізу матэрыялаў, стараверы даволі кампактна прыжывалі ў межах Сіроцінскага раёна. Своеасаблівым цэнтрам стараверства ў раёне быў Лаўжанскі с/с, на тэрыторыі якога дзейнічала 3 абшчыны (Латкоўская, Добрынская і Сідараўшчынская). У сваю чаргу, Плюшчоўская абшчына размяшчалася ў Амбросавіцкім с/с, а Заборская – у Дабейскім. Сітуацыю з рассяленнем старавераў у межах раёна ілюструюць і функцыянуючыя ў той час могілкі. Так, згодна з данымі на 1946 г., у Сіроцінскім раёне налічвалася 13 стараверскіх могілак, з іх у Лаўжанскім с/с – 4, Спаскім с/с – 2, Дабейскім с/с – 2, Шумілінскім с/с – 2, Амбросавіцкім с/с – 1, Обальскім – 1, Казьянскім с/с – 1 [7, арк. 13].

Ужо з канца 1947 г. назіраюцца намаганні ўлад па аб'яднанні геаграфічна блізкіх стараверскіх абшчын на тэрыторыі Сіроцінскага раёна. Так, 18 снежня 1947 г. ад упаўнаважанага ССРК па БССР К. Уласевіча ў адрас старшыні Сіроцінскага райвыканкама паступіў загад аб закрыцці стараверскага малітоўнага памяшкання ў в. Сідараўшчына. У якасці аргументацыі закрыцця ўказвалася, што Сідараўшчынская абшчына была знята з рэгістрацыі. Прычынай зняцця стала тое, што на невялікай адлегласці ад яе ў в. Латкова ёсць стараверскі храм, “что вполне удовлетворяет религиозные потребности двух обществ”. Адначасова рэкамендавалася прапанаваць царкоўнаму савету Сідараўшчынскай абшчыны аб'яднацца з Латкоўскай [8, арк. 18]. У якасці яшчэ адной фармальнай прычыны зняцця з рэгістрацыі Сідараўшчынскай абшчыны ўказвалася тое, што раней яе прыхажане належылі да Латкоўскай (што не адпавядае фактам). Таксама ў якасці распаўсюджанай на той час прычыны стала адсутнасць у абшчыны храма (богаслужэнне адбывалася ў арэндным жылым доме) [14, арк. 10]. Пры гэтым нават у афіцыйных справаздачах указвалася, што абшчына ўжо набыла зруб для будучага храма [14, арк. 10–11]. У выніку 5 лютага 1948 г. Сіроцінскі райвыканкам прыняў рашэнне аб закрыцці маленнай і спыненні дзейнасці абшчыны, а малітоўны дом мусіў быць перададзены сельскаму савету для выкарыстання яго пад культурна-асветніцкую ўстанову [9, арк. 2]. Мерапрыемствы па ліквідацыі стараверскіх аб'яднанняў у Сіроцінскім раёне прывілі да таго, што ўжо на пачатак 1948 г. тут засталіся дзейнічаць толькі 3 зарэгістраваныя абшчыны (у вв. Непароты (Плюшчоўка), Забор'е і Латкова), але і яны зведалі прыцясненні. З 10 лютага 1948 г. на іх была накладзена забарона на правядзенне богаслужэнняў, паколькі абшчыны не заключылі тыпавыя дамовы на малітоўныя памяшканні [9, арк. 4]. Аднак перашкоды па заключэнні дамоў на перадачу царкоўнай маёмасці ў карыстанне вернікаў чыніліся з боку раённых улад (райвыканкам не адпраўляў свайго ўпаўнаважанага заключаць дамовы). У адказ прадстаўнікі стараверскіх абшчын нават прыбылі ў Мінск са скаргай [9, арк. 10].

Нягледзячы на ўказанне ССРК на заключэнне дамоў, мясцовыя органы Сіроцінскага раёна гэтаму ўсяляк супраціўляліся. У якасці аргументацыі ў адмове на заключэнне дамоў указвалася тое, што да вайны ўсе гэтыя памяшканні належылі калгасам і толькі ў час вайны яны былі заняты пад малітоўныя дамы, таму мясцовыя ўлады хадайнічалі аб адмене гэтага ўказання [9, арк. 12]. Пры гэтым былі падрыхтаваны адпаведныя даведкі, дзе гаварылася, што малітоўныя дамы вышэйпералічаных абшчын у даваенны перыяд былі ва ўласнасці калгасаў. Так, згодна з даведкай, Латкоўскі малітоўны дом займаў памяшканне калгаснага свірна, які быў перададзены немцамі ў перыяд акупацыі, а малітоўны дом, які займала стараверская абшчына ў в. Непароты, у 1939 г. быў перавезены з в. Плюшчоўка і прыстасаваны пад калгасны клуб. У 1942 г. у час акупацыі ён быў перададзены стараверскай абшчыне. У памяшканні, занятым стараверскай абшчынай в. Забор'е, да вайны размяшчалася школа, а ў час акупацыі яна была перададзена пад малітоўны дом [9, арк. 23]. Разам з тым, была падрыхтавана дакладная, у якой гаварылася, што ў Забор'і няма іншага памяшкання для школы [9, арк. 18]. У адказ на прашэнні мясцовых улад упаўнаважаны ССРК па БССР 13 сакавіка 1948 г. паведаміў, што ім былі ўжо раней аб'яднаныя абшчыны в. Жалудова (у той час ужо Ульскага р-на) і в. Забор'е зыходзячы з таго, што ў апошняй маецца малітоўны дом, аднак, паколькі ў Забор'і няма будынка для школы, то ён не супраць каб пад яе перадалі стараверскую царкву. У той жа час упаўнаважаны пастанавіў заключыць дамовы з абшчынамі ў вв. Латкова і Непароты [9, арк. 18]. У гэтым жа годзе малітоўны дом у в. Забор'е быў аддадзены пад школу [9, арк. 25], а ў хуткім часе стараверскія абшчыны ў вв. Латкова і Непароты таксама спынілі сваё афіцыйнае існаванне.

У пасляваенны перыяд значная колькасць старавераў пражывала ў межах Бешанковіцкага раёна. На яго тэрыторыі функцыянавалі тры стараверскія абшчыны (у вв. Застарынне, Плісы і Светагорава), якія размяшчаліся даволі блізка адна да адной (гл. малюнак 2). На працягу 1945–1946 гг. усе яны былі зарэгістраваны. Па даных на 1946 г. у Бешанковіцкім раёне дзейнічалі 11 стараверскіх могілак [7, арк. 14]. Як і ў выпадку з Сіроцінскім раёнам, ужо ў канцы 1947 г. прадпрымаліся спробы па закрыцці стараверскіх абшчын на тэрыторыі раёна. У выніку, усе тры абшчыны былі аб'яднаны ў адну з цэнтрам у в. Светагорава. Так, 18 снежня 1947 г. ад упаўнаважанага па БССР у адрас выканкама Бешанковіцкага р-на было накіравана пісьмо (амаль такое ж, як і ў адрас Сідараўшчынскай абшчыны Сіроцінскага р-на). У ім рэкамендавалася аб'яднаць абшчыны ў в. Плісы і в. Светагорава, паколькі ў першай адсутнічае асобнае малітоўнае памяшканне, а лесамагэрыя, які Пліская абшчына набыла для будаўніцтва царквы, рэкамендавалася перадаць мясцоваму сельсавету для пабудовы культурна-асветніцкай установы [8, арк. 19]. Выканкам Бешанковіцкага райсавета рашэннем ад 25 лютага 1948 г. спыніў дзейнасць стараверскай абшчыны ў в. Плісы [9, арк. 9]. У выніку Пліская абшчына была далучана да Светагораўскай. У 1950 г. Светагораўская абшчына была перарэгістравана [4, арк. 18] і праіснавала амаль да канца 1960-х гг. 18 снежня 1968 г. яна была знятая з рэгістрацыі, а памяшканне царквы мусілі перадаць пад патрэбы мясцовага клуба [4, арк. 83, арк. 79].

На тэрыторыі Чашніцкага раёна ў сярэдзіне 1940-х гг. дзейнічала тры стараверскія абшчыны (усе ў межах Цяпінскага с/с). З іх дзве абшчыны былі зарэгістраваныя ў 1946 г. (у в. Зазерыца і в. Бор). У той жа час абшчына

ў в. Должыца так і не была зарэгістраваная. На тэрыторыі раёна ў гэты час функцыянавалі 7 стараверскіх могілак [6, арк. 4]. У маі 1946 г. стараверы в. Должыцы таксама падалі заяву на рэгістрацыю абшчыны на адрас упаўнаважанага па Віцебскай вобласці з просьбай зарэгістраваць малітоўнае памяшканне ў прыватным доме: “так как наша церковь была сожжена в 1923 году и до этого времени церкви не имеется. Просим удовлетворить нашу просьбу, дать нам возможность исполнять свой обряд в доме Красавина Варфоломея Лукьяновича” [7, арк. 16]. Але, як сведчаць архіўныя матэрыялы, абшчына так і не была зарэгістравана. У хуткім часе спынілі сваю афіцыйную дзейнасць і абшчыны ў вв. Бор і Зазерыца.

Такім чынам, ужо з канца 1947 г. як з боку Савета па справах рэлігійных культаў па БССР, яго ўпаўнаважанага па Віцебскай вобласці, так і з боку мясцовых органаў улады назіраецца актыўная дзейнасць па закрыцці стараверскіх храмаў і спыненні дзейнасці іх абшчын. У выніку, у канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. па Віцебскай вобласці былі знятыя з рэгістрацыі абшчыны ў Ульскім р-не (в. Жалудова), Сіроцінскім р-не (вв. Добрына, в. Сідараўшчына, в. Латкова, пас. Шуміліна, в. Плюшчаўка, в. Забор’е), Бешанковіцкім р-не (в. Застарыне), Чашніцкім р-не (в. Бор, в. Зазерыца), у г. Віцебску (“Тарны камбінат”) і Віцебскім р-не (в. Грышаны) [10, арк. 6–бадв.]. Такім чынам, у 1954 г. па вобласці засталіся толькі дзве зарэгістраваныя стараверскія абшчыны: у г. Віцебску і в. Светагарава Бешанковіцкага раёна. Пасля ўваходжання ў гэтым жа 1954 г. у склад Віцебскай вобласці Полацкага раёна іх колькасць павялічылася да трох (дадалася абшчына ў г. Полацку). Згодна з афіцыйнымі данымі, у гэты час Віцебская абшчына налічвала 500 вернікаў, Полацкая – 60, Светагорская – 400 [15, арк. 84]. Згодна з афіцыйнымі данымі, на 1 студзеня 1955 г. па Віцебскай вобласці налічвалася 1 320 вернікаў-старавераў [16, арк. 22].

Нягледзячы на спыненне афіцыйнай дзейнасці, у 1950-я гг. многія стараверскія абшчыны працягвалі працаваць “нелегальна”. Па афіцыйных даных, у сярэдзіне 1950-х гг. у вобласці дзейнічалі тры незарэгістраваныя групы вернікаў: 1) стараверы-папоўцы ў г. Віцебску; 2) стараверы-беспапоўцы ў Сіроцінскім раёне; 3) стараверы ў вв. Бор, Должыца, Зазерыца Чашніцкага р-на. Згодна з інфармацыяй на 1957 г., агульная колькасць вернікаў гэтых трох груп складала 520 чалавек (200 з іх складалі стараверы-папоўцы ў г. Віцебску, 200 налічвалася ў Сіроцінскім раёне і яшчэ 120 чалавек у Чашніцкім раёне) [17, арк. 30]. Аднак такая іх колькасць падаецца заніжанай. У тых жа самых справах упаўнаважанага сустракаем значна большую колькасць старавераў. Так, згодна з афіцыйнымі данымі, толькі ў Шуміліна ў гэты час пражывала каля 200 стараверскіх сем’яў [17, арк. 68], а ў в. Забор’е і в. Добрына Сіроцінскага р-на на вялікія святы на маленні збіраецца 150–200 чалавек [17, арк. 1].

Як вынікае з аналізу архіўных дакументаў, асабліваю актыўнасць у гэты час праяўлялі стараверы Сіроцінскага раёна. Нават прадпрымаліся спробы па аднаўленні дзейнасці храмаў і рэгістрацыі абшчын. Так, у в. Лоўжа Сіроцінскага р-на група вернікаў старавераў сабрала грошы, на якія набыла будынак пад малітоўны дом, і пачала набываць іконы, але райвыканкам забараніў афармляць будынак пад малітоўны дом і яго былі вымушаны прадаць [17, арк. 1–2]. У пасёлку Шуміліна ад імя старавераў звярталася група вернікаў з просьбай аб рэгістрацыі рэлігійнай абшчыны і набыцці ці арэнды памяшкання для малітоўнага дома. Упаўнаважаны рэкамендаваў звярнуцца ў райвыканкам, які ў просьбе дома адмовіў [18, арк. 68].

Заклучэнне. Такім чынам, на аснове аналізу крыніц прыходзім да наступных высноў.

У першае пасляваеннае дзесяцігоддзе тэрыторыя Паўночна-Усходняй Беларусі па-ранейшаму з’яўлялася важным цэнтрам стараверства. У рэгіёне ў гэты перыяд налічвалася значная колькасць стараверскіх абшчын, дзейнасць якіх аднавілася яшчэ ў часы вайны. Усе яны размяшчаліся ў межах Сіроцінскага, Чашніцкага, Бешанковіцкага, Віцебскага раёнаў і г. Віцебска. Ва ўзаемаадносінах органаў улады і стараверскіх абшчын рэгіён у 1945 – сярэдзіне 1950-х гг. характэрны тым жа тэндэнцыям, што і ў цэлым па СССР. Лібералізацыя дзяржаўна-рэлігійнага курсу ў першыя пасляваенныя гады прывяла да таго, што большасць стараверскіх аб’яднанняў Віцебскай вобласці атрымала афіцыйную рэгістрацыю на працягу 1945–1946 гг. (усяго было зарэгістравана 15 абшчын). Аднак з канца 1947 г. назіраецца ўзмацненне антырэлігійнай кампаніі ў краіне, што прывяло да зачынення стараверскіх храмаў і зняцця абшчын з рэгістрацыі (у шэрагу выпадкаў праз аб’яднанне ў адну геаграфічна блізкіх абшчын). Ужо на 1954 г. у межах Віцебскай вобласці засталіся дзейнічаць толькі дзве стараверскія абшчыны (у г. Віцебску і в. Светагарава Бешанковіцкага р-на), а пасля ўваходжання ў 1954 г. у склад вобласці Полацкага раёна іх колькасць павялічылася да трох (дадалася абшчына ў г. Полацку).

ЛІТАРАТУРА

1. Гарбацкі А.А. Стараабраднасць на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст. – Брэст: БрДУ, 1999. – 202 с.
2. Друзенок О.В. Старообрядческие объединения города Витебска в середине 1940-х – середине 1960-х годов // Пічэтаўскія чытанні – 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 27–28 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Д. Кароль (гал. рэд.) і інш.; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. – Мінск: БДУ, 2021. – С. 226–232.
3. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 149.
4. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 151.
5. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 152.
6. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 1.
7. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 2.
8. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 3.

9. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 4.
10. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 5.
11. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 6.
12. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 2. Спр. 1.
13. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 2. Спр. 2.
14. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 2. Спр. 3.
15. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 2. Спр. 4.
16. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 2. Спр. 5.
17. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 2. Спр. 7.
18. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 2. Спр. 8.

Паступіў 23.06.2022

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

В.Е. ОВСЕЙЧИК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Статья посвящена истории старообрядческих общин Витебской области в 1945 – первой половине 1950-х гг. На основе архивных материалов рассмотрено их состояние в первое послевоенное десятилетие. Этот период характеризуется неоднородностью государственно-конфессиональной политики в советском государстве. Если сразу после войны наблюдается восстановление религиозной жизни, то уже в конце 1940-х гг. наступает период ее свертывания. В статье проанализированы процессы восстановления религиозной жизни в старообрядческих общинах, рассмотрен процесс их официальной регистрации в данный период, выявлены изменения в государственной политике в отношении старообрядческих общин региона в конце 1940-х гг. Особенное внимание обращено на политику советской власти в вопросах закрытия старообрядческих храмов и прекращения деятельности общин в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Охарактеризованы некоторые демографические показатели, рассмотрены особенности территориального размещения общин и расселения старообрядцев в северо-восточной Беларуси в первое послевоенное десятилетие.

Ключевые слова: старообрядцы, религиозные общины, этнические группы, БССР, Витебщина, государственная политика.

OLD BELIEVER COMMUNITIES OF THE VITEBSK REGION IN 1945 – FIRST HALF OF 1950^s

U. AUSEICHYK

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article is devoted to the history of Old Believer communities of Vitebsk region in 1945 – first half of 1950th. On the base of archive materials their state in the first post-war decade is examined. This period is characterized by heterogeneity of the state-confessional policy in the Soviet state. If right after the war the restoration of religious life is observed, then already in the late 1940-s the period of its winding down is observed. The article analyzes the recovery process of religious life in the Old Believer communities, examines the process of their official registration during this period and reveals changes in public policy in relation to the Old Believer communities of the region in the late 1940s. Special attention is paid to the policy of Soviet power in the closing of the Old Believer churches and the termination of community activities in the late 1940s – early 1950s.

Keywords: Old Believers, religious communities, ethnic groups, BSSR, Vitebsk region, state policy.

УДК 355.48-058.65(=161.3-82)(476-87)“1950/1991”

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-83-85

**УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ВОИНОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ,
ПОГИБШИХ В ХОДЕ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ 1950 – 1991 гг.,
В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*канд. ист. наук А.В. КУЗНЕЦОВА-ТИМОНОВА
(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)*

Статья посвящена проблеме увековечения памяти воинов-интернационалистов в Республике Беларусь. Рассмотрены ключевые практики увековечения памяти: произведения монументального искусства, открытие и наименование объектов городской инфраструктуры (улиц, скверов, парков), проведение именных мероприятий. Зафиксировано преобладание «афганской» тематики на фоне замалчивания иных военных конфликтов. Обозначены перспективные направления.

Ключевые слова: воины-интернационалисты, локальные войны и военные конфликты, историческая память, мемориализация, произведения монументального искусства, топонимика, музеефикация, Афганистан.

Введение. История участия представителей Беларуси как составной части СССР в локальных войнах и военных конфликтах 2-й половины XX в., именуемых в прессе «неизвестными», «забытыми», «необъявленными» и т.д., лишь недавно начала подвергаться осмыслению и изучению историками. Актуальность этой темы диктуется современными политическими и военными процессами. Согласно Закону Республики Беларусь «О ветеранах», представители нашей республики принимали участие в 17 военных конфликтах в очерченный нами период 1950 – 1991 гг.: в Корее, Венгрии, Египте, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Йемене, Сирии, и др. Критерии, по которым те или иные периоды вооруженных противостояний были внесены в этот закон, вызывают вопросы и требуют отдельного научного анализа.

В Беларуси проживает более 20 тыс. ветеранов боевых действий на территории других государств¹ (уроженцев Беларуси и других республик СССР). Многие гражданские специалисты (учителя, врачи, переводчики, строители и т.д.), работавшие на территории воюющих стран, не имеют статуса участников боевых действий. Верификация данных о погибших в этих войнах соотечественников продолжается до сих пор. На 2022 г. установлены следующие цифры: Афганистан – 840 (включая белорусов, рожденных в других республиках СССР), Ангола – 7, Корея – 12, Эфиопия – 5, Сирия – 3, Йемен – 1, Венгрия – 14, Вьетнам – 1, Египет – 4 (подсчитано автором – А. К.-Т.). Пять представителей нашей республики среди участников войны в Афганистане были удостоены звания Героя Советского Союза (двое – посмертно), еще один был представлен к нему в 1987 г., однако только в 2012 г. ему было присвоено звание Героя Российской Федерации², есть много награжденных советскими и зарубежными орденами и медалями.

Основная часть. Музеефикация и мемориализация памяти о воинах-интернационалистах активно развиваются в Беларуси с середины 1980-х гг. Процесс начался с открытия в школах музеев и музейных уголков, посвященных погибшим в Афганистане выпускникам, в их честь назывались пионерские организации. Тогда в школах и средние-специальных учебных заведениях Волковысского (2) [1, с. 462], Гродненского (4) [2, с. 424], Жабинковского (1) [3, с. 447], Клецкого (5) [4, с. 509], Малоритского (1) [5, с. 457], Речицкого (1) [6, с. 237], Пуховичского (1) [7, с. 465], Слонимского (2) [8, с. 663], Пружанского (1), Хойникского (1) [7, с. 367], Кобринского (2) [7, с. 292, 470], Воложинского (2) [7, с. 327, 390], Молодечненского (1), Чаусского (1) [7, с. 348], Щучинского (1) [7, с. 454], Шкловского (1) [10, с. 369] районов и Минска (4) [7, с. 211] появились именные музеи, мемориальные уголки и стенды. Память погибших в Афганистане В. Шимко увековечена сразу в 2 школах Клецка – мемориальным уголком и персональной экспозицией [4, с. 514]; Г. Шейко – в персональных экспозициях в 2 учебных заведениях Буда-Кошелево [11, с. 440]; Н. Кобликова – в персональных музеях в 2 учебных заведениях Минска [7, с. 211].

Пионерские отряды и дружины имени погибших в Афганистане выпускников появились в школах Краснопольского (1 дружина) [12, с. 556], Столинского (2 отряда) [13, с. 527, 529], Толочинского (1 отряд) [14, с. 575], Чашницкого (1 дружина) [15, с. 464], Слонимского (1 отряд) [8, с. 664], Мстиславского (1 дружина), Хойникского (1 отряд) [9, с. 367], Минского (Заславль – 2 отряда) [16, с. 520], Клецкого (4 отряда) [7, с. 373, 394], Кареличского (1 отряд) [7, с. 421], Глусского (1 отряд) [7, с. 428], Щучинского (1 отряд) [7, с. 431], Толочинского (1 отряд) [7, с. 473], Костюковичского (1 отряд) [7, с. 474], Гродненского (1 отряд, 1 дружина) [7, с. 492], Ивановского (1 отряд), Могилевского (3 дружины) [10, с. 275] районов. В школе д. Вертелишки был открыт мемориальный класс имени погибшего в Афганистане выпускника Ю. Кудели, посмертно награжденного медалью «За боевые заслуги» [2, с. 424]. В школе д. Блуза Пуховичского района – мемориальный класс имени Героя Советского Союза Н. Чепика (школа тогда же стала носить его имя) [17, с. 101]. В школе № 13 Витебска – зал памяти летчика Л. Белицкого, награжденного медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды, а посмертно – орденом Ленина [28, с. 573]. Выпускник школы № 2 Несвижа Ю. Мостовский был навечно зачислен в списки учеников этой школы. Средняя школа № 13 Бреста с 2006 г. носит имя погибшего в Афганистане выпускника В. Хована [19, с. 2].

¹URL: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-prozhivajut-pochti-244-tys-byvshih-voinov-internatsionalistov-336393-2019/>.

²URL: <http://afgan.vlib.by/index.php/mtree-lib/geroi-sovetskogo-soyuza/sergeev-evgenij-georgievich>.

Открытие таких музеев продолжается и сейчас. Однако погибшие в других военных конфликтах уроженцы Беларуси оказались обойдены вниманием в своих учебных заведениях. Лишь в Свислочи в школе № 1 был организован мемориальный уголок погибшего в Эфиопии в 1981 г. В. Пивоварчика [20, с. 462]. По инициативе «афганцев» в 1993 г. был создан Витебский городской музей воинов-интернационалистов – единственный в республике специализированный музей истории войны в Афганистане. Акцент в экспозиции музея ставится на уроженцах Витебска и области, и воинских частях, направлявшихся в Афганистан отсюда. Упомянуты в экспозиции два участника войн на территории других государств (уроженцы Витебской области)³. Соответствующие разделы экспозиций появляются постепенно во многих городских и районных исторических и краеведческих музеях. В Белорусском государственном музее Великой Отечественной войны представлен отдельный выставочный зал «Наследники Великой Победы»⁴.

Почти все памятники воинам-интернационалистам посвящены памяти участия советских военнослужащих именно в войне в Афганистане. Создание таких мемориалов началось еще до окончания советского участия в войне в Афганистане: мемориальный комплекс «Остров мужества и скорби» был заложен в 1988 г. Однако прочие военные конфликты в лучшем случае упомянуты на мемориалах, без персонификации. Это объяснимо: если погибшие в Афганистане есть почти во всех районах Беларуси, то погибшие в других военных конфликтах – нет, и многие не похоронены на малой родине, потому там не известны. Только на памятном знаке воинам-интернационалистам в Осиповичах выделена война в Корее (1950 – 1953): местный уроженец, капитан Е. Стельмах, погибший там, был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Персональные памятники – в Витебске и д. Блужа Пуховичского района Минской области – установлены Герою Советского Союза старшему сержанту Николаю Чепику. В мемориале в Березино изображены два уроженца этого района – младший сержант С. Карканица и рядовой В. Шумский. Коллективные мемориалы, памятные знаки установлены практически в каждом районном и областном центре: скульптурные группы, монументальные композиции, установленные на постаментах образцы военного транспорта. Здесь мы снова наблюдаем активное продвижение «афганской» темы и практически полное отсутствие напоминаний об участии наших соотечественников в других локальных войнах и военных конфликтах.

Отдельным примером увековечения памяти стали объекты городской инфраструктуры: парки, аллеи, скверы. Первая Аллея памяти, посвященная погибшим в Афганистане землякам, появилась в Беларуси в 1989 г., сразу после вывода советских войск из Афганистана [10, с. 339]. В честь погибшего в 1987 г. майора А. Платина его сослуживцы и школьные друзья высадили около дома его родителей в Минске целый памятный сквер из 30 берез [7, с. 339]. В Бресте парк Воинов-интернационалистов появился в 1990 г. в новом тогда районе «Восток» на стыке города и лесного массива.

Основным вариантом персонализированного увековечения памяти конкретных людей, погибших в Афганистане и других локальных войнах, являются мемориальные доски. С середины 1980-х гг. их начали устанавливать на школах, где учились герои, и практика такого рода увековечения применяется по сей день: только за 2019 – 2022 гг. Институт истории НАН Беларуси одобрил установку более десяти таких досок. На жилых домах подобные доски устанавливают реже: можем отметить лишь доску в честь погибшего в Афганистане военного советника В. Юртова, установленную в Гродно на доме, где он проживал с семьей [21, с. 665].

Показательным является увековечение памяти погибших земляков в топонимике. На 2022 г. нами зафиксировано 29 улиц в различных населенных пунктах Беларуси, названных в честь погибших в ходе локальных войн и военных конфликтов земляков. Две из них увековечивают память участников «других войн»: Е. Стельмаха (Корея, Герой Советского Союза) в Осиповичах и А. Коноплева (конфликт на азербайджано-иранской границе в 1990 г., орден Красного Знамени) в Витебске. Остальные 27 названы в честь погибших в Афганистане. В областных центрах – 6: 5 в Витебске (1990 г.) и 1 в Могилеве (2017 г.). В районных центрах – 6: Ошмяны – 2 (в честь похороненных в городе), Ганцевичи – 1 (в честь похороненного в городе), Жлобин – 1 (в честь местного уроженца), Миоры – 1 (в честь местного уроженца), 1 – в Чечерске (в честь местного уроженца). В деревнях – 14 (подсчитано автором – А. К.-Т.).

Вопросы увековечения памяти и наименования улиц в честь конкретных людей находятся в компетенции местных властей. Возникает впечатление, что выбор той или иной кандидатуры для наименования улицы зависит от суммы субъективных факторов, и в меньшей степени от реальных заслуг и подвигов. Например, в Ошмянах улицы названы в честь обоих похороненных в городе погибших в Афганистане военнослужащих. В Могилеве есть улица В. Бодерко (посмертно награжден орденом Красной Звезды), однако нет улицы другого уроженца – Героя Советского Союза А. Мельникова: одно время его имя носил автобусный маршрут № 10, однако в данный момент это нигде не зафиксировано. Имя Героя Советского Союза Н. Чепика носит улица только в пос. Дружном (Пуховичский район).

Интересной формой увековечения памяти являются регулярные спортивные мероприятия в память о воинах-интернационалистах, именные и собирательные. В Гродно и Могилеве ежегодно проводятся соревнования по единоборствам: 1) по самбо – памяти военного советника капитана В. Юртова; 2) по дзюдо – памяти Героя Советского Союза рядового А. Мельникова. Среди других подобных мероприятий можем выделить: велофестиваль в Пуховичском районе (с 2012 г.) [22, с. 47]; соревнования юных хоккеистов в Чашническом районе памяти Н. Камеко (с 1986 г.)

³URL: <http://afgan.vlib.by/index.php/mtree-lib/geroi-sovetskogo-soyuz/sergeev-evgenij-georgievich>.

⁴URL: <http://www.warmuseum.by/exposition/zal-10-nasledniki-velikoy-pobedy-1-2-3-4/>.

[15, с. 250]; легкоатлетический кросс на приз памяти И. Прохора в Свислочском районе (с 1987 г.) [7, с. 348]; состязания на призы имени Р. Рогалева и В. Бельского в Климовичском районе [7, с. 353]; соревнования по стрельбе на приз имени В. Зайца в Хойникском районе [9, с. 367]. Все названные – погибшие в Афганистане военнослужащие. Это очень интересная и перспективная форма увековечения памяти героев-земляков, однако на данный период она также привязана к советскому участию в войне в Афганистане и личностям героев – «афганцев». Участники других военных конфликтов, героически погибшие и имеющие боевые награды, обойдены стороной.

День памяти воинов-интернационалистов, установленный Указом Президента Республики Беларусь № 157 от 26 марта 1998 г. – 15 февраля – также приурочен к войне в Афганистане: именно 15 февраля 1989 г. был официально завершён вывод советских войск из этой страны. Памятные мероприятия, которые ежегодно проводятся в Беларуси в этот день, также прочно ассоциируются с «афганской» тематикой.

Заключение. Таким образом, практики увековечения памяти участников боевых действий на территории иностранных государств, погибших в ходе локальных войн и локальных военных конфликтов 1950 – 1991 гг., активно развиваются и применяются в Беларуси. Самым популярным и эффективным вариантом являются музейные экспозиции: в приоритете школьные музеи, а также районные и областные. Активно используется увековечение памяти погибших земляков через установку мемориальных досок на учебных заведениях. Реже всего применяется увековечение памяти погибших ветеранов локальных войн и военных конфликтов через наименование в их честь улиц: в отдельных районах увековечена память каждого погибшего земляка, в других – не увековечены даже имеющие высшую награду страны. Кроме того, если тема участия наших соотечественников в войне в Афганистане в 1979 – 1989 гг. максимально популяризирована в современной Беларуси (что обусловлено большим количеством и участников, и погибших), то участие их же в других войнах 1950 – 1991 гг. практически не отражено в исторической памяти, что несправедливо и требует корректировки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Ваўкавыскага раёна. – Мінск: БЕЛТА, 2004. – 528 с.
2. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Гродзенскага раёна / БелЭц., рэдкал.: У.П. Верхась і інш. – Мінск: БелЭн, 1993. – 431 с.
3. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Жабінкаўскага раёна / Рэд.-укл. Р.Я. Смірнова. – Мінск: Ураджай, 1999. – 510 с.
4. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Клецкага раёна / Уклад. М.С. Кусяноў. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 622 с.
5. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Маладэцкага раёна / Рэд.-укл. В.Р. Феранц. – Мінск: Ураджай, 1998. – 535 с.
6. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Рэчыцкага раёна. Кн. 2 / Укл. П.П. Ребенок. – Мінск: Беларусь, 1998. – 327 с.
7. Памяць. Афганістан (Беларус. Сав. Энцыкл.: Рэд.: А.Л. Петрашкевіч (куратар выд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1991. – 495 с.
8. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Слонімскага раёна. – Мінск: БЕЛТА, 2004. – 752 с.
9. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Хойніцкага раёна / Рэдкал.: М.А. Ткачоў (гал. Рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1993. – 383 с.
10. Афганістан. Страницы мужества : воинам-интернационалистам Могилевской области посвящается / под общ.ред. В.Н. Василенко. – Могилев: Информ. аген-во «Могилевские ведомости», 2019. – 376 с.
11. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Буда-Кашалёўскага раёна. У 2 кн. – Кн. 2. – Мінск: БЕЛТА, 2002. – 544 с.
12. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Краснапольскага раёна. – Мінск : КП «Паліграфармленне», 2001. – 574 с.
13. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Столінскага раёна. – Мінск: БЕЛТА, 2003. – 640 с.
14. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Талачынскага раёна / БелСЭ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал.рэд.). – Мінск: БелСЭ, 1988. – 654 с.
15. Памяць: гіст.-дакум. Хроніка Чашніцкага раёна. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – 542 с.
16. Памяць: гіст.-дакум. Хроніка Мінскага раёна / Беларус. Энцыкл.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.). – Мінск.: БелЭн, 1998. – 640 с.
17. Бочаров Г.Н. Подвиг Николая Чепика. – 2-е изд. – Минск: Молодая гвардия, 1986. – 205 с.
18. Памяць: гіст.-дакум. Хроніка Віцебска: у 2 кн. Кн. 2 / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 2003. – 680 с.
19. Брестский вестник. – 2020. – 13.02. – № 7.
20. Памяць: Свіслацкі р-н: гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Рэдкал.: І.І. Варанец і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – 526 с.
21. Памяць: гіст.-дакум. хроніка горада Гродна / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 1999. – 712 с.
22. Белоусов В.П. Живи и помни. Письма и воспоминания. – Минск: Ковчег, 2014. – 180 с.

Поступила 29.04.2022

PERMANENTIZATION OF THE MEMORY OF INTERNATIONALIST SOLDIERS WHO DIE DURING LOCAL WARS AND MILITARY CONFLICTS OF 1950 – 1991 IN BELARUS: PROBLEMS AND PROSPECTS

A. KUZNETSOVA-TIMONOVA

(The Institute of History of the Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article is devoted to the problem of perpetuating the memory of warriors-internationalists in Belarus. The author considers key practices of perpetuating memory: works of monumental art, opening and naming of urban infrastructure facilities (streets, squares, parks), holding nominal events. The author records the predominance of the "Afghan" theme in spite of the background of hushing up other military conflicts. Promising directions are marked.

Keywords: *warriors-internationalists, local wars and military conflicts, historical memory, memorialization, works of monumental art, toponymy, museumification, Afghanistan.*

УДК 378.4(476-25).091.113(092):94(476)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-86-90

ЛЫСОВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ – ЗАБЫТОЕ ИМЯ В ИСТОРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСИ*канд. ист. наук, доц. А.Н. КУКСА**(Белорусский национальный технический университет, Минск)**ORCID: <https://orcid.org/00000-0003-3385-3096>*

В статье раскрываются основные моменты биографии С.Г. Лысова, который в 1920 – 1930 гг. являлся одним из активных участников создания высшей школы Беларуси. Будучи специалистом в области истории революционного движения и работы среди крестьян С.Г. Лысов возглавил в Народном комиссариате просвещения (НКП) БССР одно из самых ответственных ведомств – Главное управление политико-просветительной работы (Главполитпросвет). При его непосредственном участии начался подъем и кооперативного движения в Беларуси. Но стремление к преподавательской работе, которую он не прекращал вести, содействовало его возвращению на работу в комиссариат просвещения в качестве инспектора высшей школы. С 1927 по 1933 годы С.Г. Лысов непосредственно участвовал в выработке структуры и концепции развития высшей школы. Он выступил проводником основных положений реформ высшей школы, которые проходили в СССР в 1930. и 1932 гг., стал во главе сначала Белорусского государственного машиностроительного института (БГММИ) в Гомеле, а позже Белорусского государственного политехнического института (БПИИ) в Минске.

Ключевые слова: *высшая школа, инженерное образование, Главполитпросвет, Белсельпромсоюз.*

Введение. Роль личности в истории сложно переоценить, значительно легче недооценить или потерять из виду. Таким представителем высшего эшелона власти в Беларуси на этапе становления и утверждения советской власти являлся Сергей Георгиевич (Юрьевич) Лысов, 1886 г.р. Будучи выходцем из Калужской губернии, он стал одним из системы образования, разработчиком политико-просветительской работы, кооперативного движения и организатором высшей школы Беларуси. При этом, как и большинство политиков новой формации не от «белой кости», получил всего лишь среднее техническое образование. В РКП(б) состоял с 1923 г., партийный билет № 539098 губернского масштаба III группы «б» под грифом секретно. До этого состоял в других партиях. Эти скудные данные его биографии указаны им же в одном из учетных листов. Более полные сведения о деятельности С.Г. Лысова до 1923 г. находятся в архиве г. Калуги, а те документы, которые удалось обнаружить в ходе исследования, хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь и часть – в архивах Гомеля (возглавлял местный машиностроительный институт). Часть документов хранится в архивах Витебска [1]. О деятельности и жизни Сергея Георгиевича в отечественной историографии практически нет упоминаний, кроме нескольких работ, посвященных истории БНТУ [2].

Начало деятельности С.Г. Лысова в Калужской губернии пришлось на один из наиболее сложных этапов утверждения советской власти в 1917–1923 гг. Повсеместно на всем постимперском пространстве шла борьба за власть: общество раскололось на тех, кто поддерживал большевиков, и тех, кто отказывался кормить Красную Армию и платить налоги, тех, кто шел в ряды Красной Армии, и тех, кто скрывался от призыва. Представители оппозиционных партий (эсеры, меньшевики, кадеты, анархисты и др.), говоря о готовности идти на сотрудничество, одновременно отказывались признавать власть большевиков, называя их «узурпаторами, насильственно захватившими власть в итоге разгона Всероссийского Учредительного собрания». Продолжалась гражданская война и внешняя интервенция. В этих чрезвычайно сложных условиях проводилась массированная агитационно-пропагандистская работа и теми, и другими по расширению социальной базы среди местного населения. В этой работе большевики проявили себя зрелыми государственниками. С целью формирования лояльных кадров советской власти они широко развернули обучение молодежи азам политической грамоты: открывали марксистские кружки при воинских частях, избы-читальни в деревнях, советские партийные школы и кратковременные курсы. Центральная роль в этом вопросе отводилась системе образования, в том числе и высшей школе. Основным идеологом агитационно-пропагандистской работы в это время выступил ближайший соратник В.И. Ленина, родившийся в Гродненской губернии А.А. Богданов, который предлагал развивать сеть совпартшкол, венцом всей системы рассматривая Пролетарские университеты.

Основная часть. Во время становления советской власти С.Г. Лысов возглавлял одно из ключевых направлений, от которого зависела судьба нового политического строя: с 1917 по 1920 гг. он являлся губпродкомиссаром Калужской губернии, через которую шел продовольственный поток по обеспечению Москвы продовольствием из украинских губерний, в том числе и через Гомель. В октябре 1920 г. в Калуге была открыта губернская советская партийная школа, в которой и начал свою преподавательскую деятельность С.Г. Лысов. В ее задачу входила переподготовка советских и партийных работников, ликвидация их политической неграмотности. При совпартшколе существовали различные краткосрочные курсы. В 1921 г. работали курсы пропагандистов для села, на которых обучалось 120 коммунистов и комсомольцев. Работая в совпартшколах и на учительских курсах переподготовки в Калуге, С.Г. Лысов читал лекции по истории революционного движения.

Однако, только приняв в ряды РКП(б) в 1923 г., его тут же исключили из партии и перевели в Витебск. В протоколах Витебского губисполкома с мая 1923 г. уже встречается подпись секретаря С.Г. Лысова, который

заменял С.З. Слонима. Заседанием Витебского губкома РКП(б) от 12 ноября 1923 г. С.Г. Лысов был введен в состав президиума Губисполкома. В состав президиума вошли А.В. Анохин – председатель, А.Я. Калнин – первый заместитель, Д.Ф. Прищепов – второй заместитель, Э.М. Медне – секретарь Губкома, С.Г. Лысов – секретарь ГИК и др. 3 января 1924 г., учитывая опыт лекторской работы в Калуге, бюро Витгубкома РКП(б) приняло решение назначить С.Г. Лысова заведующим Витебской губернской совпартшколы [3, л. 594]. Сергей Георгиевич прибыл на место новой работы 18 января 1924 г.

В это время в Беларуси произошли серьезные изменения. В ответ на неоднократные требования БССР руководство СССР приняло решение о проведении её территориального укрупнения. С целью минимизации конфликтов с губернскими центрами было создано Временное Белорусское бюро во главе с представителем РКП(б) А.Н. Асаткиным-Владимирским. Уже 3 марта 1924 г. уезды Витебской губернии с преобладающим белорусским населением были переданы БССР. Протокол подписали от Витебской губернии Д.Ф. Прищепов, от БССР И.А. Адамович. В мае 1924 г. прошел XIII съезд КП(б)Б, который избрал ЦК КП(б)Б, подводя итоги работы Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б). Определив дальнейшую судьбу БССР, бюро ЦК РКП(б) определило и судьбу С.Г. Лысова. В феврале 1924 г. положительную характеристику в ЦК КП(б) ему дал А.Н. Асаткин-Владимирский: «Лысов с 1924 г. заведующий губсовпартшколой, был исключен в Калуге за «пустяк», здесь его вновь принял, тов. Э.М. Медне просил ЦК прекратить его дело в Калуге. Работать умеет. Нужно держать на партработе. Хороший докладчик» [4, л. 15]. Благодаря такой поддержке С.Г. Лысов был направлен в НКП БССР.

Формирование коллегии НКП БССР проходило в марте 1924 г. Президиум временного Белбюро ЦК РКП(б) 24 марта 1924 г. постановил утвердить заведующим Главполитпросвета С.Г. Лысова, вызвав его срочно для работы [5, л. 21]. Полный состав коллегии НКП был утвержден 31 марта 1924 г. в составе: В.М. Игнатовского, А.В. Балицкого, П.И. Волосевича, А.И. Дьякова, И.П. Кореневского, С.Г. Лысова и др. Витебский городской комитет РКП(б) рассмотрел 1 апреля 1924 г. вопрос об отзыве С.Г. Лысова в распоряжение Белбюро ЦК РКП(б), и 9 апреля Сергей Георгиевич выбыл из Витебска.

Уже в июне 1924 г. в Минске усилиями новой коллегии НКП БССР был организован выпуск первого номера журнала «Асьвета». В предисловии П.И. Волосевича очерчивались основные задачи сферы просвещения в БССР, в центр которых ставилось воспитание советского гражданина. В статье А.В. Балицкого «Ближайшие задачи Наркомпроса в связи с укрупнением Белоруссии» указывалось на то, что система народного образования в БССР близка к украинской модели и отличается от существующей системы в РСФСР. В статье, представленной С.Г. Лысовым, были подняты вопросы организации просвещения в деревне. Для налаживания работы он предлагал создать единый центр культурно-просветительских сил деревни. «Этот волостной политико-просветительский центр должен быть, примерно, составлен таким образом: секретарь ячейки КПБ, секретарь КСМ, заведующий клубом или избой-читальней, учитель (желательно председатель месткома) и уполномоченный по просвещению» [6, с. 16]. В это время С.Г. Лысов также являлся членом редколлегии журнала «Советское строительство».

Партиец сразу включился в работу и стал одним из основных деятелей НКП, возглавляя не только Главполитпросвет, но и Главлит. В июле 1924 г. он представлял БССР на Всероссийском съезде совпартшкол. В сентябре 1924 г. состоялся доклад С.Г. Лысова о работе Главполитпросвета за период с 1 мая по 1 сентября. По его данным основная работа проводилась в направлении разработки твердой сети совпартшкол Беларуси, изб-читален, клубов, народных домов, школ, библиотек, ликвидации безграмотности. Решение данных задач было определяющим для развития советской модели высшей школы, которая выстраивалась на принципах пролетаризации вузов. Контингент абитуриентов был настолько слаб, что на рабочие факультеты принимали людей, которые умели читать, писать и знали четыре действия арифметики. Для практической работы в деревне во время летних каникул привлекались студенты белорусского сектора Университета народов Запада. Из трудностей, стоящих перед Главполитпросветом, отмечал «недостаточность материальных средств и отсутствие квалифицированных работников» [7, л. 492]. Тем не менее, благодаря проведенной работе и созданной системе всеобщего обучения БССР первой в СССР в 1930 г. отчиталась о ликвидации безграмотности. 11 сентября 1924 г. С.Г. Лысов выступал на заседании Бюро ЦК КП(б)Б с докладом «О состоянии ликвидации неграмотности». В постановляющей части отмечалось, что в ходе разработанных мероприятий планировалось ликвидировать неграмотность на протяжении 15 лет, до 1940 г. Было поддержано предложение С.Г. Лысова о привлечении общественной инициативы путем расширения деятельности общества «Долой неграмотность», а также профсоюза. В первую очередь предлагалось обучать допризывников и крестьянок-делегаток.

Таким образом, в НКП БССР с первых дней работы С.Г. Лысов стал отвечать за культурно-просветительскую работу среди крестьян. С декабря 1924 г. являлся членом совещания при ЦК по работе в деревне, комиссии по выработке программы для сельскохозяйственных кружков в деревне, правления общества «Долой неграмотность». Основные позиции по активизации работы среди крестьян прозвучали в декабре 1924 г. в тезисах доклада «Политико-просветительская работа в деревне», озвученном на секретариате ЦК КП(б)Б и различных съездах. По его мнению, борьба за влияние на крестьян будет более эффективной, если её вести под знаменем системы образования. Центр всей политико-просветительской работы среди взрослого населения предлагал переместить в изб-читальни. В следующем своем докладе «Культработа в деревне» акцентировал внимание на необходимости обеспечить крестьян достаточным числом хорошо подготовленных работников, предлагал большую часть окончивших совпартшколы 1-й ступени направить на культработу в деревню и организовать специальный техникум для «подготовки деревенских работников по типу Педагогических техникумов» [8, л. 62].

Окончание войн и внешней интервенции, а также оформление СССР не означали окончательного утверждения советской власти, единой идеологии и гражданской позиции среди населения бывшей Российской империи. Налаживание экономики шло с большими трудностями, переход к НЭПу, хотя и позволил решить ряд проблемных вопросов с обеспечением населения товарами первой необходимости, вызвал рост недовольства внутри партии большевиков. Ежегодно фиксировалось по несколько оппозиционных выступлений как в ВКП(б), так и среди представителей самых разных слоев населения. В связи с этим все более актуальным становился вопрос по выработке эффективных форм агитационно-пропагандистской работы. С.Г. Лысов издал статью «Формы полтыка-асветнай працы у вёсцы» [9, с. 27]. Кроме ранее предлагаемых им мер в виде твердой сети народных домов и изб-читален, партиец предлагал более активно вовлекать в эту работу детей и подростков посредством увеличения количества пионерских и ученических клубов, школ КСМ и рабочей молодежи.

Однако уже вскоре партия, учитывая опыт работы С.Г. Лысова среди крестьян, приняла решение перевести его в сельскохозяйственную кооперацию. Это новое направление в работе КП(б)Б только с 1924 г. начало рассматриваться в БССР как одно из ключевых в области поднятия эффективности аграрного сектора. В характеристике, которую С.Г. Лысову дал А.В. Балицкий, указывалось, что за месяцы работы в Главполитпросвете он сумел поднять авторитет Главполитпросвета и увязать его работу с работой НКП.

В России начало кооперативному движению положила крестьянская реформа 1861 г. После первого Всероссийского кооперативного съезда 1908 г. на территории России насчитывалось уже 10 080 потребительских кооперативов. Однако в ходе революционной ломки 1917–1921 гг. произошло почти полное их уничтожение. В период НЭПа начался новый этап в развитии кооперативного движения. Наибольшие успехи в этой сфере приходятся на 1924–1927 гг., когда Белорусский центральный союз сельскохозяйственных и кустарно-промышленных кооперативов (Белсельпромсоюз) возглавил С.Г. Лысов. Так, если в 1924 г. различными формами сельхозкооперации было охвачено 7,3%, то уже в 1929 г. – 69%. Именно в это время сельскохозяйственная кооперация дала мощный толчок к восстановлению сельского хозяйства [10, с. 11].

23 июля 1924 г. было утверждено правление Белсельпромсоюза во главе с П.А. Саперовым. На заседании Бюро ЦК КП(б)Б от 31 января 1925 г. постановили направить С.Г. Лысова на работу в Белсельпромсоюз в качестве первого заместителя П.А. Саперова и «обязать его приступить к работе в Белсельпромсоюзе со 2 февраля». На заседании коммунистической фракции Белсельсоюза от 7 февраля 1925 г. в присутствии П.А. Саперова, О.А. Саприцкого, С.Г. Лысова и М.М. Карклина постановили: «Оставить Лысова на правах члена правления с возложением на него обязанностей первого заместителя председателя правления и заведующего организационно-инструкторским отделом» [11, л. 172]. В мае 1925 г. Бюро ЦК уже рекомендовало избрать С.Г. Лысова председателем Белсельпромсоюза. В сводной ведомости по наркоматам и ведомствам за 1925 г. по Белсельсоюзу в составе руководства перечислялись Лысов Сергей Георгиевич, председатель правления, и его заместители: Буткевич Степан Ананьевич 1889 г.р. и Дедов Георгий Павлович 1882 г.р. Данная должность входила в список центральных учреждений БССР наряду с председателем ЦИКа, ГПУ, НКП, ВСНХ и др.

С целью активизации работы по расширению кооперативного движения ЦК КП(б)Б проводился целый ряд мероприятий, в том числе и путем организации работы посредством разных комиссий. Так, С.Г. Лысов являлся членом деревенского совещания, кооперативного совещания, комиссии по регламентированию взаимоотношений между кредитной и сельскохозяйственной кооперацией, комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по улучшению пограничной полосы Западного и Северо-Западного районов, входил в состав правления Белсельбанка.

Процессы проходившей коллективизации наталкивались на проблемы отсутствия специальных машин и специалистов. Для решения этих вопросов предлагалось поставить перед ЦК РКП(б) вопрос о необходимости облегчения условий кредитов со стороны машиностроительных трестов и синдикатов. Фракция Белсоюза, Белсельбанка и Наркомзема предложили срочно выработать план кредитования снабжения населения сельскохозяйственными машинами и орудиями. Как негативное явление повсеместно отмечали то, что кредитами могли воспользоваться в основном зажиточные слои крестьян. В связи с этим С.Г. Лысову поручили разработать ряд мероприятий и льгот, облегчающих вступление бедняков в кооперацию. На кооперативном совещании при ЦК КП(б)Б 13 июля 1925 г. в своем докладе он предлагал увеличить оборотные средства всех видов кооперации путем выделения сумм из бюджета. Однако эта инициатива не нашла поддержки у членов совещания. В виду отсутствия средств в бюджете приняли решение повлиять на изменение положения в системе кредитования в пользу бедняков политическими методами, путем проведения партийной чистки. На заседании бюро ЦК КП(б)Б 21 августа 1925 г. был рассмотрен доклад С.Г. Лысова «Итоги работы Белсельсоюза». В целом итоги работы, организационный план Белсельсоюза, а также план снабжения и заготовок были утверждены, но п.7 предложили дополнить мероприятиями по проходившей в стране партийной чистке: «провести специальную деловую кампанию по прочистке низовой сети сельскохозяйственной кооперации (организационных процессов, отчетности и т.п.)» [12, л. 12].

В этом же духе выступал 18 февраля 1926 г. Д.Ф. Прищепов на бюро ЦК КП(б)Б с докладом «О сельскохозяйственной весенней кампании». В проекте постановления указывалось: «придавая большое значение успешному проведению весенней посевной кампании Бюро постановляет: 1) партийным организациям осуществлять сверху до низу руководящее влияние; 2) подготовку к весенним сельскохозяйственным работам проводить под лозунгом дальнейшей интенсификации сельского хозяйства; 3) особое внимание уделять всесторонней помощи бедняку и середняку» [13, л. 22]. В то же время, для успешного проведения всех мероприятий необходимы были значительные средства. С этой целью были заслушаны сообщения председателя правления Белорусского сельскохозяйственного банка Н.Л. Аксютинца и председателя правления Белсельсоюза С.Г. Лысова о положении дел с получением средств на подготовку к весенней посевной кампании. Учитывая отсутствие внутренних ресурсов, в докладах акцент делался на необходимости немедленного получения средств из бюджета СССР.

Масштабная индустриализация народного хозяйства требовала ускоренных темпов развития промышленного производства и перевода сельского хозяйства на индустриальную основу. Стратегическим направлением в реализации этого вопроса стало решение состоявшегося в декабре 1927 г. XV съезда ВКП(б), вошедшего в историю как «съезд коллективизации», поставившего в качестве первоочередной задачи переход крестьянского хозяйства на рельсы крупного обобщественного производства. Для реализации этой идеи в БССР в октябре 1928 г. был создан самостоятельный орган координации и управления колхозами – Белколхозсоюз. В октябре 1929 г. Белсельсоюз был ликвидирован, а функции его переданы республиканским отраслевым союзам сельскохозяйственной кооперации. Таким образом, С.Г. Лысову пришлось сменить сферу деятельности. С 1 июля 1927 г. он уже числился в должности инспектора высших учебных заведений Наркомпроса. В своей работе в основном курировал Витебскую губернию, хотя о том, что свои взгляды не изменил и в последующем, свидетельствует поступившая жалоба на него в сентябре 1929 г. в газету «Рабочий». В очерке под названием «НКПрос – искривлял партийную линию» сообщалось, что на специально созванном НКП в Горецкой академии совещании только С.Г. Лысов выступил против организации отделения крупного хозяйства. Более того, член коллегии НКП С.Г. Лысов, подводя итоги совещания, заявил, что «НКП поступит не так, как решило совещание, а как находит нужным».

В то время, как в РСФСР НКП поспешило сбросить с себя ответственность за развитие вузов и передало их ВСНХ, в БССР, ввиду их отсутствия, данный вопрос не поднимался. Не способствовала этому и позиция СНК, рассматривавшего легкую промышленность как основу экономического развития страны. И только в декабре 1928 г. впервые перед НКП был остро поставлен вопрос о необходимости своими силами готовить инженерные кадры. В феврале 1929 г. в газете «Рабочий» появилась статья «В БССР открывается новый технический вуз», в которой говорилось о том, что коллегия НКП признала целесообразным открыть вуз. 1 октября 1929 г. в газете «Рабочий» появилось сообщение о том, что новый вуз политехнического типа «предполагается открыть в Гомеле». Сторонниками организации вуза в Гомеле выступили представители НКП А.М. Платун, С.Я. Вольфсон и С.Г. Лысов. Их оппонентами стали организаторы НИИ промышленности БССР В.Н. Строковский и С.Г. Середа, которые требовали открыть вуз в Минске, так как видели в нем свои будущие учебно-лабораторные базы и кадры.

В феврале 1930 г. началась организация БГПИ в Минске во главе с ректором Я.З. Куницей. Был произведен подбор профессорско-преподавательских кадров, подготовлены помещения под лаборатории и специальные кабинеты. Параллельно с этими процессами в СССР началась реформа высшей школы, которая была ориентирована на дробление вузов и ускоренную подготовку узкопрофильных специалистов. Уже 25 июля 1930 г. в газете «Рабочий» появилась информация о том, что СНК БССР решил вместо единого БГПИ организовать к новому учебному году отдельные институты: химико-технологический, строительный, электротехнический – в Минске и механико-машиностроительный институт в Гомеле. За период реформы 1930 г. в Беларуси были открыты 7 вузов, при каждом из них рабфаки и десятки индустриальных техникумов. Все организационные вопросы по подбору руководителей, кадров и помещений легли на плечи С.Г. Лысова, который и поддержал предложение перевести один из факультетов в Гомель.

Такое разобщение и так «скудных» научных сил привело к тому, что все вузы находились в крайне сложном положении. Отсутствие кадров и помещений не позволяло развернуть работу в полной мере и машиностроительному институту в Гомеле. Для исправления сложившейся ситуации 27 марта 1931 г. директором БГММИ был назначен С.Г. Лысов. Первостепенной задачей являлось привлечение профессорско-преподавательского состава и строительство здания для БГММИ, который был единственным учреждением в БССР по подготовке специалистов для металлургических заводов. Еще одним направлением стало значительное расширение заочной и вечерней форм обучения в вузе. Так, по данным С.Г. Лысова, в ноябре 1931 г. при БГММИ в Гомеле был открыт двухгодичный вечерний вуз по переподготовке техников и практиков в инженеры [14, л. 303]. Витавшее напряжение в системе высшей школы, которая так и не сумела подстроиться под основные направления и задачи реформы 1930 г., что отмечалось и производственниками, получило свое разрешение в сентябре 1932 г. Для изменения положения провозглашалось укрупнение вузов и увеличение сроков обучения до 5 лет. О том, что это решение было не спонтанным, а выработанным самими вузами, свидетельствует и то, что еще в феврале 1932 г. на методическом совещании БГММИ С.Г. Лысов сообщал, что на совещании в Минске было определено, что ни один вуз не вложился в 4-летний срок. «Нам необходимо добиваться всеми силами утверждения учебных планов, так как мы решили: принять имеющийся первый вариант учебного плана с увеличением срока обучения на 4-5 месяцев, изменив количество часов по военному делу в тех пределах, которые требуются» [15, л. 12].

Сергей Георгиевич доработал в БГММИ до июня 1932 г., после чего был возвращен в Минск на должность инспектор вузов НКП. Данное решение было принято ввиду того, что в СССР намечался новый виток реформы в высшей школе. Уже 20 июня 1933 г. С.Г. Лысов констатировал, что высшая школа Беларуси пошла по пути, намеченном постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г., направленном на объединение однотипных учебных заведений. «На этот путь стала РСФСР, на этот путь стала и БССР. Существующие в Минске институты сейчас ликвидируются, и на их базе организуется один политехнический институт» [16, с. 3]. Уже 1 июля 1933 г. он был назначен ректором БГПИ.

Организация высшего технического учебного заведения в Минске проходила с огромными трудностями. На С.Г. Лысова поступали жалобы как со стороны студентов, так и партийных инстанций. Заведующий отделом кадров ЦК КП(б)Б Н.М. Денискевич в августе 1933 г. констатировал, что ряд конкретных мероприятий по форсированию строительства учебных корпусов не выполнили. Второй проблемой являлось отсутствие профессорско-преподавательского состава. В БГПИ имелось всего 8 профессоров. В итоге 7 декабря 1933 г. от Н.М. Денискевича в докладной на имя секретаря ЦК КП(б)Б Н.Ф. Гикало предложил С.Г. Лысова снять с должности. В постановлении секретариата ЦК КП(б)Б директором БГПИ предлагалось назначить Шиманского. Указывалось на необходимость утвердить строгую структуру БГПИ, с запретом на протяжении 5 лет проводить какую-либо реорганизацию. В учебных

планах института, требовалось предусмотреть 75% на общетехнические и специальные дисциплины, организовать производственное обучение и обязательную сдачу реального дипломного проекта [17, л. 197].

Заключение. Таким образом, в ходе сложных перипетий 1920-х гг. одним из основных направлений деятельности правительства БССР стали вопросы ликвидации неграмотности и развития системы образования. Усилиями С.Г. Лысова были разработаны принципиальные основы и направления повышения грамотности среди крестьян. В этой деятельности он предложил создать целостную структуру для повышения уровня образования взрослых и молодежи. Благодаря налаженной работе БССР первой из советских республик ликвидировала неграмотность, что позволило значительно расширить как возможности местных жителей, так и увеличить количество подготовленных абитуриентов в высшие учебные заведения. В период работы в Бельсепромсоюзе наметился значительный рост кредитных кооперативных обществ в Беларуси, которые сконцентрировались, в том числе, и на росте технического оснащения и усилении процессов механизации сельского хозяйства. С 1927 по 1933 гг. С.Г. Лысов занимался исключительно вопросами организации и выработки структуры высшей школы Беларуси. Пройдя путь через организацию жизни крестьян, он стал убежденным сторонником возможности улучшения их быта посредством внедрения новой техники и технологий в сельском хозяйстве, в связи с чем стал активным участником возрождения высшей технической школы Беларуси. Понимая, что для создания и обслуживания современной техники потребуется в первую очередь штат инженеров, изначально предлагал возродить технический вуз в Гомеле, так как именно там началось строительство первого крупнейшего завода по производству сельскохозяйственной техники. Изначально С.Г. Лысов курировал всю систему высшей школы, но когда наметились проблемы, спровоцированные реформой 1930 г., то сам возглавил БГММИ, а в 1933 г. был назначен директором возрожденного БГПИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витебская губерния: 1917–1924 гг. / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Государственный архив Витебской области. – Витебск : Витебская областная типография, 2012.
2. Кукса, А.Н. Н.К. Ярошевич – первый ректор БГПИ. – Минск: БГАТУ, 2011.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 152.
4. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 1957.
5. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 1276.
6. Лысов С.Г. Очередные вопросы политико-просветительской работы в деревне // Асьвета. – № 1. – июнь 1924.
7. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 2196.
8. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 1779.
9. Лысов С.Г. Формы політыка-асьветнай працы у вёсцы // Асьвета. – № 1. – январь 1925.
10. Механизм эффективного функционирования потребительских сельскохозяйственных кооперативов малых форм хозяйствования на современном этапе / А.С. Сайганов и др.; под общ.ред. А.С. Сайганова. – Минск : Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2021.
11. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 1999.
12. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 2003.
13. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 2012.
14. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАМО). – Ф. 431. Оп.1. Д. 5.
15. ГАМО. – Ф. 431. Оп.1. Д. 8.
16. Лысоў С.Ю. Замест карлікавых інстытутаў – адзіны палітэхнічны інстытут // Звезда. – 20 чэрв. 1933. – № 134 (4678).
17. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп.1. Д. 6859.

Поступила 07.04.2022

SERGEY GEORGIEVICH LYSOV IS A FORGOTTEN NAME IN THE HISTORY OF HIGHER EDUCATION IN BELARUS

A. KUKSA

(Belarusian National Technical University, Minsk)

The article reveals the main points of the biography of S. G. Lysov, who in 1920-1930 He was one of the active participants in the creation of the higher school of Belarus. Being a specialist in the history of the revolutionary movement and work among the peasants, S. G. Lysov headed one of the most responsible departments in the People's Commissariat of Education (NCP) of the BSSR – the Main Directorate of Political and Educational Work (Glavpolitprosvet). With his direct participation, the rise of the cooperative movement in Belarus began. But the desire for teaching, which he did not stop leading, contributed to his return to work at the Commissariat of Education as an inspector of a higher school. From 1927 to 1933, S.G. Lysov was directly involved in the development of the structure and concept of the development of higher education. He became the head first of the Belarusian State Machine-Building Institute (BMMI) in Gomel, and later of the Belarusian State Polytechnic Institute (BSPI) in Minsk.

Keywords: higher school, engineering education, art school, Belselpromsoyuz.

УДК 930(437)“1939/1945”

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-91-95

**СЛАВАЦКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПА ПРАБЛЕМЕ СТАНОВІШЧА
НАЦЫЯНАЛЬНЫХ МЕНШАСЦЕЙ У СЛАВАЦКАЙ РЭСПУБЛІЦЫ
Ў ГАДЫ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ**

А.С. КАНДРАЦЕНКА
(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)

У артыкуле даецца ацэнка славацкай гістарыяграфіі па праблеме становішча нацыянальных меншасцей Славацкай Рэспубліцы ў 1939–1945 гг. Сучасныя гісторыкі акцэнтуюць увагу на раней недадаследуемых тэмах, такіх як Славацка-Венгерскае памежжэ, выгнанне чэхаў, эвакуацыя карпацкіх немцаў, пазбаўленне ўласнасці яўрэйскай грамады і г.д. Адзначаны найбольш вывучаныя і супярэчлівыя аспекты грамадска-палітычнага і эканамічнага жыцця нацыянальных меншасцей Славакіі перыяду 1939–1945 гг.

Ключавыя словы: Славацкая Рэспубліка, славацкая гістарыяграфія, нацыянальныя меншасці, Другая сусветная вайна.

Уводзіны. У апошнія гады назіраецца значная цікавасць з боку славацкіх даследчыкаў да гісторыі нацыянальных меншасцей у Славацкай Рэспубліцы падчас Другой сусветнай вайны. Да 1989 г. гэтае пытанне практычна не разглядалася гісторыкамі. У першую чаргу славацкія даследчыкі звярталі ўвагу на антыфашысцкі рух, ролю камуністаў у Славацкім нацыянальным паўстанні і класавую барацьбу. Сітуацыя змянілася пасля “аксамітнай рэвалюцыі” 1989 г., калі быў ліквідаваны ідэалагічны дыктат КПЧ і адбываўся адыход ад марксісцкай метадалогіі. Вучоныя атрымалі магчымасць працаваць з раней недаступнымі архіўнымі дакументамі, працамі замежных даследчыкаў, у тым ліку славацкіх эмігрантаў, што паспрыяла росту зацікаўленасці становішчам нацыянальных меншасцей у Славакіі падчас Другой сусветнай вайны.

Становішча і правы статус этнічных меншасцей ў часы Славацкай Рэспублікі 1939–1945 гг. мелі шэраг асаблівасцей. Прадстаўнікі нямецкай меншасці атрымалі права на пэўную самастойнасць у сваіх дзеяннях, якая праявілася ў стварэнні ўласнай партыі, грамадскіх аб’яднанняў і асобных добраахвотных вайсковых падраздзяленняў. У сваю чаргу славацкія венгры атрымалі ідэнтычныя са славакамі ў Венгрыі правы ў адпаведнасці з т.зв. “прынцыпам узаемнасці”, які быў замацаваны ў Канстытуцыі Славацкай Рэспублікі. Адносіны паміж славацкімі ўладамі і русінскай меншасцю характарызаваліся ўзаемным недаверам. Кіраўніцтва Славакіі падазравала русінаў у супрацоўніцтве з венграмі і лічыла іх прыхільнікамі бальшавізму. Значная частка чэшскага насельніцтва была вымушана пакінуць Славакію пасля ліквідацыі Чэхаславакіі вясной 1939 г. Пражыванне яўрэяў і цыган на тэрыторыі Славацкай Рэспублікі ўспрымалася кіруючым рэжымам як праблема, якая патрабуе хуткага вырашэння. Следствам гэтага стала прыняцце славацкім урадам на працягу 1939–1945 гг. шэрагу пастановаў, якія пазбавілі грамадзянскіх правоў прадстаўнікоў яўрэйскай і цыганскай нацыянальнасці, а таксама выданне афіцыйнага дазволу на дэпартацыю яўрэяў.

Асноўная частка. У 1990-я гг. у Славакіі паўстаў шэраг навуковых, адукацыйных, культурных устаноў, супрацоўнікі якіх даследуюць сярод іншага становішча нацыянальных меншасцей у гады Другой сусветнай вайны. Адною з такіх устаноў з’яўляецца Інстытут даследаванняў меншасцей, які знаходзіцца ў г. Шаморын [1]. Яго асноўнай мэтай з’яўляецца правядзенне комплексных даследаванняў становішча і культуры нацыянальных меншасцей у Славакіі, а таксама дакументаванне іх спадчыны. Вывучэннем становішча яўрэйскай меншасці займаецца заснаваны ў 2005 г. у Браціславе Цэнтр дакументацыі Халакоста, які выступае партнёрскай арганізацыяй Цэнтральнага саюза яўрэйскіх рэлігійных абшчын Славакіі і супрацоўнічае з рознымі навуковымі ўстановамі краіны і замежжа [2]. Для захавання матэрыяльнай і духоўнай культуры, гістарычнай спадчыны нямецкай меншасці ў 1998 г. быў створаны Музей культуры карпацкіх немцаў, які знаходзіцца ў г. Браціслава. Пры яго падтрымцы выдаюцца працы, прысвечаныя праблеме становішча нямецкай меншасці ў Славацкай Рэспубліцы ў 1939–1945 гг. Адным з буйнейшых цэнтраў, які займаецца гістарычнымі, этналагічнымі і сацыялагічнымі даследаваннямі венгерскай меншасці, з’яўляецца Універсітэт ім. Я. Шэйе ў г. Камарна. Значная частка даследаванняў па праблеме нацыянальных меншасцей таксама прадстаўлена працамі гісторыкаў Славацкай Акадэміі навук, Універсітэта Я.А. Коменскага ў Браціславе, Прэшаўскага ўніверсітэта, Універсітэта Канстанціна Філасафа ў Нітры і інш.

Першыя спробы асэнсавання гісторыі Славацкай Рэспублікі ў 1939–1945 гг., у тым ліку ацэнкі становішча яўрэйскай меншасці, належаць гісторыкам-эмігрантам М. Дзюрыцу і Ф. Внуку. Апошні засяродзіў увагу на разглядзе пытання аб становішчы яўрэйскай меншасці напярэдадні і падчас Славацкага нацыянальнага паўстання (СНП) [3]. На думку аўтара, менавіта пачатак паўстання падштурхнуў нямецкія ўлады да прыняцця рашэння аб поўным знішчэнні яўрэйскай меншасці ў Славацкай Рэспубліцы. Пры гэтым Внук падкрэсліваў, што “нягледзячы на пераслед нямецкай паліцыі, славакамі было выратавана каля 20 000 яўрэяў, якія хаваліся сярод славацкага насельніцтва” [3, s. 110]. У сваю чаргу М. Дзюрыца засяродзіў увагу на палітыцы славацкага ўрада ў адносінах да яўрэяў. Ён сцвярджаў, “што прэзідэнт Славацкай Рэспублікі, як і абсалютная большасць членаў урада, не выступалі за пераслед ці высяленне яўрэяў са Славакіі, а, наадварот, рабілі ўсё магчымае для абароны яўрэйскай

меншасці” [4, s. 13]. У якасці аргумента Дзюрыца прыводзіў той факт, што пасля прыняцця 15 мая 1942 г. Закона аб высяленні яўрэяў, частка грамадзян яўрэйскай нацыянальнасці была вызвалена ад дэпартацыі, а на другім этапе дэпартацыі – у 1944 г. – высяленнем кіравалі выключна нацысцкія часткі СС. На думку даследчыка, ад восені 1942 г. да верасня 1944 г. яўрэі знаходзіліся, нягледзячы на існаванне абмежавальных законаў, пад прававой абаронай Славацкай Рэспублікі і не падвяргаліся прымусоваму высяленню.

Дадзенае палажэнне аспрэчвалася ў абагульняючай працы па гісторыі Славакіі, выдадзенай у ЧСФР у 1985 г. [5]. Яе аўтары сцвярджалі, што людзкі рэжым лічыў вырашэнне яўрэйскага пытання адным са сродкаў умацавання свайго палітычнага становішча і аўтарытэту сярод славацкага насельніцтва. З гэтай прычыны заяўленая славацкімі ўладамі арызацыя (комплекс мер па пераводзе яўрэйскай уласнасці ў дзяржаўную ўласнасць – *А.К.*) была заклікана стварыць у Славакіі моцны, палітычна адданы кіраўніцтву клас уласнікаў, пазбаўленых канкурэнцыі з боку яўрэйскай буржуазіі. Навукоўцы адзначалі, што вынікам дзеянняў улад стала тое, што збыдзеныя грамадзяне-яўрэі сталі праз пэўны час нязручным сацыяльным цяжарам, ад якога неабходна было пазбавіцца.

Адкрыццё новых архіўных матэрыялаў у 1990-я гг. прывяло да адкідання сучаснымі славацкімі гісторыкамі адзначанага падыходу. Такія даследчыкі, як І. Каменец, Э. Ніжнянскі, Л. Губенак, Л. Ліпшар сыходзяцца ў меркаванні, што падрыхтоўка антыяўрэйскіх мер пачалася яшчэ падчас працы аўтаномнага ўрада Славакіі, а ўжо пасля абвешчання незалежнасці Славацкай Рэспублікі ўлады пачалі замацоўваць прынятыя раней рашэнні на заканадаўчым узроўні [6–11]. На думку Каменца, яўрэйскае пытанне было штучна ператворана славацкімі ўладамі ў ключавую ўнутраную праблему дзяржавы, якая стала асноўнай тэмай у барацьбе паміж славацкімі радыкаламі і кансерватарамі. У сваю чаргу, Ніжнянскі прыйшоў да высновы, што антысемітызм у Славакіі быў, перш за ўсё, вынікам мэтанакіраванай палітыкі славацкіх улад у дачыненні да яўрэйскай меншасці, у той час як уплыў Германіі на антысеміцкія настроі славакаў быў пераважна ўскосным і, як мінімум, другасным. Даследчыкі сыходзяцца ў меркаванні, што перамога пасля зальцбургскіх перамоў 1940 г. радыкальнага крыла на чале з В. Тукам і А. Махам паспрыялі радыкалізацыі антыяўрэйскага курсу ў Славакіі, што ў сваю чаргу прывяло да масавых дэпартацый яўрэйскага насельніцтва. Аналіз даследаванняў па дадзенай праблематыцы дазваляе выдзеліць наступныя храналагічныя перыяды ў палітыцы славацкіх улад па вырашэнні яўрэйскага пытання: 1) перыяд аўтаномнай Славакіі (кастрычнік 1938 – сакавік 1939 гг.); 2) ад стварэння Славацкай Рэспублікі (сакавік 1939 г.) да зальцбургскіх перамоў (ліпень 1940 г.); 3) прыход радыкалаў да ўлады і прыняцце Яўрэйскага кодэкса (верасень 1940 г.) да дэпартацыі яўрэйскага насельніцтва (кастрычнік 1942 г.); 4) ад прыпынення дэпартацый да пачатку Славацкага нацыянальнага паўстання (кастрычнік 1942 – жнівень 1944 гг.); 5) ад пачатку паўстання (жнівень 1944 г.) да вызвалення Славакіі (красавік 1945 г.).

Праблема арызацыі ці пазбаўленне ўласнасці яўрэйскай грамады падчас Другой сусветнай вайны таксама выступае прадметам даследавання славацкай гістарыяграфіі апошніх дзесяцігоддзяў. Па меркаванні такіх даследчыкаў, як І. Каменец, Э. Ніжнянскі, Я. Главінка, М. Фіамова, Л. Галон і інш., арызацыя была адным з галоўных інструментаў славацкіх улад па выключэнні яўрэяў з эканамічнага і сацыяльнага жыцця [12–16]. Яе асноўная мэта, на думку спецыялістаў, заключалася ў канфіскацыі яўрэйскай ўласнасці і выключэнні яўрэяў як з эканамічнага, так і грамадска-палітычнага жыцця шляхам увядзення абмежаванняў на прафесійную дзейнасць. Па меркаванні Галона, найбольш частай формай арызацыі была ліквідацыя яўрэйскіх прадпрыемстваў [17]. Навукоўцы адзначаюць, што пазбаўленае ўласнасці яўрэйскае насельніцтва стала сацыяльнай праблемай для ўлады, выйсце з якой славацкі ўрад хацеў знайсці з дапамогай саюзніцкай Германіі. У сваю чаргу Ніжнянскі выказвае меркаванне, што славацкі ўрад, пазбаўляючы яўрэяў маёмасці, жадаў тым самым “падкупіць славакаў” і такім чынам пашырыць сацыяльную базу сваіх прыхільнікаў.

Ацэнка грамадска-палітычнага становішча немцаў і вызначэнне ролі ў ім Нямецкай партыі ў Славакіі была дадзена гісторыкамі С. Габздзілавай-Алейнікавай, М. Алейнікам, М. Шварцам, Д. Ковачам і інш. [18–24]. Даследчыкі падкрэсліваюць, што Нямецкая партыя (НП) выконвала ролю палітычнага цэнтра карпацкіх немцаў і адзначаюць яе выключнае права на прадстаўніцтва нямецкай этнічнай групы ў Славацкай Рэспубліцы. Гісторыкі сцвярджаюць, што НП на чале з Ф. Кармазінам імкнулася атрымаць максімальныя льготы з боку кіруючага рэжыму, бо стаўленне ўлад Славацкай Рэспублікі да нямецкай меншасці выступала ў значнай ступені крытэрыем узаемаадносін славацкага ўрада з нацысцкай Германіяй. На думку даследчыкаў, Берлін разглядаў карпацкіх немцаў у якасці агентаў і асведамляльнікаў нямецкіх разведвальных органаў аб сітуацыі ў Славакіі. Па меркаванні Ковача, рашучая падтрымка радыкальнага крыла ГСНП на чале з В. Тукам і А. Махам з боку Нямецкай партыі і асабіста Кармазіна паўплывала на прыняцце славацкім кіраўніцтвам далейшых бескампрамісных грамадска-палітычных рашэнняў у дачыненні да яўрэйскай меншасці. Навукоўцы адзначаюць, што поспехі нямецкай арміі на першых этапах Другой сусветнай вайны і актыўная прапаганда з боку НП прывялі да росту нямецкага нацыяналізму ў Славакіі.

Пытанне эвакуацыі карпацкіх немцаў у Германію пасля пачатку Славацкага нацыянальнага паўстання і вызвалення славацкіх зямель разглядалася ў працах С. Габздзілавай-Алейнікавай, М. Алейніка, Д. Ковача і інш. [18; 19; 25]. Даследчыкі канстатавалі, што набліжэнне Чырвонай Арміі да славацкай мяжы і пашырэнне паўстання выклікалі паніку і страх сярод нямецкага насельніцтва. Стаўленне нямецкай меншасці да эвакуацыі яны характарызуюць, як сапраўдную дылему: з аднаго боку, гэта быў страх перад Чырвонай Арміяй, з другога – нежаданне пакідаць свае дамы. Эвакуацыя, нягледзячы на загады нямецкага кіраўніцтва і вызначаную ім канцэпцыю, праходзіла не па плане і часта суправаджалася затрымкамі ў часе. Даследчыкі прыйшлі да высновы, што пытанне размяшчэння і бяспекі немцаў пасля эвакуацыі са Славакіі не было вырашана, так як асаблівых папрабаванняў да

арганізацыі будучага жыцця карпацкіх немцаў Берлінам не ставілася. Адкрытым застаецца пытанне вызначэння колькасці эвакуіраваных са Славакіі ў 1944 г. карпацкіх немцаў. На сённяшні дзень па ацэнках даследчыкаў іх лічба вагаецца ад 70 да 120 тыс. чалавек [19, с. 42].

На становішча венгерскай меншасці ў Славакіі ў значнай ступені ўплывалі адносіны паміж Браціславай і Будапештам. Гісторык М. Хетэны прыйшоў да высновы, што на славацка-венгерскія міждзяржаўныя адносіны, а, адпаведна, і на становішча славацкіх венграў істотна паўплываў “прынцып узаемнасці” [26; 27]. Гэтае меркаванне падзяляюць і развіваюць О. Падалец і М. Лацко, кажучы аб тым, што славацкі бок чакаў ад венгерскіх калег аналагічнага падыходу да ўрэгулявання розных пытанняў становішча славацкай меншасці ў Венгрыі [28; 29]. “Прынцып узаемнасці” прадугледжваў, што правы этнічных груп, замацаваныя ў Канстытуцыі Славацкай Рэспублікі, прымяняюцца ў той ступені, у якой славацкая меншасць на тэрыторыі метраполіі адпаведнай этнічнай групы карыстаецца такімі ж правамі. У сваіх даследаваннях Хетэны прыходзіць да высновы, што славацкія венгры знаходзіліся ў больш прывілеяваным становішчы ў параўнанні з іншымі меншасцямі (акрамя нямецкай меншасці – А.К.). Яны мелі права на стварэнне палітычных аб’яднанняў, але, у адрозненні ад карпацкіх немцаў, сутыкаліся з абмежаваннямі з боку славацкіх улад, што перашкаджала паўнаwartаснай дзейнасці. З іншага боку, славацкіх венграў практычна не закранула пазбаўленне эканамічных і грамадзянскіх правоў ці прымусовае высяленне. Любая буйная акцыя супраць венгерскай меншасці ў Славакіі фіксавалася Будапештам, што пагражала ўзаемнымі дзеяннямі ў дачыненні да славакаў у Венгрыі.

Згаданы даследчык Хетэны звярнуў увагу і на праблему Славацка-Венгерскага памежжа [30; 31]. Ён адзначаў, што развіццё дзідзенага рэгіёна вызначалася палітыкай нямецкага ўрада і двухбаковымі славацка-венгерскімі адносінамі. Пасля адыходу паўднёвых раёнаў Славакіі да Венгрыі тысячы жыхароў славацкай, чэшскай, яўрэйскай і русінскай нацыянальнасцей былі вымушаны пакінуць сваю зямлю пад ціскам венгерскай улады. Славацка-Венгерскае памежжа на працягу 1939 – 1945 гг. з’яўлялася ачагом канфлікту, які актыўна падаграваўся прапагандысцкімі захадамі абодвух бакоў. Хетэны адзначаў, што для венгерскай прапаганды таго часу было характэрна выкарыстанне перыядычнага друку і вербальнай камунікацыі. Сярод славацкіх венграў памежжа распаўсюджваліся чуткі аб хуткіх тэрытарыяльных зменах на карысць Венгрыі. На думку даследчыка, славацкая прапаганда не саступала Будапешту ў сваёй інтэнсіўнасці, актыўна выкрываючы на старонках перыядычнага друку венгерскую рэвізіянісцкую палітыку.

Аналіз становішча цыганскай меншасці быў праведзены такімі навукоўцамі як З. Куманава, А. Ман, К. Янас і інш. [32–35]. На іх думку, дыскрымінацыйныя меры ўлад Славацкай Рэспублікі супраць цыган былі прадыктаваны асацыяльнымі паводзінамі дадзенай этнічнай групы. Даследчыкі прыйшлі да высновы, што даўнія стэрэатыпы аб цыганскай меншасці ў шырокіх сляях насельніцтва, падмацаваныя публікацыямі ў перыядычным друку і сцверджаннямі шэрагу славацкіх навукоўцаў і палітыкаў, знайшлі адлюстраванне ў прававых нормах супраць цыган. У гісторыі пераследу цыган К. Янас вылучыў два перыяды: 1) сакавік 1939 г. – жнівень 1944 г., які характарызаваўся афармленнем антыцыганскага заканадаўства і яго рэалізацыяй на практыцы (цыганаў прымусова перасялялі з гарадоў у вёску, ім забаранілі служыць у войску, наведваць паркі і крамы, з 1941 г. іх пачалі змяшчаць у працоўныя лагеры для асацыяльных асоб); 2) жнівень 1944 г. – красавік 1945 г., калі назіралася ўзмацненне рэпрэсій супраць цыганскай меншасці ў сувязі з дзеяннямі нямецкай арміі на славацкай тэрыторыі. Так, у лістападзе 1944 г. на месцы працоўнага лагера ў Дубніцэ-над-Вагам быў створаны асобны лагер, куды адпраўлялі цыган з усёй Славакіі з членамі іх сем’яў [34].

Асабліваці побыту чэшскіх служачых у Славакіі падчас Другой сусветнай вайны ў дзяржаўным і прыватных сектарах выявілі гісторыкі П. Мічко і З. Хештэрава [36]. Яны высветлілі, што пасля абвяшчэння аўтаноміі Славацкай Рэспублікі прадстаўнікі ўрада, спасылаючыся на недахоп працоўных месцаў у дзяржаве, запатрабавалі ад чэхаў выехаць з краіны. На змяненне прававога становішча чэшскай меншасці аказала ўплыў і прыняцце Законаў аб грамадзянстве і аб працаўладкаванні замежнікаў, так як апошні ануляваў ранейшыя дазволы на працу. На думку аўтараў, згаданыя змяненні ў славацкім заканадаўстве вымусілі большасць чэхаў пакінуць Славацкую Рэспубліку. Пры гэтым, як высветліў І. Бака, значны ўплыў на высяленне чэхаў аказала высокая актыўнасць членаў Глінкавай гвардыі і афіцыйнай прэсы, якія падагравалі антычэшскія настроі сярод славацкіх грамадзян і выступілі адзіным фронтам у падтрымку рашэння аб выгнанні чэхаў [37].

Становішча русінскай меншасці ў Славацкай Рэспубліцы 1939–1945 гг., на думку даследчыкаў, характарызавалася недаверлівымі адносінамі паміж славацкімі ўладамі і русінамі, якіх стала абвінавачвалі ў венгерскасці, а пазней – у сімпатыях да камуністычнай ідэалогіі. Для палітыкі людацкага рэжыму ў дачыненні да русінскай меншасці былі характэрны асіміляцыйныя захады [38]. Даследчыкі канстатуюць, што намаганні русінаў па стварэнні палітычнага аб’яднання пастаянна ўваходзілі ў супярэчэнні не толькі з інтарэсамі сталіцы, але і з асабістымі меркаваннямі асобных мясцовых чыноўнікаў. На думку С. Канечнага, рознага ўзроўню ўлады імкнуліся не толькі мінімізаваць палітычную актыўнасць русінаў, але і цалкам забараніць іх культурна-адукацыйную дзейнасць [39].

Заклучэнне. Такім чынам, можна канстатаваць, што сучасная славацкая гістарыяграфія па праблеме становішча нацыянальных меншасцей у Славацкай Рэспубліцы ў 1939–1945 гг. прадстаўлена шматлікімі даследаваннямі. Гісторыкі аналізуюць дзейнасць этнічных груп у Славакіі праз прызму іх грамадска-палітычнага і сацыяльна-эканамічнага становішча. Галоўнай асаблівасцю сучасных славацкіх даследаванняў па праблеме нацыянальных меншасцей з’яўляецца зварот да пытанняў, якія раней не разглядаліся: выгнанне чэхаў, славацка-венгерскія адносіны, палітыка антысэмітызму ў першай Славацкай Рэспубліцы і г.д. Прыярытэтнае месца ў даследаваннях займаюць пытанні грамадска-палітычнага і эканамічнага жыцця яўрэйскага, нямецкага і венгерскага насельніцтва

тагачаснай Славакіі. У сваю чаргу становішча цыганскай, чэшскай і русінскай меншасцей прадстаўлена фрагментарна. Пэўным недахопам можна лічыць адсутнасць даследаванняў па пытаннях стаўлення нацыянальных меншасцей да славацкіх улад, узаемадзеяння славацкага насельніцтва з рознымі этнічнымі групамі.

ЛІТАРАТУРА

1. Fórum inštitút pre výskum menšín. Šamorín. – URL: <https://foruminst.sk>. (дата звароту: 25.04.2022).
2. Dokumentačné stredisko holokaustu. Bratislava. – URL: <http://www.holokaust.sk>. (дата звароту: 25.04.2022).
3. Vnuk F. Neuveriteľné prisahanie, vojenské a politické akcie proti Slovenskej republike v roku 1944. – Middletown: knižnica Literárneho almanachu Slovák v Amerike, 1964. – 196 s.
4. Ďurica M. S. Slovenský podiel na európskej tragédii Židov. – Köln: Slovenský ústav Matúša Cernáka, 1987. – 40 s.
5. Dejiny Slovenska V / zost. M. Kropilák a kol. – Bratislava: Veda, 1985. – 607 s.
6. Kamenec I. Po stopách tragédie. – Bratislava: Archa, 1991. – 285 s.
7. Kamenec I. Slovenský štát (1939-1945). – Praha: Anomal, 1992. – 143 s.
8. Nižňanský E. Nacizmus, holokaust, slovenský štát. – Bratislava: Kalligram, 2010. – 290 s.
9. Nižňanský E. Politika antisemitizmu a holokaust na Slovensku v rokoch 1938–1945. – Banská Bystrica: Múzeum Slovenského národného povstania, 2016. – 495 s.
10. Hubenák L. Rasové zákonodarstvo na Slovensku (1939–1945). – Bratislava: Univerzita Komenského, 2003. – 224 s.
11. Lipscher L. Židia v slovenskom štáte 1939–1945 [nem. prel. I. Knezlová]. – Bratislava: Print-servis, 1992. – 254 s.
12. Kamenec I. Arizačný proces a jeho vplyv na slovenskú spoločnosť // *Obraz a odraz osobnosti modernej doby: k "70" historikov Jana Peška a Stanislava Sikoru*. – Bratislava: Veda, 2019. – S. 283–299.
13. Nižňanský E. Arizácie v regiónoch Slovenska / E. Nižňanský, J. Hlavinka (eds.). – Bratislava: Stimul, 2010. – 231 s.
14. Hlavinka J., Fiamová M. Arizácia židovského majetku // *Slovenský štát 1939–1945: predstavy a realita*. – Bratislava: Historický ústav SAV, 2014. – S. 255–271.
15. Fiamová M. Arizácia pozemkového vlastníctva na Slovensku v rokoch 1939–1945 // *Protižidovské zákonodárstvo na Slovensku a v Európe : zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie Bratislava 8.-9. septembra 2011*. – Bratislava: Ústav pamäti národa, 2014. – S. 281–293.
16. Fiamová M. Slovenská zem patrí do slovenských rúk arizácia pozemkového vlastníctva židovského obyvateľstva na Slovensku v rokoch 1939 – 1945. – Bratislava: Veda, 2015. – 175 s.
17. Hallon L. Arizacia na Slovensku 1939–1945 // *Acta Oeconomica Pragensia* – 2007. – Roč. 15, č. 7. – S. 148–160.
18. Gabzdilová S. Nemecká komunita v živote slovenskej spoločnosti 1938 – 1945 // *Človek a spoločnosť*. – 2004. – Roč. 7, č. 3. – S. 139–151.
19. Gabzdilová-Olejníková S., Olejník M. Karpatskí Nemci na Slovensku od druhej svetovej vojny do roku 1953. – Bratislava: Spoločenskovedný ústav SAV, Slovenské národné múzeum Múzeum kultúry karpatských Nemcov, 2004. – 206 s.
20. Olejník M. Postavenie nemeckej menšiny na Slovensku po porážke nacistického Nemecka. – *Človek a spoločnosť*. – 1998. – roč. 1, č. 2. – S. 14–20.
21. Schvarc M. Heimatschutz – medzi realitou a ilúziou (Organizácia a formovanie nemeckej domobrany) // *Slovenská republika 1939 – 1945 očami mladých historikov III. Povstanie roku 1944*. – Trnava: Katedra histórie FF UCM Trnava, 2004. – S. 301–327.
22. Schvarc M. "Každý Nemec uvedených ročníkov sa má bez vyzvania dostaviť pred komisie." : Nábor a služba slovenských Nemcov vo Waffen-SS 1939 – 1945. – Bratislava: Historický časopis – 67, 4/2019. – S. 659–693.
23. Schvarc M. Vývoj a zmeny organizačnej štruktúry Deutsche Partei 1938 – 1945 // *Historický časopis*. – 2006. – № 3(54). – S. 471–503.
24. Kováč D. Nemecko a nemecká menšina na Slovensku (1871–1945). – Bratislava: Veda, 1991. – 235 s.
25. Kováč D. Evakuácia slovenských Nemcov v záverečnej fáze druhej svetovej vojny // *Acta contemporanea: k päťdesiatinám Viléma Prečana*. – Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 1998. – S. 147–165.
26. Hetényi M. Postavenie maďarskej menšiny na Slovensku v rokoch 1939 – 1940 // *Slovensko medzi 14. marcom 1939 a salzburskými rokovaniemi*. – Prešov: Universum, 2007. – S. 93–111.
27. Hetényi M. (Zjednotená) maďarská strana na Slovensku 1939–1945. – Nitra: UKF, 2011. – 307 s.
28. Lacko M. Slovenská republika 1939–1945. – Bratislava: Perfekt, Ústav pamäti národa, 2008. – 205 s.
29. Podolec O. Postavenie národnostných menšín v Slovenskej republike (1939–1945) // *Z dejín demokratických a totalitných režimov na Slovensku a v Československu v 20. storočí: historik Ivan Kamenec 70-ročný*. – Bratislava: Historický ústav SAV, 2008. – S. 115–130.
30. Hetényi M. Propaganda v slovensko-maďarských vzťahoch v rokoch 1938 – 1945 // *Forum Historiae*. – 2012. – Roč. 6, č. 2. – S. 101–113.
31. Hetényi M. Slovensko-maďarské pomedzie v rokoch 1938 – 1945i. – Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2008. – 216 s.
32. Kumanová Z., Mann A. B. Ma bisteren! Nové poznatky o holocauste Rómov na Slovensku. – Bratislava: Občianske združenie in minorita, 2015. – 48 s.
33. Nepriznaný holocaust : Rómovia v rokoch 1939 – 1945 : [v rámci projektu Ma bisteren!] / ed. Z. Kumanová, A. B. Mann. Bratislava: Občianske združenie In minorita. – Slovenské národné múzeum : Ústav etnológie SAV, 2007. – 53 s.
34. Janas K. Perzekúcie Rómov v Slovenskej republike (1939 – 1945). – Bratislava: Ústav pamäti národa, 2010. – 112 s.
35. Janas K. Utrpenie slovenských Rómov // *Fenoméni holokaustu: zborník z medzinárodnej vedecko-odbornej konferencie konanej dňa 27.-28. marca 2008 pod záštitou predsedu vlády SR pre vedomostnú spoločnosť, európske záležitosti, ľudské práva a menšiny Dušana Čaploviča*. – Bratislava: Ševt, 2008. – S. 123–133.
36. Mičko P., Heterová Z. Špecifika postavenia českých zamestnancov na Slovensku počas druhej svetovej vojny vo verejnom, štátnom a súkromnom sektore // *Acta historica Neosoliensia Vedecký časopis pre historické vedy*. – 2017. – № 2. – S. 87–104.
37. Baka I. Politický systém a režim Slovenskej republiky v rokoch 1939–1940. – Bratislava: Vojenský historický ústav, 2010. – 322 s.
38. Pekár M. Rusínska otázka na Slovensku v rokoch 1939–1945 a alternatívy jej riešenia // *Slovenská republika 1939-1945 očami mladých historikov*. – Zv. 4. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie Banská Bystrica 14. – 15. 4. 2005. – Banská Bystrica: Ústav vedy a výskumu UMB, 2005. – S. 292–302.
39. Konečný S. Rusínska a ukrajinská menšina po vzniku prvej Slovenskej republiky // *Slovenská republika 1939-1945 očami mladých historikov*. – Zv. 4. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie Banská Bystrica 14. – 15. 4. 2005. – Banská Bystrica: Ústav vedy a výskumu UMB, 2005. – S. 283–291.

40. Slovensko v 20. storočí. Štvrtý zväzok, Slovenská republika 1939-1945 / K. Hradská, I. Kamenec a autor. kol. – Bratislava: VEDA, 2015. – 477 s.

Пастуныў 21.10.2022

**СЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ПОЛОЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

А.С. КОНДРАТЕНКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

В статье дается оценка словацкой историографии по проблеме положения национальных меньшинств в Словацкой Республике в 1939–1945 гг. Современные историки акцентируют внимание на ранее неисследованных темах, таких как словацко-венгерское пограничье, изгнание чехов, эвакуация карпатских немцев, лишение имущества еврейской общины и др. Отмечены наиболее изученные и противоречивые аспекты общественно-политической и экономической жизни национальных меньшинств Словакии периода 1939–1945 гг.

Ключевые слова: Словацкая Республика; словацкая историография; национальные меньшинства; Вторая мировая война.

**SLOVAK HISTORIOGRAPHY ON THE PROBLEM OF THE STATE
OF NATIONAL MINORITIES IN THE SLOVAK REPUBLIC DURING THE SECOND WORLD WAR**

A. KANDRATSENKA

(Belarusian State University, Minsk)

The article gives an assessment of the Slovak historiography on the problem of the state of national minorities in the Slovak Republic in 1939–1945. Modern historians focus on previously unexplored topics, such as the Slovak-Hungarian borderlands, the expulsion of Czechs, the evacuation of the Carpathian Germans, the deprivation of property of the Jewish community, etc. The most studied and controversial aspects of the socio-political and economic life of the national minorities of Slovakia in the period 1939–1945 are noted.

Keywords: Slovak Republic; Slovak historiography; national minorities; The Second World War.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.16-31“1980/1990”

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-96-103

ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННОГО КОНТЕКСТА В ПОВЕСТИ 1980–1990-х гг.
РУССКО-БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ВETERАНОВ И СВИДЕТЕЛЕЙ ВОЙНЫ
С НЕМЕЦКИМ НАЦИЗМОМ

канд. филол. наук, доц. Т.Р. БОГОРАДОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: t.baharadava@psu.by

В статье рассматриваются новые ракурсы осмысления темы Великой Отечественной войны русскими и белорусскими писателями-фронтовиками, представителями «лейтенантской прозы», а также белорусскими писателями-свидетелями военных событий в жанре повести, созданной в позднесоветское и постсоветское время. Авторы объединяет обращение к актуальной проблеме бытия ветеранов в эпоху общественных преобразований 1980 – 1990-х гг. Писатели отразили проявления общественно-политического кризиса и его последствия: процессы переосмысления событий Великой Отечественной войны, былых идеалов и приоритетов, социальные и психологические травмы воина-ветерана в постсоветском обществе.

Ключевые слова: «лейтенантская проза», «окопная правда», военная повесть, автобиографизм, натурализм, хронотоп, «ремаркизм», постсоветский контекст.

Введение. Период 1980–1990-х гг. принес глобальные изменения в историческое бытие русского и белорусского народов в сфере политики, экономики, экологии – всей жизни человека и общества. После распада СССР в 1991 году изменилась форма национальной государственности бывших союзных республик. Немного ранее произошла крупнейшая в мире техногенная катастрофа – взрыв на Чернобыльской атомной станции (1986), от последствий которого наиболее пострадали земля и люди Беларуси, а также часть России и Украины. Вместе с тем, в культуру и литературу пришли новые темы и проблемы, история Великой Отечественной войны не только не ушла в архивы, а, наоборот, приобрела новую актуальность. Появилась необходимость в её расширенном и углубленном художественном отражении, интеллектуальном переосмыслении, обновленном осознании её роли в истории современных постсоветских наций и народов СССР. Эта переоценка была почти всенародной и касалась поколения, с которого начиналась в конце 1950 – начале 1960-х гг. «лейтенантская» и партизанская проза, «окопная правда» и «литература оттепели». Закономерно, что движение к новому происходило в тесных связях и взаимодействии всех советских писателей – ветеранов Великой Отечественной войны. Ответом этому вызову времени стала проза, которая и потребовала новых компетенций от литературоведов и профессиональных критиков.

В 1980 – 1990-е гг. прежде всего авторы советской «лейтенантской прозы», особенно русские, с новым воодушевлением стали отражать наиболее трагические проявления войны: и Великой Отечественной, и конфликтов более позднего времени. Авторитетные, широкоизвестные литературные имена уже имели такие писатели-ветераны из России и Беларуси, как бывшие артиллеристы Г. Бакланов и В. Быков, пехотинец В. Кондратьев, связист В. Астафьев, сапер В. Некрасов, десантник Б. Васильев, политрук зенитной батареи И. Шамякин, пехотинец, потом пленный и партизан К. Воробьёв, подпольщик, партизан и военный связист-разведчик И. Науменко, подпольщик и партизан А. Адамович.

Актуальность исследования заключается в определении эстетики писателей-фронтовиков, их мировосприятия, сопоставлении русско-белорусского корпуса военных повестей позднесоветского и постсоветского времени, обращении к исследованию актуальной военной тематики. Целью данной работы стало рассмотрение эволюции художественного мировосприятия русских и белорусских писателей-фронтовиков, а также свидетелей пережитого в отношении военных событий 1941–1945 гг.; задачами является рассмотрение и анализ выявленных проблем в авторских повестях периода 1980 – 1990-х гг. Объектом исследования выступают военные повести классиков русской и белорусской литератур, репрезентированные в разноплановых художественных формах, реалистичных сюжетах с доминантой автобиографического опыта. Предметом исследования в статье стало переосмысленное писателями отражение военного контекста в период перестройки и гласности, а также постсоветское время.

Представление об авторской эстетике русско-белорусской военной повести 1980 – 1990-х гг., переосмысленном мировоззрении писателей-ветеранов и свидетелей событий дают исследования как российских, так и отечественных ученых. В российском литературоведении видное место в рассмотрении данного вопроса занимают труды А. Бочарова [1], И. Дедкова [2; 3], Н. Лейдермана [4], П. Топера [5] и многих других, а в отечественном компаративистский анализ актуализирован в исследованиях 1970 – 2000-х гг. и представлен в работах Е. Леоновой [6]. В. Локун [7], М. Мушинского [8], В. Наумовича [9], М. Тычины [10], И. Шабловской [11], молодых исследователей – О. Безлепкиной [12], Е. Крикливец [13; 14].

Основная часть. Работа базируется на постулатах культурно-исторического, сравнительно-исторического методов, приёмах целостного анализа художественного текста, что дает возможность выделить ведущие тенденции

и формы раскрытия военной темы в наследии писателя-ветерана, являющегося очевидцем военных событий, а также определить творческую позицию автора с учетом изменения историко-культурного контекста.

На стыке веков, во времена смены социальной и культурной парадигмы, почти все из них с новой открытостью, искренностью и смелостью вернулись к военной теме. На этом этапе *автобиографизм* в повестях ветеранов углубился и усилился. Например, факт нахождения в плену из биографии Константина Воробьева (1919–1975) нашел отражение в недописанной автобиографической повести «Это мы, Господи!» (1943, 1986), ведущем в которой стал образ лейтенанта Сергея Кострова. Это произведение было написано почти за месяц, во время нахождения К. Воробьева в антифашистском подполье Литвы, и должно было стать продолжением предыдущей повести под названием «Крик» (1962). Публикация первой части произведения «Это мы, Господи!» произошла после более чем сорокалетнего нахождения в архивах. Автобиографическими (в разной мере) являются все произведения Вячеслава Кондратьева (1920 – 1993). Наиболее полно авторский опыт представлен в повестях о переломной битве под Ржевом, где будущий писатель воевал помощником командира взвода отдельного стрелкового батальона. В 1974 г. была написана повесть «Сашка» (напечатана в 1979 г.), которая отличалась правдивостью и драматизмом. Ее своеобразным продолжением стали произведения В. Кондратьева периода 1980 – 1990-х гг.: повести «Борькины пути-дороги» (1980), «Дорога в Бородухино» (1980), «День победы в Чернове» (1980), «На сто пятом километре» (1981). Ржевская тематика с автобиографическим материалом легли в основу цикла повестей «Отпуск по ранению» (1980), «Встречи на Сретенке» (1981) с общим автобиографическим героем – лейтенантом Володькой Канаевым (его образ присутствует в романе «Красные ворота») (1988), а также повестях «Селижаровский тракт» (1985), «Этот сорок восьмой» (1990), «Искупить кровью» (1991).

Григорий Бакланов (Фридман, 1923–2009), подчеркивая натуральность военного контекста, брал для произведений фамилии реальных людей, с которыми воевал. В повести «Меньший среди братьев» (1981) нарратором выступает телефонист при штабе артиллерийского полка. Произведение автобиографическое, так как автор видел смысл своей жизни в сохранении памяти о пережитом: «Я вернулся живым с войны, где погибли целые поколения. Есть ли смысл в моей жизни, кроме того, чтобы независимо от возможных выгод или невзгод рассказать, как и что это было»¹.

Бывший участник Сталинградской битвы Виктор Некрасов (1911–1987) в послесловии «Сталинград» (1981), созданном по мотивам одноименного романа «Сталинград» (1946), а также знаменитой повести «В окопах Сталинграда» (1946), воссоздал впечатления от хода исторической битвы и первого боевого опыта многих наивных бойцов. В произведении «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы» (1983) война показана ретроспективно, на примере истории семьи писателя.

Творчество Бориса Васильева (1924–2013) тоже обращено к фронтовому прошлому. Так, в качестве прототипа Сони Гурвич из повести «А зори здесь тихие» (1969) и Искры Поляковой из сценария «Завтра была война» (1984) Б. Васильев показал собственную жену Зору Поляк. Виктор Астафьев (1924–2001) в повестях о войне сочетал натуралистическое и лирическое начало и на исходе XX века создал во многом автобиографические повести «Так хочется жить» (1995) и «Обертон» (1996). Они имеют связанную образами сюжетную линию (Коляша Хахалин, сортировщицы писем). В автобиографическом произведении «Веселый солдат» (1998) В. Астафьев разрушил наивные иллюзии, характерные для него как для представителя советской молодежи, попавшей на войну. Собственные суждения писателя относительно осмысления войны с позиций современности и признание окончательного невозврата к этой теме после написания повести «Веселый солдат», высказанные в «Беседах с Виктором Астафьевым» (журнал «Знамя», 2009, № 5), реализовались в произведении и стали результатом нового осмысления писателем военных реалий, увиденных глазами зрелого ветерана с огромным жизненным опытом: «Тянет, обнимает земля человека, в муках и для мук рожденного, мимоходом с земли сброшенного, человека убитого и уничтоженного»².

«Лейтенантская проза» имела важную особенность, сохранившуюся с послевоенных времен и до периода 1980 – 1990-х гг., – *границную правдивость отражения*. Одной из новых страниц литературы о войне стал показ максимальной жестокости законов военного времени. На практике формальная верность не только духу, но и букве закона могла привести к трагически-безвыходным ситуациям. В результате возникали неоправданные потери в боях, антиморальное поведение отдельных командиров и солдат как на своих, так и на иностранных территориях, игнорирование законности по отношению к бойцам из штрафных рот и батальонов. Так, в повести В. Астафьева списанный с самого себя и боевых товарищей обобщенный образ солдата-окопника показывает отрицательное отношение начальства, обход заслуженными наградами, противопоставление бойца многочисленным тыловикам-приспособленцам. В повести «Так хочется жить» Коляша Хахалин – начитанный солдат с гуманитарными склонностями – вынужден постоянно терпеть самоуправство безграмотных командиров.

В произведениях писателей-фронтовиков в преимущественном большинстве присутствует *натурализм* описания боевых действий, где кровь и смерть становятся привычными составляющими бытия. Натурализм военной среды, неприкрытая грубость и прагматизма, непривычные человеку, ориентированному на идеалы, у представителей «лейтенантской прозы» проявляются преимущественно в описании боя и экстремальных зарисовках окружающей действительности. Особенно выразительно в этом плане отражение лагерного быта и издевательств фашистов

¹ Бакланов, Г. Меньший среди братьев / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-prose-military/137741-3-grigoriy-baklanov-menshiy-sredi-bratev.html#book>.

² Астафьев, В. Веселый солдат / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/literature-war/66061-viktor-astafey-veselyy-soldat.html>

над людьми в повести К. Воробьева «Это мы, Господи!»: «Брызгала кровь, иматками летела срубленная неправильным косым ударом лопаты кожа. Лагерь огласился рыком осатаневших убийц, стонами убиваемых, тяжелым топотом ног в страхе метавившихся людей»³. В. Кондратьев в произведениях «Селижаровский тракт» и «Искупить кровью» подчеркивал, что многочисленные человеческие жертвы часто являлись результатом неадекватности командиров при разработке боевой стратегии и тактики; имело место отсутствие боевых навыков, элементарного образования и неизбежная в таких ситуациях бессмысленность приказов: «Мало думаем мы на войне... Многие наугад было, на авось. Давай, давай! А на этом “давай” далеко не уедешь»⁴ («Селижаровский тракт»); «Деревню сейчас взять нельзя. Люди вконец измучены. Вы посылаете их на верную и бессмысленную смерть... Я не могу выполнить этот приказ... Я считаю его преступным»⁵ («Искупить кровью»).

Если в предыдущие времена подобные коллизии трактовались большинством писателей как оправданные сопоставлением «окопной правды» и так называемой «правды ставки», абсолютизировалась стратегия под лозунгом «мы за ценой не постоим», то в 1980 – 1990-е гг. ветераны стали более критичными в оценках огромного количества человеческих потерь во время войны. Определяющим у большинства писателей-ветеранов стало изображение положения на фронтах, характеризующегося фатальной неизбежностью человеческих жертв: неподготовленностью молодых бойцов, отсутствием порядка в армии, необходимого оружия, что очень детально отражено в повестях В. Некрасова «Сталинград», Г. Бакланова «Меньший среди братьев», В. Кондратьева «Сашка», «Селижаровский тракт», «Искупить кровью», В. Астафьева «Обертон», «Веселый солдат», например: «И такое же унижающее отчаяние бессильности, какое бывало на передовой, когда немец накрывал их снарядами и минами, а им нечем было ответить, охватило Сашку»⁶ («Сашка»).

Очевидно, что одной из важных черт «лейтенантской прозы» является внимание к подробностям хронотопа (времени и обстоятельств проведения боевой операции, географических и других подробностей на месте действия), психологического состояния персонажа на фронте, детального описания боя. Главными локациями для развертывания действия в повести о войне выступали передовая, госпиталь, концентрационный лагерь, город с его ландшафтом или деревенская изба. Как отмечалось, В. Астафьев, отражая восприятие событий солдатом-окопником, сочетал поляризованный натуралистически-лирический рассказ о ситуациях на фронте. У Г. Бакланова прием контраста служит для разграничения описания боев и природных пейзажей. Слои военного прошлого воссозданы через ретроспекцию и сопоставление с мирными послевоенными буднями в повестях В. Некрасова «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы», Б. Васильева «Завтра была война» и в произведениях В. Кондратьева «Отпуск по ранению», «Встречи на Сретенке», «День победы в Чернове», «Этот сорок восьмой».

Базовой составляющей в жанровой структуре военной повести ветеранов стал *мотив дороги*. Первичное номинативное значение имеет фронтовая дорога, как в повестях В. Кондратьева «Борькины пути-дороги», «Дорога в Бородухино», «Селижаровский тракт». В текстах Г. Бакланова «Меньший среди братьев» и В. Астафьева «Так хочется жить» дорога ведет в небытие или дает возможность продолжения земного существования человека: «Фронтовые дороги ведут в бесконечность и никогда не повторяются»⁷ («Так хочется жить»). Вторая и третья часть произведения «Так хочется жить» воссоздают путь возврата к мирному существованию и картину обустройства бывших солдат-фронтовиков в условиях послевоенной разрухи. Переосмыслением минувшей войны, воспоминаниями о пережитом и осознанием сущности пройденного земного пути характеризуются дороги памяти бывших солдат. В. Кондратьев в повести «День победы в Чернове» и В. Астафьев в произведении «Веселый солдат» проводят своих героев дорогами прошлого, возвращая их к местам бывших боев: «Можно будет, конечно, пройти туда тем старым и памятным большаком, что идет от Селижарова на Ржев, по которому мы топали метельными февральскими ночами сорок второго года, или той, другой дорогой обратно, идущей от села Бахмутова, где находилась санрота, на станции Шербово. Дорогой дневной, солнечной, но тоже незабываемой, пройденной уже в мае того же года. И тот, и другой путь необычны. Путь на войну – и путь к жизни»⁸ («День победы в Чернове»).

Одним из ключевых ракурсов в обновлении взглядов на пережитое стал углубленный анализ прозаиками-ветеранами психологического состояния человека на войне – в различных вариациях. У В. Астафьева Коляша Халин из повести «Так хочется жить» чувствует себя в военной среде отверженным и одиноким, даже хочет покончить жизнь самоубийством: «Большой боли он пока еще не ощущал, но вот чувство сиротливости, одиночества и безмерной тоски по кому-то и по чему-то распространялось по всему телу, по всему нутру и даже, вроде бы, под кожей. В крови, в мышцах поселялась тоскливая пустота. Как и всегда после потрясения, вспышки в детстве

³ Воробьев, К. Это мы, Господи! / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/197560-konstantin-vorobev-eto-my-gospodi.html>.

⁴ Кондратьев, В. Селижаровский тракт / Электронная библиотека ModernLib.Net. 2018. URL: <http://modernlib.net/books/kondratev-vyacheslav/selizharovskiy-tract/read>.

⁵ Кондратьев, В. Искупить кровью / Литмир. 2011. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=59125&p=1>.

⁶ Кондратьев, В. Сашка / Электронная библиотека Libking.ru. 2011. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-military/279120-vyacheslav-kondratev-sashka.html>.

⁷ Астафьев, В. Так хочется жить / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/132682-7-viktor-astafev-tak-hochetsya-zhit.html#book>.

⁸ Кондратьев, В. День победы в Чернове / Электронная библиотека Libking.ru. 2011. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-military/414891-14-vyacheslav-kondratev-den-pobedy-chemove.html#book>.

еще приобретенного психоза, он болел всем телом, слабел духом, страдал чувством покинутости. Как всегда, ему хотелось куда-то уплыть, уехать, убежать. Да куда уедешь, уйдешь от этой казармы, из этой жизни? Он уже давно решил, что когда-нибудь в такие вот минуты покончит с собой»⁹.

Повести Г. Бакланова несут печать мнимого покоя персонажа, живущего на войне в постоянном предчувствии смерти и в будущем стремящегося начать жизнь заново. Нарратор из произведения Б. Васильева «Завтра была война», В. Некрасова «Сталинград» и «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы» живет воспоминаниями о прошлом, ретроспективно воссоздавая военную реальность в деталях, контрастирующих с послевоенной реальностью. В. Кондратьев описывал повседневную работу личности над собой и своими слабостями во время военного периода, показывая войну как кровавую бойню.

Не боясь показаться непатриотичными, большинство писателей-ветеранов определяло в описании состояния рядового солдата на войне постоянный фактор натурального страха или психологической угнетенности. Например, военнопленный Сергей Костров из произведения К. Воробьева «Это мы, Господи!» в обстоятельствах плена приобрел специфическое чувство безразличия к внешнему миру: «Он думал о смерти и тогда же понял, что, по сути, не боится ее, только... только умереть хотелось красиво»¹⁰. Совсем другого плана чувство солдата из произведения В. Кондратьева «Искупить кровью», не видящего жизненных перспектив и потому не ощущающего страха перед лицом смерти: «Нет, браток... Чую, пришел мой час... Я смерти не боюсь... Все равно жизни не было, и будет ли она, один Бог знает»¹¹. Вместе с тем антиномия «жизнь – смерть» на войне в большинстве ситуаций сохраняет свое первичное значение. Писатели-фронтовики подчеркивали жажду молодых солдат к жизни, потому что в условиях верной гибели те, более командиров, знали ей цену. Кроме того, бывшие лейтенанты-фронтовики в период 1980 – 1990-х гг. открыто и подробно описывали позволенные цензурными рамками факты дарования жизни немецким солдатам со стороны наших бойцов.

Важным художественным элементом и характеристикой точного отражения контекста в военной повести выступает *безэвфемически поданная речь* многих персонажей. Период 1980 – 1990-х гг. стал границей творческого раскрепощения писателей-фронтовиков, дал возможность в полный голос эмоционально-обостренно говорить о дискуссионных и ранее неотраженных вопросах военного прошлого. Ситуация на фронте, в военном госпитале, концентрационном лагере всегда отличалась пограничностью, часто требовала от человека максимальных физических и моральных усилий. В подобных условиях личность проявлялась через поведение и, что естественно, речь. В период тотального ослабления цензуры язык ряда военных повестей В. Астафьева и В. Кондратьева отличался резкостью, упрощенностью, употреблением вульгаризмов, ненормативной лексики, что исключало лакировку фактов и по-новому передавало состояние личности на войне.

Противоречивая тема измены также сопутствовала военной реальности, и в различные исторические времена к ней в советской литературе было однозначно отрицательное отношение. Психологическая подоплека этого явления чаще всего, в силу объективных причин, оставалась вне художественного отражения, или находила выражение через лаконичное осуждение, как в повести В. Кондратьева «Борькины пути-дороги»: «Украинцы будут формироваться в добровольческие отряды. Будут иметь немецкий паек и немецкую одежду. Нашлись такие. Вышел и стоящий около Борьки боец, у которого он никакого украинского говора не замечал, и с виду не похож. Этот, видно, польстил, курва, на немецкий паек»¹².

Противопоставление окопных солдат и тыловиков, а также психологическое неприятие фронтовиками гражданских личностей, отменно устроенных в тыловой жизни, нашли логическое продолжение в содержании военной повести периода 1980 – 1990-х гг. Однозначно отрицательное отношение бойцов-окопников к невоевавшим отражено в произведении В. Кондратьева «Отпуск по ранению». Схожее чувство неприятия и отвращения к некоторым представителям тыла, подчеркнутое собственным отношением автора, просматривается в повести В. Астафьева «Так хочется жить»: «В конвойном полку толклось множество рядовых и командиров, успешно отсидевшихся в тылу, пресмыкающихся, исподличавшихся. Пополнение из раненых фронтовиков не могло не вступить в конфликт с такой шайкой. И вступило»¹³.

На войне проявляются самые разные человеческие качества, так как инстинктивная цель индивида – спасти себя в пограничной ситуации. В. Астафьев намеренно в резкой форме показал необходимость и для солдата умения приспосабливаться в условиях кровавой войны: «Наученный терпеть, страдать, пресмыкаться, выживать и даже родине, их отвергшей и растоптавшей, служить, мужик российский знал, где, как ловчить, вывертываться»¹⁴. Такая деромантизация важных реалий войны в повестях писателей-фронтовиков только подчеркивала жажду солдата победить врага. Возникало понимание, что будущее невозможно без жертвенного сражения с фашизмом на грани человеческих сил; и это особенно очевидно в повестях Г. Бакланова, Б. Васильева, В. Кондратьева.

⁹ Астафьев, В. Так хочется жить / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/132682-7-viktor-astafev-tak-hochetsya-zhit.html#book>.

¹⁰ Воробьев, К. Это мы, Господи! / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/197560-konstantin-vorobev-eto-my-gospodi.html>.

¹¹ Кондратьев, В. Искупить кровью / Литмир. 2011. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=59125&p=1>.

¹² Кондратьев, В. Борькины пути-дороги / Litlife.club. 2016. URL: <https://litlife.club/books/318714/sections/8>.

¹³ Астафьев, В. Так хочется жить / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/132682-7-viktor-astafev-tak-hochetsya-zhit.html#book>.

¹⁴ Астафьев, В. Так хочется жить / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/132682-7-viktor-astafev-tak-hochetsya-zhit.html#book>.

Для бывших солдат война стала мерилом жизни, на фоне которого историко-культурный контекст выступал источником понимания и объяснения человеческого поведения. Повести писателей-фронтовиков отражали исторические слои *нескольких эпох*: сталинщины, Великой Отечественной войны, оккупации, послевоенного времени восстановления и современности, которая для большинства ветеранов пришлась на 1980 – 1990-е гг. – последний период их жизни. Перестройка и 1990-е гг. внесли существенные идеологические коррективы в восприятие и трактовку минувшей войны. Для большинства бывших ветеранов и свидетелей войны новая парадигма жизни стала принципиально неприемлемой или принимаемой со сложностями, так как вместе с политико-идеологическими изменениями она принесла и экономический кризис, резко обесценивший материальные блага и саму материальную базу бывшей советской жизни, в том числе, и жизни ветерана Великой Отечественной войны. На этом фоне принесенные в 1940-е годы величайшие потери не могли не переосмысливаться. Важно было еще раз, уже без цензуры бывшего государства, довести более полную правду о цене мира, завоеванного советским солдатом.

Современные повести представителей «лейтенантской прозы» пронизаны вариативным *мотивом памяти* о Великой Отечественной войне. Индивидуальная человеческая память стремилась ностальгично воссоздать события, припомнить места бывших боев. Воспоминаниями о военной судьбе одноклассников и послевоенной реальности наполнена повесть Б. Васильева «Завтра была война». В произведении «День победы в Чернове» В. Кондратьев вместе с нарратором возвращается в минувшую войну, проходит дорогами памяти, переживая военные события заново и переосмысливая минувшее: *«Невидимая дверь в вечность была распахнута перед тобой, и только один шаг отделял тебя от неё... И ты делал этот шаг»*¹⁵. Вымеряя жизнь военными мерками, писатели-фронтовики (особенно В. Кондратьев, Г. Бакланов и В. Астафьев) осмысливали мотив сохранения исторической памяти как собственную миссию донесения через литературу следующим поколениям правды о целой эпохе. Рассказанные впервые факты свидетельствовали о новой оценке писателями-ветеранами бывших руководителей, командиров, разных вариантов военного положения, новом рассмотрении ситуаций конфронтации человека и власти. Кроме того, писатели-фронтовики поднимали проблему тяжелой адаптации бывших солдат в обстоятельствах современности, разрушения социума в период 1990-х годов с их потерей канонических идеалов и бывших отношений с государством («Печальный детектив» (1987) В. Астафьева, «Встречи на Сретенке» В. Кондратьева, «Меньший среди братьев» и «Свой человек» Г. Бакланова).

Новое несла и искренняя оценка писателями результатов собственной жизни на фоне нивелировки бывших моральных императивов, невостребованности и нереализованности ветеранов в финальный период их жизни («День победы в Чернове» В. Кондратьева, «Веселый солдат» В. Астафьева): *«И ещё яснее понимаю – не так я проживаю свою жизнь. Размениваюсь на мелочи, на незначительные работы для денег, и в суете московской жизни не хватает меня на настоящее, которое смог бы, наверное, совершить, если бы все помыслы отдал ему»*¹⁶ («День победы в Чернове»).

Отмеченная динамика в позднесоветской и послесоветской военной прозе выявилась и в белорусской литературе, где безусловным лидером в развитии военной темы на международном уровне признан В. Быков.

Эволюция Василя Быкова (1924–2003) в отражении военной реальности прослеживается на протяжении всего его творчества. «Лейтенантская проза» с её изображением человека на войне прошла в художественном наследии автора трансформацию, воплотилась в элементах эстетики «ремаркизма», продолжила свое существование в произведениях «партизанского цикла», где трагической стала сама проблема выбора бытия на оккупированной территории. Белорусский исследователь П. Дюбайло отмечал: «Повести В. Быкова ставят очень важную для современной литературы проблему выбора и ответственности человека за свою судьбу. За свои поступки» [15, с. 188] (здесь и далее перевод с белорусского языка наш – Т.Б.). Писатель выработал концепцию человека на войне, эволюционную по сути и вектору развития.

В. Быков в 1982 году завершил работу над этапным произведением – повестью «Знак беды» («Знак бяды»). Белорусский критик Д. Бугаёв отмечал: «В “Знаке беды” народные беды, связанные с “великим переломом”, показываются уже довольно широко» [16, с. 60]. Весьма резонансным событием литературной жизни в Советском Союзе стало присуждение В. Быкову за эту повесть в 1986 г. Ленинской премии. Высшая премия страны за смелое правдивое произведение означала официальное признание права литературы по-новому рассказывать о прошлом, в том числе – право освещать самые трагические страницы Великой Отечественной войны. Создание авторских повестей 1980 – 1990-х гг. «Карьер» («Кар’ер», 1985), «Блиндаж» («Бліндаж», писалась с 1987 г.), «В тумане» («У тумане», 1988), «Стужа» («Сцюжа», 1969, 1991), «Полуби меня, солдатик» («Пакахай мяне, салдацік», 1996), «Болото» («Балота», 2001) совпало с эпохой углубленного переосмысления исторических событий. По словам М. Тычины, «новый Быков, чутко воспринимая и правдиво оценивая изменения в мировом “параллелограмме сил”, заметно переосмысливает многое из того, о чем писал ранее» [17, с. 365].

В произведениях В. Быкова 1980 – 1990-х гг. в фокусе художественного зрения, как и ранее, остается человек из массы, жертва войны. Тем не менее в повестях акцентируется новый ракурс: через человеческие судьбы писатель углубляется прежде всего в собственно-белорусскую историческую правду о Великой Отечественной войне. Жанровая форма быковской повести теряет определенную притчевость, параболичность – эти качества прозы писателя переходят в его рассказы – «басни жизни» («байкі жыцця»). «Новый» В. Быков не столько полемично утверждает свою правду, гуманистические идеалы, сколько констатирует господство трагического начала в человеческой судьбе, а также бытии белоруса в XX веке.

¹⁵ Кондратьев, В. День победы в Чернове / Электронная библиотека Libking.ru. 2011. URL: <https://libking.ru/books/prose/prose-military/414891-14-vyacheslav-kondratev-den-pobedy-chemove.html#book>.

¹⁶ Кондратьев, В. День победы в Чернове / Электронная библиотека Libking.ru. 2011. URL: <https://libking.ru/books/prose/prose-military/414891-14-vyacheslav-kondratev-den-pobedy-chemove.html#book>.

В белорусском литературном процессе после 1985 г. заметным сегментом стала автобиографическая проза, которая не могла быть напечатана ранее. Имеются в виду, прежде всего, мемуары (в том числе и о годах войны) белорусских авторов, незаконно репрессированных в первой трети XX века и реабилитированных в середине 1950-х и 1960-е гг. Среди них – автобиографические повести Сергея Граховского (1913–2002) «Такие синие снега» («Такія сінія снягі», 1988), «Зона молчания» («Зона маўчання», 1990), «С волчьим билетом» («З воўчым білетам», 1991), Бориса Микулича (1912–1954) «Повесть для себя» («Аповесць для сябе», 1988, полное книжное издание 1993 г.), Павла Прудникова (1911–2000) «Ежовые рукавицы» («Язовыя рукавіцы», 1989), «Ад» («Пекла», 1991), Ядвиги Беганской (1908–1992) «Моя Голгофа» («Мая Галгофа», 1990), Ларисы Гениуш (1910–1983) «Исповедь» («Сповідзь», 1991). Напоминания о войне и условиях жизни на оккупированных белорусских землях появляются на страницах этих произведений фрагментарно как фон и контекст человеческого бытия.

К корпусу белорусских текстов о войне присоединились также и повести, созданные жителями Западной Беларуси (довоенной Польши) и Белосточчины (вошла в состав Польши после войны, в 1945 г.). В прозе писателей с этих территорий более чувствуется контекст Второй мировой, а не только Великой Отечественной войны. Например, на исходе XX века в Минске, в издательстве «Художественная литература» («Мастацкая літаратура») и государственных периодических изданиях печатались повести тех ветеранов войны с Гитлером, которые из Западной Беларуси разными путями попали не в советскую армию, а в армии союзников по антигитлеровской коалиции. Так, за пределами СССР воевали белорусы-западники с ГУЛАГА, набранные в польскую армию генерала В. Андерса, сформированную из пленных по приказу правительства СССР в 1941 г. Среди них был и поручик Пётр Сыч (1912–1964), автор документально-художественной повести «Смерть и соловьи. Воспоминания офицера-белоруса из-под Монте-Кассино» («Смерць і салаўі. Успаміны афіцэра-беларуса з-пад Монтэ-Касіна», 1964). Битва под Монте-Кассино связана с освобождением «вечного города», столицы Италии – Рима. П. Сыч – ветеран Второй мировой, был четыре раза ранен, отмечен британскими и польскими наградами, в том числе Крестом Монте-Кассино (известно, что во 2-м польском корпусе генерала В. Андерса было около 30% белорусов). Из участников «Беловежи» («Белавежы») – современной литературной организации Белосточчины – тоже выделяются белорусы, оставившие в различных жанрах воспоминания о войне с гитлеровским нацизмом. Назовем, например, автобиографическую повесть Алёны Анишевской (1927 – 2013) «Поколение войны» («Пакаленне вайны», 2003).

Расширение информационного пространства и художественно-эстетических горизонтов, безусловно, отразилось на творческом поиске в жанре белорусской повести о Великой Отечественной войне. В 1980 – 2010-е гг. авторы военной прозы концептуально еще нередко оставались на позициях социалистического реализма с его презумпцией коммунистической партийности. Тем не менее, это не помешало ветеранам точно и глубоко раскрыть важнейшие черты минувшей эпохи. Свое важное слово о войне сказали в новые времена известные белорусские писатели. Новые повести создали И. Шамякин, И. Наumenко, А. Адамович. Например, Янка Брыль (1917–2006) в автобиографической повести «Мундштук и папка» («Муштук і папка», 1990), имеющей подзаголовок «маленькая сага», рассказал о гибели своего старшего брата Владимира, которому инкриминировали шпионаж в пользу Германии. Произведение является синтезом цитирования документов, философских рассуждений, монологов. Раскрывая историю своей семьи, писатель вспомнил и войну с гитлеровцами. Гуманистическая мысль Я. Брыля, который вместе с А. Адамовичем и В. Колесником был автором книги «Я из огненной деревни...» («Я з вогненнай вёскі...», первое издание 1974 г.), а во время войны попал в белорусский партизанский отряд из гитлеровского плена, направлена против насилия над человеком – жертвой фашизма.

Активной на исходе XX века была и писательская деятельность Алеся Адамовича (1926/27–1994). Он много рассуждал о важности фактов, которым читатель верит более, чем фантазии художника. Успех задуманных А. Адамовичем коллективных документально-художественных книг «Я из огненной деревни...» и «Блокадная книга» («Блокадная книга», 1977, 1981 – в соавторстве с Д. Граниным) привел писателя и ученого к анализу жанра повести на документальной основе. Новый нарратив с огромным потенциалом роста сначала был назван писателем следующим образом: «Репортаж с места исторического события» [5, с. 22]. По словам профессора Л. Синьковой, писатель «обдумывал термины, множившиеся вслед за ним разными исследователями: “эпопея-дневник”, “магнитофонная литература”, “соборный роман”, “эпично-хоровая проза”, “книга-оратория”, “роман-свидетельство”, “жанр голосов”, “non-fiction”, “verbatim”» [18, с. 68]. Продолжением предыдущего опыта стала интерпретация новой идеи А. Адамовича о необходимости «сверхлитературы»: максимально антивоенной, правдивой и по-граждански мужественной, обеспокоенной глобальными угрозами всему человечеству. Эта идея развилась из опыта работы А. Адамовича над названными выше коллективными книгами. Его проект продолжила Светлана Алексиевич (род. в 1948 г.). Основная задача писательницы, по словам исследователей, заключалась в том, чтобы «адекватно перенести на бумагу не менее чем магму человеческих мучений и с новой выразительностью воплотить глобальную угрозу роду homo sapiens» [19, с. 40]. Все написанное С. Алексиевич (лауреат Нобелевской премии по литературе за 2015 г., считает своими учителями А. Адамовича и В. Быкова) воспринималось в позднесоветские и последующие времена неоднозначно. Литературовед В. Ковтун писала о произведениях С. Алексиевич, имея в виду постепенные изменения в ориентациях общества: «С появлением книг “У войны не женское лицо” и “Цинковые мальчики” в нашей жизни начала побеждать антивоенная демократия» [20, с. 234]. В одном из интервью 1995 г. С. Алексиевич сказала, что хочет написать семь книг – своеобразную энциклопедию человеческой жизни. Л. Синькова отметила: «С. Алексиевич расспрашивает, слушает, фиксирует, а потом воссоздает чужую речь из аутентичных монологических течений. Таким образом, рождается не буквальная стенограмма, а своеобразный документально-художественный магистрал» [18, с. 68]. Документальную основу, касаемую военных событий, имеют три произведения С. Алексиевич:

«У войны не женское лицо» («У вайны не жаночае аблічча», 1984), «Последние свидетели» («Апошнія сведкі», 1985), «Цинковые мальчики» («Цынкавыя хлопчыкі» 1989, 1991). Две первые повести посвящены событиям Великой Отечественной войны, последняя отражает образ войны СССР в Афганистане (1979 – 1989), фатальной не только для российских ребят, но и для многих юношей-белорусов.

Детские воспоминания Николая Дубовского (1933–2013), ставшего в начале Второй мировой войны учащимся школы, переосмыслен и отражен в повести «У каждого – своя война» («У кожнага – свая вайна», 2005). Название произведения подчеркивает значимость каждой индивидуальной судьбы. Н. Дубовский нередко романтизировал образы-персонажи, в целом, однако, следуя традициям социально-психологической отечественной прозы. Писатель отразил реальное положение на фронтах: быт армейцев, условия существования, недостаток провизии, отсутствие оружия. В контексте современной прозы о войне авторская повесть «Медовочка» («Мядовачка», 2006) продолжает традицию передачи психологии молодых людей, романтизации их влюбленности.

Автобиографический контекст отражен Владимиром Липским (род. в 1940 г.) в повести «Отец. Письма сына» («Бацька. Пісьмы сына», 2004). Создавая образ собственного отца, бывшего в годы Первой мировой войны солдатом-пехотинцем, а во время Великой Отечественной войны – партизаном-связным, В. Липский утверждает необходимость памяти, ощущения нравственных обязательств перед представителями своего рода и целой нации. Традиционный ракурс подачи военных событий в жанре документальной повести представлен в произведениях Юлиана Высоцкого (род. в 1939 г.) «Товарищ Ганс» («Таварыш Ганс», 2009) и «Двое из адского бомбардировщика» («Двое з пякельнага бамбардзіроўшчыка», 2012). Первая повесть рассказывает о немецком антифашисте, участнике партизанского движения в Беларуси. В основу второго произведения положено реальное событие 29 июня 1941 г., когда под Минском был сбит советский бомбардировщик ДТБ-3Ф. Местные жители помогли двум летчикам спастись. Встреча с бывшими военными состоялась через 34 года. Около 65-й школы г. Минска поставлен памятник погибшим членам экипажа.

Заключение. Таким образом, постсоветское общество в 1980 – 2000-е гг. оказалось перед актуальной задачей: необходимостью фактографически и концептуально обновить научную картину того духовного опыта россиян и белорусов, который отражен, в том числе, и на страницах повести о Великой Отечественной войне.

Историко-культурный контекст, предопределенный советским людям, истолковывался авторитетными представителями российско-белорусской военной прозы конца XX века с автобиографических позиций. При создании образов всех персонажей рассматривалось место, роль и поведение личности в социуме. Писатели-ветераны и свидетели событий минувшей войны брали во внимание несколько исторических слоев: культ личности Сталина, Великую Отечественную войну, немецкий оккупационный режим, послевоенную реальность и эпоху 1980 – 1990-х гг. Эта современность стала для большинства бывших фронтовиков последним этапом их жизненного пути. Эпохальные изменения во всех сферах общества определенным образом повлияли на трактовку Великой Отечественной войны и расширение информации о ней, принесли экономический кризис и идеологические изменения, что коренным образом отразилось на бытии, в том числе, и бывших участников войны в постсоветском социуме. Писатели активно выступали против былого утаивания правды об огромнейших народных жертвах в советские времена, а также против саркастического принижения идеалов, существовавших у нравственных членов общества параллельно с декларативными и лицемерными лозунгами минувшей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров А. Чем жива литература: Современность и литературный процесс. – М.: Советский писатель, 1986. – 400 с.
2. Дедков И.А. Василь Быков. Очерк творчества. – М.: Советский писатель, 1980. – 288 с.
3. Дедков И.А. Василь Быков: повесть о человеке, который выстоял. – М.: Советский писатель, 1990. – 308 с.
4. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.: в 2 т. – М.: Академия, 2003. – Т. 1: 1953–1968. – 413 с.
5. Топер П. Ради жизни на земле: Литература и война. Традиции. Решения. Герои. – М.: Советский писатель, 1975. – 567 с.
6. Лявонава Е.А. Беларуская мастацтва слова XX стагоддзя ў еўрапейскім літаратурным кантэксце: тыпалогія, рэцэпцыя, пераклад. – Мінск: БДУ, 2014. – 319 с.
7. Локун В.І. Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры. – Мінск: Тэхнапрынт, 2005. – 228 с.
8. Мушыньскі М.І. І нічога, апроч праўды: Якой быць «Гісторыі беларускай літаратуры». – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 127 с.
9. Навумовіч У.А. Канцэптуальнасць падыходаў у асвятленні падзей Другой сусветнай вайны ў беларускай прозе XX – пачатку XXI ст. // Русская и белорусская литература на рубеже XX–XXI вв. К 70-летию кафедры русской литературы: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. / РІВШ ; рэдкал.: С.Я. Ганчарова-Грабoўская (старш.) і інш. – Мінск, 2010. – С. 179–183.
10. Тычына М. Народ і вайна. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 433 с.
11. Шаблоўская І. Паэтыка славянскай ваеннай прозы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 24 с.
12. Бязлепкіна А.П. Паміж гераізмам і верай: эвалюцыя ваеннай прозы // Фокус. – 2010. – № 1. – С. 14–16.
13. Крикливец Е.В. Перед нравственным выбором: типология героев в русской и белорусской военной повести второй половины XX века // Белая вежа. – 2017. – № 7. – С. 56–60.
14. Крикливец Е.В. Русская и белорусская военная повесть второй половины XX века: жанровая модификация и особенности репрезентации героя // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. ст. / ВГУ им. П.М. Машерова; редкол.: В.Ю. Боровко (отв.) и др. – Витебск, 2017. – С. 212–215.
15. Дзюбайла П.К. Панарама сучаснай беларускай прозы : Літ.-крытыч. артыкулы. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. – 192 с.
16. Бугаёў Д.Я. Спавадальнае слова. Літаратура, крытыка, успамін. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2001. – 325 с.
17. Тычына М. Народ і вайна. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 433 с.

18. Сінькова Л.Д. «Звышлітаратура» як ідэя Алеся Адамовіча і практыка Святланы Алексіевіч // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. ст. / ВГУ им. П.М. Машерова; редкол.: В.Ю. Боровко (отв.) и др. – Витебск, 2017. – С. 67–69.
19. Сінькова Л.Д. Беларуская «звышлітаратура»: літаратуразнаўчыя і літ.-крыт. артыкулы. – Мінск: Кнігазбор, 2019. – 224 с.
20. Коўтун В. Феномен вернасці // Маладосць. – 1998. – № 5. – С. 232–234.

Поступила 15.11.2022

**REFLECTION OF THE MILITARY CONTEXT IN THE STORY OF THE 1980 – 1990s
BY RUSSIAN-BELARUSIAN WRITERS-VETERANS AND WITNESSES OF THE WAR
WITH GERMAN NAZISM**

T. BAGARADAVA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article considers new perspectives of understanding the theme of the Great Patriotic war by Russian and Belarusian writers-front-line soldiers, representatives of «lieutenant's prose», as well as Belarusian writers-witnesses of military events in the genre of the story created in the late soviet and post-soviet times. The authors are united by an appeal to the topical issues of the problem of veterans in the era of social transformations of the 1980 – 1990s. The writers reflected the manifestations of the socio-political crisis and its consequences: the processes of rethinking the events of the Great Patriotic war, past ideals and priorities, social and psychological traumas of a veteran soldier in post-soviet society.

Keywords: «lieutenant's prose», «trench truth», military novel, autobiography, naturalism, chronotope, «remarkism», post-soviet context.

УДК 82.01/.09

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-104-108

ИНСАЙТЫ ПОДСОЗНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСКОГО ВОДОХНОВЕНИЯ Р. БРЭДБЕРИ

канд. филол. наук, доц. Е.В. ГУЛЕВИЧ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

В статье анализируются особенности творческих установок американского писателя Р. Брэдли, представленные авторефлексией автора относительно техники стимулирования подсознания, особенностей работы памяти и воображения в процессе творчества. Показано, что метод слов-ассоциаций, представленный Р. Брэдли, перекликается с методом свободных ассоциаций З. Фрейда. Применение метода слов-ассоциаций привело Р. Брэдли к мысли о том, что подсознание для Человека пишущего (Homo scriptor) является источником уникальных идей и стимулятором творческого процесса. Кроме того, Брэдли применял специальные техники (составление списков слов, автооткровение) с целью активизировать подсознание, заставить его «поставлять» в сознание мысли, идеи и воспоминания, которые спрятаны глубоко в недрах подсознания. Брэдли считал, что данные элементы творческого процесса стимулируют воображение писателя за счет активизации работы подсознания и памяти – через приращение связей между этими элементами – для создания новых художественных смыслов.

Ключевые слова: творческий процесс, метод слов-ассоциаций, Человек пишущий (Homo scriptor), подсознание, память, писательские списки, Р. Брэдли, З. Фрейд.

Введение. Творческий процесс – уникальный феномен, который интересен как реципиенту – читателю и критику, так и самому Человеку пишущему (Homo scriptor). При этом писатели и поэты не часто обращаются к описанию, тем более, объяснению моментов творчества, возможно, потому, что в силу эфемерности самого процесса – задача это крайне сложная. Некоторые литераторы всё же фокусируются на данной проблеме: подобного рода размышления-автооткровения раскрывают, прежде всего, им сокровенные техники работы подсознания, памяти, воображения над произведением, что, в свою очередь, структурирует творческое сознание, позволяет извлекать и облекать в познаваемую форму то, что хаотично зарождается и протекает в писательском воображении.

Одним из писателей, который обращался к проблеме процесса творчества, является известный американский автор, создатель программных произведений в жанре научной фантастики и фэнтези (романа-антиутопии «451 градус по Фаренгейту», цикла рассказов «Марсианские хроники», автобиографической повести «Вино из одуванчиков» и др.) Рэй Брэдли. Художественное творчество писателя и ныне представляет огромный интерес. При этом отдельного внимания требуют работы писателя в жанре нон-фикшн, которые проливают свет не только на его личные писательские установки, но, на наш взгляд, дают представление об универсалиях писательского процесса.

Актуальность исследования предопределена рядом факторов. Во-первых, современный высокий читательский интерес к книгам американского писателя доказывает востребованность его идей в XXI веке. Во-вторых, очевидную актуальность представляет проблема творческого метода как основополагающего элемента творческого письма. К проблеме диалектики творческого письма обращаются ведущие литераторы современности: А. Проханов, З. Прилепин, Е. Водолазкин, Р. Сенчин, В. Авченко, М. Веллер, Д. Рубина, Г. Яхина, П. Басинский и др. Таким образом, изучение особенностей творческого процесса является приоритетным направлением литературоведческих исследований на современном этапе.

Объектом отдельного научного интереса является творчество Р. Брэдли. Так, жанровое и образное своеобразие его произведений, особенности поэтики, пространственно-временные характеристики романов и рассказов писателя неоднократно становились объектом исследования русскоязычных ученых (Г. Альтов, 1980; В. Гаков, 1983; М. Киселева, 1993; Р. Арбитман, 1996; Е. Гопман, 2005). Философские, моральные и антиутопические основы творчества, футуристические мотивы его произведений, концепция существования человека в несовершенной реальности, нравственный выбор героев, символизм произведений автора, – представляют особый научный интерес для англоязычных исследователей (J. Gunn, 1977; W.L. Johnson, 1980; D. Mogen, 1986; B. Attebery, 1992). Проблема диалектики творческого сознания описана русскоязычными (С.Л. Рубинштейн, 1957; Д.Б. Богоявленская, 2009, 2011; Н.Н. Николаенко, 2007; Е.П. Ильин, 2009; В.В. Козлов, 2009; А.Н. Андреев, 2012; Я.А. Пономарев, 2013) и англоязычными (Дж. Гилфорд, 1986; Е. П. Торренс, 1995, 2001, 2002; Дж. Камерон, 2002, 2006; С. Кинг, 2000; С. Медник, 2008; С. Прэсфилд, 2002, 2011, 2012, 2018) учеными.

Цель данной статьи – выявить особенности писательских установок Р. Брэдли, основанные на признании им основополагающей роли подсознания как стимулятора процесса творчества. Исходя из этого, необходимо представить своеобразие восприятия Брэдли роли искусства, в частности литературного творчества в жизни писателя; специфику духовной организации Человека пишущего; основы и стимулы писательства, истоки и триггеры творческого процесса и его этапы; взаимодействие подсознания и сознания в процессе писательства, а также роль памяти и воображения в процессе создания художественного произведения.

В статье использованы биографический, сравнительно-исторический, контекстуальный методы, а также текстовый анализ.

Основная часть. Писательство было смыслом существования Р. Брэдли. Писатель отмечал, что «искусство – это суть человеческой жизни» [1, с. 117]¹, а «писательство одухотворяет наше существование» [1, с. XII]. Брэдли создавал произведения на протяжении всей жизни, так как считал, что творчество для Человека пишущего (Homo scriptor) – это возможность жить, это необходимый способ существования: «Не писать для многих из нас – значит умереть» [1, с. XII]. Писательство, по Брэдли, «...напоминает нам, что мы живы, а это дар и нам дарованная честь, а не право. Коль она нам дарована, мы должны ее заслужить» [1, с. XII]. Еще Ницше отметил, что человек по природе своей «слишком несовершенен» [2, с. 4], он «есть нечто, что должно превзойти» [2, с. 6]. Добиться этого можно только путем создания «чего-нибудь выше себя» [2, с. 6]. Это и есть удел литературы: возвышая – продолжать, так как искусство – «гарантия вечной жизни» [1, с. 4].

Писатель по своей сути – это человек особенный, с обостренным, оголенным ощущением бытия; человек с оголенным нервом, который способен вчувствоваться в бытие и выражать его в категориях индивидуально-общих. Он есть звено между подсознательным переживанием бытия и реальным его воплощением. Он должен болеть жизнью: наблюдать, видеть и гореть, чтобы суметь вылить увиденное и пережитое на бумагу. Он должен быть предельно восприимчивым. Еще И. Тургенев отмечал, что «писатель <...> человек нервный, он чувствует сильнее других» [3, с. 373]. Эта горячая реакция на текущую жизнь стимулирует творчество. Дает ему жизнь. Подталкивает писателя к перу. Одержимость видеть и отражать мельчайшие оттенки жизни – непреходящая черта писателя. В пример Брэдли приводит себя, когда ему в руки попался номер “Harper’s Bazaar”, который вызвал его недовольство. Итогом возмущения писателя стал его рассказ «Солнце и тень» [1, с. 5]. В результате еще одной такой бурной реакции возмущения был написан рассказ «Пешеход». Эти произведения стали выплеском негодования писателя за то, что полиция часто останавливала его на улице только потому, что он любил гулять по ночному городу [1, с. 5, 6]. Брэдли верил, что искусство – это не только суть жизни, но и способ ее продлить. Именно поэтому он не переставал творить даже в глубокой старости. Каждый год выходил новый роман. Писательство для Брэдли было каждодневным трудом. Только посвящая себя литературе ежедневно, по его мнению, писатель может состояться.

Брэдли использовал определённые техники и приемы, которые помогали ему в процессе творчества. Одним из основных методов, стимулирующих творческий процесс, стал представленный Брэдли и опробованный им в творчестве, метод слов-ассоциаций (word-association process). Ключевую роль в применении данного метода играло подсознание. Обращение Брэдли к подсознанию и сознательное признание его главенства прочитывается уже в детских воспоминаниях, где писатель описывает себя девятилетнего и показывает неразрывную, более того, обусловленную далеким детством, связь между повседневной жизнью и творчеством, о которой он тогда не задумывался. Задумываться об этой связи стал уже состоявшийся писатель Рэй Брэдли, который, размышляя об основах и стимулах писательства, признавал основополагающую роль обыденно и буднично текущей жизни и прошлого, которое, по признанию автора, стало центростремительной силой всего его творчества.

Писатель задавался вопросом о творческой основе литературного мастерства. Он уверен, что основа всему – жизнь пишущего, его прошлое [1, с. 14]. Пищу лично его творческому воображению неизменно поставляло подсознание, сотканное из калейдоскопа его детских страхов, жизненного опыта, радостных и горестных воспоминаний – всего того, что составляет сложный мир и личность самого писателя в первоначальной его сути, познанию которой он посвятил всю жизнь, отражая её на страницах своих книг, себя в мире и мир в своем отражении: «На бумаге я создал миры будущего, которые очень напоминают тот мир, который я наблюдал, будучи мальчишкой, в Нью Йорке, на Ярмарке» [1, с. 46].

Подсознание любого писателя необходимо подпитывать. С этой целью Брэдли занимался своего рода писательским собирательством. Как когда-то собирательство составляло жизненную основу первобытного человека, так много позже собирательство стало способом «выживания» писателя в каждодневной реальности бытия.

Желание, скорее, необходимость собирать у Брэдли появилась в детстве. Тогда собирательство носило физическую форму. Позже оно трансформировалась в привычку собирать крупы прошлого в своем воображении, которое туда поставляло подсознание. Сознательная ориентация на подсознание стала отправной точкой всего творчества Брэдли. Как писателю, ему это было необходимо, чтобы развивать и совершенствовать свое художественное чутье, становиться крайне восприимчивым к малейшим оттенкам бытия. Всю жизнь Брэдли «напитывался» деталями переживания собственного существования, прошлыми событиями и оттенками их восприятия своим подсознанием. Он был уверен, что даже в те моменты, когда кажется, что ничего не происходит, накопление опыта продолжается: «Мы чаши, которые постоянно и незаметно наполняются. Хитрость в знании – как правильно чашу наклонить и позволить вылиться тому прекрасному, что накопилось» [1, с. 120]. Собирательство писателя и наблюдение за жизнью, дабы в полной мере впитать ее правду, не имело четких предметных границ. Писатель был уверен: нет того, что писателю чуждо, нельзя ограничиваться исключительно литературными интересами, потому что «идеи лежат везде. Они, как падающие яблоки, которые обречены на увядание в траве из-за отсутствия прохожих с зорким взором и умением передать красоту, даже если она абсурдна, ужасающа или изыщна» [1, с. 8].

Не нивелируя ценность настоящего момента, писатель был уверен, что именно пережитый опыт, «ночные страхи» [1, с. 14], прошлое, которое оживает – не мертвые точки прожитого, а нити в настоящее, которые, проликая в воображении Человека пишущего (Homo Scriptor), вплетаются в текущие реалии и, в сочетании с ними,

¹ Здесь и далее цитаты из книги Bradbury, R. *Zen in the Art of Writing* (Дзен в писательском искусстве) представлены в переводе автора статьи. – Е.Г.

моделируют будущее. Образы прошлого, воспоминания и переживания, которые врезаются в подсознание – это сквозняки, что будоражат сознание и пронизывают писательское воображение, снабжая его сырьем для активизации текущих писательских импульсов.

В силу своей убежденности в том, что подсознание играет решающую роль в творческом процессе, с одной стороны, как стимулятор и поставщик творческих идей, а с другой – как механизм процесса писательства, Брэдбери разрабатывает собственный метод и приемы письма. Так, эффективность для Брэдбери доказал изобретенный писателем метод слов-ассоциаций (word-association process). Брэдбери не делал заявлений о связи его метода с достижениями в области психологии, начало которым было положено Ф. Гальтоном в 1879 г. Тогда ученый впервые применил ассоциативный эксперимент или метод свободных ассоциаций. Он выбрал 75 слов и написал их на отдельных карточках. Потом брал одну карточку и смотрел на нее. Далее он записывал возникшие при просмотре каждого слова мысли. Публиковать результаты он не стал, но пришел к выводу, что «ассоциации отражают сущность мыслей человека очень отчетливо и точно» [4]. Не упоминает Брэдбери и о возможном влиянии открытий в области бессознательного З. Фрейда, в психоаналитической теории которого метод свободных ассоциаций Гальтона получил дальнейшее развитие. Фрейд активно использовал данный метод и считал его одним из важнейших инструментов психоанализа для изучения бессознательной составляющей психики человека. При этом экспериментальная основа метода свободных ассоциаций Фрейда и метода слов-ассоциаций, представленного Брэдбери, одинакова. Фрейд отмечал, что свободные ассоциации, которые составляет подсознание, направляются неосознанным процессом. Сознание дает выход этому неосознанному материалу, так как, прорываясь из подсознания на сознательный уровень, он приобретает символическую форму [5].

Суть разработанного Брэдбери метода не противоречит идеям Фрейда. При этом представленный метод реализовывался в творческой лаборатории писателя поэтапно. На первом этапе писатель применял прием автооткровения (explosive self-revelation), когда пытался зафиксировать работу подсознания, сделанную в период сна, т.е. деактивизации сознания. Просыпаясь каждое утро, он быстро записывал слова, которые «выбрасывало» его подсознание. Как правило, это были ряды существительных: «Просыпаясь утром, я шел к письменному столу и записывал любое слово или их сочетания, которые случайно возникали в моей голове» [1, с. 79]. Именно они служили триггером для начала процесса письма. Слова поступали в еще неотфильтрованном сознанием виде, что предполагало дальнейшую работу писателя по дешифровке смысла этих «случайных» слов: «Каждое утро я вскакиваю с кровати и наступаю на мину. Эта мина – я сам. После взрыва весь день я занимаюсь тем, что собираю куски в целое» [1, с. XV]. Далее велась работа по составлению списков, эта техника была практической репрезентацией приема автооткровения: «Годами я составлял списки заглавий, записывая длинные ряды *существительных*. Эти списки были своего рода стимуляторами, которые позволили прорваться наружу всему лучшему, что было во мне. Я чувствовал, что это мой путь к чему-то искреннему, спрятанному под отверстием люка на моей макушке» [1, с. 17]. Позже писатель неоднократно «пробежался глазами по спискам, выбирал одно существительное и писал длинную историю, стихотворение либо эссе по его мотивам. Эти списки давали начало рассказам. Так, примерно на середине первой страницы или на второй» из этого получался рассказ, потом «вдруг появлялся персонаж и говорил: «Вот и я»; или «А вот эта идея мне нравится!» И персонаж заканчивал рассказ вместо меня» [1, с. 19]. Списки слов порождали конкретные литературные образы. Художественная реальность начинала разворачиваться в воображении писателя, иллюстрируя связи слов и героев, вопрошая авторского одобрения или правок. Постепенно писатель «начал различать определенные закономерности в списках слов, которые я просто выбрасывал на бумагу, доверяясь моему подсознанию...» [1, с. 17]. Так перетекали друг в друга прошлое и настоящее писателя, переплетались узоры подсознания, которые порождали новые сочетания смысла пережитого уже в сознании автора, слагаясь в произведения; воспоминания и внезапные озарения дополняли друг друга, создавая новую художественную реальность. Писатель «рылся в своем сознании в поисках слов, которые бы описывали мои кошмары, ночные страхи и время моего детства, и создавал из них рассказы» [1, с. 79]. В этот момент пришло осознание эффективности применяемого метода слов-ассоциаций: «Вскоре я понял, что мне придется так писать всю свою жизнь» [1, с. 79].

Метод показал свою эффективность: «Теперь идеи приходили быстрее, и все – из моих списков» [1, с. 20]. Писатель продолжал составлять списки и «рассказы начали вспыхивать, взрываться из тех воспоминаний, которые были спрятаны в существительных, затерянных в списках» [1, с. 21]. Бывало, один список слов трансформировался в отдельный рассказ, а иногда одно слово становилось катализатором отдельного произведения. Некоторые рассказы, созданные на основе выброшенных на поверхность сознания слов и сочетаний, появлялись и писались легко и быстро. Иногда сознание трансформировало какое-то слово в произведение много лет спустя. Брэдбери советовал писателям «вести такие же списки, которые черпаются в неочищенном виде из мозга, они помогут вам найти себя, также как помогли мне, долго метавшемуся и, наконец, нашедшему себя» [1, с. 19].

На основе применения метода слов-ассоциаций Брэдбери выделил две стадии творческой работы, которые он вывел на основе наблюдений за поведением животных: большинство из них очень быстро передвигаются, при этом легко и неожиданно могут замереть на месте. Вот урок, который должен усвоить каждый писатель, считает Брэдбери. Так, на первом этапе, когда мысль «атакует», писатель должен мгновенно принять творческий инсайт, который и есть начало процесса писательства, и успеть, пока огонь его реакции не угас, передать мысль бумаге: «Важно быть очень быстрым, чтобы успеть отдать бумаге всю правду в неотфильтрованном, искреннем и чистом виде: в скорости – правда. Чем быстрее вы отдадите бумаге неочищенную правду, чем быстрее вы пишете, тем вы

честнее» [1, с. 13]. Этот начальный момент вспышки замысла-инсайта, который по скорости возникновения сродни моменту зажигания спички, является основополагающим. Это этап, который несет новые ощущения соприкосновения с еще чем-то непознанным, но познаваемым непосредственно в момент «горения».

Далее наступает второй этап – этап замедления, обдумывания. Это период писательских правок с множественными попытками сделать описываемое совершенным. Это напряженная фаза кропотливого труда, когда нужно уметь «заминуться», чтобы «слышать» мысль и оттачивать, стилистически совершенствовать то, что было отдано бумаге на первом этапе писательского рывка: «В обдумывании – мысль. В этом замедлении – попытка отточить стиль, нет наскока на правду, которая и есть истинный стиль» [1, с. 13]». Синестет Брэдбери также сравнивает эти два творческих состояния с погодой – «сегодня жарко, завтра – холодно» [1, с. 7]. Писатель переживает жаркое состояние на этапе инсайта, зарождения идеи, которая словно диктует себя, преобразуясь в произведение. Момент сознательной работы, шлифовка стиля и формы – холодный этап. Он наступает после – это время «убирать и переписывать. А сегодня – взрываться – разлетаться на части – распадаться в надежде, что найдется в мире тот, кто также вспыхнет, прочтя твой рассказ» [1, с. 7].

Брэдбери выявляет корни писательской оригинальности. Он уверен, что жизненный опыт, под которым писатель понимает жизненные обстоятельства, у всех людей условно одинаковый, но каждый человек встречается с определенными обстоятельствами (любовь, несчастье, рождение, смерть и т.д.) на своем отрезке жизни. Мы переживаем эти жизненные происшествия в соответствии с накопленным к этому моменту опытом. Кроме того, пережитое предопределяет характер переживания и реакции на данные события. Так формируется индивидуальный опыт, который обеспечивает разность восприятия и переживания жизни каждым человеком.

Брэдбери верил в неслучайность «случайных» сюжетов в жизни писателя; верил в то, что все, что возникает в сознании автора, появляется там не с проста. Истоки и корни этих идей берут начало в личном опыте, который накапливает подсознание. Идеи высвечиваются на поверхности сознания с помощью неких неведомых писателю катализаторов, активируемых в определенный момент под влиянием некоторых возбудителей и направляющих процесс писательства, а сам автор является при этом сторонним наблюдателем. Ему остается только успевать фиксировать те идеи и образы, которые потоком «выбрасывает» его подсознание. После наступает этап кропотливой работы над стилем и поэтикой произведения. Но более важен, считает Брэдбери, первый этап, когда подсознание подсказывает писателю его личную затаенную, сокровенную правду.

Брэдбери принадлежал к разряду писателей, которым для приближения к действительности необходимо было погрузиться в прошлое, в подсознание. Событие должно стать воспоминанием, чтобы путем оживления давно ушедших впечатлений о нем в богатом писательском воображении, стать живым стимулом творчества – ворваться в настоящее, чтобы смоделировать будущее.

В силу убежденности в подсознательно стимулируемом характере творческого процесса, Брэдбери считал, что нельзя написать о чем-то, что писатель себе поставил целью, как нельзя научиться быть писателем. Последний тезис разделяют многие современные писатели. Так, с ироничностью об этом высказывается З. Прилепин: «Только чудаки думают, что можно научить быть писателем <...>. Примитивную практику можно дать – но успешными писателями <...> становятся единицы» [6, с. 24]. Данный тезис повторяет А. Матвеева, которая заявляет: «Я не верю в то, что можно научить человека писать...» [7, с. 276]. Безусловно, писательство – это дар. Писать могут все. Выжигать словом души – избранные. Подчеркивая главенствующую роль подсознания и стимулирующую силу литературных влияний в процессе писательства, Брэдбери приводит в пример историю создания «Марсианских хроник». Он задумывал произведение по образцу сборника рассказов Т. Вулфа «Уайнсбург, Огайо» (1919), но героев решил поселить на Марсе. В итоге получилась «не книга о чудаковатых героях, как в «Уайнсбург, Огайо», а «собрание странных идей, взглядов», с которыми Брэдбери, по собственному признанию, «засыпал и просыпался, когда ему было 12 лет» [1, с. 94].

Брэдбери заявлял о саморазвитии произведения при условии основательной подготовительной работы, которая непрерывно ведется в точке соприкосновения границ подсознания и сознания. В пример того, что идея может буквально «выстрелить», он приводит историю создания рассказа «Скелет», когда идея произведения молнией пронеслась в его сознании, как только он услышал формулировку своего диагноза. Позже Брэдбери понял, что визит к врачу и диагноз, который «детонировал» в его сознании в идею рассказа, не стали мгновенной реакцией на слова доктора. На самом деле слово «открытие», сказанное доктором, пробудило то, что жило, росло и развивалось в нем с шести лет.

Заключение. Брэдбери считал, что писателя питают две стихии: с одной стороны, сама жизнь, с другой – книги и всё, что автор читает. Разница между ними в том, что первые события случаются с самим писателем, другие – вызваны к жизни сторонними источниками и притягивают своего рода принудительное внимание со стороны автора. Воззрения Брэдбери на диалектику творчества и писательского сознания основываются на его установке об определяющей роли подсознания в творческом процессе. Данные утверждения коррелируют с идеями современных писателей, а действенность представленного писателем метода слов-ассоциаций подтверждают идеи австрийского психоаналитика З. Фрейда. Метод слов-ассоциаций стал основой творчества американского автора. Данный метод, наряду с функцией стимулятора и источника творчества, выполнял также и терапевтическую функцию освобождения от болезненной памяти прошлого. Эту же цель преследовал, применяемый Фрейдом, метод свободных ассоциаций.

Применение методов автооткровения и слов-ассоциаций привело Брэдбери к пониманию того, что, во-первых, для писателя крайне важно прислушиваться к подсознанию как источнику уникальных идей, стимулирующих творческий процесс; во-вторых, активизировать подсознание, заставить его «говорить» можно с помощью составления списков, которые «высвечиваются» из подсознания, переходя на уровень сознания. Они стимулируют воображение писателя за счет активизации подсознания и памяти через приращение связей между ними.

Кроме того, Брэдбери подтвердил тезис о том, что для создания произведения нужно время – писатель вынашивает свое детище долгое время, и лишь, когда оно полностью сформировалось, выход на бумагу происходит сравнительно бескровно. Произведение тогда пишется легко, когда оно уже *мысленно* прописано в деталях много ранее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bradbury R. Zen in the Art of Writing. – Santa Barbara, 1996. – 176 p.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: АСТ, 2020. – 320 с.
3. Последний дневник Тургенева // Из парижского архива Тургенева. – М.: Наука, 1964. – Сер. Лит. наследство. – Т. 73. – Кн.1. – С. 365–388.
4. Метод З. Фрейда. – URL: <https://4brain.ru/blog/> (дата обращения: 07.07.2022).
5. Фрейд З. Основные принципы психоанализа. – Минск: Ваклер, Рефл-бук, 1997. – 288 с.
6. Прилепин З. Истории из легкой и мгновенной жизни. – М.: АСТ, 2020. – 313 с.
7. Как мы пишем: Писатели о литературе, о времени, о себе / Под ред. А. Етоева. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 640 с.

Поступила 29.08.2022

SUBCONSCIOUS INSIGHTS AS A SOURCE OF CREATIVE INSPIRATION OF R. BRADBURY

A. HULEVICH

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The peculiarities of literary principles of American Writer R. Bradbury represented by the author's self-reflective views on the techniques of stimulating the subconscious, the peculiarities of memory and imagination activity in the process of writing are analyzed in the given article. It is revealed that the word-association process introduced by R. Bradbury echoes the method of free association of Z. Freud. The application of the word-association method led R. Bradbury to the idea that the subconscious for the literary person is a source of unique ideas and a stimulant of creative process. In addition, Bradbury used special techniques (lists of words, self-revelation) in order to activate his subconscious, to make it supply the level of conscious with thoughts, ideas and memories that are usually hidden in the depths of the subconscious. These elements of the creative process stimulate the writer's imagination by activating the work of the subconscious and memory by making specific connections between these elements aiming to create new literary meanings.

Keywords: creative process, word-association method, human who writes (*Homo scriptor*), subconscious, memory, writer's lists, R. Bradbury, Z. Freud.

УДК [82.01:7.01] А. Крученых

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-109-113

ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А.Е. КРУЧЕНЫХ
В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЧИСТОГО ИСКУССТВА

канд. филол. наук, доц. Т.В. ДАНИЛОВИЧ

(Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2020-0857>

В статье предпринимается попытка раскрыть соответствие основополагающих творческих принципов А.Е. Крученых, его представлений о сущности и задачах художественного творчества основным положениям концепции чистого искусства. Рассматриваются особенности интерпретации ключевых понятий, используемых сторонниками «искусства для искусства», их постулатов в теоретико-литературных и литературно-критических работах поэта. Указывается, что характер того, как А.Е. Крученых трактует идеи, являющиеся основными положениями концепции чистого искусства, обуславливается авангардистскими исканиями поэта. Раскрывается подчиненность декларируемой А.Е. Крученых теории заумного языка принципам чистого искусства. Осмысливается характер эволюции в послереволюционный период творчества поэта его взглядов на взаимоотношения искусства и политики, художественные произведения, подчиненные решению внеэстетических задач. Выявляется роль А.Е. Крученых в развитии идей чистого искусства.

Ключевые слова: А.Е. Крученых, кубофутуризм, чистое искусство, «искусство для искусства», бестенденциозность художественного творчества, дегуманизация литературы, заумь.

Введение. Интегрирующими для представителей чистого искусства являются идеи творческой свободы и автономии художественной реальности. Однако единый взгляд на сущность этих понятий и путь к достижению провозглашаемого у апологетов «искусства для искусства» отсутствует, что обуславливает существование разных модификаций концепции чистого искусства¹. Её реализацию одни видят в изоляции художественного творчества от проблематики определенных сфер общественного сознания, другие – в отказе от установки в процессе творческой деятельности на дидактизм, акцентировании особых законов художественного творчества, третьи – в создании абстрактного искусства. Многообразие представлений о воплощении в жизнь принципов чистого искусства может приводить к тому, что писатель, отождествляя «искусство для искусства» с одной из моделей, но являясь выразителем другой, не позиционирует себя как защитник чистоты литературы и, более того, критикует эту концепцию. Красноречивый пример такого подхода – литературно-эстетические взгляды А.Е. Крученых. Несмотря на обилие научных работ о творчестве поэта, данный аспект его творческой деятельности не исследовался.

Основная часть. Некоторые кубофутуристы характеризовали собственные художественные искания как материализацию принципов чистого искусства. Крученых же, которого литературовед А.А. Шемшурин называл «матерью» российского футуризма [4, с. 61], критикует «искусство для искусства» и считает его чужеродным футуристской эстетике, отождествляет с доавангардистским путем развития художественного творчества. Так, отрицая возможность следования русской литературы в послеоктябрьскую эпоху укоренившимся эстетическим канонам, поэт пишет: «Все молодое и свежее, все, что не успели еще застыть в мешанском болоте “чистого искусства”, понемногу подтягивается к левому фронту» [5, с. 8]. Выражая негативное отношение к чистому искусству, характеризуя его как устаревшее явление, противопоставляя ему авангардизм, Крученых демонстрирует суженное представление о сущности «искусства для искусства». При этом многие эстетические идеи, которые отстаивает поэт, на самом деле составляют стержень концепции чистого искусства. Особенности их осмысления в теоретико-литературных и литературно-критических работах Крученых оказываются обусловлены его следованием кубофутуристской эстетике. Так, выступая против прагматического взгляда на литературу, рамки того, что является утилитарностью в художественном творчестве, поэт, в сравнении с большинством сторонников чистого искусства, максимально расширяет. Для Крученых она означает не обращение в литературе к вопросам каких-либо сфер общественного сознания, а нацеленность творца на воплощение реального мира как такового. Если многими адептами «искусства для искусства» понятие «копирование реальности» используется в значении ее фотографического отображения, то поэтом трактуется как любая попытка ее отражения в искусстве, даже в трансформированном виде.

В противовес теории подражания искусства природе, Крученых отстаивает идею изоляции художественного мира от действительности, что актуально для защитников чистого искусства. Однако, если для последних герметичность литературы чаще всего означает её ограждение от отдельных сфер жизни (например, от политики), то для поэта – от предметного мира в целом. Установку на беспредметность искусства Крученых подчиняет задаче переориентации творца с осмысления человека как объекта творчества на искусство само по себе. Декларируя атематичность художественного творчества, поэт становится выразителем эстетических идей, которые являлись радикальным вариантом чистого искусства, максимально удаляющего творца от реальности.

Новое смысловое наполнение обретает у Крученых и понятие «творческая свобода». Если для многих приверженцев чистого искусства оно означает неангажированность художественного творчества, то для поэта – максимальное раскрепощение художественной речи посредством её дистанцирования от обыденного языка. «Язык для всех – связывает речь рамками грамматического приличия, а в языке для себя все звуки в любом порядке

¹ Верные наблюдения по этому поводу есть в работах ряда ученых (см., например, [1–3]).

являются творческим материалом», – объясняет эстетическую позицию Крученых участница объединения заумников 41° Т. Толстая-Вечорка [6, с. 19]. Использование существующего языка воспринимается поэтом как стеснение творческой свободы, «сделка с художественной совестью» [7, с. 38].

Способом утверждения мысли о неподотчетности художественной речи законам логики и обыденного сознания, неприспособленности к «протоколированию» реальности для Крученых служит заумь. Цель заумного языка, согласно поэту, состоит в том, чтобы в творчестве выйти за границы содержания и, сконцентрировав внимание на форме, прозондировать ее возможности, исследовать ее специфику: «...мы употребляем произвольные слова, чтобы, освободясь от сюжета, изучить красочность, музыку слов, слогов, звуков» [8, с. 396]. Крученых оказывается сторонником формального эксперимента в чистом виде, подчеркивая принципиальную асемантичность собственных заумных стихов, хотя существовали, в том числе и среди футуристов, попытки «разумной» дешифровки произведений поэта².

Сфокусированность на форме и отказ от акцента на содержании Крученых мотивирует также несоразмерностью задач, которые традиционно ставят перед собой писатели, достигнутому в литературе техническому уровню: «Мы еще дети в технике речи, а беремся в произведениях за решение всех поголовно вопросов мироздания и стыдимся поучиться искусству, как таковому» [10, с. 3]. Очевидно, что нацеленность на создание абстрактных произведений не является следствием безразличия поэта к реальным жизненным проблемам, высокомерного нежелания снизойти до них. Она оказывается проявлением требовательности Крученых к творцу, обязанному сосредоточиться на совершенствовании средств художественной выразительности в искусстве.

Ориентир на формотворчество предопределяет специфику отношения поэта к утверждению о необходимости художественного воплощения темы современности. Если апологеты чистого искусства осмыслению злободневных проблем чаще всего противопоставляют обращение к вневременному, вечным ценностям человеческого бытия, то поэт-кубофутурист в равной степени отрицает и отстраненность от злобы дня, и воплощение текущего момента. «Болтовню о крайней современности» Крученых оценивает не выше любой другой темы, декларируя верность «слову как таковому», необходимость для творца концентрировать внимание на самом искусстве, «исходить из него, изнутри его задач» [7, с. 38].

Авангардистскую окраску имеет и интерпретация поэтом значимой для ряда адептов чистого искусства мысли об отделении литературы от морали. В то время как под внеморальностью литературы многие выразители идей «искусства для искусства» подразумевают либо отказ от морализаторства, либо равновеликость добра и зла в качестве источников творчества, Крученых – выпадение этих категорий из поля зрения творца. Искусство, согласно поэту, внеморально, поскольку не обращено к воплощению человеческой жизни, имеет дело с художественной формой, а не общественным бытием. Заумь, по Крученых, дистанцирует искусство от морали. Отрицая применимость категорий добра и зла к авангардистской литературе, мораль поэт причисляет к особенностям чистого искусства. Показательны в этом плане мысли Крученых о послеоктябрьской литературе. Поэт считает устаревшей, не приемлемой для нее связь с этикой и традиционное представление о красоте: «Но есть закоренелые упрямцы, <...> по мнению которых литература должна быть красивой, доброй и “приятной во всех отношениях” дамой. Если в красивых и добрых личинах литературная эмиграция показывает всякую иную эмиграцию: фокстротирующих дамочек и их кавалеров, то это, в сущности, не опасно, потому что читателю смешно и ни в какую красоту и доброту буржуазны у нас не верят. Но вот, если современность нашу вместо кожаной куртки писатели наряжают в розовый флер – это гораздо похуже» [5, с. 8–9]. В представленных суждениях, наряду с этикой, объектом отталкивания для Крученых становится культ красоты в художественном творчестве, что кардинально отличает поэта от многих адептов чистого искусства, воспринимающих эстетизм в качестве одного из средств реализации принципов «искусства для искусства». Верным направлением деятельности современного художника Крученых считает стремление «удержать» в «творчестве революционность и отбросить красоту» [5, с. 8–9]. Противостояние поэта эстетизму находит отражение в самом звучании заумных стихов Крученых, который признавался, что в своей зауми отдавал предпочтение «грубому “мужицкому” рыку с южным привкусом на га» [5, с. 60]. Чужеродность для поэта ориентира на красоту звучания зауми, враждебность Крученых по отношению к «изящному, элегантному, будуарному» отмечал литератор С. Третьяков: «Он (Крученых. – Т. Д.) был далек от заумных построений романтических типа Илайяли (Гамсун), он был достаточно реалист и враг символистическому сахарину. Он создавал заумные речения, которые, по его же словам, должны были входить в сознание туго, коряво, как несмазанный сапог» [11, с. 336].

Противодействие установке на красоту творений искусства проявляется у Крученых и в отталкивании от поэтики символистов, которых он характеризовал как «уайльдистов», а футуристов как носителей «подлого», демократического языка [12, с. 19]. Наряду с высказываниями поэта о неактуальности понятия красоты для «левого» искусства, у Крученых есть и суждение о том, что для заумников «гений внешней красоты всего выше» [8, с. 195]. В данном случае поэт не противоречит самому себе, а вкладывает в понятие «красота» иной смысл, чем писатели-эстеты, отождествляя ее с нацеленностью приверженцев зауми на формальные эксперименты.

Специфичным в сравнении с традиционным для сторонников чистого искусства является и осмысление поэтом истории отечественной словесности. Присущее большинству из них выделение в русской литературе учительской линии и пушкинского бестенденциозного пути для Крученых неактуально. Вся доавангардистская русская литература в творческом сознании поэта едина в своем обращении к осмыслению жизни. Доавангардистское искусство утилитарно, согласно Крученых, в силу его предметности. До футуристов, утверждает поэт, «были жалкие попытки рабской

² Например, Д. Бурлюк так декодирует хрестоматийные стихи А. Крученых: «”Дыр Бул шол” – Дырой будет лицо счастливых олухов» [9, с. 43].

мысли воссоздать свой быт, философию и психологию (что называлось романами, повестями, поэмами и пр.), были стишки для всякого домашнего и семейного употребления...» [13, с. 23]. В манифесте, написанном Крученых в соавторстве с В. Хлебниковым, звучит упрек писателям-предшественникам в том, что они «слишком много разбирались в человеческой “душе” (загадки духа, страстей и чувств)» [7, с. 43]. Отказываясь от пути, проложенного русской литературой, поэт-футурист мысленно устремляется в пространство искусства, не привязанного к действительности, поднимаясь «выше всех церквей и моргов моралина» литературной классики [7, с. 3].

Восприятие классической литературы как «умершей» [7, с. 38], а следования творца укоренившимся литературным традициям, темам, приемам как «верности трупу» [5, с. 12] обуславливает то, что у Крученых отсутствует видение Пушкина в роли путевого маяка, свойственное многим представителям чистого искусства в русской культуре. При этом «сбрасывание» автора «Евгения Онегина» с «Парохода современности» для поэта-футуриста не является жестом отказа от признания пушкинских заслуг. «Крученых не разбирал, не входил в подробности, кто хорош, а кто нет, просто раздражало тупое сияние вокруг цилиндра Пушкина», – поясняет природу бунта поэта против «литературных самодержцев» Толстая-Вечорка [6, с. 19]. Пушкинские творческие искания воспринимаются Крученых как отправная точка для поиска новых путей в искусстве. Это направление движения формируется поэтом-заумником следующим образом: «Старое стершееся “литературное” слово академиков ныне оживляется народно-областной, чувственной или заумной фонетикой, – от Державина до Пушкина и от Пушкина до будетлян!» [14, с. 308].

В послереволюционный период творческой деятельности литературно-эстетические взгляды Крученых претерпевают отдельные изменения. Так, поэт не демонстрирует неприятие художественных произведений, обращенных к предметному миру. Кроме того, Крученых нередко благосклонно отзывался о взаимодействии искусства и политики. Поэт пишет о будетлянах как предвестниках Октября, которые «слышали шаги эпохи, чувствовали время, ждали социальных потрясений» [14, с. 138], были «первыми деятелями октябрьского искусства», сохранившими верность собственным декларациям, получившим «новую силу в революции» [5, с. 8]. Суждения об аполитичности кубофутуризма Крученых характеризует как легенду, созданную благодаря «подлеповатости» некоторых критиков: «Наша будетлянская определенная общественно-политическая ориентация, органически связанная с революционными установками в искусстве, никогда не подавалась нами оголенной. Но она обуславливала содержание наших художественных вещей» [15, с. 32]. Поэт рассуждает с позиций человека, который чувствует себя своим в послереволюционном обществе или пытается создать такое ощущение у читателя, демонстрируя собственную «советскость».

Взгляд Крученых на искусство с точки зрения советского гражданина ощутим и в книге «Гибель Есенина» (1926), в которой автор «Анны Снегиной» характеризуется как творческая личность, не сумевшая по-настоящему принять революцию: «...советская культура ему не далась» [12, с. 8]. Крученых обвиняет литературное окружение Есенина в том, что оно прививало поэту «дурные замашки и навыки богемы» вместо того, чтобы «помочь ему установиться, организовать, творчески сработаться с революцией» [12, с. 9]. При этом по отношению к есенинским произведениям на революционную тему Крученых использует отстаиваемый апологетами чистого искусства эстетический критерий оценки художественных творений, отмечая, что «только большому и настоящему мастеру по плечу тяжелая задача – сделать свои стихи революционными» [12, с. 8].

Само понятие революционности поэт-футурист редко использует для обозначения революционных событий, чаще всего осмысливая как новаторство в области художественной формы. О заумном языке он пишет: «Заумь, как литературная форма, **революционна** ...» [16, с. 58]. В данном случае под революционностью Крученых не имеет в виду популяризируемую утилитаристами творческую установку на создание стихов, пропагандирующих ценности нового общества. При этом в послереволюционный период творчества у поэта исчезает свойственное большинству адептов чистоты искусства категорическое отрицание прагматического подхода к литературе. Так, рассматривая деятельность Лефа как продолжение традиций футуризма, Крученых понимает их шире, чем ориентир на формотворческие эксперименты: «Мы умеем делать и делаем на потребу Октября – лозунги, фельетоны, монтажи, марши для шествий... перевинчиваем старые пьесы и строим новые, инструктируем речевиков и будем делать это вперед» («Новый Леф», № 8–9, 1927 г.)» [5, с. 8–9]. Утилитарное направление деятельности лефовцев Крученых не только не отрицает, но воспринимает как фронт работы, который должен осуществляться ими и в будущем. Однако прагматическое отношение Лефа воспринимается поэтом в качестве самостоятельного, и не единственного вида деятельности футуристов. Крученых дифференцирует работу лефовцев, выделяя среди участников объединения тех, кто пропагандирует средствами искусства идеологию «нового мира», и тех, кто сосредотачивается на художественных экспериментах: «Каждая из этих частей владеет разными видами оружия, так, напр., среди поэтов имеются: 1) специалисты лабораторники, готовые модели слова, 2) поэты “будовитые”, пишущие главным образом для завтрашнего дня, и есть, наконец, 3) агитаторы и плакатисты, работающие на злобу дня» [17, с. 3]³.

³ П. Коган тоже отмечал существование в лефовской среде полярных эстетических установок, но в отличие от Крученых подчеркивал несоответствие творческих поисков, подчиненных решению собственно художественных задач, декларациям объединения: «Лозунги журнала гласят:

“Леф” будет бороться за искусство-строение жизни”.

“Мы очистим наше старое “мы” от всех, пытающихся революцию искусства – часть всей Октябрьской воли – обратить в оскар-уайльдское самоуслаждение эстетикой ради эстетики, бунтом ради бунта”. А практика “Лефа”, устами Василия Каменского, определяет искусство в духе бальмонтовского “Волшебства”.

Искусство мира – карусель –
Блистайность над глиором
И словозвонная бесцель,
И надо быть жонглером.

Таким образом, Крученых допускает сосуществование в рамках одного литературного объединения ориентира на чистое искусство и установки на прагматизм. Благоклонность в отношении последней сближает взгляды Крученых и представителя «артистической школы» критики А. Дружинина, который указывал на то, что дидактическое начало, будучи само по себе не способным к «прочному отдельному существованию», в тандеме с чистым искусством, в качестве его компонента обретает смысл и силу: «Как ветвь одного могучего растения, как побочная отрасль теории свободного творчества, оно может принести великую пользу обществу, но для этого надобно, чтоб оно твердо прикреплялось к своему основанию, не отрываясь от корня, давшего ей рождение» [19, с. 175]. Однако в то время как Дружинин считал дидактизм действенным и жизнеспособным в форме вкрапления в чистое искусство, Крученых не придерживается идеи смешения художественного творчества, подчиненного внеэстетическим задачам, и собственно искусства. Поэт остается верен избранному ранее курсу на создание заумного языка. В работе, посвященной изучению того, как используется заумь в произведениях советских писателей, Крученых указывает на усиление в русской литературе тенденций, соответствующих исканиям футуристов, проявлением чего он видит смещение внимания с содержания на форму: «В современной русской литературе фонетика победила. Философствование и психологизм, напр., в духе Достоевского сейчас не прививается. И если герои Достоевского и Толстого при каждом случае принимались умствовать о мировых загадках и загробной душе, – то теперешние герои очень любят **петь, кричать, горланить**» [16, с. 38–39]. Элементы авангардистской поэтики в произведениях советских писателей Крученых рассматривает не в качестве временного явления, а как составляющие искусства, за которыми будущее литературы. О роли в ней зауми Крученых замечает: «...мы, будет-ляне, думаем не токмо о деесах настоящего дня, но в еще большей мере об искусстве будовитом, заумном, заумному языку» [20, с. 12].

Заключение. Не отождествляя собственные творческие поиски с чистым искусством, Крученых при этом декларирует литературно-эстетические идеи, являющиеся основными положениями этой концепции:

- критика утилитарного отношения к искусству;
- отрицание теории жизнеподобия литературы;
- неприятие сосредоточенности искусства на общественных проблемах;
- творческая независимость художника;
- автономия художественной реальности;
- значимость формы в произведениях искусства;
- важность работы над совершенствованием технического арсенала искусства;
- эстетический критерий оценки художественных творений.

Большинство из этих постулатов Крученых наполняет содержанием, разнящимся со смыслом, который вкладывали в них представители чистого искусства доавангардистской эпохи. Интерпретируя обозначенные положения в кубофутуристском ключе, поэт способствует формированию авангардистской модели этой концепции.

Характер эволюции литературно-эстетических взглядов А.Е. Крученых после революции свидетельствует о появлении в творческом сознании поэта, взамен прежнего неприятия прагматического взгляда на литературу, благоклонного отношения к взаимодействию искусства и политики. При этом, признавая право на существование утилитарной линии в литературе, сам поэт остается верен идеалу художественного творчества, базирующегося на принципах чистого искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейдле В.В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. – СПб.: Аксиома, 1996. – 332 с.
2. Осповат А.Л. Короткий день русского «эстетизма» (В.П. Боткин и А.В. Дружинин) // Лит. учеба. – 1981. – № 3. – С. 186–193.
3. Вязова Е.С. «Искусство для искусства» во Франции, Англии и России XIX века. К истории термина // Искусствознание. – 2008. – № 3/08. – С. 44–95.
4. Шемшурин А.А. Слишком земной человек // Алексей Крученых в свидетельствах современников. – Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1994. – С. 61–63.
5. Крученых А.Е. 15 лет русского футуризма 1912–1927 гг.: Материалы и комментарии. – М.: Всероссийский союз поэтов, 1928. – 67 с.
6. Толстая-Вечорка Т. Слюни черного гения // Жив Крученых!: сб. ст. / Б. Пастернак, С. Третьяков, Д. Бурлюк, Т. Толстая, С. Рафалович. – М.: Изд. Всероссийского союза поэтов, 1925. – С. 19–37.
7. Крученых А.Е. Апокалипсис в русской литературе. – М.: Б. и., 1923. – 46 с.
8. Память теперь многое разворачивает: Из литературного наследия Крученых / Сост., посл., публ. текстов и комм. Н. Гурьяновой. – Беркли: Berkeley Slavic specialities, 1999. – 498 с.

По теории Чужака, искусство есть производство вещей, высшая целесообразность, художник – производитель вещей по законам высшей целесообразности. А Василий Каменский так определяет назначение поэта:

Я – арамба пронзить сердцаль
 Готов до звезд вселента.
 Моя поэма созерцаль,
 Бряцальная словента» [18, с. 91].

9. Бурлюк Д.Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. – СПб.: Пушкин. фонд, 1994. – 381 с.
10. Крученых А. Е. Сдвигология русского стиха: Трактат обижальный (трактат обижальный и поучальный). – М.: Тип. ЦИТ, 1922. – 46 с.
11. Третьяков С.М. Бука русской литературы (об Алексее Крученых) // А.Е. Крученых. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы – М.: Гиля, 2006. – С. 333–345.
12. Крученых А.Е. Гибель Есенина: Как Есенин пришел к самоубийству. – М.: изд. авт., 1926. – 18 с.
13. Хлебников В., Кручёных А., Гуро Е. Трое. – СПб.: Журавль, 1913. – 96 с.
14. Крученых А.Е. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. – М.: Гиля, 2006. – 458 с.
15. Крученых А.Е. О Велимире Хлебникове // Литературное обозрение. – 1996. – № 5/6. – С. 29–36.
16. Крученых А.Е. Новое в писательской технике Бабеля, Артема Веселого, Вс. Иванова, Леонова, Сейфуллиной, Сельвинского и др.: продукция № 144. – М.: Всероссийский союз поэтов. – 1927. – 59 с.
17. Крученых А.Е. Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова. – М.: Изд-е Всероссийского Союза Поэтов, 1925. – 61 с.
18. Коган П.С. О «Лефе», о формалистах, Жирмунском и Маяковском Современная русская критика (1918–1924) // Современная русская критика (1918–1924). Сб. (образцы и характеристики). – Л.: Гос. изд-во, 1925. – С. 88–97.
19. Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. – М.: Современник, 1988. – 543 с.
20. Крученых А.Е., Петников Г.Н., Хлебников В. Декларация заумного языка // Заумники. – М.: Б. и., 1922. – С. 12–17.

Поступила 21.12.2022

LITERARY AND AESTHETIC VIEWS OF A. E. KRUCHYONYKH IN THE CONTEXT OF THE PURE ART CONCEPT

T. DANILOVICH

(Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk)

The article attempts to reveal the conformity of the fundamental creative principles of A. Kruchyonykh as well as his ideas concerning the essence and aims of artistic creativity, with the basic provisions of the concept of pure art. The features of the interpretation of the key concepts used by the supporters of "art for art's sake", their postulates in the theoretical-literary and literary-critical works of the poet are considered. It is pointed out that the nature of how A. Kruchyonykh interprets the ideas that are the main provisions of the concept of pure art is determined by avant-garde searches of the poet. The subordination of the theory of abstruse language declared by A. Kruchyonykh to the principles of pure art is revealed. The nature of the evolution in the post-revolutionary period of the poet's creativity of his views on the relationship between art and politics, works of art subordinated to the solution of non-aesthetic tasks is comprehended. The role of A. Kruchyonykh in the development of the ideas of pure art is revealed.

Keywords: A. Kruchyonykh, Cubo-Futurism, pure art, «art for art's sake», not tendentiousness of artistic creativity, dehumanization of literature, zaum.

СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В РОМАНЕ «ВУЛФХОЛЛ» Х. МАНТЕЛ

К.А. ЗИНОВЬЕВА

(Минский государственный лингвистический университет)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3981-264X>

Целью данной статьи является характеристика аксиологического компонента романа «Вулфхолл» («Wolf Hall», 2009) Х. Мантел. Вначале проводится сравнительный анализ романа «Вулфхолл» с «Айвенго» («Ivanhoe», 1819) В. Скотта и утверждается преимущество современного романа в способности погружения читателя в историческое прошлое и интеллектуализация жанра исторического романа. В статье делается вывод о сосуществовании трех систем ценностей в исследуемом произведении: средневековых ценностей, ценностей Ренессанса и анахроничных ценностей современности. Центром системы ценностей Средневековья является любовь к Богу, которая реализуется через институты католической церкви, феодализма и монархии и отражается в католической интерпретации Библии. Ренессансная система ценностей передается с помощью новой интерпретации Библии У. Тиндейлом, гуманности и рациональности главного героя романа. Современная система ценностей проявляется через манеру повествования и связана с моментом написания романа: персонажи описаны с глубоким психологизмом, отмечается «гендерная асимметрия» и неактуальность дихотомии добра и зла.

Ключевые слова: исторический роман, современный британский роман, Томас Кромвель, Хилари Мантел, система ценностей.

Введение. На протяжении более двух столетий исторический роман подвергался значительным изменениям, связанным с развитием исторических наук, социально-культурными процессами и влиянием современного литературного процесса. Романы В. Скотта, которые считаются классическими образцами жанра, по сей день привлекают внимание исследователей, которые их анализируют, применяя новые методологии исследования. Так, Т.Г. Лазарева рассматривает исторические романы Скотта как способ научного моделирования в рамках познания удаленной во времени эпохи, пользуясь идеями Л. Уайта о культуре [1]. Большой вклад в исследование исторических романов XX в. сделала отечественный исследователь Т.Е. Комаровская [2], определив в нем отношения факта и вымысла и осветив проблему героя в историческом романе. М.С. Рогачевская [3], Б.М. Проскурнин [4] и М.А. Дезорцева [5] исследуют современные образцы жанра исторического романа с целью проследить его эволюцию. Многие исследователи отмечают, что исторический роман по природе жанра связан не только с описываемой эпохой, но и моментом его создания, что указывает на «сопряженность времен» [2]. Из этого следует, что время написания романа накладывает на него свой «отпечаток», то есть достижения науки, традиции и ценностные ориентиры нашего времени «вплетаются» в ткань «современного» исторического романа. В этой связи представляется уместным провести сравнительный анализ развития исторического романа на основе одного из первых и значительных его образцов, «Айвенго» В. Скотта, и первой части трилогии Х. Мантел о Томасе Кромвеле «Вулфхолл».

В данной статье мы рассмотрим такой мало изученный для исследуемого жанра аспект, как ценности в историческом романе Хилари Мантел «Вулфхолл», который был написан в 2009 г.: это ценности, принадлежащие описываемому историческому периоду, а также мораль, характерная для нашей современности. С помощью сравнения двух данных романов и выявления комплексной аксиологической составляющей «Вулфхолла» планируется проследить интеллектуализацию жанра исторического романа в XXI веке. Актуальность данного исследования определяется значительными изменениями, произошедшими в жанре в конце XX – начале XXI вв., которые повысили статус исторического романа в литературе и являются недостаточно изученными в зарубежном и отечественном литературоведении. Научная новизна исследования состоит в том, что такой аспект, как сосуществование трех ценностных систем в историческом романе в связи с разницей изображенной эпохи, времени создания романа и новой субъектности читателя – это новаторская область научного поиска, которая апробируется на избранном примере.

Основная часть. Роман «Вулфхолл» – это первый роман британской писательницы Хилари Мантел из трилогии о Томасе Кромвеле, рассказывающий о событиях с 1500 по 1535 гг. Трилогия повествует о событиях истории Англии во времена правления Тюдоров. Ранее (в произведениях других писателей, например, «Ещё одна из рода Болейн» («The Other Boleyn Girl», 2001) Ф. Грегори) повествование о периоде правления Генриха VIII шло от таких лиц, как Анна Болейн и Томас Мор. В романах Х. Мантел автор «дает слово» Томасу Кромвелю. Х. Мантел описывает его жестокое детство, годы тесного взаимодействия с кардиналом Томасом Уолси, лорд-канцлером Англии в 1515–1529 гг. До 1529 г. Уолси считался самым могущественным человеком в Англии после короля Генриха VIII, однако после неудачной попытки убедить Папу Римского расторгнуть брак короля с Екатериной Арагонской, его первой женой, кардинал лишился всех своих титулов и был взят под стражу. После этого эпизода Мантел показывает восхождение Кромвеля по карьерной лестнице на службе у короля и достижение им статуса наместника главы Англиканской церкви.

Для понимания жанрово-стилевых особенностей исторического романа Х. Мантел важно обратиться к функции в нем повествования (нарратива). О.В. Мамуркина утверждает, что нарратив «выступает в роли главной формы упорядочения и осмысления окружающего мира, а в контексте литературоведения – как особый конструкт, с помощью которого через повествование осваивается окружающая реальность» [6, с. 227]. Согласно данному утверждению, можно предположить, что в рамках литературоведения исторический роман – это конструкт, который способен помочь переосмыслить историю и по-новому освоить историческую материю. Впервые этим начал заниматься В. Скотт, за ним последовали такие видные и неоднородные авторы исторических романов, как А. Мандзони (1785–1873) и Э. Бульвер-Литтон (1803–1873) в XIX веке. Позже традицию обновили У. Эко (1932–2016), Дж. Барнс (р. 1946), С. Уотерс (р. 1966), Д. Могац (р. 1948), С. Барри (р. 1955) и другие писатели в XX и XXI вв.

Романы Мантел часто связывают с возрождением классического исторического романа Скотта. Вместе с тем, «Хилари Мантел удалось вернуть историческому роману его эпохальные, эпические, онтологические корни, не возвращаясь к принципам, выработанным В. Скоттом, а создав нечто принципиально новое, хотя и исторически выверенное» [7, с. 32]. Сравнение «Айвенго» и «Вулфхолл» стоит начать с одного из ключевых понятий для исторического романа – хронотопа, он «определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности» [8, с. 275]. Действие в «Айвенго» проходит во времена средневековой Англии, когда норманны одержали верх над англосаксами и правили королевством; это время смуты и разногласий между сословиями и племенами. Данный хронотоп реализуется с помощью описания традиций и обычаев этих двух племен, их нарядов, пищи и акцентирования отличий англосаксов и норманнов. Хронотоп «Вулфхолла» – Англия XVI в. времен правления Генриха VIII, когда в Европе зарождался и развивался Ренессанс, влияние которого постепенно проникало и в Англию. В повествовании Мантел отмечаются «театральные аналогии, создаваемые отдельными «замечаниями-метафорами» [5, с. 162; 9]. Таким образом, британская писательница обыгрывает слова известного английского драматурга У. Шекспира «вся жизнь – театр». К примеру, в какой-то момент в романе Кромвель находится под впечатлением, что Томас Мор пишет все его речи и насмехается над ним: «...Master More sits in the audience and sniggers when I trip over my lines, for he has written all the parts» [10, с. 563]. Ход истории трактуется как театральное представление, в котором политические и исторические события государства показаны в романе как театральные постановки. В произведениях В. Скотта также отмечается некая театрализация, однако она реализуется лишь поверхностно посредством исторических артефактов (то есть с помощью нарядов, рыцарских турниров и прочего).

По своей сущности исторические романы, сравниваемые в данной работе, отличаются тем, что «Айвенго» – это роман, опирающийся на развитие сюжета, а «Вулфхолл» – это роман, опирающийся на развитие персонажей. В «Айвенго» Скотт ставит цель познакомить читателя со знаменательной исторической эпохой, с тем, что произошло в те времена, показать роль его героев в историческом процессе, и для достижения этой цели «насыщает» роман событиями. Сюжет «Айвенго» почти ничем не прерывается, в повествовании отсутствуют такие элементы, как внутренний монолог героев, глубинные размышления о влиянии текущих событий на общий ход истории и т.д. Хилари Мантел предлагает читателю «Вулфхолл» погрузиться в сознание главного героя и через призму его восприятия увидеть ключевые события истории. Роман обогащен многими размышлениями Кромвеля о судьбе Англии и монархии, о религии, английском народе и о том, как работает память человечества. С ходом событий мы наблюдаем, как опыт персонажа отражается на его сознании.

В данных романах также отличаются типы повествователей: Вальтер Скотт применяет устоявшуюся форму повествования от третьего лица – всезнающего рассказчика, коим сам автор и является; Хилари Мантел формально организовала повествование от третьего лица с точкой зрения Томаса Кромвеля (свободный косвенный дискурс – СКД) – то есть повествование от лица действующего персонажа. Повествователь во многом предопределяет то, каким образом и насколько близко читатель сможет взаимодействовать с повествуемой историей. В случае с «Айвенго» взаимодействие может быть только поверхностным – рассказчик не является действующим лицом и неспособен глубоко раскрыть внутренний мир персонажей, повествование осуществляется «со стороны», отчужденно, поэтому читатель или критик могут лишь строить логические догадки в анализе произведения Скотта. В случае с «Вулфхолл» читателю дается возможность изучать историю вместе с действующим лицом – Томасом Кромвелем – разделять его страхи, сомнения, размышления, за счет чего достигается более глубокое погружение в мир повествуемого.

Накопленные наукой знания об исторических событиях неизбежно дают Мантел преимущество над Скоттом: столетия развития жанра породили новые подходы и методы подачи исторического материала. Вальтер Скотт начинал знакомить читателей со средневековой эпохой, что видно по наличию внетекстовых комментариев, содержащих исторический контекст. В отличие от основателя жанра исторического романа, Умберто Эко также, например, при работе над романом «Имя розы» привлекал «огромные достижения медиевистики XX века и распространенность этих знаний среди читающей публики» [11, с. 121–122].

Следующее отличие заключается в изображении художественной модели мира: мир «Айвенго» динамичный (с точки зрения сюжета), в нем воспеваются рыцарские качества (в чем прослеживается связь произведения с рыцарскими романами), просматривается строгая дихотомия положительных/отрицательных персонажей, главных героев ожидает счастливая развязка. Согласно Т.Г. Лазаревой, повествование в «Айвенго» сконцентрировано на «столкновении религиозно-политических партий и иерархии сословий» [1, с. 12]. В то же время, в романе Мантел читатель

наблюдает картину с культурологическими сдвигами, которые осуществляются через субъективизацию истории – элемент литературной работы с историей, ставший неотъемлемой частью современного художественного историзма. В романах Мантел субъектом и объектом является Томас Кромвель, который представляет те «мировоззренческие и ценностные изменения, которые переживала Англия в XVI столетии» [4, с. 82]. Томас Кромвель – личность, которая стала образом новой страны, нового мышления, отношения к людям, законам, правилам и нормам бытия.

Подытожив сравнение двух романов, можно заключить, что роман «Вулфхолл» отличается типом рассказчика, имеет иную динамику развития сюжета, которая сконцентрирована не на столкновении партий и сословий, а на внутреннем мире главного героя. Так как роман был написан в XXI в., он имеет очевидное преимущество в воплощении широкого исторического контекста, задокументированного историческими науками. В романе Мантел отсутствует строгая дихотомия положительных и отрицательных персонажей, в действии книги показывается переходность эпохи.

Представляется важным определить элементы, повлиявшие на авторскую презентацию первого романа трилогии Х. Мантел: во-первых, это акцент на идеях исторических деятелей культуры, науки и философии, которые были популярны в период действия романа «Вулфхолл» и которые переосмысливает для себя главный герой; во-вторых, это влияние современного литературного процесса, тенденциям которого подчиняется творчество Мантел, что позволяет осуществить многоплановый анализ данного произведения. В романе наблюдается сосуществование трех моралей, которые составляют мораль повествователя и автора произведения.

Первой стоит упомянуть *средневековую систему ценностей*, обусловленную хронотопом романа. Без наличия данной аксиологической составляющей в тексте произведения невозможной была бы жанровая атрибуция «Вулфхолла» как исторического романа. Мораль в данный период была тесно связана с религией: в центре системы ценностей была любовь к Богу. Бог, в свою очередь, олицетворялся в церкви, а правитель имел право на власть на основе того, что он был выбран Богом. Власть церкви над обществом породила утрату прежнего античного статуса человека как самоценности, что значительно отразилось на восприятии людьми друг друга и на межличностных отношениях. Мораль Средневековья проявляется через функционирование отдельных персонажей (например, через придворных Генриха), а также через упоминание реакции английской общественности на смену статуса ключевых фигур короны (как в случае с архиепископом Уолси) и на попытки форсированного узаконивания отношений Анны Болейн и Генриха VIII. В случае с Уолси, когда покинувшего должность церковнослужителя перевозили на другое место, жители поселения окружили мужчину и его людей и начали сквернословить в адрес священника. Падение церковной фигуры в глазах монарха (а соответственно, и в глазах народа) расценивалось как грех и предательство. Анна Болейн стала объектом насмешек и многих неоправданных обвинений (в том числе Анну обвиняли в том, что она ведьма), поскольку она стала второй женой Генриха, нарушив священство первого брака короля, одобренного католической церковью.

Для передачи средневекового духа соперничества и жестокости правящей власти автор романа «Вулфхолл» упоминает работу Макиавелли «Государь» («Il Principe», 1532). Королевский двор обсуждает философию и методику правления по Макиавелли. Дворянство и приближенные короля придерживались мысли, что хороший правитель не тот, кто правит на благо народа, а наоборот, хороший государь тот, кто не принимает во внимание волю народа. Суть произведения Макиавелли, которую постигли люди того времени, – это оправданная жестокость и ложь по отношению ко всем, кто ниже рангом или званием. Данные тезисы парадоксально сосуществовали наряду с христианскими заповедями «не убивай» и «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».

Еще одна система ценностей, присутствующая в романе «Вулфхолл», – это *ценности Ренессанса*, которые, главным образом, передаются через персонажа Томаса Кромвеля. Исторически Кромвель является представителем Средневековья, однако зачатки ренессансных идей и ценностных установок можно наблюдать в различных аспектах личности персонажа, таких как его уважительное, иногда трогательное отношение к другим, принятые им решения, его склад ума, разносторонние навыки и знания. Еще в раннем возрасте (когда Томас сбежал от пьяницы-отца) главный герой работал и путешествовал на корабле, был наемником в других странах. После своих странствий он приобретает глубокие знания о торговле, в том числе о торговле шерстью. Обладая внушительным опытом в этой сфере, Кромвель владеет значительно большим объемом информации о некоторых героях, чем им хотелось бы, как, например, в случае Стивена Гардинера: «and since he himself knows everybody in the wool trade, he knows too much about his past for Stephen's comfort» [10, с. 17]. Когда Уолси предлагает подкупить кого-то, Кромвель сразу знает, откуда и как достать деньги: «Why not? He knows the money markets; it could be arranged» [10, с. 27]. Помимо вышесказанного, Кромвель имеет весьма разносторонние навыки, приобретенные за сорок лет его необычной жизни: «He can draft a contract, train a falcon, draw a map, stop a street fight, furnish a house and fix a jury. He will quote you a nice point in the old authors, from Plato to Plautus and back again. He knows new poetry, and can say it in Italian» [10, с. 31].

К историческим фигурам, изменившим восприятие мира в XVI в., можно отнести Н. Коперника, У. Тиндейла, Дж. Камилло и Н. Макиавелли. Хилари Мантел неоднократно использует аллюзии на данные фигуры в своем романе. Коперник радикально перевернул видение вселенной, утверждая о гелиоцентрической системе мира, что значительно подорвало постулаты христианского писания, в котором именно Солнце вращается вокруг Земли. Во времена правления Генриха VIII, даже после создания Англиканской церкви, верить в открытие Коперника было еретизмом, однако это не мешало Томасу Кромвелю перерабатывать у себя в мыслях эту и многие

другие современные и опасные на то время идеи. Менее «еретичной» во времена правления Тюдоров идей, упомянутой в романе, считается замысел Джулио Камилло – «театр памяти» – деревянное строение, позволяющее человеку с помощью размеченного пространства систематизировать и хранить знания, что стало зачатком мнемонической техники. Финансировал и собирался материализовать идею Камилло Эразм Роттердамский, известный своими свободололюбивыми взглядами и популяризацией работ античности: «Erasmus has written to us... He is having the cabinetmakers create him little wooden shelves and drawers, one inside another. It is a memory system for the speeches of Cicero» [10, с. 472].

Хилари Мантел упоминает Тиндейла и цитирует отрывки из переведенной им Библии, главным концептом в которой Тиндейл называет не покорность Богу, а любовь [3, с. 201]. Кромвель также подрывает авторитет интерпретаторов Библии, которой придерживалась католическая церковь, и сомневается в возможности ее применения на практике: «For centuries Rome has asked them to believe what only children could believe» [10, с. 516]. Кроме этого, главный герой соглашается с еще одним ученым, не признающим историю Иисуса Христа и его статуса мессии: «Marsiglio tells us that when Christ came into this world... as a subject... Christ did not make Popes» [10, с. 531]. В итоге, читатель видит, что центральный персонаж романа вобрал в себя противоречивые знания и убеждения, зарождавшиеся во времена правления Тюдоров: Кромвель обсуждает тезисы Макиавелли и сотрудничество с католической церковью, но при этом приобретает книги и издания, за которые ему могут отрубить голову или сжечь на костре. В протагонисте сочетаются мысли человека средневекового и человека эпохи Возрождения.

Четко проявляются в романе Мантел идеи гуманизма (достаточно ранние для эпохи правления Генриха) и рационализма. Кромвеля обзывают «личностью», что он сам воспринимает как комплимент: только с помощью развития своего интеллектуального потенциала Томас становится советником короля, не имея при этом никаких дворянских званий или выгодных родственных связей. Герой изучает иностранные языки, искусство, законодательство, путешествует, развивает память, занимается торговлей. Кромвель обладает аналитическим складом ума, усидчивостью и решительностью. Помимо этого, читателя привлекают его идеалы – он ценит прекрасное, образованность, справедливость, рациональность, свободу. В доказательство тому можно привести «учеников» Кромвеля – детей, которых он брал в свой дом для обучения.

Благодаря профессиональной работе автора читатель способен заметить наличие *современной морали*. Одно из очевидных проявлений данной морали – это неактуальность дихотомии добра и зла, в которой не существует ничего в промежутке между этими двумя понятиями. Мантел позволяет самим читателям оценить Томаса Кромвеля, но и не дает герою однобокой характеристики, указывая как на положительные качества Кромвеля (склад ума, обширные знания и любознательность, трудолюбие), так и на «темную» сторону его личности (жестокость, расчетливость). Благодаря тому, что Хилари Мантел – современный писатель, ее стиль позволяет полноценно проводить литературный анализ с точки зрения современных методологий и подходов к художественной литературе. Один из современных приемов, примененный автором «Вулфхолла», – это психологизм в построении персонажей, в том числе в характеристике Томаса Кромвеля.

Психологизм – это «психологическое свойство произведения, которое функционирует на уровнях стилистической реализации, характерологии, методологической установки и рецепции» [12, с. 7]. Мантел создала свое видение истории, стилистически оформленное таким образом, чтобы правдоподобно передать комплексный противоречивый образ средневекового человека, отличающегося своими мыслями от большинства подданных Тюдору и способного изменить жизнь народа Англии. Концепция личности Кромвеля полна интеллектуального потенциала, соответствующего представлениям гуманистов о личности Возрождения; герой проявляет себя и как архитектор, и адвокат, и наставник, и хозяин, и юрист, и советник короля.

Один из приемов, использованных писательницей для раскрытия внутреннего мира героя, – это повторяющееся видение, в котором появляется умершая жена Кромвеля – Бет. Данный момент в повествовании подтверждает, что Томас Кромвель способен на проявление привязанности, любви и долгой памяти (а не только на жестокость и расчетливость), а также на осознание своих ошибок, (например, в случае с женой Томас не уделял достаточно внимания своей супруге, особенно в тот день, когда она заболела).

Все действие романа «Вулфхолл» концентрируется вокруг темы стремления к власти – будь это стремление проявлено в отношении женщины или государства. Генрих VIII стремится захватить религиозную власть в Англии, соответственно, иметь абсолютную власть во всех аспектах – в том числе, власть над умами своих подданных. Король одновременно маниакально охвачен идеей «заполучить» А. Болейн и в этой схватке за власть над ней готов к многочисленным потерям со стороны Англии. Т. Кромвель идет по пути усиления своей власти, он поднимается по карьерной лестнице за счет своего личностного потенциала и профессионализма. Когда герой смотрит на свой портрет, он замечает свою темную сторону. Джоан, сестра его умершей жены, также говорит ему после посещения Генрихом их дома, что король боится Томаса. Кромвель замечает свою жестокость через его характеристику другими персонажами. Один из таких примеров – это портрет Томаса Кромвеля, написанный художником Хансом: «Hans... has captured, that folding of the fingers, is as sure as that of a slaughterman's when he picks up the killing knife» [10, с. 525]. В портрете он отмечает свою решительную и опасную хватку, сравнивая ее с хваткой мясника.

Анна Болейн борется за власть, почти не скрывая своего аппетита к ней. Каждое ее требование или приказ указывают на неутолимую жажду власти и желание её удержать. Став королевой Англии, Анна постоянно пребывает в ужасе от мысли потерять свой титул, даже после смерти. В периоды шаткости Анна находится в постоянной тревоге, нервничает, и это становится заметно остальным: «She looks haggard, and she cannot stay still; you wouldn't trust her near a sharp knife» [10, с. 595].

Психологизм в описании главного героя романа «Вулфхолл» позволяет предположить причины тех изменений, которые произошли в Англии в 1529 – 1535 гг. (жажда Генриха власти над всем тем, что у него не получается заполучить, жажда абсолютной власти над своей судьбой), погрузиться во внутренний мир человека, который борется за власть и наблюдает ее сокрушительное влияние, проследить те сдвиги в понимании мира, которые навлекли видные, но противоречивые исторические деятели.

Более развернутые в романе, с точки зрения описания и действия, женские персонажи дают современному исследователю поле для изучения гендерной асимметрии Средневековья по версии Хилари Мантел. Источник силы женщин в «Вулфхолле» – это их женственность, красота, обаяние и молодость. Способ достижения власти (т.е. выгодная для женщины свадьба) – это хитрые уловки, игра в невинность и т.д. Это прямо указано в следующем заявлении Кромвеля: «'Henry will forgive anything to a pretty woman'» [10, с. 518]. Король Англии скептически относится ко многим мужчинам, ставит под вопрос их мотивы, но не может устоять перед просьбой простой красивой девушки, которую могут использовать в качестве пешки для завоевания доверия монарха. Тем не менее, если женщина потеряла свою ценность для Генриха (например, не может родить наследника престола, постарела, потеряла свою былую красоту), то характеризует он их нелестно. В случае с Кэтрин, король ассоциирует свою бывшую жену с трупом (хотя она еще жива): «Henry will tell him, it is Katherine I blame. The truth is her womb is diseased...but she is destroying me. She comes in the night with her cold hands and her cold heart, and lies between me and the woman I love. She puts her hand on my member and her hand smells of the tomb» [10, с. 579]. Английский король перекладывает всю вину на Кэтрин, что для него удобно и просто сделать.

В то время, когда женщина еще относительно молода и очаровательна (к тому же, достаточно хитра и манипулятивна), то ее власть над мужчиной проявляется как психологически, так и физически: «She has a habit of reading over Henry's shoulder...she raises the fabric just a breath...from pale royal skin; Henry's vast hand reaches to caress her...» [10, с. 537]. Анна Болейн стоит за его спиной, дотрагивается до Генриха, причем такое проявление телесной связи на людях по тем временам считалось неприличным поведением. Такой эксцентричный характер их связи еще раз указывает на власть Болейн и ее семьи. Так как власть Генриха осуществляется посредством его подданных, Анна Болейн использует их для выполнения своей воли: «Ann refers everything to him [Henry]; she says, laughing, 'Cromwell, you are my man.'» [10, с. 388]

Кромвель осознает, что обаятельность женщин может использоваться как орудие противников, что женщины тоже способны на уловки, поэтому старается действовать с ними осторожно. На примере отношения главного героя к своей жене Бет показывается уважительное отношение к женщине, Кромвель ценит и любит ее, как при жизни, так и после её смерти. Герой не готов забыть свою жену, он отказывается от второго брака, который предлагают ему придворные.

Заключение. «Вулфхолл» – редкий образец исторический романа, захватывающего именно благодаря погружению во внутренний мир главного героя и тому, как культовые исторические фигуры изображаются участником истории, человеком, который значительно опережал свое время и предвкусил начало нового этапа развития общества, религии и культуры. Подытожив сказанное, мы приходим к следующим выводам: «Вулфхолл» – современный исторический роман, написанный с помощью свободного косвенного дискурса, который предлагает субъективный взгляд на историю Англии через её активного исторического деятеля. В фокус произведения попадают культурологические сдвиги, к которым естественным образом подходит история, олицетворяющиеся в личности Кромвеля. Действие романа размеренное, нединамичное, напоминает театральное представление из множества постановок и концентрируется на характеристике Кромвеля как многогранного, неоднозначного человека, в руках которого – судьба целой страны. Роман «Вулфхолл» дает новый современный взгляд на историю: не только историографический (соответствующий историческим фактам и описывающий быт эпохи), но и субъективный взгляд, погружающий читателя во внутренний мир исторического персонажа (с помощью психологизма отображая его мировоззрение, ценностные ориентиры, мотивы действий, переживания, сомнения и размышления), а также в расширенный исторический контекст.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сосуществовании трех систем ценностей в данном произведении: средневековой, ренессансной и современных аксиологических установок. Ценности общества и главного героя создают яркий контраст. В фокус исторического романа попадает личность неоднозначная, размышляющая о текущих изменениях в обществе, о ходе истории и занятая саморефлексией. Сравнительный анализ романа «Вулфхолл» с произведением В. Скотта «Айвенго» показал, что исторический роман как жанр литературы продолжает развиваться, интеллектуализироваться и использовать новые средства создания художественного мира и новые исторические данные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева Т.Г. Историческое моделирование в романах Вальтера Скотта о Средневековье // Мировая литература в контексте культуры. – 2014. – № 3(9). – С. 5–15.
2. Комаровская Т.Е. Исторический роман США XX века. – Минск: БГПУ, 2019. – 236 с.
3. Рогачевская М.С. Библийские баталии в эпоху короля Генриха VIII (по роману Х. Мантел «Вулфхолл») // Соловьевские чтения-2018. – 2020. – С. 197–201.
4. Проскурнин Б.М. Историческая диалогия Хилари Мантел и «Память жанра» // Филологический класс. – 2016. – № 2(44). – С. 77–83.

5. Дезорцева М.А. Метафора театра в исторических романах Хилари Мантел о Томасе Кромвеле // Филологический класс. – 2019. – № 3(57). – С. 161–166.
6. Мамуркина О.В. Теория нарратива в современном литературоведении // Царскосельские чтения. – 2011. – № 15. – С. 226–230.
7. Рогачевская М.С. Историческая трилогия Хилари Мантел: средневековый хронотоп и современный дискурс // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Д.О. Половцева, Минск, 28–29 окт. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: С.В. Воробьева (гл. ред.) и др. – Минск : БГУ, 2021. – С. 32–36.
8. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234–405.
9. Carpenter G., Pollard E. Hilary Mantel. Contemporary Critical Perspectives. – Bloomsbury Publishing, 2018. – 184 p.
10. Mantel H. Wolf Hall. – London: Fourth Estate, 2010. – 653 p.
11. Лазарева Т.Г. Возвращение к роману о средневековье: Умберто Эко и Вальтер Скотт // Изв. Рос. гос. педаг. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 87. – С. 115–122.
12. Рогачевская М.С. Новые формы психологизма в британском романе XX века: автореф. дис. ... докт. фил. наук : 10.01.03 / БГУ. – Минск, 2018. – 55 с.

Поступила 29.08.2022

VALUE SYSTEMS IN THE NOVEL "WOLF HALL" BY H. MANTEL

K. ZINOVIEVA

(Minsk State Linguistic University)

The purpose of this article is to characterize the axiological component of H. Mantel's novel "Wolf Hall". First, a comparative analysis of the novel "Wolf Hall" and W. Scott's "Ivanhoe" is carried out and the advantage of the contemporary novel in the ability to immerse the reader in the historical past as well as the intellectualization of the genre of the historical novel are affirmed. The article concludes about the coexistence of three value systems in the object of the study: medieval values, Renaissance values and anachronistic values of modernity. The center of the value system of the Middle Ages is the love of God, which is realized through the institutions of the Catholic Church, feudalism and monarchy and is reflected in the Catholic interpretation of the Bible. The Renaissance system of values is transmitted with the help of a new interpretation of the Bible by W. Tyndale, humanity and rationality of the protagonist of the novel. The modern value system manifests itself through the manner of narration and is connected with the moment of writing the novel: the characters are described with deep psychologism, "gender asymmetry" and the irrelevance of the dichotomy of good and evil are noted.

Keywords: historical novel, contemporary British novel, Thomas Cromwell, Hilary Mantel, value system.

УДК 82-312.1+821.161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-120-126

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКАЯ ОНТОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
В ДИАЛОГЕ АВТОРА И ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ В. В. БЫКОВА «ДОЖИТЬ ДО РАССВЕТА»****канд. филол. наук, доц. А.С. СМЕРНОВ****(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7487-5892>**

Предметом статьи являются художественные антропологические представления В.В. Быкова, типологически сопоставимые с пониманием человека в философии французского экзистенциализма и зарубежной литературной практике, испытывающей ее влияние. Онтология личности в повести «Дожить до рассвета» исследуется как предмет полемики автора и героя, который является субъектом «ролевого Он-сознания» (В.И. Тюпа) и полностью исчерпывает свою личность интериоризованной социально-ролевой функцией. Продемонстрировано, как автор внутритекстовыми средствами (соотношение «слова» автора и «слова» героя, организация повествования, ирония) и архитектурной повестью выявляет узор подобной самоидентификации. Анализ повести как художественного целого обнаружил ее причастность глобальной культурной оппозиции природы и цивилизации и выявил авторские представления о человеке прежде всего как о части природного миропорядка, отмененные для героя его социальной инициацией. Вовлеченность человека в противостояние природы и цивилизации и приоритет социально-ролевой идентификации героя выявляет в его подвиге самопожертвования трагедию космического уровня.

Ключевые слова: экзистенциализм, автор и герой, личность, самоидентификация, природа и цивилизация, инициация.

Введение. Закрепившаяся за Василием Быковым литературная репутация писателя-фронтовика отодвигает на второй план не менее значительный философский (прежде всего экзистенциалистский) подтекст его прозы. Нередко даже справедливые утверждения об идейной близости Быкова, с одной стороны, и Ж.П. Сартра и А. Камю, – с другой («Быков, вероятно, был единственным в советской литературе писателем-экзистенциалистом в точном понимании этого слова» [1, с. 650]), ограничиваются указаниями на тематическое сходство произведений [2, с. 93] или сопоставлением военных «пограничных» ситуаций экзистенциального выбора [3, с. 261; 4, с. 138–139; 5, с. 217], в которые эти авторы помещают своих героев. Между тем, экзистенциалистский подтекст, в частности, повести «Дожить до рассвета» вовсе не ограничивается какими-либо отдельными ее эпизодами, а формируется всем художественным целым во взаимной связи между ними и выходит далеко за рамки военной тематики (ср. обобщающую мысль И. Кукулина, по мнению которого в прозе Быкова произошло «использование войны как материала для построения тотальной метафоры экзистенциального опыта» [1, с. 648], или замечание Т.И. Шамякиной о том, что «творчество В. Быкова вовсе не воссоздает определенные исторические события <...>, а свидетельствует прежде всего о человеке в сложных жизненных ситуациях; при этом следует учитывать, что для литературы характерна так называемая художественная условность», что, по мнению исследовательницы, позволяет критикам писать «об экзистенциализме прозы В. Быкова» (курсив везде Т.И. Шамякиной. – А. С.) [6, с. 79]).

Нравственно-этическая сторона экзистенциального выбора героев Быкова (особенно повести «Сотников») по большей части является конечным пунктом исследований, не задающихся вопросом о генезисе их (героев) нравственности, о соотношении личностного (внутреннего) и социально обусловленного (внешнего) в их выборе и, тем более, о первопричинах этого выбора – о самосознании и самоопределении человека, осмысляющего себя в материальном, космическом и социальном контекстах разных уровней, что, собственно, и составляет краеугольный камень экзистенциалистской философии и литературы и отчетливо проявляется в повести Быкова «Дожить до рассвета».

Т.Н. Денисова приводит мнение американских критиков о специфическом отношении к экзистенциализму Э. Хемингуэя, которое, на наш взгляд, весьма близко к характеристике экзистенциализма Быкова: «Хемингуэй выражал экзистенциалистские умонастроения, экзистенциалистом не будучи, т. е. инстинктивно» [7, с. 106]. Сам Быков «признавал влияние эстетики экзистенциализма в своем творчестве, и прежде всего в “Сотникове”, но подчеркивал общую обусловленность тем и проблем нашим грозным временем» [8, с. 94]. На наш взгляд, близость Быкова к экзистенциализму выражается не только и не столько в пресловутых «пограничных» ситуациях («важнейшем аспекте современного дискурса войны» [9, с. 90] вообще), сколько в сосредоточенности Быкова на поиске, подобно Сартру и Камю, фундаментальных основ человеческого сознания и поведения в их глубинно-личностной и социальной обусловленности, в том числе в условиях военных испытаний, необычайно актуализировавших этот поиск и обусловивших сходство ответов, даваемых представителями разных национальных культур.

Разнообразие подходов и точек зрения на отношение В.В. Быкова к теории и практике французских экзистенциалистов при недостаточном внимании к сходству антропологических представлений писателей определяет *актуальность и цель* нашего исследования – на материале повести «Дожить до рассвета» проанализировать авторскую концепцию личности с точки зрения соотношения индивидуально-личностного и социально-обусловленного императивов сознания и поведения.

Частные задачи, решение которых было необходимо для достижения цели исследования, определили его методологическую базу: анализ соотношения «слов» автора и героя проводился с использованием методики нарративного анализа; анализ повести как художественного целого – структурно-семиотического метода; анализ повести в контексте оппозиции природы и цивилизации – культурно-исторического; сопоставление героев повестей Быкова и Хемингуэя – историко-типологического. Фундаментом анализа онтологии личности является подход к повести как к художественному целому и учитывает не только семантику отдельных эпизодов, но и их взаимосвязь. Системного подхода требует прежде всего анализ образа главного героя повести, лейтенанта Ивановского. Еще одной методологической предпосылкой нашего исследования будет аксиома о том, что в литературе, даже при как будто очевидном автобиографизме персонажа, он является всего лишь одной из смысловых инстанций, в диалоге с которыми автора формируется художественная идея произведения.

Основная часть. В. Максимович отмечает, что герои Быкова испытывают воздействие «внешней агрессии и внутреннего режимного устрашения», «по-особому воспринимают и трактуют чувство долга, чести, героизма, которые во многом сопряжены с чувством страха, боязни, подозрительности, ощущением себя “винтиком” системы, ее, по преимуществу, жертвенного звена» [4, с. 138]. Эта характеристика малоприменима к Ивановскому, чьи психологические и поведенческие императивы явно находятся в совершенно иной парадигме. Во-первых, лейтенант всячески опекается начальником штаба – высшим звеном в системе «режимного устрашения» в повести. «Придирчивый, строгий и всевластный», он «беспощадно строг ко всем подчиненным <...>, мог в любую минуту придрататься» [10, с. 50], однако в нарушение фронтовых регламентов неожиданно освобождает вышедшего из окружения Ивановского от обязательной проверки в фильтрационном пункте, деятельно поощряет его предложение организовать диверсию и в целом выступает скорее как заботливый отец (ср. его неоднократно акцентированное автором обращение-напутствие «сынки» [10, с. 56, 74, 75]), чем внушающий страх службист. Показательно, что именно и только таким он остается в памяти героя: «всю дорогу <...> лейтенант нес в себе немеркнувший огонек благодарности генералу за его человеческое участие» [10, с. 50], хотя очевидно, что начальственно-административное содействие генерала было не менее значительным. Во-вторых, понимание долга связано у Ивановского с ощущением себя вовсе не «винтиком», а органической частью системы, как будет показано ниже.

Плодотворной для понимания образа Ивановского является предложенная В.И. Тюпой классификация типов ментальности, под которой исследователь вслед за Р. У. Эмерсоном и историками французской школы «Анналов» понимает фундаментальное состояние человеческого духа – органическое единство «ценностных интенций сознания; интеллектуальных категорий, микросценариев мышления (фреймов); стереотипов эмоциональных и поведенческих реакций; а также культурных кодов, обеспечивающих когерентность (связность, взаимообусловленность) перечисленных сторон духовной жизни» [11, с. 9]. Среди четырех типов ментальности В.И. Тюпа выделяет, в частности, «ролевое (нормативно-ролевое), или авторитарное Он-сознание (отношение к самому себе как бы в третьем лице)», которое «предполагает самоидентификацию индивида с некоторой сверхличной заданностью: “я” как ролевая функция онтологической структуры бытия, не подлежащей сомнению или критике. Это личностное сознание, характеризующееся рефлексивностью первой степени, предметом которой выступает функциональность субъекта жизни (долг, предназначение). Поле такого сознания упорядочено вертикально: оно иерархично и моноцентрично. <...> Такая ментальность порождает регулятивную мотивацию поведения, направляемую ценностным вектором *долженствования* <...>. Забота о соответствии/несоответствии занимаемому месту в миропорядке не оставляет ролевую личность и нередко проявляется как регламентирующая требовательность к жизнедеятельности окружающих» (курсив В.И. Тюпы. – А. С.) [11, с. 13].

Указанные признаки ролевого Он-сознания в полной мере присущи образу Ивановского.

Тотальная функциональность героя определяется тем, что сюжет повести, за исключением отдельных эпизодов довоенного прошлого (потопление лодки и знакомство с Янинкой), сконцентрирован на безрезультатной диверсии, что естественным образом ограничивает парадигму ментальных и поведенческих комплексов героя, вынужденного выбирать между долгом и человечностью – всегда в пользу первого. Эта классификационная коллизия порождает в сознании Ивановского квазиреальность с четко прописанными моделями должного поведения, причем не только собственного или, в определенной мере, управляемых им подчиненных, но и таких акторов, чье поведение или даже само существование объективно находится вне управляющих воздействий героя («он недоумевал, откуда тут могла появиться ракета, ведь в том направлении, откуда она взлетела, немцев не должно было быть» [10, с. 16]; «Ивановский слегка удивился – на карте в здешних местах не значилось никакого леса, <...> но почему тогда лес?» [10, с. 32]; «рожица в отдалении удивительно немо, почти мертво молчала» [10, с. 69]). Авторские характеристики реакций героя («недоумевал», «удивился», «удивительно») на неожиданное для него отклонение подлинной реальности от помысленной весьма показательны. В них проявляется дистанция между лишенным военного опыта героем и умудренным этим опытом автором, спустя годы размышлений и оценок создающим свою повесть (1972). «Здесь была война, а значит, действовали все ее ухищрения, использовались все ее возможности – в том числе время, которое в данном случае сработало в пользу немцев, оставив Ивановского с бойцами в безжалостном проигрыше» [10, с. 71]. Повествование в «Дожить до рассвета» зачастую организовано таким образом, что в размышлениях Ивановского сложно разделить «слово» героя и «слово» автора – происходит «проникновение “зоны автора” в “зону героя”» [3, с. 267] (что в целом характерно для «романного слова», рассмотренного М. М. Бахтиным: автор «не только вне его [“слова” героя. – А. С.], но и в нем; он не только изображает этот “язык”, но в известной мере и сам говорит на нем» [12, с. 517]), однако принадлежность приведенного фрагмента исключительно автору выдает наименование героя в третьем лице.

Очевидной моделью для диверсии Ивановского является происходившее на его глазах безуспешное нападение разведчиков капитана Волоха на фашистский склад, которое также подвергается трансформации в сознании, а затем и в действиях лейтенанта. В действительности поводом для нападения было предположение «изгнанных бойцов», что склад может «быть также и с продовольствием» [10, с. 30]. Однако у Ивановского, после гибели Волоха, возложившего на себя задачу довести его дело до конца, тем самым наделив смыслом его смерть, и подбирающего аргументы, чтобы убедить генерала оказать содействие, склад гиперболизируется и превращается в «артиллерийскую армейскую базу, <...> несколько эшелонов боеприпасов» [10, с. 53]. Более того, фантомная база настолько затмевает действительный склад, что основанная на долженствовании квазиреальность подменяет собой подлинную в сознании героя: обнаружив, что базы на прежнем месте нет, «он не мог отделаться от чувства какой-то своей вины, как будто именно он придумал всю эту историю с базой и кого-то обманул» [10, с. 71], не признавая себе, что так оно фактически и было.

Ивановский (скорее всего, бессознательно) пытается «скопировать» диверсию Волоха вплоть до того, что почти буквально повторяет его обращения к бойцам, совершенно не отмечая и, вероятно, даже не улавливая трагической иронии старшего товарища, опять-таки очевидной для автора. Волох: «Устроим фейерверк на всю Смоленщину. Рукавицын, у тебя противотанковая граната целая? Хорошо» [10, с. 31]. Ивановский: «Вечерком такой тарарам устроим. На всю Смоленщину» [10, с. 47]. Возможно, в ментальной глухоте и серьезности Ивановского сказывается отмеченная В.И. Тюпой «прошита» в сознании неспособность героя подвергнуть сомнению или критике (формой которой, как известно, является комическое) свою ролевую онтологическую функцию.

Хакимов, из-за тяжелого ранения превратившийся в обузу для отряда Ивановского, – «двойник» Фиха из отряда Волоха. И итогом размышлений лейтенанта о том, как поступить с бойцом, закономерно становится апелляция опять-таки к модели поведения капитана: «они должны сделать для него [Хакимова. – А. С.] все, что сделали бы для себя. Это было законом для разведчиков Волоха, таким оно останется и в группе Ивановского» [10, с. 48].

Открывая ориентацию героя на внешние образцы сознания и поведения устанавливает параллели между «Дожить до рассвета» и повестью А. Камю «Посторонний», но с одним существенным отличием. Позиции Камю и его героя, отказывающегося следовать социальным ритуалам и идущего на казнь за провозглашение автономности человеческой личности, солидарны, в то время как герой Быкова даже не задумывается о своей личностной «вторичности», генезис и онтология которой находятся в центре размышлений автора. Свидетельством исключительно функционального подхода Ивановского к собственной жизни и признанием полной ее сосредоточенности и исчерпанности возложенным на себя заданием по уничтожению базы («самоидентификация индивида с некоторой сверхличной заданностью») является реакция героя, напоминающая парадокс Л. Кэрролла об улыбке чеширского кота: «Базы не было, но приказ уничтожить ее оставался в силе» [10, с. 72], и закономерное признание самому себе: «главное – вместе с базой пропала прежняя ясность цели – он просто не знал, что предпринять и куда податься» [10, с. 75].

Вертикально упорядоченному, иерархичному и моноцентричному Он-сознанию Ивановского на сюжетном уровне конгруэнтна его командирская функция, что естественно для любой групповой деятельности с распределением ролей и ответственности. Однако понятный и естественный в армейской среде, да еще и в экстремальных военных условиях, волонтеризм Ивановского (первая реплика, с которой герой появляется в повести, – «Все. Спорить не будем» [10, с. 6]; ср. также «лейтенант не терпел делить свою власть с кем бы то ни было» [10, с. 14]) выходит у героя за рамки военной иерархии, превращая его в собственном сознании едва ли не в правомочного верховного вершителя человеческих судеб, и прямо и косвенно оспаривается автором.

Прямым «объективным» опровержением идеологии героя служит судьба Шелудяка, отправленного лейтенантом назад и тут же погибшего – по воле автора («Шелудяк, посланный на верную гибель, хотя в тот момент <...> лейтенант думал, что – в жизнь» [10, с. 22]). Примеры косвенного авторского опровержения идеологических установок Ивановского и многочисленны, и разнородны. Быков всячески подтачивает изначальную убежденность героя в его возможностях господствовать над судьбой. Вторая глава начинается размышлениями Ивановского о своем – почти центральном – месте в метафизическом мироздании: человеку на войне «ни на минуту нельзя выпускать из рук тугих вожжей обстоятельств, при любых, самых невозможных условиях надо стараться управлять ими» [10, с. 25–26]. Однако еще задолго до этих размышлений «самоуверенность» героя компрометируется автором. Например, уже в открывающем повесть эпизоде авторитарность Ивановского наталкивается на системное сопротивление «мира», элементами-представителями которого являются *человек* («молчаливое несогласие с лейтенантом» [10, с. 6] старшины Дюбина), *вещь* («теперь уже притворять ее не было надобности, <...> Дюбин отбросил дверь в сторону, и та, пошатываясь, косо зависла на одной петле» [10, с. 6]) и *природа* («к вечеру снежок погустел, и лейтенант обрадовался. <...> Но как только стало темнеть, <...> снегопад стал затихать» [10, с. 8]). Вся первая глава наполнена многочисленными условно-противительными конструкциями (типа «надо было бы, но...»), выдающими тотальную неспособность кого-либо, в том числе и персонально Ивановского, держать обстоятельства под контролем. «Воронков очень бы содился нынче, но Ивановский не смог разыскать его» [10, с. 9]; «надо было как можно скорее одолеть эту пойму <...>. Но и так уже все притомились» [10, с. 12]; «лейтенант <...> знал, что медлить здесь нельзя ни минуты. Но усталость, видно, притупила осторожность» [10, с. 12]. Этот ряд примеров легко может быть продолжен. Наконец, стремление Ивановского подчинять реальность искусственной умозрительной конструкции подвергается иронии автора, отстаивающего приоритет реальности. «Ивановский спросил осиплым усталым шепотом: Ползут? – Ползут, командир, – также шепотом ответил сержант. – Передай – шире шаг!» [10, с. 13]. Совмещение двойного «ползут» с нелепым в данной ситуации военным

канцеляризмом «шире шаг» Ивановского, не замечающего этой нелепости и как бы пытающегося словесно «подчинить» реальный способ перемещения бойцов своим умозрительным построениям, показательно.

Функциональное восприятие человека характерно и для отношений лейтенанта к подчиненным, личностные качества которых, кроме требуемых моментом, да и сама их жизнь, если она не содействует или препятствует выполнению задачи, не представляют для него ценности. Так, после гибели Шелудяка Ивановский сожалеет, что лишился необходимого ему сапера, а первоначально проявленное к раненому Хакимову *человеческое* сострадание постепенно сменяется *командирской* почти ненавистью только за то, что тот все еще не умер и оттягивает на себя силы других бойцов, в то время как «правильная» смерть Шелудяка, отвлекшего на себя внимание и огонь врага и позволившего группе выдвигаться, оставляет в душе лейтенанта «благодарность и скорбь» [10, с. 48].

И свою собственную смерть Ивановский также подчиняет квазиреальному сценарию диверсии, по определению не могущей завершиться без хоть какого-нибудь результата. В отсутствие базы масштаб исходно грандиозной цели постепенно мельчает и гибель героя в итоге оказывается подвигом исключительно самопожертвования без какого-либо практического смысла. «Вместо базы боеприпасов, генерала в изысканном “оппель-адмирале” и даже штабного с портфелем полковника ему предстояло взорвать двух обозников с грузом соломы» [10, с. 134]. Но даже и такая скромная перспектива, как будто бы по жестокой иронии судьбы (по воле автора), осуществляется лишь наполовину.

Экзистенциалистская абсурдность произошедшего сливается здесь со связанным с внутренним кризисом героя экзистенциалистским подтекстом (попытки Ивановского обрести/установить смысл в мире/жизненном сценарии, внезапно его лишившемся), что обнаруживает близость «Дожить до рассвета» и повести Хемингуэя «Старик и море». Сходство типажей Ивановского и Сантьяго косвенно подчеркивал сам Быков: «Ивановский, разумеется, был побежден <...>, но если он из тех людей, о которых сказано, что их можно убить, но нельзя победить [парафраз крылатого выражения из повести Хемингуэя «человека можно уничтожить, но его нельзя победить». – А. С.], то его поражение явственно превращается в иное, противоположное качество» [13, с. 358–386].

Обратим внимание на условность («если он из тех людей») в характеристике Ивановского, устанавливающую сходство, но далеко не тождество между персонажами. Повести близки событийными рядами (сражаясь с могучими противниками, герои пытаются достичь амбициозных целей; претерпевая жестокие страдания, они достигают своего, но Судьба лишает их победы практического результата, проблематизируя тем самым их человеческое «я»), близки они и психологическим параллелизмом героев. Характеризуя Сантьяго, Н. К. Гей как будто цитирует «Дожить до рассвета»: «Он победил <...>, однако в свою очередь оказывается побежденным <...>. Неблагоприятные человеку обстоятельства, в свою очередь, будут побеждены, <...> и долг каждого быть на высоте предъявленных ему требований, быть в твердой убежденности, что необходимо выстоять до конца, исполнить свое предназначение и только тогда уступить место другим, идущим на смену силам» [14, с. 416]. А вот характеристика Ивановского: «Он хотел верить, что все им совершенное в таких муках должно где-то обнаружиться, сказаться в чем-то. <...> И он вдруг поверил, что <...> никакие из человеческих мук не бессмысленны в этом мире. <...> Он делал последний свой взнос для Родины, во имя своего солдатского долга. Другие, покрупнее, взносы перепадут другим» [10, с. 132–134].

Не менее важна разница между героями, отражающая различия в антропологических представлениях авторов. Хемингуэй выводит своего героя, минуя все социальные связи, почти на планетарный уровень, что отражено и в заглавии повести. Даже мальчик не сопровождает его в выходе в море, его противник – гигантская рыба, его победитель – Никто. «Он *обязан* быть сильным. Вот – пафос характера старика. И все-таки в подобном категорическом императиве заложена и слабость, заложено привнесение некоей силы, действующей уже как бы извне, и возникает вопрос, зачем *должен* он победить рыбу?» (курсив Н. К. Гей. – А. С.) [14, с. 415]. Императив поведения Сантьяго не определен и неопределим извне, что и фиксирует риторический вопрос Н. К. Гей. К Ивановскому «ясность цели» возвращается, когда герой осознает/устанавливает нераздельность личных целей и надличностного (военного) долга. Текстуально это проявляется в отмеченном В.И. Тюпой отношении носителя Он-сознания к себе как бы в третьем лице, вплоть до буквального «что ж, теперь давай выполняй приказ, лейтенант Ивановский, ищи базу, зло подумал про себя лейтенант» [10, с. 72]. Здесь, в отличие от приведенного выше примера, обращение героя к самому себе четко атрибутировано.

Между собой как личностью и экзистенциальными космическими «обстоятельствами» Ивановский полагает иерархическую социальную (воинскую) структуру, регламентирующую сознание и поведение всех своих членов. Постоянной мысленной апелляцией героя к ним сопровождаются поиски новой линии поведения после «пропажи» базы и вызванной этим отмены прежнего поведенческого сценария («забота о соответствии/несоответствии занимаемому месту в миропорядке»): «что лейтенант скажет ему [генералу. – А. С.]?» [10, с. 73]; «что вот теперь хлопцам сказать?» [10, с. 73]; «как эту свою неудачу объяснить в штабе» [10, с. 74]; «неоправданное доверие смущало его больше всего» [10, с. 85]. Сама эта структура – органическая часть более глобального человеческого сообщества («пусть простят его Родина, люди» [10, с. 125]) с его космически бесконечными *пространственными* («им совершенное» обнаружится «не здесь, не на этой дороге»), *временными* («не сейчас») и *социальными* («его мучительная смерть, как и тысячи других» [10, с. 133]) горизонтами. Здесь-и-сейчас-поступок ментально встраивается Ивановским в обе эти структуры: «он готов был рисковать жизнью, если это понадобится для *Родины* и если на это благословит его *генерал*» [10, с. 56]; «куда же тогда пропало столько его усилий? <...> Ведь они – продукт его материального “я” и сами, наверное, материальны, <...> почему же они должны в *этом* сугубо материальном *мире* пропасть без следа?» (курсив везде наш. – А. С.) [10, с. 132].

Таким образом, отдельное человеческое деяние и сама жизнь, по Ивановскому, приобретают смысл в подчинении своего «я» требованиям ближайшего социального окружения, что, в свою очередь, означает транзитивное превращение хаоса враждебных человеку обстоятельств в упорядоченный и наполненный смыслом космос. В гармонизации всех контекстов и состоит экзистенциальная победа человека над судьбой.

Позиция автора существенно сложнее.

Недооценка художественной условности литературного произведения, неразличение частной идеологической функции героя и эстетической завершающей функции автора, подмена целостного анализа повести рассмотрением ее отдельных эпизодов искажают и существенно обедняют понимание авторской идеи. «Вроде малость, за самоподрыв и уничтожение одного немца награду вряд ли дают. Но все же перед нами профессиональный героизм, <...> выражающий себя посредством свободного и неуклонного стремления к исполнению долга» [15, с. 150]. «Лейтенант Ивановский, уничтоживший ценой своей жизни какой-то воз соломы и нестроевого немца-обозника, ставится вровень с героями, свершившими великие дела, от которых зависела судьба всей войны» [3, с. 262–263]. Пафосная констатация как бы очевидного вовсе не снимает закономерного вопроса, почему же эквивалентом подвига самопожертвования (ценой жизни молодого человека) автор делает все же не базу, не генерала, не эсэсовца, а «воз соломы», почти обесмысливающий гибель лейтенанта? Не забудем также, что, кроме его собственной, инициатива Ивановского привела к гибели по меньшей мере еще трех человек.

При всей глубине мыслей и откровений Ивановского, в осмыслении человека обладающий «избытком видения» (М.М. Бахтин) автор идет гораздо дальше своего героя, смысл (и подлинная «стоимость») жизни которого вовсе не раскрывается в изъятom из контекста эпизоде его гибели, а проблематизируется во всей архитектонике произведения. Например, сосредоточенность исследователей на скорбном финале диверсии делает избыточной целую главу повести, посвященную краткому знакомству Ивановского с Янинкой. Между тем, именно эта глава, повествование в которой – «слово» единственно автора, свободное от «слова» героя, заставляет оценить антропологические рефлексии Ивановского в совершенно иной – существенно корректирующей их – перспективе. Одиннадцатая глава приобщает «Дожить до рассвета» к глобальной культурной оппозиции природы и цивилизации с традиционным распределением ролей, где женщина выступает носителем природного начала, а мужчина – цивилизационного. Уже в самом начале главы Быковым определяются эти функции героев.

Янинка возвращается от *родственников* – Ивановский едет к месту *службы*. Янинка восхищается природой, напротив, чуждой ее спутнику, на которого автор распространяет характеристику военного сословия в целом: они «не замечают природы, для них важнее погода» [10, с. 110]. Янинка – воплощение нуждающегося в упорядоченности «природного» хаоса, тогда как Ивановский с его пока еще потенциальным, но уже известным читателю из предыдущих глав иерархическим сознанием, – систематизирующее начало. Так, Янинка появляется в главе обворованной и не имеющей денег на билет (внесистемное случайное событие, разрушившее обычный ход вещей), и, чтобы устроить девушку в вагоне (восстановить микрокосм), Ивановский «связывает оборванные концы» на всех уровнях поездной микросистемы: «договариваться пришлось не только с проводником, но также и с ревизором, и с бригадиром поезда» [10, с. 109]. Показательна полная пассивность героини в «цивилизованном» поезде, тогда как в «природном» городе она, также показательно, ведет себя совершенно иначе.

Один из лейтмотивов главы – физическое и метафизическое расстояние между героями, разделяющее их как участников символического скрытого в подтексте, но легко прочитываемого инициационного акта, посредством которого Ивановский через слияние с Янинкой должен был приобщиться к природно предопределенному миропорядку.

Существенная составляющая лейтмотива – образы обуви героев. Янинка неоднократно сбрасывает обувь (первый раз еще в вагоне), упоминания ее босоногости, возможно, должны подчеркнуть непосредственный физический контакт героини с землей. Обувь Ивановского – форменные хромовые сапоги, за сохранность которых тот постоянно беспокоится. С одной стороны, особое внимание героя к этой части обмундирования объясняется тем, что молодой офицер получил их совсем недавно (курсанты военных училищ, как и солдаты, носили кирзовые сапоги). С другой стороны, возможно, здесь присутствует и авторский намек на доинициационный, пока еще «детский» онтологический статус героя, так как хромовые сапоги шились из кожи телят-сосунков, с которыми ассоциативно соотносится в этой главе новоиспеченный лейтенант.

Двигательные характеристики героев в прогулке по ночному Гродно показательны – это быстрые перемещения Янинки и постоянное отставание от нее Ивановского, в том числе и из-за опасения испортить сапоги («он остановился в нерешительности, подумав о своих хромовых выходных сапогах, но она из темноты подбодрила его – давай, давай! И сама быстро полезла куда-то» [10, с. 115]; «он едва успевал за нею, уже не заботясь о своих выходных сапогах, которым, наверно, досталось» [10, с. 117]; «Янинка быстро шла впереди, и он, путаясь в ботве сапогами, едва поспевал за ней» [10, с. 118–119]). Двигательные характеристики также подчеркивают ведущую (в прямом и переносном смысле) роль Янинки в онтологической инициации Ивановского. Конечным пунктом ночного путешествия героев является дом, где Янинка живет с отцом. Что должно было произойти там между героями – неясно, но вполне определено, учитывая неуклонно сокращающуюся дистанцию между ними (беспокойство девушки за то, что отец может проснуться, очевидно исключает его из числа участников грядущего).

В вагоне героев метафизически разделяет противоположное отношение к природе, физически они разделены «маленьким вагонным столиком» [10, с. 110]. Обе дистанции сокращаются при прогулке по городу, которая выступает как прелюдия акта инициации начинающего перерождаться Ивановского: «Он смутно ощущал, как

что-то в его жизни странным образом переиначивается, обретая еще неведомый, но очень значительный смысл» [10, с. 115]. «Янинка заметно приблизилась к нему <...> и теперь шла совсем рядом. <...> Как-то незаметно для него она перешла на “ты”, и он тоже несколько раз сказал ей “ты”» [10, с. 115]. Наконец, Ивановский ощущает доступные только на предельно минимальном расстоянии «тепло ее тела, <...> ее близкое дыхание, <...> запах ее волос» [10, с. 118]. Однако окончательное сближение героев (нулевая дистанция) происходит вовсе не по разворачивающемуся «сценарию» природы, космической силы, соединяющей мужчину и женщину во имя жизни на земле, а по воле цивилизации, здесь-и-сейчас разрушающей природный миропорядок. В объятия друг друга героев бросает страх при звуках фашистских самолетов, а укладывает их на землю – взрывная волна. «Он зажал в себе испуг <...>. Испуганная Янинка <...> метнулась к нему, и только он холодеющими руками обнял ее, как близкие могучие взрывы бросили их на твердые стебли картофеля» [10, с. 119].

Таким образом, фундаментальная онтологическая/космическая/природная инициация героя не состоялась, и он остался иницированным лишь социально – «двадцатидвухлетним выпускником военного училища, только что аттестованным на должность командира взвода» [10, с. 111]. Именно отсюда вытекают рассмотренные выше охарактеризованные В.И. Тюпой приметы Он-сознания главного героя, полемически проблематизируемые автором.

Заключение. Проведенный целостный анализ повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета» продемонстрировал, что представленное в ней авторское понимание личности концептуально сопоставимо с антропологической проблематикой французских экзистенциалистов (в частности, А. Камю) и художественно – с представлениями о человеке в повести Э. Хемингуэя «Старик и море», испытавшей воздействие экзистенциалистской философии.

Авторская концепция личности выражается в повести через развернутый диалог автора и героя как носителей двух несовпадающих типов сознания и разноуровневых семантических инстанций. Герой как носитель ролевого Он-сознания подчиняет себя и полностью исчерпывает свою личность исполнением долга. Автор, рассматривая своего героя, в том числе, в рамках оппозиции природы и цивилизации, показывает узость подобной самоидентификации. Определяя стоимость жизни Ивановского воз с соломой и обозного немецкого солдата, Быков, с одной стороны, утверждает подвиг самопожертвования своего героя, готового отдать свою жизнь за столь невысокую цену, но с другой – подчеркивает преступность цивилизации в ее самом противном природному миропорядку проявлении – войне, которая не только лишает людей жизни физически, но и калечит их ментально, насильственно навязывая им ограниченные социально мотивированные и зачастую антигуманные системы ценностей, подменяя ими возможность человека осознать себя и других людей необходимой частью глобального космического природного миропорядка. Обратной стороной подвига Ивановского является трагедия, не осознаваемая героем, но вполне очевидная для автора и должна быть в полной мере осознанной читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 617–658.
2. Хусаинова А.Х. Экзистенция свободы выбора и «лабораторно-онтологический эксперимент» событий войны в художественном творчестве: Ж.-П. Сартр и В. Быков // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – №5. – С. 91–95. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24902751>.
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – Т. 2: 1968–1990. – 688 с.
4. Максимович В. Творчество Василия Быкова: экзистенциальный дискурс // Studia Rossica Gedanensia. – 2018. – № 5. – С. 135–146. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2018.5.11>.
5. Клишевич Н.С. Экзистенциальная реконструкция творческого наследия В. Быкова: поиски человека // Науч. тр. Респ. ин-та высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – Минск: РИВШ, 2015. – Вып. 14. – С. 214–220. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26149807>.
6. Шамякина Т.И. Судьба и творчество писателей военного призыва // Журн. Белор. гос. ун-та. Социология. – 2020. – №2. – С. 72–81. DOI: <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-72-81>.
7. Денисова Т.Н. Экзистенциализм и современный американский роман. – Киев: Наукова думка, 1985. – 246 с.
8. Афанасьев И. Кто восходит на Голгофу? Антивоенная идея в творчестве Василия Быкова. – Минск: Маст. літ., 1993. – 160 с.
9. Куприн А.С., Данилина Г.И. Пограничная ситуация и нарратив войны (на материале романа Даниила Гранина «Мой лейтенант») // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2020. – Т. 6. – № 1 (21). – С. 90–104. DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2020-6-1-90-104>.
10. Быков В.В. Дожить до рассвета // Собр. соч.: в 4 т. – М: Мол. гвардия, 1985. – Т. 2. – С. 6–136.
11. Тюпа В.И. Литература и ментальность. – М.: Вест-Консалтинг, 2009. – 276 с.
12. Бахтин М.М. Из преддистории романного слова // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Языки славянских культур, 2012. – Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). – С. 513–551.
13. Быков В.В. Великая академия – жизнь // Собр. соч.: в 4 т. – М: Мол. гвардия, 1986. – Т. 4. – С. 374–393.
14. Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стил. – М.: Наука, 1975. – 472 с.
15. Никольский С.А. Человек в тоталитарном государстве. Статья вторая. Героизм на войне // Человек. – 2020. – Т. 31, № 3. – С. 135–154. DOI: <https://doi.org/10.31857/S023620070009570-4>.

Поступила 30.08.2022

EXISTENTIALIST ONTOLOGY OF PERSONALITY IN THE DIALOGUE BETWEEN THE AUTHOR AND THE HERO IN V. V. BYKOV'S STORY "SURVIVE UNTIL DAWN"**A. SMIRNOV***(Yanka Kupala State University of Grodno)*

The subject of the article is the artistic anthropological representations of V.V. Bykov, typologically comparable to the understanding of man in the philosophy of French existentialism and foreign literary practice, which is influenced by it. The ontology of personality in the story "Survive until dawn" is studied as a subject of controversy between the author and the hero, who is the subject of "role He-consciousness" (V.I. Tyupa) and completely exhausts his personality with an internalized social role function. It is demonstrated how the author, by means of intratextual means (correlation between the "word" of the author and the "word" of the hero, the organization of the narration, irony) and the architectonics of the story, reveals the narrowness of such self-identification. An analysis of the story as an artistic whole revealed its involvement in the global cultural opposition of nature and civilization and revealed the author's ideas about man, primarily as a part of the natural world order, canceled for the hero by his social initiation. The involvement of man in the confrontation between nature and civilization and the priority of the social role identification of the hero reveals a tragedy of the cosmic level in his feat of self-sacrifice.

Keywords: *existentialism, author and hero, personality, self-identification, nature and civilization, initiation.*

УДК 821.161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-127-132

**БЕЛАРУСКАЯ І АМЕРЫКАНСКАЯ ЛІТАРАТУРА ПРА ПЕРШУЮ СУСВЕТНУЮ ВАЙНУ:
ВОПЫТ КАРЭЛЯТЫЎНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ****д-р філал. навук, дац. З.І. ТРАЦЦЯК****(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)****e-mail: zoya.tretyak@rambler.ru**

Артыкул прысвечаны навуковаму кірунку кампаратыўнага карэлятыўнага вывучэння адаленых літаратурных традыцый на матэрыяле беларускай і амерыканскай прозы на тэму Першай сусветнай вайны; разглядаецца мадэль для кампаратыўнага вывучэння культурных традыцый, сфарміраваных у Заходняй Еўропе і Злучаных Штатах Амерыкі, шляхам вылучэння рэзанансных матываў на аналагічных структурных узроўнях у нацыянальна-спецыфічных літаратурах; доказна абгрунтавана камплементарнасць і парытэтнасць беларускай і амерыканскай прозы на тэму Першай сусветнай вайны агульнапрызнаным тэкставым узорам заходнееўрапейскай прозы на названую тэму. Выяўлена і аргументавана пацверджана ўзаемасувязь паміж структурнымі ўзроўнямі рознакультурных мастацкіх тэкстаў і характэрнымі для іх групамі матываў, якія складаюцца ў канцэптуальныя матывыя дамінанты.

Ключавыя словы: кампаратывістыка, тыпалогія, карэляцыя, камплементарнасць, гісторыка-кантэкстуальны метада, беларуская і амерыканская літаратура, Першая сусветная вайна.

Уводзіны. У сувязі з новым разуменнем у свеце праблем міжкультурных камунікацый асабліваю актуальнасць набывае параўнальнае вывучэнне літаратур розных народаў. Галіна літаратуразнаўчай кампаратывістыкі з поспехам развіваецца айчыннымі навукоўцамі, але на акадэмічным узроўні Беларусь мае агульнапрызнаны плён найперш у галіне славістыкі (працы У. Гніламёдава [1], Т. Кабржыцкай [2], А. Крыклівец [3], В. Локун [4], Ю. Маханькова [5], В. Рагойшы [6], Г. Тычко [7] і інш.). Калі ж звярнуць увагу на працы па карэляцыі беларускай літаратуры з узорами іншых (неславянскіх) мастацкіх традыцый, геаграфічна больш адаленых ад Рэспублікі Беларусь (працы Г. Адамовіч [8–10], Г. Бутырчык [11; 12], У. Гніламёдава [13], Т. Камароўскай [14; 15], Е. Лявонавай [16; 17], У. Сакалоўскага [18], Л. Сіньковай [19], Т. Тарасавай [20–21], В. Уткевіч [23], У. Чароты [24], І. Шаблюўскай [25]), то зробіцца відавочным, што такія ўзаемасувязі яшчэ не даследаваны ў належнай ступені.

У гісторыка-літаратурным аспекце таксама звяртае на сябе ўвагу той факт, што тэма Першай сусветнай вайны і спецыфіка яе асэнсавання айчыннымі майстрамі прозы вывучаліся беларускімі спецыялістамі ў сувязі са спадчынай М. Гарэцкага (у працах А. Адамовіча [26; 27], Д. Бугаёва [28], М. Мушынскага [29], М. Тычыны [30] і інш.). Праведзены таксама адзінкавыя кампаратыўныя даследаванні прозы М. Гарэцкага (Е. Лявонавай [31; 32], Т. Тарасавай [22]) у межах названай тэмы. Аднак усё яшчэ замацаваным не толькі ў постсавецкім, але і ва ўсім еўрапейскім літаратуразнаўстве застаецца стэрэатып пра тое, што тэма Першай сусветнай цалкам раскрыта выключна прадстаўнікамі так званага «страчанага пакалення» з краін Заходняй Еўропы.

Асноўная частка. Кожная літаратура свету мае плён, прынцыпова важны для ўсяго чалавецтва. З гэтага шэрагу – проза, паэзія, драматургія, эсэістыка Беларусі і ЗША, у якіх асэнсавана тэма Першай сусветнай вайны. Амерыканскія і беларускія творы адмыслова стасуюцца з агульнай парадыгмай развіцця мастацтва слова пра 1914 – 1918 гг., уласцівай заходнееўрапейскім (перш за ўсё, англійскай, нямецкай і французскай) літаратурам. Між тым, абедзве нацыянальныя мастацкія традыцыі маюць знакавыя кнігі пра ваенныя падзеі таго часу, чытаць і разумець якія прынцыпова важна для спецыялістаў і шырокай грамадскасці ва ўсім свеце («На імперыялістычнай вайне» М. Гарэцкага, «Бацькаўшчына» К. Чорнага, «Тры салдаты» Дж. Дос Пасаса, «Бывай, зброя!» Э. Хемінгуэя і інш.). У 1920 – 30-я гг. мастакі слова з Беларусі і ЗША (З. Бядуля, М. Гарэцкі, Я. Колас, Я. Купала, К. Чорны, Дж. Дос Пасас, У. Фолкнер, Э. Хемінгуэй і інш.) адчувалі, што вайна 1914–1918 гг. – глыбінна значная для сацыяльнага быцця і літаратуры мяжа, якая падсумавала вынікі развіцця рэалізму як дамінантага мастацкага метаду і калектыўных каштоўнасцей.

У беларускай і амерыканскай культуры Першая сусветная (нягледзячы на яе адмысловы ўплыў на грамадска-палітычнае жыццё і літаратурна-мастацкую творчасць) доўгі час успрымалася як «забытая вайна», згадкі пра якую патанулі ў плыні далейшых гістарычных падзей. Гэта адбылася на стаўленні навуковай супольнасці да, напрыклад, літаратурнай спадчыны на гэту тэматыку. Так, у 1975 г. надрукавана манаграфія П. Фасэла «Вялікая вайна і сучасная памяць», якая на сённяшні дзень стала культываваным даследаваннем, прысвечаным англійскай прозе і паэзіі пра Першую сусветную. Паралельна вайна 1914–1918 гг. разглядалася і як культурасофскі феномен. Адначасова П. Фасэл дазволіў сабе шэраг правакацыйных выказванняў у сувязі са спецыфікай амерыканскай літаратуры пра Першую сусветную: «пры адсутнасці шэрагу значных паэтаў – “філосафаў”, чыя дзейнасць узыходзіць да чатырнаццацістага стагоддзя, у вакууме, дзе няма Чосэраў, Спенсэраў, Шэкспіраў, Мільтанаў, Кітсаў, Вордсвартаў, Тэнісанаў, Браўнінгаў, Арнальдаў, дзе няма ні Мэлары, ні Бэньяна, амерыканскія допісы пра вайну выглядаюць сціпла і аднастайна» (*in the absence of a line of important ‘philosophic’ poets running back to the fourteenth century, in a vacuum devoid of a Chaucer, a Spenser, a Shakespeare, a Milton, a Keats, a Wordsworth, a Tennyson, a Browning, an*

Arnold, with no Malory or Bunyan either, American writing about war tends to be spare and one-dimensional) [33, p. 158]. Праз дваццаць пяць год пасля першага выдання кнігі выйшла яе абноўленая версія, дзе П. Фасэл зноў падкрэсліў сваё поўнае крытыцызму стаўленне да амерыканскай літаратуры пра Першую сусветную, якая, паводле аўтара даследавання, не пакінула вялікага следу ў прозе і паэзіі ЗША [33, pp. 336 – 337]. Гэтая гіпотэза грунтавалася не столькі на ўласна літаратурным матэрыяле, колькі на агульнавядомых гістарычных фактах (амерыканцы ўдзельнічалі ў вайне дзевятнаццаць месяцаў, а франтавы вопыт іх экспедыцыйных войскаў не перавышаў шасці месяцаў). Падобныя ідэі час ад часу з’яўляліся ў артыкулах і рэцэнзіях, створаных непасрэднымі ўдзельнікамі вайны. Так, Л. Столінгс заўважаў, што ў пэўнай ступені Першая сусветная «не пакінула выбітных твораў <...> нічога падобнага да твораў Талстога, які праз пакаленне распавёў пра крах мараў Напалеона, нічога падобнага да стэдалевага апісання поля бою пры Ватэрло ў “Пармскім манастыры”» (*the First World War left no great works <...> nothing like that Tolstoi, a generation after it, created from the wreck of Napoleon’s dream; nothing like Stendhal’s description of the field of Waterloo in The Charterhouse of Parma*) [34, p. 85].

У выпадку з беларускім мастацтвам слова пра Першую сусветную практычна ўсё XX ст. дамінавала ідэя, паводле якой «імперыялістычныя вайна ў нашай беларускай літаратуры <...> адбілася досыць слаба» [35, с. 103]. Замежнае літаратуразнаўства (гіпатэтычна разглядаючы айчынную прозу, паэзію і драму на ваенную тэматыку як частку мастацкай прасторы, створанай народамі, якія ўваходзілі ў склад Расійскай імперыі) заўважала: «у Расіі Першая сусветная вайна не нарадзіла выбітную мастацкую літаратуру. Крытыкі-сучаснікі вельмі жорстка ставіліся да “ваеннай літаратуры”, а іх паслядоўнікі не лічылі за абавязак браць пад сумненне іх меркаванні» (*It is common knowledge that the First World War did not give birth to any great literature in Russia. ‘War literature’ was treated harshly by contemporary critics and later observers have not felt compelled to dispute their judgements*) [36, p. 3].

Відавочнае падабенства лёсаў беларускай і амерыканскай літаратуры пра Першую сусветную вайну ў названым аспекце становіцца адным з важных зыходных момантаў, на якіх грунтуецца новае вывучэнне гэтых нацыянальна-выбітных мастацкіх феноменаў. Заўважым, што праца ў параўнальна-гістарычным рэчышчы суправаджаецца шэрагам праблем. Адна з іх узнікае, калі неабходна вывучыць вельмі адрозныя феномены, такія, як беларуская і амерыканская літаратура XX ст. пра Першую сусветную вайну.

Як вядома, кожны літаратурны твор – гэта тэкст са сваёй структурай: сюжэтнай і кампазіцыйнай, вобразнай і матыўнай. Для таго, каб убачыць структуру і яе ўзроўні, трэба адекватна выбраць пункт гледжання, знайсці адпаведны ракурс для аналізу аб’екта даследавання, бо проза, паэзія і драматургія, напісаныя ў Беларусі і ЗША ў першай трэці XX ст., нават з улікам звароту да адной і той жа тэмы – Першай сусветнай вайны, аказаліся, як і варта было чакаць, багатымі на падобныя элементы ў падобных структурах, але рознымі і нават кантрастнымі па рэалізацыі гэтых элементаў: як у мастацкім слове, так і ў самім светабачанні рознакультурных аўтараў.

На нашу думку, праблема вывучэння адрозных літаратурна-мастацкіх феноменаў можа вырашацца ў двух кірунках. Па-першае, дзякуючы тыпалагічным даследаванням, у якіх суадносяцца аналагічныя аб’екты. Напрыклад, у сувязі з вывучэннем беларускай ваеннай літаратуры згадаем доктарскую дысертцыю І. Шаблюўскай «Проза еўрапейскіх сацыялістычных краін 60 – 70-х гадоў пра другую сусветную вайну» [37]. Навукоўца стварыла цалкам тыпалагічнае даследаванне, у якім паслядоўна прасочана, як аналагічны ідэйна-светапоглядны ракурс (антыфашысцкі, гуманістычны), уласцівы вядучым мастакам слова сярэдзіны XX ст. з еўрапейскіх сацыялістычных краін, прадвызначыў скразныя аналогіі ў змесце іх твораў.

Другі кірунак кампаратыўных даследаванняў можа мець карэляцыйны характар. Гэта датычыцца выпадкаў (якіх абсалютная большасць), калі неабходна суаднесці асобныя элементы ў аддаленых па генезісе і нават кантрастных аб’ектах. Карэляцыя дае магчымасць акцэнтаваць спецыфічнасць нацыянальна-культурнага цэлага, а не пакідаць яе на перыферыі навуковага аналізу. Адекватна выкарыстаны метады карэляцыі якраз пасуе вывучэнню вельмі адрознай спадчыны беларусаў і амерыканцаў пра Першую сусветную вайну. Глыбіню такіх адрозненняў праілюструем, напрыклад, зваротам да імёнаў Я. Коласа і Дж. Дос Пасаса, якія рэзка адрозніваюцца і па жыццёвых пазіцыях, і па творчых метадах, і па паэтыцы сваіх твораў на адну і тую ж тэму – Першай сусветнай вайны.

Вернемся да той думкі, што ў структурах беларускіх і амерыканскіх літаратурных твораў пра Першую сусветную вайну маецца нямала прыватных, але важнейшых (з пункту гледжання рэпрэзентацыі нацыянальнага) адпаведнасцей і сугуччаў. Засяродзіўшыся на гэтым факце, мы сабралі цэлы корпус тэкстаў (больш за 150 адзінак) аўтарства айчынных і амерыканскіх пісьменнікаў са зваротамі да падзей 1914 – 1918 гг. (найперш у жанрах рамана, апавесці, дастаткова аб’ёмнага апавядання). Затым зафіксавалі канкрэтныя аналогіі паміж самымі рознымі элементамі выбраных тэкстаў як семіятычных адзінак: сыходжанні ў ідэях, вобразах, асобных прыёмах паэтыкі, і асабліва – у матывах (з якіх складаюцца цэлыя матыўныя групы і свае матыўныя дамінанты). Менавіта аналагічныя па сэнсе матывы, па-рознаму ўвасобленыя ў мастацкім слове беларусаў і амерыканцаў, мы вылучылі як аптымальны і дастатковы інструмент для параўнання тэкстаў максімальна неподобных аўтараў.

У выніку высветлілася, што ў тэкставых структурах існуюць такія ўзроўні, на якіх робіцца відавочнай камплементарнасць – узаемная адпаведнасць і ўзаемадапаўняльнасць якраз кантрастных семіятычна-значных элементаў. У дадзеным выпадку паміж беларускай і амерыканскай прозай узнікае спецыфічны (дыстанцыйны і ўмоўны) літаратурны дыялог-кантрапункт, у ходзе якога адбываецца прырашчэнне сэнсаў, узнікае новая семіятычная цэласнасць, таму што, напрыклад, Я. Коласам і Дж. Дос Пасасам раскрываецца ўнікальная, нацыянальна маркіраваная, але разам з тым камплементарная, сугучна-рэзанансная рэфлексія на тэму ваеннай катастрофы 1914 – 1918 гг.

Такім чынам, першым этапам карэлятыўнага даследавання зрабілася вылучэнне сугучных элементаў у вельмі адрозных тэкставых структурах – творах пра Першую сусветную беларускіх і амерыканскіх аўтараў. Наступны крок – гэта класіфікацыя сабранага з улікам тых лакацый (або камплементарных узроўняў), на якіх названыя аналагічныя элементы былі знойдзены. Такіх камплементарных узроўняў для беларускай і амерыканскай прозы з тэмай Першай сусветнай аказалася тры.

Першы ўзровень (лакацыя для камплементарнага «дыялогу») – гэта малюнкi з увасабленнем асабістага вопыту беларуса і амерыканца, атрыманага ў час той вайны. Такі вопыт зафіксаваны ў тэкстах «Сокі цаліны» Ц. Гартнага (у 1915 г. мабілізаваны ў войска, але праз месяц адпушчаны, працаваў у Беларускам бежанскім камітэце), «Балаховец» Я. Коласа (быў мабілізаваны, у 1916 г. скончыў маскоўскае Аляксандраўскае ваеннае вучылішча, улетку 1917 г. адпраўлены на Румынскі фронт), «Рота К» У. Марча (амерыканскі марпех, які ў 1918 г. браў удзел у ваенных аперацыях пад Бэло, Суасонам і Сэн-Міэле), «Тры салдаты» Дж. Дос Пасаса (дабраахвотнік, «ганаровы лейтэнант», які працаваў у медыцынскіх вайсковых адзінках, напрыклад, у Італіі). Дзякуючы праўдзіву адлюстраванаму рэальнаму вопыту проза названых аўтараў і апынулася камплементарнай – уступіла ў спецыфічныя, узаемадапаўняльныя сэнсавыя перазовы.

Другі ўзровень з праявамі камплементарнасці ў беларускай і амерыканскай прозе – гэта наратывы з мастацкім выяўленнем этнамаркіровак і нацыянальных стэрэатыпаў, апазіцыі «свой» – «чужы» ў літаратуры пра Першую сусветную: «На этапе» М. Гарэцкага (беларусы і немцы), «Набліжэнне» З. Бядулі (расіяне і яўрэі) і «Праз жыта» Т. Бойда (шараговыя амерыканцы і абагульнены вобраз ворага-немца), «Ініцыяцыя аднаго маладога чалавека» Дж. Дос Пасаса (амерыканскі інтэлектуал і войска ЗША, звыводства заходняй цывілізацыі). Ва ўсіх гэтых творах паказаны негалагенны этнічны склад войскаў Расійскай імперыі і частак амерыканскай арміі ў перыяд 1914–1918 гг.; расказана пра стаўленне салдат і цывільных розных нацыянальнасцей адзін да аднаго. Ізноў жа – відавочна зрабілася яшчэ адна «пляцоўка» для завочнага камплементарнага мастацкага дыялогу.

Трэці ўзровень, на якім фіксуецца такі рэзанансны дыялог паміж аўтарамі з беларускай і амерыканскай літаратур пра Першую сусветную – гэта фрагменты з выяўленнем аўтарскіх інтэнцый у тых творах, дзе аўтарская інтэлектуальная рэфлексія пераходзіць у філасофскі план. Гэты ўзровень выяўлены ў тэкстах М. Гарэцкага (вайна як адна з праяў «патаёмнага»), К. Чорнага (пошукі Бацькаўшчыны падчас сусветнай вайны), Э. Хемінгуэя (вайна як «натуральная гісторыя памерлых»), У. Фолкнера (ад альтэрнатыўнай гісторыі вайны да агульна-чалавечых пытанняў).

Такім чынам, дзякуючы вылучэнню названых трох узроўняў у тэкставых структурах, дзе знайшлася ніша для ўзнікнення яўных перазоваў – камплементарнасці, мы атрымліваем базу для карэктнага супастаўлення аб'ектаў з аддаленых літаратурна-культурных традыцый і вылучэння сэнсавых аналогій нават у самым адрозным тэкставым матэрыяле.

Апісваючы ход даследавання, адзначым, што на першым узроўні быў выяўлены камплементарны «дыялог» у наступных матыўных групах: матыў вайны-працы, вайны-трыгера лёсавызначальных падзей у творах «Варта на Рэйне» А. Гародні, «Сокі цаліны» Ц. Гартнага, «На імперыялістычнай вайне» М. Гарэцкага, «Сцежкі-дарожкі» М. Зарэцкага, трылогія «ЗША» Дж. Дос Пасаса; матывы вяртання, страчанага дзяцінства, вайны-авантуры, ініцыяцыі («Калі ўзыходзіла сонца» С. Баранавых, «Жалейка» і «Набліжэнне» З. Бядулі, «У поплавах» А. Гародні, «На імперыялістычнай вайне» і ўрыўкі з «Камароўскай хронікі» М. Гарэцкага, «Бацькаўшчына» і «Трэцяе пакаленне» К. Чорнага, «Праз жыта» Т. Бойда, «Ініцыяцыя аднаго маладога чалавека» Дж. Дос Пасаса, «Адзін з нашых» У. Кэзэр, «Фіеста» Э. Хемінгуэя; матывы вайны-бойні, гвалту, марнатраўства, беззаконня, рабаўніцтва («Варта на Рэйне» А. Гародні, «Літоўскі хутарок» М. Гарэцкага, «Джоні ўзяў стрэльбу» Д. Трамба, «Марна» Э. Уортан); матывы вайны-снення, трызнення, псіхалагічнай траўмы, хваробы, вар'яцтва, абсурду, «смеху скрозь слёзы» («Рускі», урыўкі з «Віленскіх камунараў» М. Гарэцкага, «Сокі цаліны» Ц. Гартнага, «Праз жыта» Т. Бойда, «Якімі вы не будзеце» Э. Хемінгуэя, «Джоні ўзяў стрэльбу» Д. Трамба); матывы вайны-памылкі, вайны-стыхіі, шалёнага руху, бадзяння, блукання па пакутах («Набліжэнне» З. Бядулі, «Варта на Рэйне» А. Гародні, «Сокі цаліны» Ц. Гартнага, «Балаховец» Я. Коласа, трылогія «ЗША» Дж. Дос Пасаса).

На другім узроўні камплементарнасць (сэнсавы ўзаемаўзбагачэнне) выявілася праз гучанне матываў амбівалентнага «свайго-чужога», спецыфічнай адчужанасці паміж людзьмі ў творах «Набліжэнне» З. Бядулі, «У поплавах» А. Гародні, «Рускі» М. Гарэцкага, «Ініцыяцыя аднаго маладога чалавека» і «Тры салдаты» Дж. Дос Пасаса, «Салдацкі дом» Э. Хемінгуэя.

Трэці ўзровень быў вылучаны дзякуючы прозе з жанравымі навацыямі: К. Чорнага («Бацькаўшчына»), Дж. Дос Пасаса (трылогія «ЗША»), У. Фолкнера («Прытча»), Э. Хемінгуэя (зборнік «Першыя сорок дзевяць апавяданняў»), дзе інтэнсіўнасць вобразнай рэфлексіі пра Першую сусветную вайну прывяла да ўзнікнення філасофскага дыскурсу ў выказваннях аўтараў вельмі розных, але ўзаемадапаўняльна-салідарных (думаючых найперш пра быццё чалавека ўвогуле).

Пры карэлятыўным метадалагічным падыходзе ўвага даследчыка канцэнтруецца не столькі на агульным, колькі на адрозным у нацыянальных літаратурных традыцыях. На першы план выходзіць не столькі канстатацыя ўніверсальных, абстрактных аналогій, колькі канкрэтны тэкст, са спецыяльным улікам адпаведнага яму гісторыка-культурнага кантэксту. У працы «Уводзіны ў аналіз паэтычнага тэкста» А. Гугнін адзначаў, што літаратурна-мастацкі твор – першаэлемент літаратуры, адзіны легітымны базіс для ўсіх літаратуразнаўчых дысцыплін [38, с. 23].

У такім выпадку кожны твор (незалежна ад яго родавай і жанравай прыналежнасці) успрымаецца і як самакаштоўная мастацкая адзінка, і як значны элемент пэўнай літаратурнай сістэмы, заснаванай, у пэўным сэнсе, на тым жа прынцыпе камплементарнасці, што можа выяўляцца на розных узроўнях. У межах гісторыка-кантэкстуальнага метаду, прапанаванага А. Гугніным, такое разуменне камплементарнасці сфармулявана наступным чынам: тэкст у кантэксце творчасці пісьменніка, тэкст у кантэксце нацыянальнай літаратуры (сінхранія), тэкст у кантэксце замежнай літаратуры (дыяхранія), тэкст у кантэксце замежнай (з удакладненнем) амерыканскай літаратуры (узроўні сінхраніі і дыяхраніі), тэкст як носьбіт сэнсаў сусветнай культуры [38, с. 31]. У гэтым плане беларуская і амерыканская літаратура выяўляюць камплементарнасць ужо таму, што яны робяць арыгінальны, спецыфічны ўнёсак у аб'ёмнае разуменне сусветнай літаратуры, у тым ліку пра падзеі 1914–1918 гг. Пісьменнікі, працуючы ў розных жанрах, дадаюць свае штрыхі і малюнкi да глабальнага вобраза сусветнай вайны.

Вялікі семіятычны патэнцыял для камплементарнага дыялогу і палілогу выяўляецца, напрыклад, у творчасці З. Бядулі (вершы «Мяцежнік», «Ад крыві чырвонай», «Не мы ...», «І будзе на палях трывожная работа», «Браты», «Арліхі», аповяданні «Туга старога Міхайлы», «На сёмуху», «З дарогі», аповесць «Набліжэнне», эсэ «Брацкія магілы», «Крыжы», «Галгофа», нарыс «Прыфрантавы рубез на Беларусі»), М. Гарэцкага (аповяданні «Літоўскі хутарок», «Генерал», «На этапе», «Рускі», замалёўкі «Пакінутыя хаты», «Фантазія», тэксты «Уцекачы», «Палонны» з нізкі «Сібірскія абразкі», аповесці «Дзве душы», «Ціхая плынь», «Камароўская хроніка», запіскі «На імперыялістычнай вайне», раман «Віленскія камунары», філасофска-алегарычныя творы «Лявоніус Задумекус», «Скарбы жыцця», п'еса «Жартаўлівы Пісарэвіч»), Э. Хемінгуэя (зборнік «У наш час», раманы «Фіеста», «Бывай, зброя!», «За ракой у цені дрэў», уводзіны да анталогіі «Людзі на вайне», эпістэлярная і журналісцкая спадчына мастака слова).

Камплементарнымі ў памкненнях пісьменніка да паўнаты выказвання, яго цэласнасці могуць быць таксама асобныя часткі мастацкага твора. Згадаем эксперыментальны раман У. Марча «Рота К», які складаецца са 113 невялікіх аповедаў ад імя розных марскіх пехацінцаў. Сам аўтар тлумачыў канцэпцыю кнігі так: «Мне б хацелася, каб з'явіўся пэўны сродак, што дазволіў бы сабраць гэтыя гісторыі разам і прымацаваць іх да вялізнага кола. Кожная гісторыя прымацавалася б да асобнага апілка <...> Потым я пачаў бы круціць кола ўсё хутчэй і хутчэй аж да таго часу, калі рэчы, пра якія я напісаў, ажылі б <...> і зрабіліся б часткамі цэлага, якія імкнуцца адна да адной <...> Гэта і быў бы сапраўдны малюнак вайны» (*I wish there were some way to take these stories and pin them to a huge wheel, each story hung on a different peg <...> Then I would like to spin the wheel, faster and faster, until the things of which I have written took life <...>, and became part of the whole, flowing toward each other <...> That would be the picture of war*) [39, р. 2]. Калі мець на ўвазе развіццё асобных жанравых форм, то варта адзначыць, што інтэнцыямі да ўзаемадапаўняльнасці арганізаваны аповед у раманах Э.Э. Камінгса «Вялізная камера»: выказванні арыштантаў, што патрапілі ў французскую ваенную турму ў час Першай сусветнай, вылучаюцца самымі рознымі формамі выкладу інфармацыі (у наратыве адбіваецца сацыяльны статус, паходжанне, досвед пэўнага персанажа), аднак, усе «галасы» гучаць суладна, бо яны разважаюць пра катастрофічныя наступствы грамадска-палітычнага крызісу, які ў 1910-я гг. набыў сусветны маштаб.

Высновы. Такім чынам, у артыкуле разгледжаны новы навуковы кірунак у кампаратывістыцы, заснаваны на метадалагічнай сістэме параўнальнага вывучэння прозы з аддаленых культурных традыцый з улікам камплементарных тэкставых узроўняў, на прыкладзе твораў беларускай і амерыканскай прозы пра Першую сусветную вайну, што палягае на вылучэнні наступных сегментаў у тэкставых масівах: непасрэднае ўвасабленне Першай сусветнай вайны яе ўдзельнікамі і выдавочцамі з Беларусі і ЗША, этнамаркіроўкі і нацыянальныя стэрэатыпы ў беларускай і амерыканскай прозе пра Першую сусветную вайну, аўтарскія інтэнцыі ў адлюстраванні быцця ў беларускай і амерыканскай прозе пра Першую сусветную вайну. Акрамя таго, устаноўлена сістэма матываў і матывных груп, праведзена інтэрпрэтацыя іх канцэптuallyна-сэнсавага напаўнення ў розных тэкставых пластах у беларускай і амерыканскай прозе (вяртання, страчанага дзяцінства, вайны-авантуры, ініцыяцыі, вайны-працы, вайны-бойні, гвалту, беззаконня, рабаўніцтва, амбівалентнасці «свайго – чужога», салдата-пакутніка, вайны-снення, вар'яцтва, абсурду, стыхіі і інш.).

ЛІТАРАТУРА

1. Гніламёдаў У. Традыцыі Талстога і шляхі беларускага мастацкага слова // Леў Талстой і Беларусь: Артыкулы, эсэ, выказванні. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1981. – С. 69–81.
2. Кабржыцкая Т. Дзве Радзімы – Украіна і Беларусь – пад міратворчымі крыламі буслоў: нацыянальныя гісторыка-культурныя міфы, ідэяна-эстэтычныя пошукі ўкраінскай і беларускай літаратур. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 446 с.
3. Крикливец Е. Сравнительное изучение русской и белорусской литератур: теория и практика / Е. Крикливец // Ученые записки: сб. науч. тр. – 2015. – Т. 19. – С. 127–132.
4. Локун В. «Вайна і мір» Л. Талстога і развіццё беларускай і ўкраінскай ваеннай прозы першай паловы XX стагоддзя: канцэпцыя гісторыі і чалавека // Нарысы беларуска-ўкраінскіх літаратурных сувязей: культурна-гістарычны і літаратурны аспект праблемы / Нац. Акад. навук Беларусі. Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – Мінск: Беларуская навука, 2002. – С. 138–220.
5. Маханьков Ю. Становление белорусской советской прозы и традиции Л.Н. Толстого (Я. Колос, М. Горецкий, К. Чорный): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 01.01.02, 01.01.01; Ин-т литературы имени Янки Купалы Нац. Акад. наук Беларуси. – Минск, 1991. – 19 с.
6. Рагойша В. Беларуская літаратура XX ст. у сістэме ўсходнеславянскай міжлітаратурнай супольнасці // Феномен пагранічча: польская, украінская і беларуская літаратура – уплывы і ўзаемаўзбагачэнне: зб. дакл. Міжнар. навук. канф., Люблін, 17–18 кастр. 2007 г. – Мінск, 2008. – С. 144–152.

7. Тычко Г. Творчасць Янкі Купалы і традыцыі духоўнай рэгіянальнасці ў польскай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзяў. – Мінск: УП «Тэхнапрынт», 2001. – 144 с.
8. Адамовіч Г. Асновы кампаратывістыкі: беларускі кантэкст = The basics of comparativistics : the Belarusian context. – Мінск: БДПУ, 2009. – 227 с.
9. Адамовіч Г. Літаратура – кантэкст – тэзаўрус. – Мінск: БДПУ, 2003. – 352 с.
10. Адамовіч Г. Літаратурная класіка ў параўнальным вывучэнні: дапам. – Мінск: БДПУ, 2008. – 178 с.
11. Бутырчык Г. Перспектывы тыпалагічнага даследавання беларускай і амерыканскай ваеннай прозы // Актуальныя праблемы сучаснага літаратурнага працэсу: матэрыялы рэсп. нав. канф. (Мінск, 31 мая 2004 г.). – Мінск: Ін-т літаратуры імя Я. Купалы НАН Беларусі, 2005. – С. 41–46.
12. Бутырчык Г. У пошуках Бацькаўшчыны: вопыт тыпалагічнага доследу творчасці Джона Стэйнбека і Кузьмы Чорнага. – Мінск: РІВШ БДУ, 2003. – 70 с.
13. Гніламёдаў У. Пра беларуска-амерыканскія літаратурныя сувязі // Актуальныя праблемы сучаснай амерыканістыкі (культуралогічны аспект): матэрыялы III Міжнароднага навуковага канф., Мінск, 27–28 февр. 2007 г. – Мінск: БГУ, 2011. – С. 3–5.
14. Комаровская Т. Понятне патрыятызму в амерыканскай, беларускай і рускай літаратурах о Первой мировой войне // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні: матэрыялы Міжнароднага навуковага канф., Мінск, 7–8 каст. 2014 г. – Мінск: Права і эканоміка, 2014. – С. 202–206.
15. Комаровская Т. Роль Інбелкульту в развіцці беларускай кампаратывістыкі. Праблема «дэсакрацыі» в канадскай і беларускай літаратурах // Інстытут беларускай культуры: здыбыткі, значэнне, вынікі дзейнасці: матэрыялы Міжнароднага круглага стала, прысвечанага 95-годдзю Ін-та беларускай культуры, Мінск, 10 ліст. 2017 г. – Мінск, 2017. – С. 39–45.
16. Лявонава Е. Агульнае і адметнае. Творы беларускіх пісьмennisкаў XX стагоддзя ў кантэксце сусветнай літаратуры. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2003. – 198 с.
17. Лявонава Е. Беларускае мастацтва слова XX ст. у еўрапейскім мастацкім кантэксце: тыпалогія, рэцэнзія, пераклад. – Мінск: БДУ, 2014. – 319 с.
18. Соколовский В. Белорусско-немецкие литературные взаимосвязи периода Веймарской республики (1919 – 1933): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Минск, 1977. – 20 с.
19. Сінькова Л. Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX – XXI стст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літаратурная крытыка, артыкулы, гутаркі). – Мінск: Паркус плюс, 2013. – 292 с.
20. Тарасова Т. Беларуская проза XX стагоддзя ў еўрапейскім літаратурным кантэксце: экзістэнцыялізацыя духоўнага свету героя: аўтарэф. дыс. ... д-ра філал. навук: 10.01.01 / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры. – Мінск, 2013. – 44 с.
21. Тарасова Т. Духоўны досвед беларускай прозы XX ст. і еўрапейскі кантэкст. – Мінск: БДПУ, 2009. – 178 с.
22. Тарасова Т. Проблема «человек и война» в творчестве Максима Горького и Анри Барбюса: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03; 10.01.05. – Минск, 1986. – 131 л.
23. Уткевіч В. Тыпалогія нацыянальнага характару ў творчасці Кнута Гамсуна і Максіма Гарэцкага: дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.01, 10.01.03. – Мінск, 2006. – 108 л.
24. Чарота У. Дантэ Аліг'еры і беларуская літаратура XX стагоддзя: дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.01, 10.01.03. – Мінск, 2007. – 134 л.
25. Шаблюўская І. Сусветная літаратура ў беларускай прасторы. Рэцэнзія. Тыпалогія. Кантакты. – Мінск: Радыёла-плюс, 2007. – 303 с.
26. Адамовіч А. «Браму скаргаў сваіх адчыняю ...». – Мінск: Выдавецтва БДУ, 1980. – 224 с.
27. Адамовіч А. Взаимодействие белорусской и русской «военной прозы» с европейской литературной и гуманистической традицией // Собрание сочинений: в 4 т. – Минск: Мастацкая літаратура, 1982. – Т.3: Хатынская повесть; «Врата сокровищницы своей отворяю ...», эссе; Статьи, выступления, интервью. – С. 539–543.
28. Бугаёў Д. Максім Гарэцкі. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – 239 с.
29. Мушынін М. Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі. Жыццёвы і творчы шлях Максіма Гарэцкага. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 510 с.
30. Тычына М. Народ і вайна. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 433 с.
31. Лявонава Е. «А душа падумала і здрыганулася ...» Творчасць Максіма Гарэцкага ў святле еўрапейскага літаратурнага досведу (на прыкладзе апавядання «Рускі») // Дзеяслоў. – 2013. – № 4 (65). – С. 310–319.
32. Лявонава Е. «І няма нічога вышэйшага ...»: Творчасць Максіма Гарэцкага ў кантэксце заходнееўрапейскай літаратуры пра Першую сусветную вайну // Агульнае і адметнае. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2003. – С. 65–72.
33. Fussell P. The Great War and Modern Memory. – New York, London: Oxford University Press, 1989. – 363 p.
34. Stallings L. 'The War to End War' // American Heritage. – 1959. – X. – P. 84–86.
35. Аліг. [Рэцэнзія] / Аліг. // Маладняк. – 1926. – № 9. – С. 103 – 104. – Рэц. на кн.: Гарэцкі, М. На імперыялістычнай вайне (запіскі) / М. Гарэцкі. – Мінск: Дзяржаўнае Выдавецтва Беларусі, 1926. – 185 с.
36. Hellman B. Poets of Hope and Despair. The Russian Symbolists in War and Revolution (1914 – 1918). – Helsinki, Institute for Russian and East European Studies, 1995. – 421 p.
37. Шаблюўская І. Проза еўрапейскіх сацыялістычных краін 60-70-х гадоў о другой мировой войне: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.04. – Минск, 1998. – 445 л.
38. Гугнин А. Введение в анализ поэтического текста // Контексты мировой литературы: сб. науч. ст. – Новополюцк: ПГУ, 2011. – С. 22–39.
39. March W. Company K. – New York: Arbor House, 1984. – 212 p.

Паступіў 12.12.2022

**БЕЛОРУССКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
ОПЫТ КОРРЕЛЯТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ****З.И. ТРЕТЬЯК***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

Статья посвящена научному направлению сравнительно-сопоставительного изучения далеких литературных традиций на материале белорусской и американской прозы на тему Первой мировой войны; рассматривается модель сравнительного изучения культурных традиций, сформировавшихся в Западной Европе и Соединенных Штатах Америки, путем выделения резонансных мотивов на сходных структурных уровнях в национально-специфических литературах; комплементарность и паритетность белорусской и американской прозы на тему Первой мировой войны наглядно подтверждается общепризнанными текстовыми образцами западно-европейской прозы на указанную тему. Выявляется и обосновывается взаимосвязь между структурными уровнями поликультурных художественных текстов и характерными для них мотивными группами, в состав которых входят смысловые мотивные доминанты.

Ключевые слова: компаративистика, типология, корреляция, комплементарность, историко-контекстуальный метод, белорусская и американская литература, Первая мировая война.

**BELARUSIAN AND AMERICAN LITERATURE ABOUT THE FIRST WORLD WAR:
THE EXPERIENCE OF CORRELATIVE RESEARCH****Z. TRATSIK***(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)*

The article is devoted to the scientific trend in the comparative and correlative study of distant literary traditions based on the material of Belarusian and American prose about the First World War; a model for the comparative study of cultural traditions formed in Western Europe and the United States of America is considered by highlighting resonant motives at similar structural levels in nationally specific literatures; the complementarity and parity of Belarusian and American prose about the First World War is demonstrably substantiated by the generally recognized text samples of Western European prose on the said subject. The relationship between the structural levels of multicultural artistic texts and groups of motives characteristic of them, which are composed of conceptual motive dominants, is revealed and substantiated.

Keywords: comparative literary studies, typology, correlation, complementarity, historical-contextual method, Belarusian and American literature, the First World War.

УДК 821.162.1.09"18"(092)Мицкевич А.

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-133-137

**МАСТАЦКАЯ ВЫДУМКА І ДАКУМЕНТАЛЬНАЯ АСНОВА
Ў ПАЭМЕ А. МІЦКЕВІЧА «КОНРАД ВАЛЕНРОД»**

д-р філал. навук, праф. Г.К. ТЫЧКО
(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9379-924X>

Абгрунтавана неабходнасць актуалізацыі даследаванняў мастацкай літаратуры, якая выкарыстоўвае рэальныя факты, гістарычныя падзеі і імёны. Разглядаецца гісторыя стварэння паэмы А. Міцкевіча “Конрад Валенрод” у кантэксце грамадска-палітычных абставін першай паловы XIX ст. на Беларусі і дакументальных фактаў з біяграфіі аўтара. На падставе аналізу твора вызначаюцца суадносіны дакументальных фактаў, запазычаных з гістарычных хронік, і аўтарскай выдумкі ў тэксце. Аналізуецца ўплыў твора на каштоўнасць маральныя дамінанты тагачаснага, а таксама сучаснага грамадства. Разглядаюцца прычыны супярэчлівай ацэнкі твора сучаснікамі і нашчадкамі. Зроблены высновы аб прыярытэтных ролях аўтарскай фантазіі і выдумкі ў высокамастацкіх тэкстах.

Ключавыя словы: мастацкая выдумка, дакументальны факт, гістарычныя хронікі, рамантычная традыцыя, патрыятызм, збрата, неадназначны гераізм.

Уводзіны. На мяжы XX – XXI стагоддзяў ва ўсёй сусветнай літаратуры назіраецца зацікаўленасць дакументальнай асновай, рэальнымі фактамі, што адпавядае запатрабаванню сучаснай чытацкай аўдыторыі. Пра гэта сведчыць, у прыватнасці, кніга А. Адамовіча, Я. Брыля і У. Калесніка “Я з вогненнай вёскі”, творы А. Адамовіча ў рэчышчы звышлітаратуры, раман Ф. Бегбедэра “Windows on the World” (“Вокны ў свет”) пра тэракт 11 верасня 2001 г. у Нью-Йорку і, канешне, сусветны поспех так званых раманаў-галасоў – кнігі С. Алексіевіч, мастацкі вопыт якой увянчаны найвышэйшай узнагародай – Нобелеўскай прэміяй, і інш. Разам з тым у сферы дакументальна-мастацкай літаратуры выразна адчувальны недахоп тэарэтычных ведаў, існуе неабходнасць удасканалвання катэгорыяльнага апарату, удакладнення шэрагу азначэнняў з улікам іх гістарычнай эвалюцыі. Усё яшчэ праблемным застаецца вылучэнне ў тэксце такой прыкметы, як дакументальнасць, яе размежаванне і ўзаемадзеянне з аўтарскім вымыслам. Традыцыйна *дакументальны твор* успрымаецца як тэкст, дзе найперш выкарыстоўваюцца гістарычныя факты і дакументальныя матэрыялы, а мастацкі вымысел і аўтарская фантазія звядзены да мінімуму. Аднак у апошні час падыходы да гэтага паняцця змяняюцца. Так, аналізуючы феномен “літаратуры non-fiction”, А.Г. Местэргазі – расійская літаратуразнаўца, чый аўтарытэт у галіне вывучэння дакументалізму ў літаратуры агульнапрызнаны, трактуе дакументалізм як “сучаснае паняцце, якое апісвае творчасць пісьменніка, які так ці інакш працуе ў эстэтыцы дакумента” [1, с. 7].

Гістарычна ў беларускай літаратуры дакументалізм праявіўся надзвычай адметна і храналагічна паслядоўна. Можна прыгадаць як шматлікія прыклады са старажытнай беларускай літаратуры, калі ў XVI і XVII ст. узнікаюць сямейныя хронікі, ствараюцца дыярыўшы (дзённікі), падарожныя запісы і іншыя творы мемуарнага жанру, так і больш блізкія творы з гісторыі новай беларускай літаратуры, найбольш значным з якіх, безумоўна, з’яўляюцца славутыя мастацка-дакументальныя запіскі “На імперыялістычнай вайне” (1914–1919) Максіма Гарэцкага.

Адметнае месца ў літаратуры, якая так ці інакш выкарыстоўвае дакумент, займае славутая паэма А. Міцкевіча “Конрад Валенрод”.

Асноўная частка. Паэму “Конрад Валенрод. Гістарычная аповесць з дзеяў літоўскіх і прускіх” (Konrad Wallenrod Powieść historyczna z dziejów litewskich i pruskich) А. Міцкевіч пісаў у 1825–1827 гг., а надрукаваў у 1828 г. у Пецярбургу. Твор суправаджаўся эпіграфам “Vete adunque sapere come sono due generazioni da combattere ...bisogna essere volpe e leone. MACCHIAVELL” (“Вы павінны ведаць, што ёсць два спосабы барацьбы ...трэба быць лісою і львом”), узятым з выказванняў італьянскага палітыка Н. Макіявелі (1469–1527). Глыбінны сэнс паэтычнай канцэпцыі А. Міцкевіча расійская цензура зразумела адназначна: “Палітычная мэта твора – распаліць згасаючы патрыятызм, падтрымліваць нязгоду і рыхтаваць будучае паўстанне, а таксама навучыць сучаснае пакаленне, як быць зараз лісою, каб потым перамяніцца ў ільва” [2, с. 97].

Пошук шляхоў і метадаў барацьбы паняволенага народа з чужаземнымі захопнікамі быў для А. Міцкевіча не абстрактнай тэмай, а сэнсам і мэтай яго жыцця. Ужо ў студэнцкія гады ён прыняў удзел у нацыянальна-вызваленчым руху, далучыўшыся да таварыства філаматаў і філарэтаў, зазнаў турэмнае зняволенне і ссылку. Прычым высланы ён быў у Расію — краіну-захопніцу, якая заняволіла яго родны край. Ссылка А. Міцкевіча праходзіла ў розных мясцовасцях тагачаснай Расійскай імперыі (Адэсе, Крыме, Маскве), але пачыналася ў кастрычніку 1824 г. і скончылася ў маі 1829 г. у Пецярбурзе. Гэты горад як цэнтр тагачаснага расійскага інтэлектуальнага і палітычнага жыцця зрабіў на маладога літвіна надзвычайнае ўражанне – ён стаў для А. Міцкевіча сімвалам гвалту і бесчалавечнасці, пра што сведчаць пазнейшыя творы: “Помнік Пятру Вялікаму”, “Аляшкевіч”, “Пецярбург”, напісаныя праз некалькі гадоў пасля ад’езду з Расіі ў эміграцыі.

Побыт А. Міцкевіча ў Расіі супаў па часе з трагічнымі падзеямі рускай гісторыі – паўстаннем дзекабрыстаў, удзельнікаў расійскага антыўрадавага руху, якія 14 (26) снежня 1825 г. выйшлі на Сенатскую плошчу Пецярбурга. Падчас самога паўстання і пасля яго, калі выконваўся смяротны прысуд над яго кіраўнікамі, А. Міцкевіч знаходзіўся па-за межамі горада, аднак трагічны фінал барацьбы дзекабрыстаў закрануў яго да глыбіні душы. Павешаны ў Петрапаўлаўскай крэпасці К. Рылееў і высланы ў Сібір А. Бястужаў былі прадстаўнікамі “Паўночнага тэмнага таварыства” (1822–1825), з якімі А. Міцкевіч зблізіўся падчас сваёй расійскай ссылі. Моладзевыя тэмныя таварыствы на пачатку XIX ст. існавалі па ўсёй Еўропе, у тым ліку ў Вільні і Расіі, і пераважна пры ўніверсітэтах. Маладыя інтэлектуалы, натхнёныя высокімі ідэаламі змагання за лепшае ўладкаванне свету, падтрымлівалі сувязі паміж сабой і дапамагалі сваім сябрам-аднадумцам пры патрэбе, незалежна ад паходжання і нацыянальнай прыналежнасці. Гэтым у многім тлумачыцца той сардэчны прыём, які быў аказаны малодму выгнанніку з Вільні ў арыстакратычных салонах Масквы і Пецярбурга. Жорсткасць, з якой царскі ўрад падавіў мірныя пратэсты маладых ідэалістаў – філаматаў Я. Чачота, Т. Зана, А. Сузіна, асуджаных на дзесяцігадовае выгнанне; павешанне пяці кіраўнікоў дзекабрыскага паўстання і высылка ў Сібір шматлікіх прадстаўнікоў расійскай арыстакратыі – гэтыя падзеі сталі трыгерам для творчай задумы міцкевічаўскага “Конрада Валенрода”.

У каментарыях да паэмы А. Міцкевіч адзначае: “Мы назвалі нашу аповесць гістарычнай, таму што характары дзеючых асоб і ўсе найважнейшыя падзеі, якія ў ёй згадваюцца, маюць гістарычную аснову”, падкрэсліваючы, аднак, што ў гісторыі Валенрода аўтар дазваляў сабе пэўныя домислы. Паэт акцэнтуюе ўвагу на таямніцы паходжання Валенрода: “Паводле хронік, Конрад Валенрод не паходзіў з вядомага ў Германіі роду Валенродаў, хоць і выдаваў сябе за аднаго з іх. Ён павінен быў быць чымсьці пазашлюбным сынам...”, а таксама на супярэчлівасці і неадназначнасці яго характару: “Большая частка летапісцаў папракае яго ў ганарлівасці, жорсткасці, п’янстве, рэзкасці ў адносінах да падначаленых, малой руплівасці да веры і нават нянавісці да духавенства <...> З іншага боку, паэты яго часу прыпісвалі яму веліч розуму, адвагу, высакароднасць і сілу характару; бо без рэдкіх якасцей ён не мог бы захаваць сваю ўладу сярод усеагульнай нянавісці і бедстваў, якія ён прынёс Ордэну”.¹

Гістарычную аснову твора падмацоўваюць сюжэты, запазычаныя А. Міцкевічам з афіцыйных крыніц, у прыватнасці, прац польскага гісторыка і пісьменніка М. Стрыйкоўскага (1547–1593). Найперш гэта была “Хроніка польская, літоўская, жамойцкая і ўсяе Русі” (польск.: “Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi”) – помнік польскай гістарыяграфіі XVI ст., складзеная ў 1570-я гг., упершыню апублікаваны на лацінскай мове ў Краляўцы (сучасны Калінінград) у 1582 г. [3, с. 83]. Таямнічае паражэнне пад Вільняй крыжацкага магістра Конрада Валенрода, яго цмянае паходжанне і неадназначны характар выклікалі шматлікія здагадкі і домислы, сярод якіх была і гіпотэза ліцвінскага паходжання Валенрода, для якога Тэўтонскі ордэн стаў толькі сродкам падпольнага змагання за незалежнасць сваёй Айчыны Літвы.

Рэальны Конрад фон Валенрод – 24-ы Вялікі магістр тэўтонскага ордэна – прадстаўнік старажытнага рыцарскага баварскага роду, сапраўды займаўся арганізацыяй крыжовых паходаў супраць Вялікага Княства Літоўскага. У 1387 г. ён стаў Комтурам Марыенбургу і Вялікім комтурам Ордэну, а потым з 1391 г. быў абраны Вялікім магістрам. Ён падтрымліваў князя Вітаўта ў яго барацьбе з Каралём польскім і Вялікім князем літоўскім Ягайлам. Быў ажанены сумесна з Вялікім паход супраць Ягайлы, у якім адзін з атрадаў пад камандаваннем самога Конрада і Маршала Ордэну Энгельхарда Рабэ фон Вільдштайна накіраваўся да Вільні. Крыжакі былі блізкія да ўзяцця горада, аднак адступілі з-за ўнутранага канфлікту, справакаванага Вялікім магістрам. Конрад адхіліў фон Вільдштайна ад пасады маршала, хоць той быў выдатным военачальнікам і карыстаўся павагай сярод рыцараў. У 1392 г. Ягайла і Вітаўт склалі дамову, па якой Ягайла прызнаваў Вітаўта Вялікім князем літоўскім у якасці свайго намесніка ў Літве. Здрада Вітаўта была вельмі небяспечнай для Ордэна, таму Конрад быў змушаны пачаць вайну супраць абодвух саюзнікаў, запрасіўшы да ўдзелу ў ёй мноства крыжакоў з Еўропы. У студзені 1393 г. галандскія і французскія рыцары пад камандаваннем Конрада аблажылі Гродна, што вымусіла Вітаўта і Ягайлу пайсці на праяўленне мірных перамоў у Торуне. Неўзабаве, пасля пачатку перамоў, Конрад захварэў і ў ліпені 1393 г. памёр у замку Марыенбурга, верагодна, ад апалексічнага ўдару².

Паводле інтэрпрэтацыі А. Міцкевіча, слаўны рыцар Конрад фон Валенрод загінуў у бітве, а заклёты вораг крыжацкага Ордэна, ліцвін Вальтэр Альф, прысвоіў сабе яго імя, дзеля таго, каб адпомсціць за пакуты сваёй паняволенай Радзімы. Менавіта яго ў Марыенбургу – сталіцы крыжацкага Ордэна – выбіраюць крыжакі сваім Вялікім Магістрам. Вальтэр Альф у вобліку Конрада Валенрода часова адмаўляецца ад свайго паходжання, кахання і славы дзеля таго, каб заваяваць давер сваіх ворагаў, а потым знішчыць Ордэн.

А. Міцкевіч, як і абяцаў у Прадмове і адзначаў у Каментарых да твора, сапраўды выкарыстаў гістарычныя факты (паражэнне Конрада Валенрода пад Вільняй, выкраданне рыцарам Вальтэрам фон Стадыонам дзевятнаццацігадовай дачкі Вялікага князя Кейстута Альдоны, гісторыю маладога ліцвіна Альфа, узятага крыжакамі ў палон і выхаванага пры крыжацкім двары). Аднак найперш паэт даў волю сваёй творчай фантазіі, паяднаўшы згаданыя эпізоды ў псіхалагічна-напружаную рамантычную гісторыю выбару паміж асабістым шчасцем і грамадзянскім абавязкам. Гісторыю выкрадання Альдоны паэт апускае, але робіць яе жонкаю Вальтэра Альфа, які пазней пераўвасобіцца ў Конрада Валенрода і пакіне сваю каханую і родны край. У Марыенбургу сустрэнуцца

¹ Adam Mickiewicz: Konrad Wallenrod. URL: <https://jezyk-polski.pl/lektury-opracowania/-/Konrad-Wallenrod-Mickiewicz>.

² Frenken A. Wallenrode, Johannes von // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexiko. URL: <https://www.bautz.de/bbkl/w/wallenrode.shtml>.

зноў іх жыццёвыя дарогі, калі споўніўшы свой абавязак – знішчыўшы крыжацкі Ордэн – Конрад Валенрод можа стаць самім сабой – Вальтэрам Альфам. Ён думае, што зараз мае права на асабістае шчасце, таму прыходзіць да кляштарнай вежы Марыенбургу, дзе верная Альдона, паводле досыць распаўсюджанай тагачаснай традыцыі, замуравала сябе і стала пустэльніцай. Аднак вяртанне ў мінулае немагчыма, і Альдона дае зразумець гэта Валенроду. Помста крыжакам, якую здзейсніў Вальтэр Альф коштам неверагоднай ахвяры, руйнуе яго жыццё, каханне і нават губіць яго бессмяротную душу, бо ў выніку ён заканчвае жыццё самагубствам. Гэтай бясплёўнай смерцю А. Міцкевіч паказвае бяссэнсоўнасць подзвігу Конрада Валенрода праз антыгуманнасць яго метадаў барацьбы. Паэт выяўляе адноснасць паніжання “вораг”: на працягу многіх гадоў “ворагі-крыжакі” былі найбліжэйшымі таварышамі Конрада Валенрода ў бітвах і перамогах, яны давяралі яму, а ён здрадзіў ім у самы адказны момант. Пакуты сумлення героя абясцэнняюць яго перамогу.

Разрозненыя гістарычныя факты, якія па-свойму выкарыстаў і спалучыў у адно цэлае А. Міцкевіч, спатрэбіліся яму, каб актуалізаваць праблемы патрыятызму, вернасці і здрады ў практыцы наспрадвечных гуманістычна-хрысціянскіх каштоўнасці і, несумненна, на праблемы свайго часу. Маральная драма Конрада Валенрода, які ў імя служэння Айчыне ахвяраваў каханнем, дружбай і чалавечай прыстойнасцю, руйнуе значэнне яго перамогі над Ордэнам і прыводзіць яго самога да незваротнай духоўнай паразы.

У XIX ст. і ў наш час міцкевічаўская паэма была надзвычай папулярнай і запатрабаванай, што не выключала, аднак, палемічных трактоўкі яе зместу. У свой час шырокія колы літаратурнай грамадскасці (пераважна польскай) вельмі крытычна паставіліся да твора і асудзілі А. Міцкевіча за апафеоз здрады, які нібыта ляжыць у аснове гэтага твора. Характэрна, што большасць польскіх крытыкаў не імпанавала фігура галоўнага героя, яны адзначалі найперш так званую “непольскасць” Валенрода, немагчымасць з’яўлення такога персанажа ў этнічна польскага аўтара. Так, Ю. Клейнер меркаваў, што паэт “не асмеліўся б, можа, на такое крайняе выяўленне канфлікту паміж заваяваным народам і ягоным бязлітасным прыгнятальнікам, калі б ведаў Варшаву і Кангрэснае Каралеўства, што валодала атрыбутамі польскай дзяржаўнасці, уласным войскам. Але ж ён ведаў толькі Літву, губернію, якой кіраваў чужы ўрад, і ўсялякія дзяржаўныя атрыбуты ён ведаў, як толькі прыналежныя ворагу” [4, с. 80]. Негатыўна паставіўся да паэмы А. Міцкевіча і С. Цывіньскі, які лічыў, што “Конрад Валенрод павінен быць выгнаны з польскай зямлі, перш за ўсё таму, што ён не дастаткова «польскі», але нейкі літоўска-расійскі, (...) і патрыятызм яго чужы польскаму светаадчуванню і ўвогуле жыццю польскага народа як цэласнасці” [5, с. 161]. Тое ж самае падкрэсліваў Ю. Козьмян, сцвярджаючы сябе тым, што “ідэя гэтага скрыўленага патрыятызму з’явілася не ў Польшчы” [5, с. 166].

Беларускія даследчыкі таксама неадназначна ставіліся і ставяцца не столькі да твора А. Міцкевіча, колькі да самой ідэі валенрадызму, як формы патрыятычнай барацьбы. В. Каваленка, у прыватнасці, адзначаў, што гэтая ідэя “вырасла на адчуваннях сардэчнай прывязанасці да той зямлі, якая адна толькі і магла даць паэту выток, аснову і страсць для гэтай ідэі. Гэта было, па сутнасці, самым глыбокім у сусветнай літаратуры маральным абгрунтаваннем прыпынку партызанскай і падпольнай барацьбы, і ўзнікла яно на эмацыянальнай ноце, якая спараджалася з пачуццямі любові да беларускага краю” [6, с. 98–99]. Цікава, што для рамантыка У. Караткевіча з яго гараха пафасным патрыятызмам вераломна-падступныя формы барацьбы з ворагам былі цалкам прымальныя, а для У. Калесніка, напрыклад, этычна заганныя.³ Магчыма, што якраз падобныя крытычныя водгукі і неразуменне аўтарскай канцэпцыі твора, выклікалі супярэчлівае стаўленне самога А. Міцкевіча да паэмы, які, паводле ўспамінаў сучаснікаў, неаднаразова адмаўляўся ад свайго героя [7, с. 339].

Тым не менш, створаны аўтарскай фантазіяй тып гарахага патрыёта, які ў сваёй любові да Айчыны і роднага народа гатовы пайсці на ўсё, аказаўся вельмі жывучым. Гэта засведчыла гісторыя многіх народаў, у тым ліку і беларускага, і, канешне, гісторыя літаратуры. Неаднаразова згадкі валенрадызму ў літаратуразнаўчых даследаваннях рознага кшталту і нават цэлых працы, як, напрыклад, С. Цывіньскага “Сто год барацьбы з Конрадам Валенрода” (1928) альбо М. Яніон “Пасмяротнае жыццё Конрада Валенрода” (1990) пацвярджаюць запатрабаванасць міцкевічаўскага твора. Нельга не пагадзіцца з М. Яніон, якая адзначае: “Валенрод адарваўся ад свайго творцы, вызваліўся з-пад яго ўлады і пачаў весці самастойнае жыццё, якое – з розных прычын, можна назваць пасмяротным...” [5, с. 9]. Аналізуючы рэальныя біяграфіі і лёсы людзей, якія бралі сабе імя Валенродаў, альбо іх так называлі сучаснікі, даследчыца выказвае слушнае меркаванне, што “зародак валенрадызму існаваў і праяўляўся яшчэ ў філамацкім асяроддзі” [5, с. 73]. Нельга не пагадзіцца і з яе высновай, што “валенрадызм з’яўляўся там альбо падазваўся, што ён з’явіцца там, дзе чалавек апынаўся ў драматычнай сітуацыі на памежжы двух светаў ці двух народаў, дзвюх культур, дзвюх рэлігій ці дзвюх спрэчных ідэй” [5, с. 415].

Заклучэнне. Такім чынам, бадай усе даследчыкі міцкевічаўскага твора, нават пры дыяметральнай адрознасці сваіх падыходаў, згаджаюцца з адным: Конрад Валенрод мог нарадзіцца толькі там, дзе нарадзіўся, – на беларуска-літоўскіх землях, з тагачаснае беларускае рэчаіснасці, якая толькі адна магла даць падставы для роздуму пра падобныя трагічна неадназначныя формы барацьбы. Аднак нельга забываць і той немалаважны факт, што папіранне прыпынку гуманізму і маральных каштоўнасцей адназначна асуджаецца самім А. Міцкевічам непасрэдна ў творы праз маральны і фізічны крах героя.

³ Калеснік У. Братанне з Караткевічам // Усё чалавечае. Літаратурныя партрэты, артыкулы, нарысы. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 98.

Зрэшты, А. Міцкевіч як паэт выразнай кніжнай арыентацыі мог чэрпаць задумы для сваіх твораў не толькі з навакольнай рэчаіснасці, але і з кніг. На наш погляд, на канцэптуальную ідэю паэмы магла паўплываць трагедыя “Фауст” І. В. Гётэ, апошнія прыжыццёвае аўтарскае выданне якой таксама датуецца 1828 г. Там напрыканцы жыцця сляпы Фауст пачынае будаўніцтва плаціны для добра чалавецтва, спадзеючыся, што яго праца прынясе вялікую карысць людзям, але ў выніку гінуць ні ў чым непавінныя Філімон і Баўкіда, як некалі раней загінула па яго віне каханая Маргарыта. І ўсё ж, нягледзячы на ўсе хітрыкі Мефістофеля і памылкі Фауста, душа апошняга будзе ўратавана Богам, бо ён хацеў прынесці дабро людзям.

Тагачасная беларуская рэчаіснасць, якая ўзгадала А. Міцкевіча і яго сяброў філаматаў, сваёй неадназначнасцю, размытасцю межаў добра і зла давала нагоду для філасофскага роздуму над слабасцю чалавечай натуры, якой падчас выпрабаванняў цяжка захаваць душу чыстай і непарушнай. Жаданнем актуалізаваць гэтую праблему ў форме рамантычнай драматычнай паэмы, хутчэй за ўсё, і тлумачыцца адвольны падыход А. Міцкевіча да інтэрпрэтацыі гістарычных фактаў. Рускі вучоны В. Халізеў, згадваючы крайнасць, якая існавала на пачатку ХХ ст., калі выдумка часам расцэньвалася як нешта састарэлае, што адмаўлялася ў імя аднаўлення рэальнага, дакументальна пацверджанага факту, даказвае, што “літаратура нашага стагоддзя – як і раней – шырока абапіраецца і на выдумку, і на невыдуманых падзеі і асобы. Пры гэтым адмова ад выдумкі ў імя следвання праўдзе факта, у шэрагу выпадкаў апраўданая і плённая, наўрад ці можа стаць магістраллю мастацкай творчасці: без апоры на выдуманых вобразы мастацтва і, у прыватнасці, літаратуру нельга ўявіць. <...> Пасродкам выдумкі аўтар абагульняе факты рэальнасці, увасабляе свой погляд на свет, дэманструе сваю творчую энергію” [8, с. 93–94].

Як паказвае практыка, здараецца, што межы паміж мастацкімі і дакументальна-інфармацыйнымі творами вельмі распыліватыя. Менавіта выдумка становіцца крытэрыем іх размежавання: дакументальныя тэксты адмаўляюць саму магчымасць выдумкі, а творы мастацкія ахвотна яе дапускаюць, нават у тых выпадках, калі аўтары займаюцца ўзнаўленнем рэальных фактаў, падзей і асоб. Выдатныя творы мастацкай літаратуры, як той жа “Конрад Валенрод” А. Міцкевіча, нягледзячы на неадназначнасць ацэнак, перажываюць стагоддзі і застаюцца ў скарбніцы сусветнай класікі дзякуючы, найперш, творчай фантазіі таленавітага мастака, які імкнецца не толькі спасцігнуць праўду жыцця, але і заглябіцца ў вечна актуальную аксіялагічную праблематыку.

ЛІТАРАТУРА

1. Местергази, Е.Г. Литература нон-фикшн / non-fiction экспериментальная энциклопедия. – М.: «Совпадение», 2007. – 328 с.
2. Mickiewicz A. Konrad Wallenrod. Powieść historyczna z dziejów litewskich i pruskich. Posłowie Z. Libier. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1974.–114 s.
3. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Т.6. Кн. 2: Усвея – Яшын. Дадатак / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2003. – 616 с.
4. Klejner J. Mickiewicz. T 1-2.–Lublin, 1934–1948. – Т. 2. Cz. 1. – 1948. – 81 s.
5. Janion M. Życie pośmiertne Konrada Wallenroda. – Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1990. – 707 s.
6. Каваленка В.А. Мифа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 320 с.
7. Mickiewicz A. Dzieła wszystkie. Wydanie sejmowe. T. XVI. Rozmowy z Adamem Mickiewiczem. Zebrał i opracował T. Pigoń. – Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1955.– 227 s.
8. Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004. – 405 с.

Пастуніў 12.12.2022

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ И ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА В ПОЭМЕ А. МИЦКЕВИЧА «КОНРАД ВАЛЛЕНРОД»

Г.К. ТЫЧКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

Обосновывается необходимость актуализации исследований художественной литературы с использованием реальных фактов, исторических событий и имен. История создания поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» рассматривается в контексте общественно-политических обстоятельств первой половины XIX века в Беларуси и документальных фактов из биографии автора. На основе анализа произведения определяется соотношение в тексте документальных фактов, заимствованных из исторических хроник, и авторского вымысла. Анализируется влияние произведения на ценностно-нравственные доминанты того времени, а также современного общества. Рассмотрены причины неоднозначной оценки произведения современниками и потомками. Делаются выводы о приоритетной роли авторской фантазии и вымысла в высокохудожественных текстах.

Ключевые слова: художественная литература, документальный факт, историческая хроника, романтическая традиция, патриотизм, предательство, неоднозначный героизм

**ARTISTIC FICTION AND DOCUMENTARY BASIS
IN THE POEM OF A. MITZKEVICH "KONRAD WALLENROD"**

H. TYCHKO
(Belarusian State University, Minsk)

The need to update the research of fiction that uses real facts, historical events and names is substantiated. The history of the creation of A. Mickiewicz's poem "Konrad Wallenrod" is considered in the context of social and political circumstances of the first half of the 19th century in Belarus and documentary facts from the author's biography. Based on the analysis of the work, the ratio of documentary facts borrowed from historical chronicles and the author's fiction in the text is determined. The impact of the work on the value and moral dominants of that time, as well as modern society, is analyzed. The reasons for the controversial assessment of the work by contemporaries and descendants are considered. Conclusions are made about the priority role of author's fantasy and fiction in high artistic texts.

Keywords: *fiction, documentary fact, historical chronicles, romantic tradition, patriotism, betrayal, ambiguous heroism.*

УДК: 821.111.09=111

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-138-144

**ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ АВТОРСКОЙ МАСКИ
В РОМАНЕ У. М. ТЕККЕРЕЯ «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ»****Н.Ю. ШИШКОВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

В статье рассматриваются отличительные черты авторской маски в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия». Перечисляются некоторые маркеры авторской маски, анализируется структура авторской маски, которая в романе представлена двумя образами – Кукольника и Проповедника. Выявляются причины выбора именно такой маски, анализируются различные точки зрения относительно количества повествующих инстанций в произведении. Рассматриваются причины и способы лишения нарратора привилегированной позиции.

Ключевые слова: авторская маска, авторские комментарии, нарратор, маркеры, повествующие инстанции.

Введение. Уильям Мейкпис Теккерей (1811–1863) является поистине великим представителем английской литературы XIX в., ярким последователем реалистического направления, значительной фигурой, в чьем творчестве сочеталось многообразие жанров: от газетных заметок и стихов до сказок и романов. Своим искромётным юмором, иронией, скептицизмом он ещё при жизни привлёк к себе внимание критиков, авторов-современников, читателей, как в родной стране, так и за рубежом. С тех пор продолжается непрерывное изучение его наследия, в котором выделяется множество различных направлений, проблем и вопросов. Одним из аспектов творчества Теккерея, которому, на наш взгляд, не уделяется достаточного внимания, является использование приёма авторской маски. Понятие авторской маски и само по себе требует детализации ввиду отсутствия терминологической определенности; также отсутствуют специальные исследования, посвящённые изучению способов создания авторских масок Теккереем. Всё вышеизложенное обуславливает актуальность представленной статьи, где мы рассмотрим отличительные черты и структуру авторской маски в романе У. М. Теккерея «Ярмарка тщеславия».

«Ярмарка тщеславия» по праву считается одним из наиболее значительных творений У. М. Теккерея. Именно этот роман он впервые подписал своим настоящим именем. «Ярмарка тщеславия» регулярно анализируется множеством ученых, которые обращают внимание на тот или иной из разнообразных аспектов творчества великого писателя: театральность, ирония, художественное время и пространство, речь автора и персонажей, формы присутствия автора, психологизм, а также многие другие. Авторская маска является одним из таких аспектов.

Основная часть. Этот роман, в некотором роде, является продолжением произведения «Книга снобов, написанная одним из них». Тема снобизма получила свое дальнейшее развитие в «Ярмарке тщеславия». Помимо проблемы снобизма, в романе получили отражение и другие нравственные проблемы викторианского общества: скарденность, показушность, проблема любви и брака, честности и чести, дружбы, верности, великодушия, злобы, зависти. Воплощают эти сложные этические категории в своем жизненном пути представители высших классов, аристократия, как процветающая, так и обедневшая, а также те, кто её обслуживает: лакеи, гувернантки, портные. Именно о данной социальной группе у Теккерея сформировалось четкое представление, так как именно этот мир писатель знал, с уверенностью изображал, по поводу него иронизировал, его критиковал и высмеивал в своих произведениях. Уже после написания романа, когда слава и признание, наконец, пришли к нему, У. М. Теккерей получил доступ во все те дома, двери которых были долгое время закрыты для него. Он получил возможность исследовать всё то, что размещалось внутри, и куда бы он ни пошел, везде находил иллюстрации, подтверждающие его концепцию о мире как ярмарке тщеславия.

Автор практически не описывал в своих произведениях представителей других социальных слоев, так как его основным эстетическим принципом было правдивое изображение действительности. Писатель считал, что не может правдиво изобразить, например, преступника или каторжника, так как «не знает предмета..., поскольку в жизни своей не был близко знаком ни с одним каторжником и нравы проходивцев и арестантов ему совершенно неизвестны ...», а, не изобразив его правдиво, художник вообще не имеет права его показывать» [1, с. 7].¹ По мнению У. М. Теккерея, если в книге нет правды, значит, в ней нет ничего.

В центре внимания писателя такие разные и в то же время схожие судьбы двух девушек – Эмили Седли и Ребекки Шарп. Похожими их делает возраст, образование. Обе примерно в одно и то же время вышли замуж, имеют сыновей одинакового возраста, обе познали в своей жизни богатство и бедность. В остальном, начиная от внешности и характера, ума и остроумия, честности и чести, заканчивая поведением, образом жизни и мечтами, представлениями о счастье и успехе, целями в жизни, умением любить, отношениями в семье, они абсолютно разные. В романе события охватывают 18 лет, но описана жизнь и взаимоотношения трех поколений. Помимо главных героинь, мы наблюдаем множество других образов, которые можно отнести к часто встречаемым в произведениях У. М. Теккерея типам: высокомерные представители знати, не менее высокомерные и кичливые зажиточные буржуа, дамы в тюрбанах с райской птицей, военные, которые хоть и не блещут умом, но зато отличаются некоторой отвагой, задиристостью, любовью к спиртному, добрые и благородные чудаки, дети, слуги и т.д.

¹ «failed from want of experience of my subject... never having been intimate with any convict in my life, and the manners of ruffians and gaol-birds being quite unfamiliar to me... unless the painter paints him fairly, I hold he has no right to show him at all» [2, с. 9].

Название «Ярмарка тщеславия» писатель заимствовал у Дж. Баньяна, который в своём произведении «Путешествие пилигрима в небесную страну» повествует о городе, в котором круглый год идет ярмарка тщеславия. Однако данное словосочетание у Теккерея уже встречается и на страницах «Книги снобов»: «Man is a Drama – of Wonder and Passion, and Mystery and Meanness, and Beauty and Truthfulness, and Etcetera. Each Bosom is a Booth in Vanity Fair» [3, с. 144].² Изначально, в рукописном варианте, роман имел название «The Novel without a Hero: Pen and Pencil Sketches of English Society» [5, с. 384] («Роман без героя: зарисовки английского общества, выполненные карандашом и ручкой»)³, и лишь спустя некоторое время У. Теккерей пришла мысль изменить название своего шедевра, чем автор был очень доволен.

Ирония, юмор, сарказм, сатира – все есть в этом романе, однако же, в нем появляется и некоторый лиризм. Персонажи «Ярмарки тщеславия» не так однозначны, как персонажи «Из записок Желтоплюша», они, в конце концов, ощущают, если не полное раскаяние, то хотя бы сожаление о своих каких-либо неблагоприятных поступках. Так, Джордж Осборн, уходя на войну, грустит о том, что недостаточно любил Эмми. Его отец также раскаялся в том, что отрекся от сына, и попытался, как мог, исправить ситуацию. Родон Кроули – повеса и забияка – также кардинальным образом меняется и становится любящим отцом и семьянином. Положительных же героев ждет в конце романа заслуженное счастье. И.И. Бурова считает, что У. М. Теккерей в этом романе изначально закладывал в своих героев положительные качества, а потом подвергал их испытаниям, показывая борьбу, происходящую в душах героев.

Отличительной особенностью данного романа являются отступления, которые многие исследователи склонны именовать «авторскими» [6–8]. И.И. Бурова даже допускает, что они могут принадлежать реальному автору. «Одной из наиболее ярких характеристик стиля У. М. Теккерея в романах зрелого периода творчества являются многочисленные авторские отступления, которые вписываются в повествование в качестве комментариев подлинного или вымышленного автора» [6, с. 115]. По мнению И.И. Буровой, у У. М. Теккерея на протяжении практически всего действия обязательно присутствует автор, «являясь проводником психологического воздействия произведения на читателя и расставляя дополнительные акценты» [6, с. 120]. Она считала, что это именно автор, а повествователь в лице, например, Артура Пенденниса появился в творчестве У. М. Теккерея несколько позже. Многие современники писателя обвиняли его в том, что он слишком часто прибегает к этим отступлениям, что они портят роман. И.И. Бурова в своей монографии приводит цитату рецензента из «Атенеума», который считал, что из-за вставок длинных микроэссе в текст роман превращается в «лекцию господина Теккерея о группе героев» [6, с. 116]. Там же мы читаем о точке зрения П. Лаббока, который считал, что «ошибка Теккерея заключалась в том, что, позволив читателю выработать свое собственное отношение к героям и событиям, писатель в авторских отступлениях либо повторялся, либо внушал своей публике нечто совершенно противоположное» [6, с. 116]. Мы же придерживаемся точки зрения таких исследователей, как М. Бахтин, В.А. Смолл, В. Шмид, которые полагали, что автор никогда и ни при каких обстоятельствах не может появиться на страницах своего произведения как реальное лицо, т.к. реальную личность в его окружающей действительности невозможно воспроизвести в художественном произведении: «Даже если автор «создал автобиографию или правдивейшую исповедь, все равно он, как создавший её, остается вне изображенного в ней мира» [9, с. 405]. «By his single existence in the fiction the "I" assumes all the fictiveness of the work he purports to write» [10, с. 20] («Только лишь из-за своего присутствия в вымысле, «Я» автора тут же становится вымышленным, становится частью того произведения, которое он поставил себе целью написать»). «Не подлежит сомнению, что литературные произведения могут содержать лексические или идеологические "места", где непосредственно звучит голос автора. Но установление таких "мест" находится в зависимости от субъективного прочтения текста и от индивидуальных представлений об авторе. Кроме того, все слова и идеи, представляющие, как кажется, самого автора, в силу их принципиальной фиктивности подвергаются объективизации и релятивизации» [11, с. 30–31].

Разделяя точку зрения о том, что автор, появляясь внутри текста, тут же начинает принадлежать этому тексту, миру произведения и становится вымышленным, нереальным, фиктивным, как и само повествование, мы полагаем, что все комментарии и отступления в произведении принадлежат не автору как реальному человеку, а нарратору.

В романе «Ярмарка тщеславия», на наш взгляд, речь идет не просто о нарраторе, а об авторской маске, под которой О.Ю. Осьмухина предлагает понимать «форму репрезентации автора "реального" в пределах художественного произведения, воплощенную в образе фиктивного автора-нарратора, который мистифицирует читателя игровым тождеством / несоответствием (биографическим и стилистическим) с ним и выдаёт предлагаемый читателям текст за собственное сочинение» [12, с. 9]. В. А. Смолл полагает, что термины «авторская маска» и «нарратор» взаимозаменяемые, и использует оба термина как синонимы. Однако исследователь также утверждает, что «all narrators who seem, either overtly or by implication, to be in the role of author of their tale ... are, willy-nilly, classified as personae. ... such a definition is insufficient» [10, с. 15] («будет необоснованным считать авторскими масками всех нарраторов, которые либо прямо, либо косвенно выступают в роли авторов своих произведений»). Он считает, что авторская маска находится где-то между автором и нарратором, чтобы её определить требуются некоторые усилия и даже знания, навыки. Авторская маска сродни скрытому смыслу в ироничном высказывании. Она словно намекает на что-то, заставляет задуматься. Она нужна, чтобы не прямо сказать,

² «Человек есть драма – драма Чудес и Страстей, Тайн и Подлости, Красоты и Верности и т.п. Каждая Грудь есть Палатка на Ярмарке Тщеславия» [4, с. 488].

³ Здесь и далее перевод наш – Н.Ш.

а намекнуть, и этот намек поймет каждый читатель по-своему, в соответствии со своим видением мира, моральными принципами, кругозором и т.д. В. А. Смолл подчеркивает, что термин «авторская маска» применим не ко всем типам нарраторов и выделяет в своем исследовании ряд отличительных черт и маркеров, помогающих идентифицировать авторскую маску в произведении. Некоторые из маркеров авторской маски в романе «Ярмарка тщеславия» будут рассмотрены нами ниже.

Несмотря на то, что термин авторская маска был введен К. Д. Малгремом лишь в XX в., некоторые исследователи находят и анализируют её в более ранних произведениях. Так, О.Ю. Осьмухина отмечает, что авторская маска уже присутствует в древнерусской словесности в таких жанрах как, например, эпистолография, травелог, моление, которые не вписывались в существующие каноны и могли содержать автобиографические сведения, а также размышления автора. Мы же, опираясь на результаты исследований В. А. Смолла и О.Ю. Осьмухиной и предложенные ими признаки, маркирующие появление авторской маски в произведении, попытаемся рассмотреть отличительные черты авторской маски в романе У. М. Теккерея «Ярмарка тщеславия».

Начинается роман вступлением «Перед занавесом», где Кукольник держит вступительное слово, знакомит нас с действующими лицами, окружающей обстановкой и предстоящими событиями. После вступительной главы мы словно начинаем слышать ещё один голос, отмечаем появление ещё одного повествователя. Если первый, Кукольник, в колпаке с бубенцами выводит и представляет нам новых персонажей, то второй, Моралист-Проповедник, хоть и одет в шутовской наряд, как и его паства, и не носит широкополую шляпу и облачение с белым воротничком, обращается к читателям «братья мои» и стремится говорить одну лишь правду, намерен, если герои романа «окажутся хорошими и милыми, хвалить их и жать им руки; если они глуповаты, украдкой посмеяться над ними вместе с читателем; если же они злы и бессердечны, порицать их в самых суровых выражениях, какие только допускает приличие» [14, с. 95].⁴

При смене голосов меняется и тон повествования. Представление новых героев Кукольником осуществляется в несколько насмешливом тоне, с элементами иронии, гротеска. Тогда как рассказывая о них, Проповедник абсолютно серьёзен. Он рассказывает нам, каковы наши герои на самом деле, под маской, а также что повлияло на приобретение ими тех или иных черт, стиля поведения, отношения к жизни и окружающим. Например, Джозеф Седли появляется перед нами таким: «Очень полный, одутловатый человек в кожаных штанах и в сапогах, с косынкой, несколько раз обматывавшей его шею почти до самого носа, в красном полосатом жилете и светло-зеленом сюртуке со стальными пуговицами в добрую крону величиной (таков был утренний костюм щеголя, или денди, того времени) читал газету у камина, когда обе девушки вошли; при их появлении он вскочил с кресла, густо покраснел и чуть ли не до бровей спрятал лицо в косынку» [14, с. 26].⁵ Он имел в Лондоне отдельную квартиру, катался по Парку на собственных лошадях, обедал в модных трактирах, был театралом, появлялся в опере старательно наряженный. На первый взгляд перед нами один из первых франтов столицы. Однако позже другой голос повествует нам об истинном положении вещей: Джозеф боялся женщин, никак не мог освободиться от своей тучности из-за лени и привычки ни в чём себе не отказывать, зато перепробовал все возможные пояса и корсеты, чтобы придать себе стройности, всячески украшал себя, пользовался помадами и эссенциями, носил тесные, яркие костюмы юношеского покроя. «Это был лентяй, брюзга и бонвиван; ... он был так же одинок в Лондоне, как и в джунглях своего Богли-Уолаха. ... Джозеф не знал здесь ни одной живой души, и если бы не доктор да развлечение в виде каломели и боли в печени, он совсем погиб бы от тоски» [14, с. 30].⁶

Таким образом, на наш взгляд, в тексте романа достаточно явно выделяются два образа – Кукольник и Проповедник. Другие исследователи также отмечают присутствие нескольких голосов, точек зрения. Е. Кирикова считает, что в данном произведении, «уничтожая фигуру всеведущего Автора, Теккерей выдвигает вместо нее множество рассказчиков, в разной степени степени осведомленных» [7, с. 10]. Исследователь полагает, что в романе «не один повествователь / Кукольник /, а несколько в разной степени охарактеризованных масок, скрывающих Автора» [7, с. 8]. Она видит в «Ярмарке Тщеславия» как бы два романа: «один – видимый, внешний, базирующийся на традиции морализаторской прозы; другой – скрытый, основанный на переосмыслении этой традиции. Первый идет от повествователя, второй строится как альтернатива ему и раскрывает Авторскую точку зрения. Повествователь морализирует на заданную тему, тогда как Автор иронизирует над традиционными жанрами, оспаривая аксиомы общественного мнения» [7, с. 10]. Н.Я. Дьяконова указывает на двойственный облик У. М. Теккерея в данном произведении: «Проповедник и шут, весельчак и трагик, исследователь жизни и ее отражения в литературе – таков двойственный облик Теккерея в его лучшем романе» [15, с. 6]. Дерек Мак-Дермотт предлагает выделять в «Ярмарке тщеславия» две маски и два голоса. Во-первых, это маска и голос «omniscient author» (всезнающего автора) и, во-вторых, маска и голос «narrator historian» (историка-повествователя) [16, с. 10]. Первый знает все детали, необходимые для повествования, и он располагает сцены в том порядке, какой, по его

⁴ «are good and kindly, to love them and shake them by the hand: if they are silly, to laugh at them confidentially in the reader's sleeve: if they are wicked and heartless, to abuse them in the strongest terms which politeness admits of» [13, с. 72].

⁵ «A VERY stout, puffy man, in buckskins and Hessian boots, with several immense neckcloths that rose almost to his nose, with a red striped waistcoat and an apple green coat with steel buttons almost as large as crown pieces (it was the morning costume of a dandy or blood of those days) was reading the paper by the fire when the two girls entered, and bounced off his arm-chair, and blushed excessively, and hid his entire face almost in his neckcloths at this apparition» [13, с. 16].

⁶ «He was lazy, peevish, and a bon-vivant; ... he was as lonely here as in his jungle at Boggley Wollah. ... He scarcely knew a single soul in the metropolis: and were it not for his doctor, and the society of his blue-pill, and his liver complaint, he must have died of loneliness» [13, с. 18].

мнению, способствует наилучшему восприятию истории. Он может подолгу останавливаться на небольшом эпизоде, а также забежать далеко вперед в описании событий. Второй же более реалистичен и ограничен чисто человеческими способностями перемещаться во времени и пространстве. В.А. Смолл в своей работе упоминает исследователя, который настолько чётко различал двух повествователей в «Ярмарке тщеславия», что даже приписывал им пол.

Проанализировав изложенные точки зрения, мы полностью поддерживаем мнения большинства исследователей о том, что в романе несколько голосов, несколько вариантов прочтения описываемых событий, несколько точек зрения. Однако нам кажется, что мы имеем дело не с несколькими повествователями и не с Автором и Повествователем с разными позициями и взглядами на окружающую действительность. На наш взгляд, в данном произведении мы имеем дело с одним нарратором, представленным двумя, выделенными ранее образами – Кукольника и Проповедника. В «Ярмарке тщеславия» Проповедник и Кукольник – это одно и то же лицо, происходит лишь смена ролей: Кукольник спускается с подмостков и снимает маску. Данное явление весьма схоже с тем, которое мы встречали в произведении «Книга снобов, написанная одним из них». Там также были представлены два образа – Фрэнк Сноба и молодого журналиста-литератора тоже с фамилией Сноб. В «Книге снобов» оба Сноба, хоть и имеют разные адреса, все же оказываются одновременно в одном и том же месте, как один персонаж, т.е. происходит слияние двух образов в один.

В.А. Смолл считает, что в «Ярмарке тщеславия» мы имеем дело с «combination of the two in the one speaking voice which constitutes a persona, and that the duality exists in the one entity rather than as two beings performing the function of narrator» (слиянием двух голосов в один, который принадлежит маске, с двойственностью одного лица, а не с двумя отдельными повествователями) [10, с. 194]. Об этом же говорит и Е. Кирикова, которая хоть и предлагает различать позиции Автора и Повествователя, все же допускает, что «оценки повествователя иногда производят впечатление Авторских. Дистанция между ними непостоянна, что нередко рассматривается как колебания самого Теккерей между дидактизмом и ироническим самоотрицанием» [7, с. 9]. Дерек Мак-Дермотт также полагает, что в романах «Ярмарка тщеславия» и «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага» У. М. Теккерей попытался использовать метод двух голосов, однако ни один из голосов не может существовать без другого, а только в неразрывном сочетании: «He needs the one that knows enough to tell the story and that at the same time can reflect upon it to give it meaning/and he needs the other which is in the real world of the story; but they cannot exist together as separate entities. They must be fused» [16, с. 40] («Ему необходим тот, который знает достаточно, чтобы рассказать историю и в то же время поразмышлять над ней, придать ей значение/и ему нужен другой, который будет принадлежать реальному миру рассказываемой истории; но они не могут существовать вместе как отдельные сущности. Они должны быть слиты воедино»). А. А. Климонтова считает, что в данном произведении мы имеем дело со «сложным образом шута, обладающим качествами мудреца» [8, с. 34], чему способствует игра автора в знание-незнание, смена масок и точек зрения.

Кукольник и Проповедник, дополняя друг друга, предоставляют читателю полный и правдивый портрет личности героя с его внутренним миром, жизненной позицией, морально-нравственными установками. Как и в «Книге снобов» Сноб – один из них, такой же, как все остальные, так и в «Ярмарке тщеславия» Кукольник такой же участник ярмарки, как и все остальные. Подобное присутствие нескольких голосов, отсутствие четких границ между автором и повествователем, наличие нескольких точек зрения, а также многочисленные вступления/отступления, переход от местоимения «Я» к местоимению «Он», а также переход от прямой речи к косвенной маркируют появление авторской маски.

Еще одним маркером авторской маски может стать игра со временем и пространством. На протяжении романа повествователь то забегает вперед, то начинает вспоминать прошлое. Вот он сидит в почтовой карете вместе с героями, видит, как молодой человек из Кембриджа заботливо укутывает Ребекку в одну из своих шинелей, затем же мы понимаем, что описываемые события – это лишь воспоминания повествователя о далеком прошлом, о котором он рассказывает с радостным и нежным сожалением. Спустя мгновение, нарратор предлагает высадиться у ворот Королевского Кроули и посмотреть, как там поживает мисс Ребекка (хотя она еще только едет туда), а затем в виде письма к Эмили повествует о жизни Ребекки у Сэра Питта в течение минимум недели.

Ирония, которая постоянно присутствует на страницах произведений У. М. Теккерей, также является одним из главных маркеров авторской маски, по мнению В. А. Смолла. Ярким примером иронии может служить эпизод, описывающий приготовления к отъезду Эмили и Джорджа Осборна из Брайтона: «Эмили поднялась спозаранку и очень живо и ловко уложила свои маленькие чемоданы, между тем как Джордж лежал в постели, скорбя о том, что у его жены нет горничной, которая могла бы ей помочь» [14, с. 289].⁷ Джордж «скорбел», но даже не поднялся с кровати, чтобы помочь жене. В. А. Смолл полагает, что мы можем почувствовать, определить авторскую маску таким же образом, каким мы чувствуем иронию. Как за ироническим высказыванием виден истинный смысл фразы, так и за маской проглядывает лик автора.

Одним из маркеров авторской маски в произведении В. А. Смолл считает такую ситуацию, когда история рассказывается одновременно и как факт, и как вымысел. Или, если быть более точными, то история рассказывается как вымышленная, но при этом есть некоторые указания на то, что все события происходили в реальности:

⁷ «Amelia had risen very early in the morning, and packed her little trunks with the greatest alacrity, while Osborne lay in bed deploring that she had not a maid to help her» [13, с. 216].

«that it deliver the tale as both fact and fiction, or more precisely narrate the tale as fiction while appearing to relate it as known fact» [10, с. 142]. В романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» мы находим и этот маркер. Во вступлении к роману говорится, что все описываемые события – часть театрального представления, имевшего успех у зрителей, и что все его герои лишь куклы. «Что еще может сказать Кукольник? Разве лишь упомянуть о благосклонности, с какой представление было принято во всех главнейших английских городах, где оно побывало и где о нем весьма благоприятно отзывались уважаемые представители печати, а также местная знать и дворянство. Он гордится тем, что его марионетки доставили удовольствие самому лучшему обществу нашего государства [14, с. 8].⁸ Тем самым читателя настраивают на то, что вся история – абсолютный вымысел. Однако позже мы видим, что нарратор находился, так сказать, в гуще описываемых событий и сидел рядом с героями в карете при путешествии в Воксхолл: «Сядем поэтому в карету вместе с компанией с Рассел-сквер и поедem в сады Воксхолла. Мы едва найдем себе местечко между Джозом и мисс Шарп, которые сидят на переднем сиденье. Напротив жмутся капитан Доббин и Эмилия, а между ними втиснулся мистер Осборн» [14, с. 63–64].⁹ Он знал Эмилию и общался с ней: «я слышал, со слов Эмили» [14, с. 196].¹⁰ Ближе к концу романа рассказывается о том, что нарратор познакомился с Эмилией, Джозом и майором Доббином в городке Пумперникеле, и после этого весь роман уже представлен как история, рассказанная ими. «Именно во время этого путешествия я, автор настоящей повести, в которой каждое слово – правда, имел удовольствие впервые увидеть их и познакомиться с ними» [14, с. 719].¹¹ Помимо упоминания о встречах с героями романа, появляется некий Том Ивз, который сообщает нарратору некоторые факты: «...как сообщил мне мой осведомитель, маленький Том Ивз, который все решительно знает и который показывал мне эти места» [14, с. 537].¹² «Упомянутый раньше Том Ивз (который не имеет никакого отношения к нашему рассказу, за исключением того, что знает весь лондонский свет, а также историю и тайны всех знатных фамилий) сообщил мне дальнейшие сведения относительно миледи Стайн, возможно достоверные, а возможно и выдуманные» [14, с. 539].¹³ Нарратор – такой же участник описываемых событий, как и все герои. По некоторым причинам, однако, он не может проникнуть туда, куда ему хотелось бы. И тут услуги его осведомителя оказываются как нельзя более кстати. Таким образом, существует некоторое количество указаний на то, что для нарратора мир романа и его герои реальны.

Поскольку эти попытки ввести нарратора в мир произведения появляются в основном ближе к концу романа, создается впечатление, что в самом начале своей работы над «Ярмаркой тщеславия» у Теккерея не было такого намерения. Он вполне был доволен даром всезнания, когда подобно «лунному свету мог проникнуть в любой уголок». «Я знаю, где Эмилия прячет пакет с письмами, и могу пробраться в ее комнату и исчезнуть незаметно, как Иакимо... Как Иакимо? Нет, это некрасивая роль. Лучше я поступлю, как Лунный Свет, и, не причиняя вреда, загляну в постель, где грезят во сне вера, красота и невинность» [14, с. 136].¹⁴ Он был доволен своей объективностью в описании персонажей и критике событий, применив сложную маску и меняя роли. Однако, возможно, начал осознавать, что, подписавшись впервые своим настоящим именем и наполнив роман многочисленными отступлениями и комментариями, стал проявлять слишком явно собственные взгляды и суждения. Как уже упоминалось выше, многие комментарии приписывались ему лично, его обвиняли в излишнем морализаторстве. Введение нарратора в мир произведения стало попыткой У. М. Теккерея дистанцироваться от романа.

О ней же говорят в своих исследованиях В. А. Смолл, Дерек Мак-Дермотт, Е. Кирикова. Дистанцироваться, на наш взгляд, означает отказаться от излишнего дидактизма, столь характерного для произведений XIX в. К. Малмгрен отмечает, что в период реализма нарратор занимал привилегированную непрерываемую, даже диктаторскую позицию над планом вымышленного мира, свободно перемещался в пространстве произведения, проникал во все уголки, за все закрытые двери и даже в мысли персонажей, отпускал замечания, комментировал и высказывал суждения абсолютно обо всем в этом созданном мире. Своими комментариями он призывал читателя занять ту же позицию, принять такую же точку зрения, направлял, контролировал читательский отклик. К. Малмгрен в одной из своих статей приводит слова Роберта Скоулза, который сравнивал викторианских нарраторов с капиталистами на фабриках: «In the heyday of the “liberal” novel (the 19th century) author-narrator-entrepreneurs ruled their fictional worlds as despotically as the laissez-faire capitalists ruled their factories» [17, с. 475] («В период расцвета “либерального романа” (XIX век) авторы-нарраторы управляли своими вымышленными мирами также деспотично, как безгранично властвовали на своих фабриках капиталисты»).

⁸ «What more has the Manager of the Performance to say?—To acknowledge the kindness with which it has been received in all the principal towns of England through which the Show has passed, and where it has been most favourably noticed by the respected conductors of the public Press, and by the Nobility and Gentry. He is proud to think that his Puppets have given satisfaction to the very best company in this empire» [13, с. 8].

⁹ «Let us then step into the coach with the Russell Square party, and be off to the Gardens. There is barely room between Jos and Miss Sharp, who are on the front seat. Mr. Osborne sitting bodkin opposite, between Captain Dobbin and Amelia» [13, с. 46].

¹⁰ «I have heard Amelia say» [13, с. 147].

¹¹ «It was on this very tour that I, the present writer of a history of which every word is true, had the pleasure to see them first and to make their acquaintance» [13, с. 563].

¹² «as my informant (little Tom Eaves, who knows everything, and who showed me the place) told me» [13, с. 417].

¹³ «The before-mentioned Tom Eaves (who has no part in this history, except that he knew all the great folks in London, and the stories and mysteries of each family) had further information regarding my Lady Steyne, which may or may not be true» [13, с. 419].

¹⁴ «I know where she kept that packet she had – and can steal in and out of her chamber like Iachimo – like Iachimo? No – that is a bad part. I will only act Moonshine, and peep harmless into the bed where faith and beauty and innocence lie dreaming» [13, с. 103].

В творчестве У. М. Теккерея, по мнению И.И. Буровой, моралистические тенденции были очень сильны. Эта же исследовательница считает, что У. М. Теккерей включал в повествование отступления и комментарии, так как очень беспокоился о том, чтобы его герои и его собственные мысли были правильно восприняты читателями. Однако творчество У. М. Теккерея, помимо морализирования на ту или иную тему, отличает и стремление к максимально достоверному отображению действительности, к правдивости и объективности, реалистичности изображаемых характеров. Писатель применяет сложную авторскую маску, представленную несколькими образами, которая сама по себе уже лишает нарратора роли строгого наставника, пророка, диктатора, высказывающего однозначные суждения, выражающего неоспоримую позицию, навязывающего свою точку зрения, поскольку предполагает наличие нескольких точек зрения и несколько вариантов прочтения событий. Кроме авторской маски, помимо иронии, которой буквально пронизаны все произведения У.М. Теккерея, писатель дополнительно использует приём введения рассказчика. Рассказчик такой же участник событий, он всего лишь пересказывает историю, услышанную от других, и все комментарии и отступления не воспринимаются уже как единственно верные. Их цель – привлечь читателя к размышлению, к дискуссии. По мнению И.И. Буровой, постоянное присутствие в романе автора, который неизвестно какими путями познакомился со всеми персонажами, чревато опасностью нарушения иллюзии подлинности описываемых событий. Она полагает, что повествовательная манера может стать значительно правдивее, а изображение событий правдоподобнее, когда всеведущего автора, сменяет рассказчик «плоть от плоти этого вымышленного мира» [6, с. 120–121].

Показывая события с нескольких сторон, снимая маски с персонажей, У. М. Теккерей лишь стимулирует мыслительную деятельность читателей, побуждает их остановиться и подумать, выработать свой взгляд на описываемую проблему. Он высказывает мнения без утверждения правильности какого-либо из них, морализирует, но не прибегает к дидактике. В этом и проявляется новаторство автора для литературы того времени. В своем стремлении к максимальной объективности и правдивости он, не оставляя морализаторских ноток, показывает и другую точку зрения. Данный приём оказался У.М. Теккереем удачным, так как получил свое дальнейшее развитие в романе «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага», где нарратор поведал историю, основанную целиком на рассказах главного героя и лиц, свидетелей происходящего, а также на сведениях, почерпнутых из писем, дневников, записок. В последующих произведениях приёмы, позволяющие У.М. Теккереему отказаться от роли всезнающего автора, все больше усложняются. В «Истории Генри Эсмонда, эсквайра, полковника службы ее величества королевы Анны, написанная им самим» о событиях рассказывает он сам, а изданы они его дочерью Рэйчел Эсмонд Уорингтон. В романе «Ньюкомы. Жизнеописание одной весьма почтенной семьи, составленное Артуром Пенденнисом, Эсквайром» появляется рассказчик – Пенденнис, друг Ньюкомов, который повествует о событиях и комментирует их.

Заключение. Таким образом, нам представляется правомерным считать многочисленные отступления и комментарии в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» принадлежащими нарратору или же авторской маске. Появление авторской маски в романе маркируют ряд признаков и приёмов. Авторская маска в данном произведении представлена двумя образами Кукольника и Проповедника, что позволяет рассмотреть проблемы и черты характера героев под разными углами, с различных точек зрения. Такая неоднозначная трактовка событий и поведения персонажей стимулирует мыслительную и оценочную деятельность читателей, их эмоциональный отклик. Помимо сложной авторской маски, представленной двумя образами, У. Теккерей использует приём введения нарратора в мир произведения. Данный прием, как и авторская маска, позволяют лишить нарратора привилегированной позиции над миром произведения, избежать излишнего дидактизма и непрерываемости, способствует реализации принципа правдивого отображения действительности, которому У. М. Теккерей оставался верен на протяжении всего творческого пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теккерей У. История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага; пер. с англ. М. Лорие // Собр. соч.: в 12 т. – М.: Худож. лит., 1976. – Т. 5. – 430 с.
2. Thackeray W. M. The History of Pendennis: his Fortunes and Misfortunes, his Friends and his Greatest Enemy // The Work: in 22 Vol. – London: Smith, Elder, 1868. – Vol. 1. – 448 p.
3. Thackeray W. M. The Book of Snobs. – London: Bradbury and Evans, 1856. – 169 p.
4. Теккерей У. Записки Барри Линдона. Роман. Книга снобов. Очерки; пер. с англ., под общ. ред. А. Аникста, М. Лорие, М. Урнова // Собр. соч.: в 12 т. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 3. – 544 с.
5. Ray G. N. Thackeray. The Uses of Adversity 1811–1846. – New York: McGraw-Hill, 1955 – Vol. 1. – 537 p.
6. Бурова И.И. Романы Теккерея: Становление реалистического психологизма в английской литературе середины XIX века. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 144 с.
7. Кирикова Е.Е. Творчество Теккерея и поэтика английского романа. Роль повествователя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. – М., 1993. – 21 с.
8. Климонтова А.А. Формы авторского присутствия в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2013. – № 72. – С. 32–34.
9. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
10. Small V. A. The Authorial Persona: A Truth Conditional Account. – thesis ... PHD. – University of Canterbury, 1984. – 360p.
11. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

12. Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе 1760 – 1830-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2009. – 495 с.
13. Thackeray W. M. *Vanity Fair. A Novel Without a Hero*. – London: Bradbury and Evans, 1849. – 624 p.
14. Теккерей У. Ярмарка тщеславия. Роман. Пер. с англ., под общ. ред. А. Аникста, М. Лорие, М. Урнова. Послесл. А. Аникста. Примеч. М. Лорие и М. Черневич // Собр. соч.: в 12 т. – М.: Худож. лит., 1976. – Т. 4. – 832 с.
15. Дьяконова Н. Я. «Литературность» Теккерея // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1998. – Т. 57. – № 5. – С. 3–14.
16. Derek McDermott B. A. *Vanity Fair, Pendennis, Esmond, and The Newcomes: A Study in the Element of Dramatic Form in the Central Novels of W. M. Thackeray; A Thesis for the Degree Master of Arts*. – Hamilton : McMaster University, 1967. – 97 p.
17. Malmgren Carl D. Reading Authorial Narration: The Example of *The Mill on the Floss* // *Poetics Today*. – 1986. – Vol. 7, No. 3 – P. 471–494.

Поступила 20.10.2022

**PECULIARITIES OF AUTHORIAL MASK
IN THE NOVEL BY W. M. THACKERAY “VANITY FAIR”**

N. SHYSHKOVA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

In this article some peculiarities of authorial mask in the novel “Vanity fair” by W. Thackeray are considered. Some authorial mask markers are enumerated. Structure of the authorial mask is analyzed, which is represented in this novel it by two characters: the Manager of the performance and the Preacher. Some reasons for the choice of this type of mask are considered. Different opinions as to the number of narrating stances and are analyzed. Main reasons and ways for the narrator to deprive himself of the privileged position are examined.

Keywords: *authorial mask, author’s comments, narrator, markers, narrating stances.*

УДК 811'243'37'367.622.12

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-145-147

СЕМАНТИКА И РЕФЕРЕНЦИЯ КОМПОНЕНТОВ МОДЕЛИ N_1 DE N_2

канд. филол. наук, доц. А.А. КИРЮШКИНА

(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7107-9949>

Словосочетания N_1 de N_2 представляют собой полисемантическую внутренне дробную модель, обладающую рядом значений, состоящих в оппозитивных или гипонимических отношениях друг к другу. Автором предпринимается попытка анализа словосочетаний данной модели на базе совокупности критериев: реализации референции компонентами модели, семантической спаянности и согласованности N_1 и N_2 , а также реализации ими первичного / вторичного значения с тем, чтобы определить и дифференцировать пути переосмысления компонентов N_1 de N_2 и их роль в создании семантического центра модели.

Ключевые слова: словосочетания модели N_1 de N_2 , семантика, говорящий субъект, референция, семантическая структура, первичное/вторичное значение.

Словосочетания модели N_1 de N_2 не обойдены вниманием лингвистов: они неоднократно изучались в плане выявления отношений их составляющих и квалификации в целом, были предметом исследования целого ряда работ, касающихся как общей теории словосочетания, так и его различных характеристик. В результате выявлены критерии определения синтаксических отношений в словосочетании, установлены семантические типы внутри атрибутивных, определенных, объектных/субъектных, обстоятельственных, количественных словосочетаний. Особое внимание уделено семантико-грамматическому статусу зависимого компонента словосочетания, изучению различных средств выражения и определения спаянности компонентов, семиологическим характеристикам именного словосочетания в целом и т.п.

Неизменность структуры не исключает способности словосочетания N_1 de N_2 фиксировать и отображать достаточный широкий круг разного рода отношений, связывающих в реальной действительности референты имен в позиции N_1 и N_2 . В то же время для модели характерна однородность синтаксических отношений её компонентов: это неизменно подчинительные отношения определяемого и определяющего. При этом семантике анализируемой модели однородность не свойственна.

Структура словосочетания с внутренним артиклем достаточна для первичной актуализации модели, что отражается в соотносительности денотативных компонентов семантических структур имен N_1 и N_2 . Оба компонента словосочетания используются в своей прямой номинативной функции: семантическая нагрузка и референция имени (N_1 , N_2) в данном синтагматическом ряду совпадают с его статусом в системе языка. Иными словами, лексические единицы актуализируют первичное значение, осуществляя прямую референцию. При этом каждое имя отсылает к соответствующему объекту окружающей действительности, и, как следствие, словосочетание называет два отдельных референта. Важно отметить, что в данном случае зависимый компонент (N_2) обозначает действительно существующий референт.

Отсутствие внутреннего артикля чаще всего указывает на десубстанциацию второго компонента N_2 , который, теряя значение предметности, начинает выполнять роль прилагательного и выступает в качестве определения: «без детерминативов, которые выступают как актуализаторы существительного, последнее не может выполнять свои основные синтаксические функции» [1, с. 157]. Иначе говоря, компонент N_2 без артикля берется в значении признака, абстрагированного от объекта: *son sourire d'enfant, une pluie d'été*.

Таким образом, наличие/отсутствие внутреннего артикля перед N_2 обычно связывают с наличием/отсутствием грамматического значения предметности этого компонента: если N_2 отсылает к реально существующему, конкретному предмету, – имя оформляется артиклем; в тех случаях, когда N_2 передает значение обобщенного, абстрагированного от предметности признака, артикль отсутствует. Так, например, существительное *le regard* и существительное *la bête* могут входить в два словосочетания (с внутренним артиклем и без внутреннего артикля): *(le) regard de la bête* и *(un) regard de bête*. В первом случае имя «*la bête*» обозначает реальное существо – животное, во втором «*de bête*» должен обозначать его признак.

Для анализируемых выше словосочетаний характерна синтаксическая членимость компонентов и сохранение именами N_1 и N_2 первичных значений. Речь идет о словосочетаниях свободных в лексическом и грамматическом аспектах: «В свободных словосочетаниях сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в него знаменательных слов; синтаксическая связь его компонентов является живой и продуктивной» [2, с. 469]. Семантическая референция имени *regard* или имени *enfant* к понятиям «*regard*»/«*enfant*» («взгляд» / «ребенок») не нарушается ни в структуре с внутренним артиклем *le regard de l'enfant*, ни в структуре без внутреннего артикля *un regard d'enfant*: N_1 и N_2 берутся в их первичном значении. Ср.: *Enfant – garçon ou fille dans l'âge de l'enfance* [3, с. 361]. В первом случае имя *(de) l'enfant* обозначает реальное существо – «ребенок», во втором – *d'enfant* → *enfantin* обозначает признак – «детский».

Структурно-семантическая разложимость элементов свидетельствует о свободном словосочетании, отсутствии такой членимости – о его семантической спаянности: «В несвободных словосочетаниях лексическая самостоятельность одного или обоих его компонентов ослаблена или утрачена...» [2, с. 469]. С точки зрения структурно-смысловой разложимости различают две как бы «крайние» точки: фразеологизмы, т.е. семантически и структурно абсолютно неделимые образования и свободные – регулярные – словосочетания, полностью разложимые в структурном и семантическом отношении, со свободно заменяемыми и подвижными элементами.

Наибольший интерес представляют структуры, занимающие промежуточное положение (между фразеологическими и свободными словосочетаниями): в них семантическая спаянность не достигает крайней степени, но в то же время не обнаруживается и полная семантико-синтаксическая разложимость. В словосочетаниях типа *les cheveux d'or*, *le ciel de plomb* компонент N_2 также передает значение признака. Согласно дефинициям имен в позиции N_2 *Or – métal d'un jaune brillant, dense, très ductile, inaltérable à l'air et à l'eau et qui a une très grande valeur commerciale* [3, с. 702]; *Plomb – Métal lourd d'un gris bleuâtre, très dense, mou, facile à travailler* [3, с. 776], наиболее вероятным образом семантическое согласование с N_1 происходит на базе признаков сем цвета: *le ciel de plomb* → *d'un gris bleuâtre*, *les cheveux d'or* → *d'un jaune brillant*. При этом в первом случае возможно расширение сочетаемости за счет семы *très dense*: *le ciel de plomb* → *très dense*, что может быть обусловлено личным впечатлением говорящего субъекта. Подобная вербализация субъективного восприятия базируется на сопоставлении признака, приписываемого *le ciel* с общеизвестным признаком *plomb*. Таким образом, в результате скрытого сравнения признаков возникает переносное значение.

В *un regard d'enfant* нет сравнения с ребенком: возрастной признак *d'enfant* (детский) передает наивность, беспомощность взгляда как типичное свойство, что вполне нормально и для взгляда взрослого человека – мужчине, женщине также может быть присущ детский (наивный, беспомощный) взгляд. Вместе с тем структурно аналогичные словосочетания типа *le regard de la bête* и *un regard de bête* отражают иные семантические отношения компонентов. Несмотря на возможность перехода (de) N_2 без внутреннего артикля в прилагательное (*de bête* → *bête*), словосочетания *un regard de bête* и *un regard bête* семантически не тождественны. В отличие от прилагательного *bête* (*un regard bête*) – *глупый, бес-толковый, неумный, несообразительный* (не типичный, но допустимый признак для взгляда человека), в словосочетании *un regard de bête* взгляду человека приписывается типичный признак животного. Ср.: *Bête (syn. animal) – 1. Être vivant, doué de sensibilité et de mouvement; être vivant en général, privé de raisonnement et de langage* [3, с. 58].

Раскрыть семантические связи, на которых основано отношение соположенных единиц, позволяет другое прилагательное, производное от *bête* – *bestial*. Ср.: *Bestial – qui tient de la bête, qui fait ressembler à la bête* [3, с. 71]). Как видим, его семантика содержит имплицитное сравнение. Если проследить процесс перехода первичного производного значения (de) N_2 в переносное: *un regard d'enfant* → *enfantin* и *un regard de bête* → *bestial comme celui de la bête*, то можно сказать, что в первом случае N_2 , со всей очевидностью, теряет предметность.

Отметим, что вопрос об обусловленности сохранения категориального значения предметности существительным наличием либо отсутствием артикля, детерминирующего данное существительное, не нашел окончательного ответа. Профессор Л.И. Илия, разделяя точку зрения Г. Гийома о предельной обобщенности предметно-понятийного содержания имени, не оформленного артиклем, однако утверждает: «В определенных, безусловно ограниченных, условиях отсутствие артикля не исключает значения несомненной и даже непосредственной отнесенности существительного к предмету реальной действительности...»¹. В очерченный круг подобных «ограниченных условий» вписываются словосочетания, представляющие собой скрытое сравнение. Сравнение предполагает наличие как минимум двух объектов реальной действительности (референтов), характеристики которых сопоставляются (в нашем случае имплицитным образом). При этом прототипом сравнения² выступает компонент (de) N_2 : именно его отличительный или характерный признак приписывается существительному в позиции N_1 .

В *un regard de bête (bestial)* сохранение предметности N_2 подтверждается имплицитным сравнением (*comme celui de la bête*) и возможностью данного компонента принимать определители, характерные для существительного: *un regard de bête sauvage*. Значение *bestial* отсутствует в семантике прилагательного *bête* и возникает как переносное. Поэтому значение компонента (de) N_2 квалифицируется как:

- 1) первичное, зафиксированное словарем как базовый ЛСВ: *le regard de la bête, un regard d'enfant*;
- 2) первичное производное, реализующее признаковую сему первичной номинации: *un regard d'enfant* → *enfantin*;
- 3) вторичное переносное, возникающее на базе сравнения (*comme*): *un regard de bête* → *comme celui de la bête (bestial)*. Чтобы уточнить «звериный взгляд», «животный взгляд» требуется контекст.

В данных словосочетаниях семантически и синтаксически опорным, реализующим референцию к конкретному проявлению человека – «взгляду», остается компонент N_1 (*regard*). Другими словами, компонент N_1 семантически самодостаточный, используется в первичном значении (прямой номинации). Компонент N_2 при реализации вторичного переносного значения становится прототипом, с признаком которого сравнивается N_1 и который как понятие/образ существует автономно.

Сравнение референтов с тем, чтобы найти подобия и расхождения в их характеристиках, направлено на дифференциацию окружающей нас действительности. Суть сравнения заключается в сопоставлении известного нам референта, принимаемого за эталонный носитель признака/прототип, с другим на предмет выявления у последнего соответствующего качественного признака. ЗаклЮчение о наличии и степени выраженности искомого качества у определенного объекта/референта и будет итогом подобного сопоставления/сравнения.

Кардинальное отличие от проанализированных выше словосочетаний типа *le rideau d'arbres*, *une nappe de lumière*, *un miroir d'eau* или *le feu du diamant* заключается в реальной несовместимости референтов: *nappe* и *lumière*, *miroir* и *eau*, *feu* и *diamant*. Компонент N_1 оказывается семантически нерелевантным: для уточнения его значения необходим N_2 как минимальный семантический контекст, который и представлен моделью N_1 de N_2 . Контекстуально обусловленное значение нельзя считать свободным, поэтому и структура, в пределах которой значение одного из компонентов синтаксически и лексически обусловлено, является семантически спаянной. От соположения компонентов свободных словосочетаний подобные модели отличает критерий семантической рассогласованности N_1 и N_2 , семантическая алогичность синтаксически смежных номинаций. Ср. логичность «*regard*»

¹ Илия Л.И. Типы словосочетаний в современном французском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05. – М., 1960. – Т. 1. – 244 л.

² Туровец Т.И. Семантика образных сравнений и их коммуникативная дифференциация в художественном и газетно-публицистическом текстах современного французского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – Минск, 2001. – 126 л.

и «enfant»; «pluie» и «été» в отличие, например, от алогичности «rideau» и «arbres»; «feu» и «diamant». Несовместимость понятий, а связей референтов в реальной действительности, рассогласованность денотативных компонентов N_1 и N_2 на уровне семантической структуры модели свидетельствуют об активности говорящего, его сознательного изменения референции имени (N_1 или N_2).

Сопоставляя словосочетания с одним и тем же компонентом N_1 : *le rideau de la scène* (1); *le rideau de toile* (2); *le rideau d'arbres* (3), можно сделать следующие выводы:

– Свободное словосочетание с внутренним артиклем (1) отвечает закономерностям грамматической системы языка: N_1 занимает позицию главного члена, N_2 – позицию подчинения. Словосочетание реализует референцию к двум объектам реальной действительности (или ситуации); N_1 и N_2 обозначают и называют два различных референта, соответственно – «rideau» и «scène», допускающих реальные взаимоотношения: «занавес сцены → занавес закрывает сцену». Словосочетание именует «кусочек» действительности (место, время, действие, принадлежность и т.д. обозначаемого референта). Будучи синтаксически и семантически членимой, данная структура может трансформироваться в предложение с локализирующим глаголом: *le rideau de la scène* → *le rideau se trouve/est sur la scène*; N_1 и N_2 функционируют как прямые номинации.

– Словосочетание без внутреннего артикля (2) референтно к одному предмету «rideau» с присущим ему качеством/признаком «de toile» – «полотняный занавес». Компонент (de) N_2 реализует первичное производное значение, т.е. сигнификативную сему: *toile* – *éttoffe de lin, de chanvre ou de coton* [3, с. 1015]. На уровне денотативных компонентов соположенных номинаций N_1 и N_2 (rideau – *éttoffe, toile* – *éttoffe*) – рассогласованности нет. Структура словосочетания с первичным производным значением (de) N_2 характеризуется свободой синтаксических связей, допускает трансформацию через вставку глагола-связки *être*: *le rideau de toile* → *le rideau est de toile* или через прилагательное типа *le regard d'enfant* → *le regard enfantin*. Словосочетания с первичным и первичным производным значениями (de) N_2 следует отнести к свободным.

– В моделях же типа *le rideau d'arbres* N_1 , будучи синтаксически главным и называя референт «rideau», не соотносится с «занавесом», а актуализирует вторичное значение ЛСВ (3) – *ligne d'objets formant un obstacle à la vue ou une protection* [3, с. 1015]. *Le rideau* реализует сигнификативный компонент, т.е. используется в признаковом значении, определяемым же в модели является (de) N_2 . Несмотря на его синтаксическую подчиненность, именно этот компонент становится семантическим центром модели, реализуя референцию к «arbres». Определяющее позиционно ему предшествует, что нарушает закономерность прямого порядка слов во французском языке. Отсутствие функции обозначения референта у N_1 свидетельствует и о смещении его референции. В синтаксической смежности N_1 de N_2 значение N_1 соотносится с N_2 , указывая на тот признак, который становится как бы общим для «занавеса» и «деревьев». Данный факт говорит о более тесных семантических отношениях N_1 и N_2 .

Итак, в свободных словосочетаниях N_1 de N_2 компоненты N_1 и N_2 , в зависимости от наличия/отсутствия внутреннего артикля, соотносятся с двумя референтами (свернутой ситуацией) или одним референтом. Эти словосочетания характеризуются семантической членимостью N_1 и N_2 и синтаксической значимостью подчинительной связи. Опорным (синтаксически и семантически) компонентом словосочетания логично является N_1 , сохраняющий референцию к обозначаемому им предмету (*le rideau de la scène, de toile*). Семантическая спаянность N_1 и N_2 (*le ciel de plomb, le rideau d'arbres*) возникает на базе имплицитной смежности признаков. К специфике несвободного словосочетания типа *le rideau d'arbres*, в отличие от несвободного типа *le ciel de plomb*, добавляется грамматическое «отклонение»: оставаясь формально синтаксически опорным компонентом, N_1 семантически зависит от N_2 , который и определяет референциальную направленность модели.

По степени усиления семантической спаянности N_1 и N_2 можно предложить следующую цепочку:

- 1) свободное словосочетание с первичными прямыми значениями компонентов N_1 и N_2 : *le rideau de la scène*;
- 2) свободное словосочетание с первичным производным значением (de) N_2 : *le rideau de toile*;
- 3) свободное словосочетание с вторичным значением N_1 : *le rideau d'arbres*.

В последнем случае соположенность именных компонентов базируется на семантическом конфликте как несовместимости референтов в реальной действительности: ср. между «rideau» и «arbres» – нет постоянных, естественных связей. Возникает необходимость найти свойство/признак, которые бы объединили, стали общими для N_1 и N_2 .

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 830 с.
2. Большой энциклопедический словарь «Языкознание»/ редкол.: В.Н. Ярцева (гл. ред.); 2-е изд. – М.: Сов. энци-я, 1998. – 685 с.
3. Le Petit Larousse Illustré. Edition 2019. – Librairie Larousse, 2019. – 1795 p.

Поступила 30.06.2022

SEMANTICS AND REFERENCE OF MODEL COMPONENTS N_1 de N_2

A. KIRUSHKINA

(Francisk Skorina Gomel State University)

The phrases of the N_1 de N_2 model represent a polysemantic, internally fractional model with a number of meanings that are in oppositional or hyponymic relations to each other. The author attempts to analyze the phrases of the analyzed model on the basis of a set of criteria: the implementation of reference by the components of the model, semantic cohesion and consistency of N_1 and N_2 , as well as their implementation of primary/ secondary meaning in order to identify and differentiate the ways of rethinking the components of N_1 and N_2 and their role in creating the semantic center of the model.

Keywords: phrases of the model N_1 de N_2 , semantics, speaker, reference, semantic structure, primary/secondary meaning.

УДК 81'373.612.2:821.112.2

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-148-152

**СИНЕСТЕЗИЙНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ В СТИХАХ Р. М. РИЛЬКЕ
И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК****И.В. ЛОГВИНОВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

В статье рассматривается явление синестезийной метафоризации в русском и немецком языках. Описывается синестезия как интермодальное явление. Представлена краткая характеристика эмпирических прилагательных (зрительного, слухового, осязательного, обонятельного и вкусового восприятия). Описана первичная синестезия как перенос признака одного вида восприятия на другой и вторичная как перенос признака одного из видов восприятия на психологические переживания, эмоции и чувства человека. Приводятся примеры первичной и вторичной синестезийной метафоризации, выявленные в стихотворениях немецкого поэта-модерниста Р. М. Рильке и их переводах на русский язык, выполненных русскими поэтами-переводчиками конца XIX – начала XX веков. Предпринята попытка выявить актуализированные опорными существительными потенциальные семы в составе семеме прилагательных и описать изменение значения последних. Сравнивается использование синестезийных метафор в языке оригинала и перевода.

Ключевые слова: метафора, синестезия, синестезийная метафоризация, эмпирические прилагательные.

Введение. Имя прилагательное представляет собой одну из наименее изученных и сложных для исследования частей речи. Оно «не имеет денотации и соотносится с денотатами только через посредство определяемого им имени существительного» [1]. Существует большое количество семантических подклассов имен прилагательных. Наше исследование затрагивает прилагательные физического восприятия. Они в значительной степени предрасположены к метафоризации. Современные лингвисты исследуют так называемую синестетическую метафору, которая представляет собой перенос на характеризваемый прилагательным объект признаков, свойственных другому объекту [2, с. 49–51]. Органы чувств предоставляют нам разнообразную информацию об окружающем мире. Сенсорные впечатления интегрируются в нашем сознании, и мы можем осуществлять перенос признаков на объекты, фактически данными признаками не обладающие. Таким образом, синестезийная метафоризация является одним из способов развития полисемии имени прилагательного.

Основная часть. В современной психологии, философии, медицине, культурологии, лингвистике и поэтике имеется целый ряд описаний синестезии. Под синестезией понимают особый способ восприятия, при котором возникают вторичные представления: при раздражении одних органов чувств одновременно возникают ощущения в других органах чувств, и вторые посылают сигнал о наличии той или иной характеристики у наблюдаемого объекта, которой на самом деле он не обладает. «Синестезия в широком смысле – это способность почти любого человека соотносить звуки и цвета, запахи и звуки и т.д.» [2, с. 47]. Психологический и лингвистический аспекты синестезии взаимосвязаны, поскольку языковые единицы позволяют описать всё многообразие воспринимаемых субъектом признаков. Область интересов лингвистики касается направлений синестетических переносов и критериев понимания синестетического образа [3].

Чувственный мир отражается с помощью пяти сенсорных каналов, или модальностей: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния. Каждый из них отвечает за свой фрагмент воспринимаемого объекта. В процессе восприятия в сознании человека складывается целостный образ предмета или явления. Синестезия представляет собой интермодальное явление и раскрывает межчувственные соответствия. Лексические единицы, описывающие характеристики наблюдаемого объекта, меняют свою семантику: они переходят в сферу обозначения иного ощущения [4]. Восприятие посредством сенсорных каналов не только дает нам информацию о физических свойствах наблюдаемого объекта, но и затрагивает определенным образом наши эмоции. В связи с этим «синестетические образования имеют эмоциональную окраску и часто отличаются довольно сильным эмоциональным компонентом значения» [3]. Кроме того, при переносе качественных характеристик на абстрактные явления наряду с описанием последних осуществляется их оценка говорящим / пишущим, в результате чего лексемы выступают в том числе и как оценочные. Так, С. А. Моисеева указывает, что «синестетический перенос из сферы осязания в сферу слуха возможен на основе ассоциаций эмоционально-оценочного характера: оценка предметов грубых и жестких на ощупь сходна с той, которая возникает, например, при восприятии резких и грубых слов» [2, с. 51].

Таким образом, в основе синестезии лежит интермодальная, или межчувственная, ассоциация [5]. Это позволяет рассматривать данное явление как разновидность метафоры. При синестетическом переносе также происходит актуализация эмоционально-оценочных сем в семеме используемых лексических единиц. Синестетический перенос – это процесс, благодаря которому обогащается лексико-фразеологическая система языка и «решается проблема пополнения лексических средств, используемых для описания различных ощущений» [2, с. 51].

Для описания физических характеристик объектов используются имена прилагательные чувственного, или физического, восприятия. Их также называют эмпирическими и перцептивными прилагательными. Они относятся к качественным прилагательным и обозначают признаки, воспринимаемые органами чувств. Эти признаки возникают в сознании человека в результате «одноэтапной мыслительной операции сопоставления воспринятого органом

чувств объективного свойства предмета с представлением о „норме“ для данного признака у данного класса предметов» [6]. Критерием разграничения лексико-семантических вариантов эмпирических прилагательных, по А.Н. Шрамму, является то, каким органом чувств воспринимается тот или иной признак. На этом основании выделяются лексико-семантические группы прилагательных зрительного, слухового, обонятельного, вкусового и осязательного восприятий [7, с. 24]. Для данных имен прилагательных типичным является образование больших рядов переносных значений на основе ассоциативных представлений. Определяемое существительное актуализирует потенциальные семы в составе семемы прилагательного, и последнее реализует каждое свое значение в контексте [8].

Раздражители воздействуют на органы чувств либо на некотором расстоянии, либо при непосредственном контакте с предметом. В соответствии с этим возникающие ощущения мы характеризуем как дистантные или контактные. Эмпирические прилагательные также подразделяются на две группы: зрительные, слуховые и обонятельные прилагательные описывают дистантные ощущения, а вкусовые и осязательные – контактные [9, с. 50–51]. Прилагательные зрительного восприятия описывают внешние качества предмета, цвет, расцветку, проявление и изменение цветового признака. При визуальном восприятии можно разграничить восприятие света и цвета, формы и размера. Прилагательные слухового восприятия характеризуют звуки, их разновидности и источники, громкость, скорость, тембр и высоту звучания, наличие / отсутствие звучания, особенности звучащей человеческой речи. Прилагательные обонятельного восприятия способны характеризовать непосредственно запахи отдельных веществ, различные свойства запаха, особенности психологического восприятия запаха, его силу, источник, привычность / непривычность. Прилагательные осязательного восприятия описывают качества поверхности и структуры предмета (твердость, упругость, гладкость, шероховатость, маслянистость), температурные признаки, размер и форму предмета, признаки, которые обусловлены наличием / отсутствием влаги (непроницаемость, влажность, вязкость). Прилагательные вкусового восприятия обозначают вкусовые признаки какого-либо объекта.

Нередко дистантные и контактные виды восприятия тесно взаимодействуют друг с другом, дополняют друг друга или же являются взаимозаменяемыми. Например, форму и размер предмета можно определить как на вид, так и на ощупь. Если мы видим предмет, то на первое место выступает зрительный анализатор; при ощупывании же предмета, по каким-либо причинам невидимого, мы воспринимаем данные характеристики с помощью осязания. Соответственно, такие прилагательные, как «большой» или «круглый», можно отнести как к зрительному, так и к осязательному восприятию. Обоняние, согласно исследованиям, описано через другие ощущения. Например, многие запахи напрямую связаны со вкусом тех или иных продуктов. Поэтому прилагательные типа «сладкий» / «горький» относятся к двум группам – вкусовые и обонятельные. Качество запаха могут характеризовать также и осязательные прилагательные: «легкий» / «тяжелый». А такие прилагательные осязательной перцепции, как «жидкий» / «густой» / «вязкий» и др. используются для обозначения вкусовых ощущений, поскольку сенсорные каналы ротовой полости человека являются и осязательными, и вкусовыми одновременно [9, с. 50–51]. Языковое описание тех или иных ощущений через ощущения других модальностей является следствием глубоких интермодальных связей между разными сферами чувствительности, обусловленных психофизиологическими причинами.

По характеру возникающих ощущений выделяют разные направления синестетических переносов. С.А. Моисеева считает, что «в идеале возможно насчитать наличие десяти синестетических пар: 1) зрение / слух, 2) зрение / обоняние, 3) зрение / вкус, 4) зрение / осязание, 5) слух / обоняние, 6) слух / вкус, 7) слух / осязание, 8) обоняние / вкус, 9) обоняние / осязание, 10) вкус / осязание» [2, с. 49–50]. Осязательно-слуховые, осязательно-зрительные, зрительно-слуховые переносы являются наиболее распространёнными, так как зрение, слух и осязание занимают доминирующее положение среди других перцепций.

Употребление прилагательного, значение которого связано с одним видом перцепции, в значении, относящемся к другому виду перцепции, представляет собой первичную синестезию. Использование же прилагательного, обозначающего перцептивное восприятие, с названиями психологических переживаний, эмоций и чувств человека, рассматривается лингвистами как вторичная синестезия. Вторичная номинация, как отмечает А.К. Свистова, имеет прагматическую направленность – она создает экспрессивно-образные стилистические смыслы, на которые, как правило, накладываются эмоционально-оценочные смыслы. Во вторичной синестезийной метафоре присутствует неоднозначность прочтений, поскольку ее основной объект скрыт за вспомогательным. Это ведет к развитию полисемии [10].

Для анализа данных явлений мы обратились к стихотворениям поэта-модерниста Р. М. Рильке и их переводам на русский язык, выполненным русскими поэтами-переводчиками конца XIX – начала XX веков (В. Куприянов, В. Летучий, А. Биск, Т. Сильман, С. Петров). Нами были выявлены примеры как первичной, так и вторичной синестезийной метафоризации: словосочетания, в которых два слова описывают различные виды перцепции, и словосочетания типа «прилагательное + существительное», в котором прилагательное относится к одному из пяти видов деятельности органов чувств (зрения, слуха, вкуса, осязания, обоняния), а существительное обозначает эмоциональное переживание, состояние человека [3].

Синестетические переносы встречаются как в тексте оригинала, так и в переводе. Однако в отношении анализируемых нами в данной статье словосочетаний синестезия, как правило, не сохраняется в языке перевода, а там, где её использовали переводчики, она отсутствует в тексте оригинала. Лишь в немногих случаях синестезийная метафора присутствует как в оригинале, так и в переводе данного выражения. Например, при переводе словосочетаний *leichtes Gefühl* и *süßes Lied* дословно переданы прилагательные осязательной перцепции *leicht* и прилагательное вкусо-обонятельной перцепции *süß* при одновременной замене абстрактного существительного *Gefühl* на его контекстуальный синоним *боль* и существительного слухового восприятия *Lied* на существительное *стон*, также относящееся к слуховой перцепции. А выражение *dunkles Lustgestöhn* переведено дословно – *темный, страстный стон*.

Приведем примеры синестетических пар, встречающихся в немецком и русском текстах стихотворений Р. М. Рильке в случае первичной синестезии.

1. Осязание / обоняние:

...Der Nachtwind schwebt vom nahen Hügel
Und trägt durch alte Eichenreih'n
Auf seinem blauen Falterflügel
Den schweren Duft vom jungen Wein.
(«Die Nacht liegt duftschwer auf dem Parke»)

Прилагательное *schwer* характеризует вес предмета, который можно определить посредством осязания, существительное *Duft* относится к обонятельной перцепции. Семема прилагательного *schwer* теряет сему «имеющий значительную массу» и приобретает сему «сильный, насыщенный» (о запахе).

2. Зрение / слух:

...Dein Erinnern glaub ich zu begleiten,
weil ich ahne. Doch auf welchen Saiten
greif ich dir ihr dunkles Lustgestöhn?...
(«David singt vor Saul»)

...Память я твою о них, о юных,
подберу. Но на каких же струнах
я возьму их темный, страстный стон? ...
(«Давид поет Саулу»)

В данном случае переводчику удалось сохранить синестезийную метафору при дословном переводе. Прилагательное *dunkel* / *темный* относится к зрительной перцепции, существительное *Lustgestöhn* / *стон* – к слуховой. Семема прилагательного теряет сему «лишенный света» и приобретает сему «чувственный».

3. Вкус / слух:

Auf welches Instrument sind wir gespannt?
Und welcher Geiger hat uns in der Hand?
O süßes Lied.
(«Liebes-Lied»)

С какою далью вместе мы поем?
Что заставляет нас звенеть вдвоем?
О сладкий стон!
(«Напев любви»)

Прилагательное *süß* / *сладкий* относится одновременно к вкусовому и обонятельному восприятию, существительные *Lied* и *стон* – к слуховому. Сладкий вкус и запах, как правило, вызывают у человека положительные эмоции. Семема прилагательного теряет сему «свойственный сахару вкус» и актуализирует сему «приятный, доставляющий удовольствие».

4. Зрение / вкус:

...А этой, розовой, цвести невмочь:
от воздуха приобретает привкус
лиловой горечи ее краса.
(«Чаша роз»)

Прилагательное *лиловая* описывает цвет, который воспринимается зрением, а существительное *горечь* – вкус. Семема прилагательного *лиловый* теряет сему «фиолетовый» и актуализирует сему «сильный, насыщенный», за счёт чего происходит усиление значения.

При вторичной синестезийной метафоризации отмечается установление необычных связей между прилагательным и существительным. Во взаимодействие вступают определенные семы семем данных лексических единиц, и эмпирические прилагательные, кроме денотативных значений, приобретают новые коннотативные значения. В результате возникает целостный семантически насыщенный образ с глубокой смысловой перспективой и происходит обогащение языковой системы [34]. Нестандартное использование прилагательных создает синкретическое описание эмоционального переживания лирического героя, при этом происходит усиление негативной или позитивной составляющих данного переживания. В стихах Р. М. Рильке и их переводах встречается зрительная и осязательная вторичная синестезия.

Зрительную синестезийную метафору иллюстрируют следующие примеры:

Der Wald ist wild, die Welt ist weit,
mein Herz ist hell und groß.
Es hält die blasse Einsamkeit
mein Haupt in ihrem Schooß.
(«Der Bach hat leise Melodien»)

Прилагательное *blass* характеризует насыщенность окраски предмета. Семема прилагательного теряет сему «слабо окрашенный, лишенный естественной окраски» и актуализирует сему «лишенный радостей жизни».

Нас счастьем замело сейчас
в истоме золотистой.
Гудит, благословляя нас,
шмель в ряске бархатистой.
(«Мы замечтались»)

Прилагательное *золотистый* описывает цвет предмета. Его семема теряет сему «цветом похожий на золото» и приобретает сему «приятный, доставляющий удовольствие».

Wir sind nur Mund. Wer singt das ferne Herz,
das heil inmitten aller Dinge weilt?
Sein großer Schlag ist in uns eingeteilt
in kleine Schläge. Und sein *großer Schmerz*
ist, wie sein *großer Jubel*, uns zu groß...
(«Wir sind nur Mund»)

Einmal nur wird *seine große Trauer*,
und die Augen liegen schmerzlich bloß,
bis sie etwas leugnen, wie Geringes,
und als ließen sie verächtlich los
die Vernichter eines schönen Dinges.
(«Sankt Sebastian»)

Размер предмета можно определить как зрительно, так и с помощью осязания. Поэтому прилагательное *groß* можно отнести как к зрительной, так и к осязательной перцепции. Его семема теряет сему «имеющий крупный, значительный размер» и приобретает сему «сильный, значительный», что указывает на сильную степень проявления эмоции.

Осязательная синестизийная метафора представлена в следующих отрывках:

...Wieviel ist aufzuleiden. Wann war Zeit, das andre, *leichtes Gefühl* zu leisten?
Und doch erkenn ich, besser als die meisten
einst Auferstehenden, die Seligkeit.
(«Ist Schmerz, sobald an eine neue Schicht die Pflugschar reicht»)

...Страданий бездна. Было ли без слез,
без потрясений, время *легкой боли*?
Но чья судьба мне ближе?
Не того ли, кто чудо воскресенья перенес?
(«Быть может, в боли...»)

Метафора сохранена в переводе. Семема прилагательного *leicht* / *лёгкий* теряет сему «не тяжелый, имеющий малый вес» и актуализирует сему «слабый, незначительный».

...Erst 'Recht' studieren war mein Plan;
doch meine *leichte Laune* schreckten
die strengen, staubigen Pandekten,
und also ward der Plan zum Wahn.
(«Als ich die Universität bezog»)

Прилагательное *leicht* описывает вес предмета. Его семема теряет сему «не тяжелый, имеющий малый вес» и актуализирует сему «несерьезный».

Заключение. Синестезийная метафоризация представляет собой одно из образных средств и довольно часто используется в поэтических текстах, обогащая их дополнительными оттенками смысла. Синестезийные метафоры принимают непосредственное участие в создании художественного образа, служат для визуализации эмоций, подчеркивают переживания лирического героя и, таким образом, усиливают эмоциональное воздействие текста на читателя. Они приоткрывают читателю специфику мировосприятия поэта. За счёт интермодальности синестезии удаётся более тонко, чувственно и точно передавать эмоциональные переживания в поэтических текстах. При этом зрительные, осязательные, слуховые, вкусовые и обонятельные ощущения переносятся в эмоционально-психологическую область. Некоторые синестезийные метафоры становятся общеупотребительными, например, «*легкая боль*». Около половины метафор воспроизводится переводчиками в виде метафор, в остальных случаях используются нейтральные средства языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е.М. Прилагательное // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/397b.html>. (дата обращения: 03.01.2022).

2. Моисеева С.А. Синкретизм эмпирических прилагательных и синестезия // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики = Actual problems of linguistics, literature studies, intercultural communication and linguodidactics : сб. науч. ст. междунар. науч. конф., Белгород, 12-14 мая 2014 г. / НИУ «БелГУ», Ин-т языкознания РАН, Ун-т Ниццы – Софии Антиполис; редкол.: В.А. Виноградов и др. – URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/10564/1/Moiseeva_Sinkretizm.pdf. (дата обращения: 03.01.2022).
3. Черняева А.Ю. Синестезия как объект междисциплинарных исследований. – URL: <https://www.sworld.com.ua/konfer26/412.pdf>. (дата обращения: 17.01.2022).
4. Свистова А.К. Синестезия как один из способов развития полисемии слова // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – 2011. – № 1. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2011/01/2011-01-18.pdf>. (дата обращения: 09.01.2020).
5. Галеев Б.М. Синестезия в мире метафор // Обработка текста и когнитивные технологии (материалы междунар. конф.). – URL: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/sinmet_r.htm. (дата обращения: 19.05.2022).
6. Степанян Т.Р. Синестетические метафоры русского языка (прилагательные чувственного восприятия): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – URL: <https://www.dissercat.com/content/sinesteticheskie-metafory-russkogo-yazyka-prilagatelnye-chuvstvennogo-vospriyatiya>. (дата обращения: 10.01.2022).
7. Шрам А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка. – Л.: Из-во ЛГУ, 1979. – 133 с.
8. Чечулина Л.С. Креативный потенциал имени прилагательного // Уральский филологический вестник. – 2012. – № 2. – URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/146/%D0%92%D0%95%D0%A1%D0%A2_2012_2_38.PDF. (дата обращения: 03.01.2022).
9. Гугова Н.В. Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/semanticheskij-sinkretizm-vkusovyh-i-osjazatelnyh-prilagatelnyh-v-jazyke-i.html>. (дата обращения: 03.01.2022).
10. Свистова А.К. Вторичная синестезия как один из способов развития полисемии (на материале русской поэзии XX–XXI веков) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 49. – 2010. – № 34 (215). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnaya-sinesteziya-kak-odin-iz-sposobov-razvitiya-polisemii-na-materiale-russkoy-poezii-xx-xxi-vekov/viewer>. (дата обращения: 17.01.2022).

Поступила 01.06.2022

SYNAESTHETIC METAPHORISATION IN R.M. RILKE'S POEMS AND THEIR TRANSLATIONS INTO RUSSIAN

I. LOHVINA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article deals with the phenomenon of synaesthetic metaphorisation in Russian and German. Synaesthesia as an intermodal phenomenon is described. A brief characteristic of empirical adjectives (visual, auditory, tactile, olfactory, and gustatory perception) is presented. Primary synaesthesia as a transfer of a feature of one type of perception to another and secondary synaesthesia as a transfer of a feature of one type of perception to human psychological experiences, emotions and feelings are described. The article provides examples of primary and secondary synaesthetic metaphorization identified in the poems of the German modernist poet R.M. Rilke and their translations into Russian, performed by Russian poet-translators in the late XIX century and early XX century. An attempt is made to identify potential senses actualized by reference nouns as a part of adjective sememes, and to describe the change in the meaning of the latter. The article compares the use of synaesthetic metaphors in the original and translated languages.

Keywords: metaphor, synesthesia, synaesthetic metaphorisation, experiential adjectives.

УДК 811.161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-153-157

СЕМАНТИЧНЫЯ ГРУПЫ ДЗЕЯСЛОЎНЫХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ
СА ЗНАЧЭННЕМ КАНКРЭТНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ

канд. філал. навук, дац. В.В. МАРШЭЎСКАЯ
(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)
e-mail: tina-2010@bk.ru

Аўтар даследуе значэнне асобных дзеяслоўных фразеалагізмаў, пабудову семантычнай структуры субкатэгорый дзейнасці і асобных структурна-семантычных груп. Асноўным метадам дадзенага даследавання стаў метада семантычнай ідэнтыфікацыі. Метадалагічную базу склалі працы вядучых айчынных і замежных лінгвістаў у галіне фразеалогіі і лексікалогіі. Матэрыялам даследавання паслужыў фактычны матэрыял з сучасных фразеаграфічных крыніц, а таксама аўтарская картатэка дзеяслоўных фразеалагізмаў. Апісаны адназначныя дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем сацыяльнай дзейнасці, руху і перамяшчэння ў прасторы, са значэннем канкрэтных фізічных дзеянняў, накіраваных на задавальненне найбольш важных фізічных (фізіялагічных) запатрабаванняў. Абгрунтавана заканамернасць функцыянавання ў якасці аб'екта апісаных адзінак назоўнікаў са значэннем канкрэтнага прадмета як прадукта дзейнасці. Устаноўлена, што ў межах структурна-семантычных груп і семантычных падгруп дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем канкрэтнай дзейнасці звязаны сінанімічнымі адносінамі. Атрыманыя вынікі могуць быць выкарыстаны ў курсах лекцый і семінарскіх заняткаў па сучаснай беларускай мове, а таксама лінгвістыцы тэксту і культуралогіі.

Ключавыя словы: дзеяслоўныя фразеалагізмы, фразеалогія, беларуская мова, канкрэтная дзейнасць, сацыяльная дзейнасць, структурна-семантычныя групы, аб'ектная накіраванасць.

Уводзіны. Нягледзячы на шматлікія даследаванні фразеалогіі беларускай мовы (А.С. Аксамітаў, Ф.М. Янкоўскі, І.Я. Лепешаў, В.А. Ляшчынская, М.А. Даніловіч, Я.Я. Іваноў, В.П. Красней, У.І. Коваль, С.К. Берднік, М.М. Аляхновіч і інш.), сэнсавая структура дзеяслоўных фразеалагізмаў (зрэшты, як і іншых семантыка-граматычных разрадаў фразеалагізмаў) не была прадметам комплекснага аналізу, што і абумоўлівае актуальнасць нашага даследавання. У рускім мовазнаўстве існуюць разнастайныя (часам супярэчлівыя) класіфікацыі фразеалагізмаў (В.А. Лебядзінскі [1], Н.Б. Усачовай¹, В.І. Кабыш², Ю.С. Жакайнай³ і інш.), што звязана з розным вызначэннем паняцця “фразеалагізм”, аб'ёму і саставу субкатэгорый, іх структуры і семантыкі і інш.

Пад паняццем *дзеяслоўныя фразеалагізмы* мы разумеем (услед за І.Я. Лепешавым) фразеалагізмы, якія “абазначаюць дзеянне і выражаюць яго ў катэгорыях трывання, часу, ладу, а таксама роду (у формах прошлага часу і ўмоўнага ладу). Апрача дзеяння (абіваць парогі, весці рэй і г.д.), дзеяслоўныя фразеалагізмы зрэдку абазначаюць і стан: *кляваць носам, падаць духам, не помніць сябе, сядзець на чамаданах, зямлёй пахнуць* і інш.” [2, с. 118]. Такое абагульненае значэнне (дзеяння) называюць катэгарыяльным значэннем, яно ўваходзіць у сэнсавую структуру фразеалагізма, з'яўляецца састаўной часткай фразеалагічнага значэння. Субкатэгарыяльнае значэнне ўяўляе сабой менш агульнае і больш канкрэтнае, у параўнанні з катэгарыяльным, значэнне, якое аб'ядноўвае фразеалагізмы ў семантычныя субкатэгорыі ўнутры семантыка-граматычных класаў. Субкатэгарыяльнае значэнне ўтрымлівае семы, якія дазваляюць адмежаваць фразеалагізм ад фразеалагізмаў іншых катэгорый, і адначасова семы, якія аб'ядноўваюць фразеалагізмы пэўнай субкатэгорыі ў адзін тып катэгарыяльнага значэння⁴. З улікам субкатэгарыяльнага значэння, дзеяслоўныя фразеалагізмы падзяляюцца на тры семантычныя тыпы (субкатэгорыі): са значэннем дзейнасці, значэннем стану, значэннем адносінаў [3].

Мэтай нашага даследавання з'яўляецца выяўленне межаў дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці. Задачы даследавання: прааналізаваць сэнсавую структуру дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці, акрэсліць інтэгральныя і дыферэнцыяльныя прыкметы фразеалагізмаў са значэннем канкрэтнай дзейнасці, пакласіфікаваць фразеалагізмы са значэннем канкрэтнай дзейнасці на структурна-семантычныя групы і семантычныя падгрупы, акрэсліць межы семантычнай структуры субкатэгорыі дзейнасці (абстрактнай дзейнасці, канкрэтнай дзейнасці). Аб'ектам даследавання сталі адназначныя дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем канкрэтнай дзейнасці, прадметам даследавання з'яўляюцца іх семантычныя, структурныя і функцыянальныя ўласцівасці.

¹ Усачева Н.Б. Структурныя і семантычныя свойствы фразеалагізмаў з кампанентам «імець»: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1998. – 18 с.

² Кабыш В.И. Структурные и семантические свойства фразеологизмов с компонентами *брать / взять*: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2003. – 20 с.

³ Жакина Ю.С. Процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тюмен. гос. ун-т. – Курган, 2003. – 22 с.

⁴ Чепуренко А.А. Принципы квалификации фразеологизмов: На материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2003. – 26 с.

Матэрыялам даследавання паслужыў фактычны матэрыял нарматыўнага слоўніка беларускіх фразеалагізмаў⁵, а таксама аўтарская картатэка (каля 3000 кантэкстаў-ужыванняў фразеалагізмаў з літаратурных крыніц ХХІ ст.).

Асноўная частка. У лінгвістычных даследаваннях для абазначэння фразеалагічных адзінак са значэннем працэсу існавалі і існуюць разнастайныя тэрміны: фразеалагічныя звароты дзеяслоўнага тыпу, дзеяслоўныя фразеалагізмы, дзеяслоўныя фразеалагічныя адзінкі, працэсуальныя фразеалагізмы. Тэрмін *фразеалагічныя звароты дзеяслоўнага тыпу* з'явіўся ў работах В.У. Вінаградава, які стаяў ля вытокаў рускай фразеалогіі, і адлюстроўваў у першую чаргу асаблівасці структурнай арганізацыі фразеалагічных адзінак. Тэрміны *дзеяслоўны фразеалагізм*, *дзеяслоўная фразеалагічная адзінка* выкарыстоўваліся ў працах У.П. Жукава, А.П. Мардвілкі, М.М. Шанскага, А.У. Куніна, І.У. Арнольд, А.І. Смірніцкага, І.Я. Лепшава і інш.; пад гэтым паняццем разумелі шматлікія групы фразеалагізмаў, аб'яднаных уласцівасцю абазначаць дзеянне або стан, выступаць у ролі выказніка, суадносіцца з часцінай мовы – дзеясловам і інш. У нашым даследаванні мы прытрымліваемся (услед за І.Я. Лепшавым) тэрміна “дзеяслоўныя фразеалагізмы” [2, с. 118]. Тэрмін “дзеянне” мае неадназначнае тлумачэнне: у працах філосафскага і псіхалагічнага характару дзеянне разумеецца як адзінка дзейнасці, лінгвісты тлумачаць суадносіны паняццяў “дзеянне” і “дзейнасць” ад больш шырокага да вузкага.

Дзейнасць падзяляецца на матэрыяльную (канкрэтную) і духоўную (абстрактную, інтэлектуальную). Матэрыяльная дзейнасць накіравана на змяненне акаляючага асяроддзя. Акаляючае асяроддзе складаецца з прыроды і грамадства, таму дзейнасць можа быць вытворчай (змяняе прыроду) і сацыяльна-пераўтваральнай (змяняе структуру грамадства). Духоўная дзейнасць накіравана на змяненне індывідуальнай і грамадскай свядомасці. Яна рэалізуецца ў сферах мастацтва, рэлігіі, навуковай творчасці, у маральных учынках, арганізуючы калектыўнае жыццё і арыентуючы чалавека на вырашэнне праблем сэнсу жыцця, шчасця, дабрабыту. Даследчыкі адзначаюць, што такія падзел умоўны, бо ў рэальнасці духоўнае і матэрыяльнае не могуць быць адарваны адзін ад аднаго.

Паняцце “дзейнасць” мы разумеем (услед за В.А. Лебядзінскай [1]) як спецыфічную чалавечую форму актыўных адносін да акаляючага асяроддзя, змест якой складае яго мэтазгоднае змяненне і пераўтварэнне. Мы прытрымліваемся думкі, што паняцце “дзейнасць” больш шырокае, чым паняцце “дзеянне”, і пад паняццем “дзейнасць” разумеем форму свядомай актыўнасці суб'екта, накіраваную або ненакіраваную на аб'ект з мэтай пераўтварэння яго ўласцівасцей. Дзейнасць складаецца з асобных дзеянняў. Напрыклад, педагагічная дзейнасць складаецца з падрыхтоўкі і чытання лекцый, правядзення семінарскіх заняткаў, падрыхтоўкі заданняў і г.д. Суб'ектам дзейнасці выступае асоба (чалавек) (ці сукупнасць асоб), якая праяўляе сваю волю, рэалізуе свае дзеянні і дасягае пастаўленай мэты. Аб'ектам дзейнасці выступае прадмет, які з'яўляецца прадуктам дзейнасці чалавека (у параўнанні з дзеяслоўнымі фразеалагізмамі са значэннем адносін, дзе аб'ект – раўнапраўны член адносін, які зведвае пэўнае ўдзеянне з боку суб'екта [4]).

Наша даследаванне вялося з дапамогай метаду семантычнай ідэнтыфікацыі – пры атаясамліванні значэнняў асобных адзінак, семантычнай групы, субкатэгорыі. Для выяўлення асаблівасцей семантыкі дзеяслоўных фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці выкарыстоўваліся таксама разнастайныя прыёмы: пабудова семантычнай структуры субкатэгорыі і груп, апісанне груп і падгруп, семны аналіз фразеалагічнага значэння.

Дзеяслоўнымі фразеалагізмамі не перадаецца абсалютнае значэнне канкрэтнай дзейнасці (працэсу). Працэсуальнасць у іх заўсёды пэўным чынам спалучаецца з характарыстыкай дзейнасці, а таксама з яе ацэнкай. Так, фразеалагізм *грэць лоб* абазначае не проста ‘працаваць’, а ‘старанна, да поту працаваць’; *валаводзіць валаводы* абазначае не проста ‘рабіць што-н.’, а ‘доўга і марудна рабіць што-н.’; у фразеалагізме *не ўдарыць тварам у гразь* у сэнсавай структуры пераважае станоўчая ацэнка ‘паспяхова справіцца з чым-н., не асаромецца, выканаўшы што-н. найлепшым чынам’.

Фізічная праца патрабуе значнай мускульнай актыўнасці, характарызуецца нагруквай на апорна-рухальны апарат і функцыянальныя сістэмы арганізма (сардэчна-сасудзістую, дыхальную, нервова-мускульную і інш.), а таксама патрабуе павышаных энергетычных затрат – *браць на пуп* ‘перанапружвацца фізічна’, *браць на ўсе жылы* ‘рабіць што-н. з гранічным напружаннем’, *рваць пуп* ‘цяжка, з вялікім напружаннем працаваць, надрывацца на якой-н. рабоце’ (з сінанімічнымі выразамі *рваць жылы*, *рваць кішкі*).

Нешматлікія выразы адлюстроўваюць работу нервова-мускульнай сістэмы чалавека праз адпаведныя жэсты і міміку, аднак з дапамогай фразеалагізмаў не называюцца жэсты і міміка як рух цела або яго частак наогул, а перадаюцца глыбінныя пачуцці і думкі чалавека – *кывіць губы* ‘кывіцца, выражаючы незадаволенасць, злосць і пад.’, *глынуць сліну* ‘з зайдрысцю глянуць на што-н. спакуслівае, але недаступнае. Часцей пра яду’, *брацца за жылаты* ‘моцна смяцца’. Кантэкставае атачэнне фразеалагізмаў “жэставага” паходжання паказвае, што адны з іх маюць субкатэгарыяльнае значэнне адносін (*браць пад казырок* ‘вітаць каго-н. па-ваеннаму, прыклаўшы руку да галаўнога ўбору’: *Ураднік паздароўкаўся, нават узяў пад казырок, і паціснуў прыяцелям рукі* (Я. Колас)), іншыя – субкатэгарыяльнае значэнне стану (*рабіць вялікія вочы* ‘выражаць крайняе здзіўленне, недаўменне’: – *Вы ўжо знаёмыя? – зрабіла вялікія вочы Дануся* (А. Карпюк)). Невялікая колькасць такіх фразеалагізмаў, магчыма, абумоўлена тым, што значэнне жэстаў ці мімікі больш лёгка тлумачыцца свабодным словазлучэннем, чым з дапамогай фразеалагічнага значэння.

⁵ Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1., Т. 2.

Дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем канкрэтнай дзейнасці можна пакласіфікаваць на тры структурна-семантычныя групы: 1) са значэннем сацыяльнай дзейнасці, 2) са значэннем руху, перамяшчэння ў прастору, 3) са значэннем канкрэтных фізічных дзеянняў.

Дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем сацыяльнай дзейнасці (у нарматыўным слоўніку фразеалагізмаў І.Я. Лепешава іх налічваецца 83 адзінкі). Вылучаюцца чатыры семантычныя падгрупы:

а) з найбольш агульным значэннем працоўнай дзейнасці – *цягнуць воз* ‘выконваць усю асноўную работу’, *мазольць рукі* ‘многа працаваць фізічна’ (з сінанімічнымі выразамі *грэць лоб, не разгінаць спіны, сем патоў сагнаць*). Фразеалагізмамі можа акрэслівацца пачатак або заканчэнне працэсу – *брацца за гуж* ‘пачынаць якую-н. справу’, *стоп машына* ‘перастаў займацца чым-н., спыніўся’, *закрываць лавачку* ‘спыняць якую-н. справу, дзейнасць (часцей заганны)’.

Працоўная дзейнасць можа залежаць ад сацыяльнага статусу асобы – *трымаць лейцы ў сваіх руках* ‘ажыццяўляць кіраўніцтва, кіраваць чым-, кім-н.’ (з сінанімамі *весці рэй, камандаваць пародам, рабіць пагоду* (у чым, дзе)), *знімаць пенкі* ‘браць, прысвойваць сабе самае лепшае, выгаднае’ (сінанім – *збіраць вяшкі*), *вісець на тэлефоне* ‘часта званіць і доўга гаварыць па тэлефоне’ (з сінанімічнымі яму выразамі *абрываць тэлефон, сядзець на тэлефоне*): *Заменіш мяне на час ад’езду на пленум. Так што трымай тут лейцы добра* (П. Пестрак); *На мяне два райаддзелы і адзін раённы пракурор горбіліся. Мне было толькі пенкі знімаць* (У. Шыпцкі); – *Каб разабрацца, хто з нас вінаваты, – наступаў Юркевіч, – трэба, таварыш загадчык, не вісець на тэлефоне, а часцей бываць у калгасах* (А. Рылько). У сэнсавай структуры некаторых адзінак актуалізуецца ацэначная сема. Станоўча ўспрымаецца настойлівасць, працалюбінасць, выніковасць працы – *браць з боем* (што) ‘дамагацца чаго-н. энергічнымі дзеяннямі’: *Гарыць тайга... Аббіць агонь цаной любою мы выйшлі ўсе да аднаго, і кожны крок мы бралі з бою ў пекле чортавым яго* (А. Звонак), – і негатыўную ацэнку атрымлівае пасіўнасць, гультайства – *мышэй не лавіць* ‘не рабіць тое, што павінен рабіць; не выконваць сваіх абавязкаў’, *акалочваць грушы з вербаў, біць байды, біць бібікі, біць тылылы, брынды біць, вераб’ям дулі паказваць, корчыць гультая, ляжаць на баку, пляваць у столь, сачка давіць, сабак ганяць* – сінанімічныя выразы з агульным значэннем ‘гультаяваць, займацца пустымі справамі’: – *Во дзе кавалер! – штурхнула яна пад бок Берасневіча. – А ты сядзіш і мышэй не ловіш!* (А. Жук); *Колькі таго льну на вопытным участку, і той свірэпай зарос... А дзеці сабак ганяюць* (І. Гурскі). Фразеалагізмы гэтай семантычнай падгрупы могуць мець знешнюю аб’ектную накіраванасць – *пячы як бліны* (што) ‘вельмі хутка і многа ствараць што-н.’, *удыхнуць душу* (у што) ‘ажывіць, адрадіць што-н.’, *паставіць на паток* (што) ‘зрабіць што-н. сістэматычным, паслядоўным, бесперапынным’, *выпускаць у свет* (што) ‘выдаваць, апублікоўваць (кнігу, брашуру і пад.)’ і быць безаб’ектнымі (*мазольць рукі* ‘многа працаваць фізічна’);

б) са значэннем прафесійнай дзейнасці – *круціць баранку* ‘працаваць шафёрам’, *сядлаць Пегаса* ‘займацца паэзіяй, пісаць вершы’, *грызці граніт* (навуку) ‘старанна авалодваць ведамі (у галіне якой-н. навукі)’. Сустрэўся адзін фразеалагізм гэтай семантычнай падгрупы з аб’ектнай накіраванасцю на асобу – *вярнуць з таго свету* (каго) ‘адратаваць ад смерці, вылечыць’: *Яна [урач] не верыла, што можна штосьці змяніць, можна вярнуць карэспандэнта з таго свету... Ох, і сітуацыя – няхай бы яна правалілася* (І. Капыловіч). Характар аб’ектнай (знешняй) накіраванасці фразеалагізма служыць адной з дыферэнцыяльных прыкмет, што дазваляе адмежаваць фразеалагізмы з субкатэгарыяльным значэннем дзейнасці ад фразеалагізмаў з субкатэгарыяльным значэннем адносінаў. Як правіла, у якасці аб’екта дзеяслоўных фразеалагізмаў са значэннем дзейнасці выступае неадушаўлёны назоўнік (прадукт дзейнасці). Аднак аб’ектам адзінак са значэннем прафесійнай дзейнасці (дзейнасці ўрача, настаўніка, прадстаўнікоў некаторых іншых прафесій) можа аказацца асоба;

в) са значэннем сацыяльна-палітычнай дзейнасці – *высока ўзнімаць сцяг* (чаго, чый) ‘пачынаць барацьбу за што-н., дзейнічаць у імя чаго-н.’, *разыгрываць карту* (чыю) ‘спекуляваць на якіх-н. ускладненнях паміж кім-н.’, *купацца ў крыві* (чыёй) ‘учыняць масавыя забойствы, пакаранні’, *нюхаць порах* ‘ваяваць, удзельнічаць у баі’, *перакоўваць мячы на аралы* ‘раззбройвацца, выкарыстоўваць усе сродкі на мірныя мэты’: *Косця табе не які-небудзь элемент. Ён франты прайшоў, ён порах нюхаў, а хто дзе addзякаваў яму?* (К. Чорны). У ролі суб’екта фразеалагізмаў гэтай семантычнай падгрупы выступаюць назоўнікі, што абазначаюць асобу (сукупнасць асоб) па адносінах да палітычных поглядаў, воінскага статусу і пад., а таксама абстрактныя назоўнікі, якія граматычна неадушаўлёныя, але ў сваёй сэнсавай структуры ўтрымліваюць сему адушаўлёнасці (*адміністрацыя, турмы, арганізацыя* і пад.): *Адміністрацыя Рэйгана на працягу доўгага часу спрабавала разыгрываць так званую кітайскую карту* (“Звязда”);

г) са значэннем фінансаво-эканамічнай дзейнасці. Фразеалагізмы называюць, характарызуюць або ацэньваюць розныя віды фінансавай дзейнасці: атрыманне грошай, іх выкарыстанне, спосаб атрымання грошай і інш. – *класці на бочку* (грошы) ‘плаціць тут жа, не адкладваючы’ (сінанім гэтаму выразу – *на бочку*), *купляць ката ў мяшку* ‘набываць што-н., пра вартасці чаго загадзя не ведаеш’, *трэсці кішэнь (панчоу)* ‘выдаткоўваць грошы на што-н.’, *набіваць панчоу* ‘накопліваць, не пускаючы ў абарот, трымаючы дома. Пра грошы’, *пускаць на вецер* (грошы і пад.) ‘дарэмна траціць, неашчадна расходваць’ (з сінанімічнымі выразамі *кідаць на вецер* (грошы і пад.), *пускаць у трубу* (што)) і інш.

Дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем руху, перамяшчэння ў прастору (іх налічваецца 42 адзінкі). Як правіла, дзеяслоўныя фразеалагізмы гэтай структурна-семантычнай групы не маюць аб’ектнай (знешняй) накіраванасці – *мераць зямлю* ‘хадзіць пехатой на вялікую адлегласць’, *мясіць гразь* ‘ісці па гразкай дарозе’,

знімацца з якара ‘адпраўляцца, ад’язджаць’, нюхаць зямлю ‘падаць плазма, прыціснуўшыся да зямлі’. Выкарыстанне выразаў у форме загаднага ладу актывізуе значэнне руху, выступае як пабуджэнне да дзеяння – *варушыць поршнімі ‘хутчэй ісці, рухацца’, зачыніць дзверы з таго боку ‘пакінуць памяшканне’: На чарнявага, чыстага, пры касцюмчыку, сутулавата-рослага хлопца, што быў запярэчыў ім, медзведзяваты, густа кучаравы здаравіла, прыплюшчыўшы мройна-сонныя валошкавыя вочы, пагрозліва замахаў сцятым кулаком: – Ідзі-ідзі, варушы поршнімі! (В. Адамчык); – Дык разумнейце ж хутчэй!.. – Зачыніце дзверы з таго боку! – раўнуў на іх брыгадзір, і яго паслухаліся (В. Быкаў).* Фразеалагізмы называюць, характарызуюць тэмп, інтэнсіўнасць перамяшчэння: *хуткасць – не прымусяць доўга сябе чакаць ‘скура, тут жа прыйсці, выйсці і пад.’, ляцець на крылах ‘вельмі хутка і з вялікай радасцю бегчы, ехаць куды-н.’, шэраг фразеалагізмаў-сінонімаў з агульным значэннем ‘кідацца наўцёкі, імкліва ўцякаць’ – даваць лататы, даваць дзёру, даваць драла, даваць драпака, даваць махні-драла, даваць у ногі, даваць цягу, змотваць вудачкі, падмазваць пяткі, паказваць пяткі, рваць кіпці, – або маруднасць – маслёнку везці ‘вельмі марудна рухацца (на запрэжаным кані) (з сінанімічным выразам ехаць на валах).*

Дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем канкрэтных фізічных дзеянняў (27 адзінак). У адносінах да паняцця “дзеянне” ў якасці рабочага выкарыстаем наступнае азначэнне: дзеянне – гэта адзінка дзейнасці, актыўнасць, якая мае сваю мэту і матыў, якія адпавядаюць агульнай мэце і матыву дзейнасці. “Дзеянне – гэта штосьці, што нехта робіць, ... штосьці такое, што нейкая актыўная сіла ўтварае (*читаць, рычаць, прыгаць, рваць, руководить і г.д.*)” [5, с. 48]. Дзеяслоўныя фразеалагізмы называюць:

а) пэўныя фізічныя дзеянні, звязаныя з паўсядзённым жыццём – *злавіць лісу ‘неасцярожна прапаліць во- пратку пры агні’, паказаць касе кукіш ‘няўмела ці неасцярожна вострачы касу, абрэзаць, параніць руку’, утык- нуцца носам (у што) ‘не адрываючыся і з захапленнем чытаць, пісаць і пад.’;*

б) дзеянні, звязаныя са зрокам і слыхам – *вастрыць вушы ‘напружана, уважліва прыслухоўвацца, насця- рожвацца’ (з сінанімічнымі выразамі настаўляць вушы, натапырваць вушы, пераўтварацца ў слых, стрыгчы вушамі): За перагародкай хадзіла гаспадыня і, відаць, вастрыла вушы, каб хоць што-небудзь пачуць (А. Асіпенка). Аспек- туальная прыстаўка на- ўносіць у сэнсавую структуру фразеалагізма навастрыць вушы сему пачатку працэсу – ‘пачаць уважліва прыслухоўвацца, насцеражыцца’: Васіль насцярожыўся, навастрыў вушы (А. Макаёнак).*

Асобнай гаворкі заслугоўваюць фразеалагізмы, якімі называюцца дзеянні, звязаныя са зрокам. Выразы ма- юць двухаб’ектную накіраванасць (на аб’ект-асобу або на аб’ект-прадмет) – *кідаць вока (на каго, на што) ‘гля- дзець зрэдку ці мелькам, імгненна’ (з сінонімамі акінуць вокам (каго, што), кідаць вокам (на каго, на што, куды)), падымаць вочы (на каго, на што) ‘глядзець на каго-, што-н.’. Двухаб’ектная накіраванасць такіх адзінак прыво- дзіць да развіцця субкатэгарыяльнай мнагазначнасці: [Зоська] бесклапотна глянула ўніз цераз парэнчу, кінула вочы на дарогу, на той бок мерзлай ручаіны (К. Чорны) (субкатэгарыяльнае значэнне дзейнасці); На мяне кідалі вока, часам адважваліся зачэпіць дзяўчаткі, якія рабілі на кухні, у садзе, на агародзе (І. Шамякін) (субкатэгары- яльнае значэнне адносін, міжасобасных адносін); Дзед Талаш падняў вочы на гэты карэскаваты гузасты дуб з магутнымі лапамі, як бы чакаючы адказу на свае сумненні (Я. Колас) (субкатэгарыяльнае значэнне дзейнасці); Васіль хмурыў лоб і ўсім сваім выглядам паказваў, што ён зусім не бянтэжыцца, што яму ведама, як належыць у такім разе трымацца мужчыну, але вачэй на Ганну не падымаў (субкатэгарыяльнае значэнне адносін, міжасо- басных адносін);*

в) дзеянні, накіраваныя на задавальненне найбольш важных фізічных (фізіялагічных) запатрабаванняў ча- лавека (у ежы, пільве і інш.): *выкладаць бакі ‘есці што-н. апетытнае, смачнае’, хадзіць каля посуду чыста ‘есці, піць з апетытам і да канца ўсё, што даюць’, замарыць чарвяка ‘злёгка перакусіць, спехам прагнаць голад’ (з сінонімамі пражывіць душу), брахаць на ваду ‘бясконца многа піць, не могуць прагнаць смагу’, напавіць галаву ‘выпіць спіртнога на другі дзень пасля моцнай выпіўкі, каб пазбавіцца ад недамагання; пахмяліцца’ і інш.*

Заклучэнне. Аналіз сэнсавай структуры адназначных дзеяслоўных фразеалагізмаў са значэннем канкрэт- най дзейнасці дазваляў вылучыць тры структурна-семантычныя групы фразеалагізмаў: са значэннем сацыяльнай дзейнасці суб’екта-асобы (чалавека), са значэннем руху, перамяшчэння ў прасторы, са значэннем канкрэтных фізічных дзеянняў, накіраваных на задавальненне найбольш важных фізіялагічных запатрабаванняў. Выяўляец- ца, што ў межах структурна-семантычных груп адзінкі часта звязаны паміж сабою сінанімічнымі сувязямі. У ролі аб’екта дзеяслоўных фразеалагізмаў са значэннем канкрэтнай дзейнасці, як правіла, выступае прадмет (прадукт дзейнасці). Дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем канкрэтнай дзейнасці ў колькасных адносінах значна ўсту- паюць дзеяслоўным фразеалагізмам са значэннем абстрактнай дзейнасці (апошнія называюць-характарызуюць мысленне, маўленне і паводзіны суб’екта-асобы; іх, па нашых падліках, толькі адназначных налічваецца 300 адзі- нак, у той час як толькі адназначных выразаў са значэннем канкрэтнай дзейнасці – 152 адзінкі). Перавага фра- зеалагізмаў са значэннем абстрактнай дзейнасці, магчыма, можа быць растлумачана тым, што фразеалагізмы, з’яўляючыся фактам другаснай намінацыі, як правіла, служаць выражэннем адцягненых працэсаў, больш скла- даных па сваёй сутнасці, чым канкрэтныя дзеянні.

ЛІТАРАТУРА

1. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.
2. Лепешаў І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы: вучэб. дап. для філал. фак. ВНУ. – Мінск: Выш. шк., 1998. – 271 с.

3. Маршэўская В.В. Субкатэгарыяльнае значэнне дзеяслоўных фразеалагізмаў // Беларуская мова і літаратура. – 2022. – № 8(250). – С. 51–55.
4. Маршэўская В.В. Дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем міжасобасных адносін // Роднае слова. – 2022. – № 8(416). – С. 71–74.
5. Гайсіна Р.М., Захарова И.А., Иванова Л.А. Категория отношения в языке. – Уфа: Башк. ун-т, 1997. – 173 с.

Поступила 20.10.2022

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.В. МАРШЕВСКАЯ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Автор исследует значения отдельных глагольных фразеологизмов, построение семантической структуры субкатегории деятельности и отдельных структурно-семантических групп. Основным методом данного исследования стал метод семантической идентификации. Методологическую базу составили труды ведущих отечественных и зарубежных лингвистов в области фразеологии и лексикологии. Материалом исследования послужил фактический материал из современных фразеографических источников, а также авторская картотека глагольных фразеологизмов. Описаны однозначные глагольные фразеологизмы со значением социальной деятельности, движения и перемещения в пространстве, со значением конкретных физических действий, направленных на удовлетворение наиболее важных физических (физиологических) потребностей. Обоснована закономерность функционирования в качестве объекта исследуемых единиц существительных со значением конкретного предмета в качестве продукта деятельности. Установлено, что в пределах структурно-семантических групп и семантических подгрупп глагольные фразеологизмы со значением конкретной деятельности связаны синонимическими отношениями. Полученные результаты могут быть применены в курсах лекций и семинарских занятий по современному белорусскому языку, а также по лингвистике текста и культурологии.

Ключевые слова: глагольные фразеологизмы, фразеология, белорусский язык, конкретная деятельность, социальная деятельность, структурно-семантические группы, объектная направленность.

SEMANTIC GROUPS OF VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MEANING OF A SPECIFIC ACTIVITY

V. MARSHEUSKAYA

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The author explores individual verbal phraseological units' meanings, the formation of the semantic structure of the subcategory of activity and individual structural and semantic groups. The main method of this study was the method of semantic identification. The methodological base consists of the works of leading Russian and foreign linguists in phraseology and lexicology. The research material consists of factual material from modern phraseographic sources, as well as the author's card-file of verbal phraseological units. The author describes mono-semantic verbal phraseological units with the meaning of social activity, movement and displacement in space, as well as the ones with the meaning of specific physical actions aimed at satisfying the most important physical (physiological) needs. The pattern of nouns with the meaning of a specific object as a product of activity functioning as an object of the studied units is substantiated. It is established that within the framework of structural-semantic groups and semantic subgroups, verbal phraseological units with the meaning of a specific activity have synonymous relationships. The results obtained can be applied in the courses of lectures and seminars on the modern Belarusian language, as well as on the text linguistics and cultural studies.

Keywords: verbal phraseological units, phraseology, the Belarusian language, concrete activity, social activity, structural-semantic groups, object orientation.

УДК 811.161.3'367+81'255.2:82=133.1=161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-158-161

СЕГМЕНТАВАНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ Ў БЕЛАРУСКАМОЎНЫМ ПЕРАКЛАДЗЕ «МАЛЕНЬКАГА ПРЫНЦА»

д-р філал. навук, праф. Т.Р. РАМЗА
(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)
e-mail: ramza@bsu.by

Аналізуецца сінтаксіс першага беларускамоўнага перакладу алегарычнай апавесці-казкі Антуана дэ Сент-Экзюперы «Маленькі прынец» (1943). Адзначаецца, што сінтаксічная спецыфіка перакладу ў аўтарстве Эдзі Агняцвет выклікана найперш «гутарковым» характарам самога твора і ўплывам на ідыястыль перакладчыцы вуснага беларускага маўлення. Важную ролю пры гэтым адыгралі і ўласныя інтэнцыі перакладчыцы, што праявіліся ў функцыянальна абумоўленых канструкцыях: незвычайным адасабленні членаў сказа, пабудовах з часціцамі, структурнай непаўнаце і пад. Такія сегментаваныя канструкцыі ў беларускамоўным перакладзе дазволілі аўтару максімальна актуалізаваць увагу чытачоў на канцэптуальна важных момантах зместу казкі.

Ключавыя словы: беларуская мова, пераклад, сказ, сінтаксіс, сегментацыя, казка, «Маленькі прынец», Эдзі Агняцвет.

Уводзіны. Беларуская мова ўваходзіць у тыя 300 моў і дыялектаў свету, на якія перакладзена алегарычная казка Антуана дэ Сент-Экзюперы «Маленькі прынец» (1943), што «прызнаны лепшай кнігай XX стагоддзя ў Францыі» [1]. Беларусы маюць дзве версіі перакладу гэтага твора з французскай мовы: у 1969 г. пераклад ажыццявіла Эдзі Агняцвет [2], а ў 1989 г. гэта зрабіла Ніна Мацяш [3]. Выданне Э. Агняцвет у свой час «за некалькі дзён стала бібліяграфічнай рэдкасцю» [4, с. 8], пераклад жа Н. Мацяш даступны дзякуючы яго электроннаму варыянту, змешчанаму на «Беларускай палічцы» [5], а таксама двум перавыданням. Адно выйшла ў 2017 г. у рэдакцыі Зміцера Коласа [6]; другое – у 2019 г., яно, як указана ў анатацыі да кнігі, падрыхтаванае і апублікаванае Марыяй Новік на аснове правак самой Н. Мацяш [7], якая заўчасна сышла з жыцця ў 2008 г. Відаць, менавіта статус «бібліяграфічна рэдкасць» выдання перакладу Э. Агняцвет стаў тым фактарам, што пераклад застаўся па-за ўвагаю даследчыкаў-філолагаў, за выключэннем газетнай нататкі Н. Лапідуса [4, с. 8].

Мэта прапанаванага артыкула – выявіць сінтаксічныя адметнасці беларускамоўнага перастварэння казкі Антуана дэ Сент-Экзюперы ў версіі Э. Агняцвет на фоне арыгінальнага французскага тэксту. Такое супастаўленне дазволіць звярнуць увагу не толькі на ідыястыль перакладчыцы, але і на асаблівасці самой беларускай мовы і яе нацыянальную спецыфіку. У якасці асноўных для вырашэння абраны наступныя задачы: выявіць падобнае і адрознае ў сінтаксічных прыёмах у беларускамоўным перакладзе і арыгінальным французскім тэксце; вылучыць у перакладзе найбольш частотныя адметныя канструкцыі; вытлумачыць прагматыку аўтарскай сегментацыі і адпаведнай ёй пунктуацыі ў перакладзеным тэксце.

Асноўная частка. Як сведчаць вынікі даследавання, пераклад Э. Агняцвет цалкам адпавядае размоўнаму характару казкі Экзюперы, яму ўласцівыя тыя ж сінтаксічныя канструкцыі і прыёмы, якія ўжываюцца ў вусным гутарковым і дыялагічным маўленні як у французскай мове, так і ў беларускай: звароткі, этыкетныя формулы, выклічнікі, клішаваныя дыялагічныя рэплікі, перарывістасць, недаказ, сінтаксічная анафара, сегментацыя і пад. Трэба заўважыць, што не заўсёды гэта поўнае супадзенне ў тэкстах перакладу і арыгінала, паколькі мовы тыпалагічна розныя, але самі сінтаксічныя прыёмы перагукваюцца, напр., недаказ: *Маленькі прынец перасек пустыню і нікога не сустрэў, апроча адной кветкі. Усяго тры пялёсткі мела яна. Зусім малюсенькая, мізэрная кветка...* (57)¹ і *Le petit prince traversa le désert et ne rencontra qu'une fleur. Une fleur à trois pétales, une fleur de rien du tout...* (128); перарывістасць: *Сёння ўначы... ведаеш... ты не прыходзь...* (83) і *—Cette nuit... tu sais... ne viens pas.* (178); сінтаксічная анафара: *—Я ведаў адну планету, дзе жыў адзін чырванатвары пан. Ён ніколі, ніводнага разу, не панюхаў кветкі. Ён ні разу не зігнуў на зорку. Ён ніколі нікога не любіў. Ён ніколі нічога не рабіў, толькі падлічваў.* (23) і *—Je connais une planète où il y a un Monsieur cramoisi. Il n'a jamais respiré une fleur. Il n'a jamais regardé une étoile. Il n'a jamais aimé personne. Il n'a jamais rien fait d'autre que des additions.* (54); выклічнікі і паўторы: *—Ам, добра будзе і так, — супакой ён мяне. — Дзеці ўсё роўна зразумеюць* (76) і *—Oh! ça ira, dit-il, les enfants savent.* (164); *—Куды ж ён пойдзе? — А хоць куды! Проста і проста, куды вочы глядзяць.* (12) і *—Mais où veux-tu qu'il aille! — N'importe où. Droit devant lui...* (28) і пад.

Праз увесць тэкст перакладу (і ў рэпліках герояў, і ў апаведзе лётчыка) выкарыстоўваюцца эматыўныя беларускія выказванні са спецыялізаванымі маркёрамі эматыўнасці і так званыя сінтаксічныя фразеалагізмы [9], народныя выслоўі, а таксама сегментаваныя канструкцыі. Гэта значыць, што ў шэрагу выпадкаў змест французскай фразы атрымаў у перастварэнні Э. Агняцвет не толькі адрознае вонкавае афармленне, але і дадатковую сінтаксічную экспрэсію («ўласціваць сінтаксічных формаў павялічваць прагматычны патэнцыял выказванняў звыш

¹ Тут і далей пры цытаванні тэкстаў (перакладу і арыгінала) будуць указвацца толькі старонкі (у круглых дужках) па адпаведных выданнях Э. Агняцвет [2] і А. Сент-Экзюперы [8].

той ступені, якая дасягнута лексічнымі значэннямі элементаў, што напаўняюць гэтыя сінтаксічныя формы” [10, с. 208]]. У якасці экспрэсіваў перакладчыцай уведзены:

1) беларускія гутарковыя ацэначныя фразы: *А вы не губляйце часу на гэтую задачку! Марныя клопаты!* (54) і *Mais ne perdez pas votre temps à ce pensum. C'est inutile.* (122); *–Пяцьсот мільёнаў гэтых маленькіх штукоўін, якія часам з’яўляюцца ў наветры. – Гэта мухі, ці што?* (41) і *–Millions de ces petites choses que l'on voit quelquefois dans le ciel. –Des mouches?* (95); *«Пацеха, ды і годзе!» – падумаў Маленькі прынц.* (43) і *“C'est amusant”, pensa le petit prince.* (100); *–Дык ты што? З іншай планеты?* (10) і *–Tu viens donc d'une autre planète?* (22) і пад.;

2) сінтаксічныя фразеалагізаваныя канструкцыі, якія “ў значнай меры і ствараюць тое, што можна назваць сінтаксічнай спецыфікай канкрэтнай мовы; яны надзвычай важныя як праява нацыянальнай самабытнасці” [11, с. 159]: *Калі гэта парастак радысу альбо ружавага куста, хай сабе расце на здароўе!* (18) і *S'il s'agit d'une brindille de radis ou de rosier, on peut la laisser pousser comme elle veut.* (40); *–Хай прыходзяць тыгры са сваімі кіпцюрамі! Што мне да іх?* (27) і *–Ils peuvent venir, les tigres, avec leurs griffes!* (63); *–Прывязаць? Што за глупства!* (12) і *–L'attacher? Quelle drôle d'idée!* (28); *Як на ліха, ніхто сюды не прыходзіць.* (37) і *Malheureusement il ne passe jamais personne par ici.* (91);

3) народныя выслоўі: *Але славалюб не чуў. (Аржаная каша сама сябе хваліць і нічога не чуе, апроч пахвалы.)* (37) і *Mais le vaniteux ne l'entendit pas. Les vaniteux n'entendent jamais que des louanges* (87); *“Таму што брахлівы пасол аббрэша многа сёл, і ўсё пераблытаеца ў падручніках па геаграфіі. Ды і п’янства – чалавеку паганства”* (49) і *“Parce qu'un explorateur qui mentirait entraînerait des catastrophes dans les livres de géographie. Et aussi un explorateur qui boirait trop”.* (119) і інш.

Прыведзеныя ілюстрацыі, з аднаго боку, сведчаць пра нацыянальны каларыт беларускага тэксту, а з другога – узмацняюць як уласна граматычнае значэнне сказа, так і яго прагматычную функцыю: глыбей уздзеінічаць на беларускамоўнага чытача, у тым ліку і на эмацыйна-псіхалагічным узроўні. Пераклад атрымаў беларускую спецыфіку і праз будову самой беларускай фразы, яе інтанаванне і эліпсіс, што ўласціва вуснаму маўленню, напр.: *–Хіба ты не бачыш? Гэта ж не баранчык, а баран... у яго – рогі...* (8) і *–Tu vois bien... ce n'est pas un mouton, c'est un bélier. Il a des cornes...* (21); *–Хай гэта будзе дом, зоркі альбо пустыня: самае дзіўнае – у прыгажосці, схаванай ад вока.* (72) і *–Oui, dis-je au petit prince, qu'il s'agisse de la maison, des étoiles ou du désert, ce qui fait leur beauté est invisible!* (157) і пад.

Асаблівасцямі будовы сказа ў французскай мове, акрамя структурнай завершанасці (поўнага набору неабходных кампанентаў), «належыць лічыць асобы прагрэсіўны цвёрдафіксаваны парадак слоў, які характарызуе не толькі сказ у цэлым, але і яго складнікі – сінтаксічныя групы (прэдыкатыўную, атрыбутыўную, аб’ектную, акалічнасную), спяжэнне (кампрэсію) гэтых сінтаксічных груп і абмежаванне дыстаксіі, значную ролю не толькі парадку слоў, але і службовых слоў для выражэння граматычных значэнняў, нарматыўную двухсастаўнасць сказа» [12, с. 21]. Беларускі сказ не мае цвёрдафіксаванага парадку слоў і прынцыповай двухсастаўнасці, якой падпарадкоўваецца будова французскай фразы, таму адзін і той жа суб’ект можа апускацца ў некалькіх выказваннях запар, што надае ім дадатковую сінтаксічную экспрэсію, напр.: *Доўга жыў я сярод дарослых. Бачыў іх зблізку. І ад гэтага не стаў лепш думаць пра іх.* (5) і *J'ai beaucoup vécu chez les grandes personnes. Je les ai vues de très près. Ça n'a pas trop amélioré mon opinion* (14). Будова простага сказа ў французскай мове мае ўстойлівую структуру – “пастаянны парадак размяшчэння кампанентаў”: дзейнік – выказнік – прамое дапаўненне – ускоснае дапаўненне / акалічнасць [13, с. 176]. Калі ж такі парадак змяняецца, то ў пісьмовым тэксце неабходнае слова выносіцца наперад і вылучаецца коскай(мі). Працяжнік для такога адасаблення не ўжываецца. “Працяжнік выкарыстоўваецца, галоўным чынам, як графічны сродак, які абазначае ўвод новага кавалка тэксту ў дыялогу” [14, с. 70]. У беларускай мове працяжнік з’яўляецца адным са знакаў прыпынку, які мае выдзяляльную функцыю (вылучае са структуры сказа асобныя яго часткі), а таксама раздзяляльна-замышальную функцыю (аддзяляючы адну частку сказа ад іншай, указвае на адсутнасць пэўнага кампанента структуры сказа). Так, паводле правілаў працяжнік ставіцца паміж дзейнікам і выказнікам пры пропуску звязкі, пры пропуску члена сказа, пры адасабленні, пры ўстаўных канструкцыях, паміж прэдыкатыўнымі часткамі складаных сказаў і пад., чаму, вядома, падпарадкаваны і тэкст перакладу, напр.: *Словы – крыніца непаразуменняў.* (65); *Калодзежы тут – гэта звычайныя ямы, выкапаныя ў пяску.* (74); *Усе астатнія крокі прымушаюць мяне хавацца пад зямлёй. Твае – будуць выклікаць мяне, як музыка, з маёй нары.* (63) і інш.

У тэксце перакладу пастаноўка працяжніка нярэдка грунтуецца не на агульнапрынятых правілах, а на сегментацыі выказвання, што можна трактаваць як праяву ідыястылю перакладчыцы, звязаную з яе манерай будаваць сказ і выражаць сінтаксічнымі сродкамі тонкія адценні зместу казкі Экзюперы. Тут дарэчы згадаць, што ў мастацкім тэксце “пунктуацыя з’яўляецца адным з вельмі выразных сродкаў перадачы тых бакоў зместу, якія або не могуць зусім, або не могуць ва ўсёй паўнаце і глыбіні перадавацца з дапамогаю адных толькі слоў і граматычнага афармлення выказвання” [15, с. 62]. Больш чым у ста сказах Э. Агняцвет ужывае працяжнік менавіта як сродак выразнасці, тым самым дапамагаючы беларускаму чытачу расставіць сэнсавыя акцэнтны пры ўспрыманні зместу казкі. Да прыкладу, рэзкае проціпастаўленне аўтахарактарыстыкі дзелавага чалавека і меркаванне пра яго Маленькага прынца: *–І кожны дзень, ад ранку да вечара, ён паўтараў, як ты: «Я – чалавек сур’ёзны! Я – чалавек сур’ёзны!» І ўвесь аж надзімаўся ад гонару. Але гэта – не чалавек, гэта проста – грыб!* (23) і *Et toute la journée il répète comme toi: “Je suis un homme sérieux! Je suis un homme sérieux!” et ça le fait gonfler d'orgueil. Mais ce n'est pas un homme, c'est un champignon!* (54); або проціпастаўленне значнасці ружаў і ружы: *–Вы прыгожыя, але вы –*

пустыя, – працягвай ён. – Дзеля вас немагчыма памерці. Вядома, які-небудзь вандроўнік, зірнуўшы на маю ружу, падумае, што і яна падобная да вас. Але для мяне яна – адзіная і самая дарагая. (67) i –Vous êtes belles mais vous êtes vides, leur dit-il encore. On ne peut pas mourir pour vous. Bien sûr, ma rose à moi, un passant ordinaire croirait qu'elle vous ressemble. Mais à elle seule elle est plus importante que vous toutes... (155).

Сегментацыя з дапамогай пунктуацыі дапамагае перадаць “такія адценні, якія аўтар часта ўносіць у сваё выказванне як індывідуальныя, не абавязкова ўласцівыя дадзенай сінтаксічнай канструкцыі” [15, с. 37]. Сярод такіх канструкцый у перакладзе самыя частотныя з лагічным і сэнсавым падзелам выказвання на групу дзейніка і групу выказніка: 1) назоўнік – прыметнік; 2) уласны займеннік – назоўнік / прыметнік; 3) займеннік *гэта* – назоўнік / прыметнік. Працяжнік у такіх канструкцыях або ўзмацняе проціпастаўленне дзвюх частак, як: *Але вочы – слятыя. Трэба шукаць сэрцам.* (76) i *Mais les yeux sont aveugles. Il faut chercher avec le coeur* (173); – *Але ж вы – географ!* – *Сапраўды так, – сказаў географ. – Але я – не вандроўнік.* (49) i –*Mais vous êtes géographe! – C'est exact, dit le géographe, mais je ne suis pas explorateur.* (112); або садзейнічае канцэнтрацыі ўвагі чытача на займенніку *гэта*, змест якога раскрыты ў папярэднім ці наступнай частках сказа, як: *А на планеце Маленькага прынца было жахлівае насенне... Гэта – насенне баабабай.* (18) i *Or il y avait des graines terribles sur la planète du petit prince... c'étaient les graines de baobabs.* (43); *Мне здавалася, што я нясу квола скарб. Мне нават здавалася, што гэта – самае кволае на Зямлі і больш такога нідзе няма.* (74) i *Il me semblait porter un trésor fragile. Il me semblait même qu'il n'y eût rien de plus fragile sur la Terre.* (157) i інш.

“Сегментаваны сказ прадугледжвае вынясенне ў сегмент (па тэрміналогіі Ш. Балі: сегмент А – thème) аднаго з членаў сказа і проціпастаўленне сегмента ўсёй астатняй частцы, якая заключае прэдыкатыўную і аб’ектную групы (суб’ектна-аб’ектную групу) ці, інакш кажучы, дзеяслоўную частку (Z – propos, паводле азначэння Ш. Балі)” [12, с. 32]. Перакладу Э. Агняцвэта ўласцівыя розныя тыпы сегментацыі (табліца).

Табліца. – Сегментацыя членаў сказа ў перакладзе Э. Агняцвэта

Пунктуацыйнае вылучэнне сэнсавых нагруканых сінтагмаў перакладу		Арыгінал Сент-Экзюперы
Акалічнасць	<i>Яна апраналася не спяшаючыся, прымервала палёсткі – адзін за другім.</i> (25) <i>І ты часам адчыніш насцеж акно – проста так, для ўцехі...</i> (82)	Elle s'habillait lentement, elle ajustait un à un ses pétales. (60) Et tu ouvriras parfois ta fenêtre, comme ça, pour le plaisir... (177)
Выказнік / група выказніка	<i>–Але ж ты на сваёй планеце – адзін.</i> (38) <i>Бяда ў тым, што да Францыі – вельмі далёка.</i> (21) <i>–Я для цябе – толькі лісіца, падобная да сотні іншых лісіц.</i> (63)	–Mais tu es seul sur ta planète! (90) Malheureusement la France est bien trop éloignée. (49) Je ne suis pour toi qu'un renard semblable à cent mille renards. (136)
Дзейнік / група дзейніка	<i>–Твая ўласнасць – зоркі?</i> (41) <i>Такая ўжо яна таямнічая – гэтая краіна слёз.</i> (25)	–Tu possèdes les étoiles? (96) C'est tellement mystérieux, le pays des larmes. (58)
Дзейнік і выказнік / група дзейніка і выказніка	<i>–У мяне дома – усё маленькае.</i> (8) <i>–Тады – кепска твае справы, – сказаў Маленькі прынец.</i> (46) <i>На малюнку – вялізны ўдаў глытаў дзікага звера.</i> (3)	–Chez moi c'est tout petit. (23) –Ce n'est pas de chance, dit le petit prince. (108) Ça représentait un serpent boa qui avalait un fauve. (10)

На прыкладах, прыведзеных у табліцы, наглядна бачна, што аўтарская сегментацыя ў перакладзе актуалізуе інфармацыю, вынесеную ў сегмент з дапамогай працяжніка, не парушаючы самой структуры беларускага сказа; пры гэтым яна надае выказванню дадатковую семантычную глыбіню.

Заклучэнне. Сінтаксіс перакладу казкі Антуана дэ Сент-Экзюперы ў версіі Эдзі Агняцвэта адпавядае “размоўнаму” французкаму арыгіналу, г. зн. перакладчыца вытрымала гутарковасць і ў рэпліках персанажаў казкі, і ў апавядзе лётчыка. Больш за тое, пераклад набыў характэрную беларускамоўную спецыфіку, у тым ліку і праз будову выказванняў, этыкетныя рэплікі, эматыўныя выразы, клішаваныя фразы, фразеалагізаваныя сінтаксічныя канструкцыі, сегментацыю. Такія разнастайныя канструкцыі вельмі дарэчна ўведзены ў беларускі тэкст і цалкам натуральна гучаць як з вуснаў самога апавядальніка, так і яго герояў. Найбольш частотнымі сярод адметных канструкцый сталі выказванні з сегментацыяй.

Сегментацыя пэўных членаў сказа ў перакладзе суправаджаецца пастаноўкай працяжніка, прычым вылучэнне ў выказванні пэўных сегментаў – слова ці групы слоў, адзеленых паўзамі ад суседніх слоў, – у пераважнай ступені аўтарскае. Тым самым перакладчыца змагла ўнесці дадатковыя адценні сэнсу ў самі сінтаксічныя канструкцыі, якія па сваёй граматычнай прыродзе такіх сэнсаў не перадаюць. Адначасова працяжнік дапамагае чытачу звярнуць увагу на тую інфармацыю ў сказе, якую хацеў вылучыць аўтар.

ЛІТАРАТУРА

1. Маленькі прынец. – URL: https://be.wikipedia.org/wiki/Маленькі_прынец, https://ru.wikipedia.org/wiki/Маленький_принц (дата звароту: 17.01.2021).
2. Сент-Экзюперы А. дэ. Маленькі прынец. З малюнкамі аўтара. Пер. з фр. Э. Агняцвэта. – Мінск: Беларусь, 1969. – 88 с.
3. Сент-Экзюперы А. дэ. Маленькі прынец: казка: для мал. шк. узросту. Пер. з фр. Н. Мацяш; маст. І. Лобан. – Мінск: Юнацтва, 1989. – 95 с.

4. Лapidус Н. Экзюперы па-беларуску // Літаратура і мастацтва. – 1970. – 4 снеж. – С. 8.
5. Сент-Экзюперы А. дэ. Маленькі прынец ; пер. з фр. Н. Мацяш. – URL: https://knihi.com/Antuan_de_Sent-Ekziupery/Malenki_prync.html (дата звароту: 05.01.2021).
6. Сэнт-Экзюперы А. дэ. Маленькі прынец. Пер. з фр. Н. Мацяш, пад рэд. Зм. Коласа. – Мінск: Выдавец Зміцер Колас, 2017. – 108 с.
7. Сент-Экзюперы А. дэ. Маленькі прынец. Пер. з фр. Н. Мацяш; з мал. аўтара; падрыхт. тэксту М. Новік. – Мінск: Папury, 2019. – 128 с.
8. Французский язык с Антуаном де Сент-Экзюпери: «Маленький Принц» / пособие подгот. Илья Франк. – М.: Восток – Запад, 2007. – 192 с.
9. Доўгаль А.В. Сродкі выражэння эмоцый у сучаснай беларускай мове. – Мінск : Тэхналогія, 2008. – 176 с.
10. Салдаценка Н.Д. Прагматычныя аспекты сінтаксічнай экспрэсіі // Беларуская мова ў другой палове XX ст.: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 22–24 кастр. 1997 г. – Мінск: БДУ, 1998. – С. 208–210.
11. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с.
12. Шигаревская Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1970. – 216 с.
13. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – 3-е изд., доработ. – М.: Просвещение, 1989. – 287 с.
14. Шигаревская Н.А. Основы французской пунктуации. – М.: Просвещение, 1975. – 110 с.
15. Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: URSS : КомКнига, 2006. – 296 с.

Паступіў 22.01.2021

СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ «МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА»

Т.Р. РАМЗА

(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматривается синтаксис первого белорусскоязычного перевода аллегорической повести-сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1943). Отмечается, что синтаксическая специфика перевода в авторстве Эди Огнецвет обусловлена прежде всего «разговорным» характером самого произведения и влиянием на идиостиль переводчицы устной белорусской речи. Важную роль при этом сыграли и собственные интенции переводчицы, что проявилось в функционально обусловленных конструкциях: сегментации предложений, высказываниях с частицами, структурной неполноте и под. Такие конструкции в белорусскоязычном переводе позволили автору максимально актуализировать внимание читателей на концептуально важных моментах содержания сказки.

Ключевые слова: белорусский язык, перевод, предложение, синтаксис, сегментация, сказка, «Маленький принц», Эди Огнецвет.

SEGMENTED CONSTRUCTIONS IN THE BELARUSIAN TRANSLATION OF “THE LITTLE PRINCE”

T. RAMZA

(Belarusian State University, Minsk)

The syntax of the first Belarusian-language translation of the allegorical story-fairy tale by Antoine de Saint-Exupery “The Little Prince” (1943) is considered. It is noted that the syntactic specificity of the translation in the authorship of Edzi Agnyatsvet is primarily due to the “colloquial” nature of the work itself and the influence on the idiosyncrasy of the translator of the Belarusian oral speech. An important role was also played by the translator’s own intentions, which manifested itself in functionally conditioned constructions: segmentation of sentences, statements with particles, structural incompleteness, etc. Such constructions in the Belarusian-language translation allowed the author to actualize the readers’ attention to the conceptually important points of the content of the tale.

Keywords: Belarusian language, translation, sentence, syntax, segmentation, fairy tale, “The Little Prince”, Edzi Agnyatsvet.

СТРУКТУРНАЯ АЛЬТЕРНАЦИЯ ВОЗВРАТНЫХ МОДЕЛЕЙ В ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ «КРЁСТНОГО ОТЦА» МАРИО ПЬЮЗО

канд. филол. наук, доц. Г.В. СЕРИКОВ

(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6624-7370>

Статья посвящена выявлению многообразия, закономерностям построения и употребления возвратных моделей, как глагольных, так и именных, Брониславом Зелиньским в его художественном переводе на польский язык англоязычного романа “The Godfather” американского писателя Марио Пьюзо. В статье представлена частотность употребления возвратных форм, построенных по моделям контактной и дистактной пост- и препозиции энклитической формы возвратного местоимения *się* по отношению к глаголу, отмечается относительно свободное и обусловленное логикой построения высказывания место *się* в структуре фразы и предложения, выявляются подвиды модели с дистактной препозицией *się*, акцентируется внимание на так называемых «возвратных» существительных, не свойственных ни английскому, ни русскому языкам, и способах их перевода на польский язык с языка оригинала.

Ключевые слова: возвратные модели, контактная постпозиция, сегментация, энклитик, возвратное местоимение, делимитеры, аппликат, препозиция, бивалентный, сегментация.

Введение. В силу сохранившихся до нашего времени в польской фонетике, лексике и грамматике архаичных черт язык наших западных соседей, по сравнению с восточнославянскими языками, характеризуется спорадическими, но устойчивыми проявлениями своей древней аналитической структуры, что особенно отчётливо проявляется на синтаксическом уровне. Одной из причин, обуславливающих те, а не иные правила построения предложений в устной и письменной речи поляков, является относительно самостоятельное функционирование безударной энклитической формы возвратного местоимения *się* (← *siebie*), которому в русском языке соответствует постфикс *-ся* (*-сь*) (в белорусском *-ся* или *-ца*), характеризующийся слитным написанием с глаголами. В зависимости от степени смысловой нагрузки в предложении возвратное местоимение в восточнославянских языках в ходе исторического развития либо сохранило свою самостоятельность как часть речи в виде местоимения *себя*, либо агглютинировалось с переходными глаголами, превратившись во вспомогательную морфему *-ся* (*-сь*). В польском же языке, по причине кодифицированного раздельного написания *się* (это форма чаще В.п., реже – Р.п.), это слово воспринимается или как возвратная морфема, или как полноценное местоимение, но и в том и другом случае это *się* может выступать не только в постпозиции, но и в препозиции по отношению к своему глаголу, а также бывает отдалено от последнего одним или несколькими делимитерами (*от лат. delimiter* ‘разделитель’), обозначенными в статье как **n¹**, **n²** и т.д.

Исходя из вышесказанного, данная статья преследует несколько целей: во-первых, выявить наиболее предпочитаемые возвратные модели носителем польского языка (в нашем случае переводчиком), во-вторых, раскрыть закономерности выбора той или иной позиции *się* в структуре предложения и, в-третьих, объяснить причину употребления в переводном тексте существительных ср.р. с *się* вместо соответствующих глаголов либо существительных, выступающих в тексте оригинала.

Основная часть. Источником очередного исследования явился культовый бестселлер американского писателя Марио Пьюзо «Крёстный отец», впервые опубликованный в 1969 г., а позже переведённый с английского языка (языка оригинала) на многие языки мира, в том числе и на польский [1]. Частным объектом лингвистического исследования в нашем случае явилась категория возвратности, воплощённая, благодаря природным особенностям польского языка, не только в его глагольных формах, но и в именных, внимание на которые обращалось нами ранее [2, с. 152]. Всего в переводной (польскоязычной) версии романа нами выявлено 3499 эпизодов употребления *się* при возвратных глаголах и существительных. Самых же глаголов, маркируемых как возвратные, несколько больше, поскольку возвратное местоимение *się* относится иногда в одном предложении к двум глаголам, являясь, что называется, бивалентной по отношению к ним энклитическо-проклитической формой. В настоящей статье отмечен также и один поливалентный проклитик *się*, семантически и структурно прочно связанный одновременно с четырьмя следующими после него глаголами.

Итак, выявленные нами возвратные формы распределяются по частям речи и глагольным формам в следующей частотной градации (таблица 1).

Таблица 1. – Возвратные модели и частотность их употребления в польском переводе

Модель	Количество раз	%
1	2	3
Контактная постпозиция «V + <i>się</i> »	2254	64,41
Контактная препозиция « <i>się</i> + V»	683	19,51
Дистактная препозиция « <i>się</i> + n¹ + V»	171	4,88

Окончание таблицы 1.

1	2	3
Дистактная препозиция « się + n¹ + n² + V »	92	2,62
Дистактная постпозиция « V + n¹ + się »	85	2,42
Деепричастия	73	2,08
Причастия	51	1,45
Возвратные существительные	51	1,45
Бивалентные	20	0,57
Дистактная препозиция: « się + n¹ + n² + n³ + V »	14	0,40
Дистактная препозиция: « się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + V »	3	0,08
się в значении 'себя'	1	0,02
Поливалентные	1	0,02

В числе преобладающего числа употреблений в данном романе модели контактной постпозиции «**V** + **się**» (2254) отмечается 121 эпизод употребления энклитики **się** в абсолютном конце предложения, т.е. описываемых моделью «**V** + **się**», хотя согласно данным энциклопедии «Język polski w tabelach», краткая форма возвратного местоимения **się** гораздо предпочтительнее в какой-либо из препозиций по отношению к глаголу: «w miarę możliwości nie na ostatniej pozycji w zdaniu» [3, с. 197]. Эти синтаксические конструкции соответствуют двусоставным или односоставным предложениям, выступающим чаще всего в роли слов автора при диалогах, в качестве лаконичных ремарок и пояснений, когда цель высказывания исчерпана и содержательно обогащать его незачем. Оформляются таким же образом и краткие реплики в диалогах персонажей. В восточнославянских языках таким высказываниям соответствуют слова-предложения, представляющие собой отдельные возвратные глаголы с постфиксом **-ся** (**-сь**). В польском же языке, где возвратное местоимение **się** пишется отдельно, такие предложения состоят, как минимум, из двух слов, например: *Śmiała się*. [1, с. 11] – 'смеялась'; *Opierała się*. [1, с. 30] – 'опиралась'; *Roześmiał się*. [1, с. 61] – 'рассмеялся'; *Wtrącają się*. [1, с. 77] – 'вмешиваются'; *Pośliznąłem się*. [1, с. 135] – 'поскользнулся'; *Wstrzymywałem się*. [1, с. 159] – 'воздерживался'; *Rozłączył się*. [1, с. 288] – 'отсоединился' и подобных, всего 19 двухкомпонентных конструкций. Чуть усложнённые, трёхкомпонентные конструкции с **się** в абсолютном конце предложения представляют собой уже как односоставные, так и двусоставные предложения типа: *Michael uśmiechnął się*. [1, с. 17] – 'Михаэль улыбнулся'; *Kau wzdrgnęła się*. [1, с. 24] – 'Кей вздрогнула'; *Hagen uśmiechnął się*. [1, с. 70] – 'Хаген улыбнулся'; *Nie martw się*. [1, с. 95] – 'не беспокойся'; *Wypocznij, poopalaj się*. [1, с. 110] – 'отдохни, позагорай'; *Sollozzo skrzywił się*. [1, с. 116] – 'Соллэццо скривился'; *Sonny zaśmiał się*. [1, с. 138] – 'Сонни засмеялся'; *Nie zawahał się*. [1, с. 148] – 'не усомнился'; *Dobrze – zgodziła się*. [1, с. 171] – 'Хорошо – согласилась она'; *Nie targuj się*. [1, с. 215] – 'не торгуйся'; *Klient zaśmiał się*. [1, с. 461] – 'клиент засмеялся' и др. (всего 74 эпизода). В указанных случаях, а также в представленных ниже более усложнённых конструкциях **się** удерживается в абсолютном конце предложения благодаря собственно возвратным глаголам, не употребляющимся без указанной энклитики, а это чаще всего в данном произведении глаголы *uśmiechnąć się*, *roześmiać się*, отличающиеся высокой частотностью употребления (а также некоторые другие типа *rozbieżać się* или *rasplakać się*: *Nagle dzieci rozbiegły się*. [1, с. 262] – 'вдруг дети разбежались'; *Wróciła do kuchni i rozplakała się*. [1, с. 469] – 'вернулась на кухню и расплакалась'). Из 121-го примера модели контактной постпозиции «**V** + **się**» глагол *uśmiechnąć się* 'улыбаться' реализован в рассматриваемом произведении в форме прошедшего времени ед. ч. и мн. ч. в 28-ми случаях (*uśmiechnął się*. (26), *uśmiechnęła się*. (1), *uśmiechnęli się*. (1)), а глагол *roześmiać się* 'рассмеяться' – в 27-ми (*roześmiał się*. (24), *roześmiała się*. (3)). Вообще же роман «Крёстный отец» отличается ведущим жизнеутверждающим эмоциональным тоном, поэтому возвратных глаголов и глагольных форм смеха как способов выражения знакового поведения в различных формах (типа *roześmiać się* 'рассмеяться'; *śmiać się* 'смеяться'; *uśmiechnąć się* 'улыбаться'; *wyśmiewać* 'высмеивать', *zaśmiać się* 'засмеяться') и во всех моделях, включая модель «**V** + **się**», употреблено 275 раз при объёме романа 439 страниц, полностью занятых текстом. Жизнеутверждающий тон романа отчасти объясняется «описанием искусной фантазии о насильственной личной власти без последствий» [4], а также тем, что «внутри клана существуют исключительно сердечные отношения <...>, сохранившиеся ритуалы, готовность принять тех, кто приходит в дом Корлеоне «ради избавления от риска личной ответственности, в поисках покоя и тепла» [5].

В ряде случаев, благодаря прямому порядку главных членов предложения (¹подлежащее → ²сказуемое), на конце предложений могут употребляться глаголы различных значений, выступающие в роли возвратных, например: *Napadł na mnie i przewrócił się*. [1, с. 135] – 'напал на меня и рассмеялся'; *W wieku lat pięćdziesięciu przeobraził się*. [1, с. 56] – 'в возрасте пятидесяти лет преобразился'; *Chciał coś powiedzieć, ale rozmyślił się*. [1, с. 141] – 'хотел что-то сказать, но передумал'; *Michael, który nigdy nie nosił kapelusza, skrzywił się*. [1, с. 150] – 'Михаэль, который никогда не носил шляпы, скривился'; *Tom Hagen odwrócił się*. [1, с. 155] – 'Том Хаген отвернулся'; *Johnny Fontane rozłożył się*. [1, с. 178] – 'Джони Фонтане разозлился'; *Freddie Corleone zaczerwienił się*. [1, с. 416] – 'Фредди Корлеоне зарделся' и др. Исходя из факта преобладания модели «**V** + **się**» над всеми остальными (64,41% всех употреблений), можно утверждать, что данная постпозиция даже в абсолютном конце предложения весьма натуральна и свойственна живому разговорному языку поляков даже несмотря на то, что порядок слов в польском предложении не характеризуется жёсткой иерархией и **się** вполне может «путешествовать». Согласно данным «Nowego słownika poprawnej polszczyzny» (NSPP), «formy **się** nie należy używać ani na początku

zdania, ani na końcu, ani po przyimku. Najlepiej umieszczać ją przed czasownikiem» [6, с. 917] = ‘форму *się* не следует употреблять ни в начале предложения, ни в конце, ни после предлога. Лучше всего помещать её перед глаголом’. Тем не менее, как видно из таблицы 1, модель «*się* + V» в данном произведении характеризуется частотностью 19,51%, т.е. в живой речи поляков (а автор-переводчик является природным носителем польского языка) более натурально *się* звучит в постпозиции. Некоторые приведённые выше примеры модели абсолютного конца слова («V + *się*») теоретически вполне можно трансформировать следующим образом:

Michael uśmiechnął się. → *Michael się uśmiechnął.*

Kay wzdrygnęła się. → *Kay się wzdrygnęła.*

Johnny Fontane roześmiał się. → *Johnny Fontane się roześmiał.*

Но эти варианты будут звучать несколько искусственно, ненатурально, тем более что автор перевода Бронислав Зелиньски, используя модель «V + *się*», переводит с английского языка слова автора, а не реплики главных героев, т.е. он фактически передаёт *суть* англоязычного оригинала, нисколько не задумываясь над требованиями «*starannej polszczyzny*» (изысканного польского языка), выдвигаемыми NSPP. Заметим также, что жёсткая локализация *się*, обусловленная теми или иными причинами, в абсолютном конце предложения в контактной постпозиции модели «V + *się*» обеспечивает, по крайней мере, однозначную маркировку глагола, как возвратного. Других вариантов там просто нет.

В некоторых же случаях возникает проблема сегментации отрезка предложения, в котором следует определить единственный возвратный глагол (из возможных двух вариантов) из-за того, что *się* выступает между двумя глаголами (V + (?) *się* + (?)V). Чаще всего это случается при участии глаголов:

а) *dać* ‘дать’: *dać się nakłonić*, *by nie brać więcej* [1, с. 217] – ‘позволить уговорить себя, чтобы не брать больше’; *którą da się pokierować* [1, с. 236] – ‘которой удастся покомандовать’; *Tessio nie dał się uciszyć* [1, с. 430] – ‘Тессо не дал себя успокоить’;

б) *mieć* ‘иметь’: *ma się rozumieć* [1, с. 16] – ‘должно пониматься’; *ma się zgłosić do pracy* [1, с. 72] – ‘должен вызваться на работу’; *ma się wynosić z jego tarasu* [1, с. 360] – ‘должен убираться с его террасы’ и т.д., всего 26 эпизодов с начальным *ma się*...

В таких случаях, из-за раздельного написания *się* в польском языке, возникает вопрос: какой моделью описываются сочетания типа *dać się nakłonić*, *da się pokierować*, *nie dał się uciszyć*, *ma się rozumieć*, *ma się wynosić*, *ma się zgłosić*: то ли моделью «V + *się*» (*dać się*..., *da się*..., *dał się*..., *ma się*...), то ли моделью «*się* + V» (...*się nakłonić*, ...*się pokierować*, ...*się uciszyć*, ...*się rozumieć*, ...*się wynosić*, ...*się zgłosić*)? К подобным эпизодам необходимо подходить осторожно, руководствуясь словарями и задумываясь над значениями слов. Во многих случаях данная дилемма разрешается путём замены безударного *się* на полную форму *siebie* ‘себя’. В конструкции *dać się + pokierować* *dać się* имеет значение ‘позволить’. В свою очередь, в *dać + się uciszyć* глагол *dać* тоже имеет подобное значение, но это не он присоединяет к себе *się*. Заменяя *się* на *siebie*, можно понять, где происходит сегментация данного словосочетания и к какому именно глаголу относится краткая форма *się*. Эта конструкция схожа с такими, как *dać + się lepić* или *dać + się lubić*, которые Универсальный словарь польского языка (USJP) [7, с. 550–551] паузирует так, как показано выше.

В безличных конструкциях типа *ma się rozumieć* сегментация представляется следующим образом: *ma + się rozumieć*, т.е. *się* является аппликатом (от лат. *applicat* ‘относится’) инфинитива *rozumieć*. Данная мысль подтверждается расположением идиомы $\diamond$ *Ma się rozumieć* в USJP в словарной статье «II *mieć*», а не в соседней «*mieć się*» [8, с. 633]. В целой же фразе *ma się rozumieć* форма глагола *ma* является дефективной, поскольку в безличном значении выступает только в 3-м л. ед. ч., к тому же, главным образом, в настоящем времени в значении ‘понятно, известно, наверняка, очевидно’. Например, оригинальное англоязычное предложение *There were of course some practical reasons* [9, с. 83] переведено Брониславом Зелиньским как *Ma się rozumieć, były pewne względy praktyczne* [1, с. 217] – ‘Понятно, что были определённые практические соображения’. Конструкция *ma się rozumieć* из общего количества эпизодов модели «*się* + V» (683) представлена 24-мя случаями, которые являются соответствиями для наиболее распространённого в английском языке вводного слова *of course* ‘конечно’, реже встречается *naturally* ‘естественно’, *certainly* ‘конечно, безусловно’:

Michael okazał, ma się rozumieć, właściwy szacunek... [1, с. 16] ← *He had, of course, shown the proper respect...* [9, с. 4];

Don Corleone, ma się rozumieć, posłał do Nevady zaufanych przyjaciół [1, с. 19] ← *Don Corleone, of course, sent trusted friends to Nevada* [9, с. 5];

Ma się rozumieć, pragnęli okazać swoją wdzięczność [1, с. 66] ← *They were, naturally, anxious to show their gratitude* [9, с. 24];

Ma się rozumieć, musisz być dobry [1, с. 180] ← *Of course you have to be good...* [9, с. 69];

Ma się rozumieć, nigdy mnie o to nie poprosił [1, с. 199] ← *Of course he never asked me to do it* [9, с. 77];

Ma się rozumieć, może przedstawić... [1, с. 308] ← *Certainly he can present...* [9, с. 116];

Ma się rozumieć, od czasu do czasu... [1, с. 449] ← *Of course once in a while there would be...* [9, с. 169] и под.

Активное употребление переводчиком конструкции с возвратным глаголом *ma się rozumieć* вместо близкочуждых соответствий *naturalnie*, *oczywiście*, *rzeczywiście*, *zdecydowanie*, *na pewno* указывает на особенность индивидуально-авторского переводческого стиля и даже, возможно, на выработанный повседневный речевой штамп, отвечающий контактной модели «*się* + V».

Из 3499-ти возвратных конструкций, выявленных в исследуемом переводном тексте, особое место занимают те, в которых краткая форма местоимения *się*, функционально превращаясь в возвратную морфему, обслуживает два глагола, являясь бивалентной по отношению к ним. Таких эпизодов нами выявлено 20 (см. таблицу 1).

Наиболее распространённые конструкции соответствуют структурно упрощённым моделям, как максимум, с одним делимитером или без него. Представим выявленные примеры по убыванию частотности:

1. «**V¹ + się + n¹ + V²**»: *Bonasera zawahał się, potem nachylił i przysunął usta tak blisko...* [1, с. 30–31] – ‘Бонасера заколебался, потом наклонился и приблизил рот’; *Santino dąsałby się i zachowywał niewłaściwie przez długie tygodnie* [1, с. 37] – ‘Сантино дулся бы и вёл себя несвойственно долгие недели’; *Potem mył się i golił ponownie* [1, с. 273] – ‘потом мылся и брился заново’; *rysy twarzy napinają się i ściągają* [1, с. 283] – ‘черты лица напрягаются и стягиваются’; *Nie odzywał się, nie uśmiechał* [1, с. 299] – ‘не отзывался, не улыбался’; *potknęła się i oparła o niego* [1, с. 365] – ‘споткнулась и оперлась на него’.

2. «**V¹ + się + V²**»: *Hagen skrzywił się, zastanowił, czy powiadomić dona* [1, с. 21] – ‘Хаген скривился, задумался, сообщить ли дону’; *chciał tylko wyrwać się, wyrwać z tego wszystkiego* [1, с. 127] – ‘хотел только вырваться, вырваться из этого всего’; *Obrócił się, uśmiechnął do niej i ruszył do gabinetu* [1, с. 249] – ‘обернулся, улыбнулся ей и пошёл к кабинету’.

3. «**się + V¹ + n¹ + V²**»: *Wyszedł do łazienki, żeby się umyć i uczesać* [1, с. 128] – ‘вышел в ванную, чтобы умыться и причесаться’; *Carlo się rozpił i uganiał za tancerkami* [1, с. 278] – ‘Карло напился и гонялся за танцовщицами’; *żeby się umyć i ubrać w łazience* [1, с. 374] – ‘чтобы умыться и одеться в ванной’.

4. «**V¹ + się + n¹ + n² + V²**»: *ściśnią się ją i robi bardziej ściągłą* [1, с. 334] – ‘сжимают её и делают более плотной’; *nie roześmiała się ani nie uśmiechnęła* [1, с. 336] – ‘не рассмеялась и не улыбнулась’.

5. «**V¹ + się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + V²**»: *nogi rozluźniły się wokół jego ciała i osunęły w dół* [1, с. 28] – ‘ноги расслабились вокруг его тела и опустились вниз’.

6. «**się + V¹ + n¹ + n² + V²**»: *Chcę, żebyś dobrze się odżywał, wypoczął i wyspał* [1, с. 40] – ‘хочу, чтобы ты хорошо питался, отдохнул и выспался’ – в качестве одного из делимитеров здесь – невозвратный глагол *wypoczął* ‘отдохнул’.

7. «**się + n¹ + V¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + V²**»: *Po prostu się je robi. A potem o nich zapomina* [1, с. 155] – ‘непросто их делают. А потом о них забывают’.

8. «**V¹ + się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + n⁶ + V²**»: *robi się je, ale nigdy o nich nie mówi* [1, с. 155] – ‘делают их, но никогда о них не говорят’.

9. «**się + V¹ + V²**»: *życie nagle się uprościło, skoncentrowało na jednym punkcie* [1, с. 357] – ‘жизнь вдруг упростилась, сконцентрировалась на одной точке’.

В число 20-ти бивалентных конструкций входит и модель с возвратными деепричастиями *Najadłszy się i napiwszy, rozłożyli się w cieniu* [1, с. 355] – ‘наевшись и напившись, разлеглись в тени’. Её можно описать, как **RG¹ + się + n¹ + RG²** (RG от *lat. reflexivum gerundium* ‘возвратное деепричастие’).

В тексте исследуемого романа нами зафиксирован единственный эпизод поливалентности *się*, который описывается моделью «**się + V¹ + n¹ + n² + V² + n³ + n⁴ + V³ + n⁵ + n⁶ + n⁷ + n⁸ + V⁴**»: *Można się zapić na śmierć, zapracować na śmierć, zapalić na śmierć, a nawet zajeść na śmierć* [1, с. 400–401] – ‘Можно унуться насмерть, заработать насмерть, закуриться насмерть и даже наесться насмерть’. Данное сложное предложение, состоящее из безличных инфинитивных, где *się* в контактно-дистактной препозиции относится к четырём глаголам, разделённым между собой двумя и четырьмя делимитерами, характерно для письменного отображения речи персонажа, поскольку удерживать в оперативной памяти при устном речевом акте правильную структуру вышеприведённой конструкции весьма проблематично без хотя бы одной дополнительной промежуточной вставки *się* при третьем или четвёртом глаголе, например, таким образом: *Można się zapić na śmierć, zapracować na śmierć, zapalić się na śmierć, a nawet zajeść się na śmierć*. Для русского синтаксиса характерны подобные ситуации, когда в момент моделирования отрезка высказывания говорящему требуется удерживать в оперативной памяти согласующиеся формы и правильно употребить их в устной речи, соблюдая падежные окончания, например, что-то вроде: *никакого развевающегося на дальней водонапорной башне флага мы не видели*. Именно поэтому в повседневном общении такие конструкции крайне редки и используются со специальными целями высказывания и в соответствующих коммуникативных условиях, обязывающих выражаться сложно – научно, официально, публицистически.

Известно, что неотъемлемой частью польской грамматики являются так называемые «возвратные» существительные, переводимые на русский язык то ли при помощи существительных, то ли глаголов (чаще инфинитивов), то ли описательным способом или же словосочетанием, включающим полную форму местоимения *seбя*. В польской грамматике нет понятия *возвратные существительные*, но языковая картина мира восточных славян формально маркирует их именно таким образом из-за структурной схожести с глагольными образованиями, поэтому оставим этот условный термин в качестве рабочего. Такие случаи описываются нами моделью **NR + się**, где NR – возвратное существительное (от *lat. nomen reflexivum*). В исследуемом тексте подобных конструкций 51, из которых одна описывается моделью дистактной постпозиции *się* с одним делимитером: **NR + n¹ + się**, что является редкостью: *sposobność odwdzięczenia mu się za wszystko* [1, с. 155] – ‘способность отблагодарить его за всё’. В остальных 50-ти случаях возвратные отглагольные существительные характеризуются строгой контактной постпозицией *się*: *świadome odseparowanie się od ojca i rodziny* [1, с. 16] – ‘сознательное отделение от отца и семьи’; *w posługiwaniu się bronią* [1, с. 19] – ‘во владении оружием’; *pora upomnienia się o swoje prawa* [1, с. 21] – ‘напоминания о своих правах’ и т.д. (таблица 2).

Таблица 2. – Модель NR + się как трансформация глагольных и именных соответствий

№	Рефлексивная модель NR + się	Соответствия из английского оригинала	‘Значения’
1	2	3	4
1	zaznaczyć swoje świadome odseparowanie się od ojca i rodziny [1, c. 16]	to proclaim his chosen alienation from father and family [9, c. 3 – 4]	заявить о своем намеренном выборе отделиться от отца и семьи
2	nieogłędnością w posługiwaniu się bronią [1, c. 19]	was a youthful indiscretion with a gun [9, c. 5]	неосторожное обращение с оружием
3	pora upomnienia się o swoje prawa [1, c. 21]	now the time to claim his rights [9, c. 5]	время заявить о своих правах
4	posługiwanie się głosem jak szpadą [1, c. 35]	using their voices like swords [9, c. 11]	слова использовались как рапиры
5	ponowne zwrócenie się do pana [1, c. 62]	as for trying you again [9, c. 22]	обратиться к вам еще раз
6	pod groźbą narażenia się na dożgonną wrogość [1, c. 72]	on pain of incurring the studio's and Woltz's undying enmity [9, c. 26]	под угрозой навлечь на себя вечную вражду
7	dla upewnienia się , że informator nie widział ciała [1, c. 86]	to make sure that the bookmaker's informant had not been close to the body [9, c. 32]	чтобы убедиться , что информатор букмекера не подходил к телу
8	uniemożliwiały zaczajenie się na placyku [1, c. 88]	them and made the mall impossible to lurk in [9, c. 33]	Так что в пространстве между домами нельзя было затаиться
9	skłonić do włączenia się w tę wojnę [1, c. 126]	to make him join this one [9, c. 48]	чтобы он присоединился к этой [войне]
10	po upewnieniu się , że nikt za nimi nie jechał [1, c. 127]	after making sure they were not followed. [9, c. 48]	убедившись , что за ними не следят
11	pozbycie się naszego starego [1, c. 140]	the key is still that he gets rid of the old man [9, c. 53]	чтобы он избавился от старика
12	sposobność odwdziżenia się mu się za wszystko [1, c. 155]	this chance to pay him back for all he did for me [9, c. 60]	возможность отплатить за все, что он мне причинил
13	bez wymknięcia się ewentualnym tropicielom [1, c. 156]	with no apparent attempt to elude any trailers [9, c. 60]	не пытаясь избежать слежки
14	sposobność przespania się z wielkim Johnnym [1, c. 169]	a chance to screw for the great Johnny [9, c. 64]	от шанса переспать с великим Джонни
16	obecny sposób ubierania się [1, c. 176]	for the way he liked to dress now [9, c. 68]	как он обычно предпочитал одеваться
17	nie jest zwolennikiem wtrącania się [1, c. 182]	he doesn't believe in meddling [9, c. 70]	он не любит вмешиваться в чужие дела
18	poza całkowitym wyrzeczeniem się własnej indywidualności [1, c. 187]	except the complete surrender of his own personality [9, c. 72]	кроме полного отказа от своей индивидуальности
19	stoczenie się z gwiazdorstwa uczyniło go bardziej wrażliwym [1, c. 198]	or his own descent from stardom had made him more sensitive [9, c. 76]	потеря своего звездного статуса сделали его более чувствительным
20	było domaganiem się części łupu [1, c. 212]	was a demand for part of the loot [9, c. 81]	была требованием части добычи
21	sposobność posłużenia się tą inteligencją [1, c. 217]	the opportunity to use that intelligence and courage [9, c. 83]	хотя у него никогда не было возможности применить этот ум и храбрость
22	umiejętność w obchodzeniu się z łuparą [1, c. 218]	It was his skill with the lupara [9, c. 83]	он ловко обходился с лупарой
23	zmusili obu chłopców do położenia się na podłodze [1, c. 231]	and made the two Chicago boys lie on the floor [9, c. 88]	и заставили двух парней из Чикаго лечь на пол
24	arogancję i popisywanie się przestępczym bogactwem [1, c. 232]	of his public arrogance and the flaunting of his criminal wealth [9, c. 89]	из-за выставленного напоказ высокомерия и несправедливого богатства
25	odmówił zobaczenia się z nimi [1, c. 233]	refused to see them [9, c. 89]	отказался увидеться с ними
26	rodzaj demaskowania się [1, c. 235]	the most foolish kind of exposure [9, c. 90]	самым глупым способом раскрыться
27	zbliżanie się wojny światowej [1, c. 237]	the coming global war [9, c. 91]	приближение мировой войны
28	do opiekowania się donem dwadzieścia cztery godziny na dibę [1, c. 267]	had been hired for round-the-clock care [9, c. 101]	должны были круглосуточно ухаживать за ним
29	żądanie złego przysłużenia się samemu sobie [1, c. 308]	is to ask me to do a disservice to myself [9, c. 116]	значит просить меня навредить самому себе
30	Po uporaniu się z tym, konferencja mogła przejść do... [1, c. 310]	With this out of the way the conference was able to ... [9, c. 117]	Решив этот вопрос, собрание перешло...
31	Bawiło go jej niespokojne kręcenie się [1, c. 325]	He was amused at her squirming [9, c. 122]	Его забавляло ее смущение
32	zaprzątnięta bawieniem się jego ciałem [1, c. 326]	she would be too busy toying with his body [9, c. 122]	она будет слишком занята, играясь с его телом
33	zmusił ją do położenia się na łóżku [1, c. 333]	made her lie on the bed [9, c. 125]	заставил ее лечь на кровать

Окончание таблицы 2.

1	2	3	4
34	<i>od skarżenia się na te rzeczy</i> [1, c. 333]	<i>and a lot of women from complaining about it</i> [9, c. 125]	а женщинам мешает пожаловаться на него
35	<i>niezatartym odcisnięciem się twarzy</i> [1, c. 357]	<i>unerasable printing of the girl's face on his brain</i> [9, c. 125]	То, что лицо девушки навсегда запечатлелось в его мозгу
36	<i>oznaczał intencję oświadczenia się o czyjąś rękę</i> [1, c. 365]	<i>or rather the signal that there was the intention to propose matrimony</i> [9, c. 137]	Сигнал, что имело место намерение предложить брак
37	<i>oderwanie się od siebie było jak przedśmiertny dreszcz</i> [1, c. 368]	<i>that falling away from each other was like the tremble before death</i> [9, c. 138]	момент отстранения друг от друга был подобен предсмертной судороге
38	<i>Odmawia stosowania się do reguł</i> [1, c. 390]	<i>He refuses to live by rules set up by others, rules which condemn him to a defeated life</i> [9, c. 146]	Он отказывается подчиняться установленным кем-то правилам
39	<i>spędził na zapoznawaniu się z rodzinnymi interesami</i> [1, c. 419]	<i>The three years had been spent in learning the Family business</i> [9, c. 158]	Три года он провел, изучая семейный бизнес
40	<i>splatanie się dobra i zła</i> [1, c. 420]	<i>the interlinking of good and evil,</i> [9, c. 158]	переплетение добра и зла
41	<i>Naprzykrzanie się nie leżało w naturze Kay</i> [1, c. 423]	<i>It was not in Kay's nature to nag</i> [9, c. 160]	Пилить кого-то было не в характере Кей
42	<i>spieranie się z nim przy innych</i> [1, c. 423]	<i>disrespectful to dispute him in such a matter before the others</i> [9, c. 160]	спорить с ним по такому поводу при посторонних
43	<i>byli uradowani wycofaniem się dona</i> [1, c. 427]	<i>were delighted with the Don's retirement</i> [9, c. 161]	радовались, что Дон отошел от дел
44	<i>wobec wdzierania się Barzinich-Tattagliów w ich imperia</i> [1, c. 428]	<i>especially with the Barzini-Tattaglia encroachments on their empires</i> [9, c. 162]	особенно когда Барзини-Татталья пытались посягнуть на их империи
45	<i>zmusić do oddania się pod opiekę</i> [1, c. 435]	<i>forced his friend to place himself under medical care</i> [9, c. 165]	заставил друга отдать себя в руки врачей
46	<i>żądali wylegitymowania się i okazania zaproszenia</i> [1, c. 438]	<i>demanded identification and an invitation card</i> [9, c. 166]	требовали представиться и показать приглашение
47	<i>czekano na wycofanie się albo na śmierć</i> [1, c. 439]	<i>such action had been awaiting the retirement or death of the Don</i> [9, c. 166]	этот шаг ожидался после ухода на покой или смерти Дона
48	<i>targowania się z sojuszem</i> [1, c. 440]	<i>and almost all their bargaining power against the alliance</i> [9, c. 167]	все козыри для торга с альянсом
49	<i>na zorientowanie się w sytuacji</i> [1, c. 441]	<i>to straighten things out</i> [9, c. 167]	чтобы со всем разобраться
50	<i>mieć gotówkę niezbędną do zabawienia się jak należy</i> [1, c. 456]	<i>so he could have the necessary cash to enjoy himself properly</i> [9, c. 172]	была наличность, чтобы отлично развлекаться
51	<i>Nie masz sposobu dowiedzenia się, czy to jest...</i> [1, c. 476]	<i>You have no way of really knowing that's all true</i> [9, c. 180]	У тебя нет способа убедиться , что все это правда

Поскольку в английском языке, как и в русском, возвратных отглагольных существительных нет, а в переводе их довольно много, следовало бы понять, почему Б. Зелиньски отдаёт предпочтение упомянутым образованиям и какие части речи английского языка подвергаются под его пером такой трансформации. Необходимо подчеркнуть, что Б. Зелиньски представил польскому читателю добросовестный буквальный перевод романа Марио Пьюзо [1], ничего не опуская, не трансформируя и не обходясь вольно с магистральными и второстепенными смыслами. Именно поэтому возникает вопрос: почему поляку легче употребить возвратное отглагольное существительное, чем передать смысл соответствующим первоисточнику глаголом или существительным?

Из представленных примеров (см. таблицу 2) следует, что отглагольные названия действия, категориально образованные при помощи суффиксов *-anie*, *-enie*, *-cie* и возвратной морфемы *się* в предложении могут быть:

1) несогласованными определениями в Р.п.: *pora (kogo? czego?) upomnienia się o swoje prawa* (см. № 3 в таблице); *pod groźbą narażenia się na dozgonną wrogość* (№ 6); *sposobność odwdzięczenia mu się za wszystko* (№ 12); *obecny sposób ubierania się* (№ 16) *rodzaj demaskowania się* (№ 26) и т.д., но ни в коем случае поляк не скажет *obecny sposób ubierać się* и под., поскольку в польском языке существительное не сочетается с определением, выраженным инфинитивом;

2) несогласованными определениями в В.п.: *zaznaczyć (kogo? co?) swoje świadome odseparowanie się od ojca i rodziny* (№ 1); *uniemożliwiały zaczajenie się na placu* (№ 8) и др.;

3) несогласованными определениями с предлогами в П.п.: *nieogłędnością (w kim? w czym?) w posługiwaniu się bronią* (№ 2); *umiejętność w obchodzeniu się z luparą* (№ 22);

4) дополнениями в различных падежах в сочетании с глаголами: *skłonić (do kogo? czego?) do włączenia się w tę wojnę* (№ 9); *poza całkowitym (kim? czym?) wyrzeczeniem się własnej indywidualności* (№ 18); *było (kim? czym?) domaganiem się części łupu* (№ 20) и др.;

5) подлежащими: *(kto? co?) posługiwanie się głosem jak szpadą* (№ 4); *stoczenie się z gwiazdorstwa uczyniło go bardziej wrażliwym* (№ 19); *Bawilo go jej niespokojne kręcenie się* (№ 31); *Naprzykrzanie się nie leżało w naturze Kay* (№ 41).

Как видим, статус отглагольных дериватов, приведённых в таблице 2, – это статус дериватов транспозиционных, а не мутационных, т.е. производные от глаголов существительные, в том числе и с морфемой *się*, как в нашем случае, не приобретают дополнительной смысловой нагрузки.

Заключение. Подводя итоги анализа выявленных в переводном произведении польских возвратных моделей и обобщая наблюдения над особенностями их функционирования в художественном тексте, сделаем следующие выводы:

– Модель контактной постпозиции «**V + się**», являясь наиболее распространённой в польском языке, довольно продуктивно реализуется также и в разновидности «**V + się**», т.е. жёсткой постпозиционной структуре (характерной, кстати, также и для побудительных конструкций) абсолютного конца предложения, и эта модель свойственна как живому разговорному языку, так и письменному литературному.

– Употребление в тексте краткой формы местоимения **się** в качестве возвратной морфемы между двумя глаголами (типа *dać się + pokierować* или *dać + się uczyć*) требует точной сегментации подобных словосочетаний для понимания принадлежности аппликата **się** тому или иному глаголу.

– Возвратному местоимению-морфеме **się** в польском языке свойственна функциональная бивалентность, выражающаяся в способности выступать при двух глаголах одновременно, превращая их в возвратные. В статье выделены пять разновидностей бивалентных моделей с делимитерами и без, отмечена одна поливалентная модель с **się** при четырёх глаголах, которая (модель) в силу своей рудитативности (от *lat. rudinitas* 'развитость') может быть реализована скорее в письменной форме, нежели в устной.

– Отглагольные существительные, обозначающие названия действий и процессов в польском языке, могут быть образованы от соответствующих возвратных глаголов с сохранением в своей структуре возвратной морфемы. Выполняя в предложении функцию подлежащего, несогласованного определения, дополнения в разных падежах с предлогами или без, существительные с **się** маркируются реципиентом (читателем или слушателем) польского текста как нечто среднее между существительным и глаголом, причём устойчивость в языке модели **NR + się** поддерживается потенциальной возможностью образования данных дериватов от большинства глаголов польского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Puzo M. *Ojciec Chrzestny*. Z angielskiego. B. Zieliński. – Warszawa: Albatros, 2017. – 479 s.
2. Сериков Г.В. Категория возвратности в польском языке // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки: история, филология, философия. – 2022. – № 1(130). – С. 148–153.
3. *Język polski: encyklopedia w tabelach* / pod red. W. Mizerskiego. – Warszawa: Adamant, [2000]. – 511 s.
4. Крёстный отец (роман). – URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.60c079c1-629f3bec-57ee83b1-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/The_Godfather_\(novel%29](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.60c079c1-629f3bec-57ee83b1-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/The_Godfather_(novel%29). (дата обращения: 16.06.2022).
5. Крёстный отец (роман) // Википедия. Свободная Энциклопедия. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Крёстный_отец_\(роман\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Крёстный_отец_(роман)) (дата обращения: 16.06.2022).
6. *Nowy słownik poprawnej polszczyzny* / red. naukowy A. Markowski. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2002. – 1786 s.
7. *Uniwersalny słownik języka polskiego: w 4 t.* / pod red. S. Dubisza. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2003. – T. 1: A-J. – 1313 s.
8. *Uniwersalny słownik języka polskiego: w 4 t.* / pod red. S. Dubisza. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2003. – T. 2: K-O. – 1355 s.
9. Puzo M. *The Godfather* // booksafe.net : электронная библиотека. – URL: https://booksafe.net/read/puzo_mario-the_godfather-258765.html#p1. (дата обращения: 15.06.2022).

Поступила 28.11.2022

STRUCTURAL ALTERNATIONS OF REFLEXIVE STRUCTURES IN THE POLISH TRANSLATION OF “THE GODFATHER” BY MARIO PUZO

R. SERYKAU

(Francisk Scorina Gomel State University)

The article is striving to identify the diversity, patterns of construction and usage of reflexive structures, both verbal and nominal in Bronisław Zieliński's Polish literary translation of the English-language novel “The Godfather” by the American writer Mario Puzo. The article analyses the frequency of the use of the reflexive forms that are built on the models of contact and distact post- and preposition of an enclitic form of the reflexive pronoun ‘się’ in relation to a verb. The relatively free and context-conditioned place of ‘się’ in the structure of the phrase and sentence is noted, subtypes of the model with distact preposition of ‘się’ are identified. The main attention is focused on the so-called. “reflexive” nouns that are not characteristic of either English or Russian, and ways of translating them into Polish from the original language.

Keywords: reflexive structures, contact postposition, segmentation, enclitic, reflexive pronoun, delimiters, applicate, preposition, bivalent, segmentation.

УДК [811.112.2+811.161.1]’37 (045)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-169-176

СЕМА ‘ДВИЖЕНИЕ’ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ ПОЛОЖЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Е.Г. УСТИМЕНКО

(Минский государственный лингвистический университет)

В статье рассматриваются семантические особенности глаголов положения, в значении которых содержится указание на направление движения, в русском и немецком языках. Установлено, что в сравниваемых языках типы информации в семантике исследуемых глагольных единиц представлены неравномерно в зависимости от пространственного направления. В результате анализа значения глаголов положения с семой ‘направление’ в русском и немецком языках выявлены как общие, так и специфические семантические характеристики.

Ключевые слова: глаголы положения, направление движения, семантические характеристики, семантика.

Введение. Информация о перемещении в каком-либо направлении является универсальной в семантике глаголов движения и актуализируется во всех языках. В русском и немецком языках основным средством обозначения движения в каком-либо направлении служат глаголы. В их значении содержится сема ‘направление’, которая отражается в дефиниции глагола, например, *сбежать* – «бегом спуститься вниз»¹ [1], *aufhüpfen* ‘вскакивать, подсакивать’² [2] – «plötzlich, kurz in die Höhe hüpfen»³ [3] ‘внезапно, быстро прыгнуть вверх’⁴. Данная сема может отсутствовать в дескрипции глагола движения. В таком случае глаголы зачастую толкуются по принципу использования перекрестных ссылок, когда «в толкованиях одних лексем используются другие лексемы естественного языка, уже истолкованные в данном словаре» [4, с. 31–32]. Так, например, глагол *окунуться* толкуется с помощью лексемы *погрузиться*, а *погрузиться* – с помощью глагола *опускаться*, в дефиниции которого содержится указание на направление перемещения: *окунуться* – «погрузиться в жидкость на некоторое (обычно короткое) время», *погрузиться* – «опуститься во что-либо жидкое, сыпучее и т. п.», *опуститься* – «переместиться вниз, занять более низкое положение». Принцип использования перекрестных ссылок также характерен и для описания словарных дескрипций глаголов движения в немецком языке, например, *aufspringen* ‘вскакивать’ – «hochspringen» ‘подпрыгивать (вверх); вскакивать’, *hochspringen* – «sich schnell, mit einem Sprung von seinem Platz erheben; aufspringen» ‘быстро, прыжком с места подниматься; вскакивать’.

Методом сплошной выборки из малого академического словаря под редакцией А. П. Евгеньевой в русском языке и из толкового словаря Duden online в немецком языке нами отобраны непереходные глаголы движения в их первом значении, с помощью которых обозначаются направления перемещения вверх, вниз, вперед, назад, внутрь, наружу. В ходе отбора глаголов движения в сравниваемых языках мы установили, что ряд глаголов, в дефиниции которых маркируется соответствующее направление, не обозначают движение. В качестве примера рассмотрим некоторые толкования таких глаголов: *бугриться* – «подниматься буграми, образовывать бугры на поверхности»; *топорщиться* – «подниматься вверх, раздвигаясь в стороны, стоять торчком (о волосах, шерсти и т.п.)»; *висать* – «спускаться вниз, висеть, удерживаясь на чем-либо одним концом»; *aufragen* – «in die Höhe ragen» дословно: ‘возвышаться вверх’ *herunterhängen* – «nach unten hängen» дословно: ‘висеть вниз’. Проанализировав контексты с этими глагольными единицами, мы установили, что через указание на направление движения обозначается особое положение в пространстве физического объекта⁵, характеризующееся отклонением или смещением от нормы. Т.е. подобные единицы можно назвать глаголами квазидвижения.

Следует отметить, что в лингвистической литературе под глаголами положения в пространстве, или покоя, понимаются глагольные единицы, обозначающие вертикальное, сидячее, горизонтальное и висящее положения (глаголы *стоять*, *сидеть*, *лежать*, *висеть*) [6]. Для определения данного класса глагольных единиц в трудах лингвистов используются разные термины: *позиционные глаголы* [7], *глаголы позиции* [8] и др. В немецком языке глаголы *stehen* ‘стоять’, *sitzen* ‘сидеть’, *liegen* ‘лежать’, *hängen* ‘висеть’ входят в состав группы «Zustandsverben» ‘глаголы состояния’ [9; 10]. В научных работах, посвященных глаголам движения в немецком языке, данные глаголы называются позиционными (Positionsverben) [11; 12]. В отличие от традиционного понимания понятия глаголов положения в пространстве, глаголы, исследуемые в нашей работе, характеризуются, как было отмечено выше, наличием в дефиниции указания на перемещение в определенном направлении. Выборка таких глаголов в русском языке составила 34 единицы⁶, в немецком языке – также 34 единицы⁷.

¹ Здесь и далее дефиниции приведены из малого академического словаря под ред. А.П. Евгеньевой [MAC].

² Здесь и далее перевод осуществлялся с помощью «Большого немецко-русского словаря» под редакцией О. И. Москальской.

³ Здесь и далее дефиниции приведены из толкового словаря Duden online.

⁴ Здесь и далее перевод наш. – Е.У.

⁵ Под физическим объектом понимается пространственный объект, который в философии толкуется, скорее, как тело, вещь или предмет [5, с. 69].

⁶ В русском языке ряд глаголов, обозначающих изменение положения физического объекта по направлению вверх, образуют видовые пары, например, *ёршиться* / *взъёршиться*, *дыбиться* / *вздыбиться* и др. В процессе выборки всего выявлено 7 таких пар. В данной работе в общее количество глагольных единиц включается 1 глагол из видовой пары – бесприставочный несовершенного вида.

⁷ Отметим, что количество исследуемых глагольных единиц не является исчерпывающим, так как словарный состав разных лексикографических источников не одинаков.

Цель данной работы – выявить семантические особенности глаголов положения, в семантике которых содержится указание на направление движения в пространстве, в русском и немецком языках.

Для выявления семантических характеристик таких глагольных единиц используются следующие методы: метод компонентного анализа в его дефиниционной версии, метод контекстуального анализа, метод сопоставительного анализа значений исходного слова и значений производных лексических единиц. Материалом исследования контекстов с изучаемыми глаголами послужили корпуса: в русском языке – Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [13], в немецком языке – Мангеймский корпус немецкого языка (COSMAS corpora или DeReKo) [14], Национальный корпус немецкого языка DWDS [15].

Основная часть. В результате анализа исследуемой группы глаголов в сравниваемых языках установлено, что лексические единицы, обозначающие какое-либо направление, характеризуются разными структурными и семантическими свойствами. Так, в русском языке информация о направлении содержится в семантике бесприставочных глаголов (например, *ершиться*, *топорщиться*, *щетиниться*, *торчать*) либо выражается с помощью приставки (например, *обвиснуть*, *свеситься*, *виснуть*). В немецком языке информация о направлении содержится в семантике: 1) непроизводных глаголов (например, *ragen* ‘возвышаться, висеть’, *lappen* ‘повиснуть, обвиснуть’); 2) приставочных глаголов (например, *durchhängen* ‘провисать’, *aufragen* ‘возвышаться, торчать’); 3) приставочных глаголов с дейктическим элементом *hin* или *her* (например, *hinausragen* ‘выдаваться, выступать’, *hervorstehe* ‘выступать, выдаваться’, *herunterhängen* ‘свисать’). Количественные и структурные характеристики глаголов положения, содержащих информацию о направлении, представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Количественные и структурные характеристики глаголов положения с семой ‘направление’ в русском и немецком языках

Структура	вверх		вниз		вперед		внутри		наружу	
	РЯ*	НЯ**	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ	РЯ	НЯ
Бесприставочные глаголы	13	2	–	3	–	–	–	–	–	–
Приставочные глаголы	5	7	9	2	6	3	1	–	–	4
Приставочные глаголы с дейктиком <i>hin / her</i>	–	–	–	3	–	3	–	3	–	4
Итого	18	9	9	8	6	6	1	3	0	8

Примечание: *РЯ – русский язык; **НЯ – немецкий язык

Из таблицы следует, что в русском языке в количественном плане преобладают глаголы, обозначающие изменение положения физического объекта по направлению вверх (18 единиц в русском языке и 9 единиц в немецком языке). В сравниваемых языках почти одинаковое количество глаголов, с помощью которых описывается смещение физического объекта по направлениям вниз и внутрь. В русском языке, в отличие от немецкого, не обнаружены глаголы, в семантике которых профилируется изменение положения физического объекта наружу.

Рассмотрим семантические особенности глаголов, обозначающих особое положение физического объекта, в русском языке. Информация о направлении вверх содержится в дефиниции следующих глаголов: *бугриться*, *возвыситься*, *воздвигаться*, *всклещиваться*, *всклокочиться*, *висеться*, *громоздиться*, *дыбиться*, *ершиться*, *ершиться*, *натопорщиться*, *пучиться*, *топорщиться*, *торчать*, *топыриться*, *холмиться*, *хотлиться*, *щетиниться* (всего 18 единиц). С помощью данных глагольных единиц описывается смещение или отклонение физического объекта от нормального положения по направлению вверх. При этом семантика таких глаголов накладывает ограничения на характер физического объекта. Так, в значении глаголов *бугриться*, *холмиться* содержится информация о смещении физического объекта вверх в виде бугров, холмов. В нормальном положении физический объект имеет ровную, без каких-либо выпуклостей, горизонтальную поверхность. В результате анализа контекстов с данными глаголами в Национальном корпусе русского языка выявлено, что объектом, описываемым с помощью глагола *бугриться*, выступают части тела, например, *мышцы*, *затылок*, *спина*, *плечи* и т.д., артефакты, например, *пиджак*, *рюкзаки*, *бинты*, *плитка*, *асфальт* и т.п., а также все, что связано с земной или водной поверхностью, например, *земля*, *местность*, *пляжи*, *поля*, *волны*, *водяные капли* и т.п. С глаголом *холмиться*, преимущественно, употребляются такие существительные, как *земля*, *местность*. Установлено, что в значении глаголов *бугриться*, *холмиться* актуализируются семантические признаки ‘множественность’ и ‘нежесткая структура’ физического объекта, позволяющая образовывать неровности. В семантике глагола *громоздиться* профилируется информация о массивности и множественности физического объекта, который располагается в виде беспорядочной груды, кучи (например, *посуда*, *ящики*, *книги*, *горы*, *холмы*, *скалы*; *здания* и *сооружения*).

Информация об отклонении от нормального положения *волос*, *шерсти*, *перьев*, *щетины* и т. п. содержится в семантике глаголов *ершиться*, *ершиться*, *топорщиться*, *натопорщиться*, *топыриться*, *щетиниться*. В нормальном положении физический объект имеет тонкую продолговатую форму и располагается параллельно поверхности, на которой находится. При изменении положения по направлению вверх физический объект располагается перпендикулярно. В семантике данной группы глаголов профилируются такие семантические признаки, как ‘множественность’, ‘нежесткая структура’ физического объекта. В значении глагола *топорщиться*, помимо данных семантических особенностей, актуализируется информация о положении вверх тонких острых объектов, выступающих над чем-либо, например, *стеблей*, *кустов*, *металлических нитей*, *штыков* и др. Физическим объектом, описываемым с помощью глагола *всклокочиться*, являются *волосы*, *шерсть*, *борода* и т. п. Кроме семантических признаков ‘множественность’ и ‘нежесткость структуры’ физического объекта, в значении данной глагольной единицы

содержится сема 'особая форма' физического объекта в виде клоков. Глагол *дыбиться* обозначает изменение положения лошади, а также волос, шерсти и т. п. При этом в семантике данного глагола профилируется особый характер положения не всего физического объекта, а его части: у лошади поднимаются передние ноги.

В значении глагольной единицы *хохлиться* актуализируется информация об изменении положения перьев птиц. Так, в норме перья обтекают тело птицы. Нахохлившись, птица увеличивается в размере за счет того, что перья располагаются перпендикулярно телу и приобретают растрепанный вид. Следовательно, в семантике данной лексемы содержатся такие семантические признаки, как 'множественность', 'нежесткая структура' физического объекта, 'увеличение в размере'.

С помощью глагола *пучиться* обозначается изменение положения по направлению вверх чего-либо жидкого, например, воды, реки, пенки, а также артефактов, например, бумаги, рубашки, рамы и др. Через производный дериват данной глагольной единицы толкуется глагол *вскоробиться*: «вспучиться, подняться горбом, буграми». Из дефиниции этого глагола выводится информация об изменении физического объекта, например, поляны, по направлению вверх в виде горба, бугров.

Глаголы *возвыситься*, *воздвигаться*, *выситься* используются в ситуациях, когда речь идет об особом характере положения физического объекта – его протяженности снизу вверх. Физическим объектом, чаще всего, выступают здания и сооружения, например, дома, столбы, башни, дворец и т.п.

Отдельно рассмотрим семантику лексемы *торчать*, который определяется «резко возвышаться, выступать над поверхностью чего-либо, выдаваться вперед, вверх». Из дефиниции следует, что в значении данного глагола имеется указание на направление не только вверх, но и вперед. Однако сема 'направление' может быть нейтральной и уточняться направительными операторами: *Осиновая щепка на крыше покособилась, а между брёвен из всех щелей торчал наружу белесый мох* [Юрий Коваль. Лесник Булыга (1985)]; *Двое несли тяжело раненного бандита, и один красноармеец нёс в охапке, очевидно, бандитские вещи: одеяла, ремни и торчащее во все стороны оружие* [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)].

Информация об изменении положения физического объекта по направлению вниз содержится в семантике глаголов *нависнуть*, *ниспадать*, *обвиснуть*, *отвиснуть*, *провиснуть*, *прогнуться*, *просесть*, *свеситься*, *свисать* (всего 9 единиц). Лексемы *нависнуть*, *обвиснуть*, *отвиснуть*, *провиснуть*, *свеситься*, *свисать* указывают на особый характер положения физического объекта – его протяженность сверху вниз. Данные глагольные единицы образованы от позиционного глагола *висеть*. Рассмотрим, каким образом приставка модифицирует семантику исходного глагола. *Висеть* толкуется как «держаться на чем-либо без опоры снизу, быть прикрепленным к чему-либо, имея возможность движения в стороны». Из дефиниции выводятся такие семантические признаки, как отсутствие опоры снизу при висающем положении, а также возможность латерального направления из стороны в сторону. Анализ контекстов с лексемой *нависнуть* показал, что семантические признаки, характерные для глагола *висеть*, не наследуются данным глаголом. В значении *нависнуть* актуализируется информация о массивной форме физического объекта, располагающегося, чаще всего, над чем-либо: *Сгорбившись, он смотрел прямо перед собой, в нависшие над стеклом белые тяжёлые ветки* [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)].

Глаголы *обвиснуть*, *отвиснуть* толкуются одинаковым образом: «оттянуться, опуститься книзу». В результате анализа вхождений с данными глаголами в Национальном корпусе русского языка выявлено, что их значение дифференцируется в зависимости от физического объекта, изменяющего положение в пространстве: глагол *отвиснуть* используется с такими частями тела, как *челюсть*, *нижняя часть губы*, *нижнее веко*. Глагол *обвиснуть* не сочетается с существительным *челюсть* и практически не употребляется с существительным *губы* (2 вхождения). С помощью данных глаголов описываются ситуации, когда речь идет об изменении первоначальной формы частей тела, предметов одежды по определенным причинам (старость, кормление грудью, изношенность и т.п.): *Как и у любого художатого джентльмена в годах у него заметно обвисли щеки* [Владимир Кузнецов. Часовой // «Волга», 2013]; *Старики и старухи ходили бы с отвисшими губами и языком* [М. Б. Бару. Навоз божьих коровок // «Волга», 2012]. В семантике лексем *провиснуть*, *просесть* актуализируются не характерные для исходных глаголов семантические признаки. Данные глаголы обозначают изменение положения части физического объекта по направлению вниз под действием силы тяжести или с течением продолжительного периода времени: *Сверху на палатке вода собралась в лужицы, и Кирилл сливает ее, тыкая бамбуковой палкой в провисшую под тяжестью воды парусину* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010]; *Земля давно просела под правым задним углом дома, а пол на этом месте в кухне и так давно гнилой* [Афанасий Мамедов, Исаак Милькин. Самому себе (2003) // «Октябрь», 2002]. Физическим объектом выступает, чаще всего, что-нибудь тонкое, например, веревки, кабель, сетка и др. или тяжелое, например, крыша, дом и т. п. В значении глагольных единиц *свеситься*, *свисать* содержится информация об особом характере положения физического объекта, так как положение изменяет не весь физический объект, а лишь его часть, при этом опустившись одним концом вниз: *По берегам свисали высокие травяные изморозью деревья* [В. М. Шапко. Грузок, what is it горка and липка? // «Волга», 2014]; *Шатаясь и ловя рукой стену, натянула на себя куртку, из рукава свесился желтый шарф, Полина зло выдернула его и намотала на шею* [В. Б. Бочков. Монтекристо // «Волга», 2012].

В результате сочетания приставок с глаголами *висеть*, *сидеть* семантика производных глаголов модифицируется в двух направлениях: глаголы переходят в разряд глагольных единиц, обозначающих особое положение в пространстве, и указывают на направление вниз. При этом семантические признаки, характерные для исходных глаголов, не наследуются глагольными дериватами.

Глагол *прогнуться* толкуется как «под действием тяжести, надавливания получить изгиб или выгиб». Из дескрипции данной лексемы выводятся причина и характер изменения положения физического объекта. В результате анализа контекстов с глаголом *прогнуться* установлено, что физическим объектом является что-либо массивное, тяжелое: *Упруго прогнувшись под весом двух человек, стеклянное полотно не сломалось* [Иван Огородник. Фестиваль стекла и дизайна // «Строительство», 2003.01.27].

С помощью глагола *ниспадать* описываются ситуации, когда речь идет об особом характере положения физического объекта – его протяженности сверху вниз, например, *волосы ниспадают на плечи*. Модификация семантики глагола *ниспадать* представляет особый интерес. В значении глагола *падать* уже содержится сема ‘направление движения вниз’, префикс *нис-* также обозначает движение вниз. При взаимодействии исходного глагола с данной приставкой происходит усиление значения движения вниз.

Глагольные единицы *выпялиться*, *выпятиться*, *выпучиться*, *выставиться*, *выпираться*, *выдаться* обозначают смещение физического объекта по направлению вперед. В семантике глагола *выпятиться* актуализируется информация об изменении положения в пространстве физического объекта по направлению вперед в результате каких-либо внешних факторов, например, изменения конструкции здания, злости и т.п.: *Крыша прогнулась, а пол выпятился, и передвигаться по хижине возможно лишь на четвереньках...* [Юрий Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь (1999)]; *Вика неопределенно улыбнулась, а Агеев вдруг разозлился, нахмурился и засопел, нижняя губа его выпятилась, темные глаза запухли, поленивели* [Юрий Казаков. Адам и Ева (1962)]. В качестве физического объекта, чаще всего, выступают части тела (*грудь, губа, живот, подбородок* и т.д.). Лексема *выпучиться* обозначает смещение положения физического объекта по направлению вперед, при этом физический объект увеличивается в размерах, приобретает выпуклую форму: *Когда она напялила на себя Аллин халат, в прорези выпучился ее серый квелый страшный живот* [Ю. М. Нагибин. Дневник (1971)]. С помощью глагольной единицы *выставиться* описывается изменение положения части физического объекта – смещение верхней части тела вперед: *Человек увидел доктора и остановился, выставившись над линией обрыва до пояса* [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]. Физическими объектами, чаще всего, являются части тела человека или животных, например, *грудь, голова, морда, хвост*. При этом не всегда данный глагол обозначает направление вперед, оно может уточняться направлятельными операторами: *Живот ввалился так, точно приклеился к спине, подбородок и груди выставились наверх* [Елена Хаецкая. Мракобес / Свора пропащих (1997)]. В толковании глаголов *выпялиться*, *выпираться* содержится информация об изменении положения физического объекта по направлениям вперед, наружу. В качестве физического объекта выступают, чаще всего, части тела: *лицо, живот, грудь, уши, мышцы* и т.д. В результате анализа контекстов с лексемой *выдаться* в Национальном корпусе русского языка установлено, что этот глагол используется для обозначения изменения положения, чаще всего, частей тела, например, *скул, зубов, ключицы, живота* и т.д. При этом направление может уточняться не только направлятельным оператором вперед, но и наружу.

В русском языке выявлен один глагол, в дефиниции которого маркируется изменение положения физического объекта внутрь. С помощью глагола *вдаться* описывается отклонение от нормального положения по направлению внутрь объектов природы, например, *скал, равнины, мыса, холма* и др.

Таким образом, анализ семантики исследуемых глаголов в русском языке показал, что в их значении содержатся различные типы информации о физическом объекте, изменяющем положение или отклоняющемся от нормального положения в каком-либо направлении. При этом данная информация дифференцируется в зависимости от направления. В обобщенном виде типы информации, выявленные в семантике глаголов, обозначающих изменение положения или отклонение от нормального положения физического объекта в определенном направлении, представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Типы информации в семантике глаголов положения с семой ‘направление’ в русском языке

Тип информации	Направление			
	вверх	вниз	вперед	внутри
Физический объект	части тела; артефакты; здания и сооружения; земная и водная поверхность; объекты природы; волосы, шерсть, щетина, перья	части тела; здания и сооружения; артефакты; волосы	части тела человека, животных; артефакты	объекты природы
Форма	в виде бугров, холмов; беспорядочной кучи, груды; клоков; тонкий, острый, продолговатый	–	выпуклый	–
Размер	массивный; увеличение в размере	массивный; тяжелый	увеличение в размере	–
Особый характер положения	протяженность снизу вверх; часть физического объекта	протяженность сверху вниз; свисание одним концом вниз	часть физического объекта	–
Структура	нежесткая	–	–	–
Количество	множественность	–	–	–
Причина	–	старость, кормление грудью; действие силы тяжести, фактор времени	внешние факторы	–

Рассмотрим семантические особенности глаголов, обозначающих изменение положения в определенном направлении, в немецком языке. К глаголам, в семантике которых актуализируется изменение положения или отклонение от нормы по направлению вверх, относятся: *aufragen* 'возвышаться, торчать', *aufstreben* 'стремиться ввысь; возвышаться', *emporragen* 'выситься, возвышаться', *emporstreben* 'тянуться (ввысь)', *hochragen* 'возвышаться', *hochstehen* 'вставать, торчать', *hochstreben* 'возвышаться', *ragen* 'возвышаться, выситься, выступать', *steilen* 'возвышаться' (всего 9 единиц).

Протяженность физического объекта снизу вверх описывается с помощью глагола *ragen* 'возвышаться, выситься, выступать' и его дериватов *aufragen* 'возвышаться, торчать', *emporragen* 'выситься, возвышаться', *hochragen* 'возвышаться'. Глагол *ragen* 'возвышаться, выситься, выступать' может обозначать направление положения физического объекта не только вверх, но и наружу: *Man behilft sich mit Gas- oder Holzöfen, die Rohre ragen aus den Fenstern* 'Обходятся газовыми или дровяными печами, с торчащими из окон трубами' [taz12]. Префиксы *auf-*, *empor-*, *hoch-* модифицируют семантику исходного глагола таким образом, что дериваты *aufragen*, *emporragen*, *hochragen* обозначают направление вверх: *Im Hintergrund sieht man die Wolkenkratzer aufragen, mächtige Bauwerke im Vergleich zu den beiden schutzlosen nackten Körpern* 'На заднем плане видны возвышающиеся небоскребы, могучие сооружения, по сравнению с двумя беззащитными обнаженными телами' [taz19]; *Türkisblaues Wasser, eingerahmt von dunklen Felsen und Geröll, über denen der mächtige Gletscher emporragt* 'Бирюзовая вода, окруженная темными скалами и галькой, над которыми возвышается могучий ледник' [Die Zeit, 13.06.2017, Nr. 24]. В значении данных глагольных единиц содержится информация об отклонении от нормального положения массивного физического объекта, например, зданий и сооружений (*замок, башня, церковь*), объектов природы, (*скалы, горы*). В семантике глаголов *aufstreben* 'стремиться ввысь; возвышаться', *emporstreben* 'тянуться (ввысь)', *hochstreben* 'возвышаться' профилируется протяженность снизу вверх массивных зданий и сооружений, например, *небоскрёбов, соборов, башен*; объектов природы, например, *гор, скал*. Дефиниция глагола *steilen* 'возвышаться' – «*steil in die Höhe ragen*» 'круто возвышаться вверх'. Из толкования выводится информация о характере положения физического объекта, репрезентируемая с помощью единицы *steil* 'крутой'.

Лексема *hochstehen* 'вставать, торчать' обозначает изменение положения *волос, усов* и т.п. по направлению вверх. В нормальном положении физический объект имеет тонкую продолговатую форму и располагается параллельно поверхности, на которой находится. В значении данной глагольной единицы содержатся семантические признаки 'множественность' и 'нежесткость структуры' физического объекта, изменяющего положение.

Информация об изменении положения физического объекта по направлению вниз актуализируется в семантике глаголов *durchhängen* 'провисать', *herabhängen* 'свисать, ниспадать', *herniederhängen* 'свисать', *herunterhängen* 'свисать', *klunkern* 'свисать, болтаться', *lappen* 'повиснуть, обвиснуть', *lappen* 'свисать', *niederhängen* 'свисать' (всего 8 единиц).

В значении глагола *durchhängen* 'провисать' профилируется семантический признак смещения положения центральной части (середины) физического объекта под действием силы тяжести: *Damit der 366 Tonnen schwere Stahlvogel nicht durchhängt, erhielt er ein drittes, etwas nach hinten versetztes Hauptfahrwerk* 'Чтобы 366-тонная стальная птица не провисла, её поддерживало третье основное шасси, которое было немного сдвинуто назад' [Der Tagesspiegel, 29.03.2004]. В результате анализа контекстов с глагольными единицами *herabhängen* 'свисать, ниспадать', *herunterhängen* 'свисать' установлено, что в их семантике содержится информация об особом характере положения физического объекта – его протяженности сверху вниз, при этом нижняя часть физического объекта не имеет опоры: *Marcus ist ein ruhiger, dünner Kerl mit schwarzem Haar, das wirt bis zum Nacken herabhängt* 'Маркус – спокойный худощавый парень с черными волосами, ниспадающими до затылка' [Der Tagesspiegel, 21.09.2001]; *Einige der Anwohner stehen an ihren Fenstern und lassen Transparente herunterhängen* 'Некоторые жители стоят у своих окон со свисающими транспарантами' [taz17]. Глаголы *herniederhängen* 'свисать', *niederhängen* 'свисать', *klunkern* 'свисать, болтаться' являются малоупотребительными, так как в газетном подкорпусе корпуса DWDS зафиксировано только по 2 вхождения с данными лексемами.

В дефиниции глагола *lappen* 'повиснуть, обвиснуть' содержится указание на характер протяженности физического объекта сверху вниз: «*schlaff hängen*» 'висеть вяло (расслабленно)'. Данный семантический признак характерен для лексемы *lappen* 'свисать', толкование которой «*irgendwo [schlaff] herunterhängen*» 'где-нибудь свисать вяло (расслабленно)'. В семантике этого глагола профилируется информация об отсутствии опоры нижней части физического объекта, которая свешивается вниз: *Aus den Dokumenten lappen hunderte von gelben Klebezetteln mit Bruhns' Notizen* 'Сотни желтых стикеров с заметками Брунса свисают из документов' [Der Tagesspiegel, 15.02.2004].

Рассмотрим семантические особенности глаголов, обозначающих изменение положения или отклонение от нормального положения физического объекта по направлению вперед. В эту группу вошли: *hervorragen* 'возвышаться, выситься; выступать, выдаваться', *hervorstehen* 'выступать, выдаваться', *hervorstechen* 'выступать, выдаваться', *vorkragen* 'выступать, выдаваться (вперёд)', *vorrage* 'выдаваться вперёд, торчать', *vorstehen* 'выступать, выдаваться вперед' (всего 6 единиц).

Из перевода глагола *vorrage* 'выдаваться вперёд, торчать' выводится направление вперед. Однако данный глагол толкуется с помощью единицы *hervorrage* 'возвышаться, выситься; выступать, выдаваться', в семантике которой содержится информация не только о направлении вперед, но и вверх. Следовательно, *vorrage* также обозначает два направления. Проанализировав контексты с данными лексемами, мы установили, что глагол *vorrage* практически не используется в языке (зафиксировано 8 вхождений). Глагол *hervorrage* описывает отклонение от нормального положения по направлению вперед или вверх зданий и сооружений, природных объектов

(гор, скал, камней), а также частей тела. В нормальном положении часть физического объекта находится на том уровне, что и весь физический объект, т.е. на поверхности физического объекта не образуется выступ вперед или возвышение над чем-либо: *Kein Balkon, der **hervorragt*** 'Ни одного балкона, который выступает' [Die Zeit, 22.07.2010, Nr. 30]; *Zur Rechten senkte sich unser Blick schaurig in einen tausend Fuß tiefen Abgrund, aus dem schnee-lose Felsmassen senkrecht **hervorragten*** 'Справа наш взгляд устрашающе утонул в пропасти глубиной в тысячу футов, из которой вертикально торчали бесснежные камни' [Der Tagesspiegel, 16.10.2004].

Лексема *hervorstechen* 'выступать, выдаваться' обозначает изменение положения частей тела, например, *носа, живота*. Кроме того, в семантике данного глагола актуализируется информация о том, что физический объект выделяется по каким-либо параметрам (росту, внешнему виду и т.п.) по отношению к другим физическим объектам: «*Alle Blue Men sollen gleich groß sein, da soll keiner **hervorstechen***», *erklärt Christoph Drewitz, der das Casting leitet* «Все синие люди должны быть одного роста, никто не должен выделяться», – объясняет возглавляющий кастинг Кристоф Друитц [Berliner Zeitung, 30.07.2004]. Глагольная единица *vorstehen* 'выступать, выдаваться вперед' толкуется следующим образом: «(durch eine bestimmte Form oder [anormale] Stellung) auffallend weit über eine bestimmte Grenze, Linie nach vorn, nach außen stehen» '(из-за определенной формы [необычного] положения) заметно выступать вперед, наружу над определенной границей, линией'. В дефиниции присутствует указание на изменение положения в направлениях вперед, наружу. В качестве физического объекта могут выступать части тела, например, *vorstehende Backenknochen, Vorderzähne* 'выступающие скулы, передние зубы'. Глагол *hervorstehen* 'выступать, выдаваться' толкуется через глагол *vorstehen*, следовательно, в семантике лексемы *hervorstehen* также содержатся два направления. Значения направлений вперед и наружу, заложенные в этих лексемах, весьма сложно дифференцировать, например, *клыки выступают вперед* или *выступают наружу*: *Nun schmückt sie ein goldener Ring, während aus dem unterbissigen Kiefer gelbe Hauer **hervorstehen*** 'Теперь она украшена золотым кольцом, а желтые клыки выступают из челюсти' [Die Zeit, 25.09.2008, Nr. 40].

Глагол *vorkragen* 'выступать, выдаваться (вперед)' используется для описания отклонения от нормального положения по направлению вперед частей здания, сооружения и т.п. Однако данная лексема редко используется в языке, о чем свидетельствуют только 4 вхождения в газетном подкорпусе корпуса DWDS.

В семантике глагольных единиц *hineinhängen* 'свешиваться', *hineinragen* 'вдаваться (внутрь)', *hineinstehen* 'вдаваться' профилируется информация об изменении положения физического объекта по направлению внутрь. В значении глагола *hineinhängen* 'свешиваться' актуализируется диффузность направлений вниз и внутрь, например, *ветки ивы свисают в воду*. С помощью глагольной единицы *hineinragen* 'вдаваться (внутрь)' описывается отклонение от нормального положения частей зданий и сооружений; объектов природы.

Отклонение от нормального положения или изменение положения физического объекта наружу обозначается глаголами *auskragen* 'выступать, выдаваться', *herausragen* 'выступать, выдаваться, торчать', *hinausragen* 'выдаваться, выступать', *herausstehen* 'выступать, выдаваться', *hinausstehen* 'выступать, выдаваться', *überhängen* 'выступать; свисать', *überraagen* 'выдаваться, выступать', *überstehen* 'выдаваться, выступать' (всего 8 единиц).

Семантика глаголов *herausragen*, *hinausragen* дифференцируется в зависимости от дейктических элементов *hin / her*, обозначающих изменение положения физического объекта по отношению от говорящего либо к говорящему. Кроме того, данные глагольные единицы по-разному толкуются: дефиниция *herausragen* – «aus etwas [in die Höhe] ragen» 'из чего-то выступать [вверх]', дефиниция *hinausragen* «nach draußen ragen, überstehen» 'выступать наружу, выдаваться'. Из дескрипции первого глагола выводится информация о направлении не только наружу, но и вверх. В семантике данных глаголов профилируется отклонение от нормального положения зданий и сооружений, артефактов, объектов природы и т.п. наружу, при этом физические объекты характеризуются протяженностью снизу вверх: *Allerdings können die Masten für die Rotoren bis zu 200 Meter hoch sein und damit über die Kronen alter Bäume **hinausragen*** 'Однако мачты для роторов могут быть высотой до 200 метров и поэтому выступать над верхушками старых деревьев' [taz14].

Глаголы *hinausstehen*, *herausstehen* 'выступать, выдаваться' используются, преимущественно, для описания изменения положения частей тела, а также отклонения от нормального положения артефактов. В значении данных глагольных единиц актуализируется информация об отклонении от нормального положения не только по направлению наружу, но и вверх: *Die Plätze hatten kurze, harte Stängel (oft aus Nylon), die wie Bartstoppeln aus dem Boden **herausstanden*** 'На площадках торчали из земли, словно щетина, короткие твердые стебли (часто сделанные из нейлона)' [Die Zeit, 08.10.2009, Nr. 42].

Лексемы *überhängen* 'выступать; свисать', *überraagen* 'выдаваться, выступать', *überstehen* 'выдаваться, выступать' толкуются через глагол *hinausragen* 'выдаваться, выступать' и обозначают отклонение от нормального положения по направлению наружу физического объекта, располагающегося над чем-либо. В качестве физического объекта, чаще всего, выступает что-либо массивное, например, здания и сооружения, объекты природы и т.п. Анализ контекстов с данными глаголами показал, что в их значении актуализируется диффузность направлений (наружу, вниз либо вверх): *Dieser etwa zwei Meter hohe, buschige Strauch bildet dünne Seitenzweige, die locker **überhängen*** 'Этот густой кустарник, высотой около двух метров, образует тонкие свободно нависающие боковые ветви' [Der Tagesspiegel, 23.10.2004]; *Im Hintergrund **überragt** der für die Buddhisten heilige Adam's Peak mit seinen 2243 Metern Höhe die Szenerie* 'На заднем плане возвышается над пейзажем священная для буддистов горная вершина Адама высотой 2243 метра' [Der Tagesspiegel, 24.10.2004].

В результате анализа глаголов, обозначающих изменение положения или отклонение от нормального положения физического объекта в определенном направлении, в русском и немецком языках выявлены как сходные, так и отличительные семантические характеристики. В обобщенном виде типы информации в семантике исследуемых глаголов в сравниваемых языках приведены в таблице 3.

Таблица 3. – Типы информации в семантике глаголов положения с семой 'направление' в русском и немецком языках

Тип информации	Язык	Направление				
		вверх	вниз	вперед	внутри	наружу
Физический объект	РЯ	части тела; артефакты; здания и сооружения; земная и водная поверхность; объекты природы; волосы, шерсть, щетина, перья	части тела; здания и сооружения; артефакты; волосы	части тела человека, животных; артефакты	объекты природы	–
	НЯ	здания и сооружения; объекты природы; волосы, усы и т. п.	артефакты; волосы	здания и сооружения; объекты природы; части тела	части зданий и сооружений; объекты природы	здания и сооружения; объекты природы; артефакты; части тела
Форма	РЯ	в виде бугров, холмов; беспорядочной кучи, груды; клоков; тонкий, острый, продолговатый	тонкий, продолговатый	выпуклый	–	–
	НЯ	тонкий, продолговатый	тонкий, продолговатый	–	–	–
Размер	РЯ	массивный; увеличение в размере	массивный; тяжелый	увеличение в размере	–	–
	НЯ	массивный	–	–	–	массивный
Особый характер положения	РЯ	протяженность снизу вверх; часть физического объекта	протяженность сверху вниз; свисание одним концом вниз	часть физического объекта	–	–
	НЯ	протяженность снизу вверх; крутой	протяженность сверху вниз; отсутствие опоры нижней части физического объекта; вялый, ослабленный; центральная часть (середина) объекта	–	–	–
Структура	РЯ	нежесткая	–	–	–	–
	НЯ	нежесткая	–	–	–	–
Количество	РЯ	множественность	–	–	–	–
	НЯ	множественность	–	–	–	–
Причина	РЯ	–	старость, кормление грудью; действие силы тяжести, фактор времени	внешние факторы	–	–
	НЯ	–	действие силы тяжести	–	–	–

Закключение. Таким образом, как в русском, так и в немецком языках информация в семантике глаголов, обозначающих изменение положения или отклонение от нормального положения физического объекта, неравномерно представлена в зависимости от направления. Так, наибольшее количество типов семантической информации выявлено в значении глагольных единиц, маркирующих направления вверх и вниз. Общими типами информации в обоих языках являются свойства физического объекта, изменяющего положение, его структура, количество. В русском языке, в отличие от немецкого, более детально репрезентируются форма, размер физического объекта, причина изменения положения или отклонения от нормы. В сравниваемых языках отличается информация об особом характере положения физического объекта. В немецком языке, по сравнению с русским, выявлены глаголы, обозначающие изменение положения или отклонение от нормального положения физического объекта по направлению наружу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

2. Большой немецко-русский словарь / Das grosse deutsch-russische Wörterbuch: [около 165 000 слов: в 2 т.] / сост. Е.И. Лепинг и др.; под рук. О.И. Москальской. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз., 1980.
3. Duden online. – URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 25.03.2020).
4. Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М., 1983. – Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. – С. 23–60.
5. Тарасевич Л.А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением: на материале немецкого и русского языков. – Минск: Мин. гос. лингвистич. ун-т, 2014. – 272 с.
6. Гак В.Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. – М.: Изд-во Международные отношения, 1966. – 334 с.
7. Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: стоять, лежать, сидеть и висеть // Вопр. языкознания. – 1998. – № 6. – С. 69–80.
8. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2002. – 287 л.
9. Engel U. Deutsche Grammatik. – 3., korrigierte Aufl. – Heidelberg: Groos, 1996. – 888 S.
10. Duden, Die Grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch: / Herausgegeben von K. Kunkel-Razum et al. – 8., überarb. Aufl. – Mannheim [etc.] : Dudenverlag, 2009. – 1343 S.
11. Maienborn C. Position und Bewegung: Zur Semantik lokaler Verben // IWBS-Report Nr.138, IBM Stuttgart, 1990. – 112 S.
12. Maienborn C. Bewegungs- und Positionsverben: Zur Fakultativität des lokalen Arguments // Betriebslinguistik und Linguistikbetrieb; Hrsg. E. Klein, D. Pouradier, K. H. Wagner. – Band. 2. –Tübingen: Niemeyer, 1991. – S. 95–106.
13. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.04.2020).
14. Taz-Corpus, Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. – URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/faces/investigation/wordForms.xhtml> (дата обращения: 12.05.2020).
15. Национальный корпус немецкого языка. – URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 12.05.2020).

Поступила 30.06.2022

SEME 'MOTION' IN THE SEMANTICS OF POSITION VERBS (BASED ON THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)

E. USTIMENKO
(Minsk State Linguistic University)

The article deals with the semantic features of position verbs, the meaning of which contains an indication of the direction of motion, in the Russian and German languages. It has been established that in the compared languages the types of information in the semantics of the studied verbal units are presented unevenly depending on the spatial direction. As a result of the analysis of the meaning of position verbs with the seme 'direction' in Russian and German, both general and specific semantic characteristics have been revealed.

Keywords: position verbs, direction of motion, semantic characteristics, semantics.

УДК 81-13

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-177-183

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСОВ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ: ОБЗОР ОПЫТА ИТАЛЬЯНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НОВЫЕ РЕСУРСЫ «SEAH»

канд. филол. наук, доц. М. К. ФЕРРО
(Университет Д'Аннуцио Кьети-Пескара)

канд. филол. наук, доц. С.М. ЛЯСОВИЧ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье представлен подробный обзор развития корпусной лингвистики применительно к русскому языку и обзор наиболее значимых итальянских и белорусских публикаций по использованию корпусов для описательного анализа русского языка и преподавания русского языка как иностранного. В этой панораме автор подчеркивает новаторский характер и потенциал корпуса Ru_Seah как на фронте русской корпусной лингвистики, так и для преподавания русского языка как иностранного. Описан опыт создания профессионально ориентированного русскоязычного корпуса текстов для студентов направления «Архитектура и строительство» с использованием корпусного менеджера Sketch Engine в рамках проекта SEAH. Обозначены цели и задачи проекта, подход к отбору материала для корпуса, обоснована его сбалансированность, включение в корпус текстов разных жанров и стилей. Описаны элементы поисковой системы в связи с разметкой лингвистического корпуса. Рассматривается структура учебных модулей, составленных с использованием лингвистического корпуса SEAH.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, лингвистический корпус, SEAH, Sketch Engine, Национальный корпус русского языка, профессиональный языковой модуль.

Введение. Данная статья – результат совместной работы и сотрудничества белорусских и итальянских исследователей по созданию лингвистического корпуса и системы заданий, связанных с его использованием, для обучения русскому языку иностранных студентов архитектурно-строительных специальностей (далее – АСС)¹. Целью данной статьи было представить предысторию развития направления корпусной лингводидактики (и РКИ в частности) в Италии и Беларуси, чтобы были понятны предпосылки и условия, в которых был реализован проект SEAH²; рассмотреть основные результаты проекта «Совместное использование европейского архитектурного наследия: инновационные инструменты преподавания языков для академической и профессиональной мобильности по направлению «Архитектура и строительство».

Методический потенциал лингвистических корпусов, бесспорно, связан с креативным подходом к обучению преподавателя и студентов. Как отмечает Л.В. Рычкова, «поскольку любой корпус, независимо от его назначения, представляет собой значительный массив тем или иным образом упорядоченного аутентичного языкового материала, то, используя подобный электронный языковой ресурс, студенты-иностранцы могут научиться анализировать и систематизировать речевые факты; на основе наблюдения делать выводы относительно тех или иных языковых явлений; формулировать лингвистические гипотезы и высказывать предположения относительно наблюдаемого языкового материала с учетом различных типов изучаемых объектов. Соответственно, активизируются познавательные потребности студентов, формируется эвристический тип языкового мышления» [1, с. 364]. Вопрос заключается в грамотном подходе преподавателей-методистов к существующим корпусным ресурсам, поэтому интерес представляет уже накопленный опыт в этой области.

Основная часть. Обзор итальянских исследований. В то время как в России исследования по теоретическому и практическому применению корпусов хорошо развиты и в некоторых случаях привели к созданию пособий по использованию цифровых текстовых архивов не только в научных целях, но и в целях преподавания РКИ, то в Италии, напротив, интерес к подобной тематике возник совсем недавно и до сих пор, в основном, развивался в рамках дескриптивной лингвистики, русско-итальянской контрастивной лингвистики, а также (особенно после последних обновлений параллельного русско-итальянского корпуса³ [2] (Biagini et al. 2019) – в рамках анализа переводов.

В отношении последнего утверждения отметим исследования, проводимые на основе русского корпуса LBC⁴, первого в Италии, содержащего особую диафазическую разновидность русского языка – историко-художественный язык и язык искусств (ср. Rossi et al. 2020) [3], а также на основе параллельных корпусов переводов участников конкурса «Культурный мост» в целях исследования переводческих трудностей у молодых эритажных носителей русского языка, проведенного М. Перотто (2022) [4].

¹ Данная статья – результат совместной работы авторов: М.К. Ферро – разделы «Обзор итальянских исследований» и «Презентация модулей RU_SEAH. Структура и содержание», которые перевела с итальянского Н.К. Гусева; С.М. Лясевич – разделы «Обзор белорусских исследований» и «Лингвистический корпус RU_SEAH».

² URL: <https://www.seahproject.eu/>. Erasmus+ K203 (2020–2022).

³ URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=ita>.

⁴ URL: <http://corpora.lessicobeniculturali.net/ru/>.

Формат данного исследования не позволяет нам предложить подробный обзор этих работ, но мы хотели бы упомянуть ученых, которые внесли наибольший вклад в данную тематику и способствовали развитию корпусных исследований, а именно: В. Бенини [5–8], Ф. Бьяджини [9–11], А. Бонола, П. Котта Рамузино, В. Нозеда [12]⁵ (фамилии приводятся в алфавитном порядке). Их анализ показывает, что использование корпусов является плодотворным на нескольких уровнях: оно позволяет оценить функционирование типичных конструкций русского языка в определенном контексте, определяя их шире и точнее, чем описания в таблицах морфосинтаксиса с их неизбежными обобщениями. Аналогичным образом изучение отдельных лемм и выражений в их различных комбинациях позволяет более точно и глубоко понять их семантику. Наконец, параллельные корпуса представляют собой ценный ресурс для анализа стратегий и способов перевода, для исследований (не)совпадений семантических полей слов одного языка с семантикой их переводных эквивалентов, а также различий между языками в плане сочетаемости слов и т.д. Эта информация теперь доступна преподавателю РКИ, на которого, однако, возлагается задача разработки ресурсов для использования в классе или аудитории, подбора материалов и видов деятельности с учетом потребностей учащихся и подготовки учебных модулей.

Первые исследования и методические предложения по преподаванию РКИ итаоговорящим учащимся были представлены Франческой Бьяджини (2007) [9] в эссе, иллюстрирующем некоторые виды деятельности с использованием Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) для обучения употреблению вопросительных наречий *зачем* и *почему*, которые из-за возможности перевода на итальянский наречием *«perché?»* иногда составляют трудность для носителей итальянского языка. Позже В. Бенини (2010, 2013) [5–6] в двух исследованиях, посвященных использованию русскоязычных корпусов в преподавании РКИ носителям итальянского языка, приводит примеры некоторых запросов в НКРЯ, представляющихся полезными в дидактике на разных этапах обучения и в разных целях: в частности, для выявления и изучения семантических полей, риторических фигур, collocationalных профилей и сочетаемости лексики и т.д.

Пять лет спустя В. Бенини в соавторстве с Э. Нуццо [7] снова берется за эту тему, расширяя область исследования до преимуществ корпусного подхода и в обучении прагматическим аспектам языка: авторов интересовал вопрос употребления функционального маркера *ну*. Позже у тех же авторов в соавторстве с Д. Артони выходит методико-прагматическое исследование, в котором мультимедийный корпус МУРКО используется в качестве отправной точки для обучающего эксперимента [13]. В 2019 г. Бенини и Т. Майко [8] исследуют способы концептуализации реальности с помощью опорных глаголов и их частотность в плане преподавания РКИ, а Ф. Бьяджини и М. Маццолени [11] описывают примеры запросов в параллельном русско-итальянском корпусе НКРЯ при обучении РКИ итальянских учащихся на продвинутом уровне, в частности, при презентации «преконцессивных» конструкций, демонстрируя, что такая деятельность способствует метаязыковому анализу родного языка и сопоставлению употреблений в двух языках. Как объясняет Бьяджини [10, с. 342], термин «преконцессивные конструкции» был введен итальянским лингвистом Берретта («costrutti pre-concussivi») [14] для обозначения соотносительных синтаксических структур, содержащих катафорический элемент (например, *правда, да, конечно*) и следующее за ним анафорическое слово (например, *а, но, однако, зато, только*). В русском языкознании так называемые прекопцессивные конструкции определяются Булыгиной и Шмелевым как конструкции, выражающие «возражение под видом согласия»: «говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли» [15, с. 137].

К. Балакина, со своей стороны, показала, как параллельные учебные корпуса, т.е. электронные коллекции переводов на иностранный язык (L2), выполненных учащимися, могут способствовать не только совершенствованию методики преподавания перевода с русского на итальянский [16], но и изучению L2 в целом [17], особенно при анализе некоторых посессивных конструкций [18] и количественных выражений [19]. В 2020 г. В. Нозеда показывает, насколько НКРЯ является ценным вспомогательным средством для объяснения глагольного вида и так называемой «видовой конкуренции» в классах итаогоязычных учащихся [12].

Актуальность подобных исследований подтверждает и исследовательский проект С. Алоэ и Г. Помаролли университета г. Вероны «Русско-итальянский параллельный корпус как инструмент в преподавании русских неопределенных местоимений»⁶, в рамках которого в 2021 г. также был проведен семинар для студентов.

Обзор белорусских исследований. Безусловно, когда мы говорим о создании лингвистических корпусов в Беларуси, в первую очередь, интересен вопрос наличия таких ресурсов на национальном, белорусском языке. Они есть, работа по их созданию ведется, но в данной статье мы не будем на них останавливаться, т.к. это не входит в круг интересов данного исследования в аспекте обучения РКИ. В Беларуси интерес к методическому потенциалу лингвистических корпусов для преподавания РКИ также возник недавно. С одной стороны, возможно, причиной этого стала доступность наработок российских коллег, с другой – отсутствие центра исследований, научной школы по данному направлению.

⁵ См. веб-страницы коллег:

В. Бенини (<https://www.uniroma3.it/persona/aTdsae9WcDFjUE5vbG9uTIZrZjRDOUN0S0taUtnL1ZUUnJUL1h0SmRnRT0=/>);

Ф. Бьяджини (<https://www.unibo.it/sitoweb/francesca.biagini7>);

А. Бонола (<https://docenti.unicatt.it/ppd2/it/docenti/05372/anna-paola-bonola/profilo>);

П. Котта Рамузино (<https://www.unimi.it/it/ugov/person/paola-cottaramusino>);

В. Нозеда (<https://docenti.unicatt.it/ppd2/it/docenti/26214/valentina-nosedda/profilo>).

⁶ URL: <https://www.dlsl.univr.it/?ent=progetto&id=5730>.

Ведущим исследователем в этой области в Беларуси, пожалуй, можно назвать Л.В. Рычкову, которая была инициатором открытия в белорусском вузовском образовании нового направления подготовки филологов «Компьютерное обеспечение», курирует специализацию «Компьютерная лингвистика» в Гродненском государственном университете им. Янки Купалы, руководитель научного направления «Автоматизация лингвистических исследований и преподавания филологических дисциплин». Таким образом, первым шагом к развитию лингводидактики на основе корпусных технологий была работа по созданию необходимой базы и компетентных специалистов в данной области.

В русле данного аспекта следует назвать работы А. Станкевич. Автором описана концепция и программный инструментальный спецкурс «Автоматизация лингвистических исследований», включенного в учебный план специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)» на филологическом факультете Гродненского государственного университета им. Янки Купалы [20]. В другой работе представлена структура и состав полнотекстовой базы данных региональных белорусских СМИ (РБМ). Дается введение в синтаксис запросов, поддерживаемый специальными python-модулями, ориентированными на формат РБМ и включенными в ее состав. Приводится сравнительное описание возможностей внутренних инструментов базы данных и сторонних свободно доступных программных инструментов (AntConc, NooJ, #LancsBox) для отбора языкового материала из РБМ [21].

Совместно учеными кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук при участии компании Яндекс был создан оригинальный электронный языковой ресурс – Корпус региональной и зарубежной прессы, входящий в газетный модуль Национального корпуса русского языка, что нашло отражение в монографии Л.В. Рычковой [22]. В монографии описана технология создания иллюстративного лингвистического корпуса, специфика которого обусловлена, прежде всего, языковым материалом, положенным в его основу (аутентичные белорусскоязычные и русскоязычные тексты интернет-версий региональных газет Гродненщины). Представлены этапы формирования корпуса: принципы отбора исходного языкового материала; сбор и систематизация электронного контента; система метаразметки корпуса, обусловленная наличием двух версий ресурса: автономной версии и версии, составляющей часть Корпуса региональной и зарубежной прессы, входящего в газетный модуль НКРЯ. Показаны возможности использования корпуса в лингвистических исследованиях и для решения лингводидактических задач [23]. Л.В. Рычкова неоднократно обращала внимание (и мы полностью согласны с исследователем), что использование корпусных технологий создает реальную базу для педагогических инноваций в области преподавания русского языка различным контингентам учащихся [24–25]. Особо подчеркнута роль корпусов, отражающих региональные разновидности русского языка, и корпусов СМИ в билингвальном образовании, а также описана специфика использования «смешанного» регионального корпуса в обучении русскому языку в условиях лингвокультурной общности русского и белорусского языков. Но педагогические инновации невозможны без соответствующей подготовки преподавателей, что Л.В. Рычкова также отметила в отдельной работе [26]. Как можно работать с корпусом, например, для поиска и выбора фразеологизмов при обучении иностранцев, исследователь показала на базе фразеологизмов с соматизмом «рука» [27].

Единичны публикации, которые посвящены использованию НКРЯ в преподавании русского языка иностранным студентам, специализирующимся в какой-то отдельной области. Так, в статье Л.В. Рычковой, Г.Б. Байраммырадова [28] показаны возможности применения свободно доступных электронных языковых ресурсов лексикографического и полнотекстового характера в обучении профессиональному языку права иностранных студентов, в том числе с помощью НКРЯ. Представлены типы заданий для изучения профессиональной лексики студентами юридических специальностей, которые можно применить и к изучению лексики других профессиональных областей. Научная разработанность проблемы профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному, по нашему мнению, представляется недостаточной, особенно области архитектуры и строительства.

Лингвистический корпус RU_SEAH. Прежде чем представить учебные модули, следует описать критерии состава и структуру корпуса RU_SEAH⁷, на основе текстов которого создавались учебные модули. Лингвистические корпуса проекта размещены на ресурсе Sketch Engine, который является корпусным менеджером, «это специализированная поисковая система, включающая программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме» [33, с. 3]. Любой зарегистрированный пользователь может загрузить на этот ресурс свой собственный заранее подготовленный текстовый корпус объемом не более 1 миллиона слов на одном из языков, которые поддерживает Sketch Engine. Для России и Беларуси в данный момент этот ресурс недоступен для моделирования собственных корпусов, но размещение собранных текстов, техническую обработку осуществляла компания Web Solutions. Поэтому в качестве пользователей для русских и белорусских студентов и преподавателей работа с ресурсом возможна.

При создании лингвистических корпусов, как отмечает Л.В. Рычкова, «важную роль играет грамотное определение этапов формирования корпуса, обеспечение аутентичности отобранного в качестве базы корпуса языкового материала, разработка системы метаразметки, в том числе – тематической» [34, с. 167]. Что касается

⁷ Корпусы проекта представлены в статье Piccioni, S., D'Angelo, M., Ferro, M.C. (2021). I Corpora SEAH di comunicazione specializzata nel settore dell'Architettura e delle Costruzioni. Struttura, compilazione e usi. *Linguistica* 61/2, 99-124 (на итальянском языке). Более детально о корпусе RU_SEAH читается в работе Ferro, M.C. (2022). Il corpus RU_SEAH. La lingua russa per la comunicazione specializzata nel settore dell'architettura e delle costruzioni. *EL.LE*, 11/2, 245-266. (на итальянском языке).

созданного корпуса SEAH, то стремление сделать его сбалансированным, обусловило включение в корпус разметки по направленности и жанрам текста. По области применения текстов выделяются академические, профессиональные, педагогические и популярные. В область академических входят такие жанры, как научные статьи, монографии, материалы конференций, авторефераты диссертаций, диссертации и др.; в область профессиональных – описание проектов, отчеты по проектам; в сферу педагогических – пособия, лекции, учебные материалы, методички; в область популярных – публичные лекции, подкасты, буклеты торговых выставок и др. Эта информация представлена в виде метаразметки.

Изучение языка связано и с освоением навыка понимания на слух, поэтому включение в корпус как письменных, так и устных текстов также отражает стремление сделать его сбалансированным, отражено в разметке, это можно выбрать в качестве критерия поиска. Материалом устных текстов, по большей части, стали записи лекций преподавателей Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, записи защиты дипломных и курсовых проектов студентов специальности «Архитектура», записи выступлений с докладами на научных конференциях.

Презентация модулей RU_SEAH. Структура и содержание. Учебные модули RU_SEAH в свободном доступе на специально созданной веб-платформе⁸ были разработаны для удовлетворения потребностей в обучении студентов АСС и профессионалов в области АСС, работающих за рубежом. В своих теоретико-методологических предпосылках корпусная лингвистика, лежащая в основе создания корпусов, объединяется с исследованиями в области жанрового анализа [29–30], который является ведущим инструментом для выявления коммуникативных потребностей иностранных учащихся [31], а также с исследованиями по дидактике языков профессионального общения, которые с конца XX века определяют специфику академического общения в зависимости от профессиональной сферы (ср. различие, установленное для английского языка, между *English for General Academic Purposes* и *English for Specific Academic Purposes*). Следовательно, чтобы удовлетворить реальные языковые потребности обучающихся, дидактические модули разрабатываются не на основе жесткой последовательности абстрактных учебных планов [32], а на основе аутентичных академических текстов в области АСС, т.е. материалов, специально отобранных для корпусов. Этот подход хорошо описан М. Д'Анджело, которая, основываясь на исследованиях Хайланда, обращается к принципу введения академического дискурса на каждом этапе обучения, а не только после определенного овладения стандартным языком.

Предлагаемые задания предполагают владение иностранным языком на уровне от А2 до В1 по CEFR (ТБУ – ТРКИ I для русского языка) и направлены на закрепление и расширение базовых знаний с целью достижения уровня В2 (ТРКИ II), обычно необходимого студентам для программ международной мобильности, обогащение запаса специализированной лексики, а также повышение компетентности в дискурсивных практиках, характерных для данной области. Модули русского языка, как и все остальные модули в рамках проекта, являются монолингвальными (задания также даются на иностранном языке), так как они предназначены для не говорящих по-русски студентов в целом для всех языков проекта (французский, итальянский, русский, испанский, немецкий) и не только. Первые четыре модуля состоят из восьми шаблонных разделов, общих для всех языков проекта, и были созданы с нуля группой, ответственной за русский язык, с помощью веб-сервисов quizlet.com (для создания флэш-карт разминочных упражнений), edpuzzle.com (для создания упражнений на понимание на слух), onlinetestpad.com (для кроссвордов) в целях внедрения геймификации в учебный процесс. Тематика модулей определялась подборкой тем, включенных в корпус RU_SEAH и отмеченных в качестве значимых для целевой группы на этапе консультаций с заинтересованными сторонами (от коллег на кафедре архитектуры университета городов Кьети-Пескара до ассоциированных партнеров проекта: <https://www.seahproject.eu/associates.php>) или выделенных из учебных программ университетских курсов по АСС как в России с веб-сайтов университетов, так и в Беларуси, благодаря сотрудничеству с кафедрой архитектуры университета-партнера. Были определены следующие тематики:

- *Строительные профессии.*
- *Архитектурное планирование и дизайн.*
- *Архитектура современной России.*
- *Экологическая архитектура.*

Четыре модуля задуманы как независимые друг от друга и не предполагают определенного порядка при их выполнении, однако указанный выше порядок отражает возрастающую сложность предлагаемых материалов и рекомендуется для пользователей с начальным уровнем А2.

Все опорные тексты, за исключением первого модуля, взяты из материалов корпуса RU_SEAH, иногда с адаптацией, и, как и вводные тексты, направлены на презентацию специальной лексики, которая составляет основу многих заданий модуля. Её повторение в различных разделах направлено на облегчение усвоения учащимся, которому предлагается вывести значение слов через разминочные упражнения с использованием флэш-карт и сопоставления текста и изображения (раздел 1), распознать их в упражнении на аудирование (раздел 2), поработать с ними через выполнение лексических и грамматических заданий на закрепление (раздел 3), кроссвордов (раздел 4), упражнений на основе корпуса (разделы 3 и 7). Введение лемм сопровождается, помимо изображений, дискурсивными определениями, простыми или низкой сложности в упражнениях по подготовке к чтению на основе флэшкарт и более сложными в упражнениях на установление соответствия. В то время как изображения позволяют учащемуся вывести значение незнакомых слов, определения призваны постепенно развивать

⁸ URL: <https://www.seahproject.eu/learning.php>.

способность описывать предметы и окружающее их пространство, а в итоге – лингвистическую компетенцию учащегося. Начиная с уже известных ему слов, учащийся постепенно обнаруживает, что он способен выполнять упражнения на установление соответствия, даже если не владеет активно всем словарным запасом, что положительно влияет на самооценку и побуждает к продолжению изучения модуля.

В третьем разделе, посвященном лексике, рассматривается словообразование с помощью суффиксации существительных, обозначающих профессии (в разделе «Строительные профессии»), существительные, определяющие части здания, и коллокации с ними (в разделе «Архитектурное планирование и дизайн»), леммы, описывающие дорожную сеть крупных российских городов (в «Архитектуре современной России»), некоторые сочетания прилагательное + наречие, ставшие привычными в дискурсе об устойчивой архитектуре (в «Экологической архитектуре»). Так, в этом разделе учащийся должен не только запоминать новые леммы, но и размышлять над семантическим полем уже известных слов, для которых он открывает новые значения.

Грамматические задания направлены на отработку морфосинтаксических структур, представляющих трудности из-за аниморфизма иностранного и родного языков или из-за их употребления в специальном дискурсе. В частности, в модулях рассматриваются аспекты использования родительного (в «Строительных профессиях») и творительного (в «Архитектурном планировании и дизайне») падежей и закрепляются правила склонения имен существительных и прилагательных, в том числе некоторые исключения из них. Тем самым учащиеся учатся сознательно применять эти правила с использованием отраслевой лексики. Модуль «Архитектура современной России» предлагает обзор причастий, трудной в овладении для иностранцев части речи, но широко употребляемой в академическом дискурсе, особенно в его письменной форме. Наконец, учебный блок «Экологическая архитектура» рассматривает некоторые типы словообразования (словосложения), которое, как известно, является одним из «ключей» к русскому языку. Наличие грамматических разделов с дискурсивными пояснениями на русском языке может показаться не соответствующим целям проекта и несбалансированным по отношению к предполагаемому уровню знания русского языка. Решение не отказываться от такого рода углубленного изучения основано на убеждении, что знание морфологических и синтаксических структур повышает способность взрослого учащегося к самостоятельному использованию языка. В любом случае, при реализации разделов грамматики была сделана попытка ограничить использование расширенных дискурсивных объяснений, помещая их рядом с таблицами и выделяя соответствующие элементы разными цветами, или иллюстрируя функционирование сложных структур с помощью семантических эквивалентов в виде более простых структур, как в случае с причастиями, функционирование которых представлено через использование соответствующих относительных придаточных предложений.

В пятом разделе каждого модуля рассматриваются прагматические аспекты языка и лексическая уместность, особенно с точки зрения семантики лемм. Для русского языка комментируется разграничение терминов «профессия» и «специальность», различие в посессивных конструкциях с глаголом «иметь» и с глаголом «быть» («у меня есть»), способ реализации косвенного вопросительного предложения и некоторые коммуникативные клише, используемые для формулирования вежливых просьб, паронимия.

В шестом разделе исследуются аспекты, связанные с диахроническим и синхроническим развитием русской лексики, или элементы, обогащающие общий культурный багаж в рассматриваемой области: слова и фразы, обозначающие профессии, связанные с использованием новых информационных технологий в архитектуре и строительстве (например, «дизайнер 3D-печати»); единицы измерений, используемые на Руси и позднее в Российской империи; этимология лемм «архитектура» и «сквер» (недавно усвоенный англицизм для обозначения особого типа площади); омонимия слов «среда» как день недели и «среда» как окружение.

В седьмом разделе представлен глоссарий в виде многоязычной русско-англо-итальянской учебной таблицы, которую учащийся должен заполнить самостоятельно и может скачать в формате pdf. За созданным таким образом глоссарием следуют упражнения с использованием корпуса RU_SEAH. В описанных модулях этот корпус оказался особенно полезным с точки зрения обогащения лексического запаса учащихся и для развития их способности самостоятельно составлять глоссарии для собственных потребностей.

Как и для других языков проекта SEAH, пятый модуль под названием «Как правильно подготовиться к устной презентации?» отличается от предыдущих как по структуре, так и по дидактическим целям. Его содержание направлено на развитие навыков, полезных для подготовки краткой и эффективной устной презентации проекта. Этот модуль состоит из шести разделов: после опорного текста (раздел 1), объясняющего из чего состоит «Презентация для лифта» – то, что в английском языке называется *Elevator Pitch*, через сэндвич-диаграмму вводится структура эффективного текста (раздел 2); за ней следует презентация стратегий сжатия текста (раздел 3) и средств связности текста (раздел 4). Все разделы предполагают закрепление материала с помощью конкретных упражнений. В пятом разделе учащимся предлагается сократить заданный текст, а в шестом – составить собственную презентацию проекта. Этот вид деятельности кажется особенно полезным в случае русского языка не только потому, что он тренирует навыки самостоятельного продуцирования на иностранном языке, но и потому, что через приемы сокращения текста и при помощи средств связности позволяет учащимся перейти от уровня простого предложения к сложному, что соответствует целям достижения уровня B2 (ТРКИ II).

Благодаря возможности проверки выполненных упражнений модули могут использоваться при самостоятельном изучении иностранного языка. Кроме того, вступительный видеоролик, в котором приветствуется учащийся и представляется содержание урока, в сочетании с автоматическим чтением предлагаемых заданий делает их доступными и для людей с ослабленным зрением.

Заключение. Как видим, в Италии использованию корпусов в преподавании РКИ уделяется внимание чуть более десяти лет, и в настоящее время, в основном, исследуется целесообразность применения русскоязычных корпусов в обучении переводу с русского на итальянский, а также при объяснении конкретных конструкций двух языков со ссылкой на языковую норму, а в ряде случаев – и на прагматику. Хотя иногда подчеркивается ограниченность существующих пособий при введении отдельных конструкций русского языка, в результате итальянских исследований до сих пор не были созданы корпусные учебные материалы для преподавания РКИ. Кроме того, насколько нам известно, не проводилось исследований по использованию специализированных корпусов в преподавании русского языка для специальных целей, что, как мы уже отмечали [35, с. 262], является новым направлением даже в корпусной лингвистике, применяемой к русскому языку.

В Беларуси потенциал лингвистических корпусов в преподавании РКИ не используется активно, этому не уделяется достаточного внимания на занятиях по методике преподавания РКИ, это перспективная неразработанная тема для специалистов в области лингводидактики. Использование возможностей лингвистического корпуса SEAN в практике преподавания русского языка как иностранного позволит не только изучать особенности русской профессиональной речи, но и формировать у иностранных студентов необходимые им социокультурные компетенции посредством обращения к прецедентным именам, культурно значимым историческим и современным феноменам, значимым для соответствующего региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рычкова Л.В. Корпусные технологии в развитии познавательной активности иностранных студентов, изучающих русский язык в Республике Беларусь // Язык. Общество. Медицина: материалы XV Юбил. Респ. науч.-практ. студ. конф. и XII науч.-практ. семинара; отв. ред. Е.П. Пустошило. – Гродно: Гродн. гос. мед. ун-т, 2016. – С. 364–367.
2. Biagini F., Bonola A., Nosedà V. Il corpus parallelo italiano-russo del NKRJa. Progetto di ampliamento, applicazioni e sviluppi // Il mondo slavo e l'Europa. Contributi presentati al VI Congresso Italiano di Slavistica. Torino, 28-30 settembre / M. C. Bragone & M. Bidovec (Eds.) – Firenze: Firenze University Press, 2016. – P. 35–45.
3. Rossi V., Garzaniti M., Zhukova N. Il corpus LBC russo // I Corpora LBC Informatica Umanistica per il Lessico dei Beni Culturali / R. Billero, A. Farina, M. C. Nicolas Martinez (Eds.) – Firenze: Firenze University Press, 2020. – P. 101–122.
4. Perotto M. Bilinguismo e traduzione. Creazione di corpora paralleli per l'analisi delle traduzioni letterarie del concorso // Lezioni di Traduzione. – 2022. – № 1. – P. 159–178.
5. Бениньи В. Способы использования НКРЯ в преподавании русского языка итальянскими студентами // Информационные и коммуникативные технологии в русистике: современное состояние и перспектива. III междунар. вирт. науч.-практ. конф. – Ереван: Лимуш, 2010. – С. 18–22.
6. Benigni V. L'uso dei corpora linguistici nella ricerca e nella didattica della lingua russa // Linee di confine. Separazioni e processi di integrazione nello spazio culturale slavo / G. Moracci & A. Alberti (Eds.) – Firenze: Firenze University Press, 2013. – P. 449–459.
7. Benigni V., Nuzzo E. L'insegnamento dei segnali funzionali in russo come lingua seconda // Le lingue extra-europee e l'italiano: aspetti didattico-acquisizionali e sociolinguistici, Atti del LI Congresso Internazionale di Studi della Società di Linguistica Italiana, Napoli, 28-30 settembre, 2017; A. Manco (Ed.) – Milano: Officinaventuno, 2018. – P. 151–164.
8. Бениньи В., Майко Т. Способы концептуализации реальности в конструкциях с глаголом поддержки и их влияние на изучение РКИ 1 // Slavica Helsingiensia. – 2019. – № 52. – P. 333–341.
9. Бьяджини Ф. Составление упражнений на употребление «зачем» и «почему» для студентов-иностранцев при помощи НКРЯ // Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования; под ред. Н.Р. Добрушиной. – М.: ТЕИС, 2007. – С. 101–108.
10. Бьяджини Ф. Сопоставительный анализ прекогнессивных конструкций в русском и итальянском языках на материале русско-итальянского параллельного корпуса НКРЯ // Slavica Helsingiensia. – 2019. – № 52. – С. 342–348.
11. Biagini F., Mazzoleni M. L'utilizzo del corpus parallelo italiano-russo del NKRJa per la didattica del russo L2 ai discenti italiani: il caso dei costrutti precoessivi – URL: <https://revistas.uminho.pt/index.php/h2d/article/view/233/241> (date of access: 20.12.2022).
12. Nosedà V. L'uso dei corpora nell'insegnamento dell'aspetto verbale russo a classi di italofofoni. – URL: <http://hdl.handle.net/10807/146464> (date of access: 20.12.2022).
13. Artoni D. et al. Pragmatic instruction in L2-Russian: a study on requests and advice // Instructed Second Language Acquisition. – 2020. – № 4/1. – P. 62–95.
14. Berretta M. Il continuum fra coordinazione e subordinazione: il caso delle precoessive // Ars linguistica. Studi offerti a Paolo Ramat / G. Bernini, P. Cuzzolin, P. Molinelli (Eds.). – Roma: Bulzoni, 1998. – P. 79–93.
15. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Возражение под видом согласия // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки славянской культуры», 1997. – С. 305–315.
16. Balakina K. Corpora-based Teaching of Specialized Italian-Russian Translation // ARANEA 2018 Web Corpora as a Language Training Tool. – Bratislava: Bratislava Univerzita, 2018. – P. 15–24.
17. Балакина К. Русско-итальянский учебный корпус на уроках РКИ // Актуальные вопросы описания и преподавания русского языка как иностранного/неродного: междунар. науч.-практ. интернет-конф., Москва, 27 ноября – 1 декабря 2017 г.: сб. материалов / Под общ. ред. Н.В. Кулибиной. – М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 211–216.
18. Balakina K. Learner corpora nella didattica delle lingue: uno studio sui costrutti possessivi della lingua russa – URL: <https://doi.org/10.21814/h2d.232> (date of access: 20.12.2022).
19. Балакина К. Русско-итальянский учебный корпус: проблемы перевода количественных выражений на русский язык // Актуальные проблемы контрастивной лингвистики в преподавании неродных языков: сб. науч. тр. – М.: МПГУ, 2020. – С. 39–45.
20. Станкевич А.Ю. Концепция и программный инструментальный спецкурса «Автоматизация лингвистических исследований» (для студентов-филологов) // Гуманитарное образование и наука в техническом вузе: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Ижевск: Ижев. гос. техн. ун-т им. М.Т. Калашникова, 2017. – С. 473–477.

21. Станкевич А.Ю. Программные инструменты отбора языкового материала из полнотекстовой базы данных региональных СМИ // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2018. – С. 82–86.
22. Рычкова Л.В., Станкевич А.Ю. Лингвистический корпус СМИ Гродненщины: технология создания, направления использования; под науч. ред. Л.В. Рычковой. – Гродно: ГрГУ, 2017. – 115 с.
23. Рычкова Л.В., Станкевич А.Ю. Многоцелевой лингвистический корпус региональных СМИ // Информационно-коммуникативные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. / под ред. А.Л. Назаренко – М., 2014. – Вып. 6. – С. 488–497.
24. Рычкова Л.В. Корпусные технологии как основа инновационной педагогики в русистике // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: В 15 т. – Т. 10. – СПб.: фонд «Русский мир», 2015. – С. 904–908.
25. Рычкова Л.В. Корпусные технологии как средство организации самостоятельной работы студентов по РКИ // Преемственность и координация в обучении иностранных студентов вузов: материалы II Респ. науч.-метод. семинара с междунар. участием, Минск, 30 янв. 2015 г. / редкол.: И.Э. Федотова (пред.) и др. – Минск: БГЭУ, 2015. – С. 20–23.
26. Рычкова Л.В. Обучение корпусным технологиям будущих преподавателей русского языка как иностранного // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 19–20 мая 2016 г.; редкол.: СИ Лебединский (гл. ред.). – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 216–218.
27. Рычкова Л.В. Использование корпуса белорусских СМИ для освоения семантики русских фразеологизмов (на примере лексических комплексов с соматизмом «рука») // Лингводидактика: новые технологии в обучении русскому языку как иностранному: материалы V Респ. науч.-практ. семинара; С.И. Лебединский (гл. ред.). – Минск: Белор. гос. ун-т, 2018. – С. 113–116.
28. Рычкова Л.В., Байрамырадов Г.Б. Использование интернет-ресурсов в обучении русскому языку иностранных студентов юридических специальностей // Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе: современные тенденции билингвального образования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. – С. 194–200.
29. Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Setting. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 274 p.
30. Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. – London-New York: Longman, 1993. – 264 p.
31. Hyland K. English for Academic Purposes. – URL: <https://www.perlego.com/book/1546122/the-routledge-companion-to-english-studies-pdf>. (date of access: 20.02.2022).
32. Hyland K. General and specific EAP. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781315657455> (date of access: 20.02.2022).
33. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учеб.-метод. пособие. – СПб., 2005. – 48 с.
34. Рычкова Л.В. Специализированный лингвистический корпус социокультурной специфики регионального варианта русской речи // Писменото наследство и информационните технологии: материали от V международна науч. конф. (Варна, 15–20 септември 2014 г.) / отв. ред. В.А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. – София, 2014. – С. 167–170.
35. Ferro M.C. Il corpus RU_SEAH. La lingua russa per la comunicazione specializzata nel settore dell'architettura e delle costruzioni. – URL: <https://doi.org/10.30687/ELLE/2280-6792/2022/02/006> (date of access: 20.12.2022).

Поступила: 22.10.2022

THE USE OF CORPUS IN TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE: THE REVIEW OF THE EXPERIENCE OF ITALIAN AND OF BELARUSIAN STUDIES AND NEW "SEAH" RESOURCES

M. C. FERRO

(D'Annunzio University of Chieti-Pescara)

S. LIASOVICH

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article provides a detailed overview of the development of corpus linguistics applied to Russian language and a review of the most significant Italian and Belarusian publications on the use of corpora for the descriptive analysis of the Russian language and the teaching of Russian as LS. In this panorama, the author emphasises the innovative character and potential that the Ru_Seah corpus constitutes both on the Russian corpus linguistics front and for teaching Russian as a foreign language. The paper considers the experience of creating a professionally oriented Russian-language text corpus for students of Architecture and Construction using the Sketch Engine corpus manager as part of the SEAH project. It describes the aims and objectives of the project and the approach to the selection of material for the corpus. The paper explains the balance of the corpus, the inclusion of texts of different genres and styles in the corpus. It also deals with the elements of the search engine in relation to the annotation of the text corpus. The structure of educational modules compiled using the SEAH linguistic corpus is considered.

Keywords: corpus linguistics, linguistic corpus, SEAH, Sketch Engine, Russian National corpus, professional language module.

УДК 821.111

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-184-187

**ОБРАЗ ЗАМКА В РОМАНАХ Х. УОЛПОЛА «ЗАМОК ОТРАНТО»
И К. РИВ «СТАРЫЙ АНГЛИЙСКИЙ БАРОН»**

Ю.Д. ШАБУНЯ, канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: y.shabunya@psu.by, n.nester@psu.by

Рассматривается образ замка в романах Х. Уолпола «Замок Отранто» (The Castle of Otranto, 1764) и К. Рив «Старый английский барон» (The Old English Baron, 1777). Обосновывается, что замок является центральным понятием английской готической литературы, выполняя при этом сюжетообразующую роль. Выделяются общие и особенные черты пространственной структуры готического замка в произведениях основоположников готического романа. Доказывается, что для художественного пространства замка в готическом произведении характерна многосоставность образа.

Ключевые слова: готическая литература, замок, пространственно-временная структура, хронотоп.

Введение. Художественное время и пространство являются важнейшими характеристиками художественного образа, воспроизводящего пространственно-временную картину мира. Художественное пространство играет одну из важных ролей в английской готической литературе второй половины XVIII века. Традиционно-пространственный ориентир «дом», символизирующий собой образ замкнутого пространства, является «точкой приложения осмысляющих сил в литературно-художественных (и шире – культурных) моделях мира» [1, с. 1174]. Место, где происходят события готического романа, становится «полотном», где разворачивается сюжет, соответственно, художественное пространство замка нередко выходит на передний план повествования, порой играя в произведении главную роль. Данное пространство в готическом романе образует особый готический хронотоп, который характеризуется связью пространства и времени. Центральное место в готическом хронотопе занимает образ замка.

В зарубежном и отечественном литературоведении тема замка готического произведения является малоисследованной, несмотря на достаточное количество привлеченного для литературоведческих работ художественного материала, позволяющего составить представление о художественном пространстве готического произведения. Тем не менее, замок как связующее звено характерных компонентов готического пространства представляет особый интерес и играет ключевую роль в сюжетостроении готического текста.

Цель исследования – рассмотреть многосоставность образа замка в готических романах Х. Уолпола «Замок Отранто» и К. Рив «Старый английский барон». Для достижения данной цели были реализованы следующие задачи: выявление компонентов замка в английской готической литературе; раскрытие содержания образа замка в произведениях Х. Уолпола «Замок Отранто» и К. Рив «Старый английский барон». В работе были использованы культурно-исторический и сравнительно-исторический методы исследования.

Основная часть. Изучением художественного пространства готического произведения занимались С.А. Антонов [2], Г.В. Заломкина [3], М.Б. Ладыгин [4], Б.Р. Напцок [5], С. Паслоу [6] и др. Актуальность данной работы обусловлена отсутствием исследований образа замка в романах Х. Уолпола «Замок Отранто» и К. Рив «Старый английский барон», необходимостью определения и выделения характерных особенностей замкового пространства в вышеуказанных произведениях, возможностью восполнить имеющиеся лакуны в изучении творчества представителей готической литературы – Х. Уолпола и К. Рив.

Готический замок представляет собой своеобразную модель мира с системой лабиринтов, состоящих из бесчисленного множества комнат, галерей, коридоров, лестниц. Готические персонажи помещаются в различного рода замкнутые пространства (как правило, подземелья), блуждают по извилистым коридорам, испытывая непреодолимый страх. Г.В. Заломкина отмечает, что «попадая в замок, герой переходит границу между “разомкнутым” и “замкнутым” мирами» [3]. В готическом пространстве присутствуют черты, отражающие дух времени (Средневековья), поэтому готическое пространство выражено не только феодальным замком, но и связанными с ним элементами – манускриптами, портретами и т.д. При этом замок является основной формой готического хронотопа: «Смена многих поколений в исторически старом замке порождает *многослойность времени-среды* в готическом сюжете: пространственно организованные в одно здание, все эпохи сосуществуют в рамках готического хронотопа» [3]. Замок как часть художественного пространства готического произведения является своего рода ядром, концентрирующим удаление в прошлое: «К концу XVIII века в Англии складывается и закрепляется в так называемом “готическом”, или “черном”, романе новая территория свершения романских событий – “замок” (впервые в этом значении у Горация Уолпола – «Замок Отранто», затем у Радклиф, Льюиса и др.)» [7, с. 394].

В готических произведениях замок «наблюдает» за жизнью жильцов, оберегает, предостерегает и влияет на судьбу. Г.В. Заломкина указывает, что «готический хронотоп замка обособлен не только пространственно, но и во временном отношении: время в нем подчиняется иным законам. Попасть в него – попасть в другое время, провалиться в прошлое. Временная обособленность становится одним из средств создания фантастического эффекта» [3]. При этом замок напрямую связан как с пространством, так и со временем: «... замок – в готическом сюжете

становится своеобразной капсулой времени, обособленной в смене эпох, несущей в будущее черты прошлого, материализовавшегося в укладе жизни и артефактах...» [3]. М.М. Бахтин отмечает, что «замок насыщен временем, притом историческим в узком смысле слова, то есть временем исторического прошлого. Замок – место жизни владетельных феодальной эпохи (следовательно, и исторических фигур прошлого), в нем отложились в зримой форме следы веков и поколений в различных частях его строения, в обстановке, в оружии, в галерее портретов предков, в фамильных архивах, в специфических человеческих отношениях династического преемства, передачи наследственных прав. Наконец, легенды и предания оживляют воспоминаниями прошедших событий все уголки замка и его окрестностей. Это создает специфическую сюжетность замка, развернутую в готических романах» [7, с. 394].

Замок является средой обитания, отличной от любого другого неготического пространства наличием сверхъестественного: «замок – это привычное, обжитое пространство. Именно поэтому внезапное появление в нем фантастических сил и воспринимается его обитателями как нечто необычное, аномальное, нарушающее естественный ход событий и привычную жизненную логику» [5, с. 46]. Замок для готики – это то место, где персонаж встречается настоящего себя со своими страхами. Замок отражает внутренний, порой скрытый мир персонажа: «Внешний вид замка зачастую означает нечто большее, чем просто четыре стены. Оказавшись внутри, незаконно проникший обречен испытать тот самый “готический” страх, столкнувшись с темной стороной себя и общества в целом»¹ (Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – Ю.Ш., Н.Н.).

Замок как часть художественного пространства находит воплощение в произведениях основоположников готического романа Х. Уолпола (*Horace Walpole*, 1717–1797) «Замок Отранто» (*The Castle of Otranto*, 1764) и К. Рив (*Clara Reeve*, 1729–1807) «Старый английский барон» (*The Old English Baron*, 1777).

По мнению С.А. Антонова, «замок выступает в книге Уолпола в метафорической функции, которая в дальнейшем станет типичной для готической литературы» [2, с. 178]. Замок концентрирует в себе прошлое и связанные с ним события, в том числе нравы, обычаи и легенды. В свою очередь М.Б. Ладыгин отмечает, что «сама атрибутика замка, его история, его молчаливое свидетельство смены многих поколений, уходящих, но оставляющих в его стенах свои портреты, доспехи, наконец, могилы, способствует своеобразной консервации прошлого в его пределах» [4, с. 21].

Роман Х. Уолпола «Замок Отранто» назван по основному месту действия – действительно существующему замку Отранто на юге Италии. Замок Отранто изобилует различными элементами, которые определяют сущность данного понятия. Так, атмосфера внутри замка, как правило, мрачная. Длинные коридоры и ветхие лестницы напоминают некий лабиринт, который также включает в себя подвалы и тайные проходы. Создаваемый автором лабиринт представляет собой замкнутое пространство: «Подвальная часть замка состояла из нескольких запутанных коридоров. Взмолвленной Изабелле было нелегко найти дверь, ведущую в погреб. В этих подземельях царил ужасная тишина, и лишь порывы ветра заставляли скрипеть ржавыми петлями открытые ею двери, отчего по длинному мрачному коридору разносилось эхо. Каждый шорох вселял в Изабеллу всё больший страх, но ещё больше она боялась услышать гневный голос Манфреда, который призывал своих слуг преследовать её»².

При этом художественное значение имеет не сюжетная линия «Замка Отранто», а обстановка действия – средневековый замок с винтовыми лестницами, крестовыми ходами, потайными дверями, подземельем и часовней в лесу. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, кто является главным героем «Замка Отранто» – сам замок, или населяющие его люди.

Следует отметить, что «одним из многочисленных увлечений Х. Уолпола было увлечение готической архитектурой, входившей в моду в 50-х гг. XVIII века. В 1747 г. Х. Уолпол приобрел небольшое имение на берегу Темзы около небольшого городка Туикнам, поблизости от Лондона, и приступил к перестройке дома, названного им «Земляничный холм» (*Strawberry Hill*). Следуя причудам своего времени, Х. Уолпол превращает помещичий дом имения в готический замок с часовней, круглой башней, готической галереей, столовой, построенной по образцу монастырской трапезной, винтовыми лестницами, цветными стеклами в окнах, скульптурными каминными, резными потолками, старинной мебелью и средневековым оружием, собранным в «рыцарском зале» [10, с. 568]. Строительство продолжалось до 1770 г. В 1774 г. Х. Уолпол напечатал подробное описание своей «виллы» небольшим тиражом в любительском издании, воспроизведенном в расширенном виде в 1784 г. в типографии, которую он открыл в своем имении для публикации редких книг. Данное издание с многочисленными иллюстрациями и чертежами в 1798 г. вошло в посмертное полное собрание сочинений Х. Уолпола. Эти описания и, прежде всего, сама постройка послужили образцом для «возрождения готики» в архитектуре XVIII в. не только в Англии, но и по всей Европе.

К. Рив также создаёт отдалённый от реальности замок, который окутан тайнами. Его внутреннее обрамление вызывает скованность и страх у героев. По ходу разворачивания событий можно проследить, насколько обречён замок – находиться в нём без ужаса, леденящего кровь, становится практически невозможно: «Мебель за

¹ «The outside of the castle can promise something “grander” than its four walls. Once inside, the trespasser is doomed to experience Gothic feelings, confronting a dark side of themselves and of society at large» [8].

² «The lower part of the castle was hollowed into several intricate cloisters; and it was not easy for one under so much anxiety to find the door that opened into the cavern. An awful silence reigned throughout those subterraneous regions, except now and then some blasts of wind that shook the doors she had passed, and which, grating on the rusty hinges, were re-echoed through that long labyrinth of darkness. Every murmur struck her with new terror; – yet more she dreaded to hear the wrathful voice of Manfred urging his domestics to pursue her» [9, p. 24–25].

долгие годы прогнила и развалилась. Кровать, съеденная молью, уже стала домом для крыс, которые безнаказанно выводок за выводком вили здесь свои гнёзда. Кроме этого, кровать была очень сырой, потому что дождь постоянно намачивал её сквозь дыры в потолке»³.

Замок представляет собой своеобразную метафоричную тюрьму, в которой находятся готические персонажи. Кроме этого, зачастую они попадают и во временную ловушку, т.к. прошлое в готическом романе всегда имеет воздействие на настоящее и напрямую влияет на него через проклятия, тайны и фантастические события. В романах Х. Уолпола и К. Рив главные герои пытаются отстоять правоту, проходят множество испытаний. Во всём этом прослеживается определённая значимость замка, который помогает героям в раскрытии загадок и тайн или препятствует в этом. Х. Уолпол использует различные приёмы для создания пугающего образа замка. Так, самым ярким примером может послужить обнаружение в стенах замка железной руки и ноги неизвестного гигантского рыцаря: «Мне кажется, это был великан. Он был в доспехах. Я видел его ступню и часть его ноги, они такие же огромные, как и тот шлем внизу»⁴. Данный приём является показательным в плане отображения пугающих событий, происходящих в замке.

Эмоциональный фон готического романа всегда нагнетается посредством описания замка и всех происходящих в нём событий. Замок являет собой таинственное место с бесчисленными комнатами и коридорами, в которых раздаются необъяснимые звуки, дуновения ветра, голоса. К особым художественным приёмам можно отнести появление призрака в романе К. Рив: «Она твердила, что ее дорогой супруг был подло убит; она видела его дух, который рассказал ей о постигшей его гибели»⁵. Писательница в сдержанной манере описывает сверхъестественные события в замке, т.к. обилие пугающих элементов уничтожает эффект неожиданности. Роман Х. Уолпола характеризуется концентрацией сверхъестественного, т.к. автор красноречиво описывает призраков, появляющихся в стенах замка: «Вот же он, Теодор, истинный наследник Альфонсо!» – сказал призрак, и, произнеся эти слова, сопровождаемые раскатом грома, он величественно вознёсся к небу, где расступились облака, и сам святой Николай встретил дух Альфонсо, и вскоре они скрылись с глаз всех смертных в сиянии славы»⁶.

Тёмный и величественный вид замка Отранто и замка Ловелов порождали ощущение страха и неопределенности, а также нереалистичности происходящего. Совершающееся в стенах замков давит на психику человека, создавая атмосферу безысходности и кошмара. Х. Уолпол и К. Рив используют такие художественные детали, как ключи, перстни, письма, генеалогическое древо и др. Так, у К. Рив значимым художественным элементом становится перстень, который относится к символу рода. В контексте романа К. Рив перстень – это доказательство того, что Эдмунд является сыном Ловела. В свою очередь Х. Уолпол обращает внимание на такую художественную деталь, как портрет: «В этот момент портрет его деда, который висел над скамьёй, где они сидели, глубоко вздохнул и приподнял грудь»⁷.

Замок, являясь сверхъестественным началом в готическом романе, зачастую обречён на исчезновение или разрушение. Также имеет место быть метафоричное разрушение, которое характеризуется исчезновением или отречением от трона правителя замка. В романе Х. Уолпола «Замок Отранто» замок превращается в развалины: «В то мгновение, как во двор явился Теодор, стены замка позади Манфреда рухнули с сокрушительной силой, а в центре руин восстала огромная фигура Альфонсо»⁸. В романе К. Рив «Старый английский барон» замок является идеальным элементом художественного пространства, представляя собой воплощение домашнего уюта и семейного благополучия: «Резиденция барона Фиц-Оуэна в изображении Рив – это не грозная средневековая твердыня, а скорее гостеприимная английская усадьба, где вместо разрушительной экспансии сверхъестественного торжествуют разумные и нравственные усилия человека, согласующиеся с высшей волей» [2, с. 209].

Заключение. Таким образом, местом действия готического произведения в романах Х. Уолпола и К. Рив является средневековый замок. Замок как элемент готики представляет собой замкнутое пространство, позволяющее подвергнуть готического персонажа испытаниям. Практически все основные события «Замка Отранто» разворачиваются в помещении, что позволяет изнутри наблюдать за происходящими в замке событиями. В этом случае Х. Уолпол переносит опыт собственного пребывания в замке Струберри-Хилл на персонажей своего повествования.

Замок играет сюжетобразующую роль в английском готическом произведении. Обычно замок в литературной готике имеет мрачный и величественный вид, чем и рождает ощущение страха и таинственности. Также

³ «He then took a survey of his chamber; the furniture, by long neglect, was decayed and dropping to pieces; the bed was devoured by the moths, and occupied by the rats, who had built their nests there with impunity for many generations. The bedding was very damp, for the rain had forced its way through the ceiling...» [11, p. 91–92].

⁴ «It is a giant, I believe; he is all clad in armour, for I saw his foot and part of his leg, and they are as large as the helmet below in the court» [9, p. 68].

⁵ «... she said, that her dear lord was basely murdered; that his ghost had appeared to her, and revealed his fate» [11, p. 88].

⁶ «“Behold in Theodore the true heir of Alfonso!” said the vision; and having pronounced those words, accompanied by a clap of thunder, it ascended solemnly towards heaven, where the clouds parting asunder, the form of St. Nicholas was seen, and receiving Alfonso’s shade, they were soon wrapt from mortal eyes in a blaze of glory» [9, p. 68–69].

⁷ «At that instant the portrait of his grandfather, which hung over the bench where they had been sitting, uttered a deep sigh, and heaved its breast» [9, p. 48].

⁸ «The moment Theodore appeared, the walls of the castle behind Manfred were thrown down with a mighty force, and the form of Alfonso, dilated to an immense magnitude, appeared in the centre of the ruins» [9, p. 68].

по типичному сюжету готического произведения с замком связана тайна, которая представляет собой кровавое событие (чаще всего это убийство законного владельца). Будучи пассивным элементом ужаса, замок своим видом пугает героев, а также производит впечатление на читателя. Существует набор деталей, которые всесторонне описывают строение: массивные и скрипящие двери, тёмные комнаты, скрытые или заброшенные подвалы, шаткие лестницы, странные звуки и блуждающие привидения. Все вышеперечисленные элементы воссоздают образ замка, присущего английской готической литературе последней четверти XVIII века.

Обращенность в прошлое позволило замку-образу сыграть важную роль в развитии готического романа. Основоположники готической литературы Х. Уолпол и К. Рив смогли соединить в замке пространственные и временные признаки, тем самым определив изобразительную продуктивность хронотопа готического произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роднянская И.Б. Художественное время и художественное пространство // Литературная энциклопедия терминов и понятий / А.Н. Николюкин и др.; под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НП К «Интелвак», 2001. – С. 1174–1177.
2. Антонов С.А. У истоков готической прозы // Старый английский барон / К. Рив. – М.: Ладомир: Наука 2012. – С. 163–217.
3. Заломкина Г.В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете. – URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/zalomkina-poetika-prostranstva.htm> (дата обращения: 17.11.2022).
4. Ладыгин М.Б. Предромантические тенденции в романе Х. Уолпола «Замок Отранто» // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. – М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1977. – С. 20–34.
5. Напцок Б.Р. Роман Хораса Уолпола «Замок Отранто»: архитектурная и литературная репрезентация английской «готической» традиции XVIII в. // Мир культуры, науки, образования. – 2009. – № 7 (19). – С. 43–47.
6. Paslow S. What does the archetypal symbol of a castle mean? – URL: <https://www.quora.com/What-does-the-archetypal-symbol-of-a-castle-mean>. (date of access: 27.10.2022).
7. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит.-ра, 1975. – С. 234–407.
8. Jay N. What does the symbol of the gothic castle represent in gothic literature? – URL: <https://www.quora.com/What-does-the-symbol-of-the-gothic-castle-represent-in-gothic-literature> (date of access: 26.10.2022).
9. Walpole H. The castle of Otranto. A Gothic Story. The Third Edition. – London: Naxos Audiobooks, 1766. – 235 p.
10. Жирмунский В.М., Сигал Н.А. У истоков европейского романтизма // Уолпол Г. Замок Отранто. Казот Ж. Влюбленный дьявол. Бекфорд У. Ватек. – Л.: Наука, 1967. – С. 249–284.
11. Walpole H., Reeve C. The Castle of Otranto & The Old English Baron. – Frankfurt: Bookwire, 2019. – 149 p.

Поступила 15.12.2022

THE IMAGE OF THE CASTLE IN THE NOVELS OF H. WALPOLE «THE CASTLE OF OTRANTO» AND C. REEVE «THE OLD ENGLISH BARON»

J. SHABUNYA, N. NESTSER
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The image of the castle is described in the novels of H. Walpole “The Castle of Otranto” (1764) and C. Reeve “The Old English Baron” (1777). It is explained that the castle is the central concept of English Gothic literature, while performing a plot-forming role. The general and special features of the spatial structure of the Gothic castle in the works of the founders of the Gothic novel are highlighted. It is proved that the artistic space of the castle in the Gothic work is characterized by a multi-composite image.

Keywords: Gothic literature, castle, space-time structure, chronotope.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГУГНИНА

I Международная научная конференция «Гугнинские чтения» (Полоцк, 5–6 мая 2022 г.)

5–6 мая в Полоцком коллегиуме состоялась I Международная научная конференция «Гугнинские чтения», посвящённая развитию идей научной школы значимого для Полоцкого университета деятеля науки, профессора Александра Александровича Гугнина (03.05.1941–15.06.2021). Конференция собрала более 70 участников из Беларуси, России, Германии и других стран мира, среди которых научные сотрудники, писатели, коллеги, ученики и близкие Александра Александровича.

Конференция стала продолжением традиций, заложенных А.А. Гугниным в рамках проведения научных мероприятий, посвящённых историко-контекстуальному изучению литератур и литературным связям. Однако в этом году перед организаторами стояла новая задача – провести научное мероприятие, в центре которого по праву находится личность великого ученого. Доклады пленарного заседания были посвящены научному и творческому наследию А.А. Гугнина – литературоведа, поэта, переводчика. Первый докладчик А.Г. Шешкен (доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы) рассказала об историко-контекстуальном подходе А.А. Гугнина к анализу национальной литературы. В продолжение данной темы был сделан доклад Н.С. Зелезинской (кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Белорусского государственного университета), посвященный этапам развития историко-контекстуального метода в научных трудах А.А. Гугнина. Доклады Ю.Л. Цветкова (доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»), руководитель НОЦ «Художественное слово в пространстве культуры», член российского Союза германистов) на тему «Александр Александрович Гугнин и литература венского модерна» и Н.Б. Лысовой (кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики Белорусского государственного университета) «О магическом реализме без кавычек» были посвящены научным работам А.А. Гугнина. З.И. Третьяк (доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой) рассказала о своем опыте применения историко-контекстуального метода в изучении белорусской литературы про Первую мировую войну. С докладом «Культурная политика и литературное дело в Восточной Германии (1945–1949)» выступила Т.В. Кудрявцева (доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук), представив результаты совместной работы с А.А. Гугниным. Е.В. Давыдова (кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ИРЯ РУДН) выступила с докладом «А.А. Гугнин и его деятельность в Московском государственном открытом педагогическом университете: взгляд студента». Более двадцати лет А.А. Гугнин проработал в Полоцком госуниверситете, несколько лет трудился в московских вузах, среди которых не только МГОПУ, но и МГУ, ИМЛИ РАН, ИСЛ РАН и др.

В завершение первого дня конференции участникам была представлена презентация сборника А.А. Гугнина «Стихотворения. Переводы (1957–2021)», во время которой Т.М. Гордеёнок (кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой) выступила на тему: «Странничество длиной в жизнь: рецензия на сборник стихов и переводов А.А. Гугнина», дополнив портрет ученого и литературоведа его поэтическим наследием. Первый день конференции завершился обзорной экскурсией по Полоцкому коллегиуму.

Во второй день состоялась работа пленарного заседания, двух литературоведческих секций, секции по языкознанию, двух междисциплинарных секций и секции молодых ученых. Пленарное заседание «Личность в литературе, языке и лингводидактике» открыл доклад М.Д. Путровой (кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой), посвященный изучению повтора как одного из эффективных средств идентификации гендера. С докладом выступила Г.В. Синило (кандидат филологических наук, профессор кафедры культурологии и доцент кафедры зарубежной литературы Белорусского государственного университета), рассказав о проблеме авторского Я в поэзии Пауля Целана. Затем Т.Н. Андреюшкина (доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода гуманитарно-педагогического института ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет») представила анализ сонетов австрийского писателя, драматурга и поэта Томаса Бернхарда в переводе В. Котелевской, а Т.Е. Комаровская (доктор филологических наук, профессор русской и зарубежной литературы Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка) выступила с докладом «Рецепция шекспировской “Бури” в романе М. Этвуд “Ведьмино отродье”». О.А. Судленкова (кандидат филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Минского государственного лингвистического университета) рассказала о приемах создания образа английского поэта и художника Уильяма Блейка

в произведениях современных писателей. М.М. Сироткина (кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой) посвятила свой доклад проблеме лингвоперсонологического подхода в преподавании языков. Таким образом, пленарное заседание второго дня конференции тематически охватило проблему личности в различных сферах: в языкознании, переводе, литературе и лингводидактике. В завершение пленарного заседания выступил Е.А. Папакуль (кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой), поделившись опытом перевода «Прозаической Эдды» с древнеисландского на белорусский язык.

В рамках работы первой литературоведческой секции «Личность в художественном произведении» прозвучали доклады Е.В. Лушневской (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк) «Образ валькирии в славянской и германской мифологии», Л.И. Семченок (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк) «Естественный человек в роли героя поучительного рассказа в романе И.В. Гёте “Страдания юного Вертера”», Л.П. Фукс-Шаманской (Отто-Фридрих-Университет, Бамберг) «“Von der Partheyen Gunst und Haß verwirrt, / Schwankt sein Charakterbild in der Geschichte”: личность Шиллера в немецкой рецепции», А.А. Козина (МГОПУ, Москва) «Структурные особенности сюжета в ранней балладе В. Гюго», Е.Л. Батуриной (БелГУТ, Гомель) «Вобраз апавядальніка ў зборніках з раманістай кампазіцыяй (на матэрыяле твораў Л. Ціка, Э.Т.А. Гофмана і Я. Баршчэўскага)», Е.В. Кузнецик (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк) «Образ мигранта в романе Генриха Бёля “Дом без хозяйина”» и Ю.В. Бесклубовой (ОАНО ВО «МВШЭН», Москва) «Проблема реализации творческих сил личности в романе Макса Фриша “Трудные люди...” (Die Schwierigen oder J’adore ce qui me brûle)». Доклады касались проблемы автора, а также роли главного персонажа в произведении. Работа секции завершилась оживлённой дискуссией.

В рамках работы второй литературоведческой секции «Личность говорящая, пишущая, читающая, анализирующая в литературе» выступили Е.Ю. Садовская (МГЛУ, Минск) на тему: «Об идентифицирующей сущности межпоколенческого дискурса», Ю.В. Стулов (Белорусская ассоциация американских исследований) с докладом «Творческая личность в произведениях Джеймса Болдуина», А.И. Мозго (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк), представившая тему слепоты на материале творчества Дж. Мильтона, О.Ю. Клос (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк) с докладом «Образ творческой личности в биографической прозе В. Ирвинга (на примере “Жизнеописания Оливера Голдсмита”», В.С. Кусковская (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк), рассказавшая о творчестве А. Бирса сквозь призму личности автора в контексте американской литературы о Гражданской войне, в продолжение темы Н.В. Нестер (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк) рассказала о традициях и новаторстве А. Бирса-баснописца (на материале книги «Фантастические басни». С докладом выступил В.М. Глушак (МГИМО МИД России, Москва), рассказав о роли следователя как воспитателя в русских и английских художественных детективах. В завершение работы секции И.К. Кудрявцева (МГЛУ, Минск) посвятила слушателей в особенности идейно-художественного своеобразия романа «Холодная гора» Ч. Фрейзера.

В секции молодых ученых «Социально-психологический портрет личности в английской и американской литературе» прозвучали доклады Ю.Д. Шабуня (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк) «“Замок Отранто” Х. Уолпола и “Старый английский барон” К. Рив: общее и особенное», В.Э. Конторова (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк) «Концепция зла в романе Б. Стокера “Дракула”», Я.А. Алексеенко (БГУ, Минск) «Специфика рецепции жизни и творчества У. Шекспира в биографическом романе К. Раша “Завещание Шекспира”», В.В. Кожановской (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк) «Образ женщины в ранних сборниках поэзии Майи Энджелу», Ю.А. Афанасьевой (БГУ, Минск) «Диалогичность как авторская стратегия репрезентации в романах Зоры Нил Херстон», А.А. Карпиевича (БГУ, Минск) «Чинуа Ачебе как основоположник нигерийской литературы». Завершилась работа секции докладом В.А. Гембицкой-Бортник (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк) об идейно-художественной самобытности романа Дж. О. Килленса «И тогда мы услышали гром».

Секция по языкознанию «Языковая личность в современном поликультурном мире» включала в себя доклады С.М. Лясевич (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк), М.И. Дойниковой (МГИМО МИД России, Москва), Ю.В. Бекреевой (МГЛУ, Минск), Т.П. Слесаревой (ВГУ им. П.М. Машерова, Витебск), П.У. Бакирова (ТерГУ, Термез), Л.М. Садко (БрГУ им. А.С. Пушкина, Брест), М.Б. Чикова (ФГБОУ ВО «НГЛУ им. Н.А. Добролюбова», Нижний Новгород), Е.А. Ревуцкой (МГЛУ, Минск), М.Ю. Латышкевич (Союз писателей Беларуси).

Междисциплинарная секция «Человек – общество – коммуникация» была представлена докладами Ю.Е. Павельевой (ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья имени А. Солженицына»), З.Р. Жукоцкой («БИП – Университет права и социально-информационных технологий» Могилевского филиала), Н.Г. Апанасович (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк), Л.В. Олейник (БГУ, Минск), О.Ф. Сеньковой (Университет Уэйна, Детройт), В.В. Черевко (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк), Ж.С. Сипливи (ГрГУ, Гродно), Н.А. Лукьянова (УрФУ, Екатеринбург), А.А. Кабылковой (БГУ, Минск), С.Э. Сомова (МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев).

На междисциплинарной секции «Личность в педагогическом процессе» выступили с докладами И.А. Бируля (Институт дополнительного образования БГУ, Минск), О.А. Лукин (Учебный центр переподготовки и переквалификации, Могилев), Г.Г. Фастович (Красноярский ГАУ, Красноярск), Е.П. Любецкая (Институт дополнительного образования БГУ, Минск), О.С. Протас (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк), О.Т. Хужанова (ТерГУ, Термез), В.Р. Добровольская (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк), П.В. Гибкий (МГЛУ, Минск), В.А. Михайлова (ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк). Междисциплинарность секций была обусловлена не

только многогранностью личности А.А. Гугнина, но и междисциплинарным подходом ученого к анализу и осмыслению проблем, заявленных на конференциях прошлых лет. Кроме того, само понятие личности имеет многочисленные и разновекторные интерпретации.

Конференция закончилась выступлениями организаторов, которые подвели итоги работы и обозначили перспективы дальнейшего развития научной школы А.А. Гугнина. Участники поблагодарили за предоставленную возможность участвовать в конференции, где было так много сказано о великом Учителе, Ученом и Поэте – А.А. Гугнине.

Круглый стол «Александр Александрович Гугнин – Ученый, Учитель, Поэт»
(Москва, 20 декабря 2022 г.)

Следует отметить, что в продолжение традиции научной школы А.А. Гугнина 20 декабря 2022 г. Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (Москва) был организован и проведен круглый стол «Александр Александрович Гугнин – Ученый, Учитель, Поэт».

В программу круглого стола вошли доклады, посвященные историко-контекстуальному методу А.А. Гугнина: З.И. Третьяк (доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк) на тему: «Историко-контекстуальный метод и изучение белорусской литературы о Первой мировой войне: итоги и перспективы» и Е.В. Лушневской (кандидат филологических наук, заведующий кафедрой мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк) на тему: «Историко-контекстуальный метод в изучении мировой литературы: становление и развитие научной школы А.А. Гугнина». Воспоминаниям о великом Ученом и Учителе были посвящены доклады И.И. Никольской (доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания), рассказавшей о коллективном монографическом исследовании, содержащем в том числе обширные статьи А.А. Гугнина, под названием «Человек в искусстве экспрессионизма», А.А. Козина (кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета) на тему: «А.А. Гугнин: человек, поэт, переводчик», Е.В. Давыдовой (кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ИРЯ РУДН), посвятившей свое выступление воспоминаниям о деятельности А.А. Гугнина в Московском государственном открытом педагогическом университете, Д.П. Рысакова (сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина) на тему: «Несколько слов об Учителе» и И.Н. Проклова (кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора искусства стран Центральной Европы Государственного института искусствознания), поделившегося неакадемическими воспоминаниями об А.А. Гугнине во время встречи в Полоцке.

Поэтическим дополнением круглого стола стали выступления Т.М. Гордеёнок (кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк), подготовившей рецензию на сборник стихов и переводов А.А. Гугнина в форме презентации: «Странничество длиной в жизнь», и Н.Г. Апанасович (старший преподаватель кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк), подготовившей доклад «"Я песню о счастье спою вам, друзья!": несколько слов о двух стихотворениях А.А. Гугнина», которые в свое время посвятил своей ученице профессор. В дополнение к вышеуказанным докладам выступила А.В. Коротких (кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк), которая смогла увидеть мотивные переключки в поэзии Андрея Платонова и Александра Гугнина.

Таким образом, участники конференции имели возможность еще раз переосмыслить и оценить вклад профессора А.А. Гугнина в науку и поэзию.

канд. филол. наук Е.В. Лушневская
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

**СОХРАНЕНИЕ, ПОДДЕРЖКА И ПРОДВИЖЕНИЕ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА ЗА РУБЕЖОМ**
(XII Международная конференция, Минск, 24–26 ноября 2022 г.)

24–26 ноября 2022 г. в Культурно-деловом центре «Дом Москвы» в Минске прошли масштабные мероприятия – XII Международная конференция «Сохранение, поддержка и продвижение русской культуры и языка за рубежом» и V Международный фестиваль-конкурс чтецов «Добрый сказ». Мероприятия проводились при поддержке Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь, Министерства культуры Республики Беларусь, Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

В первый день 24 ноября на пленарном заседании доклады впечатляли своей разноплановостью. М.Н. Русецкая (директор Корпоративного университета московского образования, Россия) рассказала о конвергенции государственных усилий и индивидуальных предпочтений в сохранении культурных кодов. С.Ю. Камышева (Руководитель Центра языковой политики Государственного Института русского языка им. А.С. Пушкина, Россия) представила доклад «О положении русского языка в мире и странах Содружества Независимых Государств: год 2022». М.Д. Тагаев (директор Института русского языка Киргизско-российского славянского государственного университета, Киргизия) рассказал о состоянии русского языка в Центральной Азии и Кыргызстане и путях сохранения его позиций. В.А. Маслова (профессор кафедры дошкольного и начального образования ВГУ им. П.М. Машерова, Беларусь) рассуждала о русском языке как ценности и инструменте сохранения русской культуры в Беларуси, отметив при этом, что русский и белорусский язык имеют различный космогос. Е.А. Хамраевой (заведующая кафедрой лингводидактики РКИ и билингвизма МПГУ, Россия) были подняты проблемы преподавания русского языка за рубежом (от дошкольников до выпускников школы) с вариантами путей решения. Е. Стоянова (заведующая кафедрой русского языка Шуменского университета, Болгария) представила сходство и различие концептов «баница»/«пирог» в болгарском и русском языках. Л. Гузи (директор Института русистики философского факультета Прешовского университета, заместитель Президента Ассоциации русистов Словакии (АРС)) рассказал о проекте «Русские субботы», в рамках которого в картинках представлены русская культура 1990-х гг., 2000-х и 2010-х. М. Барчакова (старший учитель Технического колледжа г. Нижна, координатор реализации мероприятий АРС, Словакия) проиллюстрировала, как реализуется культуроведческое направление иноязычного (русскоязычного) образования в Словакии. В.И. Коваль (профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания ГГУ им. Ф. Скорины, Беларусь) поднял вопрос о заимствованиях в русском языке, которые в последнее время активно используются носителями языка. В заключении пленарного заседания Е.Ф. Воронова (руководитель клуба-мастерской текстильного дизайна «Красный сарафан», Россия) представила доклад «Современное лоскутное шитьё в России. От традиций до авангарда».

А.А. Воронцова-Маралина (директор Департамента маркетинга высшего образования Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС, Россия) провела мастер-класс «Русская литература XXI в.: проблема выбора персоналий», во время которого были рекомендованы к прочтению произведения прозы, поэзии и драматургии современного литературного процесса в России.

Во второй день 25 ноября состоялась работа двух круглых столов. Круглый стол «Современная методика преподавания РКН («Русский как неродной») и РКИ («Русский как иностранный»): традиционное и новое» собрал практикующих педагогов РКИ. Особый интерес вызвали следующие доклады. И.В. Жуковский (президент Ассоциации «Россия-Аквитания», Франция) представил проект создания серии учебных фильмов о русском культурном наследии для преподавания РКИ. С.М. Лясович и Н.В. Нестер (доценты ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, Беларусь) рассказали об опыте создания лингвистического корпуса SEAN и учебных модулей профессиональной направленности для специальности «Архитектура и строительство» для преподавания РКИ на его основе. Б.У. Турсуналиева (начальник отдела филологии и развития обучения иностранным языкам республиканского центра образования при МНО Республики Узбекистан) презентовала новую модель учебников по русскому языку в школах с узбекским и русским языками обучения.

Во время второго круглого стола «Навстречу Году русского языка в странах СНГ» можно было послушать о мероприятиях по развитию РКИ в Армении, Узбекистане и Беларуси. Резонанс вызвали выступления представителей Центра «Златоуст»: А.И. Любивая (директор языковой школы Центра «Златоуст») поделилась возможностью обучения лингвострановедению онлайн, а М.В. Злобина (старший менеджер Службы Экспорта Центра «Златоуст») представила обзор новинок учебно-методической литературы и пособий по развитию речи.

После круглых столов была организована дискуссия «Язык современной русской литературы как отражение языковой картины мира и средство формирования идентичности: бытование и преподавание».

Хочется выразить искреннюю благодарность организаторам за обмен опытом специалистами-теоретиками и практиками в области РКИ из разных стран и областей методического знания.

*канд. филол. наук, доц. С.М. Лясович, канд. филол. наук, доц. Н.В. Нестер
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Магалінскі І.У. Хімічны склад сыравіннага металу для ювелірнай вытворчасці X – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі	2
Калядзінскі Л.У. Лясныя промыслы ў гарадах Беларусі XII – XVII стст. (паводле археалагічных і пісьмовых даных)	6
Чараўко В.У. Археалагічныя даследаванні на могілніку каля вёскі Васькавічы Глыбоцкага раёна	14
Черкасов Д.Н. Люксембургская кампанія герцага Филиппа III Доброго (август – декабрь 1443 г.)	21
Скеп'ян А.А. Афіцыйныя ўрачыстыя цырымоніі ў Полацкім і Віцебскім ваяводствах (землях) у XV – XVIII стст.	28
Кітурка І.Ф. Каморы-экспакгаўзы ў сістэме дзяржаўнай мытнай службы Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XVIII ст.	35
Лишик В.В. Социально-экономическое положение рода Урсын-Немцевичей в первой половине XIX в.	40
Короневский В.И. Противостояние Киева и Полоцка за мощи св. Евфросинии Полоцкой в 1832 – 1909 гг.: к вопросу о причинах успехов и неудач	45
Заблоцкая М.В. Эволюция исторических взглядов А.П. Сапунова и В.К. Стукалича (на примере историко-этнографических исследований начала XX в.)	51
Ерашэвіч А.У. Падрыхтоўчыя мерапрыемствы да адкрыцця Полацкага кадэцкага корпуса: арганізацыйна-фінансавыя аспекты	55
Грышкевіч С.М. Станаўленне экскурсійна-турыстычнай дзейнасці ў 1920-я гг. у святле краязнаўчых ініцыятыў Інбелкульту	65
Крыварот А.А. Смаленскія партызанскія фарміраванні на тэрыторыі Віцебшчыны (1942 – 1944 гг.): арганізацыйны і баявы аспект	70
Аўсейчык У.Я. Стараверскія абшчыны Віцебскай вобласці ў 1945 – першай палове 1950-х гг.	76
Кузнецова-Тимонова А.В. Увековечение памяти воинов-интернационалистов, погибших в ходе локальных войн и военных конфликтов 1950 – 1991 гг., в Беларуси: проблемы и перспективы	83
Кукса А.Н. Лысов Сергей Георгиевич – забытое имя в истории высшей школы Беларуси	86
Кандраценка А.С. Славацкая гістарыяграфія па праблеме становішча нацыянальных меншасцей у Славацкай Рэспубліцы ў гады Другой сусветнай вайны	91

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Богорадова Т.Р. Отражение военного контекста в повести 1980–1990-х гг. русско-белорусских писателей-ветеранов и свидетелей войны с немецким нацизмом	96
Гулевич Е.В. Инсайты подсознания как источник творческого вдохновения Р. Брэдли	104
Данилович Т.В. Литературно-эстетические взгляды А.Е. Крученых в контексте концепции чистого искусства	109
Зиновьева К.А. Системы ценностей в романе «Вулфхолл» Х. Мантел	114
Смирнов А.С. Экзистенциалистская онтология личности в диалоге автора и героя в повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета»	120
Трацяк З.І. Беларуская і амерыканская літаратура пра Першую сусветную вайну: вопыт карэлятыўнага даследавання	127
Тычко Г.К. Мастацкая выдумка і дакументальная аснова ў паэме А. Міцкевіча «Конрад Валенрод»	133
Шишкова Н.Ю. Отличительные черты авторской маски в романе У. М. Теккерея «Ярмарка тщеславия»	138
Киришчина А.А. Семантика и референция компонентов модели N ₁ de N ₂	145
Логвинова И.В. Синестезийная метафоризация в стихах Р. М. Рильке и их переводах на русский язык	148
Маришэўская В.В. Семантычныя групы дзеяслоўных фразеалагізмаў са значэннем канкрэтнай дзейнасці	153
Рамза Т.Р. Сегментаваныя канструкцыі ў беларускамоўным перакладзе «Маленькага прынца»	158
Серигов Г.В. Структурная альтернатива возвратных моделей в польском переводе «Крёстного отца» Марио Пьюзо	162
Устименко Е.Г. Сема 'движение' в семантике глаголов положения (на материале русского и немецкого языков)	169
Ферро М. К., Лясович С.М. Использование корпусов в преподавании РКИ: обзор опыта итальянских и белорусских исследований и новые ресурсы «SEAN»	177
Шабуня Ю.Д., Несцер Н.В. Образ замка в романах Х. Уолпола «Замок Отранто» и К. Рив «Старый английский барон»	184

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Научные конференции памяти профессора Александра Александровича Гугнина (Е.В. Лушинская)	188
Сохранение, поддержка и продвижение русской культуры и языка за рубежом (XII Международная конференция, Минск, 24–26 ноября 2022 г.) (С.М. Лясович, Н.В. Несцер)	191